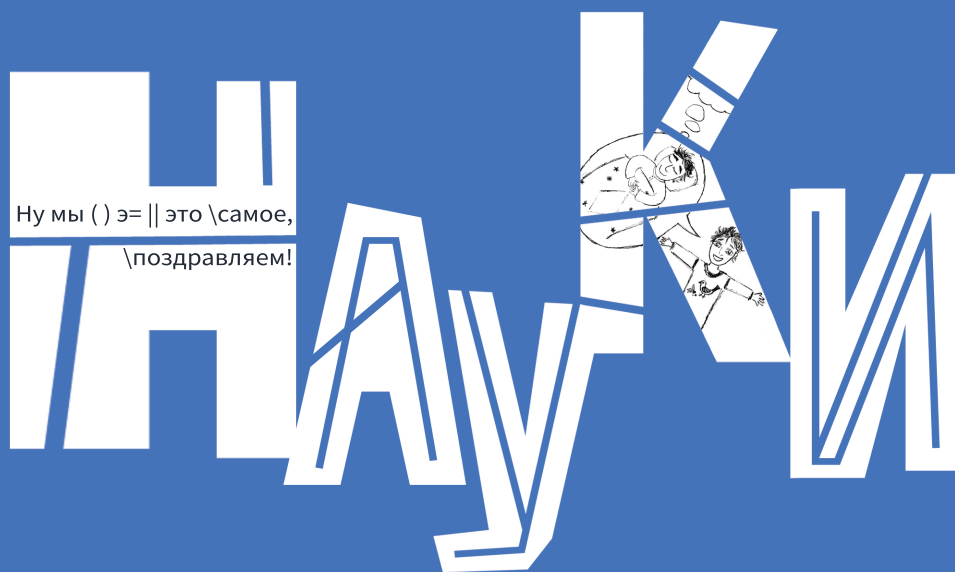

сборник статей к юбилею в. и. подлеской

СОСТАВ НАУКИ

Сборник статей к юбилею
Веры Исааковны Подлесской

Москва
Буки Веди
2024

УДК 881

ББК 81

С 66

С 66 Состав науки: Сборник статей к юбилею Веры Исааковны Подлеской / Ред. Н. А. Коротаев, Н. Р. Сумбатова. — М.: Буки Веди, 2024. — 594 с. — ISBN 978-5-4465-4009-9.

Сборник посвящен юбилею В. И. Подлеской. В его состав входит 31 научная статья; все статьи написаны коллегами и учениками чествуемого юбиляра. Тематика исследований включает в себя типологию грамматических категорий, языковое многообразие, дискурсивный анализ, синтаксис русского языка, корпусной анализ устной речи и др. Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики.

ББК 81

В оформлении переплёта использованы
рисунки Я. С. Подлеского и Кс. П. Семёновой

9 785446 540099

© Коллектив авторов, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов 9

ЯЗЫКИ

В. М. Алматов. Русская грамматика на основе русскоязычного и англоязычного подходов к языку 19

Peter Arkadiev, Anastasia Panova. Independent pronouns in languages with pronominal affixes: Evidence from Abaza 30

Т. В. Ивченко, М. Б. Рукодельникова. Семантические связи и порядок следования компонентов именных групп в начале предложения в китайском языке 59

В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова. Семантика классификаторных жестов в русском жестовом языке: жесты как идеофоны? 76

Л. И. Куликов. Ведийский капиатив: от деепричастия к (прото)падежу (К типологии и грамматическому статусу ведийских сложных слов на *-gʰhya*) 89

Е. А. Лютикова. От полипредикации к эвиденциальным условным конструкциям: хваршинские находки 102

Е. Л. Рудницкая. Именные и адъективные конструкции в эвенкийском языке 124

Н. А. Соломкина. Гарри Поттер и обращение на «вы»: адресивная вежливость в японском и русском параллельных текстах 140

Н. Р. Сумбатова. Конструкции с сочиненными именными группами структуры «X и сам» в даргинских языках 157

В. Л. Цуканова. Каузативы в арабском языке: развитие деривационной семантики в диахронической перспективе 182

Marina Chumakina. The use of question words in rhetorical questions in Archi ...199

РЕЧЬ

- И. Г. Багирова, Ю. А. Ландер, Я. Г. Тестелец.*
Мыст... (универсальный филлер в адыгейском языке) 217
- О. И. Беляев.* Слова-«заместители» *йед / иди* в осетинском языке 235
- М. Б. Бергельсон, А. А. Кибрик.* Аляска, аттриция, элицитация, гезитация, далее — везде... 263
- М. А. Егорова.* Соединительные сочинительные союзы *i, te, pa* в текстах новостных статей на хорватском языке: по материалам статей криминальной хроники с новостного портала «Klikaj» 273
- Shlomo Izre'el.* Thetic sentences and syntactic structure: What can we learn from colloquial Israeli Hebrew? 281
- И. И. Исаев.* Междиалектная интерференция и ложная генерализация 305
- Н. А. Коротаев.* «А с улицы доносится сирен многоголосица»: как часто и почему мы говорим одновременно? 311
- Massimo Moneglia.* Gesture /speech synchronization and gesture's scope across Information Unit types 339
- Г. А. Мороз.* Скорость русской речи на основе билингвальных и диалектных устных корпусов 366
- О. В. Федорова.* Дело о стучалке с красным шариком открывается вновь 379

ЖИЗНЬ

- О. И. Виноградова.* К вопросу о влиянии родного языка в освоении английского времени Present Perfect: наблюдения в учебных корпусах 405
- Alexander Letuchiy.* Russian complement clauses as Information Structure markers: topicalization as a trigger for semantic and syntactic changes 432
- К. Менг, Е. Ю. Протасова.* «Всё бывает, и больше бывает»: об одном варианте русского языка 448
- А. С. Панина.* Регулярная метонимия японских глаголов привязывания 467
- О. Е. Пекелис.* *Иной и другой:* данные микродиахронии 486
- В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина.* О тётках и мамашах 501

- С. Г. Татевосов.* Об (а)симметрии результатов и способов их достижения 508
- М. А. Холодилова.* Грамматикализация глагола *дать* в составе пермиссивной конструкции 525
- А. Д. Шмелев.* Эстетическая составляющая шарады: смещенные суппозиции и нетривиальные аллюзии 542
- Т. Е. Янко.* Известное и неизвестное вопроса 554
- Список основных научных трудов В. И. Подлесской 571

ОТ РЕДАКТОРОВ

Этот текст в принципе можно было бы и не писать: все и так знают, что сейчас будет сказано и, наверное, могли бы сказать не меньше и не хуже. Но нам очень хочется написать о ВИП, и мы рады, что есть подходящий повод. Хочется — но, честно говоря, очень трудно. Как не утонуть в потоке правдивых, но банальных комплиментов? Как сделать, чтобы те, кто знает Веру, не заскучали, а те, кто не знает, поверили? При этом — поскольку это всего лишь предисловие к сборнику статей, а не научная биография — у нас нет возможности изложить свои мысли подробно и подкрепить их фактами, ссылками и статистикой. Мы близки к отчаянию, но не сдаемся. Не сдаваться мы учимся у юбиляра.

* * *

Вера Исааковна Подлеская, Вера, Верочка — будем называть ее просто ВИП — одновременно воплощает сразу несколько идеалов и нарушает несколько ожиданий.

ВИП — идеальный ученый. Ею движет именно то, что должно двигать учеными, — стремление узнать что-то такое, чего пока никто не знает. Она умеет извлечь эти знания из разнообразных данных, структурировать их и изложить в такой форме, которая понятна адресату и в то же время удовлетворяет требованиям любых рецензируемых журналов (со списком публикаций ВИП читатель может познакомиться в заключительном разделе этого сборника). Тематика исследований ВИП разнообразна: от синтаксиса японского языка до просодической организации устного русского рассказа, от типологии условных конструкций до путей грамматикализации пермиссивных глаголов, от способов передачи чужой речи через анализ пунктуации к семантике сочинительных союзов. Различны и методы: полевые, типологические, корпусные. Общее мы вынесли в название этого сборника — это «состав науки», то есть наличие в работе понятного, верифицируемого результата. Он мо-

жет присутствовать в скромной работе второкурсника и отсутствовать в докторской диссертации. ВИП умеет быстро и пронизательно выявлять состав науки в работах коллег и бывает разочарована, если его не обнаруживается.

В исследованиях самой ВИП проблем с составом науки не бывает. Нам повезло наблюдать, как этот состав возникает. Например, ВИП почти с нуля создала тщательно проработанную концепцию описания и анализа речевых сбоев в русском языке. Начиналось это как прикладная задача — часть проекта по документированию непринужденного устного русского дискурса. И постепенно от обсуждения того, какой знак нужно поставить в транскрипте рассказа про странный сон, разговор перешел к теоретическим обобщениям, позволяющим понять, как вообще устроено порождение устной речи в условиях неподготовленной коммуникации. А русский язык оказался прочно вписан в типологический контекст исследований речевых сбоев и самоисправлений в языках мира.

Еще одно умение юбиляра — это знание, когда нужно остановиться, то есть придать работе законченный вид. ВИП чужд парализующий перфекционизм — и в том числе поэтому она никогда не срывает сроки и не боится дедлайнов. Это обстоятельство помогает нам перейти ко второму пункту.

* * *

ВИП — идеальный руководитель и организатор. Управлять работой других людей ученые часто не любят, не хотят и не умеют. ВИП — одно из немногих исключений. Она не просто эффективна, она удивительно непринужденна в своей эффективности. Возьмем, например, четыре «Московских Зимних типологических школы» (последняя из которых, кстати, проходила в Армении и в начале сентября). Каждый раз ВИП (а) раздобывала грант; (б) организовывала приезд целой толпы знаменитых лингвистов со всего света; (в) собирала большую программу из докладов пока еще менее знаменитых, но тоже неплохих ученых; (г) учила и тех и других танцевать балльные танцы, петь хором и кататься на лыжах.

Главный организационный триумф ВИП — это Лаборатория типологии, она же Латип, он же УНЦ лингвистической типологии в Институте лингвистики РГГУ. Латип был создан больше двадцати лет назад, и до самого недавнего времени ВИП была его бессменным и (можно не уточ-

нить) идеальным руководителем. За все двадцать с лишним лет мы не припомним на Латипе ни одного конфликта. Человек на Латипе всегда как бы и на работе, и дома. Там весело, уютно, там стоит диван, который тоже притащила ВИП, там встречаешь любимых коллег и студентов (нелюбимых за все это время, кажется, не было), там один лаборант лучше другого, там много работы и высокие требования. Все это сложилось благодаря ВИП, которая всегда руководила нами мягко, но твердо: не выполнить ее просьбу невозможно не только из-за ее бесконечного обаяния, но и просто потому, что все ее просьбы разумны и справедливы.

Мы нескромно считаем, что под руководством ВИП Латип стал главным центром фундаментального лингвистического образования в РГГУ. Преподаватели Латипа успели прочитать множество учебных курсов: от морфологической типологии до жестовой лингвистики. Написано бесчисленное количество статей, защищены диссертации, дипломные и курсовые работы. Были среди них и сильные, и слабые, но не было фиктивных; даже самая небольшая работа была настоящим исследованием — с целью что-нибудь узнать. Потому что те, кто прошел Латип, тоже не хотят без состава науки.

* * *

ВИП — идеальный преподаватель. На ее лекциях и семинарах лингвистика предстает стройной наукой, в которой решенная задача всегда отличается от нерешенной, а интересные примеры служат подтверждением важных закономерностей. Добавьте сюда звонкий голос (если войти на этаж, всегда услышишь, в какой аудитории идет курс ВИП), детальную подготовку к занятиям, внимание к студентам и неизменную элегантность — и получите ролевою модель лингвиста на годы вперед. Это, так сказать, первый уровень, доступный всем студентам ВИП. Вторым уровнем — это если вам повезло писать под ее руководством курсовую, диплом или диссертацию. Если вам легко работать самостоятельно, вам поставят ясную задачу и будут напоминать, что не стоит затягивать с ее выполнением. Если вам страшно и кажется, что работа зашла в тупик, вас успокоят, укажут вам выход — и всё снова будет выглядеть выполнимым. А когда исследование состоится, вас обязательно похвалят на защите.

Верины аспиранты, дипломники и просто слушатели ее курсов работают в разных частях планеты и на самых разных должностях, вклю-

чая профессорские, занимаются разными областями науки и не только науки. За всех не скажешь, но достоверно знаем, что многие из них хорошо помнят профессиональные и жизненные уроки ВИП.

* * *

ВИП — это человек, который удивительно правильно живет. Кажется, в ее жизни не было ни одного аморального или просто глупого поступка. Непонятно, что играет основную роль: интуиция или разум, — но ВИП всегда выбирает идеальное — этически безупречное и в то же время не саморазрушительное — поведение.

Обычно люди, которые все делают слишком правильно и знают, как надо себя вести, вызывают раздражение окружающих. Еще один феномен ВИП как раз в том, что с ней этого не происходит. Наоборот, она такой человек, которого все любят и к которому ходят советоваться. ВИП слегка скептически относится к психотерапевтам, но разговор с ней часто имеет психотерапевтический эффект.

Допустим, вы чего-то накосячили в руководстве факультетом и надо, чтобы начальство не прикрыло факультет прямо сейчас. Вы советуетесь с ВИП о том, к кому теперь идти и как выкручиваться.

Вы впервые едете за границу — Вера вам расскажет, как вести себя в аэропорту, в каком магазине по прибытии покупать продукты и где можно будет послушать классическую музыку в ближайшее воскресенье.

Вам надо подать заявку на грант или написать стандарт обучения бакалавров по трем разным направлениям. Вера появится в нужный момент и скажет: «Я сочинила одно очень хорошее предложение, которое мы поставим в самое начало, а вот это предложение у нас закроет вводный раздел». Эти два предложения организуют весь текст, и вам дадут грант и не исключено, что утвердят стандарты.

У вас осталось полтора часа до дедлайна, а текст кажется совершенно не готовым — вы звоните Вере Исааковне, и она объясняет вам, что если не успеть, то от этого никто не умрет, но вообще-то можно и успеть, если написать так и так.

У вас что-то подозрительно болит — ночью, когда никого нет рядом. Вы звоните Вере и советуетесь, пора ли уже сдаваться скорой помощи или сначала попробовать чего-нибудь выпить, и она скажет, что можно выпить без особого риска и к кому идти, когда полегчает.

Вы раздумываете над приобретением израильского паспорта, и она твердо скажет, что паспорт получить надо, а что с ним делать дальше — разберетесь потом.

Вы влюбились или кто-то влюбился в вас — она пожелает вам счастья и посоветует самый правильный самолет, который доставит вас в нужное место прямым рейсом и без лишнего багажа.

* * *

ВИП хорошо относится к миру вокруг. Мир вокруг, вообще говоря, разный. Но Верин мир намного лучше среднестатистического: она умеет найти в нем то, с чем стоит иметь дело. В ее воспоминаниях о прошлом и рассказах о настоящем много веселого, красивого и смешного, много интересных, талантливых и порядочных людей и практически нет жалоб, разочарований и отчаяния. Школьная дружба, уроки у Зализняка, первая курсовая у Алпатовой, экспедиция на Камчатку, настольный теннис в ИВАНе, первая поездка в Японию, прогулка на лимузине по Новому Орлеану, концерты, выставки и семейные торжества — это отдельные эпизоды длинного ряда увлекательных событий. Конечно, за ними стоят более важные вещи: ВИП — счастливый человек. У нее дружная и теплая семья, любящий и любимый муж, прекрасный сын, замечательные внуки (много ли вы знаете бабушек, которые опубликовали совместную научную работу с внучкой?). Это не везение, это достижение проницательного ума, стойкого духа, твердых принципов, сильной воли и большого труда.

Когда же происходит что-то плохое (примеры приводить не будем), ВИП говорит: «Это удар судьбы», — и тут же, не жалуясь и не тратя времени, принимается ликвидировать или хотя бы компенсировать последствия удара. Хорошо бы нам у нее этому научиться.

Вот тут пора, наконец, сказать, что идеальный ученый и эффективный руководитель, чьи инициалы так удачно складываются в известную аббревиатуру, — совсем не «очень важная персона». ВИП не стоит на пьедестале, по-дружески относится к настоящим и будущим коллегам, и мы — хотя и работали под ее руководством — не всегда помнили о ее многочисленных достоинствах. Только сейчас, когда появился повод их перечислить, мы осознали, как их много и как трудно ничего не забыть.

В последнее время жизнь сложилась так, что многие из тех, кто хотел бы поздравить Веру Исааковну, находятся далеко от нее и друг от друга.

Чтобы все же собраться вместе — хотя бы на страницах сборника — мы подготовили в подарок ВИП эту книжку.

* * *

Для сборника друзья (они же коллеги) Веры Исааковны написали 31 статью. Мы сгруппировали их в три раздела, названия которых отражают, как нам кажется, ключевые интересы юбиляра.

Вере Исааковне интересны **языки**. Умение увидеть красоту грамматических явлений, разобраться в примерах на незнакомом языке и оценить их типологическую значимость — всё это лежит в основе ВИП-лингвистики. На этом стоит Латип, этому учатся ее студенты, об этом — многие ее работы. В первом разделе книги (он так и называется — «Языки») собрано 11 исследований, посвященных грамматическим явлениям в 11 разных языках. В их числе — знакомые ВИП еще по студенческим экспедициям нахско-дагестанские; японский, с которым ее связывают особенно теплые отношения; а также абазинский, арабский, ведийский, китайский, эвенкийский и два русских: звучащий и жестовый. Не хватит для полноценной типологической выборки, но, верим, даст пищу для новых размышлений юбиляра о языковом разнообразии и методах его категоризации.

Вере Исааковне очень интересна **речь**. Интерес этот во многом сформировал ландшафт современных исследований устного русского дискурса: ВИП принадлежат (в одиночку или в соавторстве) основополагающие работы в таких областях, как сегментация речевого потока, теория речевых сбоев, взаимодействие синтаксиса и просодии в структуре устного текста. Во втором разделе этого сборника (как это ни удивительно, он озаглавлен «Речь») исследуются явления, суть которых раскрывается при анализе устных и письменных текстов. Заметная доля статей, вошедших в этот раздел, выполнена на материале русского языка, но только им дело не ограничивается. Отдельно отметим работы о словах-заместителях (плейсхолдерах) в адыгейском и осетинском языках: представленные в них данные расширяют наши знания о явлении, типологический анализ которого уже был реализован в исследованиях Веры Исааковны. В целом же в этом разделе рассматривается сразу несколько речевых феноменов: темп речи, структура диалога, стратегии построения нарратива, самоисправления и hesitation, координация речи с жестикуляцией и прочее.

Вера Исааковна любит **жизнь** в ее разнообразных проявлениях. В статьях, включенных в третий раздел сборника (вы уже знаете, как он называется), затрагивается широкий круг лингвистических вопросов, анализ которых позволяет осуществить смычку языка и действительности. Круг в самом деле широкий: от формальной семантики до языка эмигрантов, от путей грамматикализации до структуры русского вопроса, от учебных корпусов до истории мамаш и тёток. Нам кажется, что сквозь это многообразие особенно ярко проступает фигура самого (как мы надеемся) заинтересованного читателя этой книги. Кстати, Вера Исааковна, здесь есть и про шарады!

* * *

Этой книги не случилось бы без помощи наших коллег. Мы хотим поблагодарить всех авторов, которые откликнулись на призыв и поздравили Веру Исааковну вот так — вложив свои силы и время в полноценные научные статьи. Спасибо всем рецензентам, которых мы перечислим поименно: это П. М. Аркадьев, М. А. Егорова, М. Ю. Князев, Л. И. Куликов, Ю. А. Ландер, О. М. Мазо, Ю. В. Мазурова, Т. А. Майсак, О. Е. Пекелис, Т. И. Резникова, Н. М. Стойнова, Я. Г. Тестелец, Е. В. Филимонова.

Мы благодарим В. Ю. Гусева, выполнившего верстку книги, и Кс. П. Семёнову, создавшую обложку. При переговорах с издательством бесценную помощь нам оказал И. И. Исаев.

Наконец, мы хотим выразить отдельную благодарность Я. Г. Тестельцу, К. К. Подлесскому и О. Ю. Подлесской. Яков Георгиевич принимал самое активное участие в начальном этапе работы над сборником, а Константин Константинович и Оля были всегда готовы ответить на уточняющие вопросы, предоставить семейные фотографии и помочь со списком публикаций — разумеется, сохранив все в секрете от юбиляра.

С днем рождения, дорогая Вера Исааковна!

ЯЗЫКИ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА НА ОСНОВЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОДХОДОВ К ЯЗЫКУ

В. М. Алпатов

(Институт языкознания РАН)

v-alpatov@iling-ran.ru

Различие лингвистических описаний может быть вызвано не только концептуальными различиями, но и влиянием языка автора. Например, русская и английская традиции являются двумя такими национальными вариантами. Концепции различных английских, американских и русских ученых разнообразны, но мы можем видеть сходства или различия, связанные со спецификой английского или русского языка. В области грамматики важны типологические различия между синтетическим русским языком и аналитическим английским языком. В русском языке большинство слов имеют грамматические аффиксы (окончания), эта его особенность называется в русской традиции оформленностью. Многие русские ученые считают «оформленность» естественной чертой каждого языка, включая английский; совпадение слова с корнем допускается только как исключение. Например, в опубликованных в России грамматиках английского языка *father* и *father's* могут рассматриваться как сочетание основ и окончания, нулевого в случае *father*. Однако британские и американские лингвисты не рассматривают аффиксацию как главный вид синтаксических отношений, считая порядок слов более важным не только для английского, но для любого языка. Например, концепция падежной аффиксации в японском языке существовала только в России (Е. Д. Поливанов, А. А. Холодович и др.), но не в Англии или в США, где падежные показатели всегда рассматривались как частицы или послелоги.

В лингвистическом описании важную роль, что не всегда учитывается, играет строй родного языка лингвиста. «Когда лингвист переходит от описаний родного языка к построению общей теории языка, основные понятия построенной им теории часто сохраняют тесную связь с фактами, которые хорошо представлены в его родном языке» (Зализняк, Падучева 1964: 7). А затем происходит обратный процесс: теория приводит к определенному взгляду на язык, поэтому постоянно в лингвистике

чужим языкам приписываются особенности родного или наиболее престижного языка.

Русский вариант европейской традиции¹ традиционно основан на представлении о центральной роли морфологии и словоизменения в грамматике. Поскольку типологически русский язык не так сильно изменился по сравнению с древними индоевропейскими языками, оставшись синтетическим по строю, этот вариант сохраняет ряд свойств, восходящих к античным грамматистам. В русской традиции, например, принято считать, что любая грамматическая категория, как сказано в «Грамматике современного русского языка» 1970 г., «определяется совокупностью словоформ (парадигмой)» (Грамматика 1970: 317). В русской грамматической традиции, достигшей значительного развития в XX в., главным признаком слова является «оформленность», то есть наличие словоизменения. «Неоформленные слова» — либо периферия языка, либо служебные слова, которые и не совсем слова.

Русские представления выразил, например, А. И. Смирницкий: «Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна*, *окну*, *окна*, но не *окн-*» (Смирницкий 1955: 14). «Обрубок» — не лингвистический термин, но он точно передает интуицию носителя русского языка, для которого «неоформленное» слово ощущается как нарушение нормы или, по крайней мере, как исключение. Отмечу, что А. И. Смирницкий по специализации был германистом и много занимался как раз английским языком, но в общелингвистических работах исходил из русского эталона.

Это проявляется и в синтаксической традиции. Для носителя русского языка синтаксис — это, прежде всего, согласование и управление (именно так считали и в античности, даже понятие члена предложения появилось уже в позднем средневековье), а единицами синтаксиса являются оформленные слова. Такой подход был затем обобщен в так называемой грамматике зависимостей, с которой в России знакомятся еще в школе. В этом случае предложение понимается как состоящее из слов

¹ Сразу должен оговорить, что особенности русской (или американской) науки я не собираюсь выводить из особенностей национального взгляда на мир, выраженного, например, в философии, и тем более из идеологии. Речь будет идти исключительно о различиях, обусловленных строем соответствующего языка. Также я не собираюсь давать особенностям национальных традиций какие-либо оценки.

и синтаксических отношений между ними. Выделяется главное слово (сказуемое и/или подлежащее), от него проводится стрелка к зависимым членам предложения, далее к зависимым членам второго ранга, и т. д. Порядок слов при этом существенной роли не играет. Это, вероятно, соответствует интуитивным привычкам людей, для которых родной язык — русский².

На основе таких представлений была выработана русская грамматическая терминология, куда входят такие термины, как *словоформа*, *знаменательное слово*, *служебное слово*, *словосочетание*, *главное предложение*, *придаточное предложение* и другие.

Такие подходы и соответствующая терминология в русской науке постоянно используются не только для русского языка. Для лингвиста, исходящего (сознательно или бессознательно) из этого языка как точки отсчета, кажется естественным случай, когда и в исследуемом языке слово «оформлено», имея в своем составе грамматические аффиксы. Если же такого аффикса нет, то более естественным может казаться трактовка его отсутствия как нуля, чем как совпадения слова с основой.

Однако вышеприведенные термины не всегда легко перевести, например, на английский или французский язык. Это связано не столько с самими терминами, сколько с пониманием грамматики носителями аналитических языков.

Такие различия в понимании иногда отражаются в неожиданном контексте, например, при обсуждении строя древних языков у знаменитого французского лингвиста А. Мейе: «Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен. Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменительными элементами: во французском языке есть слово *piéd* “нога”, а в индоевропейском были лишь именит. падеж единств. ч. **pōts...*, родит.-отложит, падеж единств. ч. **pedé/ós*, именит. падеж множеств. ч. *pódes* и т. д. Иначе говоря, “слово” со значением “нога” не выступало отчетливо... В латинском языке для значения “волк” нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм: *lupus*, *lupе*, *lupum*, *lupī*, *lupō*, *lupōs*, *lupōrum*, *lupis*. Нет ничего менее ясного, чем подобный прием. И так,

² На Западе такое представление синтаксических структур иногда называют «графами Теньера», поскольку их употреблял французский лингвист Л. Теньер в посмертно изданной книге Tesnière 1959. Отмечу, что он был славистом, изучал работы русских лингвистов и мог использовать их идеи.

все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше — другие позже, обнаружили склонность упростить или даже вовсе упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми» (Мейе 1938: 426–427).

Показательно, что Р. О. Шор, автор примечаний к русскому изданию А. Мейе, отмечает: «Как понимание структуры отдельного слова..., так и понимание структуры предложения древнейших индоевропейских языков не представляет с точки зрения русского языка — языка синтетического строя — тех затруднений, которые оно представляет с точки зрения французского языка — языка аналитического строя... В этом нетрудно убедиться, сопоставляя русские переводы с греческими примерами в этой части книги» (Мейе 1938: 500). То есть представление о слове у французских и русских читателей книги разное, а строй древнегреческого языка, латыни или санскрита гораздо легче освоить русскому, чем французу (и, видимо, носителю английского языка).

Еще пример. Знаменито придуманное Н. Хомским грамматически правильное предложение: *Colorless green ideas sleep furiously*. Его буквальный перевод на русский язык трудностей не представляет, хотя его чаще переводят с изменением порядка слов: не *Бесцветные зеленые идеи спят яростно*, а *Бесцветные зеленые идеи яростно спят*: оба порядка сохраняют грамматическую правильность, но порядок с препозицией обстоятельства более естествен. Но Хомский тут же приводит пример грамматически неправильного предложения, полученный преобразованием того же предложения: *Furiously sleep ideas green colorless*. Слова поставлены в обратном порядке. Но дословный русский перевод и здесь оказывается грамматически правильным, поскольку правила порядка слов существенно иные (пусть базовый порядок слов SVO тот же самый), зато чтобы сделать русское предложение грамматически неправильным, достаточно заменить одну фонему (или букву), скажем, *спят* на *спит*. Разумеется, нельзя отрицать общелингвистический смысл понятия грамматической правильности (сформулированного еще в XIII в. модистами, изучавшими типологически близкий русскому латинский язык). Но уже представления о причинах ее нарушения могут быть у носителей русского и английского языков разными. Н. Хомский почти всегда приводит только примеры из английского языка, считая, что все то, что верно для этого языка, верно и для языка вообще. Но случайно ли, что до сих пор, насколько мне известно, нет сколько-нибудь полной порож-

дающей описательной грамматики для какого-либо славянского или классического языка, т. е. для языка со свободным порядком слов?

В западной, особенно в англоязычной науке обычно используется не грамматика зависимостей, а грамматика составляющих, идея которой восходит к Л. Блумфилду. Графически это выглядит не как древесная, а как скобочная запись. Предложение при таком подходе последовательно делится на бинарные части. В наиболее частом случае двусоставного предложения оно делится на составляющие: обычно это *noun phrase* и *verb phrase*; если эти составляющие состоят из нескольких слов, они, в свою очередь, делятся на две части, и т. д.; в результате получаются составляющие разных рангов. Часто разложение на составляющие идет дальше границ слова и независимо от них, доходя до морфем (корней и аффиксов). Грамматика составляющих исходит из того, что составляющие в норме должны быть непрерывны, что, видимо, естественно для носителей английского языка, для которых существенно представление о корреляции между степенью синтаксической и линейной близости слов. Свободный порядок слов требует усложнения грамматики составляющих. С другой стороны, грамматика зависимостей требует обязательного членения текста без остатка на слова, что не всегда легко сделать³.

В этом проявляется различие строя базовых языков: «Ясно, что русский язык, с относительно свободным расположением слов, менее удобно анализировать по непосредственным составляющим, чем английский; аналогично, для английского языка понятие дерева зависимостей является менее естественным, чем для русского» (Зализняк, Падучева 1964: 7). По-видимому, грамматика зависимостей кажется естественной носителям русского языка, где слова обычно четко выделяются, их грамматические функции очевидны благодаря их «оформленности», а их порядок почти всегда свободен. Но грамматика составляющих естественнее для носителей английского языка с жесткими правилами словесного порядка и менее ясными границами слов. Здесь в отличие от русского языка слова часто получают синтаксическую роль лишь в зависимости от места в предложении.

И у дескриптивистов, и у генеративистов разложение предложения на непосредственно составляющие обычно доходит до уровня морфемы, а слово либо выступает как промежуточная единица, либо не выделяется вообще. Такой подход несовместим с идеей образования, например,

³ Сопоставление этих подходов см., например, в Тестелец 2001: 101–105.

косвенных падежей как изменения целого слова, а не присоединения аффикса к корню. Русской науке (исключая случаи прямого заимствования американских концепций) такой подход не свойствен.

Еще одна область — типология порядка слов. Едва ли не все американские исследования в этой области, включая широко известную работу Дж. Гринберга (Гринберг 1970), основаны на понятии базового порядка слов, т. е. такого порядка членов предложения, который в языке либо единственно возможен, либо, если допустимы перестановки, встречается чаще всего. При таком подходе русский и английский языки почти по всем параметрам оказываются в одном классе SVO, хотя не только лингвисты, но и все носители каждого из этих языков, которым приходится учить другой из них, знают, насколько различен в них порядок слов, прежде всего, степенью строгости. А единственная известная мне типология порядка слов, основанная, в первую очередь, именно на степени строгости, предложена не в США, а в СССР; речь идет о типологии А. А. Холодовича (1966). Правда, такая типология, возможно, не случайно, осталась лишь на уровне общих предложений и не была, в отличие от типологии Гринберга, применена к конкретным языкам. Тем не менее различие подходов очевидно, и трудно его объяснить чем-либо, кроме подспудного влияния базового языка.

Заметно различается и терминология. У нас понятия знаменательного и служебного слова проходят в школе, а англоязычный вариант европейской традиции обходится без них. Несамостоятельные слова иногда обобщенно называют *particles*, но чаще так именуют более узкий класс слов, а подвести под этот термин, скажем, артикли и тем более вспомогательные глаголы трудно. Для другого же класса принятого эквивалента вообще нет. Приводимый в словарях термин *autosemantic word* малоизвестен.

На английский язык трудно перевести привычные для нас термины вроде *знаменательное слово* или *придаточное предложение*, но и на русский язык не легче перевести *phrase* или *clause*. Синтаксически самостоятельные слова могут называть *particles* или *clitics*, но можно ли так называть, скажем, вспомогательные глаголы? А русский термин *частица* уже по значению, чем *particle*. Общего же термина для самостоятельных слов, не являющихся *particles* или *clitics*, в английском варианте традиции просто нет.

С другой стороны, до недавнего времени не имели точного русского эквивалента англоязычные термины *phrase* и *clause*. Первый из них —

не то же самое, что *фраза* в русской традиции: *фраза* — более или менее — то же самое, что *предложение*, но *phrase* может быть словосочетанием и даже словом. Русскому термину *словосочетание* точнее всего соответствует как раз *phrase*, но не наоборот: словосочетание не может равняться одному слову. Такой подход, с точки зрения носителя русского языка, стирает важное различие между словом и словосочетанием. А термины *sentence* и *clause* покрываются термином *предложение*, не будучи синонимами: *sentence* может состоять из нескольких *clause*, но не наоборот. Термин *clause* близок к русскому *придаточному предложению*, но не идентичен ему: сложносочиненное предложение делится на *clauses*, но не на придаточные предложения. Наконец, термину *главное предложение*, как и термину *знаменательное слово*, нет принятого эквивалента в английском языке.

Таким образом, мы имеем два ряда терминов: *sentence* — *clause* — *phrase* — *word* и *предложение* — *словосочетание* — *слово*. Точного соответствия нет. Правда, в самое последнее время в некоторых школах российской лингвистики, особенно в типологических работах, распространился и стал вполне обычным термин *клауза*, но это уже перенос на русскую почву понятия из иной традиции. И все перечисленные термины не являются специфическими для какого-либо направления, с ними носители соответствующих языков знакомятся еще в школе, и их могут использовать лингвисты, придерживающиеся разных теоретических взглядов.

Наконец, русский вариант европейской традиции устойчиво сохраняет представление о центральной роли слова среди единиц языка. Оно было таковым во всей европейской традиции тогда, когда она исходила из греческого и/или латинского эталона. Однако в западноевропейских вариантах традиции с XX в. слово начало отходить на задний план; позже оно стало вообще исчезать. В грамматике составляющих в отличие от грамматики зависимостей могут обойтись без обязательного выделения слова. Показательно, что морфология включается в состав синтаксиса в генеративизме и некоторых других направлениях западной лингвистики, а М. Хаспельмат считает, что понятие слова вообще не нужно и единый морфосинтаксис должен заменить морфологию и синтаксис (Haspelmath 2011). Для России такая точка зрения не характерна, хотя термин *морфосинтаксис* уже встречается. Я не хочу сказать, что термин *слово* неприменим к языкам типа английского, но при редукции морфологического оформления там границы слов не столь явны, как в русском или латинском языке.

По-видимому, на различия национальных традиций влияет не только строй языка, но и, прежде всего, его отражение в психолингвистическом механизме человека. Еще в 1940-е гг. А. Р. Лурия, изучая речевые расстройства у носителей русского языка, отметил, что речь у них на любом этапе афазии остается словесной. При моторной афазии больные (в случае, если у них не нарушен процесс артикуляции) сохраняют способность произносить изолированные слова и не теряют словарный запас, но не могут произносить их сочетания; на уровне отдельных слов происходит и восприятие. Речь таких больных состоит из отдельных слов (звуковой облик которых обычно не искажается), причем служебные слова не употребляются, используются (кроме отдельных штампов вроде *начальник радиостанции*) лишь формы именительного падежа единственного числа (реже именительного падежа множественного числа) существительных, инфинитива или 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов. Больные данным видом афазии не могут правильно разложить слово на звуки и на морфемы, теряется возможность склонять и спрягать (Лурия 1947: 76–77, 90–91). К таким же выводам приходят и современные исследователи.

Исследования детской речи также подтверждают, что «в подавляющем числе случаев слова не производятся, а воспроизводятся, т. е. извлекаются из памяти в готовом и (если иметь в виду слова с членимой основой) собранном виде» (Цейтлин 2009: 58). «Бесфлексийное использование слов вообще невозможно», а представления о морфемах, «умение вычленять в составе словоформ значащие части» формируются намного позже (Цейтлин 2009: 61).

Опыты с носителями русского языка показывают, что для них базовая единица, — прежде всего, словоформа, почти всегда включающая аффиксы в свой состав. «В русском языке операции с флексиями задействованы всегда; иными словами, даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным» (Черниговская 2013: 168). Косвенное свидетельство того же — ситуация в пиджинах, где обычно редуцируется морфология, однако в пиджинах на русской основе выступают не «обрубки», а отдельные словоформы, переставшие входить в парадигму, как в известном примере из русско-китайского пиджина: *Моя твоя не понимай*.

Но для английского языка ситуация оказывается иной. На том этапе, когда русские дети говорят «замороженными словоформами», англо-

язычные дети говорят основами; у них отсутствуют не только служебные слова, которых на соответствующей стадии еще нет и у русских детей, но и аффиксы, абсолютно необходимые в русской речи (Цейтлин 2000: 84; Цейтлин 2009: 112). Исследования афазий, проведенные Т. В. Черниговской и ее сотрудниками, приводят к выводу: в нем регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* (который принято считать аффиксом) составляются из компонентов (производятся), а не хранятся в готовом виде (воспроизводятся). Нерегулярные формы неправильных глаголов, однако, воспроизводятся (Черниговская 2013: 167). Исследователи афазии и детской речи часто выделяют «независимые механизмы порождения этих двух видов паттернов, согласно которым регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком» (Черниговская 2013: 151). Однако «все эти гипотезы разрабатывались на материале английского языка, в котором имеется только один регулярный класс (глаголов — *V. A.*) и отсутствует сильно развитая морфологическая система. Очевидно, что они не могут полностью применяться к языкам с более развитой морфологической системой» (Черниговская 2013: 172). «Можно предположить, что резкое противопоставление регулярного и нерегулярного механизмов в русском языке не является продуктивным» (Черниговская 2013: 173).

Вероятно, многие различия вариантов европейской лингвистической традиции могут получить психолингвистическое объяснение. Носители любого языка имеют в своем распоряжении лексикон (набор базовых единиц) и правила порождения из них предложений (при афазиях бывает, что один из этих механизмов выходит из строя). Однако в русском языке базовые единицы сложнее по своему составу, чем в английском (и, по-видимому, во французском, о чем косвенно свидетельствуют рассуждения А. Мейе). Процесс порождения предложений для английского языка в основном сводится к соположению базовых единиц на основе правил порядка, а в русском языке, помимо синтаксических механизмов, имеются и морфологические, порождающие не базовые словоформы. При моторной афазии, которую описал А. Р. Лурия, больные одновременно не могли сочетать и изменять слова. В прошлом, по-видимому, и английский язык, имевший развитое словоизменение, обладал морфологическими механизмами, теперь в них уже нет необходимости, а формы неправильных глаголов, реликт былого словоизменения, хранятся в памяти в готовом виде. Многие из вышеупомянутых от-

личий национальных вариантов традиции могут прямо или косвенно вытекать отсюда.

Поскольку «теория приводит к определенному взгляду на язык», то применение теории, выработанной для некоторого языка (родного для исследователя или наиболее для него престижного), не всегда оказывается для других языков правомерным. Так может быть и в русской, и в англоязычной или франкоязычной науке. Например, Е. Д. Поливанов разработал концепцию падежного словоизменения в японском языке (одно время популярную в нашей стране, но почти не распространенную за ее пределами) (Плетнер, Поливанов 1930: 145–146), хотя падежные показатели там скорее являются послелогоами. Н. И. Конрад даже пытался найти словоизменение, аналогичное русскому, в китайском языке (Конрад 1952).

Русский язык традиционно всегда лежал в основе лингвистических теорий, создававшихся в русской науке. Даже лингвисты, специально занимавшиеся другими языками, как германист А. И. Смирницкий, в первую очередь, опирались на его данные. В то же время за пределами России он мало учитывался при построении теорий (исключение составляли игравшие важную роль в мировой лингвистике XX в. эмигранты из России и изредка слависты вроде Л. Теньера). В последнее время английский язык стал возводиться в ранг всеобщего эталона, тогда как особенности русского языка вроде свободного порядка слов рассматриваются как отклонения от базовых принципов языка или вообще игнорируются. Везде, в том числе, и в русистике, наблюдается экспансия англоязычной традиции, все более становящейся международной. И для русского языка говорится о *составляющих, именных и глагольных группах, клаузах*. Некоторые термины приобретают другие значения, это относится не только к *фразам*, но и к очень неудобному, но уже широко распространенному использованию термина *глагол* вместо *сказуемого* (что, видимо, началось с Дж. Гринберга). Говорится о *морфосинтаксисе*, хотя неясно, чем он отличается от *грамматики*. Наконец, вводятся многие термины генеративной лингвистики (нередко в неадаптированном виде, например, с использованием суффикса *-инг*), выработанные на английском материале; вопрос об обоснованности их применения к русскому языку не ставится. Я не говорю, что все это приносит только вред, что-то может быть и полезным, но все же универсальные свойства языка и типологические особенности английского языка — не одно и то же, а национальная традиция отражает существенные особенности языка,

для которого она вырабатывалась, которые могут отсутствовать в языке, возводимом в эталон.

Литература

- Грамматика современного русского языка*. 1970. М.: АН СССР.
- Гринберг Дж. 1970. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. *Новое в лингвистике*, вып. 5. М.: Прогресс, 114–162.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. 1964. О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста. В сб.: Ю. М. Лотман (ред.) *Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам*. Тарту: Тартуский государственный университет, 7–9.
- Конрад Н. И. 1952. О китайском языке. *Вопросы языкознания*, №3, 45–78.
- Лурья А. Р. 1947. *Травматическая афазия*. М.: Издательство Академии медицинских наук СССР.
- Мейе А. 1938. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. Под редакцией и с примечаниями Р. О. Шор. М.: Соцэкгиз.
- Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. 1930. *Грамматика японского разговорного языка*. М.: Издательство иностранных рабочих в СССР.
- Смирницкий А. И. 1955. Лексическое и грамматическое в слове. *Вопросы грамматического строя. К 60-летию академика В. В. Виноградова*. М.: АН СССР, 11–53.
- Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ.
- Холодович А. А. 1966. К типологии порядка слов. В кн.: А. А. Холодович. *Проблемы грамматической теории*. Л.: Наука. 228–243.
- Цейтлин С. Н. 2000. *Язык и ребенок: лингвистика детской речи*. М.: ВЛАДОС.
- Цейтлин С. Н. 2009. *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*. М.: Знак.
- Черниговская Т. В. 2013. *Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание*. М.: Языки славянской культуры.
- Haspelmath, M. 2011. The indeterminacy of word segmentation, and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*. vol. 45(1), 31–80.
- Tesnière, L. 1959. *Éléments de syntaxe structural*. Paris: Klincksieck.

INDEPENDENT PRONOUNS IN LANGUAGES WITH PRONOMINAL AFFIXES: EVIDENCE FROM ABAZA

P. M. Arkadiev

(Johannes-Gutenberg University of Mainz)
alpgurev@gmail.com

A. B. Panova

(Stockholm University)
anastasia.b.panova@gmail.com

We analyze referential choice in Abaza, a polysynthetic Northwest Caucasian language with consistent head-marking, focusing on the use of independent pronouns in a small corpus of recorded narratives. We show that first and second person pronouns are employed in Abaza for introducing the relevant referents into discourse as well as in situations of topic shift. Forms that morphologically look like third person pronouns are rather used as intensifiers, while the true anaphoric function is performed by demonstratives. The latter tend to occur after the relevant referent is introduced into the discourse by a full noun phrase and before it is established as a protagonist subsequently referred to by pronominal affixes alone. Our results show that the patterns of use of independent pronouns in languages with pronominal affixes both conform to cross-linguistic tendencies and display a number of special features possibly related to their non-default status.

Не у меня, не у тебя — у них
Вся сила окончаний родовых
Осип Мандельштам

1. Introduction

In languages where the primary type of reduced referential device is pronominal affixes (bound tenacious pronouns in terms of Kibrik 2011), three options of encoding referents in discourse are typically observed: a pronominal affix alone (1a), a full noun phrase co-occurring with a coreferential pronominal affix (1b), and an independent pronoun co-occurring with a coreferential pronominal affix (1c).

- (1) Bininj Gun-wok (Gunwinyguan, Australia; Evans 1999: 259)
- a. *ga-wokdi*
3-speak.NPST
'(S)he/it is speaking.'

- b. *na-mekke bininj ga-wokdi*
M-DEM man 3-speak-NPST
'The/that man is speaking.'
- c. *nungga ga-wokdi*
he 3-speak.NPST
'He is speaking.'

It is generally assumed that the choice between the first pattern (1a) and the second pattern (1b) is regulated by the degree of activation of the referent (Kibrik 2011: 100). If a referent has been activated, e.g., by being mentioned in the preceding clause, only the pronominal affix is used. Under a lower degree of activation, a coreferential NP is employed in addition to the pronominal affix. The functions of independent pronouns (1c) in such systems are less clear and, to our knowledge, have not been much discussed in the literature. According to Givón (1983: 30–31), referents coded by independent pronouns have lower accessibility than those coded by clitic pronouns or agreement markers alone (pronominal affixes are included in this group) but higher accessibility than referents coded by full NPs. Similarly, Ariel (1990: 47–53) lists personal pronouns and demonstratives among “intermediate accessibility referring expressions”. Besides that, Givón (1983: 30) notes that independent pronouns “are used either contrastively or as topic switchers”. In their study of referential choice in Bininj Gun-wok, Kim et al. (2001: 18) conclude that independent personal pronouns “do not have a regular referential function but mark major participants at critical episode boundaries”. They also pay special attention to demonstrative pronouns which, according to their analysis, refer to minor characters or major props of the narrative and are used for local emphasis.

In this paper we investigate the referential strategies in Abaza, a polysynthetic Northwest Caucasian language, with a special focus on the functions of independent personal and demonstrative pronouns. The empirical basis of the study is the Spoken Corpus of Abaza (https://lingconlab.ru/spoken_abaza/) consisting of spontaneous narratives recorded from native speakers in the village Inzhich-Chukun (Karachay-Cherkess Republic, Russia) in 2017–2019, supplemented by elicited data collected in 2017–2021 in Inzhich-Chukun and Krasnyj Vostok (Karachay-Cherkess Republic, Russia). If not stated otherwise, examples given in the paper come from the corpus. The annotation and quantitative analysis of the data was performed by the second author, and both authors have contributed to the theoretical interpretation and writing of the text.

The paper is organized as follows. Section 2 provides a general description of pronominal affixes, pronouns and noun phrases in Abaza. In Section 3 we analyze the employment of different referential strategies for 1st, 2nd and 3rd person referents. Section 4 presents a discussion of the results. Section 5 summarizes the main findings of the study.

2. Inventory of referential devices in Abaza

Abaza (< Abkhaz-Abaza < Northwest Caucasian; ISO 639-3 abq) is a morphologically ergative and consistently head-marking polysynthetic language spoken by ca. 37 thousand people in the Russian North Caucasus¹ and ca. 10 thousand in Turkey (Chirikba 2012). The basics of Abaza grammar can be found in Genko 1955, Tabulova 1976, Lomtadze et al. 1989, Lomtadze 2006, O’Herin 2002, and Arkadiev Ms. This section contains general information on the inventory of devices used for referring to verbal arguments in Abaza: pronominal prefixes, independent pronouns and NPs.²

2.1. Verbal template and pronominal prefixes

Abaza verbs are syntagmatically quite complex and include up to four pronominal prefixes as well as prefixes and suffixes expressing valency change, spatial, temporal, aspectual and modal meanings, negation and clause type. Table 1 schematically represents the Abaza verbal template.

Table 1. The Abaza verbal template

		“preverbs”								“stem”					“endings”				
-12	-11	-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7
absolute	subordinators, negation	repetitive	potential, involuntary applicatives	directional preverbs	locative preverbs	indirect object	ergative	negation	causative	sociative	root	directional suffixes	event operators	plural	aspect, tense	negation	past tense, modality	subordinators, force, emphasis	

¹ https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-05.pdf, accessed 23 July 2023.

² Although adnominal possessors and complements of postpositions display the same range of referential types as verbal arguments in Abaza, we limit our discussion to the latter due to the small number of relevant examples in the corpus.

Abaza verbal pronominal prefixes fall into two series, the absolutive and the oblique, which are shown in Table 2. The choice of allomorphs is morphophonologically determined.

Table 2. Pronominal prefixes in Abaza

	singular		plural	
	absolutive	oblique	absolutive	oblique
1SG	s(ə)-	s(ə)-/z-	1Pl	h(ə)-/f-
2SG.M	w(ə)-	w(ə)-	2Pl	š(ə)-/ž-
2SG.F	b(ə)-	b(ə)-/p-		
3SG.M	d(ə)-	j(ə)-	3Pl	j(ə)-
3SG.F		l(ə)-		
3SG.N	j(ə)-	na-/a-		

Prefixes from the absolutive series occur in slot -12 and encode the S of intransitive verbs and the P of transitive verbs, cf. (2)–(5). Prefixes from the oblique series encode the ergative A of transitive verbs in slot -4 (3)–(5) and indirect object(s), which are usually introduced by applicative prefixes, in slots -5, -6 and -8, cf. (4)–(5).

- (2) *d-ca-d*
3SG.H.ABS-go-DCL
‘S/he went.’
- (3) *hə-j-zak-t̪*
1PL.ABS-3SG.M.ERG-beat.up-DCL
‘He beat us up.’
- (4) *j-sa-wə-r-t̪*
3SG.N.ABS-CSL-2SG.M.IO-3PL.ERG-give-DCL
‘They gave it to you.’
- (5) *j-šə-z-j-a-s-h^w-p̪*
3SG.N.ABS-2PL.IO-BEN-3SG.M.IO-DAT-1SG.ERG-say-NPST.DCL
‘I will say it to him about you.’

The absolutive prefix *j(ə)-* (3SG.N or 3PL) is usually omitted when a coreferential nominal expression immediately precedes the verb (6).

- (6) *pirog-g'əj s-č'p-əj-t*
 pie-ADD [3SG.N.ABS]1SG.ERG-do-PRS-DCL
 'I also make pies.'

In the following, cases like (6) will not be considered, as well as constructions with peripheral participants not indexed in the verb.

2.2. Free pronouns

The paradigm of Abaza independent personal pronouns is given in Table 3.

Table 3. Personal pronouns in Abaza

singular		plural	
1	<i>sa(ra)</i>	1	<i>ha(ra)</i>
2M	<i>wa(ra)</i>	2	<i>ša(ra)</i>
2F	<i>ba(ra)</i>		
3M	<i>jara</i>	3	<i>dara</i>
3F	<i>la(ra)</i>		
3N	<i>jara</i>		

The distribution between full and short (without the suffix *-ra*) variants of personal pronouns is unclear; both variants occur in the corpus, see (7)–(8).

- (7) *sara saratav s-ca-t*
 1SG saratov 1SG.ABS-go-DCL
 'I went to Saratov.'
- (8) *sa s-g'-na-j-χ-wa-šə-m h-pnə*
 1SG 1SG.ABS-NEG.EMP-TRL-go-RE-IPF-FUT-NEG 1PL.IO-at
 'I won't return home.'

The third person pronouns *jara*, *la(ra)* and *dara* in the anaphoric function are frequently replaced by demonstratives, primarily the distal ones, see (9). The paradigm of demonstrative pronouns in the variety of Inzhich-Chukun is shown in Table 4 (cf. Genko 1955: 102).

- (9) *awəj də-psə-n*
 DIST 3SG.H.ABS-die-PST
 'S/he died.'

Table 4. Demonstrative pronouns in Abaza

	singular	plural
proximal	<i>arəj</i>	<i>arat</i>
medial	<i>anəj</i>	<i>anat</i>
distal	<i>awəj</i>	<i>awat</i>

In the variety of Krasnyj Vostok the medial and distal series have apparently switched their deictic functions (cf. Tabulova 1976: 94); notably, even there it is still the *aw*-series demonstratives that are used anaphorically.

2.3. Noun phrases

The third major type of referential devices in Abaza is full NPs, see (10).

- (10) a. *j-ca-n zaman,*
 3SG.N.ABS-go-PST time
 b. *a-pajšambar d-ša-j-t*
 DEF-prophet 3SG.H.ABS-CSL-go-DCL
 (a+b) 'Some time passed, and the prophet came.'

An NP usually contains a noun which together with its non-referential modifiers (e.g., adjectives and numerals) may form a so-called nominal complex behaving as a single unit for morphological marking (see e.g. Lander 2017 for West Circassian). The nominal complex may include markers of (in)definiteness, plurality, oblique cases, possession, and additive particles. For example, the noun phrase in (11) contains a noun stem, an adjective-like modifier and an indefiniteness suffix.

- (11) *kastrjul-žəša-k ša-s-awa-n*
 pot-enamel-INDF CSL-1SG.ERG-find-PST
 'I found an enameled pot.'

The core of the NP constituted by the nominal complex can be expanded by demonstratives, possessor NPs, and relative clauses, cf. (12).

- (12) *awat j-ša-n.χa-z a-wša-k^wa*
 DIST.PL REL.ABS-CSL-remain-PST.NFIN DEF-people-PL
 'those people who remained'

3. Analysis

3.1. Data and methods

Our analysis is based on the corpus of Abaza oral narratives recorded from ten speakers (four men and six women, all but two born before 1960) in Inzhich-Chukun. The whole corpus contains 25 texts (ca. 3600 tokens); we excluded those texts that were not narratives proper, leaving 17 texts (ca. 2700 tokens). Overall, the analyzed material contains 1279 referential expressions of different types: 439 instances of 1st person, 51 of 2nd person and 789 of 3rd person (including full NPs). However, we decided to exclude from our consideration the impersonal uses of personal prefixes, which are quite frequent in discourse but do not denote any specific participant and hence are irrelevant for our study. Such uses are found with 2nd person masculine prefix used for arbitrary reference (13), 3rd person plural used in generic contexts (14), as well as 3rd person singular non-human prefix filling a “dummy” argument slot with meteorological predicates (15).

- (13) a. *mač'k-g'əj* *ʕa-h-awə-t*
 little-ADD CSL-1PL.ERG-find-DCL
 ‘We found a few (berries),’
 b. *awasa wə-nasək'a-pχ'azə-g'əj* *raha raha*
 but 2SG.M.ABS-move_forward-EACH-ADD more more
 ‘but each time you go further and further,’
 c. *j-žpa-χa-wa-mca* *a-žəwmp-k'wa*
 3PL.ABS-thick-INC-IPF-CVB DEF-berry-PL
 ‘there are more and more berries.’
- (14) *čərvə ə-zerno z-la-zə-r-kk-wa* *a-maš*
 shovel DEF-grain REL.IO-INS-BEN-3PL.ERG-gather-IPF DEF-barn
 ‘shovel which is used (lit. they use) to gather grain in the barn’
- (15) *j-q'wla-n*
 3SG.N.ABS-get_dark-PST
 ‘It was getting dark.’

The final number of referential expressions analyzed is 1156 (1st person: 439, 2nd person: 45; 3rd person: 672).

As the quantitative measure of activation of referents, we use referential distance (RD) proposed by Givón (1983). The reason we chose this measure instead of the much more sophisticated activation metric advanced in Kibrik

(2011: Part. 4) is precisely the simplicity of RD as well as its broad applicability which does not require any “deep” grammatical or discourse analysis. Besides that, our goal is to try to determine the different factors potentially affecting referential choice in Abaza, rather than to propose an integrated predictive model aggregating these different factors. RD is counted as the number of discourse units (in our case, clauses) between the previous mention of a referent in the text and its current mention in the given clause. The lowest degree of activation is when $RD = 0$, i.e., the referent is mentioned in the text for the first time. The highest degree of activation is when $RD = 1$, i.e., the referent is mentioned in the immediately preceding clause. Somewhat counterintuitively, the intermediate degrees of activation are higher than 1, i.e., mentions of the referent after a break of one ($RD = 2$) or more ($RD > 2$) clauses.

Each predicate, verbal or non-verbal, finite or non-finite, was considered as the head of its own clause. For example, the following fragment (16), which is taken from the middle of an autobiographical text, contains three mentions of the 1st person plural referent. The 1st person plural referent was not mentioned in the preceding stretch of this text, so the RD of the first mention of the referent (pronoun + pronominal affix) (16a) is 0. The RD of the next mention of the referent (pronominal affix) (16b) is 1, because the previous mention of the referent was in the immediately preceding clause. Similarly, the RD of the third mention of the referent (pronominal affix) (16c) is also 1. Note that the clause in (16c) repeats the one in (16a) but for the full pronoun.

- (16) a. *hara h-n-apχ'-əw-z* *asqan*
 1PL 1PL.ABS-REL.TMP-3SG.N.IO-learn-IPF-PST when
 ‘When we were studying,’
 b. *h-χ'wəc-k'wə-ta*
 1PL.ABS-little-PL-ADV
 ‘being children,’
 c. *h-n-a-pχ'-əw-z* *asqan*
 1PL.ABS-REL.TMP-3SG.N.IO-learn-IPF-PST when
 ‘when we were studying,’
 d. *a-harəf-k'wə l-lə-r-dərə-n* *psajspa-za*
 DEF-letter-PL 3SG.F.IO-3SG.F.ERG-CAUS-know-PST slow-INT
 ‘she learned letters a little.’

In the case of fragments involving direct speech, the principles of annotation were slightly different. For example, in (17) the first mention of the 1st person singular participant in (17c) refers to the narrator himself, while the

second mention of the 1st person singular participant within the quote in (17h) refers to the character that the narrator is talking about, i.e., to the referent of the 3rd person singular pronominal affixes in (17a,b,d,e,g). In such cases the RD of the participants mentioned within the reported speech was calculated starting from the beginning of the quote as if it were a separate text, so the RD of the pronoun + corresponding pronominal affix in (17h) is 0.

- (17) a. *d-a-pšə-n*
3SG.H.ABS-3SG.N.IO-look-PST
'He looked'
- b. *j.g'aj d-qəč'č'a-n*
and 3SG.H.ABS-laugh-PST
'and laughed'
- c. *jə-z-ŋwə-z*
REL.ABS-1SG.ERG-write-PST.NFIN
'at what I had written,'
- d. *d-ŋa-gələ-n*
3SG.H.ABS-CSL-stand_up-PST
'(then) he stood up'
- e. *awəj j-hw-əj-d*
DIST 3SG.N.ABS+3SG.M.ERG-say-PRS-DCL
'and he says thus:'
- f. *arəj a-č'k'wən j-g'ə-j-dəra-m*
PROX DEF-boy 3SG.N.ABS-NEG.EMP-3SG.M.ERG-know-NEG
"This guy doesn't know,"
- g. *j-hw-əj-d*
3SG.M.ERG-say-PRS-DCL
'he says,'
- h. *sara abaza-k'wa bəzəj-ta šə-z-dər-wa*
1SG abaza-PL good-ADV REL.MNR-1SG.ERG-know-IPF
'that I know the Abaza people well'.

When dialogues are reported, the RD of the mentions of referents were calculated across turns of different speakers. Thus, in (18), the participant is referred to by the 2nd person pronominal affix in the question (18a) and by the 1st person pronominal affix in the answer (18c–e). Since in this dialogue the referent was activated in the question, the RD of its first mention in the reply (18c) was counted as 1.

- (18) a. *awasa wə-nbž'aŋw-čə-k'wa z-ŋa-wə-m-d-ja*
but 2SG.M.IO-friend-PLH-PL REL.RSN-CSL-2SG.M.ERG-NEG-bring-QN
"Why didn't you bring your friends?"
- b. *l-h'wa-t*
3SG.F.ERG-say-DCL
'she said.'
- c. *jə-g'-sə-m-dər-t məma*
3SG.N.ABS-NEG.EMP-1SG.ERG-NEG-know-DCL mom
"I didn't know, mom,'
- d. *awəj apš b-hazər-ta*
DIST such 2SG.F.ABS-ready-ADV
'that you were prepared like that,'
- e. *awəj ak'w-p jə-z-ŋa-s-m-ax'wə-z*
DIST 3SG.N.IO+COP-NPST.DCL 3PL.ABS-REL.RSN-CSL-1SG.ERG-NEG-take-PST.NFIN
'that is why I didn't bring them.'"

3.2. First and second persons

In our corpus, the 1st person singular and 2nd person singular participants can be referred to either by a pronominal prefix alone (19) or by a pronominal prefix accompanied by an independent pronoun (20).

- (19) *š'ta s-h'wa-t*
yes 1SG.ERG-say-DCL
'"Yes," I said.'
- (20) *sara ačə-ja jə-s-č'p-əw-šə-z*
1SG what-QN REL.ABS-1SG.ERG-do-IPF-FUT-PST.NFIN
'What could I do?'

The 1st person plural and 2nd person plural participants can be referred to in three ways: by a pronominal affix alone (21), by a pronominal affix together with an independent pronoun (22) or, rarely, by a pronominal affix together with an NP (usually involving coordination) (23).³

- (21) *zə.ŋw-k h-qə-s-ra a-taq-χa-t*
stream-INDF 1PL.ABS-LOC.ELAT-go-MSD 3SG.N.IO-need-INC-DCL
'We had to cross a stream.'

³ In the corpus this type of reference is attested only for the 1st person plural referents.

(22) *baraχlo-k-g'aj g'-hə-ma-mə-z-t* *hara*
 junk-INDF-ADD NEG.EMP-1PL.IO-have-NEG-PST.NFIN-DCL 1PL
 'We had no junk.'

(23) *qʷəmgara=hʷa pjesa-k h-č'pa-t rit-aj sar-aj*
 love_spell=QUOT play-INDF 1PL.ERG-do-DCL rita-COORD 1SG-COORD
 'Rita and I staged the play "Love spell".'

Besides that, 2nd person A participants can also be referred to by zero anaphora or an NP alone with the imperative forms of transitive verbs, where the agent pronominal prefix is obligatorily suppressed, see (24). Since this strategy is conditioned by morphological factors and not by discourse, it will not be considered further.

(24) *j-s-zə-r.ɬʷa* *maχməwt*
 3SG.N.ABS-1SG.IO-BEN-[2SG.M.ERG]forgive/IMP Makhmut
 'Forgive me, Makhmut.'

Tables 5–6 show the results of the annotation of RD for 1st person pronouns.

Table 5. RD and the expression of the 1st person singular referent

	pronominal affix alone	pronoun + pronominal affix
RD = 1	164 (97.0%)	5 (3.0%)
RD = 2–4	48 (88.9%)	6 (11.1%)
RD ≥ 5	35 (79.5%)	9 (20.5%)
new participant (RD = 0)	7 (29.2%)	17 (70.8%)
total	254 (87.3%)	37 (12.7%)

Table 6. RD and expression of the 1st person plural referent

	pronominal affix alone	pronoun + pronominal affix	NP + pronominal affix
RD = 1	89 (97.8%)	1 (1.1%)	1 (1.1%)
RD = 2–4	28 (93.3%)	2 (6.7%)	0 (0%)
RD ≥ 5	5 (83.3%)	0 (0.0%)	1 (16.7%)
new participant (RD = 0)	4 (19.0%)	8 (38.1%)	9 (42.9%)
total	126 (85.1%)	11 (7.4%)	11 (7.4%)

For the highest degree of activation (RD = 1), the probability of the referent's being encoded by the pronominal affix alone is very high (96.6% for singular referent and 97.8% for plural referent). With the increase of RD, the probability of the use of a pronominal affix alone decreases: along with pronominal affix, speakers tends to add pronouns or full NPs for referents with a lower activation level. Finally, when a new participant appears in the text, or, more precisely, in an episode, the use of pronouns or NPs becomes more likely than the strategy with mere pronominal affixes. These results are in line with the findings reported in the literature. As Givón (1979: 18) claims, more discontinuous topics tend to require more coding material, i.e., tend to be expressed by full pronouns or NPs rather than pronominal affixes, see also Ariel (1990: Ch. 4), Siewierska (2004: 46) and Kibrik (2011: 378–380).

The results for the 2nd person referents, however, do not show the expected tendencies: the number of cases where pronouns are used turned out to be equally low both for first mentions of new referents and for subsequent mention of referents already activated in the preceding clauses, see Table 7. This is perhaps related to the fact that 2nd person referents mainly occur in dialogues, where referential strategies are different from those of narrative proper (cf. Kibrik 2011: 43). Anyway, the results for the 2nd person cannot be considered reliable due to the small number of examples.

Table 7. RD and expression of the 2nd person (both singular and plural) referent

	pronominal affix alone	pronoun + pronominal affix
RD = 1	18 (81.8%)	4 (18.2%)
RD = 2–4	6 (100%)	0 (0%)
RD ≥ 5	1 (50%)	1 (50.0%)
new participant (RD = 0)	13 (86.7%)	2 (13.3%)
total	38 (84.4%)	7 (15.6%)

Abaza pronouns have multiple functions, and referential distance accounts for only one of them. The first function is the introduction of participants or, more specifically, their first mentions in a text or an episode, reflected in RD equal to 0. Another function of Abaza 1st and 2nd person pronouns is that of marking contrast, whereby a referent is opposed to some other referent mentioned in the preceding or, less frequently, in the following stretch of discourse. For example, in (25) the 1st person participant is contrasted with a 2nd person participant.

- (25) a. *bəjkaʒ*
Bilyal
"Bilyal,"
- b. *s-h^wa-t*
1SG.ERG-say-DCL
'I said,'
- c. *sara čə-qa-s-čax-p-ta*
1SG RFL.ABS-LOC-1SG.ERG-hide-NPST.DCL-ADV
"I will hide,"
- d. *s-h^wa-n*
1SG.ERG-say-PST
'I said,'
- e. *wara taʔ^w č-rək^wən wə-na-šəl-χ-ta*
2SG.M little pass-COND 2SG.M.ABS-TRL-enter/IMP-RE-ADV
"and you, when some time passes, go back home'
- f. *zawaʒ a-zə č-a-j-rə-q^wara-χ-t* *h^wa-ta*
Zawal DEF-river RFL.ABS-3SG.N.IO-3SG.M.ERG-CAUS-choke-RE-DCL QUOT-ADV
- g. *j-r-a-h^w*
3SG.N.ABS-3PL.IO-DAT-say/IMP
(f+g) 'and tell them that Zawal drowned (*lit.* was strangled by the river)'"
- h. *s-h^wa-t*
1SG.ERG-say-DCL
'I said'.

A slightly less obvious type of contrast is shown in (26) from the same narrative. The narrator tells how people once lost him when he was a child, and in this fragment, he describes the actions of two opposite sides of the conflict: first he speaks about the people who were looking for him (26a—c), and then he relates what he was doing himself at the same time (26d—e).

- (26) a. *qa.ča-ta j-ta-z*
man.PLH-ADV REL.ABS-be_in-PST.NFIN
'the men who were (in our neighborhood)'
- b. *a-waq j-ša-nzək'a.ra*
DEF-night 3SG.N.ABS-rise-UNTIL
- c. *j-s-zə-pšša-t*
3PL.ABS-1SG.IO-BEN-look_for-DCL
'were looking for me all night until dawn.'

- d. *sar-g'əj sə-čə-n*
1SG-ADD 1SG.ABS-sleep-PST
'[As for me,] I slept'
- e. *jə-g'sə-m-dər-χ-t* *š'ta*
3SG.N.ABS-NEG.EMP-1SG.ERG-NEG-know-RE-DCL PTCL
'and forgot everything.'

Examples like (26) show topic shift, i.e., a sudden change of what the speaker is talking about. As can be seen from (26) above and (27) below, such topic shift is often supported by the additive clitic *-g'əj*.

- (27) a. *jə-r-ga-n*
3SG.N.ABS-3PL.ERG-bring-PST
'They took it (a bullock),
- b. *jə-r-š'ə-n*
3SG.N.ABS-3PL.ERG-cut-PST
'stabbed it'
- c. *dara jə-r-fa-χ-d*
3PL 3SG.N.ABS-3PL.ERG-eat-RE-DCL
'and ate it themselves.'
- d. *har-g'əj za-k-g'əj g'-ša-hə-rə-m-t-χ-d*
1PL-ADD one-INDF-ADD NEG.EMP-CSL-1PL.IO-3PL.ERG-NEG-give-RE-DCL
'As for us, they didn't give us anything.'

Some of the examples of contrast, including topic shift, were simultaneously the first mentions of the referent and as such did not disrupt the patterns seen in Tables 5–6 above. But the rest of such examples actually constitute the majority of the cases where pronouns were employed despite the low RD. Table 8 shows the number of pronouns used in different functions: 26 out of 55 examples of pronouns include contrast, and 19 out of these 26 cannot be explained by RD = 0.

Table 8. 1st and 2nd person pronouns in different functions

	the first mention of the referent		not the first mention of the referent	total
	in the beginning of the text	in the beginning of direct speech		
contrast	2	5	19	26
no contrast	6	7	16	29

There are 16 examples left that cannot be explained either by RD = 0 or by topic shift, e.g. (28). As for now, there is no satisfactory explanation for such examples.

- (28) a. *awə-g'əj ta-s-ça-xə-n*
 DIST-ADD LOC-1SG.ERG-put-RE-PST
 'I put it (the money I found if my pocket) back'
- b. *wžə awaj šamiŋ d-ŋa-jə-nzək'*
 now DIST šamil 3SG.H.ABS-CSL-come-UNTIL
 'I put it (the money I found if my pocket) back'
- c. *s-a-z-pš-əj-t sa š'ta*
 1SG.ABS-3SG.N.IO-BEN-wait-PRS-DCL 1SG PTCL
 (b+c) 'and wait till Shamil comes.'

3.3. Third person

The inventory of reference expressions we consider for the 3rd person consists of four types, i.e., a personal prefix alone (29), a personal prefix together with a personal pronoun (30), a personal prefix together with a demonstrative pronoun (31) and a personal prefix with a full NP (32).

- (29) *wadərŋ'wana a-kaŋoz-la d-ca-x-wa-šə-n*
 then DEF-kolkhoz-INS 3SG.H.ABS-go-RE-IPF-FUT-PST
 'Then she was going to return to the kolkhoz (field).'
- (30) *jara awaŋa də-ça-r-ça-x-t*
 3SG.M DIST.LOC 3SG.H.ABS-LOC-3PL.ERG-put-RE-DCL
 'They buried him there.'
- (31) *awat-g'əj j-g'wərx'a-wa jə-r-fa-n*
 DIST.PL-ADD 3PL.ABS-rejoice-IPF 3SG.N.ABS-3PL.ERG-eat-PST
 'They ate it gladly.'
- (32) *pa zažə-k d-sə-ma-n*
 son one-UNIT 3SG.H.ABS-1SG.IO-have-PST
 'I had an only son.'

Table 9 shows how the choice between the options presented above corresponds to RD. We can see that the two major referential devices employed for 3rd person participants in Abaza are personal prefixes alone and personal prefixes accompanied by full NPs. The choice between these two devices clearly depends on RD: the greater RD, the higher the probability of employing a full NP in addition to the personal prefix. By contrast, the use of demon-

Table 9. RD and expression of the 3rd person referents

	pronominal affix alone	demonstrative + pronominal affix	personal pronoun + pronominal affix	NP + pronominal affix
RD = 1	222 (81.9%)	24 (8.9%)	7 (2.6%)	18 (6.6%)
RD = 2–4	135 (88.2%)	0 (0%)	1 (0.7%)	17 (11.1%)
RD ≥ 5	35 (43.2%)	2 (2.5%)	1 (1.2%)	43 (53.1%)
new participant (RD = 0)	11 (6.6%)	0 (0%)	0 (0%)	156 (93.4%)
total	403 (60.0%)	26 (3.9%)	9 (1.3%)	234 (34.8%)

stratives and personal pronouns is rare and tends to be restricted to cases where RD is small. Hence, from the perspective of RD, the strategy with pronouns co-occurring with pronominal prefixes is similar to the one with pronominal prefixes alone. Nevertheless, we are not dealing with free variation here, because other factors contribute to the choice between these referential strategies.

A further parameter usually considered in studies on referential tracking is whether the referent is a protagonist or a non-protagonist of the discourse (see, e.g., Clancy 1980: 178–184; Downing 1996: 113–115; Kibrik 2011: 406–413). Apparently, demonstrative pronouns are used in Abaza for mentioning the participants which are not or not yet protagonists. Specifically, this mechanism seems to work in the following way: once a new participant appears in the discourse, s/he is referred to by a demonstrative pronoun for the next few times because s/he is regarded as a non-protagonist by default. Then, if the speaker continues to talk about this participant and, consequently, s/he becomes a protagonist of the narrative, the pronoun is not used anymore and the new protagonist is referred to by pronominal prefixes only (cf. a similar observation, albeit for a different set of referential strategies, in Clancy 1980: 155). This scheme is illustrated in (33)–(34).

Example (33) is a text fragment where a new character appears — a woman who helped the narrator (the protagonist) with cooking. This fragment contains all mentions of this character in the text, hence she can be considered a non-protagonist. For the first mention of this character (33a) a full NP is employed, as expected, while for the three subsequent mentions (33b–d) the speaker chose to employ demonstrative pronouns.

- (33) a. *až'əj fatajma a-bibliateka də-n-χ-əw-n*
 Adzhieva Fatima DEF-library 3SG.H.ABS-LOC-work-IPF-PST
 'Fatima Adzhieva worked in the library,'
 b. *sa d-sə-cə-n-χ-əw-n awəj*
 1SG 3SG.H.ABS-1SG.IO-COM-LOC-work-IPF-PST DIST
 'she worked with me.'
 c. *awəj a-ζaq'əm-əj š't-əj*
 DIST DEF-lyakum-COORD PTCL-COORD
č'aj šk'awk'w-əj j-ζa-l-r-šə-t.
 tea white-COORD 3SG.N.ABS-CSL-3SG.F.ERG-CAUS-boil-DCL
 'She made lyakums (a local kind of cakes) and white tea.'
 d. *a-č'aj šk'awk'w-əj a-ζaq'əm-əj*
 DEF-tea white-COORD DEF-lyakum-COORD
i χərčə awəj j-ζa-l-č'pa-t
 and ayran DIST 3SG.N.ABS-CSL-3SG.F.ERG-make-DCL
 'And she made white tea, and lyakums, and ayran (a type of yoghurt).'

Example (34) is different. The new character — the speaker's mother — introduced in (34a) remains a topic of the narrative for approximately 20 rather long sentences, so she can be considered a protagonist of the discourse. Nevertheless, for the second mention of this character (34b) the narrator chose to use a demonstrative pronoun — presumably because at this moment his mother has not attained the protagonist status yet.

- (34) a. *sara s-an d-adəg'a-b*
 1SG 1SG.IO-mother 3SG.H.ABS-Circassian-NPST.DCL
 'My mother is Circassian.'
 b. *awəj a-sk'wšə z-k'-əj ž-š-əj Γwəzə ž-ba*
 DIST DEF-year thousand-COORD nine-hundred-COORD twenty nine-CL
asqan d-ζa-d-rə-j-d
 time 3SG.H.ABS-CSL-3PL.ERG-CAUS-be.born-DCL
 'She was born in 1929.' [Her father was killed in 1933. Her mother died of typhus in 1945. Because of these events, she did not study.]

Table 10 shows that demonstrative pronouns in most of the examples are indeed used for the first few mentions of the participant.

Table 10. The functions of pronominal prefixes co-occurring with demonstratives

	2 nd mention	3 rd mention	4 th mention	5 th mention+
no. of examples	12	5	3	6

By contrast, the 3rd person pronouns are mainly used for intensification. In almost all cases the Abaza 3rd person pronouns can be translated into English by means of *self*-intensifiers, cf. (35).

- (35) a. *jara d-g'ə-z-ζa-mə-j-t*
 3SG.M 3SG.H.ABS-NEG.EMP-POT-CSL-NEG-go-DCL
 b. *wəs j-š'arda-ta ζa-çç-wa-šə-n*
 business 3SG.N.ABS-many-ADV CSL-come_out-IPF-FUT-PST
 (a+b) '[When I arrived in Makhachkala, I sent a telegram to Abdulgamid, so that he would meet me.] He himself could not come; he had a lot of things to do. [But he had a good friend named Shamil, and he sent him to meet me.]'

Thus, even if morphologically forms like *jara* 3SG.M, *la(ra)* 3SG.F and *dara* 3PL belong to the same paradigm as 1st and 2nd person pronouns, functionally they belong to a different category.

4. Discussion

Our analysis of referential choice in Abaza has shown that, quite expectedly, the most frequently employed strategy for referring to participants in narratives is pronominal prefixes alone. This strategy is employed as long as the hearer can unambiguously determine whom (or what) the narrator is talking about. In those cases where reference cannot be established unambiguously, an NP is added. Unsurprisingly, most often this occurs in case of 3rd person referents, where the range of possible candidates can be large, and sometimes in case of 1st person plural referents as well. Within this basically two-way mechanism of referential choice, free pronouns and demonstratives appear to be redundant, since they do not add any new information to that already provided by pronominal prefixes. Instead, pronouns contribute to the system of referential tracking on other levels: they mark local contrasts and emphasis, interact with information structure and help to establish the general structure of the narrative. In the following, we discuss these functions of Abaza pronouns from a theoretical and typological perspective.

4.1. Demonstratives for second mention /
non-protagonist characters

In general, as noted in Diessel (1999: 96), “anaphoric demonstratives are used to indicate a referent that is somewhat unexpected and not currently in the focus of attention”. However, two types of demonstratives which are both covered by Diessel’s formulation can be distinguished.

The first type of anaphoric demonstratives can be illustrated, for instance, by the Russian distal demonstrative *tot*. According to Kibrik (2011: 420), it is used to mention a referent second in activation, cf. (36), where the demonstrative *tot* is coreferential with a non-subject argument of the preceding clause.

(36) Russian (Kibrik 2011: 420)

- a. *Čerez minutu pilot_p zlobno vzgljanul na mexanika_m.*
In a minute the pilot viciously glanced at the mechanic.
- b. *Tot_m blednyj, vsë eščë perebiral instrumenty v jaščike.*
That one, pale, was still pawing through the instruments in the box.

Thus, demonstratives like Russian *tot* (or German *der*, or Dutch *die/deze*, see Comrie 1997) are needed when other referential devices fail: a personal pronoun would imply co-reference with the subject of the preceding clause, an NP would imply no co-reference with anything from the preceding clause, and only a demonstrative can resolve this conflict because it is designed exactly for pointing at the referent second in activation (cf. Himmelmann 1996: 227).

However, the Abaza anaphoric demonstratives differ functionally from anaphoric demonstratives of the “Russian/German/Dutch” type shown above. For example, in (37), where the distal demonstrative *awat* in (37d) refers to the “people” introduced in (37a), there is no referential conflict whose resolution would require the use of a special device. All verbal forms in this fragment are intransitive and their arguments are the same (“people”), so the demonstrative *awat* is not used for disambiguation and must have some other function.

- (37) a. *apqa a-zaman waŋa.qa-ta a-dəwnaj jə-kʷə-z*
earlier DEF-time people-ADV DEF-world REL.ABS-be_on-PST.NFIN
‘At that time, people that there were in the world,’
- b. *š-abga-z j-azkəkə-ta*
REL.MNR-whole-PST.NFIN 3PL.ABS-gather-ADV
‘gathered all together,’

- c. *zž'ara j-bzaz-əw-n*
somewhere 3PL.ABS-live-IPF-PST
‘and lived somewhere.’
- d. *awat zəməŋʷa j-š'arda-ča-χa-ŋ*
DIST.PL all 3PL.ABS-many-EXC-INC-DCL
‘They all became too numerous’
- e. *j-ʔa-ta-z*
3PL.ABS-REL.LOC-be_in-PST
‘where they lived.’

It seems that the Abaza demonstratives are closer to demonstratives of a different type, i.e., those which are used “to establish major discourse participants in the universe of discourse” (Diessel 1999: 98). A typical context for the appearance of such demonstratives is after the first mention. Diessel proposes the scheme shown in Table 11 specifying the place of demonstrative pronouns in the system of referential tracking.

Table 11. The use of anaphoric demonstratives after first mention (Diessel 1999: 98)

1 st mention	2 nd mention	subsequent mention
(indefinite) NP	anaphoric DEM	3.PRO, definite ART etc.
new referent	referent established as topic	(topical) referent continued

Demonstratives that typically appear after the first mention of a new participant are attested in To’aba’ita (< Austronesian; Lichtenberk 1996), Tagalog (< Austronesian; Himmelmann 1996: 229) and Montagnais (Innu) (< Algonquian; Cyr 1993). Note, however, that in these languages demonstratives appear after the first mention as adnominal determiners, i.e., not independently. A similar pattern is observed in English: *Once upon a time there was a king. This king had ...* (Himmelman 1996: 229). Possible examples of independent anaphoric demonstratives used for the second mention are found in Nivkh: Gruzdeva (2020: 14) describes the function of the Nivkh independent demonstrative *həj* ‘close one’ using Lichtenberk’s (1996) wording “immediate anaphora after first mention”. However, from the examples provided in her paper it is not clear whether the Nivkh demonstrative *həj* is indeed employed to establish new discourse topics or just to resolve a referential conflict like in (36).

Thus, from a typological perspective the Abaza demonstratives are functionally similar to those demonstratives which are used to establish new participants in discourse. Their behaviour, however, differs from Diessel’s scheme

in Table 11 in that they are used not just for the second mention of the referent but for a whole series of its mentions after it was introduced by a full NP, cf. (33) above and (38) below.

- (38) a. *abaza-k^wa a-mg'al-g'aj rə-s-ta-ɬ*
 Abaza-PL DEF-millet_bread-ADD 3PL.IO-1SG.ERG-give-DCL
 'I gave the Abaza people millet bread,'
 b. *fʒag-k azna-g'aj baxsəma rə-s-ta-ɬ*
 bottle-INDF full-ADD booze 3PL.IO-1SG.ERG-give-DCL
 'I gave them a full bottle of booze,'
 c. [*štobə na sledujuš'ij god*]
 '(in Russian) so that next year'
 d. *awat nəp r-č'pa-rnəs a-qazla*
 DIST.PL harvest_festival 3PL.ERG-do-PURP 3SG.N.IO-for
 'they would make celebration of harvesting,'
 e. *awat j-g'rə-m-č'pa-ɬ*
 DIST.PL 3SG.N.ABS-NEG.EMP-3PL.ERG-NEG-do-DCL
 '(but) they did not.'

This fact indicates that we are dealing here with a more complex phenomenon than just automatic second mention marking. As was noted in Section 3.3, establishing a new participant of the discourse can be viewed as treating him or her first as a non-protagonist, and later, if this participant remains to be a topic for a sufficient number of clauses (cf. the notion of topic persistence, Givón 1983: 9, 14–15), as a protagonist. If the choice of referential strategy indeed depends on protagonist-hood, then a typological parallel to the Abaza pattern would be the system of referential choice in Bininj Gun-wok, cf. the analysis of the functions of personal vs. demonstrative pronouns in Kim et al. (2001).

4.2. Personal pronouns for local intensification

In contrast to demonstratives, the Abaza 3rd personal pronouns used as intensifiers are not sensitive to the general structure of the discourse — instead, they operate more locally (cf. the opposite results in Kim et al. 2001 for Bininj Gun-wok). The intensifying function of personal pronouns can be more precisely described as follows: they relate a referent to a set of alternatives (cf. König & Gast 2006: 226).⁴ The elicited examples (39)–(40) illustrate the

⁴ Abaza also possesses a set of intensifiers with the root *-qata-*, see Tabulova (1976: 99). In particular, König & Gast (2006) consider an Abkhaz counterpart of this set of intensifiers.

so-called adnominal and adverbial-exclusive uses of intensifier pronouns. In addition, example (40) shows that, even though in our corpus all examples of personal pronouns in the intensifying function contained 3rd person pronouns, the same semantic effect is available with locutor pronouns as well.

- (39) a. *jə-w-ʕa-ma*
 3SG.N.ABS-2SG.M.ERG-hear-Q
 'Have you heard?'
 b. *zalajna taha d-š-ca-wa?*
 Zalina marriage 3SG.H.ABS-REL.MNR-go-IPF
 'that Zalina is getting married?'
 c. *š'ta lara j-ʕa-s-a-l-h^w-d*
 yes 3SG.F 3SG.N.ABS-CSL-1SG.IO-DAT-3SG.F.ERG-say-DCL
 'Yes, she told me herself.' (elicited)
 (40) a. *w-s-ǰ^wə-ɕ*
 2SG.M.ABS-1SG.IO-LOC-pass/IMP
 'Leave me alone,'
 b. *sara jə-s-č'p-əw-š-d*
 1SG 3SG.N.ABS-1SG.ERG-do-IPF-FUT-DCL
 'I'll do it myself.' (elicited)

Further, examples (41)–(43) show that pronouns in the intensifying function syntactically combine with nouns, demonstratives, and even personal pronouns (cf. Tabulova 1976: 100) in a kind of an appositional construction.

- (41) a. *w-a-pšə-sd*
 2SG.M.ABS-3SG.N.IO-look/IMP-EMP
 'Look,'
 b. *a-ḱ'adəg^w a-ɕla-k^wa a-la-jə-d*
 DEF-courtyard DEF-tree-PL 3SG.N.IO-LOC-grow-DCL
 'the courtyard is overgrown with trees'
 c. *awasa a-tʒə jara šabəž-ta j-pšʒa-b*
 but DEF-house 3SG.N strong-ADV 3SG.N.ABS-beautiful-NPST.DCL
 'but the house itself is very beautiful.' (elicited)
 (42) *awəj jara j-ʕa-j-g-d a-č'a*
 DIST 3SG.M 3SG.N.ABS-CSL-3SG.M.ERG-carry-DCL DEF-hay
 'He himself brought the hay.' / 'It was him who brought the hay.' (elicited)

(43) *šara šara š-sə-z-ŋa-j-t-əj!*

2PL 2PL 2PL.ABS-1SG.IO-BEN-CSL-go-DCL-ADD

'You yourselves came to me, didn't you?!' (Tabulova 1976: 100)

As noted by König & Gast (2006: 253), in head-marking languages such as intensifier constructions often allow omission of the nominal and, as a result, an intensifier turns out to be the only free expression of the relevant participant. This is exactly what we observe in Abaza in examples like (39)–(40) above or (44) below.

(44) a. *jə-r-ga-n*

3SG.N.ABS-3PL.ERG-bring-PST.DCL

'They took it (a bullock that our cow had given birth to),

b. *jə-r-š'ə-n*

3SG.N.ABS-3PL.ERG-cut-PST.DCL

'stabbed it'

c. *dara jə-r-fa-χ-d*

3PL 3SG.N.ABS-3PL.ERG-eat-RE-DCL

'and ate it themselves.'

The use of personal pronouns for intensification seems to be a common pattern in languages with pronominal affixes. For example, in Montagnais (Innu), an Algonquian language of Canada, pronominal affixes express the same grammatical information as personal pronouns (Oxford 2007: 53), exactly like in Abaza. And indeed, judging from textual examples provided in Oxford (2007), we can assume that Montagnais personal pronouns occur in the intensifying function as well, see (45).

(45) Montagnais (Innu) (Oxford 2007: 53)

Tân, nîn nimâtenimâtî, iteu.

how 1SG I.be.aware.of.PRET.1>3 say.3>3'

'How so, I myself was aware of him, he said.'

Other languages for which the emphatic function of personal pronouns was described include, for example, Inuit (< Eskimo-Aleut; Fortescue 2017: 220) and Baniwa (< Arawak; Aikhenvald 1995: 192).

Further development of the intensifying function of the personal pronouns is the general expression of identity ('same', 'exactly'), as shown in the elicited examples (46)–(47) as well as example (48) from Tabulova (1976), where the intensifying pronoun precedes the demonstrative rather than follows it. Note that in these examples the personal pronoun *jara* is used regard-

less of the gender or number of the referents. See the discussion of expressions of "precision of reference" by König & Gast (2006: 265) and of "token identity" by König & Siemund (1999: 254) and Gast (2006: 45–46).

(46) *war-g'əj sar-g'əj jara apχ'aga-k^wa-k h-rə-pχ'-əj-d*

2SG.M-ADD 1SG-ADD 3SG.N book-PL-INDF 1PL.ABS-3PL.IO-read-PRS-DCL

'You and I read the same books.' (elicited)

(47) *zalajna jara wžə~wžə aχ^w-b d-an-ŋa-j-χ*

Zalina 3SG.N now~INT 3SG.N.IO+COP-NPST.DCL 3SG.H.ABS-REL.TMP-CSL-go-RE

'Zalina has just arrived (lit. it is exactly now when Zalina arrived).' (elicited)

(48) *sara jara arəj a-stanica s-awa-p*

1SG 3SG.N PROX DEF-village 1SG.ABS-be_part_of-NPST.DCL

'I am from the same village.' (Tabulova 1976: 96)

4.3. Personal pronouns and topic shift

As has been shown in Section 3.2, 1st and 2nd person pronouns in Abaza often mark a change of topic: new topics tend to be expressed twice — by a pronominal prefix and by a personal pronoun occurring in the beginning of the clause, cf. (49), where the topic is first the narrator (49a), then shifts to a different participant (49b–c), and then back to the narrator in (49d). Note that although the narrator is mentioned in (49c) as an addressee of the invitation, the syntactic position of an indirect object is obviously not topic-worthy enough to warrant a shift to the original topic by itself.

(49) a. *awaʔa s-š-aʔa-z*

DIST.LOC 1SG.ABS-REL.MNR-be-PST.NFIN

'When I was there (in Saratov),'

b. *abdulgamid j-aš'a-hba ph^wəs d-ŋa-j-gə-n*

Abdulgamid 3SG.M.IO-brother-elder wife 3SG.H.ABS-CSL-3SG.M.ERG-bring-PST

'Abdulgamid's elder brother got engaged'

c. *jə-sə-z-čə-j-t-t a-tacanadəlra*

3SG.N.ABS-1SG.IO-BEN-LOC-3SG.ERG-call-DCL DEF-wedding

'and invited me to the wedding.'

d. *sar-g'əj sə-m-q^wa-χ-wa-ta*

1SG-ADD 1SG.ABS-NEG-be_late-RE-IPF-ADV

'As for me, without spending time'

- e. *saratav s-tə-çə-n*
 Saratov 1SG.ABS-LOC.ELAT-pass-PST
 'I left Saratov'
- f. *maχač'kala s-ca-č*
 Makhachkala 1SG.ABS-go-DCL
 'and went to Makhachkala.'

For 3rd person participants, topic shift is frequently expressed by apparently left-dislocated full NPs set off from the rest of the clause by an intonation break (indicated by commas), cf. (50).

- (50) a. *a-čamč'ə j-č'pá-č*
 DEF-sword 3SG.M.ERG-make-DCL
 [Describing preparations for a folk festival] 'He [my husband] made the sword.'
- b. *a-qəlpə, a-ž'ařafa qəlpə, s-ja ja-z-zaχə-d*
 DEF-hat DEF-Dzhagafa hat 1SG-ADD 3SG.N.ABS-1SG.ERG-sew-DCL
 'As to the hat, Dzhagafa's hat, I sewed it.'

We suggest that (49) and (50) ultimately illustrate the same phenomenon, i. e. a topic shift construction with a left-dislocated full NP or pronoun co-referential with a pronominal prefix in the verb, cf. a similar topic shift construction in spoken French described by Lambrecht (1981: 53–74) and Detges (2018: 1067–1069), see (51).

- (51) Spoken French (Detges 2018: 1067)
- a. *Ma mère ne veut pas*
 My mother does not want to
- b. *mais moi j'aimerais bien hein*
 by I would love it, you know.'

Thus, the left dislocation pattern in Abaza manifests itself in a number of slightly different constructions. For the 1st and 2nd person, the pronominal prefix is doubled by a personal pronoun like in (49). For the 3rd person, the pronominal prefix is doubled by an NP like in (50). By contrast, demonstratives are involved in topic shift only rarely, since they are predominantly used for referents that have been already introduced as topics but have not yet attained protagonist-hood. Example (52) illustrates one of the rare cases where a demonstrative is apparently used in topic shift.

- (52) a. *maβ'raj-k'wə-g'əj řa-h-č'šə-t*
 blackberry-PL-ADD CSL-1PL.ERG-gather-DCL
 'We gathered blackberry.'
- b. *čawm-č-g'əj j-řa-h-aχ'wə-n*
 some-INDF-ADD 3SG.N.ABS-CSL-1PL.ERG-take-PST
 'We took some of it'
- c. *hə-nbž'ař'čə-k'wə j-na-mə-j-k'wə-z řə-qaz*
 1PL.PR-friend-PLH-PL REL.ABS-CSL-NEG-go-PL-PST.NFIN 3PL.IO-for
j-rə-z-řa-ř-ga-č
 3SG.N.ABS-3PL.IO-BEN-CSL-1PL.ERG-bring-DCL
 'and brought it to our friends who had not gone there with us.'
- d. *awat-g'əj j-g'wəř'ə-wa*
 DIST.PL-ADD 3PL.ABS-rejoice-IPF
 'They were happy'
- e. *ja-r-fə-n*
 3SG.N.ABS-3PL.ERG-eat-PST
 'and ate it.'

5. Conclusion

As we have shown, independent pronouns in Abaza, a polysynthetic language with highly developed head-marking, play an important and non-redundant role in establishing and maintaining reference in narratives vis-à-vis the obligatory verbal pronominal prefixes. Independent 1st and 2nd person pronouns serve to (re)introduce the locutors as discourse participants and contrast them to other referents, also in situations of topic shift. Distal demonstratives, which in their independent uses perform the anaphoric functions of 3rd person pronouns, also play a particular role in narratives, being a specialized means of reference to newly introduced participants that do not (yet) attain protagonist-hood. Finally, the “formal” 3rd person pronouns have ultimately lost their anaphoric function and are used as intensifiers and develop into markers of emphatic identity. This set of functions resembles the behaviour of focus-sensitive particles (König 1991; Forker 2016), which might indicate that independent pronouns in languages with pronominal affixes, due to their “marked” status in grammar and discourse, tend to develop into this semantic field. We hope that our contribution will give further impetus to the study of the functions of independent pronouns in head-marking languages, both within the Northwest Caucasian family and cross-linguistically.

Acknowledgments

We are grateful to Yury Lander for his useful comments on the first versions of our paper.

Abbreviations

1 — 1st person; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; ABS — absolutive; ADD — additive; ADV — adverbial; BEN — benefactive; CAUS — causative; CL — classifier; COM — comitative; COND — conditional; COORD — coordinator; COP — copula; CSL — cislocative; CVB — converb; DAT — dative applicative; DCL — declarative; DEF — definiteness; DEM — demonstrative; DIST — distal demonstrative; EACH — converb ('every time [when]'); ELAT — elative; EMP — emphatic; ERG — ergative; EXC — excessive; F — feminine; FUT — future; H — human; IMP — imperative; INC — inceptive; INDF — indefiniteness; INS — instrumental applicative / case marker; INT — intensive; IO — indirect object; IPF — imperfective; LOC — locative preverb / case marker; M — masculine; MNR — manner; MSD — masdar; N — non-human; NEG — negation; NFIN — non-finite; NPST — non-past; PL — plural; PLH — human plural; POT — potential; PRET — preterit; PROX — proximate demonstrative; PRS — present; PST — past; PTCL — particle; PURP — purposive converb; Q — interrogative; QN — non-human interrogative; QUOT — quotative; RE — refactive; REL — relativization; RFL — reflexive; RSN — reason; SG — singular; TMP — temporal; TRL — translocative; UNIT — unit counting suffix; UNTIL — 'until'-converb.

References

- Aikhenvald, A. Y. 1995. Person marking and discourse in North Arawak languages. *Studia Linguistica*, v. 49, № 2, 152–195.
- Ariel, M. 1990. *Accessing noun phrase antecedents*. London: Croom Helm.
- Arkadiev, P. Ms. Abaza. A grammatical sketch. Submitted to Y. Koryakov, Y. Lander, and T. Maisak (eds.) *The Caucasian languages. An international handbook*.
- Chafe, W. 1994. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: University of Chicago Press.
- Chirikba, V. 2012. Rasselenie abxazov i abazin v Turcii [Survey of the Abkhazians and Abazans in Turkey]. In: *Džiget'skij sbornik. vyp. 1. Voprosy ètno-kul'turnoj istorii Zapadnoj Abxazii ili Džigetii* [The Jiget collection. I. Studies in the ethnic and cultural history of Western Abkhazia or Jigeti], 22–96. Moscow: Akva-Abaza.
- Clancy, P. M. 1980. Referential choice in English and Japanese narrative discourse. In: W. L. Chafe (ed.) *The pear stories. Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ: Ablex, 127–202.
- Comrie, B. 1997. Pragmatic binding: Demonstratives as anaphors in Dutch. *Proceedings of the Berkeley Linguistics Society*, v. 23, № 1, 50–61.

Independent pronouns in languages with pronominal affixes: Evidence from Abaza

- Cyr, D. 1993. Cross-linguistic quantification: definite articles vs demonstratives. *Language Sciences*, v. 15, № 3, 195–229.
- Detges, U. 2018. Strong pronouns in modern Spoken French: Cliticization, constructionalization, grammaticalization? *Linguistics*, v. 56, № 5, 1059–1097.
- Diessel, H. 1999. *Demonstratives: Form, function and grammaticalization*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Downing, P. A. 1996. Proper names as a referential option in English conversation. In: B. A. Fox (ed.) *Studies in anaphora*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 95–143.
- Evans, N. 1999. Why argument affixes in polysynthetic languages are not pronouns: evidence from Bininj Gun-wok. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, v. 52, № 3–4, 255–281.
- Forcker, D. 2016. Toward a typology for additive markers. *Lingua*, v. 180, 69–100.
- Fortescue, M. 2017. Polysynthesis in the Arctic/Sub-Arctic. In: M. Fortescue, M. Mithun, and N. Evans (eds.) *The Oxford handbook of polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 217–234.
- Gast, V. 2006. *The grammar of identity. Intensifiers and reflexives in Germanic languages*. London/New York: Routledge.
- Genko A. N. 1955. *Abazinskij jazyk. Grammatičeskij očerk narečija tapanta* [Abaza. A grammar sketch of the Tapanta dialect]. Moscow: AN SSSR.
- Givón, T. 1979. *On understanding grammar*. New York: Academic Press.
- Givón, T. 1983. Topic continuity in discourse: An introduction. In: T. Givón (ed.) *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1–42.
- Gruzdeva, E. 2020. Demonstratives in Nivkh: A semantic and pragmatic analysis. *Studia Orientalia Electronica*, v. 8 № 1, 1–60.
- Himmelman, N. 1996. Demonstratives in narrative discourse: A taxonomy of universal uses. In: B. A. Fox (ed.) *Studies in anaphora*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 205–254.
- Kibrik, A. A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Kim, M.-H., Stirling, L., and Evans, N. 2001. Thematic organization of discourse and referential choices in Australian languages. *Discourse & Cognition*, v. 8 № 2, 1–21.
- König, E. 1991. *The meaning of focus particles. A comparative perspective*. London/New York: Routledge.
- König, E., and Gast, V. 2006. Focused assertion of identity: A typology of intensifiers. *Linguistic Typology*, v. 10, № 2, 223–276.
- König, E., and Siemund, P. 1999. Intensifiers as targets and sources of semantic change. In: A. Blank, and P. Koch (eds.) *Historical semantics and cognition*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 237–257.
- Lambrecht, K. 1981. *Topic, antitopic and verb agreement in non-standard French*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

- Lander, Y. 2017. Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax. *Studies in Language*, v. 41, № 1, 76–98.
- Lichtenberk, F. 1996. Patterns of anaphora in To'aba'ita narrative discourse. In: B. A. Fox (ed.) *Studies in anaphora*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 379–411.
- Lomtadidze, K., Klychev, R., and Hewitt, B. G. 1989. Abaza. In: B. G. Hewitt (ed.) *The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 2. The North West Caucasian languages*. Delmar, NY: Caravan, 91–154.
- Lomtadidze, K. 2006. *Abazinskij jazyk (kratkoe obozrenije)*. [Abaza. A short survey]. Tbilisi: Universali.
- O'Herin, B. 2002. *Case and agreement in Abaza*. Arlington: SIL International & University of Texas Press.
- Oxford, W. 2007. *Towards a grammar of Innu-aimun particles*. PhD dissertation, Memorial University of Newfoundland.
- Siewierska, A. 2004. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tabulova N. T. 1976. *Grammatika abazinskogo jazyka. Fonetika i morfologija* [A grammar of Abaza. Phonetics and morphology]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ ИМЕННЫХ ГРУПП В НАЧАЛЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. Ивченко,

М. Б. Рукодельникова

(Российский государственный гуманитарный университет)
tarasivchenko@yandex.ru   mashru@yandex.ru

В статье сделана попытка дать описание структуры предложения в китайском языке. Предлагаемое описание отвечает на вопросы, не поддающиеся решению в рамках дихотомий «подлежащее — сказуемое» и «топик — комментарий». Авторы утверждают, что глаголы в КЯ делятся на семантические классы, каждый из которых задает свой собственный набор семантико-синтаксических позиций в предложении, которые в свою очередь предполагают определенные способы их заполнения, а также ограничения на их одновременное появление в поверхностно-синтаксической структуре. С этой точки зрения попытки выяснить, чем является именная группа в позиции к глагольному сказуемому в любом предложении — подлежащим или топиком, не совсем релевантны, так как не учитывают семантического типа глагольного сказуемого. Позиция авторов иллюстрируется большим количеством примеров.

Вы пишете мне, мой ангел,
письма по четыре страницы,
быстрее, чем я успеваю их прочитать (из переписки)
А. С. Пушкин. «Пиковая дама»

1. 'Подлежащее – сказуемое' или 'топик – комментарий': постановка проблемы

Наличие в китайском языке (далее — КЯ) нескольких именных групп (существительных) перед сказуемым, тип синтаксических отношений между этими группами, порядок их следования, отношения этих именных групп со сказуемым — все эти вопросы являются предметом лингвистических споров, которые не утихают до сих пор. Считается, что то, как мы отвечаем на эти вопросы, определяет наш взгляд на китайский язык в целом. Суть этих споров, несколько упрощая ситуацию, можно резюмировать следующим образом:

1.1. В КЯ количество синтаксических позиций до и после глагольного сказуемого¹ ассиметрично. Если после глагольного сказуемого имеется максимум две или три синтаксические позиции ('глагол + дополнение со значением адресата (ДОП 1) + дополнение со значением объекта действия (ДОП 2)'² или 'глагол + дополнительный элемент результата/возможности (ДЭ)³ + ДОП 1 + ДОП 2'), то на количество синтаксических позиций перед глагольным сказуемым не накладывается строгих количественных ограничений, при этом следует выделить два типа таких позиций: до и после подлежащего. В КЯ есть способы открытия дополнительных синтаксических позиций после глагола (например, для слов со значением времени, места и дополнительных элементов) и перемещения структурных элементов из препозиции в постпозицию (рематизация), а также механизм передвижения других структурных элементов из постпозиции к глаголу в препозицию (топикализация), если, в частности, на позицию после сказуемого претендуют другие синтаксические составляющие. Механизмы передвижения составляющих необходимы, среди прочего для того, чтобы перемещать известную информацию в начало предложения, а неизвестную (или акцентируемую) — в конец⁴.

Проблема, таким образом, заключается в необходимости описания механизма позиционного перемещения именных групп вместе со всеми факторами (синтаксическими, семантическими и коммуникативными), которые это перемещение обуславливают.

1.2. Достаточно часто возникает ситуация, когда именные группы в препозиции очевидным образом синтаксически не связаны между собой отношением кореферентности, т. е. являются, в интерпретации некоторых исследователей, скорее темой сообщения/предложения, а не подлежащим. Вот как анализируется пример ниже в работе В. А. Курдюмова (2006: 114), где вертикальная черта маркирует, по мнению автора, границу между топиком и комментарием:

¹ Речь идет главным образом о глагольном сказуемом, так как для остального типа сказуемых (например, качественных) порядок слов фиксирован.

² Для дополнений указаны их стандартные, но не единственные значения. ДОП 1 обычно называется косвенным, а ДОП 2 — прямым. Эти названия мы считаем неточными, поэтому в данной статье они не употребляются.

³ Дополнительный элемент (ДЭ) называют также комплементом. Однако, учитывая существенную для нас разницу в значении этих терминов, мы предпочитаем термин ДЭ.

⁴ В данной статье мы не рассматриваем особенности интонационного оформления предложений с различным порядком слов, что требует отдельного описания.

«(1) 那本画报 | 你看完了吗?

'Этот + счетное слово + журнал | ты + прочесть + модификатор завершенности + вопросительная частица'

Этот журнал \ ты прочел? Ты прочел этот журнал?

В комментарии есть собственное подлежащее «ты», не кореферентное топиком».

Именно поэтому из этого факта делается вывод, что китайский язык следует рассматривать не как язык с синтаксической структурой предложения типа «подлежащее — сказуемое», а как язык с предложением типа «топик — комментарий» (LaPolla 2009) либо как язык с выдвинутым топиком (Li, Thompson 1981). В некоторых работах (Курдюмов 2006), придерживающихся подобной точки зрения, также утверждается, что любой номинативный элемент может быть с любой синтаксической позиции вынесен в абсолютное начало предложения, т. е. стать топиком.

1.3. Сторонники теории «подлежащее — сказуемое» для описания нескольких (прежде всего, двух) именных групп в начале предложения сейчас обычно используют термины «большое» и «малое» подлежащее⁵: именная группа в самом начале предложения считается большим подлежащим, а следующая за ней — малым. Если вперед выносятся дополнение, как в примере (1), то «большое» подлежащее называется пассивным, а «малое» — активным. Если же дополнение находится в позиции после подлежащего (например, в предложениях с дополнительным элементом оценки), то «большое» подлежащее считается активным, а «малое» — пассивным.

Сразу заметим, что термины большое и малое подлежащее используются также и в более узком смысле⁶, т. е. только для описания предложений со сложным сказуемым (主谓谓语句 *zhǔwèi wèiyǔ jù* / *sentence with a clause as predicate* / предложения с субъектно-предикативным словосочетанием в роли сказуемого), а предложения с вынесением дополнения в препозицию к глагольному сказуемому в этом случае трактуются как 'предложения с препозицией дополнения'.

1.4. Такие исследователи, как Тань Аошун (2002) и Го Жуй (Shen Yang, Guo Rui 2014), вполне справедливо считают, что наличие предложений типа (1), (7) и (8) (ниже) в КЯ не ставит нас перед необходимостью

⁵ Краткий обзор проблематики см. в Chappell 1996; см. также, например, Zhang Bin 2010: 471–484.

⁶ См. ставшую классической работу Liu Yuehua et al. 2004.

делать далекоидущие выводы о типологическом своеобразии КЯ, так как термины «подлежащее — сказуемое» описывают синтаксическую структуру предложения, а «топик — комментарий» — коммуникативную. Такие предложения, несмотря на их специфику, вписываются в общую систему правил структурирования информации в предложении в КЯ, однако эти правила в этих работах не сформулированы достаточно эксплицитно.

Наша задача, таким образом, состоит в том, чтобы:

- 1) показать, почему системы описания, кратко упомянутые в пунктах 1.2 и 1.3, не отражают специфику КЯ;
- 2) показать, что использование терминов большое и малое подлежащее по отношению к предложениям, не относящимся к типу предложений со сложным сказуемым, не совсем корректно;
- 3) предложить такую систему описания, которая позволила бы более адекватно описать все упомянутые выше особенности построения предложения в КЯ, развивая идеи Тань Аошуан об особом синтактико-семантическом механизме «скрытой грамматики КЯ».

2. Основные недостатки имеющихся описаний

Описания синтаксической структуры предложения в терминах «подлежащее—сказуемое» и «топик — комментарий» не показывают сущность проблемы по следующим причинам:

2.1. В КЯ из-за отсутствия маркеров трудно чисто синтаксически определить подлежащее, его можно определить, например, позиционно. Стремление современных грамматик КЯ⁷ любой номинативный элемент в препозиции к сказуемому (за исключением номинативных групп со значением времени, типа «сегодня, завтра, в следующем году» и т. д.) определить как подлежащее, в принципе, понятно, так как такой критерий легко и однообразно может быть применим к любым предложениям, но в этом случае определение подлежащего становится чисто позиционным и лишенным содержания. Кроме того, такое описание не показывает трансформационную историю предложения (с какой позиции произошло передвижение данного компонента) и не связывает разные варианты порядка слов в одну парадигму, сопоставляя им не связанные между собой структурные описания.

⁷ См., например, Lu Jianming 2019; Xing Fuyi 2016; Zhang Bin 2010.

Утверждение некоторые китайских лингвистов, что порядок слов в КЯ является подвижным, а порядок следования синтаксических составляющих (членов предложения) фиксированным, как это сформулировано в работе Lu Jiangming 2019, в частности, означает, что, например, дополнение при перемещении в абсолютное начало предложения становится подлежащим.

Таким образом, порядок «подлежащее — сказуемое» оказывается строго фиксированным, благодаря отсутствию синтаксической маркированности и несмотря на способность некоторых компонентов структуры предложения менять свое место в предложении. Мы считаем такой подход менее продуктивным, чем теорию, изложенную в монографии Тань Аошуан 2002, которая говорит об исходных синтаксических конструкциях (ИСК) и механизмах изменения порядка слов, так как идея фиксированности порядка синтаксических составляющих не демонстрирует трансформационные связи между предложениями, относящимися к одной коммуникативной парадигме.

2.2. Определение базовой структуры простого предложения как «топик — комментарий» (тема — рема) также не решает проблемы анализа всей последовательности номинативных групп в препозиции и постпозиции к сказуемому: первая номинативная группа — топик, а остальные? Топик, в свою очередь, может быть выражен несколькими существительными, словосочетанием или целым предложением; как описывать синтаксические отношения внутри топика и каким типом связи (синтаксической или семантической) он связан с комментарием? Кроме того, термины «топик — комментарий» относятся к коммуникативным категориям, а «подлежащее — сказуемое» — к синтаксическим, и вряд ли корректно противопоставлять одно другому.

Комментарий также может быть сложной синтаксической единицей, а из каких элементов он состоит? Любая ли номинативная группа в составе предложения может «выдвинуться» в позицию топика? Очевидно, что нет. Какие могут, а какие нет и почему? Как синтаксически должно быть преобразовано предложение, чтобы выдвижение топика стало возможным? Какими правилами определяется порядок следования номинативных групп в препозиции к сказуемому?

Другими словами, имеется много вопросов, на которые нельзя ответить простым бинарным делением предложения на топик и комментарий, а утверждения типа «топик и комментарий — основа не только

синтаксиса, текста, типологии и психолингвистики, это универсальные языковые категории, функционирующие на любых уровнях и стадиях языка в синхронии и диахронии, совершающие оборот в процессе порождения и восприятия, постоянно переходящие в себе подобные или производные; структуры» (Курдюмов 2014) следует рассматривать как лингвистически бессмысленные.

2.3. Утверждение об отсутствии синтаксической связи между топиком и комментарием (или сказуемым) также нуждается в уточнении. Формально (например, при построении дерева зависимостей) можно утверждать, что между топиком и комментарием нет отношения кореферентности и нет явной синтаксической связи, но связь есть, и она имеет синтактико-семантический характер, при этом типы семантических отношений между топиком и комментарием могут быть исчислены. Наша задача — показать эти связи и исчислить их.

3. Структура предложения и семантический класс глагольного сказуемого

Мы предлагаем несколько иную модель описания. Структура простого предложения в КЯ и варианты взаиморасположения его синтаксических составляющих (варианты порядка слов) зависят от семантической структуры глагола, представляемой как лексическое толкование с набором компонентов и отношениями между ними, типа действия и типа ситуации, описываемых глагольным сказуемым. Глаголы делятся на классы в зависимости от того, какой тип предложения они задают и наличие каких синтаксических элементов они допускают. Задачей дальнейшего описания, выходящей за рамки данной статьи, является перечисление классификационных признаков и выделяемых при их помощи глагольных классов.

Таким образом, в КЯ синтаксический тип простого предложения и его свойства являются функцией от семантического класса глагола: $S = F(V)$, поэтому позиции в предложении являются не чисто синтаксическими, а семантико-синтаксическими.

Так, например, в предложениях наличия-существования с глаголом 有 *yǒu* 'иметь, обладать' в качестве сказуемого в начальной позиции (позиции «подлежащего») обычно находится именная группа с локативным значением, а в позиции после глагола — указание на предмет/лицо,

о существовании которого идет речь. В китайской лингвистике долго шли споры о том, может ли подлежащее быть выражено локативной именной группой и следует ли локатив считать тут подлежащим или обстоятельством. Ответ получается весьма тривиальным: при глаголе 有 *yǒu* — может (может еще с глаголом 是 *shì* 'быть, являться'), а с другими глаголами — нет.

Кроме того, любое предложение, существующее в некотором прагматическом контексте, выполняет еще и коммуникативные функции, что делает его сложным целым, состоящим из набора синтаксических, семантических, коммуникативных и прагматических факторов. Все это определяет, какой порядок слов для данного типа глагольного сказуемого является *немаркированным*, то есть коммуникативно нейтральным, а какой *маркированным*, а также то, как может проецироваться задаваемая глаголом семантическая структура со всеми ее компонентами на поверхностно-синтаксический уровень.

Синтактико-семантические позиции, задаваемые данным глаголом, могут быть заполнены стандартным образом (ситуация видится стандартно), а могут быть заполнены нестандартно (ситуация рассматривается нестандартно), при этом без всякого оформления какими-либо маркерами. Так, например, постпозиция к глаголу 吃 *chī* 'есть' может быть заполнена следующими способами:

- (2) Объект
吃 苹果
chī píngguǒ
есть яблоко
'Есть яблоко'.
- (3) Субъект как способ измерения количества еды
这 锅 饭 可以 吃 五 个人
zhè guō fàn kěyǐ chī wǔ ge rén
этот котелок еда мочь есть пять CLF человек
'Этой еды хватит на/накормить пять человек'.
- (4) Инструмент
吃 大 碗
chī dà wǎn
есть большой чашка
'Есть большой чашкой/большую чашку'.

- (5) Тип еды / вид кухни

吃 食堂

chī shítáng

есть столовая

‘Есть в столовой’.

- (6) Источник

吃 父母

chī fùmǔ

есть родители

‘Есть (жить) за счет родителей’.

Если первый способ заполнения этой позиции (пример (2)) является стандартным способом по умолчанию, то остальные — нестандартны, при этом в примерах (2)–(6) глагол 吃 chī не меняет своего значения (в отличие от, например, сочетания 吃官司 chī guānsi ‘судиться’; букв. *есть судебное дело*), а в примерах (3)–(6) блокирована возможность появления стандартного дополнения в поверхностной структуре предложения и возможность перемещения «нестандартного» дополнения в позицию перед глагольным сказуемым. Другими словами, для каждого типа глаголов существует свой набор правил проекции и, соответственно, свой набор разных порядков слов, при этом, казалось бы, близкие по синтаксическим и семантическим свойствам глаголы могут иметь разные правила проекции. В частности, глагол 喝 hē num не допускает заполнения синтаксических позиций способом, аналогичным примерам (4)–(6).

Рассмотрим несколько предложений с двумя (или более) существительными (или именными группами) в начале предложения. Несмотря на формальное сходство (в начале каждого предложения находятся две именные группы), эти предложения относятся к различным синтактико-семантическим типам.

- (7) 王 先生 工作 很 忙⁸.

wáng xiānsheng gōngzuò hěn máng

Ван господин работать очень занятой

‘Господин Ван очень занят на работе’.

⁸ Здесь и далее приводятся примеры, которые можно назвать каноническими, так как они встречаются во многих работах (китайских и зарубежных), так или иначе затрагивающих данную тему. Авторы специально взяли именно эти примеры, чтобы была возможность при необходимости сверить различные трактовки одних и тех же предложений.

- (8) 象 鼻子 长。

xiàng bízi cháng

слон нос длинный

‘У слона длинный хобот’.

Предложения (7) и (8) — это предложения с двойным подлежащим (主谓谓语句) с семантическим отношением «субъект — способность выполнять действие (как одна из характеристик субъекта)» (7) и «объект/лицо — одна из стандартных характеристик/качеств объекта» (8) (могут быть и другие виды отношений)⁹. При этом характеристика выражена предикативным словосочетанием/предложением.

- (9) 南方 这些 天 老 下 雨。

nánfāng zhè xiē tiān lǎo xià yǔ

юг это несколько день постоянно падать дождь

(букв. *старый*)

‘В эти дни на юге много дождей / постоянно идут дожди’.

Предложение (9) описывает явление природы (осадки) со стандартным порядком слов V+O при стандартно незаполненной позиции подлежащего, которая в данном случае заполнена немаркированными именными группами со значением места (N1) и времени (N2), при этом также возможен порядок компонентов N2+N1.

- (10) 那 件 事情, 我 不 怪 你

nà jiàn shìqìng wǒ bù guài nǐ

это CLF дело я не винить ты

‘Я не виню тебя за это’.

В предложении (10) у глагола 怪 guài ‘укорять, винить’ заполнены обе синтаксические позиции подлежащего и дополнения, а валентность причины/содержания вынесена в единственную свободную синтаксическую позицию в абсолютном начале предложения. Аналогичным образом следует рассматривать предложения в примере (11), в которых в единственно свободную синтаксическую позицию абсолютного начала предложения вынесена валентность содержания существительного 意见 yìjiàn ‘мнение’.

⁹ В Chappell 1996 эти отношения характеризуются как отношения неотчуждаемой принадлежности, мы же их рассматриваем как частный случай отношений «объект — свойство/характеристика (стандартная или нестандартная)».

(11.1) 这件事 我没有 意见
zhè jiàn shì wǒ méiyǒu yìjiàn
 это CLF дело я не.иметь возражение
 'У меня нет возражений на этот счет'.

(11.2) 这个 计划 我 没 意见。
zhè ge jìhuà wǒ méi yìjiàn
 это CLF план я нет возражение
 'У меня нет возражений против этого плана'.

В предложении (12) вперед вынесена именная группа, выдвинутая в абсолютное начало с позиции дополнения, так как данный номинативный элемент является «данной» информацией. Подлежащее в таких предложениях либо может быть опущено, либо в позиции подлежащего может находиться кореферентная именная группа.

(12) 这两 件 衣服 你 要 穿 哪 一 件?
zhè liǎng jiàn yīfu nǐ yào chuān nǎ yì jiàn
 это два CLF одежда ты хотеть надеть который один CLF
 'Какую из этих двух вещей ты хочешь надеть?'

В примерах (7)–(12) порядок следования именных групп фиксирован. Именно в таких предложениях имеет смысл говорить о большом (внешнем) и малом (внутреннем) подлежащем. К подобному типу также относятся следующие случаи:

(13) Описание состояния объекта (целого) через характеристику его части или через то, что произошло с его частью

(13.1) 这种 食物 含糖量 很 低。
zhè zhǒng shíwù hántánliàng hěn dī
 это CLF пища сахаристость очень низкий
 'В этом продукте очень мало сахара'.

(13.2) 张 老师 身体 很 好。
Zhāng lǎoshī shēntǐ hěn hǎo
 Чжан учитель здоровье/тело очень хороший
 'У учителя Чжана хорошее здоровье'.

(13.3) 我们 学校 男老师 多, 女老师 少。
wǒmen xuéxiào nán.lǎoshī duō nǚ.lǎoshī shǎo
 я.PL школа М.учитель много F.учитель мало
 'В нашей школе мужчин-учителей много, учителей женщин мало'.

(13.4) 这 棵 树 叶子 大。
zhè kē shù yèzi dà
 это CLF дерево лист большой
 'У этого дерева крупные листья'.

(13.5) 桌子 腿儿 断了
zhuōzi tuǐér duànle
 стол ножка ломать.PFV
 'Ножка стола сломана'.

(14) Выбор части из целого
 你们 谁 去?
nǐmen shuí qù
 ты.PL кто идти (туда)
 'Кто из вас пойдет?'

(15) Описание целого через его способность выполнять некоторое действие
 他 办 事 / 学习 很 认真。
tā bàn shì / xuéxí hěn rènzhēn
 он делать дело / учеба очень добросовестно
 'Он серьезно работает / учится'.

В таких предложениях возможно перечисление нескольких (больше двух) характеристик (качеств), описывающих объект с разных сторон, при этом они располагаются в определенной фиксированной последовательности перед сказуемым:

(16) 我们 这里 西瓜 最 大的
wǒmen zhèlǐ xīguā zuì dàde
 я.PL тут арбуз самый большой.ATTR
 一 个 有 五十 斤。
yí gè yǒu wǔshí jīn
 один CLF иметь пятьдесят фунтов
 'Самый большой арбуз тут весит 25 кг'.

(17) 这 些 天 南方 老 下 雨。
zhè xiē tiān nánfāng lǎo xià yǔ
 это несколько день юг постоянно падать дождь
 'В эти дни на юге много дождей'.

Еще примеры подобного рода:

- (18) 屋里 大伙儿 正 开着 会。
wūlǐ dàhuǒr zhèng kāizhe huì
 дом.LOC все как.раз проводить.STAT собрание
 'Все в доме (комнате) на собрании'.
- (19) 那些事 你们 不知道。
nà xiē shì nǐmen bù zhīdào
 этот CLF вещь ты.PL нет знать
 'Ты не знаешь этих вещей'.
- (20) 这些事 我 从来 没 听说过。
zhè xiē shì wǒ cónglái méi tīngshuōguò
 это несколько вещь я никогда не слышать.говорить.EXPER
 'Я никогда не слышал об этих делах'.
- (21) 这本书 我 读 得很 累。
zhè běn shū wǒ dú de hěn lèi
 это CLF книга я читать ДЭ очень усталый
 'Я устал читать эту книгу'.
- (22) 那场 火 幸亏 消防队 来 得快。
nà chǎng huǒ xìngkuī xiāofángduì lái de kuài
 это CLF огонь к.счастью пожар.команда приходить ДЭ быстро
 'К счастью, на этот раз пожарные приехали быстро'.
- (23) 你说 的那些 人, 他们都 来了。
nǐ shuō de nà xiē rén tāmen dōu lái le
 ты говорить ATTR тот несколько человек он.PL все приходить.PFV
 'Люди, которых ты упомянул, они все здесь'.

В китайской разговорной речи возможно передвижение любого элемента синтаксической структуры в абсолютный конец предложения, такое явление называется «сдвигом в разговорном языке» (口语易位现象 *kǒuyǔ yìwèi xiànxàng*)¹⁰. Это следует рассматривать как рематизацию, свойственную разговорному языку, и такие примеры к проблеме «топик-комментарий» отношения не имеют:

- (24) 我有 意见, 对 他。
wǒ yǒu yìjiàn, duì tā
 я иметь точка.зрения против он
 'У меня другое мнение'.

¹⁰ См, например, Lu Jianming 1980.

- (25) 解放 多少 年 了, 北京?
Jiěfàng duōshǎo nián le, běijīng
 освобождение сколько год MOD Пекин
 'Сколько лет прошло после освобождения Пекина?'
- (26) 来了 吗 你 哥哥?
lái le ma nǐ gēgē
 приходить.PFV Q ты старший.брат
 'Твой старший брат пришел?'

4. Некоторые следствия из сказанного

Мы считаем, что как анализ в терминах «подлежащее — сказуемое», так и анализ в терминах «топик — комментарий» описывают лишь часть проблемы, так как не затрагивают вопрос о семантических особенностях синтаксических позиций, открываемых глаголом/сказуемым. Так, например, глагол 是 *shì* 'быть, являться' в предложении «A+是+B» способен соотносить A и B в очень широком смысле, поэтому в случаях, подобных предложению (27), элемент A мы можем рассматривать как топик, учитывая также тот факт, что в (27) сочетание 是不是 *shì bú shì* является маркером вопросительного предложения.

- (27) Описание темы беседы
 中国 北方 和 南方 (话题) 是 不是
zhōngguó běifāng hé nánfāng (huàtí) shì bú shì
 Китай север и юг (тема) быть не быть
 区别 很 大?
qūbié hěn dà
 разница очень большой
 'Существует ли большая разница между северным и южным Китаем?'

Анализ в тех или иных терминах не решает проблемы, если не объясняет, почему тот или иной элемент семантической структуры может появляться именно в этой синтактико-семантической позиции.

Утверждения о том, что топик может быть никак не связан с комментарием, неверны¹¹. Анализ примеров выше (а также данных корпусов) позволяет нам утверждать, что топик является или одним из синтаксических элементов комментария (например, дополнение, вынесенное в пре-

¹¹ См., в частности, LaPolla 2009; Li, Thompson 1981; Курдюмов 2006.

позицию в сказуемому), или одним из элементов семантической структуры какой-либо лексической единицы комментария, либо топик и комментариев связаны ограниченным набором семантических отношений, такими как «часть — целое, объект — свойство/характеристика» и т. д., при этом порядок следования составляющих в последнем случае фиксирован.

Приведем пример парадигмы порядка слов предложения с предикатом 治 *zhì* ‘лечить’, который описывает процесс «ликвидации» некоторого отрицательного свойства/болезни (‘артрит’) у некоторого объекта/пациенса (‘больной’) субъектом (‘врач Ли’) при помощи определенного инструмента (‘китайские лекарственные травы’). Пример (28) показывает немаркированный порядок слов (исходную синтаксическую конструкцию (ИСК) в терминологии Тянь Аошун 2002), все остальные варианты коммуникативно маркированы и уместны в разных ситуативных контекстах:

(28) 李大夫 去年 用 中草药 给
Lǐ dàifu qùnián yòng zhōngcǎoyào gěi
 Ли врач прошлый.год использовать кит.трав.лекарство для
 一位病人 治好了 关节炎。
yí wèi bìngrén zhìhǎole guānjiéyán
 один CLF больной лечить.RES.PFV артрит
 ‘В прошлом году доктор Ли вылечил пациента от артрита при помощи китайских лекарственных трав’

(29.1) 这位病人的关节炎 李大夫 去年
Zhè wèi bìngrén de guānjiéyán Lǐ dàifu qùnián
 этот CLF больной ATTR артрит Ли врач прошлый.год
 用 中草药 给他 治好了。
yòng zhōngcǎoyào gěi tā zhìhǎole
 использовать кит.трав.лекарство для он лечить.RES.PFV
 ‘Артрит у этого пациента доктор Ли в прошлом году вылечил с помощью китайских лекарственных трав’

(29.2) 这位病人 李大夫 去年 用
zhè wèi bìngrén Lǐ dàifu qùnián yòng
 этот clf больной Ли врач прошлый.год использовать
 中草药 给他 治好了 关节炎
zhōngcǎoyào gěi tā zhìhǎole guānjiéyán
 кит.трав.лекарство для он лечить.RES.PFV артрит
 ‘Этому пациенту доктор Ли в прошлом году с помощью китайских лекарственных трав вылечил артрит’.

(29.3) 这种 中草药 李大夫 去年
zhè zhǒng zhōngcǎoyào lǐ dàifu qùnián
 это CLF кит.трав.лекарство Ли доктор прошлый.год
 用 它 给 一位病人 治好了 关节炎
yòng tā gěi yí wèi bìngrén zhìhǎole guānjiéyán
 использовать оно для один CLF больной лечить.RES.PFV артрит
 ‘Этим видом китайских лекарственных трав доктор Ли в прошлом году вылечил пациента с артритом’.

(29.4) 去年 李大夫 用 中草药 给
qùnián lǐ dàifu yòng zhōngcǎoyào gěi
 прошлый.год Ли врач использовать кит.трав.лекарство для
 一位病人 治好了 关节炎
yí wèi bìngrén zhìhǎole guānjiéyán
 один CLF больной лечить.RES.PFV артрит
 ‘В прошлом году доктор Ли вылечил пациента от артрита с помощью китайских трав’.

Совершенно очевидно, что глагол с другим значением и другим набором актантов будет иметь другие возможности порядка слов. Рассмотрим один из вариантов парадигмы порядка слов глагола 记 *jì* ‘запоминать’ со значением мгновенной фиксации субъектом (‘вы’) некоторого содержания/информации (‘содержание урока’), при этом глагол оформлен дополнительным элементом результата (‘крепко’). Последнее делает возможным перемещение валентности содержания в позицию после подлежащего и перед глаголом при условии маркирования этого передвижения предлогом 把 *bǎ* (букв. ‘брать, взять’):

(30.1) 你们 一定 要 记牢 这节课
nǐmen yíding yào jìláo zhè jié kè
 ты.PL непременно должен запомнить.RES/крепко это CLF урок
 的 内容。
de nèiróng
 ATTR содержание
 ‘Вы обязательно должны запомнить содержание этого урока’.

(30.2) 这节课 的 内容 你们 一定
zhè jié kè de nèiróng nǐmen yíding
 это CLF урок ATTR содержание ты.PL непременно

要 记牢。

yào jìláo

должен запомнить.RES/крепко

‘Содержание этого урока вам необходимо запомнить’.

(30.3) 这节课的内容你们一定要把它
zhè jié kè de nèiróng nǐmen yídìng yào bǎ tā
это CLF урок ATTR содержание ты.PL непременно должен БА он
记牢。

jìláo

запомнить.RES/крепко

‘Вы должны запомнить содержание этого урока’.

(30.4) 你们一定要把这节课的内容
nǐmen yídìng yào bǎ zhè jié kè de nèiróng
ты.PL непременно должен БА это CLF урок ATTR содержание
记牢。

jìláo

запомнить.RES/крепко

‘Вы должны запомнить содержание этого урока’.

Примеры выше иллюстрируют, что задача описания предложения не сводится к отданию предпочтения либо терминам «подлежащее — сказуемое», либо «топик — комментарий». Описание предложения в КЯ должно объяснять все варианты порядка слов и возможность/невозможность одновременного появления тех или иных элементов содержания в поверхностной структуре, т. е. объяснять всю парадигму предложения (включая коммуникативную), все правила проекции и особенности интонационного оформления каждого варианта порядка слов, включая расстановку пауз между синтаксическими составляющими.

Совершенно очевидно, что язык, в котором практически отсутствует поверхностная маркировка синтаксических позиций в предложении, не может вести себя аналогично тем языкам, в которых поверхностные маркеры есть.

Необходимо также отметить, что структура предложения в КЯ различается в зависимости от подъязыка. Так, например, можно утверждать, что политический, научный и разговорный подъязыки, а также язык художественной литературы используют разный арсенал синтаксических средств, а предложения и способ соединения их в текст обладают своими особенностями.

Сокращения

ДОП 1 — дополнение со значением адресата; ДОП 2 — дополнение со значением объекта действия; ДЭ — дополнительный элемент результата/возможности; ATTR — атрибутив; CLF — классификатор; EXPER — экспириентив; F — женский род; LOC — локатив; M — мужской род; MOD — модальная частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; Q — вопросительная частица; RES — результатив; STAT — статив.

Литература

- Курдюмов В. А. 2006. *Курс китайского языка. Теоретическая грамматика*. М.: Вече.
- Курдюмов В. А. 2014. *Китайский язык как идеальный/экзистенциальный объект лингвистики*. Тезисы выступления на 108-е заседании регулярного семинара «Проблемы рациональной философии» 18 марта 2014 г. https://iphras.ru/upfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf
- Тань Аошун. 2002. *Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка)*. М.: Языки славянской культуры.
- Chappell, H. 1996. The topic-comment and double subject constructions in Mandarin. In: H. Chappell, W. McGregor (eds.) *The grammar of inalienability. A typological perspective on body part terms and the part-whole relation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 465–527.
- LaPolla, R. J. 2009. Chinese as a topic-comment (not topic-prominent and not SVO) language. In: J. Xing (ed.) *Studies of Chinese Linguistics: Functional Approaches*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 9–22.
- Li, C. N., Thompson, S. A. 1981. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. University of California Press.
- Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. 2004. *Shíyòng xiàndài hànyǔ yǔfǎ* [Practical grammar of modern Chinese]. Beijing: Commercial Press. [实用现代汉语语法, 2004, 刘月华等著, 商务印书馆, 北京]
- Lu Jianming. 1980. Hànyǔ kǒuyǔ jǔfǎ lǐ de yì wèi xiànxàng [Translocation in the syntax of spoken Chinese]. *Zhōngguó yǔwén* [Chinese Language], vol. 1, 28–41. [陆俭明, 1980, 汉语口语句法里的易位现象, 《中国语文》, 第一期]
- Lu Jianming. 2019. *Xiàndài hànyǔ yǔfǎ yánjiū jiàochéng* [Contemporary Chinese grammar]. Beijing: Peking University Press. [陆俭明, 2019: 现代汉语语法研究教程, 北京大学出版社]
- Shen Yang, Guo Rui. 2014. *Xiàndài hànyǔ* [Modern Chinese]. Beijing: Higher Education Press. [沈阳, 郭锐 2014. 现代汉语, 高等教育出版社, 北京]
- Xing Fuyi. 2016. Hànyǔ yǔfǎxué xiūding běn [Chinese grammar, revised edition]. Beijing: Commercial Press. [邢福义, 2016: 汉语语法学修订本, 商务印书馆]
- Zhang Bin. 2010. *Xiàndài Hànyǔ miáoxiě yǔfǎ* [Descriptive grammar of modern Chinese]. Beijing: Commercial Press. [张斌 2010: 现代汉语描写语法, 商务印书馆]

СЕМАНТИКА КЛАССИФИКАТОРНЫХ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: ЖЕСТЫ КАК ИДЕОФОНЫ?

В. И. Киммельман

(Университет Бергена)
vadim.kimmelman@uib.no

Е. А. Христофорова

(Университет Амстердама)
e.khristoforova@uva.nl

Классификаторные предикаты в жестовых языках — это сложные изобразительные жесты, которые используются для описания движения или локализации референтов в пространстве. В связи со сложностью и иконичностью этих жестов возникает вопрос о семантическом статусе каждого из компонентов жеста. Являются ли все значения, выражаемые такими предикатами, частью ассерции? Мы исследуем этот вопрос на материале русского жестового языка. Мы также проводим параллель между морфосинтаксическими и семантическими свойствами классификаторных предикатов в жестовых языках и идеофонов в звуковых языках.

Раз, увидя паука,
Страшно испугался.
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:
«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»

Даниил Хармс. «Весёлый старичок»

1. Постановка задачи

Классификаторные предикаты в жестовых языках — это сложные иконичные жесты, которые выражают (и изображают) движение или локализацию референта (Zwitserslood 2012). Сложность этих жестов заключается в том, что каждый компонент их формы (форма руки, движе-

ние, локализация) имеет отдельное значение. Форма руки в таких жестах — это морфема, которая маркирует класс движущегося референта: например, в русском жестовом языке (РЖЯ) есть отдельные формы руки для машин, самолетов, людей, вытянутых объектов, круглых объектов, и так далее. Движение и локализация используются иконично (депиктивно) для передачи движения (направления, траектории, манеры) или локализации референта в жестовом пространстве. Даже небольшие изменения движения или локализации жеста меняют его значение.

Сложность и иконичность таких предикатов иллюстрирует следующий пример:

- (1) КЛ_м(машина)-ДВИЖЕНИЕ-ВВЕРХ-ЗИГЗАГ
'Машина двигается вверх под определенным углом по зигзагу'.

Рисунок 1. Жест КЛ_м(машина)-ДВИЖЕНИЕ-ВВЕРХ-ЗИГЗАГ.

Форма руки здесь выражает семантический класс движущегося референта (машину), направление движения руки выражает направление движения машины, а траектория движения руки (зигзаг) выражает траекторию движения машины. Если минимально изменить форму этого жеста, например, угол наклона движения руки, то изменится и значение.

Классификаторные предикаты представляют особый интерес как с точки зрения их морфологической сложности, так и благодаря их гибридной природе: они сочетают в себе элементы конвенциональной лингвистической системы (в частности, формы руки являются конвенциональными морфемами) и продуктивной иконичной жестикуляции (Davidson 2015).

В связи с их сложностью и наличием иконичных компонентов возникает следующий вопрос: каков семантический вклад каждого из компонентов жеста? Является ли вся информация, которая передается жестом в примере (1), эксплицитной частью пропозиции (ассерцией), или же отдельные компоненты этого жеста имеют неассертивный статус (т. е. выражают имплицитное или пресуппозиционное значение)?

Данный вопрос возникает по двум причинам. Во-первых, есть основания предполагать, что в жестах, которые содержат такое большое количество информации в принципе, не каждый компонент является одинаково важным. Во-вторых, иконичный/жестикуляционный характер отдельных компонентов этого жеста может повлиять на их семантический статус.

Стоит заметить, что иконичность не является прерогативой жестовой модальности. В звуковых языках также присутствуют иконические элементы. В частности, можно увидеть сходства между классификаторными предикатами в жестовых языках и идеофонами в звуковых языках (Dingemanse et al. 2015). Как мы покажем в следующем разделе, это сходство касается и семантического статуса данных элементов.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о семантическом статусе компонентов классификаторных предикатов в РЖЯ. Мы рассматриваем только случаи, когда форма руки выражает класс движущегося референта (*whole-entity classifier predicates*), и исключаем случаи классификаторных предикатов манипуляции (*handling classifier predicates*) и спецификаторов формы и размера (*size-and-shape specifiers*) (Zwitserlood 2012). Исследование основывается на элицитации при помощи стимулов-рисунков с участием четырех носителей РЖЯ. Элицитация проводилась авторами по видеосвязи, на РЖЯ, без использования письменного/устного русского языка.

2. Семантика классификаторных предикатов и идеофонов

Вопрос семантики классификаторных предикатов ранее изучался на материале других жестовых языков, в основном, американского жестового языка (ASL). Однако интересно, что различные исследователи предлагают различный семантический анализ классификаторных предикатов.

Например, К. Дэвидсон (Davidson 2015: 494) предлагает рассматривать иконичную природу данных классификаторов в качестве *демонстрации*:

- (2) WOMAN CL₁-LOCATE
 женщина КЛ₁(человек)-ЛОКАЛИЗОВАН
 'Там есть женщина'.
- (3) $\exists e. [\text{theme}(e, \text{woman}) \wedge \text{human}(\text{woman}) \wedge \text{locating}(e) \wedge \text{demonstration}(d, e)]$

Согласно ее анализу, предложение в примере (2), которое содержит классификаторный предикат с формой руки 1 (которая относится к классу «люди»), можно проинтерпретировать как (3): существует событие, в котором есть аргумент-тема (женщина), женщина является человеком, событие описывает локализацию, и событие содержит демонстрацию. Обратим внимание на то, что семантический вклад формы руки в этом примере — это 'human' ('woman'), а семантический вклад движения жеста — это демонстрация того, где и как располагается референт. Мы не будем вдаваться в тонкости этого анализа. Основной для нашего исследования идеей является то, что и вклад формы руки, и вклад движения и локализации является эксплицитной частью пропозиции, т. е. ассертивным компонентом.

Совсем к другим выводам приходит Ф. Шленкер (Schlenker 2021). При помощи элицитации сложных семантических суждений он утверждает, что в классификаторных предикатах, в которых присутствует движение, лишь сам факт движения референта является эксплицитной ассерцией, в то время как направление движения, траектория, а также форма руки вносят семантический вклад, который является пресуппозицией.

Заметим, что анализ Шленкера является более убедительным, так как он проводит ряд тестов на семантический статус классификаторных предикатов, в отличие от Дэвидсон, которая в первую очередь уделяет

внимание демонстрации как механизму иконичности. Однако и исследование Шленкера не являются заключительным аргументом в вопросе о семантическом статусе классификаторных предикатов. Во-первых, его исследования часто основаны на тонких суждениях одного носителя американского жестового языка. Во-вторых, эти исследования в основном касаются только одного жестового языка, что не позволяет сделать вывод о других жестовых языках. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего исследования на материале других жестовых языков.

Как мы упоминали выше, в звуковых языках также присутствуют иконичные языковые единицы, наиболее изученными из которых являются идеофоны. Исследователь идеофонов М. Дингемансе предлагает следующее определение: «Идеофон — это представитель открытого класса маркированных слов, которые изображают сенсорные образы» (Dingemanse 2019: 16)¹.

Идеофоны могут изображать звуки, однако также они используются для изображения движения, формы, ощущений боли и других чувств и ощущений. Например, идеофон *kanananananana* из языка сиву (семья ква, восточная Гана) выражает значение тишины (4) (Dingemanse 2017: 367)².

- (4) *Bo ka-gbàmikù ga-̀ngbe ne, ka-̀-̀lo*   ↑*ma*
 our C.KA-area   A.KA-DPRX FOC ING-he.TP-silence them
kanana~nanananana↑
 IDPH.silence~EM5
 ‘Our neighbors, he silenced ↑them kanananananana↑ [silence]’.

Многие исследователи отмечают, что идеофоны обладают особым семантическим статусом, а именно их семантический вклад не может являться частью ассерции. Это проявляется в том, что семантический вклад идеофона не может напрямую отрицаться (Barnes et al. 2022). Например, идеофон *plitsch-platsch*, выражающий движение мокрого референта в немецком языке, не может напрямую отрицаться адресатом (5). Если адресат не согласен с семантическим вкладом идеофона, ему требуется ответить более сложным способом, как в примере (6) (Barnes et al. 2022: 19).

¹ В оригинале: “Ideophone. A member of an open lexical class of marked words that depict sensory imagery”.

² Цитируемые примеры здесь и далее приводятся на языке источника и с глоссами без изменений.

- (5) A: *Der Frosch geht plitsch-platsch die Treppe hoch.*
 the frog goes plitsch-platsch the stairs high
 ‘The frog goes splish-splash up the stairs’.
 B: *#Nein, das stimmt nicht.*
 no that is.right not
 ‘No, that’s not true’.
- (6) B: *Hey, warte mal. Der Frosch geht doch völlig geräuschlos die Treppe hoch.*
 Hey wait once the frog goes but completely silently the stairs high
 ‘Hey, wait a minute! The frog goes up the stairs in complete silence’.

Однако Дингемансе обнаружил, что в языке сиву присутствуют две разные морфосинтаксические категории идеофонов: свободные и связанные. Свободные идеофоны являются отдельными словами, не интегрированными в предложение морфологически (как в примере (4)), в то время как связанные идеофоны выступают в качестве предикатов или прилагательных (7) (Dingemanse 2017: 369). Выяснилось, что связанные идеофоны, в отличие от свободных, могут быть частью вопроса, а также напрямую отрицаться (8).

- (7) *bo-nà ò-rẽrẽ gbogboro-à kere*
 1PL-get C.O-man IDPH.tough-ADJ just
 ‘We’ve got a sturdy man here’.
- (8) *i-i-kpokporo*
 it-NEG-IDPH.hard
 ‘It isn’t *kpokporo* [hard]’.

Можно увидеть прямую параллель между идеофонами и классификаторными предикатами в жестовых языках. Оба явления связаны с изображением сенсорных образов, в частности, движения. Классификаторные предикаты в жестовых языках наиболее схожи со связанными идеофонами в звуковых языках, так как они морфосинтаксически интегрированы в предложение и чаще всего выступают в роли основного предиката в предложении. Это дает основание предположить, что, как и связанные идеофоны, классификаторные предикаты будут выражать ассертивное значение.

Однако присутствуют и различия. Идеофоны, хоть и являются иконичными элементами, все же не выражают сопоставимое с классифика-

торными предикатами количество информации. Их семантический вклад обычно ограничен каким-то одним аспектом события. Большая семантическая сложность классификаторных предикатов может сказаться и на статусе семантического вклада их компонентов.

Прежде чем перейти к описанию классификаторных предикатов в РЖЯ, необходимо объяснить, почему мы сравниваем классификаторные жесты с идеофонами, а не с жестикуляцией слышащих (*co-speech gestures*). Дело в том, что классификаторные предикаты, как и идеофоны, используют ту же модальность, что и другие лингвистические элементы в жестовых и звуковых языках соответственно. Жестикуляция же использует модальность, отличную от основной для звуковых языков; таким образом, жестикуляция обычно является дополнительным элементом, и поэтому семантический вклад жестикуляции практически по определению является неэксплицитным в большинстве случаев. Однако с точки зрения формы действительно можно увидеть параллели между классификаторными предикатами и иконичной жестикуляцией (Tieu et al. 2017; Schlenker 2019). В будущем мы также планируем провести семантическое сравнение этих явлений.

3. Классификаторные предикаты в РЖЯ

Впервые классификаторные предикаты в РЖЯ упоминаются в работе Е. В. Прозоровой (2007), однако первым систематическим обзором различных классификаторных форм руки являются работы Е. А. Христофоровой (2016; 2017), где были подробно описаны все формы руки, используемые в качестве классификаторов движущегося референта (в работе обозначены как «семантические классификаторы»), в онлайн-корпусе РЖЯ (Буркова 2015; Христофорова 2016) и в последующем элицитационном эксперименте с использованием пересказа по картинкам, заимствованном из предшествующего исследования нидерландского жестового языка (Христофорова 2017; Zwitserlood 2003). Классификаторы манипуляции и спецификаторы формы и размера в данных работах не рассматривались. В результате анализа корпусных и экспериментальных данных Христофорова выявила и описала 14 различных классификаторных форм руки, многие из которых имеют несколько алломорфов, т. е. фонетических вариантов с идентичным значением и функцией. Классификаторы, релевантные для данного исследования, и их семантические характеристики перечислены в табл. 1.

Таблица 1. Классификаторы движущегося референта в РЖЯ

Классификатор	Семантические характеристики референтов
2 (указательный и средний пальцы выпрямлены)	Используется для одушевленных антропоморфных референтов с не менее чем двумя ногами; ключевым является то, что количество ног при этом не обязательно должно быть равно двум. Таким образом, антропоморфные референты с тремя и более ногами в эксперименте часто описывались классификатором 2.
3, 4, 5 (3, 4, 5 пальцев выпрямлены)	Используется для одушевленных антропоморфных референтов с 3, 4 и 5 ногами. Как указано выше, использование этих форм необязательно.
1 (указательный палец выпрямлен)	Используется для одушевленных антропоморфных референтов или неодушевленных референтов продолговатой узкой формы; количество ног не является релевантным, но объекты круглой или квадратной формы, т. е. объекты или существа, чья ширина не является заметно больше, чем длина, не могут быть обозначены данным классификатором.
500 (все пять пальцев слегка согнуты)	Используется для одушевленных и неодушевленных референтов округлой формы. Как и в случае классификатора 1, общие пространственные характеристики объекта являются ключевыми, в то время как количество ног не играет роли.
Ы (см. рис. 1)	Используется исключительно для автомобилей.

Несложно заметить, что референциальные поля некоторых классификаторов в таблице выше пересекаются. Так, классификатор 1 или 500 могут обозначать тот же референт, что и классификатор 2 и его алломорфы. Также важно заметить, что классификаторы 3, 4 и 5 являются более информативными, чем классификаторы 1 и 500, в которых количество ног не имеет значения. Таким образом, во многих контекстах классификатор 3 можно заменить на классификатор 2 или 1, но не наоборот. Данное свойство референциальных полей семантических классификаторов не является уникальным для РЖЯ (Zwitserlood 2012), и его важно учитывать при разработке экспериментальных материалов, аналогичных представленным далее.

Помимо исследований классификаторных форм руки в РЖЯ, опубликованы также исследования аргументной структуры классификаторных предикатов в этом языке (Kimmelman et al. 2019; Kimmelman et al. 2020).

4. Семантический вклад компонентов

Для исследования вопроса о семантическом статусе компонентов классификаторных предикатов в РЖЯ мы применили тест на несогласие в диалоге, который является стандартным тестом для определения ассерции (*at-issue content*) (Коев 2018). Носителю предлагался рисунок, изображающий движение референта, см. примеры на рис. 2.

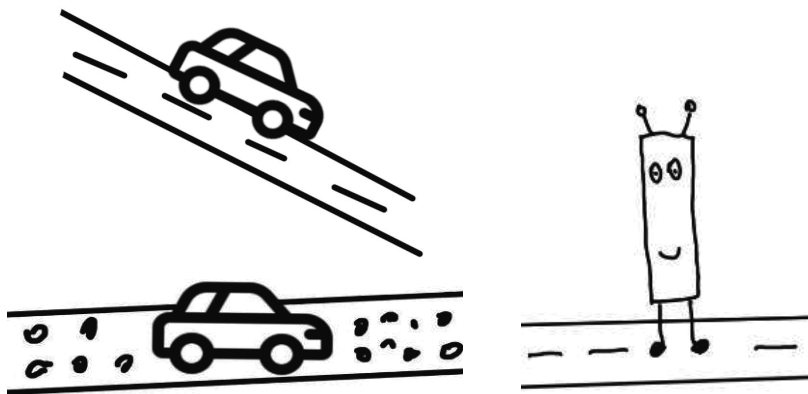

Рисунок 2. а) Машина едет вниз. б) Машина едет по дороге с камнями.
в) По дороге идет длинный инопланетянин.

Далее носителю предлагался такой сценарий: вы обсуждаете картинку с другим носителем РЖЯ. Он описывает картинку, но делает это неправильно. Как вы отреагируете? Затем носителю предлагалось предложение, в котором неправильно использовалось направление движения, траектория движения или форма руки, см. пример (9).

- (9) а. МАШИНА КЛ_ы(машина)-ЕХАТЬ.ВВЕРХ
'Машина едет вверх'.
б. МАШИНА КЛ_ы(машина)-ЕХАТЬ.ЗИГЗАГ
'Машина едет зигзагом'.
в. Н-Л-О КЛ₅₀₀(круглый)-ИДТИ
'Идет круглый инопланетянин'.

Поясним отдельно пример (9в). Значение 'инопланетянин' в РЖЯ выражается дактилированием Н-Л-О, и в этом жесте не кодируется форма инопланетянина, однако она должна кодироваться в форме руки

в классификаторном предикате. Форма руки 500 явно несовместима с «высоким» инопланетянином.

Трое из четырех носителей, которые выполняли это задание, показали следующий паттерн ответов. В случае неправильного направления движений и манеры они отвечали при помощи стандартного отрицания (жеста НЕТ) и классификаторного предиката с правильным направлением и траекторией (10), (11). Однако в случае неправильной формы руки стандартный отрицательный ответ оценивался ими как невозможный, и вместо этого они комментировали, что жест по форме не соответствует картинке (12). Сравните это с примером (6) из немецкого.

- (10) А: МАШИНА КЛ_ы(машина)-ЕХАТЬ.ВВЕРХ
'Машина едет вверх'.
Б: НЕТ, МАШИНА КЛ_ы(машина)-ЕХАТЬ.ВНИЗ
'Нет, машина едет вниз'.
(11) А: МАШИНА КЛ_ы(машина)-ЕХАТЬ.ЗИГЗАГ
'Машина едет зигзагом'.
Б: НЕТ, МАШИНА КЛ_ы(машина)-ЕХАТЬ.ПОДПРЫГИВАТЬ
'Нет, машина едет, подпрыгивая на камнях'.
(12) А: Н-Л-О КЛ₅₀₀(круглый)-ИДТИ
'Круглый инопланетянин идет'.
Б: НЕ.ПОДХОДИТЬ. КРУГЛЫЙ ОТКУДА? СМОТРИ, ДЛИННЫЙ'.
'Не подходит, откуда круглый? Смотри, длинный'.

Согласно суждениям четвертого носителя, все случаи из примера (9) можно исправлять простым отрицанием.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в классификаторных предикатах в РЖЯ направление движения и траектория/манера движения как минимум могут быть частью ассерции, так как их можно напрямую отрицать. При этом форма руки не является частью ассерции и не подлежит отрицанию для большинства носителей. Можно предположить, что форма руки является пресуппозицией. В ситуации примера (12), когда форма руки не соответствует изображению на картинке, происходит ошибка пресуппозиции (*presupposition failure*), которая вызывает не отрицание, а реакцию непонимания.

Если наши результаты верны, то различные компоненты классификаторных предикатов в РЖЯ имеют различный семантический статус. Если сравнивать их с идеофонами, то компонент движения ведет себя

как связанный идеофон. Это неудивительно, так как движение является морфологически связанным, пусть и иконичным компонентом.

С другой стороны, форма руки, наименее изобразительный компонент классификаторных предикатов, выражает значение, которое находится в пресуппозиции. Мы считаем, что здесь можно провести параллель с показателями рода в звуковых языках, значение которых тоже часто является пресуппозицией (Yanovich 2010). Ранее исследователи уже указывали на сходство классификационных форм руки и показателей рода или именных классов в звуковых языках с точки зрения морфологии (Zwitserslood 2003).

Конечно, данное исследование является лишь первым шагом на пути определения семантического вклада компонентов классификаторных предикатов в РЖЯ. Мы использовали лишь один тест, и даже среди четырех носителей мы не увидели полного согласия. Мы считаем, что данный тест показывает, что траекторию и направление движения в данных предикатах можно интерпретировать как часть ассерции, но не показывает, является ли данная интерпретация обязательной. В дальнейшем мы планируем использовать другие тесты, схожие с тестами в работах Ф. Шленкера, для более подробного изучения этого вопроса.

5. Выводы

В этой короткой работе мы впервые рассмотрели семантический статус различных компонентов классификаторных предикатов в РЖЯ. Мы выяснили, что траектория и направление движения могут быть частью ассерции, а форма руки выражает значение, которое не может быть частью ассерции (и, по-видимому, является пресуппозицией). Таким образом, компонент движения в этих предикатах напоминает связанные идеофоны в звуковых языках: он является иконичным, но интегрированным в морфосинтаксическую структуру предложения, а потому выражает часть эксплицитной пропозиции. Форма руки же более напоминает маркеры рода или именного класса в звуковых языках, которые также традиционно расцениваются как пресуппозиция.

Сокращения

1 — 1-е лицо; A — маркер согласования; ADJ — прилагательное; C — маркер именного класса; DPRX — проксимальный демонстратив; EM — эмфатическая

частица; FOC — фокус; IDPH — идеофон; ING — ингрессив; KA — класс KA; NEG — отрицание; PL — множественное число; TP — топик; U — класс U.

Литература

- Буркова С. И. 2015. Онлайн-корпус русского жестового языка. *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика»-2015*. СПб.: СПбГУ, 137–145.
- Прозорова Е. В. 2007. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования. *Вопросы языкознания*, №1, 44–61.
- Христофорова Е. А. 2016. *Семантические классификаторы русского жестового языка. Курсовая работа*. М.: РГГУ.
- Христофорова Е. А. 2017. *Инвентарь семантических классификаторов русского жестового языка. Дипломная работа*. М.: РГГУ.
- Barnes, K. R., Ebert, C., Hörnig, R., Stender, T. 2022. The at-issue status of ideophones in German: An experimental approach. *Glossa: a journal of general linguistics*, vol. 7(1). <https://doi.org/10.16995/glossa.5827>.
- Davidson, K. 2015. Quotation, demonstration, and iconicity. *Linguistics and Philosophy*, vol. 38(6), 477–520.
- Dingemanse, M. 2017. Expressiveness and system integration: On the typology of ideophones, with special reference to Siwu. *STUF — Language Typology and Universals*, vol. 70(2), 363–385.
- Dingemanse, M. 2019. Ideophone' as a comparative concept. In: K. Akita, P. Pardeshi (eds.) *Ideophones, mimetics and expressives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 13–34.
- Dingemanse, M., Blasi, D. E., Lupyan, G., Christiansen, M. H., Monaghan, P. 2015. Arbitrariness, iconicity, and systematicity in language. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 19(10), 603–615.
- Kimmelman, V., de Lint, V., de Vos, C., Oomen, M., Pfau, R., Vink, L., Aboh, E. O. 2019. Argument structure of classifier predicates: Canonical and non-canonical mappings in four sign languages. *Open Linguistics*, vol. 5(1), 332–353.
- Kimmelman, V., Pfau, R., Aboh, E. O. 2020. Argument structure of classifier predicates in Russian Sign Language. *Natural Language & Linguistic Theory*, vol. 38(2), 539–579.
- Koev, T. 2018. Notions of at-issueness. *Language and Linguistics Compass*, vol. 12(12). <https://doi.org/10.1111/lnc3.12306>.
- Schlenker, P. 2019. Gestural semantics: Replicating the typology of linguistic inferences with pro- and post-speech gestures. *Natural Language & Linguistic Theory*, vol. 37(2), 735–784.
- Schlenker, P. 2021. Iconic presuppositions. *Natural Language & Linguistic Theory*, vol. 39(1), 215–289.

- Tieu, L., Pasternak, R., Schlenker, P., Chemla, E. 2017. Co-speech gesture projection: Evidence from truth-value judgment and picture selection tasks. *Glossa: a journal of general linguistics*, vol. 2(1). <https://doi.org/10.5334/gjgl.334>.
- Yanovich, I. 2010. On the nature and formal analysis of indexical presuppositions. In: K. Nakakoji, Y. Murakami, E. McCready (eds.) *New frontiers in artificial intelligence*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 272–291.
- Zwitzerlood, I. 2003. *Classifying hand configurations in Nederlandse Gebarentaal*. Utrecht: LOT Doctoral dissertation.
- Zwitzerlood, I. 2012. Classifiers. In: R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.) *Sign language: An international handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 158–186.

ВЕДИЙСКИЙ КАПИАТИВ: ОТ ДЕЕПРИЧАСТИЯ К (ПРОТО)ПАДЕЖУ (К ТИПОЛОГИИ И ГРАММАТИЧЕСКОМУ СТАТУСУ ВЕДИЙСКИХ СЛОЖНЫХ СЛОВ НА -GRĪHYA)*

Л. И. Куликов

(НИУ ВШЭ / Гентский университет)

kulikovli@googlemail.com

В статье рассматриваются санскритские деепричастия предшествования и их (не)участие в словосложении: в отличие от целого ряда отглагольных образований, они не образуют сложных слов, типичных для санскрита. Исключение составляют несколько сложных слов, образуемых деепричастием *-grĥya* 'схватив' (например, *hasta-grĥya* 'схватив за руку'), которые встречаются в основном в ранневедийских текстах. На основе анализа их свойств и их ограниченной продуктивности (образуются только от имен — названий частей тела), делается вывод о том, что этот морфологический тип является зачатком нового падежа (протопадежом), который можно назвать капиативом. Отмечается, что в поздневедийский период этот тип постепенно вытесняется аналитическим падежом, однако косвенными следами этого протопадежа (капиатива), возможно, являются довольно часто встречающиеся нерегулярные деепричастия на *-ya* (*grĥya*) без превербов, в особенности в эпическом санскрите.

荻の穂や頭をつかむ羅生門

ogi no ho ya

Ветка хаги задела меня...

kashira o tsukamu

Или демон схватил меня за голову

Rashoomon

В тени ворот Расёмон?

Мацуо Басё, 1691¹

* Пользуюсь случаем поблагодарить М. А. Егорову за ряд ценных замечаний и комментарии к моей статье.

¹ Пер. с японского В. Н. Марковой. Хайку Басё — аллюзия к легенде о демоне ворот Расёмон (Киото) Ибараки Додзи. *ogi* — японское название мискантуса сахароцветного (*Miscanthus sacchariflorus*, родственник сахарного тростника); *хаги* (японское название кустарника леспедёца, из семейства бобовых) в русском переводе — не вполне точная передача оригинала. 穂 *ho* 'метелка (соцветие)' [мискантуса].

1. Предварительные замечания: санскритские деепричастия и их участие в словосложении

Санскритский глагол образует два морфологических типа деепричастия предшествования (см. классификации деепричастий в Недялков 1990; Nedjalkov 1995: 117 et passim; Alpatov, Podlesskaya 1995): с суффиксом *-ya* (*-tya* после краткой гласной) — при наличии преверба (префикса) (ср. *bhū* ‘становиться’: *sam-bhū́-ya* ‘соединившись’) и с суффиксом *-tvā* — при его отсутствии (*bhū-tvā́* ‘став’). Эти деепричастия, или конвербы (в современной типологической терминологии), в традиционной санскритологической литературе часто именуется абсолютивами; в англоязычной литературе также используется термин ‘gerund’.

Согласно некоторым грамматикам (например, Реню 1930: 129), сложные слова на базе деепричастий на *-tvā* и *-ya* невозможны. Иными словами, в санскрите — языке с хрестоматийно богатой системой именного словосложения — деепричастия отличаются от целого ряда отглагольных образований тем, что не образуют сложных слов, подобных тем, которые в изобилии образуются от отглагольных именных основ: корневых (*dharma-vid-* ‘закон-знающий’), на *-a* (*havir-adá-* ‘жертвопоедатель’) и *-ana* (*śatru-bādhana-* ‘врагов-беспокоящий’), отглагольных прилагательных на *-ta/-na-* (ср. *vīrá-jāta-* ‘от.героя-рожденный’) и т. д.

В работе Kulikov 2010 показано, что этот факт может использоваться в качестве основания для включения конвербов в состав глагольной парадигмы по критерию **Composition VS. Incorporation Criterion**: в неинкорпорирующем языке отглагольное морфологическое образование F, которое может образовывать сложные слова с именными основами (N+F), скорее всего, не относится к глагольной парадигме в строгом смысле слова.

Этот критерий опирается на следующее трехкомпонентное определение именной инкорпорации как типа словосложения, при котором глагол и существительное объединяются, образуя новый глагол, причем:

(1.1) образовавшийся комплекс N+V имеет морфологические свойства грамматического слова (в данном случае — глагольной словоформы), а не синтаксической конструкции, состоящей из глагола и именной группы);

(1.2) основа инкорпорирующего комплекса N+V обладает свойствами правильной глагольной основы (в частности, может служить основой для спряжения = образования личных форм);

(1.3) инкорпорация существительного — продуктивный морфологический процесс, применимый к большому (в идеале неограниченному) классу глаголов.

Отмечу сразу, что ограничение (1.3) исключает из числа инкорпорирующих комплексов сложные слова, состоящие из именной основы и «легких глаголов» (‘light verbs’), таких как *быть*, *стать*, *делать*, *дать* — такие образования хорошо известны, в частности, в целом ряде языков Южной Азии, в том числе в санскрите, где к числу легких глаголов относятся *as* ‘быть’, *bhū* ‘становиться’ и *kr* ‘делать’. Ср. сложные слова на основе деепричастий *brāhmaṇī-bhū́-ya* (Шатапатха-Бр.) ‘став брахманом’, *puṁs-kŕ̥-tya* ‘приняв мужской облик’ (Шатапатха-Бр.) и даже финитных форм (*muṣṭī́-karoti* (Тайт.-Самх.) (букв.) ‘кулак-делает’, т. е. ‘складывает пальцы в кулак’),² которые, таким образом, не являются исключением из правила о запрете сложных слов на основе деепричастий.

Иными словами, сложные слова на основе деепричастий так же невозможны, как сложные слова на основе финитных форм типа **śatru-jayati* ‘враго-побеждает’ или **dharma-veda* ‘законо-знает’.

2. Сложные слова на *-gṛhya*

Существует, однако, одно примечательное исключение из этого правила — небольшой класс сложных слов, образуемых деепричастием *-gṛhya* ‘схватив’, присоединяющимся либо к именной основе, либо (в основном в вариантах, цитируемых грамматистами, о чем см. ниже) к форме локатива ед. ч. Выбор варианта с суффиксом *-ya* (а не *-tvā*) однозначно указывает на то, что форма, предшествующая *-gṛhya* трактуется так же, как преверб — т. е. как связанная форма/морфема (bound form) и, стало быть, речь идет именно о словосложении, а не о конструкции, состоящей из конверба и его прямого дополнения. Хронологически этот класс (лишь кратко упоминаемый несколькими грамматиками, см. напр. Whitney 1889: 356, 401; Wackernagel/Debrunner 1954 [AiG II/2]: 786) в основном ограничен ранневедийским периодом, т. е. диалектами Ригведы и Атхарваведы. Ниже приводятся слова этого типа, засвидетельствованные в ведийском корпусе.

² Об этом морфологическом типе см. Whitney 1889: 401—403; Wackernagel 1908: 128 = 1955: 1349; Schindler 1980.

2.1. Формы на *-gṛhya* в ранневедийском:
данные Ригведы и Атхарваведы

В Ригведе засвидетельствованы: *karna-gṛhyā* (с долгим конечным *a* суффикса *-ya*) 'схватив за ухо' (1×), *pāda-gṛhya* 'схватив за ногу' (2×), *hasta-gṛhya* 'схватив за руку' (1×); последнее несколько раз встречается также в Атхарваведе. Ниже приведены контексты употреблений слов на *-gṛhya* в Ригведе, а также один пример из Атхарваведы:³

- (1) (RV 8.70.15)
karna-gṛh-ya maghāvā śauradevyō
ухо-хватать-CONV щедрый:NOM.SG.M сын.Шурадевы:NOM.SG
vatsām nas tribhyā ānayat
теленка:ACC.SG нам три:DAT.PL приводить:3SG.IMPV.ACT
'Щедрый сын Шурадевы привел нам троим теленка, взяв (его) за ухо'.
- (2) (RV 4.18.12cd)
kās te devó ādhi mārḍikā
какой:NOM.SG.M тебе бог:NOM.SG к милосердный:NOM.SG.M
āsīd yāt prākṣiṇāḥ
быть:3SG.IMPV.ACT когда уничтожать:2SG.IMPV.ACT
pitāram pāda-gṛh-ya
отец:ACC.SG нога-хватать-CONV
'Какой бог был милосерден к тебе, когда ты уничтожил отца, схватив (его) за ногу?'
- (3) (RV 10.27.4cd)
jināmi vét kṣéma á sántam
овладевать:1SG.PR.ACT PRT покой:LOC.SG PVB быть:PR:PART.ACT:ACC.SG.M
ābhūm
пустой:ACC.SG
prá tám kṣiṇām párvate pāda-gṛh-ya
PVB тот:ACC.SG.M уничтожать:PR:1SG.INJ.ACT гора:LOC.SG нога-хватать-CONV
'Я же овладеваю (человеком) с пустыми руками, когда он на покое. Схватив (его) за ногу, я разбиваю его о гору'.

³ Переводы в основном следуют переводам Т. Я. Елизаренковой (Ригведа 1989; 1995; 1999).

- (4) (RV 10.85.26a)
pūṣā tvā itó nayatu hasta-gṛh-ya
Пушан:НОМ тебя отсюда вести:PR:3SG.IMPV.ACT рука-хватать-CONV
'Да уведет тебя Пушан отсюда, взяв за руку!'
- (5) (RV 10.109.2d)
agnír hótā hasta-gṛh-yá [-ya_á] nināya
Агни:НОМ.SG хотар:НОМ.SG рука-хватать-CONV_PVB вести:PF:3SG.ACT
'Агни-хотар повел [жену брахмана], взяв за руку'.
- (6) (AVŚ 5.14.4ab ≈ AVP 7.1.7ab)
pūnaḥ kṛtyām kṛtyā-kṛt-e
обратно колдовство:ACC.SG колдовство-делатель-DAT.SG
hasta-gṛh-ya páraḥ ṇaya
рука-хватать-CONV прочь вести:PR:2SG.IMPV.ACT
'Взяв за руку, уведи прочь колдовство обратно к сотворившему колдовство!'
- Еще одно образование этого типа встречается в Атхарваведе (в рецензии Пайпалада), в следующем стихе:
- (7) (AVP 9.8.1cd)
lāṅgūla-gṛh-yā carḥṣur
хвост/пенис-хватать-CONV пахать:INT:3PL.INJ
vṛkeṇā yavam aśvinā
волк:INS.SG ячмень:ACC.SG Ашвин:VOC.DU
'Они пахут ячмень [т. е. засеваемое ячменем поле] «волком» [т. е. плугом типа «волк»], о Ашвины, взяв [его] за «хвост» (за «пенис»?) [т. е. за рукоять]'.

В этом примере *vṛka-* (букв.) 'волк' — по-видимому, (технический) термин, обозначающий либо плуг вообще (так трактует, в частности, Саяна; ср. РВ 1.17.21 и 8.22.6, а также Нирукта 6.26; см. также Kim 2014: 288; Kim, Quadrio 2014), либо особый тип плуга, который сыплет зерно на землю через специальную воронку (см. Schaefer 1994: 106). Слово *lāṅgūla-* (подозрительно схожее с названием плуга, *lāṅgala-*), как правило, обозначает хвост, но может также использоваться для обозначения пениса (см. напр., Böhtlingk, Roth 1855 [PW 6]: 528 и ср. фонетически близкое *liṅga-* 'пенис')⁴,

⁴ Ф. Б. Я. Кёйпер (Kuiper 1938: 307—308 = 1997: 153—154), впрочем, ставит под сомнение этимологическую связь между этими тремя формами.

в соответствии с частой полисемией ‘хвост/пенис’ (известной, напр., также для слова *śéras-*). Очевидно, речь идет о некоей рукояти, за которую этот плуг держат, и в таком случае оба метафорических названия рукояти плуга (‘рукоять’ ← ‘хвост’ или ‘рукоять’ ← ‘пенис’) представляются равновероятными.

2.2. Формы на *-gṛhya* в средневедийском: брахманы и сутры

Еще одно сложное слово на *-gṛhya*, *nāma-gṛhya* букв. ‘схватив (за) имя’, встречается в средневедийский период (в ведийской прозе — брахманах) школы Тайттирия, а также в соответствующих шраутасутрах:

- (8) (TB 3.3.11.2)
yópaveṣé [*yáupa°*] *śúk*
 который:NOM.SG.F упавеша:LOC.SG жар:NOM.SG
sāmúm [*sáamúm*] *ṛcchatu*
 тот:NOM.SG.F том:ACC.SG.M идти:3SG.IMPV.ACT
yáṃ *dviṣmá* *ítu;*
 который:ACC.SG.M ненавидеть:PR:1PL.ACT так
áthāsmāi [*átha_asmai*] *nāma-gṛh-ya* *prá harati*
 тогда_этот:DAT.SG.M имя-хватать-CONV PVB брат:PR:3SG.ACT
 ‘Тогда со словами «Жар, который в упавеше⁵, пусть идет к *тому*, кого ненавидим!», заменив [местоимение *тому*] на его имя [букв.: схватив ему имя], [жрец адхварью] бросает [в него упавешу].’

Форма *nāmagṛhya* засвидетельствована также в комментариях к этому тексту, содержащихся в двух шраутасутрах Тайттирии (морфологические глоссы в примерах (9—10) даны только для неповторяющихся частей текстов):

- (9) (ĀpŚS 3.14.1)
yady abhicared
 если колдовать.против:PR:3SG.OPT.ACT
yopaveṣe śuk sāmum ṛcchatu yaṃ dviṣma ity athāsmāi nāmagṛhya praharati
 ‘Если [яджамана = заказчик жертвоприношения] желает совершить колдовской обряд против [кого-то], тогда со словами «Жар, который в упавеше, пусть идет к *тому*, кого ненавидим!», заменив [местоимение *тому*] на его имя (букв.: схватив ему имя), [жрец адхварью] бросает [в него упавешу].’

⁵ Упавеша — своего рода деревянная кочерга для помешивания жертвенного огня.

Параллельный (и чуть более подробный) текст засвидетельствован в Бхарадваджа-шраутасутре:

- (10) (BhārŚS 3.12.13 — 3.13.1)
yopaveṣe śuk sāmum ṛcchatu yaṃ dviṣmaḥ iti
yaṃ dveṣti tasya
 который:ACC.SG.M ненавидеть:PR:3SG.ACT тот:GEN.SG.M
nāma gṛhṇāti
 имя:ACC.SG хватать:PR:3SG.ACT
athāsmāi nāmagṛhya praharati
 ‘Со словами «Жар, который в упавеше, пусть идет к *тому*, кого ненавидим!» — [жрец адхварью] берет имя того, кого ненавидит, и заменив [местоимение *тому*] на его имя [букв.: схватив ему имя], бросает [в него упавешу].’

Наконец, еще одна форма, возможно, относящаяся к описываемому классу, появляется в довольно неясном фрагменте в Каушика-сутре, в описании похоронного обряда:

- (11) (KauśS 81.30)
asmād vai tvam ajāyathā ayam
 этот:ABL.SG.M PRT ты:NOM родиться:2SG.IMPV.MID этот:NOM.SG.M
tvad adhi jāyatām asau svāheti [svāhā_ity]
 ты:ABL на родиться:3SG.IMPV.MID том:VOC.SG.M Сваха_так
urasi gṛhye juhoti
 грудь:LOC.SG ??? совершать.жертвенное.возлияние:3SG.PR.ACT

Мантра *asmād vai...* «Из него...» встречается (с вариантами) в ряде текстов (Джайм-Бр. 1.2, 1.47, Тайт-Ар. 6.2.1, 6.4.2, АшвГрС 4.3.27) и хорошо известна, но следующее за ней описание сопровождающих эту мантру действий вызывает ряд затруднений. В рукописях читаем *gṛhye* или *gṛhe* — очевидно, часть переписчиков связывали непонятную форму с *gṛhā-* ‘дом’ (LOC.SG. *gṛhé*). Электронное издание А. Гриффитса на сайте TITUS (<https://titus.fkidg.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/a/ind/ved/av/kauss/kauss.htm>) следует второму чтению, но смысл остается неясным: ‘...совершает жертвенное возлияние на грудь [покойника] в доме’ (?). Более привлекательной представляется эмендация, предложенная в постраничных примечаниях издания Блумфилда (*The Kāuṣika-sūtra of the Atharva-veda* 1890, p. 217, fn. 22), который предлагает читать [†]*urasi-*

*grhya*⁶ — в том числе потому, что в Каушика-сутре 76.10 встречается еще одно сложное слово на *-grhya*, известное из Ригведы и Атхарваведы, *hasta-grhya* ‘схватив за руку’. Таким образом, Каушика-сутра 81.30 может быть предположительно переведена следующим образом: «Из него ты родился; пусть он из тебя народится, о *Такой-то* — Сваха!⁷» — с такими словами взявшись за грудь [покойника], [жрец] совершает жертвенное возлияние’.

2.3. Формы на *-grhya* в др.-инд. грамматической традиции: Ганапатха

Наконец, в древнеиндийской грамматической традиции, в примыкающей к Аштадхьяйи («Восьмикнижию») Панини Ганапатхе — списке именных основ, — в разделе 178 к Пан., Аштадх. 2.1.72 (известном под названием *mauīraṅgamaśaka* — по первой форме), под номерами 5—7 перечислены три из обсуждавшихся выше сложных слов, с пометкой *chandasi* «в мантрах» (т. е. в языке мантр = ранневедийском): *hastagrhya* ‘схватив за руку’, *pādagrhya* ‘схватив за ногу’ и *lāṅgūlagrhya* ‘схватив за хвост/пенис’. Интересно, что для первых двух первыми приводятся варианты, где *-grhya* присоединяется не к именной основе, а к форме локатива ед. ч. на *-e* (*haste-grhya* и *pāde-grhya*), и лишь затем — *hastagrhya* и *pādagrhya*; в случае *lāṅgūlagrhya* порядок форм обратный: *lāṅgūlagrhya* (*lāṅgūlegrhya*)⁸. В действительности, однако, за вычетом **urasi-grhya* в Каушика-сутре (ср. (11) выше), формы с локативами вместо основы в текстах не встречаются. Вероятно, учитывая, что **urasi-grhya* — одна из самых поздних форм интересующего нас типа, варианты с локативами следует признать вторичными, а их появление отнести к самому концу ведийского периода.

3. Грамматический статус форм на *-grhya*: на полпути к новому падежу?

Приведенные выше примеры показывают, что тип объектов, которые могут образовывать сложные слова на *-grhya*, строго ограничен обо-

⁶ Эту эмендацию принимает также грамматика Вакернагеля/Дебруннера (Wackernagel/Debrunner 1954 [AiG II/2]: 786): „an der Brust fassend“.

⁷ Ритуальный возглас в конце мантры.

⁸ А также форма *lāṅgūle-grhya*, т. е. ‘схватив/взявшись за плуг’ — очевидно, вторичное прочтение на основе метонимии ‘рукоятка плуга’ → ‘плуг’.

значениями частей тела (включая, разумеется, *lāṅgūla-grhyā* ‘схватив/взяв за «хвост»/«пенис» = за рукоять плуга’). Единственное кажущееся исключение — *nāma-grhya* в контексте, где речь идет о замене местоимения *asmai* ‘этому’ на имя адресата заговора. В действительности в данном случае, благодаря очень тесной связи номинации с человеком, против которого обращен заговор, фактически можно говорить об имени как части тела (или личности) и практически полном семантическом параллелизме с остальными образованиями на *-grhya*, т. е. буквальный перевод этого сложного слова (в соответствии с функцией *-grhya*) должен быть, вероятно, ‘схватив [адресата заговора] за имя...’

Следует отметить, что конструкции с деепричастиями (конвербами), выполняющими функцию послелога, хорошо известны в санскрите послеведийского периода. К таким деепричастиям относятся, в частности, *ā-dāya* ‘с’ (букв. ‘взяв’) и *muktvā* ‘без’ (букв. ‘освободившись (от)’); см. Andersen 1979: 25—26. Известны такие конструкции и в среднеиндийском (пракритах) (ср. пали *gahetvā* ‘взяв; с’; см. напр. Bloch 1965: 159—160), где они частично восполняют начавшиеся разрушения падежной системы.

В случае вед. *-grhya*, однако, ситуация несколько иная: использование именной основы (вместо падежной формы) и выбор суффикса *-ya* указывают на то, что вся конструкция рассматривается как единое слово. Поскольку сложные слова с деепричастием санскритской грамматикой не разрешаются (а отнесение *gra(b)h* ‘хватать, брать’ к «легким глаголам» представляется довольно проблематичным), единственная интерпретация, допустимая для таких форм — анализ *-grhya* как (квази-)суффикса. Это означает, что, в отличие от более поздних конструкций с *ā-dāya* ‘с’ и *muktvā* ‘без’, где деепричастия сохраняют статус независимой формы (free form) и, таким образом, грамматикализованы в функции послелога, в случае *-grhya* мы имеем дело со следующим этапом грамматикализации, когда деепричастие становится связанной морфемой (суффиксом).

Учитывая, что этот морфологический тип достаточно продуктивен, пусть и на ограниченном классе имен (названия частей тела), можно говорить о том, что перед нами — зачаток нового падежа (прото-падеж), который можно было бы назвать **капиативом** (← лат. *capio* ‘хватать’).

4. Заключительные замечания: дальнейшая судьба и следы капиатива в послеведийский период

Очевидно, дальше этой стадии грамматикализация не пошла: в дальнейшем (уже в более поздних вариантах ведийского и в древнеиндийских грамматических трактатах) именные основы начинают заменяться на форму локатива, что, по-видимому, делало образования на *-grhya* менее «монолитными»⁹; судя по распространению конструкций с послелогом деепричастного происхождения, аналитический падеж постепенно вытесняет синтетические (квази-)падежные образования, и не до конца грамматикализованные образования на *-grhya* постепенно выходят из употребления. Впрочем, косвенными следами этого несостоявшегося нового падежа (капиатива), возможно, являются встречающиеся чаще, чем для других глаголов нерегулярные деепричастия на *-ya* (*grhya*) без превербов, в особенности в эпическом санскрите (см., Pischel 1885: 96; Sukthankar 1921: 125–126; Satya Vrat 1964: 228–230; Oberlies 2003: 283, fn. 4), ср.:

(12) (МБх. 2.17.4ab)

sa grhya ca kumāram tam
 тот хватать-CONV и сын:ACC.SG тот:ACC.SG.M
prāviśat sva-grhaṃ nṛpaḥ
 войти:3SG.IMPF.ACT свой-дом:ACC.SG царь:NOM.SG
 'И царь с сыном (букв. взяв сына) вошел в свой дом'.

(13) (МБх. 1.39.23)

tatas tāpasa-rūpeṇa prāhiṇot sa bhujamgamān
 тогда отшельник-облик:INS.SG посылать:3SG.IMPF.ACT тот змей:ACC.SG
phala-patrodakam grhya rājñe nāgo 'tha
 плод-лист.вода:ACC.SG хватать-CONV царь:DAT.SG змей:NOM.SG и
takṣakaḥ
 Такшака:NOM.SG
 'И тогда змей Такшака послал к царю змеев в облике отшельников с плодами, листьями и водой' (букв. ...послал ... змеев, ... взяв, плоды-листья-воду).

⁹ Следует также напомнить, что уже в средневедийский период (ведийский) санскрит перестает быть живым языком (см. Kulikov 2013), становясь своего рода сакрально-академическим койне, существующим параллельно с живыми разговорными (ранне-)среднеиндийскими диалектами.

(14) (МБх. 2.46.25)

na me hastaḥ samabhad vasu tat
 не я:GEN рука была.в.состоянии богатство то
pratigrhṇataḥ prātiṣṭhanta mayi
 принимать:PR:PART.ACT:GEN.SG.M стоять:3PL.IMPF.MID я:LOC
śrānte grhya dūrāhrtaṃ
 утомляться:V.ADJ:LOC.SG.M хватать-CONV издали.принесенное:ACC.SG.N
vasu
 богатство:ACC.SG
 'Моя рука, [когда я] принимал то богатство, не была в состоянии [брать]. Когда я утомлялся, принимая (букв. взяв) принесенное издали богатство, [принесшие его] стояли [в ожидании]'.

Контролер подлежащего деепричастия подчеркнут во всех примерах одинарной линией. Следует обратить внимание, что в примерах (13—14) подлежащее деепричастия кореферентно не номинативному подлежащему главной клаузы (как в (12)), а локативной группе абсолютной локативной конструкции (в (14)) или даже прямому аккузативному дополнению главного глагола (в (13)), что также косвенно указывает на особый статус этой формы: хотя и не являясь связанной морфемой («протопадежным» суффиксом), как в ранневедийском, и достаточно свободно перемещаясь по клаузе (возможна позиция как перед, так и после управляемого деепричастием аккузатива — показан двойным подчеркиванием), *grhya* тем не менее сохраняет некоторые признаки частично грамматикализованной служебной морфемы, сближаясь по своей функции с предлогами и послелогом (*adposition*): 'схватив, взяв' → 'с'.

Интересно, что в этом отношении — как и по целому ряду других признаков — эпический санскрит оказывается ближе к ведийскому, чем многие варианты классического санскрита.

Сокращения

ĀrŚS — Апастамба-шраутасутра; AVP — Атхарваведа, рец. Пайппалада; AVŚ — Атхарваведа, рец. Шаунакия; BhārŚS — Бхарадваджа-шраутасутра; conv — кон-верб = деепричастие; CVI-criterion — Composition VS. Incorporation критерий; KauśS — Каушика-сутра; RV — Ригведа; МБх. — Махабхарата; ТВ — Тайттирия-брахмана

Литература

- Недялков, В. П. 1990. Основные типы деепричастий. В сб.: В. С. Храковский (отв. ред.) и др. (ред.). *Типология и грамматика*. М.: Наука, 36—59.
- [Елизаренкова, Т. Я.] 1989 — *Ригведа. Мандалы I—IV*. Изд. подготовила Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука.
- [Елизаренкова, Т. Я.] 1995 — *Ригведа. Мандалы V—VIII*. Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука.
- [Елизаренкова, Т. Я.] 1999 — *Ригведа. Мандалы IX—X*. Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука.
- Alpatov, V. M., Podlesskaya, V. I. 1995. Converbs in Japanese. In: M. Haspelmath, E. König (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds*. Berlin: De Gruyter Mouton, 465–486.
- Andersen, P. K. 1979. Word order typology and prepositions in Old Indic. In: B. Brogyanyi (ed.), *Studies in diachronic, synchronic, and typological linguistics: Festschrift for Oswald Szemerényi*, Pt I. Amsterdam: Benjamins, 23–34.
- Bloch, J. 1965. *Indo-Aryan from the Vedas to modern times*. Engl. ed. largely rev. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- [Bloomfield, M.] 1890 — *The Kāuṣika-sūtra of the Atharva-veda, with extracts from the commentaries of Dārila and Keçava*. Ed. by Maurice Bloomfield. New Haven: American Oriental Society. (Journal of the American Oriental Society 14).
- Böhlingk, O., Roth, R. 1855–1875. [PW] *Sanskrit-Wörterbuch*. St. Petersburg: Eggers.
- Kim, J.-S. 2014. *Die Paippalādasamhitā des Atharvaveda, Kāṇḍa 8 und 9: Eine neue Edition mit Übersetzung und Kommentar* (Würzburger Studien zur Sprache und Kultur 12). Dettelbach a.M.: Röhl.
- Kim, J.-S., Quadrio, T. 2014. Mit dem „Wolf“ pflügt man (AVP 9.8.1). Philologie und Altertumskunde. In: C. Brosch, A. Payne (eds.) *Na-wa/i-VIR.ZI/A MAGNUS.SCRIBA: Festschrift für Helmut Nowicki zum 70. Geburtstag* (Dresdner Beiträge zur Hethitologie 42). Wiesbaden: Harrassowitz, 113–124.
- Kuiper, F. B. J. 1938. Indo-Iranica. 8. Ai. *campū-ḥ* ‚eine bestimmte Literaturgattung‘. *Acta Orientalia*, vol. 16, 303–310. [= F. B. J. Kuiper. *Selected writings on Indian linguistics and philology*. Amsterdam: Rodopi, 1997, 149–156]
- Kulikov, L. 2010. Nominal composition, noun incorporation and non-finite formations in Sanskrit: Delimiting the boundaries of the verbal paradigm. In: K. Karttunen (ed.), *Anantaṁ śāstram. Indological and Linguistic Studies in Honour of Bertil Tikkänen* (Studia Orientalia 108). Helsinki: Finnish Oriental Society, 111–131.
- Kulikov, L. 2013. Language vs. grammatical tradition in Ancient India: How real was Pāṇinian Sanskrit? Evidence from the history of late Sanskrit passives and pseudo-passives. *Folia Linguistica Historica*, vol. 34, 59–91.

- Nedjalkov, V. P. 1995. Some typological parameters of converbs. In: M. Haspelmath, E. König (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds* (Empirical approaches to language typology 13). Berlin: De Gruyter Mouton, 97–136.
- Oberlies, T. 2003. *A grammar of Epic Sanskrit* (Indian Philology and South Asian Studies 5). Berlin – New York: de Gruyter.
- Pischel, R. 1885. Der Dichter Pāṇini. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 39, No. 1, 95–98.
- Renou, L. 1930. *Grammaire sanscrite*. Paris: Adrien-Maisonneuve (2me éd. revue, corrigée et augmentée: 1960).
- Satya Vrat. 1964. *The Rāmāyaṇa: a linguistic study*. Delhi: Manohar Lal.
- Schaefer, C. 1994. *Das Intensivum im Vedischen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Schindler, J. 1980. Zur Herkunft der altindischen *cvi*-Bildungen. In: M. Mayrhofer et al. (eds.) *Lautgeschichte und Etymologie*. Wiesbaden: Reichert, 386–393.
- Sukthankar, V. S. 1921. Studies in Bhāsa. *Journal of the American Oriental Society*, vol. 41, 107–130.
- Wackernagel, J. / Debrunner, A. 1954. *Altindische Grammatik*. Bd. II, 2. *Die Nominal-suffixe*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Wackernagel, J. 1908. Genetiv und Adjektiv. In: *Mélanges de linguistique offerts à F. de Saussure*. Paris: H. Champion, 125–152. [= J. Wackernagel. *Kleine Schriften*. Bd. 2. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955, 1346–1373].
- Whitney, W. D. 1889. *Sanskrit grammar*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

ОТ ПОЛИПРЕДИКАЦИИ К ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫМ И УСЛОВНЫМ КОНСТРУКЦИЯМ: ХВАРШИНСКИЕ НАХОДКИ¹

Е. А. Лютикова

(МГУ имени М. В. Ломоносова)

lyutikovazoo8@gmail.com

В статье рассматриваются монопредикативные и полипредикативные конструкции с глаголом *-isa* 'находить' в хваршинском языке. В полипредикативных конструкциях данный глагол выступает в качестве матричного предиката, присоединяющего клаузалы. Выделяется два типа полипредикативных конструкций: с собственно клаузалы и с подъемом аргумента из клаузалы. Монопредикативные конструкции представлены лексическими употреблениями глагола *-isa* 'находить' с двумя термовыми аргументами, а также его использованием в качестве легкого глагола в составе эвиденциальной конструкции. Хваршинская эвиденциальная конструкция с глаголом *-isa* 'находить' выражает широкий круг значений косвенной засвидетельствованности, включающий экспериенциальную засвидетельствованность, пересказываемость и презумптивную засвидетельствованность. Отдельный интерес представляет использование эвиденциальной конструкции в протазисе условных и уступительных полипредикаций.

1. Посвящение

Ну, — говорят, — так там такая глубина,
Что не найдешь и дна!

И. И. Хемницер. «Великан и карлики»

Одно из самых интересных занятий для лингвиста — наблюдать за развитием языковых выражений и обнаруживать грамматические корреляты тех интерпретационных изменений, которые они претерпевают. Особенно благодарным для таких наблюдений оказывается сравнение сосуществующих на синхронном уровне конструкций, связанных друг

¹ Автор выражает признательность Л. И. Паско за сбор части хваршинских данных, а также Я. Г. Тестельцу и всем участникам хваршинских экспедиций и семинаров за незабываемый опыт сотрудничества.

с другом деривационно, но обладающих разными свойствами. Характерные примеры можно найти в недавней монографии Подлеская 2022, объединяющей анализ целого ряда феноменов, промежуточных между синтаксическим и дискурсивным уровнем, таких как передача чужой речи, условные конструкции, переключение референции, сочинение и подчинение.

В этой статье я предлагаю анализ монопредикативных и полипредикативных конструкций хваршинского языка, в которых участвует глагол *-isa* 'находить'. Как и в ряде других дагестанских языков, в хваршинском языке этот глагол используется в нескольких функциях: как лексический предикат, присоединяющий термовые аргументы, как матричный предикат, присоединяющий клаузалы, и как функциональный элемент, задающий достаточно широкий круг эвиденциальных значений (ср. Forker 2018a; Даниэль, Майсак 2018). Аналогичную полифункциональность проявляют, например, арчинский глагол *χos* 'находить, обнаруживать' (Кибрик 1977: 238–243), багвалинский глагол *-isã* 'находить' (Кибрик (ред.) 2001: 307–318), аварский глагол *-at* 'находить, слушаться' (Forker 2018b), гинухский глагол *-aši* 'находить' (Forker 2014), инхокваринский хваршинский глагол *-us/-is* 'находить' (Khalilova 2009: 231–237). Цель работы — проследить грамматические корреляты монопредикативного, полипредикативного и функционального использования хваршинского глагола *-isa* 'находить'. Особый интерес представляет эвиденциальное использование глагола *-isa* 'находить' в составе условной и уступительной конструкции.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. В разделе 2 рассматриваются лексические монопредикативные конструкции с глаголом *-isa* 'находить'. Раздел 3 посвящен полипредикативным конструкциям, в которых *-isa* 'находить' выступает как матричный предикат. В таком случае он создает два типа конфигураций: конфигурация с зависимой конвербной клаузой и конфигурация с подъемом аргумента в главную клаузу. В разделе 4 представлена эвиденциальная конструкция с *-isa* 'находить', обсуждаются ее семантические и грамматические отличия от полипредикативной конструкции, а также развивающиеся из нее модальные употребления. В разделе 5 рассматривается одно из наиболее близких главному адресату статьи употреблений эвиденциальной конструкции — в составе протазиса условной конструкции. Завершает работу раздел 6, содержащий основные выводы исследования.

2. Лексические монопредикативные конструкции

Мужей в рогах,
 Девиц в родах,
 Мужчин в чепцах,
 А баб в портках
 Найдешь у вас,
 Как и у нас,
 Не пяля глаз.

П. А. Вяземский. «Сравнение Петербурга с Москвой»

В качестве лексического глагола с термовыми аргументами глагол *-isa* ‘находить’ принимает внутренний аргумент в абсолютиве и внешний аргумент в дативе. Согласование предиката контролируется абсолютивной именной группой. Так, в примере (1) внутренний аргумент представлен абсолютивной именной группой *utuiq'elo qoşozas luxuba* ‘следы ишачьих копыт’, а внешний аргумент — дативной именной группой *vidulžu jat't'õq'a vinal* ‘пришедшая с поля жена’; предикат согласуется по неличному классу множественного числа с абсолютивной именной группой.

- (1) [vidu-t-žu j-at't'õq'a vin-a-l] l-isa-na
 поле-CONT-ABL II-приходить.PTCP жена-O-DAT NHPL-найти-CVB.PF
 aq-λ'o-č [utuiq'e-lo qoşo-za-s luxu-ba].
 дом-SUP-INTS ишак-GEN2 копыто-PL.O-GEN1 след(IV)-PL
 ‘С поля пришедшая жена обнаружила в доме следы ишачьих копыт’. (Не я пошел, а ишак, 12)²

В примере (2) содержится две клаузы, возглавляемые глаголом *-isa* ‘находить’: в первой из них предикат согласуется с сочиненной именной группой *obun isa kadna* ‘отец и его дочь’ по личному классу множественного числа, а во второй — с именной группой *haseč(h)as išu* ‘лишь одна мать’. Внешний аргумент обеих клауз не выражен.

- (2) j-at't'a-na ĩdu-l, [obu-n is-a kad-na]
 II-приходить-CVB.PF в.доме-LAT отец(1)-ADD он-GEN1 дочь(II)-ADD

² В данной статье представлены данные хонохского (собственно хваршинского) говора хваршинского языка. Примеры с указанием названия текста и номера предложения заимствованы из сборника Каримова 2014 или из неизданной коллекции текстов, собранных Я. Г. Тестельцом в селении Хонох в 2018 и 2019 годах. Прочие примеры получены в ходе моей собственной полевой работы в 2019 и 2022 годах.

b-isa-na gobč'i, has-eč-(h)as išu j-isa-na.
 NHPL-находить-CVB.PF NEG.COP один-INTS-один мать(II) II-находить-CVB.PF
 ‘(Мачехина дочь) пришла домой, отца и его дочь не застала, только мать застала’. (Падчерица, 33)

Отметим, что абсолютивный аргумент может содержать клаузальную составляющую, например, причастный оборот в примере (3), однако в таких употреблениях глагол *-isa* ‘находить’ не является матричным предикатом, поскольку клаузальная составляющая выступает модификатором именной вершины.

- (3) ĩq'en-i:λλ-o-qul isi isu-lo murajd-o-ho āk'a-ha ejčõ
 четыре-ORD-O-DAY он.ERG он-GEN2 дело-O-AD I.дти-CVB.IPF LAUX.PTCP.O
 isu-l huni-ma [[iš-i kujč-a] λ'op'o] b-isa-na.
 он.O-DAT дорога-I бык-ERG испражняться-PTCP навоз(III) III-находить-CVB.PF
 ‘На четвертый день, идя по своим делам, он нашел на дороге навоз, который оставил бык’. (Переселение, 20)

3. Полипредикативные конструкции

Друзья! вселенная красна!
 Но ежели рассудим строго,
 Найдем, что мало в ней вина,
 И что воды уж слишком много!
 В. А. Жуковский. «Песня в веселый час»

В качестве матричного предиката глагол *-isa* ‘находить’ присоединяет клаузальный актанта в форме имперфективного или перфективного конверба, выражающего таксисные отношения одновременности или предшествования, ср. (4)–(5).

- (4) di-l [rasul-i hiše c'alida-ha] b-issa.
 я.O-DAT Расул-ERG книга(III) читать-CVB.IPF III-находить.AOR
 ‘Я обнаружил, что Расул читает книгу’.
- (5) šamil-el [tušman-za řaλ b-oλalna b-uλex-na]
 Шамиль-DAT враг-ERG.PL село(III) III-между III-окружать-CVB.PF
b-isa-na.
 III-находить-CVB.PF
 ‘Шамиль обнаружил, что враг окружил селение’.

Отметим отличия полипредикативной конструкции от монопредикативной, рассмотренной в разделе 2. Во-первых, в позиции абсолютива находится зависимая клауза, а не именная группа (возможно, содержащая клаузалный модификатор), что подтверждается оформлением зависимой клаузы при помощи конвербных показателей и порядком слов в конвербной клаузе. Во-вторых, контролером согласования глагола *-isa* 'находить' выступает абсолютив зависимой клаузы. В примерах (4) и (5) это именны группы III класса *hiše* 'книга' и *ʕaλ* 'село'.

Прозрачное согласование характерно для целого ряда полипредикативных конструкций в хваршинском языке. В качестве одного из возможных вариантов согласования матричного предиката оно фиксируется при клаузалном актанте в масдаре или в форме причастия (альтернативой выступает дефолтное согласование, при котором матричный предикат выражает признаки IV класса единственного числа). Как единственный возможный вариант прозрачное согласование фиксируется в инфинитивных (6) и конвербных (7) компонентах модальных и фазовых предикатов.

(6) *šarip-i kamunist partija ʕuc'idda*
 Шарип-ERG коммунист партия организовать.PTCP
λ'uč' gi:la hadam-lo haq'eł doklad b-uwa
 основание власть.PTCP люди-GEN2 об доклад(III) III-делать.INF
b-ukkoja b-eča-na | *l-ukkoja l-eča-na
 III-надо III-AUX-CVB.PF IV-надо IV-AUX-CVB.PF
 '(На очередном политзанятии) Шарип должен был выступать с докладом об основоположниках коммунистической партии'. (Карла-Марла, 6)

(7) *gojta židu-n t'at'a-na b-eq-zal |*
 COP.PTCP они(NPL)-ADD разбить-CVB.PF NPL-выходить-TMP |
*l-eq-zal, is-i heč'č'e hunar gojta iħa-na...
 IV-выходить-TMP он.O-ERG самый талант COP.PTCP.ERG сказать-CVB.PF
 'Когда удалось всех их разбить, этот больше всех способный сказал...' (В дружбе мудрость и удивительная сила, 79)

Несмотря на то что зависимая клауза обладает сокращенной функциональной структурой (что проявляется в ее нефинитности и возможности прозрачного согласования), полипредикативный характер рассматриваемой конструкции может быть подтвержден допустимостью

клаузалного отрицания как на матричном, так и на зависимом предикате. Рассмотрим пару примеров (8)–(9). В (8) зависимую клаузу возглавляет глагол в форме отрицательного перфективного конверба, который лицензирует отрицательно-полярное местоимение *hun* 'никто' в составе зависимой клаузы. В (9) показано отрицание в матричной клаузе и отрицательно-полярные единицы в обеих клаузах. Важно подчеркнуть, что отрицание в обоих случаях интерпретируется в своей собственной клаузе.

(8) *di-l [tu-n lac'a l-ac'a-bč'u] l-issa.*
 я.O-DAT кто.ERG-ADD еда(IV) IV-есть-CVB.PF.NEG IV-находить.AOR
 'Я обнаружил, что никто не ел еду'.

(9) *tu-l-na [hadi-kin lac'a l-ac'-c'o l-eča-na]*
 кто.O-DAT-ADD один.ERG-NPI еда(IV) IV-есть-CVB.IPF IV-AUX-CVB.PF
l-isa-j.
 IV-находить-AOR.NEG
 'Никто не обнаружил, чтобы еду кто-либо ел'.

Полипредикативная конструкция с глаголом *-isa* 'находить' допускает еще один вариант организации синтаксической структуры — подъем одного из аргументов зависимой клаузы в позицию абсолютива главной клаузы, ср. (10).

(10) *at'a-na ħol iħu-koł, q'ej-lo-λ'o-n j-aqe-na,*
 I.приходить-CVB.PF муж(1) дома-DIR пол.O-SUP-ADD II-лежать-CVB.PF
salal os-e-s-na j-ec'-na, taj-λ'o-žu-n
 вместе деньги-O-GEN1-ADD II-наполниться-CVB.PF сознание-SUP-ABL-ADD
j-iħ'a-na vini-n j-isa-na, iħa-ha
 II-уходить-CVB.PF жена(II)-ADD II-находить-CVB.PF плакать-CVB.IPF
uža-n isa-na.
 сын(1)-ADD I.находить-CVB.PF

'Пришел муж домой и нашел жену лежащей на полу, покрывную деньгами и потерявшую сознание, нашел сына плачущим'. (Канатоходец и куница, 16)

Чтобы прояснить различие полипредикативных структур с подъемом и без него, сравним пару примеров (11a-b). В (11a) показана полипредикативная конструкция без подъема: весь материал зависимой клаузы образует неразрывную составляющую, оформление ее аргумен-

тов соответствует их функции в зависимой клаузе, а матричный предикат демонстрирует прозрачное согласование с абсолютивом зависимой клаузы. В (11b) внешний аргумент зависимой клаузы располагается вне ее, выступает в форме абсолютива и контролирует согласование матричного предиката.

- (11) a. *di-l [rasul-i kavat q^waja-ha] j-issa.*
 я.О-DAT Расул-ERG письмо(V) писать-CVB.IPF V-находить.AOR
 'Я обнаружил, что Расул пишет письмо'.
 b. *di-l rasul issa [kavat q^waja-ha]*
 я.О-DAT Расул(1) I-находить.AOR письмо(V) писать-CVB.IPF
 'Я обнаружил Расула пишущим письмо'.

Интерпретация предложений типа (10) и (11b) как подъемных структур поддерживается следующими соображениями. Во-первых, в отличие от конструкций, в которых абсолютивная именная группа при глаголе *-isa* 'находить' содержит клаузальный модификатор (ср. с примером (3) из раздела 2), в (10) и (11b) предикат зависимой клаузы имеет форму конверба, а не причастия, и не образует неразрывной составляющей с абсолютивной именной вершиной. Во-вторых, абсолютивная именная группа обнаруживает синтаксические и семантические связи как в главной, так и в зависимой клаузе. С одной стороны, подъему могут подвергаться, например, компоненты глагольно-именных идиом, таких как *semi mak'a* 'рассердиться', букв. 'желчь выходит', *musa baha* 'передохнуть', букв. 'дыхание поднять', ср. пример (12). Некоторые респонденты допускают также подъем отрицательно-полярных единиц, лицензируемых отрицанием в зависимой клаузе (13).

- (12) *di-l ili-s semi b-issa [rasul-i m-ak'a-χ-na].*
 я.О-DAT она.О-GEN1 желчь(III) III-находить.AOR Расул-ERG III-идти-CAUS-CVB.IPF
 'Я обнаружил, что Расул ее рассердил'.
 (13) [%]*di-l has-kin issa [lac'a lac'a-bč'u].*
 я.О-DAT один-NP1 I-находить.AOR еда(IV) есть-CVB.IPF.NEG
 'Я обнаружил, что ни один (мужчина) не ел еду'.

С другой стороны, помимо линейной позиции, падежного оформления и контроля согласования матричного предиката, свидетельством расположения подвергшейся подъему именной группы в главной клаузе является невозможность расположения вопросительной частицы на

предикате зависимой клаузы, если поднятая именная группа — вопросительное местоимение. Рассмотрим примеры (14)–(15). В (14) вопросительное местоимение находится в зависимой клаузе; вопросительная частица может располагаться на любой составляющей, содержащей вопросительное местоимение: на нем самом, на предикате зависимой клаузы и на предикате главной клаузы.

- (14) a. *debe-l [tu-q'e kavat q^waja-ha] j-issa?*
 ты.О-DAT кто.ERG-Q письмо(V) писать-CVB.IPF V-находить.AOR
 b. *debe-l [tu kavat q^waja-ha-q'e] j-issa?*
 ты.О-DAT кто.ERG письмо(V) писать-CVB.IPF-Q V-находить.AOR
 c. *debe-l [tu kavat q^waja-ha] j-issa-q'e?*
 ты.О-DAT кто.ERG письмо(V) писать-CVB.IPF V-находить.AOR-Q
 'Кто, как ты обнаружил, пишет письмо?' (букв. 'Ты обнаружил, что кто пишет письмо?')

Если же аргумент, выраженный вопросительным местоимением, поднимается в главную клаузу, то вопросительная частица может располагаться на нем или на предикате главной клаузы, но не на предикате зависимой клаузы (15).

- (15) a. *debe-l hiba-q'e issa [kavat q^waja-ha]?*
 ты.О-DAT кто-Q I-находить.AOR письмо(V) писать-CVB.IPF
 b. *debe-l hiba issa-q'e [kavat q^waja-ha]?*
 ты.О-DAT кто I-находить.AOR-Q письмо(V) писать-CVB.IPF
 c. **debe-l hiba issa [kavat q^waja-ha-q'e]?*
 ты.О-DAT кто I-находить.AOR письмо(V) писать-CVB.IPF-Q
 'Кого ты обнаружил пишущим письмо?'

Таким образом, полипредикативная конструкция с глаголом *-isa* 'находить' демонстрирует свойства подъема, т. е. изменения падежного маркирования аргумента зависимой клаузы, вызванное установлением синтаксической связи с элементами внешнего синтаксического контекста, в данном случае — с предикатом главной клаузы. Помимо описанной конструкции, сходными свойствами в хваршинском языке обладает масдарная конструкция, где аргументы могут как сохранять исходное падежное кодирование, так и получать приименное маркирование (генитив или атрибутивизация, в зависимости от типа исходного падежа), см. подробнее Lyutikova 2022. Параллелизм этих конструкций становится еще более очевиден, если принять во внимание совпадение ограни-

чений на подъем аргумента при глаголе *-isa* ‘находить’ и на перекодирование генитивом при масдаре.

Как показано в Lyutikova 2022, любой из ядерных аргументов масдара — абсолютное подлежащее, эргативное подлежащее, дативное подлежащее и абсолютное дополнение — допускает генитивное оформление. Посессивные подлежащие, дативные дополнения и косвеннопадежные дополнения и обстоятельства не могут перекодироваться генитивом (но допускают присоединение атрибутива поверх падежной морфологии). Падежные ограничения на перекодирование генитивом объясняются противопоставлением падежей с точки зрения их структурной репрезентации: абсолютив представляется как отсутствие падежа на именной группе (дефолтная падежная форма), эргатив и датив подлежащего — как структурные падежи именной группы, приписываемые легкими глаголами, в то время как прочие падежи соответствуют послеложным группам с нулевыми послелогами.

Важное обобщение относительно подъема в полипредикативной конструкции с *-isa* ‘находить’ состоит в том, что набор аргументов — возможных мишеней подъема совпадает с набором аргументов, допускающих генитивное кодирование при масдаре. Так, например, при подъеме из переходной клаузы мишенью может выступать как эргативный, так и абсолютивный аргумент (ср. пример (16)); то же верно для экспериенциальных предикатов с дативным подлежащим; при этом косвеннопадежное дополнение (17) и посессивное подлежащее (18) не подвергаются подъему.

- (16) a. *šamil-el tušman-ba b-isa-na* [ʃaλ
Шамиль-DAT враг-PL НРЛ-находить-CVB.PF село(III)
b-oʎalna b-uʎex-na].
III-между III-окружать-CVB.PF
‘Шамиль обнаружил, что враги окружили селение’.
- b. *šamil-el ʃaλ b-isa-na* [*tušman-za*
Шамиль-DAT село(III) III-находить-CVB.PF враг-ERG.PL
b-oʎalna b-uʎex-na]
III-между III-окружать-CVB.PF
‘Шамиль обнаружил, что селение окружено врагами’.
- (17) a. *rajsat-el rasul issa* [*ili-ɣo-l-eč gic'a-ha*]
Райсат-DAT Расул(I) I.находить.AOR она.O-POSS-LAT-INTS смотреть-CVB.IPF
‘Райсат обнаружила, что Расул на нее смотрит’.

- b. **rajsat-el žu-č j-issa* [*rasul gic'a-ha*].
Райсат-DAT она(II)-INTS II-находить.AOR Расул(I) смотреть-CVB.IPF
Ожид.: ‘Райсат обнаружила себя наблюдаемой Расулом’.
- (18) a. *rajsat-el os b-issa* [*rasul-ɣo ʎix'a-na*].
Райсат-DAT деньги(III) III-находить.AOR Расул-POSS оставаться-CVB.PF
‘Райсат обнаружила, что деньги остались у Расула’.
- b. **rajsat-el rasul issa* [*os*
Райсат-DAT Расул(I) I.находить.AOR деньги(III)
ʎix'a-na].
оставаться-CVB.PF
Ожид.: ‘Райсат обнаружила, что у Расула остались деньги’.

Итак, полипредикативная конструкция с матричным предикатом *-isa* ‘находить’ представлена в двух структурных вариантах: с подъемом аргумента и без подъема аргумента. В обоих случаях имеются свидетельства биклаузного характера конструкции: наличие собственной аргументной структуры у каждого из предикатов и возможность выражения собственных предикативных категорий (таксис/время, отрицание) в обеих клаузах. В следующем разделе мы рассмотрим эвиденциальную конструкцию на базе глагола *-isa* ‘находить’ и покажем, что она проявляет свойства монопредикативной.

4. Эвиденциальная конструкция

- Г. N.
Вы в размышление.
София
Об Чацком.
Г. N.
Как его нашли по возвращении?
София
Он не в своем уме.
А. С. Грибоедов. «Горе от ума»

Эвиденциальная конструкция с глаголом *-isa* ‘находить’ внешне сходна с полипредикативной конструкцией, рассмотренной в разделе 3: она содержит финитную форму глагола *-isa* ‘находить’ (общее время или, реже, аорист) и одну из нефинитных форм полнозначного глагола — перфективный конверб, имперфективный конверб или инфинитив, ко-

торый объединяет с конвербами способность образовывать аналитическую конструкцию со связкой или вспомогательным глаголом *-eča* 'быть'. Глагол *-isa* 'находить' демонстрирует прозрачное согласование, идентичное согласованию вложенного предиката; экспериенциальный аргумент глагола *-isa* 'находить' остается невыраженным.

- (19) a. *francuz-za l'orxo-ba l-ac'-c'o l-i:sa.*
 француз-ERG.PL лягушка-PL NHPL-есть-CVB.IPF NHPL-находить.GNT
 'Оказывается, французы едят лягушек'.
- b. *di-lo es-t'i os b-as-na b-issa.*
 я.O-GEN2 брат-O-ERG деньги(III) III-брат-CVB.PF III-находить.AOR
 'Оказалось, что мой брат взял деньги'.
- c. *žequli žo-ho-l hobona j-eč-a j-i:sa ma.*
 сегодня.O после-AD-LAT так II-быть-INF II-находить.GNT ты(II)
 'С сегодняшнего дня ты, оказывается, будешь вот так (жить)'.
 (Про маму, 20)
- d. *igo at'ama-ha isa lix-χo j-issa.*
 там лето-AD снег(V) идти-CVB.IPF V-находить.AOR
 'Оказалось, там летом идет снег'.
- e. *allah gurhida-na³ isa il-lo*
 Аллах(I) сжалиться-CVB.PF I.находить.GNT мы-GEN2
mik^wa-ha gojta uža-ɣo.
 голодать-CVB.IPF COP.PTSP сын-POSS
 'Наверное, Аллах сжалился над нашим голодающим сыном'.
 (Канатоходец и куница, 19)

Несмотря на внешнее сходство, эвиденциальная конструкция имеет ряд существенных отличий и от полипредикативной конструкции, и от монопредикативной лексической конструкции.

Во-первых, в эвиденциальной конструкции глагол *-isa* 'находить' не может иметь термовых аргументов — ни дативного экспериенцера, ни абсолютного стимула. Подъем в позицию абсолютива аргумента зависимого предиката также невозможен.

Во-вторых, в эвиденциальной конструкции может присутствовать только одно отрицание; при этом отрицательная морфема располагается на глаголе *-isa* 'находить', а не на зависимом предикате, ср. (20).

³ В оригинале использована инхокваринская форма *gurhida-do(w)*.

- (20) a. *rajsat j-at't'a-na j-is-a:te.*
 Райсат(II) II-приходить-CVB.PF II-находить-GNT.NEG
 'Оказывается, Райсат не приехала'.
 (Возможна полипредикативная интерпретация: 'Регулярно кем-то не обнаруживается, что Райсат приехала'.)
- b. *#rajsat j-at't'a-bč'u j-i:sa.*
 Райсат(II) II-приходить-CVB.PF.NEG II-находить.GNT
 Ожид.: 'Оказывается, Райсат не приехала'.
 (Возможна полипредикативная интерпретация: 'Регулярно кем-то обнаруживается, что Райсат не приехала'.)
- c. *#rajsat j-at't'a-bč'u j-is-a:te.*
 Райсат(II) II-приходить-CVB.PF.NEG II-находить-GNT.NEG
 (Возможна полипредикативная интерпретация: 'Регулярно кем-то не обнаруживается, что Райсат не приехала'.)

Это свойство объединяет эвиденциальную конструкцию с аспектуальными аналитическими конструкциями перфектной и имперфектной серий, которые используют отрицательную форму вспомогательного глагола и положительную нефинитную форму лексического глагола, ср. (21)–(22); аналогичные обобщения об эвиденциальных конструкциях в арчинском и багвалинском делают М. А. Даниэль и Т. А. Майсак (2018: 130, 138).

- (21) a. *rajsat j-at't'a-na gobč'i | j-eča-j.*
 Райсат(II) II-приходить-CVB.PF COP.NEG / II-AUX-AOR.NEG
 'Райсат не приехала (перфект / плюсквамперфект)'.
- b. **rajsat j-at't'a-bč'u gote | j-ejča.*
 Райсат(II) II-приходить-CVB.PF COP / II-AUX.AOR
 Ожид.: 'Райсат не приехала'.
- (22) *rajsat j-ado-ho gobč'i | j-eča-j.*
 Райсат(II) II-работать-CVB.IPF COP.NEG / II-AUX-AOR.NEG
 'Райсат не работает / не работала (презент / имперфект)'.⁴

В-третьих, отрицание, расположенное на глаголе *-isa* 'находить', в эвиденциальной конструкции имеет в своей сфере действия пропозицию, а не источник информации о ее истинности (т. е. собственно граммему эвиденциальности). В результате отрицание интерпретируется

⁴ Отрицательная форма имперфективного конверба в хваршинском отсутствует.

ниже своей структурной позиции, что создает скобочный парадокс — несовпадение порядка синтаксической и семантической композиции. Отметим, что скобочный парадокс, возникающий в эвиденциальной конфигурации, аналогичен скобочным парадоксам в рассмотренных выше аспектуальных аналитических конструкциях.

С семантической точки зрения хваршинская эвиденциальная конструкция может быть охарактеризована как выражающая непрямую засвидетельствованность разных типов: инференциальную экспериенциальную засвидетельствованность (по-видимому, ядерное значение для хваршинской эвиденциальной конструкции, непосредственно развивающееся из лексического значения глагола *-isa* 'находить' в полипредикативной конструкции), пересказывательность и презумптивную (неэкспериенциальную) засвидетельствованность. Например, эвиденциальная конструкция в (23) выражает экспериенциальную засвидетельствованность в контексте (а), переказывательность в контексте (б) и презумптивность в контексте (с).

(23) *obu iła-na isa.*

отец(1) 1.уходить-CVB.PF 1.находить.GNT

(а) Контекст: Говорящий заходит в дом и не обнаруживает верхней одежды и обуви отца в прихожей. Говорящий: 'Отец, как я вижу, уехал'.

(б) Контекст: Говорящий только что поговорил с матерью, которая сообщила ему об отъезде отца. Говорящий: 'Отец, как мне сообщили, уехал'.

(с) Контекст: Говорящий знает, что отец обычно уезжает на работу в 8 утра. Сейчас 9 часов. Говорящий: 'Отец, должно быть, уехал'.

Хваршинская эвиденциальная конструкция демонстрирует широко известные эффекты взаимодействия с категорией лица. Во-первых, поскольку в утвердительном предложении именно говорящий является «гарантом» истинности сообщаемой информации, то субъектом логического или вероятностного вывода при косвенной засвидетельствованности или получателем информации при пересказывательности является сам говорящий. По этой причине в ситуации, когда говорящий делает сообщение о самом себе, ожидаются формы прямой, а не косвенной засвидетельствованности или пересказывательности. Использование эвиденциальной конструкции с протагонистом 1-го лица вызывает эффект «потери контроля», когда говорящий узнает о произошедших с ним со-

бытиях из косвенного источника или на основе вероятностных предположений (24).

(24) *da ustur-ho λes-na j-i:sa.*

я(II) стол-AD спать-CVB.PF II-находить.GNT

'Я, оказывается / видимо / должно быть, уснула за столом'.

Во-вторых, в вопросительных предложениях происходит переключение роли «носителя мышления» (*sentient mind*) с говорящего на слушающего (*the interrogative flip*; Speas, Tenny 2003). Соответственно, в вопросе субъектом логического или вероятностного вывода при косвенной засвидетельствованности или получателем информации при пересказывательности становится слушающий. Сравним (24) и его общевпросительный аналог (25).

(25) *da ustur-ho λes-na j-i:sa-k?*

я(II) стол-AD спать-CVB.PF II-находить.GNT-Q

'Я, по твоим сведениям, уснула за столом?'

В (25) говорящий предполагает, что у слушающего есть косвенные основания для подтверждения или опровержения соответствующей пропозиции; вопрос имеет пресуппозицию, что для ответа на него слушающий воспользуется информацией из третьих рук, логическим или вероятностным выводом ('верно ли, что на основании косвенных данных ты можешь утверждать, что я уснула за столом?').

Семантика видо-временных форм глагола *-isa* 'находить' в эвиденциальной конструкции претерпевает определенные изменения. Форма общего времени является немаркированной формой и используется по умолчанию, независимо от временной локализации ситуации, описываемой полнозначным глаголом⁵. Использование формы аориста маркировано и указывает на то, что момент обнаружения ситуации (полу-

⁵ Отметим, что в монопредикативной лексической и полипредикативной конструкции общее время глагола *-isa* 'находить' используется только в редких случаях генерических или хабитуальных ситуаций обнаружения (например, 'Аминат все время находит грибы', 'Каждое утро Аминат обнаруживает, что Расул оставил на кухне грязную посуду'). Возможно, использование формы общего времени в эвиденциальной конструкции отражает развитие когнитивного значения у глагола *-isa* 'находить' (находить → считать); основанием для этого предположения служит тот факт, что в форме общего времени (вместо ожидаемой формы презенса) обычно используются инцептивно-стативные когнитивные глаголы ('знать', 'помнить', 'понимать').

чение информации от третьих лиц или оснований для логического вывода, а также само умозаключение об истинности, ложности или вероятности ситуации) происходило в прошлом. Независимо от того, используется ли форма общего времени или форма аориста глагола *-isa* 'находить', нефинитная форма полнозначного глагола получает независимую временную интерпретацию: перфективный конверб используется для обозначения ситуаций прошлого, имперфективный конверб — для актуально-длительных, хабитуальных, генерических ситуаций, а также для запланированного будущего; использование инфинитива ограничено указанием на ситуации, относящиеся к плану будущего.

Выражение эвиденциальных значений в языках мира часто совмещено с выражением категории (ад)миративности (Плунгян 2011: 457); насколько можно судить, хваршинская эвиденциальная конструкция не предполагает миративности. По-видимому, миративность характерна для глагольных форм перфектной серии, которые также используются для выражения эвиденциальных значений в хваршинском языке и других языках ареала (ср. Кибрик (ред.) 2001: 353, а также обобщающие работы об эвиденциальности в дагестанских языках — Verhees 2019; Ферхеес 2018; 2019).

5. Эвиденциальность и условная конструкция

Если ж то найдешь возможным,

Силу чувств моих измерь!

Ю. А. Нелединский-Мелецкий.

«Выйду я на реченьку...»

Наиболее интересным в хваршинской эвиденциальной конструкции представляется ее регулярное использование в протазисе условной конструкции. Так, из 15 вхождений эвиденциальной конструкции в корпусе текстов 10 являются примерами эвиденциальной конструкции в протазисе (всего в корпусе 67 вхождений условной конструкции). Некоторые примеры показаны в (26). Подобные употребления для некоторых других языков Дагестана отмечаются также в Даниэль, Майсак 2018: 138–141.

- (26) a. *dija laga mi ejša-l esan-o, -λλan*
 я.GEN1 тело ты.ERG веник-LAT мыть-IMP-QUOT
ila-na juq'uč'i ili kande-ḡo-l, —
 сказать-CVB.PF старушка.ERG эта.О девушка.О-POSS-LAT

debe-l leλ'a-ba di-ḡo l-etaχ-a

ты.О-LAT рука-PL я.О-POSS NHPL-касаться-INF

ḡoḡa-ha l-isa-j-tal.

нравиться-CVB.IPF NHPL-находить-NEG.AOR-CND

'— Моё тело веником помой, — сказала старушка девушке, — если тебе руками до меня дотронуться неприятно'. (Падчерица, 12)

b. *de deba uža iha-χ-na isa-tal,*

я.ERG ты.GEN1 сын(1) 1.умирать-CAUS-CVB.PF 1.находить-CND

žu išša l-iḡ'a-bč'u!

он(1) убивать.AOR IV-знать-CVB.PF.NEG

'Если я убил твоего сына, то я сделал это по незнанию!' (Сказка о чабане и злом духе, 9)

c. *os q'uča-ha b-isa-tal, di-t*

деньги(III) хотеть-CVB.IPF III-находить-CND я.О-CONT

hadal-na eq-na idi ħalt'i b-uw-o.

вместе-ADD 1.становиться-CVB.PF здесь работа(III) III-делать-IMP

'Если хочешь иметь деньги, со мной вместе начинай здесь работать'. (Сыновья кузнеца, 14)

d. *ḡema liχ-ḡo l-isa-tal, ila wwan-o-ḡo m-ak'a-tte.*

дождь идти-CVB.IPF IV-находить-CND мы лес-О-POSS HPL-идти-PRS.NEG

'Если пойдет дождь, мы в лес не пойдём'.

На основе условной конструкции, путем добавления аддитивной частицы *-na* к условному конвербу, в хваршинском языке строится уступительная (концессивная) конструкция (ср. Храковский ред. 2004). Она также может содержать эвиденциальный протазис⁶:

(27) a. *tu-č tu-n muła-na l-isa-tal-na,*

кто.ERG-INTS кто.ERG-ADD учить-CVB.PF IV-находить-CND-ADD

ḡut'i ḡote ḡut'i.

уговор COP уговор

'Кто бы тебя ни научил, уговор есть уговор'. (Сыновья кузнеца, 90)

b. *hiba b-at'a-na b-isa-tal-na, da j-ič'o:χχ-u!*

кто HPL-приходить-CVB.PF HPL-находить-CND-ADD я(II) II-будить-PRH

'Кто бы ни пришел, меня не будите!'

⁶ Далее в уступительной конструкции будем называть зависимую клаузу протазисом, а главную — аподозисом, как и в условной конструкции.

c. *sastat-na l-isa-tal-na rasul huni-ho eqqa.*
 стемнеть-CVB.PF IV-находить-CND-ADD Расул(1) дорога-AD I.встывать.AOR
 'Хотя уже стемнело, Расул отправился в путь'.

Использование эвиденциальной конструкции в условном и уступительном предложении кажется интересным в силу нескольких соображений. Во-первых, эвиденциальность во многих языках относится к феноменам главной клаузы, что, в свою очередь, подразумевает невозможность синтаксического вложения эвиденциальной конструкции в качестве зависимой клаузы (Faller 2002; 2006; Korotkova 2021). Во-вторых, для протазиса предполагается расположение в сфере действия условного семантического оператора (Wilson 1975), а выше мы установили, что эвиденциальность избегает узкой сферы действия по отношению к таким семантическим операторам, как отрицание. В-третьих, эвиденциальность иногда считается когнитивной основой некоторых условных и уступительных конструкций. Например, в условной конструкции *Если это чистый кашемир, то он не сядет после стирки* или в уступительной конструкции *Хоть это и чистый кашемир, он сядет после стирки* утверждение в аподозисе инференциально связано с положением дел, описываемым в протазисе, аналогично тому, как в инференциальной эвиденциальной конструкции утверждение делается на основании логического вывода из неназываемой наблюдаемой ситуации (Douven 2008; Krzyżanowska et al. 2013; Kpurі, Iacopa 2022). Соответственно, грамматические показатели, выражающие инференциальность, могут появляться в аподозисе условной и уступительной конструкции. В хваршинском же, напротив, эвиденциальная конструкция появляется в протазисе; аподозис также может содержать эвиденциальную конструкцию, но ее употребление аналогично употреблению в простом предложении. Например, в (28) она выражает презумптивность:

(28) *aminat ĭdu-vol j-at't'a-na j-isa-tal,*
 Аминат(II) дома-DIR II-приходить-CVB.PF II-находить-CND
χik'o-ba l-u-ho j-i:sa.
 хинкал-PL NHPL-делать-CVB.IPF II-находить.GNT
 'Если Аминат вернулась домой, она, вероятно, готовит хинкал'.

Наконец, в-четвертых, важной особенностью эвиденциальности в протазисе условной или уступительной конструкции является возможность сдвига роли «носителя мышления» с говорящего на выделенного

участника аподозиса. Например, в (29) субъектом инференциального вывода может выступать протагонист ситуации, описываемой в главной клаузе.

(29) a. *qema l-eča-na l-isaj-tal,*
 дождь(IV) IV-прекращаться-CVB.PF IV-находить.NEG-CND
rasul awwale χix'a gote.
 Расул Агвали оставаться.INF COP
 'Если окажется, что дождь не прекратился, Расул останется в Агвали'.
 b. *qema l-eča-na l-isaj-tal-na,*
 дождь(IV) IV-прекращаться-CVB.PF IV-находить.NEG-CND-ADD
rasul awwale χix'a gobč'i.
 Расул Агвали оставаться.INF COP.NEG
 'Даже если окажется, что дождь не прекратился, Расул не останется в Агвали'.

Показательно, что в том случае, когда протагонистом аподозиса является слушающий (например, в аподозисе императив или прохибитив), эвиденциальность «ориентируется» на слушающего — именно он выступает предположительным субъектом получения косвенной информации об эпистемическом статусе пропозиции в протазисе. Такие употребления мы обнаруживаем в условных конструкциях (26a,c) и уступительных конструкциях (27b-c), а также в примерах (30a-b) ниже.

(30) a. *dija has χabar tiqa-χ-o,*
 я.GEN1 один разговор слышать-CAUS-IMP
behida-ha l-isa-tal.
 можно-CVB.IPF IV-находить-CND
 'Один мой рассказ послушай, если можно'. (=если, по твоему мнению, это возможно) (Ворон Моллы Насреддина, 23)
 b. *behida-ha l-isa-j-tal-na, sajro b-as-o!*
 можно-CVB.IPF IV-находить-NEG-CND-ADD лошадь(III) III-брат-IMP
 'Пусть и нельзя, возьми лошадь!' (=даже если окажется, что нельзя)

При этом следует отметить, что подобный сдвиг не является обязательным; более того, необходимым условием для него оказывается контролируемость протагонистом ситуации в аподозисе. Так, в примерах (31) эвиденциальность в протазисе может быть ориентирована только на говорящего:

- (31) a. *mi da j-aλ'e-χ-na j-isa-tal,*
 ты.ERG я(II) II-обмануться-CAUS-CVB.PF II-находить-CND
ma t'ok'a-w dija hamave eša gobč'i.
 ты(I) больше-I я.GEN1 друг I.быть.INF COP.NEG
 'Если окажется, что ты меня обманул, ты мне больше не друг'.
 b. *laga kapur-ta-λo āk'a-na isa-tal!*
 тело отреченный.от.ислама-VBLZ-OPT I.идти-CVB.PF I.находить-CND
 'Пусть моё тело отречётся от ислама, если окажется, что я ходил!
 (Не я пошел, а ишак, 16)

Представляется, что подобное поведение эвиденциальной конструкции в условном предложении позволяет сделать интересные предположения как о хваршинской эвиденциальности, так и об условных конструкциях.

Тот факт, что эвиденциальность может интерпретироваться в составе протазиса, под условным оператором, говорит о том, что хваршинская эвиденциальная конструкция относится к пропозициональному, а не иллокутивному типу (Faller 2002; 2006; Murray 2010; 2016). Пропозициональная (или эпистемическая) эвиденциальная конструкция допускает синтаксическое вложение и может интерпретироваться в сфере действия миропорождающих предикатов (например, в комплементах предикатов пропозициональной установки или в протазисе условной конструкции). Кроме того, пропозициональная эвиденциальность допускает взаимодействие с категорией времени, так что граммы времени могут нести информацию о моменте обнаружения данных, говорящих за истинность утверждаемой пропозиции. Важно, что неспособность эвиденциальной конструкции интерпретироваться в сфере действия отрицания является общим свойством пропозициональных и иллокутивных эвиденциальных конструкций и тем самым не свидетельствует против возможности вложения эвиденциальной конструкции.

Возможность сдвига ориентира эвиденциальности с говорящего на других участников отмечается для вопросительных предложений и протазиса условных и уступительных предложений. Такого рода факты могут служить дополнительным аргументом в пользу функциональной общности условия и вопроса, отмечаемого в работах В. И. Подлеской (Подлеская 1999; Podlesskaya 2001). Помимо использования инвертированного порядка слов и специализированных союзов, условные и вопросительные клаузы характеризуются сменой «носителя мышления»: обязательной в вопросах и факультативной в условиях.

6. Посылка

Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.
 А. С. Пушкин. «Из письма к Вяземскому»

В этой статье был рассмотрен широкий спектр конструкций с глаголом *-isa* 'находить' в хваршинском языке. Показано, что они отличаются не только интерпретационно, но и структурно, и эти структурные отличия могут быть выявлены при помощи грамматических диагностик. К ним относятся способ оформления зависимой клаузы (причастие — модификатор при именном аргументе и конверб — клаузальный аргумент), предикативное согласование (с собственным абсолютным аргументом либо, при его отсутствии, с абсолютивом зависимой клаузы), ограничения на выражение отрицания, специфическая интерпретация видовременных форм глагола (общего времени, перфективного и имперфективного конвербов, инфинитива). Отдельно рассмотрено вложение эвиденциальной монопредикативной конфигурации в протазис условной и уступительной конструкции; показано, что эвиденциальность на базе *-isa* 'находить' относится к разряду пропозициональной и в зависимой клаузе может претерпевать сдвиг ориентации с говорящего на протагониста главной клаузы.

Сокращения

I-V — именной класс; ABL — аблатив; AD — адрессив; ADD — сочинительная частица; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CND — условный конверб; CONT — контэссив; COP — связка; CVB — конверб; DAT — датив; DAY — временной конверб; DIR — директив; ERG — эргатив; GEN1 — генитив прямая форма; GEN2 — генитив косвенная форма; GNT — общее время; NPL — личный класс множественного числа; IMP — императив; INF — инфинитив; INTS — интенсификатор; IPF — имперфектив; LAT — латив; NEG — отрицание; NHPL — неличный класс множественного числа; NPI — отрицательно-полярная единица; O — косвенная основа; OPT — оптатив; ORD — порядковое числительное; PF — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRH — прохибитив; PRS — презенс; PTCP — причастие; Q — вопросительная частица; QUOT — квотатив; SUP — суперэссив; TMP — темпоральный конверб; VBLZ — вербализатор.

Литература

Даниэль М. А., Майсак Т. А. 2018. Черная кошка грамматикализации: конструкции с глаголом 'найти' в дагестанских языках. В сб.: Д. А. Рыжова, Н. Р. До-

- брушина, А. А. Бонч-Осмоловская, А. С. Выренкова, М. В. Кюсева, Б. В. Орехов, Т. И. Резникова (ред.) *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 120–149.
- Каримова Р. Ш. 2014. *Хваршинский фольклор (с переводом на русский язык)*. Под ред. Б. Комри. Лейпциг; Махачкала: АЛЕФ.
- Кибрик А. Е. 1977. *Опыт структурного описания арчинского языка*. Том II. *Таксономическая грамматика*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Кибрик А. Е. (ред.) 2001. *Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари*. М.: ИМЛИ РАН.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Подлеская В. И. 1999. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация. В сб.: Я. Г. Тестелец, Е. В. Рахилина (ред.) *Типология и теория языка: от описания к объяснению (К 60-летию А. Е. Кибрика)*. М.: Языки русской культуры, 255–273.
- Подлеская В. И. 2022. *От полипредикации к дискурсу: японский, русский, далее — везде...* М.: РГГУ.
- Ферхеес С. 2018. К происхождению эвиденциальности в нахско-дагестанских языках: структурные и ареальные перспективы. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, №57, 110–123.
- Ферхеес Я. Х. 2019. *Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ.
- Храковский В. С. (ред.) 2004. *Типология уступительных конструкций*. СПб.: Наука.
- Aikhenvald, A. 2004. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Crupi, V., Iacona, A. 2022. The evidential conditional. *Erkenntnis*, vol. 87, 2897–2921.
- Douven, I. 2008. The evidential support theory of conditionals. *Synthese*, vol. 164, 19–44.
- Faller, M. 2002. *Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua*. Ph.D. thesis, Stanford University.
- Faller, M. 2006. *Evidentiality above and below speech acts*. Unpublished ms. URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/GZiZjBhO/>.
- Forker, D. 2014. The grammar of knowledge in Hinuq. In: A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.) *The grammar of knowledge: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 52–68.
- Forker, D. 2018a. Evidentiality in Nakh-Daghestanian languages. In: A. Aikhenvald (ed.) *Oxford handbook of evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 490–509.
- Forker, D. 2018b. Evidentiality and related categories in Avar. In: D. Forker, T. Maisak (eds.) *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages: Tense, aspect, mood/modality*. Leiden; Boston: Brill, 188–214.
- Khalilova, Z. 2009. *A grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT.
- Korotkova, N. 2021. The embedding puzzle: Constraints on evidentials in complement clauses. *Linguistic Inquiry*, vol. 52(1), 210–226.

- Krzyżanowska, K., Wenmackers, S., Douven, I. 2013. Inferential conditionals and evidentiality. *Journal of Logic, Language and Information*, vol. 22, 315–334.
- Lyutikova, E. 2022. The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian. *Вопросы языкознания*, №3, 75–108.
- Murray, S. 2010. *Evidentiality and the structure of speech acts*. Ph.D. thesis, Rutgers University.
- Murray, S. 2016. Evidentiality and illocutionary mood in Cheyenne. *International Journal of American Linguistics*, vol. 82(4), 487–517.
- Podlesskaya, V. 2001. Conditional constructions. In: M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.) *Language typology and language universals*. Vol. 2. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 998–1010.
- Speas, P., Tenny, C. 2003. Configurational properties of point of view roles. In: A.-M. Di Sciullo (ed.) *Asymmetry in grammar, Vol. 1: Syntax and semantics*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 315–344.
- Verhees, S. 2019. Defining evidentiality. *Вопросы языкознания*, №6, 113–133.
- Wilson, D. 1975. *Presuppositions and non-truth-conditional semantics*. New York: Academic Press.

ИМЕННЫЕ И АДЪЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Л. Рудницкая

(Институт востоковедения РАН)
erudnitskaya@gmail.com

В статье рассматривается проблема разграничения прилагательного и существительного в эвенкийском языке. В эвенкийском, как и в других тунгусских языках, имеется омонимия основ существительного, прилагательного, глагола. Основы, обозначающие признак, могут быть и существительным (N), и прилагательным (A). Рассматриваются притяжательная конструкции с именной вершиной, с одной стороны, и адъективная группа, прилагательное которой имеет такую же основу, с другой: *bəjə diram-in* букв. 'человека толщина-его' и *diram bəjə* 'толстый человек'. Если адъективная группа — это типологически широко распространенное явление, то притяжательная, обозначающая признак, менее употребительна. Вершиной притяжательной конструкции может быть любое прилагательное (непроизводное и производное) и кванторы (*upkat* 'весь', *kətə* 'много'), которые по своим частеречным характеристикам являются прилагательными. Отдельно рассматриваются слова с атрибутивным суффиксом *-län* и их частеречный статус. Также обсуждается возможность применения к словам с суффиксом *-č'i*, которые имеют и свойства существительного, и свойства прилагательного, анализа в качестве фразового показателя.

1. Введение

Проблема разграничения частей речи и в типологии, и в алтайском языкознании стоит довольно остро. Прежде всего, во многих языках имеются грамматические формы, обладающие одновременно свойствами двух частей речи: например, герундий в английском языке (1а-в) или причастие в урало-алтайских языках (2). Герундий *winning* от глагола *win* может иметь как именное, так и глагольное управление: в (1а) оба аргумента *John* и *the race* оформлены как подлежащее и дополнение глагола; в (1б) подлежащее оформлено как посессивное (именное) зависимое, а в (1в) оба оформлены как зависимые имени.

- (1) а. *John winning the race came of no surprise*
б. *John's winning the race came of no surprise*
в. *John's winning of the race came of no surprise* (Malchukov et al. 2008: 1)

Именные и адъективные конструкции в эвенкийском языке

Подобные примеры заставляют считать, что четкое разграничение частей речи, например, существительного и глагола, невозможно; есть по крайней мере «серая зона», например, в случае (1), между существительным и глаголом: формы, которые нельзя отнести ни к тому, ни к другому.

В изолирующих языках широко распространена конверсия из одной части речи в другую, при которой одно и то же слово (без изменения значения, см. ниже) может быть существительным, прилагательным и глаголом: в работе Хашимова 2022: 91 дается пример из китайского — 毒 *du* 'яд', 'ядовитый', 'отравить'. Во флективных языках конверсия, наоборот, распространена мало. Так, в русском языке есть продуктивная конверсия из прилагательного в существительное (*A → N: ученый (господин) → ученый*), но другие переходы (*N → V, A → Adv* и т. д.) невозможны. В агглютинативных языках имеются разные типы конверсии, причем вопрос изучен недостаточно.

В работах по частям речи в китайском (например, Mártonfi 1977: 289, 295) отмечается, что в принципе деление на части речи может основываться на лексическом¹ и на грамматическом критериях, и что для китайского наиболее релевантен грамматический (а точнее, синтаксический) критерий. В эвенкийском языке, как агглютинативном, релевантны и морфологический, и синтаксический критерии. См. работу Суник 1966, в которой рассматриваются части речи в агглютинативных языках.

Кроме того, в определенных языках, например, в корейском прилагательное не выделяется как отдельная часть речи, потому что прилагательное (3) имеет те же словоизменительные категории, что и глагол (2).

- (2) *Hakswu-nun achim-ul yoli ha-ss-ta* //
Хаксу-ТОР завтрак-АСС готовка делать-PST-DECL //
// *ha-l kes i-Ø-ta*
          делать-PTCP.FUT вещь AUX-PRS-DECL
'Хаксу приготовил // приготовит завтрак'.

- (3) *aphathu-nun khu-ess-ta* //
квартира-ТОР большой-PST-DECL //
// *khu-l kes i-Ø-ta*
          большой-PTCP.FUT вещь AUX-PRS-DECL
'Квартира была // будет большая'.

¹ Ф. Мартонфи также отмечает, что лексический (или семантический) критерий не является строгим даже в языках с богатой морфологией и словообразованием.

В данной статье речь пойдет о частеречной омонимии основ в эвенкийском языке. В современных работах (см. Nikolaeva, Spencer 2020 и другие работы И. Николаевой) вместо термина «конверсия» используются термины «смешение категорий» (*mixed categories*) и «частеречевая недооформленность» (*part of speech underspecification*).

Г. М. Василевич (1940: 42–43) же для данного явления вводит термин «недифференцированного имени». В эвенкийском языке подобное имя, согласно ее грамматике, может быть любым членом предложения и соответственно оформляться: *bajan* ‘богатство (N), богатый (A), разбогатеть (V)’, ср. (4а–в). Многие имена качеств являются недифференцированными, будучи или существительными, или прилагательными: *albin* ‘широкий, ширина’ (5а–б); *aja* ‘добрый, добро’; *gugda* ‘высокий, высота’ и т. д.

- (4) а. *bajan-ma-n sa-də-m* б. *bajan bajə*
 богатство-ACC-PS-3SG знать-NFUT-1SG богатый человек
 ‘Я знаю о его богатстве’ ‘богатый человек’
 в. *bajan-ča-n*
 становится.богатым-PST-3SG
 ‘Он разбогател’ (Василевич 1940: 43)
- (5) а. *bira albin-in* б. *albin bira*
 река ширина-PS-3PL широкий река
 ‘ширина реки’ ‘широкая река’ (Василевич 1940: 42)

Таким образом, в группу недифференцированных у Г. М. Василевич попадают и слова, которые могут быть существительным и прилагательным (N/A, (5а–б)), и те, которые могут также быть глаголом (N/A/V, (4а–в))². Мы подробно рассмотрим противопоставление существительного и прилагательного.

Кроме непроеизводных имен, не до конца определенными по части речи могут быть слова с некоторыми словообразовательными аффиксами: с адъективным аффиксом *-či* (Василевич 1940: 61) или с показателями номинализации *-kūt*, *-dVk*, *-wun* (Рудницкая 2022). В работах Nikolaeva 2008; Nikolaeva, Spencer 2020: 322–331 показано важное свойство аффикса *-či* ATR: словоформа с *-či* может иметь морфосинтаксические свойства и существительного, и прилагательного в одном и том же употреблении.

² С теоретической точки зрения непонятно, почему *albin* ‘ширина, широкий’ не может иметь значения ‘расшириться’. Русско-эвенкийский словарь Б. В. Болдырева (1994) дает перевод *расшириться* как *albin-dimar o-* широкий-СМРР статья- ‘стать широким’.

В примере (6) *garbi-či* ‘по имени’ является прилагательным, потому что стоит перед существительным *bira* ‘река’ и служит для *bira* определением. Кроме того, аффикс *-či* считается в большинстве эвенкийских грамматик атрибутивным. Тем не менее, у *garbi-či* есть определительное зависимое-приложение *Tokko*, а подобное зависимое может быть у существительного, а не у прилагательного. Таким образом, *garbi-či* — это словоформа, имеющая свойства и прилагательного, и существительного. Если рассматривать другие суффиксы-атрибутивизаторы, большинство их, в частности, *-mV* (*halə-mə* ‘железный’), по Г. М. Василевич, образуют категориально определенные прилагательные (см. ниже).

- (6) *Tokko garbi-či bira*
 Токко имя-ATR река
 ‘река (по имени) Токко’ (Nikolaeva 2008, пример (20))

У существительных и прилагательных в эвенкийском языке есть категории числа и лица; у прилагательных эти категории согласовательные, и согласование с определяемым словом факультативно (7а–б). Так, в (7а) прилагательное *aja-l-ə* ‘хороший’ согласуется в числе (PL) и падеже (PART) с существительным *hulda-l-ə*. Существительное, кроме того, присоединяет аффиксы принадлежности, например, в позиции вершины посессивной конструкции (8). В (8) вершина *dərən-du-n* ‘устье’ притяжательной конструкции ... *bira dərən-du-n* присоединяет посессивный показатель третьего лица единственного числа *-n*: этот показатель обозначает то, что *dərən-du-n* ‘устье’ имеет «обладателя», т. е. принадлежит ‘реке’ *bira* (это зависимое *dərən-du-n*). Таким образом, категории у существительных и прилагательных во многом совпадают.

- (7) а. *mun-ŋi ənin-mun ... aŋi-ŋkī-n uldi-ŋkī-n*
 1PL(EXCL)-PROPR мать-PS.1PL(EXCL) это-PSTITER-3SG шить-PSTITER-3SG
aja-l-ə hulda-l-ə kupč-si-l ...
 хороший-PL-PART одеяло-PL-PART теплое.одеяло.для.ног-ATR-PL
 ‘Наша мама это делала, шила хорошие теплые одеяла с теплым местом для ног’.
- б. *tar tar³ bajə-l-wə ulgur-wi*
 тот тот человек-PL-ACC рассказ-ACC.RFL
 ‘Про этих людей рассказ’ {, что я знал}

³ Указательные местоимения в эвенкийском по морфологическим признакам – прилагательные.

- (8) ...[*tarə bira dərən-du-n*]
 тот.АСС река устье-DAT-PS.3SG
 '...в устье той реки' (Константинова 1964: 63)

2. Обозначение свойства с помощью притяжательной конструкции

В работе Nikolaeva, Spencer 2020 отмечается, что, если определенные слова могут выступать в качестве разных частей речи, их значения при переходе от одного из этих употреблений к другому должны изменяться регулярным образом. Так, в примерах (9а–б) из языка мандури (нигеро-конголезские языки), хоть *buru* 'гора, собирать в кучу' может выступать и как существительное, и как глагол, переход от значения 'гора' к 'собирать в кучу' основан на внешнем сходстве горы и кучи, т. е. нельзя предложить семантическое отличие 'гора' от 'собирать в кучу', которое сводилось бы только к категориальному различию ('предмет' vs. 'действие / свойство').

- (9) а. *buru=ko bai-ke-d-a*
 гора=3PL.S делать-COMPL-TR-IND
 'Они сделали гору'.
 б. *saan=ko buru-ke-d-a*
 дрова=3PL.S гора-COMPL-TR-IND
 'Они собрали в кучу дрова'. (Nikolaeva, Spencer 2020: 9)

В позициях подлежащего, дополнений, адъюнкта (сирконстанта) языки стандартно используют лексическую номинализацию глагола: в (10а) дан пример из русского языка, в (10б) — из эвенкийского⁴.

- (10) а. Я люблю охоту
 б. ...*bulta-kit-tula, ollomə-kit-tula itiga-na-l*
 охотиться-NMLZ-LOC рыбачить-NMLZ-LOC приготовиться-PROB-PL
 {Социальные выплаты и дотации} 'вероятно, начались с охоты и рыбалки' (КИАЭ РАН)

⁴ С точки зрения оформления аргументов номинализации, по Kortjevskaja-Tamm 1993: 165, 181, русский является языком с номинативным (*nominal*) оформлением, а эвенкийский — со смешанным (*mixed*; см. работу Рудницкая 2022).

В эвенкийском языке существительное и прилагательное, обозначающие свойство, часто представляют одну основу, а не две, связанные отношениями деривации, ср. (11а–б)⁵.

Gilli в (11а)⁶, выступающее как вершина притяжательной конструкции, однозначно является существительным. Падежный показатель АСС в (11а) не является согласовательным, а у прилагательного может быть только согласовательный падежный показатель. В (11б) в позиции дополнения глагола *mədə-rə-n* 'почувствовать' стоит адъективная конструкция *gilli(-wə) tu-wə* 'холодную воду' с вершиной *tu-wə* и ее определением *gilli(-wə)* (с согласовательным падежным показателем *-wə* (АСС) у основы *gilli-* 'холод/холодный'). Кроме того, Б. В. Болдырев (2007: 399) на примере другой конструкции (12), в которой также употребляется существительное со значением признака, отмечает, что у прилагательного *diram* 'толстый' не могло бы быть показателя притяжательности, если бы *diram* в (12) было прилагательным. В (12) у *diram* такой показатель есть, как и в (11а), значит *diram* в (12) — это существительное 'толщина'.

- (11) а. *tinəwə akin-mi olo-in-da-na*
 вчера брат-PS.1SG переходить.вброд-INCEP-IPFV-CVB.SIM
 [*mu gilli-wə-n*] *mədə-rə-n*
 вода холод-АСС-PS.3SG почувствовать-NFUT-3SG
 'Входя в воду, мой брат почувствовал, что вода холодная [букв. «холод воды»]'. (Анкета)
 б. ...[*gilli(-wə) tu-wə*] *mədə-rə-n*
 холодный(-АСС) вода-АСС почувствовать-NFUT-3SG
 {Входя в реку, мой брат} 'почувствовал холодную воду' (Анкета)
- (12) *bi so-mama diram-iv*
 я сильный-INTS толщина/толстый-PS.1SG
 'Какой я толстый! [букв. 'Моя сильная толщина!']' [Болдырев 2007: 399]

⁵ Эти два употребления нельзя рассматривать как омонимию из-за идентичности значения.

⁶ Носитель (Г. С. Николаева) предположила, что данная конструкция возможна только если субъект свойства одушевленный: такое ограничение действует в русском (*легкомысленность мальчика* vs. *твердость доски). Пример (14) показывает, что в эвенкийском нет такого ограничения.

В эвенкийском есть суффикс *-di/-ti*, образующий прилагательные⁷ от основ существительных; он присоединяется к основам, которые не являются «недифференцированными»: *kuŋaka[n]-di* ребенок-ATR ‘детский’ ← *kuŋakan* ‘ребенок’. Грамматические или семантические условия, которые влияют на то, какие слова являются недифференцированными (N/A), а какие только существительными (с использованием *-di*) пока не изучены.

Важно отметить, что в (13), где сентенциальный актант финитный, предикативная позиция *gilli* может рассматриваться и как позиция существительного, и как позиция прилагательного: в предикативной позиции финитного предложения происходит нейтрализация⁸.

- (13) ...[*mu gilli*]   *mada-rə-n*
 вода холод/холодный почувствовать-NFUT-3SG
 {Входя в воду, мой брат почувствовал, что} ‘вода холодная’ (Анкета)

Г. М. Василевич рассматривает в первую очередь непроизводные основы: производные слова, по ее мнению, кроме образованных с помощью определенного аффикса (см. выше пример (6)), относятся к какой-то одной части речи⁹. Наши данные показывают, что в позиции предиката-существительного в (12) может употребляться не только непроизводное, но и производное прилагательное. В (14) в этой позиции стоит прилагательное на *-mV* (‘материал’); Г. М. Василевич относит *-mV* к суффиксам, образующим прилагательные¹⁰. В (15) показана та же конструкция, что в (12), но основа прилагательного производная с атрибутивным суффиксом *-rŋi*.

- (14) *ər barža səmtu-rə-n*   [*ər hələ-mə-duk-in*]
 этот баржа ржаветь-NFUT-3SG этот железо-ATR-ABL-3SG
 ‘Эта баржа заржавела, потому что она железная [букв. «из-за ее железности»]’. (Анкета)

⁷ В основном относительные прилагательные.

⁸ В (13) представлена нулевая связка: глагол *bi-* ‘быть’ в настоящем времени может опускаться.

⁹ Г. М. Василевич также относит к недифференцированным аффиксам транскатегориальные показатели, которые мы не рассматриваем.

¹⁰ В словаре Мыреева 2004 отмечается, что в некоторых диалектах *hələ-mə* также обозначает ‘сабля’. Тут не соблюдается условие из работы Nikolaeva, Spencer 2020, о котором шла речь выше: значения ‘железный’ и ‘сабля’ различаются не только категориально.

- (15) *əkun nuŋan iŋemū-rŋi-n!*
 кто/что 3SG улыбаться/смех-ATR-PS.3SG
 ‘Он такой смешной! [букв. ‘Какая его смехотворность!’]’. (Болдырев 2007: 399)

Приведенные данные говорят о том, что слова, образованные с помощью атрибутивных (а не недифференцированных) аффиксов, которые традиционно считаются прилагательными, могут стоять в синтаксической позиции существительного и, таким образом, аналогично непроизводным недифференцированным основам в (1а–б), быть не только прилагательными, но и существительными.

Можно ли предложить какие-либо факторы, регулирующие возможность образования притяжательной конструкции, обозначающей свойство, с вершиной — непроизводной или производной основой? Наш материал не дает ответа на этот вопрос, так, нет веских оснований утверждать, что, например, при прибавлении любого атрибутивного аффикса дериват может быть и прилагательным, и существительным.

Г. М. Василевич (1940: 76) относит *-rŋi* к атрибутивным (т. е. не недифференцированным) аффиксам. Этот аффикс, по ее мнению, присоединяется к недифференцированным основам, образуя от них прилагательные. В словаре А. Н. Мыреевой (2004) *iŋemū-* ‘улыбаться’ — это только глагол, причем производный от *iŋe-* ‘смеяться’ и образованный с помощью показателя *-mi* (одно из значений которого — пассивный залог PASS). В этом словаре имеется междометие *iŋe-mō* со значением категории состояния (‘смешно’)¹¹.

Почему (15) с *iŋe-mū-rŋi-n* грамматически правильно? Возможно два объяснения. Первое — потому что (15) это синтаксическая конструкция, в которой нет семантических или морфологических ограничений на вершину. Второе — потому что *iŋe-mū-rŋi-n* образовано от недифференцированной основы, которая «разрешает» всему слову также быть не только прилагательным, но и существительным. Нам кажется, что первое объяснение более логическое и лингвистически обоснованное.

Рассмотрим нестандартную модель падежного маркирования в конструкции с квантором (Колесникова 1966: 60–61), ср. *upkat-pa-n* ‘весь, целостность’ в (16а–б). В (16а) *upkat* изменяется по модели существительного: *boloni upkat-pa-n* составляет притяжательную конструкцию букв. ‘цело-

¹¹ *Mō-* в *iŋe-mō-* ‘смешно’ это, в соответствии со словарем Василевич 1958 — глагольный суффикс, «придающий слову значение междометия» (с. 775).

стность осени'. В (16б) представлена модель, в которой *upkat* — прилагательное; в ней *upkat* (факультативно) согласуется с существительным *boloni* 'осень' в винительном падеже. (16а–б) параллельны (1а–б), только в (16а–б) притяжательная и адъективная конструкции — это временные адъюнкты (обстоятельства).

- (16) а. [*boloni upkat-pa-n*] *tik-d'a-rə-n*
 осень целостность-ACC-3SG дождь-IPFV-NFUT-3SG
 'Всю осень [букв. 'целостность осени'] шел дождь'. (Анкета)
- б. [*upkat(-pa) boloni-wa*] *tik-d'a-rə-n*
 весь(-ACC) осень-ACC дождь-IPFV-NFUT-3SG
 'Всю осень шел дождь'. (Анкета)

Тут необходимо заметить, что в работе В. Д. Колесниковой приводятся примеры препозиции числительного при его маркировании падежным показателем, в то время как квантифицируемое существительное стоит или в начальной форме, или во множественном числе, например, (17а–б)¹².

- (17) а. *nuŋa-r-tin ilan-dū dū i-ŋki-tin*
 он-PL-PS-3PL три-DAT дом.чум жить-PSITTER-3PL
 'Они в трех домах жили' (Колесникова 1966: 61)
- б. *taduk d'ur-wə čipk̄a-r wā-θ-m*
 потом два-ACC соболь-PL убить-PRS-1SG
 '{Я} потом добыла двух соболей' (букв. «двух соболей») (Колесникова 1966: 60)

Колесникова 1966: 38–39 показывает, что в эвенкийской посессивной конструкции посессор может не только предшествовать обладаемому (как в (4а) выше и (18а)), но и следовать за обладаемым (18б)¹³. Множест-

¹² См. также работу Б. В. Болдырева (2007: 409–410). В нашем корпусе в примерах конструкции 'числительное + существительное' падежный показатель чаще всего есть и у числительного, и у существительного (*d'ur-wə oro-r-wə* 'два оленя'). Из (17а–б) носители предпочитают модель (17б): *d'ur-wə oro-r* 'два оленя'. Показатель PL может отсутствовать у квантифицируемого слова в отдельных группах слов: когда данное слово обозначает отрезок времени (*d'ur anŋani* 'два года'), расстояние, называет лицо (*d'ur ahi* 'две женщины') или родственников. В целом носители предпочитают модель с повторением падежного показателя и допускают модель с нулевым падежным показателем и отсутствующим показателем PL у существительного (17б).

¹³ Отмечается, что порядок слов в (18б) характерен только для подкаменно-тунгусских говоров, хотя в других говорах он тоже возможен. В Усть-Нюкжинском (одним из восточных) говоре порядок (18б) недопустим (Г. С. Николаева).

венное число *čipk̄a-r* в примере (17б) следует рассматривать как смысловое согласование. В целом, модели согласования в конструкциях с числительными требуют отдельного изучения¹⁴.

- (18) а. *nuŋan [amākā abdun-mā-n] baka-ra-n*
 3SG медведь берлога-ACC-PS.3SG найти-NFUT-3SG
- б. *nuŋan [abdun-mā-n amākā] baka-ra-n*
 3SG берлога-ACC-PS.3SG медведь найти-NFUT-3SG
 'Он нашел берлогу медведя'. (Колесникова 1966: 38–39)

Итак, слова с определенными аффиксами в эвенкийском имеют свойства и существительных, и прилагательных: например, слова с суффиксом *-č'i*, как показано в работе Nikolaeva, Spencer 2020: 322–331. Кроме того, в некоторых позициях, где в европейских языках стоит прилагательное, выступает полностью синонимичное ему существительное. Таким образом, прилагательное и существительное в эвенкийском разграничиваются в меньшей степени, чем в европейских языках, ср. выводы в Nikolaeva, Spencer 2020: 9, 21.

3. Показатель *-lān*

Материал устного корпуса предлагает пример еще одного атрибутивного суффикса (*-lān* ATR.PROPR), свойства которого, как и свойства *-č'i* (см. выше) не ограничиваются существительным или прилагательным¹⁵. *-lān* обозначает свойство наличия чего-либо у какого-то предмета или лица («формы обладания» в работе Константинова 1964: 71–72): *oron* 'олень' → *oro[n]-lān* 'с оленем, на олене'; *gurgakta* 'борода' → *gurga-lān* 'бородатый'.

Суффикс *-lān* может прибавляться к недифференцированным основам, обозначающим признак: *həgd̄i* 'большой, величина' → *həgd̄i-lān* букв. 'с величиной', т. е. 'большой'; *urgə* 'тяжелый, тяжесть' → *urgə-lān* букв. 'с тяжестью', т. е. 'тяжелый'. Дериват с *-lān* в устном корпусе в основном используется в предикативной позиции и имеет притяжательный пока-

¹⁴ Пример (17б) с числовым согласованием существительного характерен в первую очередь для полигусовского говора (это один из подкаменно-тунгусских говоров, на котором основан эвенкийский литературный язык). Подобные примеры также должны быть проверены с носителем.

¹⁵ Некоторые авторы грамматик считают и *-č'i*, и *-lān* словоизменительными аффиксами, как в работе Константинова 1964: 69–73.

затель, ср. (19) с *həgdi-lān*¹⁶. Подобные примеры содержат эмфазу: с существительным на *-lVn* часто употребляется *hō* букв. ‘сильный (о проявлении качества)’, т. е. ‘очень’ (в (19) *hō-l*).

- (19) *hukšilda-li-n=dā həgdi-lō[n]-tīn*
 лыжи-PL-PS.3SG=FOC величина-ATR.PROPR-PS.3PL
hō-l *bi-šo-l*
 сильный(о.проявлении.качества) быть-PTCP.ANT-PL
 ‘Лыжи у него были очень большие’ (букв. ‘с сильной величиной’).
 (Корпус)

У *həgdi-lō[n]-tīn* есть притяжательный показатель *-tīn* PS.3PL, т. е. это, по критерию Б. В. Болдырева, должно быть существительное. Однако сам показатель *-lVn* в грамматиках считается атрибутивным, образуя прилагательные от существительных.

В позиции предиката финитного предложения (в (19), как и в (14)) нет синтаксической дифференциации прилагательного и существительного, только морфологическая. Рассмотрим другие позиции слова на *-lVn*. Если в (20) *gurga-lān* — это определение (прилагательное), то в (21) *hutə-lān* — это обстоятельство¹⁷. *-lVn* с *-či* в одних контекстах демонстрирует пассивные валентности (дистрибуцию) прилагательного, а в других — наречия.

- (20) *...samol'ot dō-duk-in*
 ...самолет внутренность-ABL-PS.3SG
jū-rə-n gurga-lān bəjə
 выходить-NFUT-3SG борода-ATR.PROPR человек
 ‘Из самолета вышел бородатый человек’. (Константинова 1964: 72)

- (21) *tar ahī tuksāni-fkī hələ*
 тот женщина убежать-PTCP.HAV вот
d'aja-ksa-d'ə-nə hutə-lān
 прятаться-DSPRS-IPFV-CVB.SIM ребенок-ATR.PROPR
 ‘Эта женщина убежала, прячась с ребенком’. (Корпус)

¹⁶ На примеры с *-lān* мое внимание обратила Е. Л. Клячко.

¹⁷ В обоих случаях слово на *-lVn* теоретически можно анализировать как послеложную группу, а послеложная группа может быть и определением, и обстоятельством, как и предложная (человек с палкой vs. Он идет с палкой). Однако, послелог в эвенкийском языке почти все производные от существительных: *urə d'ulə-dū* гора передняя.сторона-DAT ‘перед горой’, *ildəhə daga-lī* липа близость-PROL ‘мимо липы’. Только один послелог *d'arin* ‘для’ непроизводный.

Из (20)–(21) видно, что прилагательные в эвенкийском могут функционировать как наречия, т. е. четкой границы между прилагательным и наречием нет. Мы полагаем, вслед за О. А. Константиновой (1964: 69–73), что следует объединить *-lVn* с *-či* и считать *-lVn* недифференцированным аффиксом совместности и обладания, как и *-či*. У Г. М. Василевич в списке недифференцированных суффиксов *-lVn* нет.

4. *-Či* как фразовый показатель

В работе Nikolaeva, Spencer 2020: 322–331 предлагается описание показателя *-či* (см. (6), повторяемый ниже под номером (22)) с помощью HPSG (Head-Driven Phrase Structure Grammar), которое здесь обсуждаться не будет.

- (22) *Tokko gərbi-či bira*
 Токко имя-ATR река
 ‘река (по имени) Токко’ (Nikolaeva 2008, пример (20))

Рассмотрим другой вариант анализа показателя *-či*, с опорой на теорию генеративной грамматики — считать его фразовым (т. е. считать, что он, хоть и является вершиной, присоединяется не к вершине, а к целой составляющей, см. Рудницкая 2022). Схематически такой анализ показан в (23). В (23) основа *d'ukčə-* (N) является вершиной составляющей NP, в которой зависимым является *hərəkə*. Такой анализ объясняет то, что у основы существительного *d'ukčə-* ‘чум’ есть атрибутивное зависимое, хотя основа *d'ukčə-* сама оформлена атрибутивным показателем *-či* (т. е. *d'ukčə-či* — это прилагательное).

- (23) [_{NP} *hərəkə* [_N *d'ukčə-*]] [_A *-či*]
 отдельный чум ATR
 {Бабушка была} ‘с отдельным чумом’ (Корпус)

Фразовые показатели встречаются во многих языках, в основном агглютинативных, ср., например, турецкий (Komfilt 1997), корейский (Yoon 1995), тохарский (Курицина 2023), и пример (24) из испанского.

- (24) [*clara* у *preciso*]-*mente*
 [ясный и точный]-ADVZ
 ‘ясно и точно’ (Плунгян 2003: 34)

Трактовка некоторых показателей в качестве фразовых, как справедливо отмечается в Nikolaeva 2008, предполагает, что эти показатели

в словоформе стоят после тех показателей, которые не являются фразовыми, т. е. на границе словоформы. Это в большой степени верно для словоизменяемых показателей, которые чаще всего и бывают фразовыми. Тем не менее словообразовательные фразовые показатели могут быть возможны, даже если в языке словоизменяемые фразовые показатели и не встречаются, как в испанском примере (24) (и см. работу Плунгян 1994). Означает ли статус фразового словообразовательного показателя у *-č̣i* в (22), что показатель *-č̣i* должен стоять после словоизменяемых показателей (которые в эвенкийском не являются фразовыми)?

В работе Nikolaeva, Spencer 2020: 323 приводится пример, повторенный в настоящей статье как (25), в котором в словоформе *oro-l-č̣i-l-dū* два показателя *-l* PL, и один из них расположен перед *-č̣i*. Этот пример доказывал бы то, что *-č̣i* — это действительно фразовый показатель. Данный пример отмечен как грамматически правильный в работе Nikolaeva, Spencer 2020: 323, однако наши носители не подтверждают его, приводя как правильную форму *oro-č̣i-l-dū* с одним показателем *-l* PL, следующим за *-č̣i*¹⁸.

Кроме того, грамматически неправильны примеры (26а)–(27а) в сравнении с (26б)–(27б). (26а) (аналогичный (25)), в сравнении с (27б), показывает, что при основе (в (26а) *anjanī-*), к которой прибавляется *-č̣i*, не может быть показателя *-l* PL¹⁹, и значит эта основа — вершина, а не фразовая категория. В (27а) показано, что прилагательное *həgdi* (*-l*), зависящее от слова на *-č̣i*, не может стоять во множественном числе. Форма *həgdi-l* в (27а) могла бы быть результатом семантического согласования *həgdi* с *asa-*: согласование возможно в (27б), свободном атрибутивном сочетании, в котором *asa-l* стоит в форме PL.

¹⁸ И. Николаева собирала свой материал по эвенкийскому языку в 1970–80 гг., а наш опрос информантов относится к 2023 г. За прошедшее время употребление эвенкийского языка в быту сильно сократилось, так что в большинстве эвенкийских поселений говорят на языке один-два информанта (Казакевич и др. 2023). Вероятно, часть архаичных конструкций, к которым относится и словоформа *oro-l-č̣i-l-dū*, перестали употребляться. Это заметно и на примере притяжательной конструкции, обозначающей признак, в позиции дополнения (п. 2, (1а)), которая употребляется довольно ограниченно. См. также сноску 20.

¹⁹ Падежный показатель также всегда следует за *-č̣i*, а не предшествует *-č̣i*:

(i) *anjanī(-wə)-č̣i(-wə)*
год(-ACC)-ATR(-ACC)

(25) **oro-l-č̣i-l-dū*

олень-PL-ATR-PL-DAT

‘с оленями’ (Nikolaeva, Spencer 2020: 323)

(26) а. *digin anjanī(*-l)-č̣i* б. *digin anjanī(-l)*

четыре год(*-PL)-ATR четыре год(-PL)

‘четырёхлетний’ (Анкета) ‘четыре года’ (Анкета)

(27) а. *həgdi(*-l) asa-č̣i* б. *həgdi(-l) asa-l*

большой(*-PL) глаз-ATR большой(-PL) глаза-PL

‘большеглазый’ (Анкета) ‘большие глаза’ (Анкета)

Наконец, из (28) видно, что с *-č̣i* не выполняется тест на фразовый аффикс с сочинением: в отличие от (24), ни при бессоюзном сочинении, ни при сочинении с повторяющимся показателем *=də* нельзя опустить показатель *-č̣i* при основе *omolgi-*. Тут важно заметить, что ни один эвенкийский суффикс не дает положительного результата в этом тесте: так, в корпусе примеры с подобным «сокращением» не обнаружены.

(28) *omolgi*(-č̣i)=(də) hunādi-č̣i=(də)*

сын(-ATR)=(FOC) дочь-ATR=(FOC)

‘имеющий сына и дочь’ (Анкета)

Таким образом, анализ (23) эмпирически не оправдывает себя, по крайней мере, в том говоре, который употребляется в поселке Усть-Нюкжа в настоящий момент²⁰.

5. Выводы

В эвенкийском много таких основ, которые могут принимать словоизменяемые показатели нескольких частей речи. Мы продемонстрировали данную характеристику на материале слов и конструкций, обозначающих признак (свойство) и могущих в зависимости от морфосинтаксического контекста быть существительными или прилагательными. Мы думаем, что при анализе других семантических категорий наши выводы подтвердятся.

²⁰ Усть-Нюкжа — это один из двух-трех поселков в Амурской области, в которых эвенкийский язык еще употребляется в обиходной речи, причем не только пожилыми людьми, но и молодыми, которые работают оленеводами (Казакевич и др. 2023).

Был рассмотрен формальный анализ частеречной омонимии с использованием понятия фразового аффикса, который не является удачным с эмпирической точки зрения. В дальнейшем мы намереваемся рассмотреть анализ через инкорпорацию (Vinyar, Kazakova 2022) и анализ на основе распределенной морфологии (Marantz 1997). На практике, любая омонимия с трудом поддается какому-либо анализу, кроме словарного.

Сокращения

1 — 1-е лицо; 3 — 3-е лицо; A — прилагательное; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADVZ — показатель адвербализации; ANT — (причастие) предшествования; ATR — атрибутив; AUX — вспомогательный глагол; COMPL — комплетив; CVB — конверб; DAT — датив; DECL — декларатив; DSPRS — дисперсив (вид); EXCL — эксклюзивное лицо; FOC — фокус; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; INCEP — инцептив; IND — индикатив; INTS — интенсив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; N — существительное; NFUT — небудущее время; NMLZ — показатель номинализации; PART — партитив; PASS — пассив; PL — множественное число; PROB — пробабилитив; PROL — пролатив; PROPR — обладатель; PRS — настоящее время; PS — посессивный суффикс; PST — прошедшее время; PSTITER — прошедшее итеративное время; PTCP — причастие; RFL — рефлексив; S — субъект; SG — единственное число; SIM — (конверб) одновременности; TOP — топик; TR — транзитивизатор.

Источники

Анкета — Опросы носителя Галины Сергеевны Николаевой, 1947 г. р., село Усть-Нюкжа, Амурская область, записи 2022–2023 гг.
КИЭА РАН 2011–2017 — *Корпусы Института этнографии и антропологии РАН*. URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php> (дата обращения 10.05.2023).
Корпус — *Малые языки Сибири: наше культурное наследие*. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>. Создан Е. Л. Клячко (2010–2023 гг.). Поиск: <http://gisly.net/corpus/> (дата обращения: 20.02.2023).

Литература

Болдырев Б. В. 1994. *Русско-эвенкийский словарь*. Новосибирск: ВО «Наука».
Болдырев Б. В. 2007. *Морфология эвенкийского языка*. Отв. ред. В. А. Роббек. Новосибирск: Наука.
Василевич Г. М. 1940. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз.
Василевич Г. М. 1958. *Эвенкийско-русский словарь*. М.: ГИИНС.

Казакевич О. А., Клячко Е. Л., Кузнецов Н. А. 2023. *Экспедиция в эвенкийское Эль-дорадо*. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике», ИЯз РАН, 28–29 апреля 2023 г.
Колесникова В. Д. 1966. *Синтаксис эвенкийского языка*. М.: Наука.
Константинова О. А. 1964. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. М.: Наука.
Курицына А. В. 2023. *Синтаксис тохарских языков в сопоставительном освещении*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ.
Мыреева А. Н. 2004. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск: Наука.
Плунгян В. А. 1994. Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о групповой флексии). *Известия РАН, Серия литературы и языка*, т. 53, №3, 26–55.
Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику*. Изд. 2-е, исправленное. М.: УРСС Эдиториал.
Рудницкая Е. Л. 2022. Групповая аффиксация при словообразовании в эвенкийском языке. *Сибирский филологический журнал*, №2, 162–173.
Суник О. П. 1966. *Общая теория частей речи*. М., Л.: Наука.
Хашимова С. А. 2022. О явлении конверсии в современном китайском языке. В сб.: *International scientific-practical conference on the topic of "Problems and perspectives of modern technology in teaching foreign languages"*, vol. 2, Special issues. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yavlenii-konversii-v-sovremennom-kitayskom-yazyke>.
Koptjevskaja-Tamm, M. 1993. *Nominalizations*. Routledge: London.
Kornfilt, J. 1997. *Turkish*. London: Routledge.
Malchukov, A., Koptjevskaja-Tamm, M., Cole, P., Hermon, G., Kornfilt, J., Comrie, B. 2008. *Nominalizations and mixed categories. Questionnaire*. URL: https://www.eva.mpg.de/lingua/tools-at-lingboard/questionnaire/nominalizations_description.php.
Marantz, A. 1997. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *U. Penn Working Papers in Linguistics*, vol 4.2, 201–225.
Mártonfi, F. 1977. On conceptions of "parts of speech" in Chinese and generative grammar (Parts of Speech to Be Buried). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 31.3, 279–310.
Nikolaeva, I. 2008. Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*, vol. 118, 969–996.
Nikolaeva, I., Spencer, A. 2020. *Mixed categories: The syntax of noun modification*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
Vinyar, A., Kazakova, T. *Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: noun incorporation*. Доклад на III конференции по уральским, алтайским языкам, ИЛИ РАН, 21–23 ноября 2022 г.
Yoon, J. H.-S. 1995. Nominal, verbal and cross-categorical affixation in Korean. *Journal of East Asian Linguistics*, vol. 4(4), 325–356.

ГАРРИ ПОТТЕР И ОБРАЩЕНИЕ НА «ВЫ»: АДРЕССИВНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В ЯПОНСКОМ И РУССКОМ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Н. А. Соломкина

(Московский городской педагогический университет,
Российский государственный гуманитарный университет)
solomkina.nataliya@gmail.com

Японский язык обладает разветвленной системой вежливости, которая проявляется как в лексике, так и в грамматике. Вежливость по отношению ко второму лицу в японском языке может выражаться с помощью адресивных, почтительных и скромных глагольных форм, а также с помощью специальной лексики. В русском и многих других языках подобную функцию выполняет употребление местоимения «вы» по отношению к одному адресату. Однако выбор вежливой формы и в японском, и в русском регулируется большим количеством социолингвистических факторов.

В данном исследовании мы сравниваем употребление русских местоимений «ты» и «вы» и японских форм вежливости, в первую очередь глагольных, на материале параллельного корпуса.

К чему нам быть на «ты», к чему?

Мы искушаем расстоянье.

А. Осецкая, перевод Б. Ш. Окуджавы

1. Введение

С точки зрения выражения вежливости в местоимениях второго лица лингвисты-типологи разделяют языки мира на следующие группы (Helmbrecht 2013):

(а) языки, не имеющие противопоставления по уровню вежливости в местоимениях второго лица;

(б) языки с бинарным противопоставлением;

(в) языки с множественными вариантами выражения вежливости в местоимениях второго лица;

(г) языки, в которых употребление местоимений второго лица избегается из соображений вежливости.

Гарри Поттер и обращение на «вы»

Русский язык относится к типу (б), тогда как японский наряду с другими языками Южной и Восточной Азии принадлежат к типу (г). Японские местоимения второго лица, такие как *anata* 'вы', *kimi* 'ты' и др., не считаются достаточно вежливыми для того, чтобы употреблять их по отношению к вышестоящим (см. например, Миёси, Ядзима 2004: 17). Вместо этого используются термины родства, названия должностей, фамилии и т. д. Вежливость в японском языке в основном выражается в спрягаемых частях речи и с помощью лексических замен (*kyoo* 'сегодня' — *honjitsu* 'сегодня, вежл.'). Вежливые формы спрягаемых частей речи подразделяются на адресивные (выражающие вежливость к слушающему), гоноративные (выражающие почтительное отношение к вышестоящему субъекту действия) и депрециативные (скромные, принижающие субъект действия из круга говорящего), что подробно изложено в работе В. М. Алпатова (1973). Адресивные формы образуются с помощью суффикса *-mas/-imas-* или глагола-связки *desu*; гоноратив — с помощью суффикса *-(r)are-*, вспомогательного глагола *naru* или супплетивных форм; депрециатив — с помощью вспомогательного глагола *suru* или супплетивных форм (Алпатов и др. 2008: 140–156, 367–370, 372–374, 435–438). Формы глаголов могут быть адресивными/неадресивными и гоноративными/нейтральными/депрециативными одновременно в разных комбинациях. Одновременно гоноративных и депрециативных форм не бывает. В примере (1а) представлена гоноративная и адресивная форма глагола, в (1б) — гоноративная и неадресивная, в (1в) — адресивная и нейтральная, в (1г) — неадресивная и нейтральная (простая).

- (1) а. *o-modor-ini nar-imash-ita*
HON-вернуться-CVB AUX.HON-ADR-PST
б. *o-modor-ini nat-ta*
HON-вернуться-CVB AUX.HON-PST
в. *modor-imash-ita*
вернуться-ADR-PST
г. *modot-ta*
вернуться-PST
'[он] вернулся'

В сложных предложениях показатель адресива как правило присоединяется только к финитной форме глагола, которая располагается в конце предложения, так как японский — язык с последовательным левосторонним ветвлением.

Выбор вежливых форм зависит от относительного положения говорящего, адресата и/или референта в социальной иерархии, а также принадлежностью к кругу «своих» или «чужих» (психологической близостью к говорящему). Описанные в Алпатов 1973 варианты кратко представлены в табл. 1. Депрециативные формы равны по степени вежливости гоноративным и могут употребляться там же, где и гоноративные формы. Еще раз подчеркнем, что характеристика адресата или лица, о котором идет речь, как «высшего/равного/низшего» и «своего/чужого» относительна и зависит от говорящего и конкретной ситуации. Т. н. простые (неадресивные и негоноративные) формы употребляются при неформальном общении, например, в дружеском кругу, или при адресации к нижестоящим.

Таблица 1. Адресивные и гоноративные формы глаголов в устной речи в заключительной позиции

	Свой	Чужой
Высший	Адресив, гоноратив/негоноратив	Адресив, гоноратив
Равный	Неадресив, негоноратив	Адресив, гоноратив/негоноратив
Низший	Неадресив, негоноратив	Адресив/неадресив, негоноратив

Выбор и японских, и русских форм регулируется большим количеством социолингвистических факторов, которые могут быть культурноспецифичными и в разных ситуациях иметь разный вес. Среди таких факторов в Wetzel 2004: 6 приводятся место действия, бенефактивность (осуществление действия в интересах одного из участников), психологическая близость, предмет обсуждения («цена вопроса»), возраст, пол, место рождения, социоэкономический класс, профессия.

Можно проследить некоторую аналогию между употреблением адресивных форм в японском и вежливого «вы» в русском: и те, и другие выражают вежливость ко второму лицу. Тем не менее однозначного соответствия между этими формами нет, см. примеры перевода пьесы М. Горького «Васса Железнова» из Алпатов 1973: 23–24.

- (2) *soko ga me no tsukedokoro da yo*
там NOM глаз GEN фокус.внимания COP.PRS PRT
shinbun ni kiji o kak-ase-ru no sa
газета DAT статья ACC писать-CAUS-PRS PRT PRT
'Вот вам бы на это обратить внимание, статеечку в газеты заказать'.

- (3) *Nataariya to issyo nano wa wakat-te-mas-u yo*
Наталья COM вместе ведь TOP понимать-CVB-[AUX.PRG]ADR-PRS PRT
'Вижу, что [ты] тут и с Натальей'.

В примере (2) Васса говорит с управляющим, и если в русском языке деловое общение подразумевает регистр «вы», то в японском оказывается важнее вышестоящее положение говорящей и употребляются неадресивные (простые) формы.

В примере (3) Васса говорит со старшим братом, в оригинале на «ты», так как общение происходит между членами одной семьи. Для японского более существенным оказывается тот факт, что брат старше, и соответственно выше в вертикальной иерархии (употреблена адресивная форма). Правила выбора между «ты» и вежливым «вы» описаны в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» (Жолковский, Мельчук 1984: 891–892) и уточнены в статье А. Д. Шмелева (2016).

Также большую известность имеет описание употребления местоимений типа «ты» и «вы» в европейских языках под авторством Р. Брауна и А. Гилмана (Brown, Gilman 1960). Они объясняют выбор соответствующих местоимений с помощью двух социологических параметров: власти и солидарности. Под «властью» понимается социальное положение, статус участников ситуации, под «солидарностью» — социальная дистанция, принадлежность к одной социальной группе. Примечательно, что эти признаки в общих чертах совпадают с признаками, по которым осуществляется выбор японских форм вежливости («высший-равный-низший» и «свой-чужой»). На рис. 1 мы совмещаем признаки, фигурирующие в японоведческой литературе, с признаками, которые играют роль при выборе «ты» (Т от лат. *tu*) и «вы» (V от лат. *vos*) по Брауну и Гилману. На схеме Брауна и Гилмана в каждой ячейке представлена комбинация параметров *power* (власть) и *solidarity* (солидарность) и местоимения, употребляемые при данной комбинации. В левой верхней и правой нижней ячейке эти параметры конфликтуют между собой, и возможно употребление как «ты», так и «вы».

Таким образом, можно сказать, что выбор местоимения «ты»/«вы» также зависит от вертикальной иерархии (*power*) и признака «свой-чужой» (*solidarity*). Однако в одной и той же коммуникативной ситуации, но в разной языковой среде «ведущим» признаком может оказываться как власть, так и солидарность.

Дополним табл. 1 возможными местоимениями типа «ты»/«вы» по Брауну и Гилману из рис. 1. Мы получим табл. 2, которая должна, по

крайней мере в общих случаях, описывать соответствие японских вежливых глагольных форм обращению на «ты»/«вы» в русском (и других европейских языках).

В этой статье мы на материале параллельных текстов проследим использование русских местоимений «ты»/«вы» и соответствующих им вежливых глагольных форм в японском, проверим соответствие нашей выборки таблице 2 и отметим другие особенности выражения (анти)-вежливости к собеседнику в данных языках.

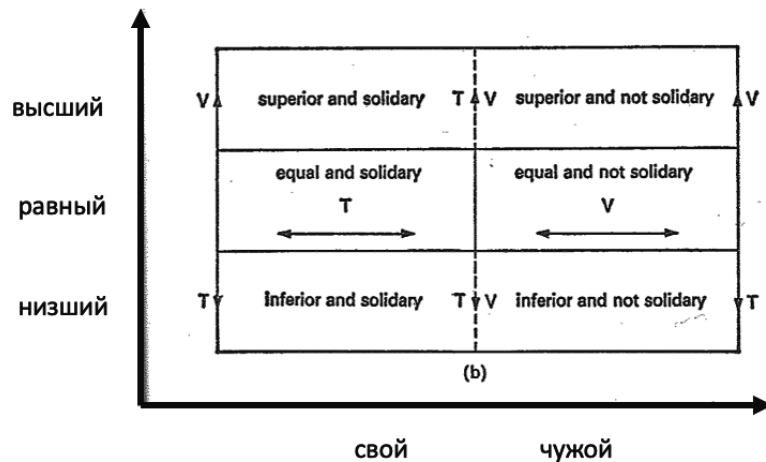

Рисунок 1. Выбор Т «ты» и V «вы» по Brown, Gilman 1960 и признаки, релевантные при выборе японских глагольных форм

Таблица 2. Адресивные и гоноративные формы японских глаголов в устной речи в заключительной позиции, совмещенные с местоимениями «ты»/«вы» на основании признаков «высший-равный-низший» и «свой-чужой»

	Свой	Чужой
Высший	Адресив, гоноратив/негоноратив Ты/Вы	Адресив, гоноратив Вы
Равный	Неадресив, негоноратив Ты	Адресив, гоноратив/негоноратив Вы
Низший	Неадресив, негоноратив Ты	Адресив/неадресив, негоноратив Ты/Вы

2. Описание материала

Материалом исследования послужили переводы первых десяти глав книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»: перевод на русский язык издательства «Росмэн» (переводчик И. В. Оранский) и перевод на японский язык издательства «Сэйдзанся» (переводчик Юко Мацуока, 1999 г.). После оригинала¹ и отгlossированных японских примеров приводится русский вариант в переводе И. В. Оранского.

Параллельные тексты были подготовлены с помощью программы LF aligner². Нами было рассмотрено 3786 параллельных сегментов, которые примерно соответствуют предложениям (примерно, так как при переводе не всегда точно сохраняется деление текста на предложения).

Оба рассматриваемых текста являются переводами английского оригинала, однако для нашего исследования имеет значение скорее не язык оригинала, а описываемая коммуникативная ситуация и отношения между персонажами. К тому же, в современном английском языке нет противопоставления «ты» и вежливого «вы», и на выбор форм вежливости в русском и японском формальное устройство английского не оказывает большого влияния.

Количественные данные, приводимые в данной статье, носят скорее справочный характер. Необходимо помнить, что употребляемые формы напрямую зависят от описываемых в тексте ситуаций (например, в каком-либо тексте может описываться только ситуация общения между учителем и учеником, заключенным и надзирателем, двумя друзьями и т. д.). А для того, чтобы охватить все возможные в табл. 2 ситуации взаимодействия, необходима очень большая выборка или корпуса, имеющие разметку с социальным статусом участников, которые, к сожалению, пока не доступны исследователям.

3. Анализ корпусных данных

Обращения на «ты»/«вы» в русском тексте (куда входят и глагольные формы типа «подайте», обращенные к единственному адресату) и соответствующие им японские формы представлены в табл. 3 и 4. В табл. 4 отдельно вынесены формы императива в силу их большого разнообразия и довольно тонких различий по уровню вежливости.

¹ J. K. Rowling, Harry Potter and the Philosopher's Stone, Bloomsbury Publishing PLC, 2015.

² <https://sourceforge.net/projects/aligner/> (дата обращения: 10.05.2023).

Таблица 3. Японские формы, соответствующие обращению на «ты» или «вы» в русском (кроме императива)

японский	русский	
	ты	вы
неадресивные (простые) формы	263	42
адресив	9	23
гоноратив/депрециатив	—	17
-тэ яру малефактив	3	—
яру 'давать', груб.	1	—
суманай 'извини'	—	1
сумимасэн 'извините'	1	—
гомэн 'извини'	1	—
обращение	1	—
междометие	1	—
Всего	280	85

Таблица 4. Японские формы императива, соответствующие обращению на «ты» или «вы» в русском

	ты	вы
Вежливый императив -насай	3	2
Вежливый императив -рассяй	1	—
Простой императив -э/-ро/-ё	22	3
Простая (сокращенная) просьба -тэ	12	1
Простой прохибитив -на	1	2
Простая просьба -окурэ	1	1
Всего	40	9

Как мы видим из табл. 1 и 2, гоноративным и депрециативным (т. е. почтительным и скромным) формам соответствует только обращение на «вы», тогда как неформальным и даже грубым японским формам может соответствовать как «ты», так и «вы». Ниже мы подробнее рассмотрим контексты возникновения таких случаев.

Исходя из табл. 2, соответствие «ты» в русском и гоноративной формы в японском может возникать при обращении к вышестоящему

адресату, принадлежащему к одной группе с говорящим. Таким контекстом может быть, например, обращение к собственному начальнику на «ты», принятое в некоторых русскоязычных компаниях, которому при переводе соответствовала бы почтительная форма глагола. Таким образом, в редких контекстах мы не исключаем возможности соответствия «ты» японскому гоноративу, хотя в нашей выборке таких примеров не встретилось.

В табл. 4 формы императива классифицированы на основании работы Jarkey 2017. Как мы видим, и простым, и вежливым формам императива могут соответствовать как «ты», так и «вы» в русском тексте. Ниже мы рассмотрим отдельные заслуживающие внимания случаи.

3.1. «Вы»/грубый императив

В сцене, где опекун Гарри Поттера дядя Вернон пытается выпроводить лесника волшебной школы Хагрида, в японском он использует по отношению к Хагриду грубые формы императива, а в русском обращается на «вы»:

(4) *'Stop!' he commanded. 'Stop right there, sir! I forbid you to tell the boy anything!'*

やめろ！ 客人。今すぐやめろ！

その子にこれ以上何も言っははいかん！

yame-ro kyakujin ima sugu yame-ro

прекратить-IMP гость сейчас немедленно прекратить-IMP

sono ko ni kore ijyoo mo it-te wa ikan

этот ребенок DAT это более даже говорить-CVB TOP нельзя

'Прекратите! — скомандовал он. — Прекратите немедленно, сэръ!

Я запрещаю вам что-либо рассказывать мальчику!

По-видимому, Вернон рассматривает Хагрида как чужого (на это также указывает *sir* в оригинальном тексте) и нижестоящего, но в русском отсутствие психологической близости с адресатом определяет выбор местоимения «вы», а в японском нижестоящий статус позволяет использовать простые формы императива, которые скорее считаются грубыми.

3.2. «Вы»/простые формы

Следующий случай контрастирования русской и японской адресивной вежливости, для которого нам встретилось целых 42 примера, — употребление «вы» в русском и соответствие им простых форм в япон-

ском. Начнем с примера, где директор школы Хогвартс Дамблдор обращается к профессору Макгонагалл: в русском на «вы», так как их связывают рабочие отношения, в японском используются простые формы, так как Дамблдор выше в иерархии:

- (5) *'Can't you see how much better off he'll be, growing up away from all that until he's ready to take it?'*

あの子に受け入れる準備ができるまで、そうしたことから一切離れて育つ方がずっといいということがわからんかね？

ano ko ni ukeire-ru jyunbi ga deki-ru made

тот ребенок DAT принять-PRS готовность NOM мочь-PRS до

sooshita koto kara issai hanare-te sodats-u

такой NML от совершенно быть.отделенным-CVB расти-PRS

hoo ga zutto i-i toiu koto ga

сторона NOM намного хороший-PRS QUOT NML NOM

wakar-an kane

понимать-NEG.PRS PRT

‘Неужели вы не видите, насколько лучше для него самого, если он будет жить здесь, далеко от нашего мира, до тех пор, пока не вырастет и будет в состоянии справиться со своей славой?’

Встретившись в зоопарке с удавом и начав понимать его «речь», Гарри по-русски обращается к нему на «вы», а по-японски с помощью простых форм, так как общается с животным (по умолчанию нижестоящим в иерархии). Снова мы видим, что в русском признак «свой-чужой» оказывается важнее, чем вертикальная иерархия:

- (6) *'Oh, I see — so you've never been to Brazil?'*

そうなの.....じゃ、ブラジルに行ったことがないんだね？

soo nano jya burajiru ni it-ta koto ga

так PRT значит Бразилия DAT идти-PST NML NOM

nai n da ne

иметь.NEG NML COP.PRS PRT

‘А понимаю, значит, вы никогда не были в Бразилии?’

Профессор Снегг и другие преподаватели обращаются к ученикам на «вы» в русском переводе и с помощью простых форм в японском варианте.

- (7) *'Thought you wouldn't open a book before coming, eh, Potter?'*

クラスに来る前に教科書を開いて見ようとは思わなかったわけだな、ポッター、え？

kurasu ni ku-ru mae ni kyoukasyo o hira-ite

класс DAT приходиться-PRS до DAT учебник ACC открыть-CVB

mi-yoo to wa omow-ana-katta wake da na potta e

AUX.M-NOR QUOT TOP думать-NEG-PST ситуация COP.PRS PRT Поттер а

‘Похоже, вам и в голову не пришло почитать учебники, прежде чем приехать в школу, так, Поттер?!’

Во всех трех ситуациях в русском языке оказывается важнее подчеркнуть горизонтальную дистанцию (отсюда взаимное «вы»), а в японском — подчеркнуть неравенство в вертикальной иерархии, при котором по отношению к ученикам, подчиненным, животным используется неформальный стиль.

3.3. Обращение к высшим своим с помощью простых форм

Несмотря на то что в табл. 2 при обращении к своим и высшим для японского предусмотрены только варианты «адрессив, гоноратив/негоноратив», на протяжении повествования дети разговаривают с родителями, используя простые (неадрессивные) формы. В примере ниже один из близнецов Фред (или Джордж) обращается к матери на «ты» в русском и с использованием простых форм в японском:

- (8) *'Hey, Mum, guess what? Guess who we just met on the train?'*

「ねえ、ママ。誰に会ったと思う？

今列車の中で会った人、だーれだ？」

nee mama dare ni at-ta to omo-u

эй мама кто DAT встретить-PST COM думать-PRS

ima ressyu no naka de at-ta hito dare da

сейчас поезд GEN внутри LOC встретить-PST человек кто COP.PRS

‘Да, мам, ты себе и представить не можешь, — начал один из близнецов. — Угадай, кого мы только что встретили в поезде?’

В Жолковский, Мельчук 1984: 891–892 указано, что в архаичной, в особенности крестьянской, семье было принято обращение на «вы» младших членов семьи к старшим. Аналогично можно сказать и о японской семье, что при обращении к старшим родственникам адрессивные или гоноративные формы требуются только в семьях с наиболее традиционным укладом.

Как пишет К. Накамура, «неформальный язык обычно используется взаимно между членами семьи... ..В последнее время дети стали использовать неформальный стиль даже для обращения к старшим членам семьи. В современных японских семьях родственная близость часто имеет больший вес, чем иерархия при выборе стиля [речи]» ((Nakamura 2014: 238).

3.4. «Ты» / адресивное предположительное наклонение

Выбор адресивных и неадресивных форм в японском языке может, помимо прочих факторов, быть обусловлен разной частотностью употребления тех или иных глагольных форм в сочетании с адресивом. Например, адресивные формы презумптива встречаются чаще неадресивных, особенно в женской речи. В нашей выборке есть соответствующий пример, где Молли Уизли обращается к своей дочери Джинни: в русском переводе на «ты», а в японском с помощью адресивной формы, использование которой прагматически ничем не мотивировано:

- (9) “You’ve already seen him, Ginny, and the poor boy isn’t something you goggle at in a zoo’.

ジニー、もうあの子を見たでしょ？動物園じゃないんだから、ジロジロ見たらかわいそうでしょう。

Jinii moo ano ko o mi-ta desh-o

Джинни уже тот ребенок ACC видеть-PST COP.ADR-PMT

doobutsuen jya-nai n da kara jirojira

зоопарк COP.PRS-NEG NML COP.PRS потому.что пристально

mi-tara kawai-soo desh-oo

смотреть-COND бедный COP.ADR-PMT

‘Ты его уже видела, Джинни. И вообще не надо пялиться на бедного мальчика, как на животное в зоопарке’.

В. М. Алпатов предлагает рассматривать подобные адресивные формы как немаркированные члены оппозиции (Алпатов 1973: 26).

3.5. «Плавающий» статус адресата

При первой встрече с Гарри Поттером продавец волшебных палочек Оливандер начинает общаться с ним с помощью депрециативных и адресивных форм, см. примеры (10) и (11). Гарри здесь относительно Оливандера характеризуется как «чужой» и «высший», поскольку, несмотря на свой юный возраст, является клиентом. В русском переводе мы видим обращение на «вы»:

- (10) ‘Yes, yes. I thought I’d be seeing you soon. Harry Potter.’
まもなくお目にかかれると思ってましたよ、ハリー・ポッターさん
tamonaku o-menikakar-er-u to omot-te-mash-ita yo
скоро HON-встретить.HON-POT-PRS QUOT думать-CVB-ADR-PST PRT
harii pottaa san
Гарри Поттер сан
‘О, да. — Старичок покивал головой. — Да, Я так и думал, что скоро увижу вас, Гарри Поттер’.
- (11) ‘Well, now — Mr Potter. Let me see.’
「さて、それではポッターさん。拝見しましょうか」
sate sorede wa pottaa san ha'iken-shimash-yoo ka
так теперь Поттер сан смотреть.DPR-HOR Q
‘— Ладно, а теперь вы, мистер Поттер. Дайте мне подумать’.

К концу разговора Оливандер переходит на простые формы (в русском остается «вы»):

- (12) ‘The wand chooses the wizard, remember...’
杖は持ち主の魔法使いを選ぶ。そういうことじゃ.....。
tsue wa mochinushi no mahootsukai o erab-u
палочка TOP хозяин GEN волшебник ACC выбирать-PRS
sooiu koto jya
такой дело COP.PRS
‘Я ведь вам говорил, что палочка выбирает волшебника, а не наоборот?’

Если руководствоваться исходной табл. 2, вероятно, мы наблюдаем переход из правой верхней ячейки (в табл. 5 выделена серым), где говорящий обращается к чужому высшему (покупателю), к правой нижней ячейке, где говорящий обращается к сильно младшему адресату. В японском фактор возраста становится более существенным, чем роль покупателя.

3.6. Ритуал перехода на «ты»

Как упоминается в работе А. Д. Шмелева (2016: 62), в русском языке переход с «ты» на «вы» обычно ритуализован и сопровождается если не питьем на брудершафт, то хотя бы эксплицитным предложением такого перехода. В японском подобного ритуала при изменении регистра вежливости не предусмотрено, более того, возможны колебания регистров даже в пределах одной и той же речевой ситуации при обращении к од-

Таблица 5. Изменение статуса адресата (для исходного варианта см. Табл. 2)

	Свой	Чужой
Высший	Адрессив, гоноратив/негоноратив <i>Ты/Вы</i>	Адрессив, гоноратив <i>Вы</i>
Равный	Неадрессив, негоноратив <i>Ты</i>	Адрессив, гоноратив/негоноратив <i>Вы</i>
Низший	Неадрессив, негоноратив <i>Ты</i>	Адрессив/неадрессив, негоноратив <i>Ты/Вы</i>

ному и тому же собеседнику. В числе причин таких колебаний — изменение отношения к собеседнику, погружение рассказчика в нарративный режим, более частотное употребление вежливых элементов с определенными формами глаголов и т. д. — подробнее см. Алпатов 1973: 24–27.

В нашей выборке есть примечательная иллюстрация такой смены регистра, и еще раз подчеркнем, что в оригинальном английском тексте она ничем, кроме контекста, не обозначена. При знакомстве со взрослым великаном и лесничим магической школы Хагридом Гарри общается с ним на «вы» в русском тексте и с помощью адрессивных форм в японском, см. пример (13). Здесь также необходимо прокомментировать выбор японских местоимений: *boku* 'я' — употребляемое преимущественно мужчинами местоимение, используемое скорее в неформальных контекстах (Shibamoto Smith 2003: 209–210). *Anata* 'вы' — более формальное местоимение, но все равно считается недопустимым по отношению к вышестоящим (Миёси, Ядзима 2004: 17). Таким образом, можно предположить, что изначально Гарри воспринимает Хагрида как равного чужого.

(13) *I'm sorry, but I still don't really know who you are.'*

「あの、僕、まだあなたが誰だかわからないんですけど」

ano boku mada anata ga dare da ka

ну я еще вы NOM кто COP.PRS Q

wakar-ana-i n des-u kedo

понимать-NEG-PRS NML COP.ADR-PRS хотя

'Извините, но я до сих пор не знаю, кто вы такой, [— вежливо произнес Гарри.]'

Далее в японском Гарри переходит на простые формы по отношению к Хагриду, а в русском тексте по-прежнему сохраняется обращение на «вы»:

- (14) *'Why aren't you supposed to do magic?' asked Harry.'*
「どうして魔法を使っちゃいけないの?」とハリーが聞いた。
dooshite mahoo o tsukat-tya ike-na-i no
почему волшебство ACC использовать-CVB.TOP AUX.PRM-NEG-PRS Q
to harii ga ki-ita
QUOT Гарри NOM спрашивать-PST
'А почему вам нельзя творить чудеса? — поинтересовался Гарри'.

Спустя несколько предложений в русском тексте встречается ритуал перехода на «ты», затем переход еще раз подтверждается, при этом аналогичных фрагментов ни в оригинале, ни японском тексте нет:

- (15) *Поздно уже, а у нас делов завтра куча, — уклончиво ответил Хагрид. — В город нам завтра надо, книги тебе купить, и все такое. И эта... давай на «ты», нечего нам с тобой «выкаты», мы ж друзья.*

Когда Гарри забывается и снова начинает «выкаты», Хагрид напоминает ему, что ритуал перехода на «ты» уже совершен:

- (16) *Великан внимательно посмотрел на него, словно напоминая о вчерашнем уговоре. Гарри вдруг понял, что ему, всегда такому вежливому и обращающемуся на «вы» ко всем старшим, будет легко называть Хагрида на «ты».*

Очевидно, что и японский, и русский переводчики приблизительно в одной точке повествования (с разницей примерно в восемь предложений) почувствовали, что необходимо отразить в языке сближение Гарри и Хагрида и начало их дружеских отношений. Однако русскоязычному переводчику понадобилось для этого дополнить текст ритуалом перехода на «ты», а для максимальной естественности еще и добавить напоминание от Хагрида об этом переходе.

4. Выводы

Наше исследование еще раз подтверждает на корпусных данных, что одно-однозначного соответствия между японскими и русскими формами вежливости нет и при переводе необходимо учитывать всю совокупность социальных и дискурсивных факторов. При этом можно выделить следующие особенности употребления японских и русских форм вежливости:

1. Русскому вежливому «вы» часто могут соответствовать неформальные и/или грубые формы японских глаголов. Это обусловлено тем, что при выборе форм «ты»/«вы» скорее доминирует признак «свой-чужой» и говорящему важно выразить психологическую дистанцию, тогда как в японском говорящий в первую очередь выбирает форму в зависимости от вертикальной иерархии «высший-равный-низший».
2. В табл. 2 для японского языка необходимо добавить возможность обращения к высшим своим при помощи неадресивных (простых) форм, так как в современной семье младшие могут обращаться к старшим, не используя показатели адрессива и гоноратива. См. модифицированную табл. 2.1.

Таблица 2.1. Адрессивные и гоноративные формы японских глаголов в устной речи в заключительной позиции, совмещенные с местоимениями «ты»/«вы» на основании признаков «высший-равный-низший» и «свой-чужой»

	Свой	Чужой
Высший	Адрессив/неадрессив, гоноратив/негоноратив <i>Ты/Вы</i>	Адрессив, гоноратив <i>Вы</i>
Равный	Неадрессив, негоноратив <i>Ты</i>	Адрессив, гоноратив/негоноратив <i>Вы</i>
Низший	Неадрессив, негоноратив <i>Ты</i>	Адрессив/неадрессив, негоноратив <i>Ты/Вы</i>

3. Употребление некоторых японских адрессивных форм, таких как презумптив, гортатив и др. мотивировано не только социальной ситуацией, но и гораздо более высокой частотностью таких форм по сравнению с неадрессивными. В дальнейших исследованиях необходимо проверить, насколько чувствительны эти формы к социолингвистическим факторам.
4. Переход с «вы» на «ты» в русском языке ритуализован и в нормальном случае не подразумевает обратного перехода (за исключением некоторых особенно формальных ситуаций вроде торжественного приема или защиты диссертации, где такой пе-

реход может совершаться временно). Напротив, в японском возможно многократное переключение регистров между одними и теми же участниками даже в рамках одного речевого события. Вероятно, в русском языке способ обращения закрепляется за конкретным адрессатом на продолжительное время (за исключением ситуаций «из ряда вон»: неожиданной драки с начальником или выступления на защите диссертации лучшего друга), а в японском выбор вежливых форм заново осуществляется носителем для каждого конкретного речевого акта.

Выводы, сделанные в данной работе на материале русского языка, вероятно, можно распространить на многие другие языки с бинарным противопоставлением местоимений второго лица по вежливости.

Сокращения

ACC — аккузатив; ADR — адрессив; AUX — вспомогательный глагол; AUX.M — вспомогательный глагол подготавливающего действия *miru*; AUX.PRG — вспомогательный глагол длительного вида; AUX.PRM — вспомогательный глагол пермиссива; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; COM — комитатив; COND — условная форма; COP — связка; DAT — датив; DPR — депрециатив; GEN — генитив; HON — гоноратив; HOR — гортатив; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NML — субстантиватор; NOM — номинатив; PMT — презумптив; POT — потенциалис; PRS — настоящее-будущее время; PRT — частица; PST — прошедшее время; TOP — топик; Q — вопросительная частица; QUOT — цитационный союз.

Литература

- Алпатов В. М. 1973. *Категории вежливости в современном японском языке*. М.: Наука.
- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. 2008. *Теоретическая грамматика японского языка*. М.: Наталис.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А. 1984. *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*. Вена: Wiener Slavistischer Almanach.
- Миёси Р., Ядзима К. 2004. *Аната но нихонго ни мигаки о какэру кэйго [Кэйго, который доведет до блеска ваш японский]*. Токио: Сэнмон кё:ику сьуппан.
- Шмелев А. Д. 2016. *Ты и вы в русском речевом этикете: вариативность норм*. Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, №9(18), 61–66.
- Brown, R., Gilman, A. 1960. The pronouns of power and solidarity. In: T. A. Sobeok (ed.) *Style in language*. Cambridge: MIT Press, 252–281.

- Helmbrecht, J. 2013. Politeness distinctions in pronouns. In: M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.) *WALS Online (v2020.3)* (Available online at <http://wals.info/chapter/45>, Accessed on 2023-03-02.)
- Jarkey, N. 2017. Imperatives and commands in Japanese. In: A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Commands: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 169–188.
- Nakamura, K. 2014. The use of polite language by Japanese preschool children. In: D. I. Slobin, J. Gerhardt, A. Kyratzis, Jiansheng Guo (eds.) *Social interaction, social context, and language: Essays in Honor of Susan Ervin-tripp*. Psychology Press, 253–268.
- Shibamoto Smith, J. S. 2003. Japanese. Gendered structures in Japanese. In: M. Helmlinger, H. Bußmann (eds.) *Gender across languages: The linguistic representation of women and men*. Vol. 3. John Benjamins, 201–225.
- Wetzel, P. J. 2004. *Keigo in modern Japan: Polite language from Meiji to the present*. Honolulu: University of Hawaii Press.

КОНСТРУКЦИИ С СОЧИНЕННЫМИ ИМЕННЫМИ ГРУППАМИ СТРУКТУРЫ «Х И САМ» В ДАРГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Н. Р. Сумбатова

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт языкознания РАН)
nina.sumbatova@gmail.com¹

В статье рассматриваются сочиненные группы, включающие рефлексивное местоимение, в языках даргинской группы нахско-дагестанской семьи. Выясняется, что такие группы (в статье они называются группами «Х и сам») имеют несколько типов употреблений, которые различаются по значению и синтаксическим особенностям. В разных конструкциях такие группы могут иметь значение обычного сочинения или комитативное значение. Обнаружены также предложения, в которых такие группы объединяют агенса и пациенса нефинитной предикации.

Нушала дигуси Вера аралирираб,
сунела уржибси кулпетра сарира!

В даргинских языках нередко встречаются сочиненные именные группы, состоящие из одного или нескольких конъюнктов с именной вершиной и конъюнкта, выраженного простым рефлексивным местоимением. В примере (1) такая сочиненная ИГ находится в крайней правой позиции (в квадратных скобках):

- (1) Тантынский (Сумбатова, Ландер 2014: 676–677)
«*haˈna* <...> *talqan le-w-q'-un-ne te-w*,
теперь падишах HITHER-M-идти.IPFV-PRS-CVB EXST-M
[*sun-ni-la χiːwala-se ʃaˈskar=ra sa-j=ra*]
сам-OBL-GEN большой-ATTR войско = ADD сам-M=ADD
'Теперь сюда идет падишах со своим большим войском'.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 22-28-01648. Выражаю свою искреннюю благодарность Т. А. Майсаку и Н. А. Коротаеву за ценные замечания, сделанные при подготовке статьи к печати.

Дословный перевод предложения (1) выглядел бы так: 'Теперь сюда идет падишах, свое большое войско и сам'. Сочиненная именная группа в конце этого предложения состоит из ИГ *sunnila χ^wala-se ʕa^sskar* 'его большое войско' и местоимения *saj* 'сам, он', антецедентом которого является ИГ *talqan* 'падишах' — подлежащее при непереходном глаголе *lewq'unne tew* 'идет сюда'. К обоим конъюнктам присоединяется аддитивная клитика =*ra*.

В этой работе я представляю предварительное исследование того, как функционируют в даргинских языках сочиненные группы структуры «X и сам», где X — именная группа с вершиной-существительным, а сам соответствует даргинскому рефлексивному местоимению.

Работа имеет следующую структуру: в разделе 1 описан материал, на котором выполнено исследование; в разделе 2 содержатся некоторые сведения о даргинских языках, необходимые для понимания статьи; основное содержание — описание употребления именных групп структуры «X и сам» — представлено в разделе 3; в последнем разделе я формулирую предварительные обобщения и выводы.

1. Материал работы

Это небольшое исследование выполнено на основе примеров из корпусов устных текстов на нескольких даргинских языках и грамматических описаний этих языков. Используются данные идиомов, для которых существуют доступные коллекции устных текстов, а именно:

- корпус текстов на акушинском идиоме в книге van den Berg 2001;
- корпус текстов на тантынском идиоме в книге Сумбатова, Ландер 2014;
- примеры на санжинском идиоме из грамматики Forker 2020 и корпус текстов в книге Форкер, Гаджимурадов 2017;
- примеры на кубачинском диалекте из грамматики Магометов 1963;
- корпус устных текстов на муиринском идиоме, собранный экспедициями РГГУ² в с. Калкни Дахадаевского района Республики Дагестан в 2018–2020 гг.

Кроме того, я просмотрела корпус кадарских текстов, собранных Н. А. Вагизиевой, а также тексты на мегебском диалекте в книге Магометов 1982, но примеров с рассматриваемой группой в этих текстах не нашлось.

² Руководитель экспедиций — Н. Р. Сумбатова, над текстами работали в основном Н. Р. Сумбатова, И. В. Калякин, Д. Р. Пчелинцева.

Всего обнаружилось 45 примеров³, так как объем всех этих корпусов невелик. Элицитация и в целом обращение к информантам пока не использовались.

Все примеры в этой работе глоссированы по единым правилам, поэтому пришлось изменить глоссы предложений, взятых из работ van den Berg 2001; Forker 2020; Сумбатова, Ландер 2014, и отглоссировать примеры из кубачинской грамматики А. А. Магометова (1963) и книги Форкер, Гаджимурадов 2017. Переводы примеров из русскоязычных работ сохранены без редактирования.

Очевидно, что исследование не вполне корректно методологически, так как даргинские идиомы сильно различаются между собой: весьма вероятно, что свойства конструкций, внешне кажущихся аналогичными, в этих языках не идентичны. Однако ни один из имеющихся корпусов не содержит примеров в количестве, достаточном даже для предварительного исследования. Поэтому пока остается надеяться, что различия между идиомами в этом отношении не так существенны, — на первый взгляд кажется, что так оно и есть.

2. Сведения о даргинских языках

2.1. Общая информация

На языках даргинской группы нахско-дагестанской языковой семьи говорит более полумиллиона человек, в основном проживающих в Республике Дагестан. Традиционная область распространения даргинских языков — селения центрального региона республики, однако в последние десятилетия в результате быстрой урбанизации существенная часть даргинцев переселилась в города и селения, расположенные в равнинной части Дагестана.

Как и другие языки нахско-дагестанской семьи, даргинские языки — это эргативные языки с богатой морфологией в области как именных, так и глагольных форм⁴. Существенная черта многих нахско-дагестан-

³ В это число не входят примеры, в которых группа «X и сам» выражает обычное (симметричное) сочинение, см. раздел 3.1.

⁴ Я буду пользоваться термином *ядерные аргументы* глагола. К их числу относятся *A-аргумент* (эргативный агенс переходного глагола), *P-аргумент* (пациенс переходного глагола в абсолютиве) и *S-аргумент* (абсолютивный аргумент непереходного глагола).

ских языков, характерная также и для даргинских, — согласование по именному классу. В отличие от большинства нахско-дагестанских языков, в даргинских языках есть также согласование по лицу. Даргинские языки имеют левое ветвление, порядок слов в них довольно свободный.

Ниже приводятся сведения о тех аспектах грамматики даргинских языков, которые будут затронуты в этой работе: о сочинении именных групп, о выражении комитативного значения и о некоторых свойствах так называемого простого рефлексивного местоимения.

2.2. Сочинение именных групп

Сочинение именных групп в даргинских языках чаще всего оформляется при помощи аддитивной энклитики =*ra* (в кубачинском языке =*ja*), которая присоединяется ко всем конъюнктам⁵, например:

- (2) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАРГИНСКИЙ (Абдуллаев 1954: 208)

[*xur=ra, ħar=ra, paʔpaʔlag=ra*] *niša-či-r*

липа=ADD ива=ADD осина=ADD МЫ-SUPER-NPL

imcʔali q:arši-d-irk-ur

больше встретить-NPL-LV.IPFV-TH

‘Липа, ива и осина у нас часто встречаются’.

Если сочиненная ИГ занимает позицию абсолютного аргумента, то она контролирует согласование глагола по именному классу, и в этом случае глагол маркируется показателем одного из двух множественных классов (личного или неличного). Так, в примере (2) сочиненная ИГ ‘липа, ива и осина’ является подлежащим непереходной предикации и контролирует классное согласование глагола *q:aršidirkur* ‘встречаются’ (неличный множественный класс). В (3) сочиненная ИГ ‘этот пастух и дочь падишаха’ контролирует класс предиката, состоящего из деепричастия *kabižible* ‘сев’ и экзистенциальной связки *teb*:

- (3) ТАНТЫНСКИЙ (Сумбагова, Ландер 2014: 680)

hiltu-r-kale ka-b-iž-ib-le te-b

здесь-EL-DOWN DOWN-NPL-сесть.PFV-PRET-CVB EXST-NPL

[*hil=ɣuna ca bukʔun=ra talqan-na rurs:i=ra*]

этот=LIKE один пастух=ADD падишах-GEN девушка=ADD

‘Там поселились этот пастух и дочь падишаха’.

⁵ Существуют и другие средства оформления сочинения, однако они не будут затронуты в этой работе.

Клитика =*ra* используется для сочинения любых типов составляющих, включая целые предложения. В последнем случае она не обязательно повторяется более одного раза: возможно ее присоединение только ко второму элементу, причем ее позиция в этом случае может быть разной (точные правила пока неясны). Так, в примере (4) клитика присоединяется к слову *beʔla* ‘самый’:

- (4) ТАНТЫНСКИЙ (Сумбагова, Ландер 2014: 734)

hatʔi beʔla=ra waʔ-te d-irqʔ-an

потом самый=ADD плохой-ATTR.PL NPL-делать.IPFV-POT

maʔmtti gu-r-uq-un

Мамму UNDER-EL-(M)идти.PFV-PRET

{*предшествующий контекст*: ‘(Сначала) именно Мамму оказывали самое большое доверие, считали, что он никогда не делал ничего плохого’}

‘А потом оказалось, что самое плохое делал как раз Мамму’.

2.3. Выражение комитативности

В комитативной ситуации имеется два участника, выполняющих одну и ту же семантическую роль, однако неравноправных с коммуникативной точки зрения. Более центрального участника мы вслед за А. В. Архиповым (2009) будем называть ориентиром, а более периферийного — спутником. Например, в предложении (5) ориентиром будет ‘Петя’, а спутником — ‘мой брат’.

- (5) *Петя отправился с моим братом в путешествие* (Архипов 2009: 77).

Ситуация, выражаемая в предложении (5), соответствует прототипу комитативной ситуации, а используемая в нем синтаксическая конструкция соответствует определению комитатива в узком смысле (Архипов 2009: 77–81). Комитативом в широком смысле называется совокупность всех употреблений, которые характерны для комитативных маркеров.

Для выражения комитативного значения в даргинских языках существует несколько возможностей. Наиболее очевидные из них — использование комитативного падежа, который есть в большинстве даргинских идиомов (6), или конструкции с послелогом ‘с, совместно, вместе’ (в литературном даргинском это *CL-alli*⁶, *CL-arx*, пример (7)).

⁶ Символ *CL* обозначает позицию показателя именного класса. Показатель согласования показан в угловых скобках в тех случаях, когда он является инфиксом.

- (6) ТАНТЫНСКИЙ (Сумбатова, Ландер 2014: 702)
dam-c:ele le-w-se=de di-la umra ʔaʕli-ʔaʕsaʕb=ra
 я:OBL-COMIT EXST-M-ATTR=PST я-GEN сосед Али-Асхаб=ADD
 ‘Со мной вместе (там) был мой сосед Али-Асхаб’.
- (7) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАРГИНСКИЙ (Абдуллаев 2017: 104)
rursi neš-li-či-r r-arχ her-r-ir-u-li saʕri
 девочка мать-OBL-SUPER-F F-вместе жить-F-LV.IPFV-PRS-CVB COP<F>
 ‘Дочка живёт вместе с матерью’

Как выясняется, есть еще одна возможность — использование сочиненных ИГ вида «X и сам». Речь о них пойдет в разделе 3.

2.4. Простое рефлексивное местоимение

В даргинских языках имеются так называемые простые рефлексивные местоимения — в даргинском литературном языке *sa<CL>i*⁷, в прочих идиомах встречаются также варианты *sa<CL>*, *ca<CL>i*, *ca<CL>*. Простое рефлексивное местоимение омонимично идентифицирующей связке (исторически, видимо, связка восходит к этому местоимению).

Простое рефлексивное местоимение почти не имеет синтаксических ограничений и может использоваться чрезвычайно широко — в частности, как локальный рефлексив с антецедентом в той же клаузе, как дистантный рефлексив с антецедентом в другой клаузе того же предложения и как анафорическое местоимение, антецедент которого находится в одном из предшествующих предложений⁸. Так, в (8) рефлексивное местоимение *saj* находится в клаузе, возглавляемой отглагольным именем *wirʕeʕwiqri* ‘обман’ и вложенной в деепричастную клаузу с вершиной *baχurle* ‘узнав’, а его антецедент — в первой клаузе, также нефинитной, с деепричастной вершиной *šakixuble* ‘догадавшись’.

- (8) ТАНТЫНСКИЙ (Сумбатова, Ландер 2014: 670)
[hil ʕaʕ-qʕ-ri-li-ja šak-iχ-ub-le],
 этот_j NEG-идти.IPFV-MSD-OBL-SUPER догадываться-(M)LV.PFV-PR-ET-CVB

⁷ Классный показатель в составе местоимения указывает на класс его референта.

⁸ Свойства рефлексивных местоимений в даргинских языках привлекали внимание многих исследователей; см., в частности, (Тестелец, Толдова 1998; Кибрик, Богданова 1995; Kozhukhar 2019; Калякин 2022). Тем не менее следует признать, что точные правила употребления простого рефлексива (по крайней мере за пределами локальных контекстов) пока не установлены.

- [[*sa-j w-irʕeʕ-w-iq-ri*] *b-aχ-ur-le*],
 сам-M_i M-обманывать-M-LV.PFV-MSD N-знать.PFV-PR-ET-CVB
malla nasrat:in-ni qʕadi-c:e x:ar-b-av-i-le=sa-j:
 Мулла Насреддин-ERG_i кади-INTER спрашивать-N-LV.PFV-PR-ET-CVB=COP-M
kʕaʕntʕaʕ b-aʕq-ri-li-ž ʕaʕp:aʕsi=sa<b>i=j luk:un-seʕ
 затылок:LOC N-ударять.PFV-MSD-OBL-DAT абаз = COP<N>=PQ давать.IPFV-PRS-ATTR
 ‘Мулла Насреддин_i догадался, что тот_j (человек) не придет, понял, что его_i обманули, и спросил кади: «За удар по затылку двугривенный дают?»’

Простой рефлексив возможен и в составе сочиненных именных групп. Например, в (9) антецедент простого рефлексивного местоимения, входящего в сочиненную ИГ, находится в одном из предшествующих предложений.

- (9) ТАНТЫНСКИЙ (Сумбатова, Ландер 2014: 679)
hatʕi [ʕaʕla rurs:i=ra sa-j=ra] haʕna
 потом ты:GEN девушка = ADD сам-M=ADD сейчас
ka-b-iž-ib-le te-b aždah-un-a-lla quli
 DOWN-HPL-сесть.PFV-PR-ET-CVB EXST-HPL дракон-PL-OBL.PL-GEN дом:LOC
 {предшествующий контекст: ‘Тот парень, которому ты отдал свою дочь_j, — чабан. Никакого золота у него нет, никакого богатства нет, только пара овец’.
 ‘Теперь [они с твоей дочерью]_{i,j} живут в доме драконов’ (букв. ‘твоя дочь и сам_i’).

3. «X и сам»: классы употреблений

Сочиненные ИГ с участием рефлексивного местоимения не вполне свободны с точки зрения их формы. Во-первых, в них фиксирован порядок конъюнктов: во всех имеющихся примерах местоименный конъюнкт занимает крайнюю правую позицию. Это обстоятельство не зависит от значения сочиненной ИГ и ее синтаксической позиции. Еще одно общее свойство ИГ структуры «X и сам» — падеж. Хотя рефлексивное местоимение склоняется и имеет все падежные формы, во всех встретившихся нам примерах ИГ «X и сам» стоит в форме абсолютива. Ограничений на количество конъюнктов, судя по всему, нет: правда, в моем корпусе нашелся только один пример с более чем двумя конъюнктами (см. пример (36) ниже), но это скорее всего объясняется малыми размерами выборки.

Можно выделить несколько вариантов употребления групп вида «X и сам», которые различаются как по значению, так и по синтаксическим особенностям.

3.1. Симметричное и асимметричное сочинение

Выше, в разделе 2.4, приведен пример (9) с ИГ ‘твоя дочь и сам’, которая представляет собой случай симметричного сочинения: конъюнкты этой сочиненной ИГ равноправны или почти равноправны как семантически, так и синтаксически. Оба конъюнкта обозначают людей, обоим соответствует одна и та же семантическая роль в предложении. Глагол в примере (9) маркирован показателем личного множественного класса, то есть согласуется со всей сочиненной ИГ. Аналогично устроено предложение (10).

- (10) САНЖИНСКИЙ (Форкер, Гаджимурадов 2017: 108)
ha-b-ax-u-l milica-be=ra ca-w=ra heɣtu sanži,
 UP-NPL-идти.IPFV-PRS-CVB милиционер-PL=ADD сам-M=ADD туда.вниз Санжи
il-ti q:aɕug-a-j ja ca-w mišajt'-a-jk^w-i il
 этот-PL разбойник-OBL.PL-DAT PTCL сам-M мешать-NEG-LV.IPFV-HAB.PST этот
 ‘Он с милиционерами приходил в Санжи. Он сам тоже бандитам не мешал <...>’ (букв. ‘Приходя [милиционеры и сам] в Санжи, он сам не мешал этим разбойникам’).

Однако примеров такого, симметричного, сочинения в группах вида «X и сам» крайне мало. Гораздо чаще конъюнкты в таких группах семантически неравноправны: им соответствуют разные семантические роли, что отражается в их синтаксических свойствах (см. ниже). Будем называть такие случаи *асимметричным сочинением*. Разные виды асимметричного сочинения в группах «X и сам» будут рассмотрены в разделах 3.2–3.4.

3.2. Асимметричные ИГ «X и сам» в позиции аргумента (непереходные клаузы)

В нашем корпусе примеров значение асимметричных ИГ вида «X и сам» коррелирует с переходностью глагола, семантическим аргументом которого является эта ИГ (или, как будет показано ниже, скорее один из ее конъюнктов). Начнем с рассмотрения непереходных предикаций.

ИГ вида «X и сам» могут занимать позицию S-аргумента непереходной клаузы. В этом случае они выражают комитативное значение в ши-

роком смысле слова. В частности, возможны ситуации, когда местоименный конъюнкт обозначает человека, действующего по своей воле (= ориентир), а первая ИГ относится к людям или животным, которые сопровождают человека, подчиняясь его воле (= спутник). Так, в (11) речь идет об овцах, которых гонит пастух: сочиненная ИГ *mazara sajra* ‘овцы и сам’ является абсолютным подлежащим при причастии *arq'usi* ‘идуший’ — ‘идуший со своими овцами’.

- (11) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 231)
il zamana il mer-li-či-w-ad haj-d-ar-i-li
 этот время этот место-OBL-SUPER-M-EL отправиться-NPL-LV.PFV-PRET-CVB
 [[*maza=ra sa-j=ra ar-q'-u-si*] *maza-la buk'uj*]
 овца=ADD сам-M=ADD AWAY-уходить.IPFV-ATTR овца-GEN пастух.ERG
šiš-b-ik'-u-li gawlag če-b-a?-ili
 шевелиться-N-LV.IPFV-PRS-CVB сумка ON-N-видеть.PFV-PRET-CVB
 ‘В это время пастух который проходил со своими овцами через это место, увидел, что сумка шевелится’.

В прочих случаях объект, обозначаемый первым конъюнктом, скорее следует рассматривать как некоторый признак второго. Так, в (12) местоимение с референтом-человеком сочинено с ИГ ‘этот топор’ (сказано буквально следующее: ‘Этот топор и сам сев верхом [на медведя], он пошел и дошел до майдана’). В (13) речь идет о человеке, который ходил с факелом (‘факел и сам’), в (14) — о крестьянине, который двигался с возом сена (‘воз сена и сам’).

- (12) САНЖИНСКИЙ (Форкер, Гаджимурадов 2017: 86)
[hel beret:a=ra ca-w=ra] murt:a či-ka-jž-ib-le,
 этот топор=ADD сам-M=ADD верхом ON-DOWN-(M)сидеться.PFV-PRET-CVB
heɣ majdan-ne ka-jv-ij=sat:inna aq-ur=ca-w
 тот.внизу майдан-LOC DOWN-достигать.IPFV-INF уходить.PFV-PRET=COP-M
 ‘С этим топором он сам сел верхом на медведя, дошел до майдана’.
- (13) САНЖИНСКИЙ (Forker 2020: 328)⁹
Uc'ari-r ha ʕ-q'-a ʕn zamana, [lampučka ca-w=ra]
 Ицари-EL UP-идти.IPFV-POT когда факел сам-M=ADD

⁹ В этом примере отсутствует аддитивная клитика при первом конъюнкте (в нашей выборке это единственный случай).

duč:i ha-aš-i=q'al qili ʔaʕi-le-r

ночью UP-(M)идти.IPFV-НАВ.PST=PTCL домой работа-LOC-EL

‘Когда он приходил из Ицари, он шел с факелом домой с работы ночью.’

(14) КУБАЧИНСКИЙ (Магометов 1963: 305)

sa x:ʷa:le w-id-aq-u-zi-w qubc:ara-j

один пеший-ADV M-THITHER-уходить.PFV-PRS-ATTR-M крестьянин-DAT

ta-w-aʕq'-ib-i=sa-w sa:l qubc:ara

THITHER-M-идти.IPFV-PRET-ATTR=COP-M другой крестьянин

[*ma:l-la u:ka:=ja sa-w=ja*] *sa-q'-uʕn*

сено-GEN воз=ADD сам-M=ADD HITHER-идти.IPFV-PRET.CVB

‘Одному идущему пешком крестьянину встретился другой крестьянин, едущий с возом сена’.

В книге Архипов 2009: 143–146 подобные ситуации описаны в разделах, посвященных копредикатной и определительной модификации: «семантически Спутник не является участником ситуации в той же мере, что Ориентир, а состоит с Ориентиром в предикативном отношении, т. е. описывает его признак»¹⁰. Наши примеры с сочиненными ИГ формально не соответствуют определению копредикатной или определительной модификации, однако близки к этим классам конструкций по значению.

Хотя примеров непереходных конструкций с асимметричным сочинением пока мало (всего пять предложений), можно сделать несколько предварительных наблюдений, касающихся их формы. Во-первых, сочиненная группа в четырех из пяти примеров стоит перед глаголом — это обычная позиция абсолютного аргумента в даргинских языках.

Во-вторых, глагол, аргументом которого является сочиненная ИГ, может быть в различных формах: из пяти предложений в одном глагол в финитной форме, в трех — в деепричастной и в одном — в причастной.

В-третьих, в тех предложениях, где есть согласование по именному классу, контролером согласования является местоименный (линейно последний) конъюнкт (= ориентир), который, строго говоря, и является семантическим аргументом соответствующего предиката, как в примерах (12) и (13) (в (11) и (14) глагол не имеет слота для согласования по классу).

¹⁰ Примеры из русского языка, иллюстрирующие эти типы конструкций (Архипов 2009: 144; 146): *Петя пришел к нам в гости с альбомом новых фотографий* (копредикатная модификация); *Петя принес нам альбом с новыми фотографиями* (определятельная модификация).

Я вижу по крайней мере два возможных объяснения такого согласования, которые в принципе могут быть верными одновременно. Во-первых, можно предположить, что согласование идет с тем конъюнктом, который линейно ближе к глаголу. Типологически это вполне распространенная стратегия согласования при сочинении (см., например, Corbett 2006: 168–170), однако она объясняет лишь те примеры, где сочиненная группа стоит перед глаголом. Можно также опереться на особенности согласования в даргинском, которое, как показано в Сумбагова 2018, можно охарактеризовать как семантическое или, точнее, референтное: всегда, когда это возможно, согласование происходит по свойствам референта ИГ-контролера, а не по ее формальным признакам. Поскольку семантическим аргументом (пациенсом) при глаголе является ориентир, вполне логично, что именно он и контролирует согласовательные показатели в глаголе.

Что касается употребления местоимения ‘сам’, то из-за малого числа примеров серьезных обобщений сделать нельзя, но можно выделить два случая. В тех предложениях, где асимметричная сочиненная группа употреблена в составе зависимой клаузы (11, 12, 14), антецедентом местоимения является один из ядерных аргументов клаузы, доминирующей над ней. Если же группа «X и сам» обнаруживается в главной клаузе (13), то антецедентом является один из ядерных аргументов клаузы, непосредственно предшествующей данной.

3.3. Дислоцированные асимметричные ИГ «X и сам»

Помимо предложений, в которых ИГ «X и сам» занимает аргументную позицию, довольно часто встречаются предложения, в которых сочиненная группа синтаксически не связана с глаголом напрямую. Позицию абсолютного аргумента в клаузе занимает антецедент местоимения ‘сам’. Сочиненная ИГ в подобных предложениях, видимо, не входит в элементарную клаузу и образует с ней более крупную единицу. В частности, именно так устроен самый первый пример (1) в этой статье, а также предложение (15).

(15) МУИРИНСКИЙ

ʔur bahla-bahla-li hel

потом медленный-медленный-ADV этот

u-r-k-erx-ul-li sa-j

UNDER-EL-DOWN-(M)достигать.PFV-PRET-CVB COP-M

hele [*sun-na kulpet=ra sa-j=ra*]

сюда сам-GEN семья=ADD сам-M=ADD

‘Потом он потихоньку переселился сюда со своей семьей’ (букв. ‘Потом потихоньку он переселился сюда, своя семья и сам’).

В (15) имеется предикация (‘потом он потихоньку переселился сюда’) с участием аргумента, который рассматривается как ориентир (*hel* ‘этот, он’); имеется также сочиненная именная группа вида «X и сам» (*sunna kulpetra sajra* букв. ‘своя семья и сам’). ИГ-ориентир является antecedentом рефлексивного местоимения в составе группы «X и сам».

Конструкция, представленная в таких предложениях, как (1) и (15), упоминается в грамматике санжинского диалекта даргинского языка Forker 2020: 573, где отмечается, что ИГ-ориентир¹¹ относится к одушевленному референту, а спутник может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Также отмечается, что сочиненная ИГ не занимает аргументной позиции в клаузе (однако какую позицию она занимает, не говорится).

Несколько более подробный разбор этой же конструкции можно найти в работе van den Berg 2004, где эта конструкция называется конъюнктивно-комитативной (conjunctive-comitative) и разбирается с использованием данных акушинского идиома. Ван ден Берг обращает внимание на то, что для этой конструкции не требуется, чтобы ориентир и спутник были в равной степени агентивны (van den Berg 2004: 220), и отмечает, что в отличие от конструкции с обычным сочинением глагол в конъюнктивно-комитативной конструкции согласуется с ориентиром.

Мои данные в основном подтверждают наблюдения, сделанные Х. ван ден Берг и Д. Форкер. Среди имеющихся примеров есть предложения как с одушевленными (16), так и с неодушевленными (17–18) ИГ в роли спутника. ИГ-спутник может также относиться к группе людей (например, ‘войско’ или ‘семья’, как в (1) и (15)). Более того, возможен даже неодушевленный ориентир (18).

(16) САНЖИНСКИЙ (Forker 2020: 383)

uħe heħ [*durħu^ɕ=ra ca-w=ra*] *arg-u-l* *ca-w=nu*

уже тот.внизу сын=ADD сам-M=ADD уходить.IPFV-CVB COP-M=PTCL

‘Он уже идет со своим сыном’ (букв. ‘уже он, сын и сам, идет’).

¹¹ Термины *ориентир* и *спутник* Д. Форкер не использует.

(17) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 163–164)

ši-li-zi *uħna-uq-i* *sa-j* [*emħe-la*

селение-OBL-INTER (M)внутри-(M)LV.PFV-CVB COP-M осел-GEN

q:aq-li-č̣i-r *ħinc-bi=ra* *sa-j=ra*] *ca* *c’udqran*

спина-OBL-SUPER-NPL яблоко-PL=ADD сам-M=ADD один цудахарец

‘<...> В селение вошел один цудахарец, на спине его осла были яблоки <...>’ (букв. ‘в селение вошел один цудахарец, яблоки на спине осла и сам’).

(18) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 201)

il-d-a-ni *če-b-aʔ-i-li* *sa·b·i*

этот-PL-ERG ON-N-видеть.PFV-PRET-CVB COP<NPL>

pulaw-li *b-ic’-i-li*

плов-ERG N-наполнять.PFV-PRET-CVB

k’abat’ [*č̣edi-b b-erc’-ib-si* *ħaʔrħa^ɕ=ra* *sa·b·i=ra*]

поднос верх-N N-жарить.PFV-PRET-ATTR курица=ADD сам<N>=ADD

‘Они увидели поднос, наполненный пловом, и жареную курицу поверх него’ (букв. ‘они увидели поднос_k, наполненный пловом, наверху жареная курица и сам_k’).

Примеры (1), (15)–(18) и прочие предложения аналогичной структуры имеют комитативное (в широком смысле) значение, в точности как те примеры, которые мы рассматривали в предыдущем разделе. Синтаксически эти две группы предложений различаются тем, что в одном случае ИГ «X и сам» занимает аргументную позицию в клаузе, а в другом позиция аргумента занята ИГ-ориентиром, а сочиненная группа синтаксически находится за пределами элементарной клаузы¹². Будем называть такие ИГ «X и сам» дислоцированными. В нашем корпусе нашлось 16 таких примеров.

Как и в предложениях, где ИГ «X и сам» находится в аргументной позиции, в примерах с дислокацией явно преобладают непереходные глаголы. Из 16 предложений имеется только один пример на переход-

¹² Данных для точного определения и обоснования синтаксической позиции группы «X и сам» в конструкциях такого типа у меня недостаточно. Скорее всего мы имеем дело со случаем дислокации, который, однако, отличается тем, что дислоцированная группа может линейно находиться внутри клаузы (см. ниже). В работе Кибрик, Подлеская ред. 2009: 115–120, где подобные конструкции рассмотрены на материале устного русского языка, предлагается термин *эхо* — «ретроспективное уточнение к какой-либо реализованной составляющей клаузы» (Кибрик, Подлеская ред. 2009: 115).

ный глагол: в предложении (18) позицию абсолютного аргумента занимает ИГ *pulawli bic'ili k'abat* 'поднос, наполненный пловом'. Ей соответствует правый конъюнкт сочиненной ИГ *berc'ibsi ?a'ra?a'ra sabira* 'жареная курица и сам'.

В большинстве предложений с дислокацией глагол обычным образом согласуется с ИГ-ориентиром, как в (15)–(18). Однако в каких-то случаях (в каких — пока неясно) возможно согласование глагола по множественному числу — т. е. со всей сочиненной группой. Так, в предложении (19) позицию абсолютива при глаголе 'плавают' занимает ИГ *ba't* 'утка' (в единственном числе), однако деепричастие *kurt'dik'ule* 'плавающая' и обстоятельство *hixt:ud* 'там' имеют показатель неличного класса множественного числа, т. е. согласуются со всей совокупностью 'утка + утята'.

- (19) ТАНТЫНСКИЙ (Сумбагова, Ландер 2014: 698)
hixt:u-d kurt'-d-ik'-u-le ba't [čib-ne=ra sa-b=ra]
 там.внизу-NPL плавать-NPL-LV.IPFV-PRS-CVB утка птенец-PL=ADD сам-N=ADD
 'Там плавают утка с утятами' (букв. 'Там плавают утка — утята и сама').

Для примеров типа (19) можно предположить, что здесь мы опять имеем дело с семантическим согласованием: говорящий, хотя и использует в абсолютивной позиции ИГ *ba't* 'утка', имеет в виду группу из утки и утят, отражает это в глаголе и затем добавляет сочиненную ИГ, чтобы показать, кто входит в эту группу.

Дислоцированная сочиненная группа чаще всего размещается после клаузы (1, 15, 18, 19), однако есть и такие случаи, где она стоит перед ней (26) или вставляется в нее (16, 17, 27, 28).

- (26) САНЖИНСКИЙ (Forker 2020: 573)
[hin-na badra=ra ca-w=ra] heχ
 вода-GEN ведро=ADD сам-M=ADD тот.внизу
ka-jc-ur ca-w
 DOWN-(M)становиться.PFV-PRET COP-M
 'Он стоит с ведром воды'.

- (27) МУИРИНСКИЙ
uc:ivar=ra nuši-la cahti ruc:i=ra [adijal=ra
 двоюродный.брат=ADD мы.OBL-GEN другой сестра=ADD одеяло=ADD
sa-b'i=ra] duc'-b-ik'-u-li le-b-q'-a^ε-li
 сам<HPL>=ADD бежать-HPL-LV.IPFV-PRS-CVB НИТHER-HPL-идти.IPFV-TN-CVB
 'Наш двоюродный брат и другая сестра бегут и несут одеяло'.

- (28) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 204)
malla nasradin [t'ent'=ra sa-j=ra] q'adi-č'i
 Мулла Насреддин муха=ADD сам-M=ADD судья-SUPER
haj-i?-ub-li sa-j
 отправиться-(M)LV-PRET-CVB COP-M
 'Мулла Насреддин с мухой отправились к судье' (букв. 'Мулла Насреддин, муха и сам, отправился к судье').

При этом нет требования, чтобы сочиненная группа линейно примыкала к антедеценту справа: в имеющихся примерах это наблюдается только в половине случаев. Так, в предложениях (16), (18)–(19) и (27)–(28) группа «X и сам» непосредственно следует за антедецентом; в предложениях (17) и (26) она ему непосредственно предшествует, а в (1) и (15) сочиненная группа расположена на правой периферии клаузы, но не примыкает к антедеценту.

3.4. Асимметричные ИГ «X и сам» в переходных клаузах: сочинение агенса и пациенса

Еще один тип употребления сочиненных групп вида «X и сам» можно встретить в переходных клаузах. Пример такого употребления представлен в (29).

- (29) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 119; van den Berg 2004)
ar-uk-i-li usta=ra sa<b>i=ra il-di ila
 AWAY-(M)вести.PFV-PRET-CVB мастер=ADD сам<HPL>=ADD этот-PL туда
ar-b-a'q'-i sa<b>i
 AWAY-HPL-делать.PFV-CVB COP<HPL>
 'Забрав мастера с собой, они ушли'.

В примере (29) абсолютивную позицию при предикате, выраженном деепричастием *arukili* 'забрав с собой', как будто бы занимает сочиненная группа *ustara sabira* 'мастер и сами'. Предложение устроено довольно странно с точки зрения семантики: имеется в виду, что *они* (= люди, пришедшие к кузнецу; агенс) взяли с собой мастера (пациенса), а сказано буквально следующее 'Взяв с собой [мастера и себя], они ушли'¹³. При этом, однако, согласование глагола как раз соответствует семантике: глагол (в форме деепричастия с нулевым показателем мужского класса

¹³ Разумеется, следует рассмотреть и возможность такой интерпретации, при которой *usta* 'мастер' и *sabi* 'сами' не образуют сочиненную группу; об этом см. ниже.

единственного числа) согласуется не с целой группой (как было бы в обычной конструкции с симметричным сочинением) и не с местоимением (как в конструкциях с асимметричным сочинением), а с первым конъюнктом — ИГ *usta* 'мастер', т. е. со своим пациенсом.

Будем говорить, что в данном случае мы имеем дело с субъектно-объектным сочинением. В наших данных 20 предложений такого типа. Семантически они довольно разнообразны. Иногда в них присутствует элемент комитативности (один из участников берет другого с собой, несет, везет или ведет его, как в примерах (29)–(31)), но это необязательно (32).

(30) КУБАЧИНСКИЙ (Магомедов 1963: 328)

b-e:č-ib [ħa'mħa'=ja sa-w=ja]

N-вести.PFV-PRET.CVB осел=ADD сам-M=ADD

č'iže qalta ha-t-ag-u-l=sa-w il

вверх на.крышу UP-IF-идти.PFV-PRET-CVB=COP-M этот

'Повеяв осла, пошел он на крышу'.

(31) МУИРИНСКИЙ

ʔa'ħna k-aw-li sa<di haniħa išti,

хорошо DOWN-идти.PFV.PRET-CVB COP<NPL> теперь они

b-arχ-as-ib-li [q:ulq:a-la p:a'c'a=ra sa<di=ra]

N-вместе-брат. PFV-PRET-CVB навоз-GEN лепешка=ADD сам<NPL>=ADD

'Хорошо, все (= хромой петух, голубь, точильный камень и трехгранная игла) пошли, коровью лепешку тоже с собой взяли'.

(32) КУБАЧИНСКИЙ (Магомедов 1963: 319–320)

d-a:q'-ib [c'i-ħu-d qul-bi=ja sa-w=ja]

NPL-делать.PFV-PRET.CVB новый-ATTR.PL-NPL комната-PL=ADD сам-M=ADD

sač-ib x:unul=ja

НITHER.приводить.PFV-PRET.CVB жена=ADD

k-iħ-ib-i=sa-w ʔu'mar awdan-ux-ub

DOWN-(M)сидеться.PFV-PRET-ATTR=COP-M Умар богатеть-(M)LV-PRET.CVB

'Построив новый дом и женившись, начал жить Умар, разбогатев'.

В некоторых предложениях встречаются такие удивительные сочиненные группы, как 'щека и сам' (33), 'флейта-барабан и сам' (34) и даже 'прогулка и сам' (35)¹⁴.

¹⁴ Несмотря на то что в многих примерах со словосочетаниями «X и сам» семантическое сходство с комитативными конструкциями практически отсутствует, мы по-прежнему будем пользоваться терминами *ориентир* ('сам') и *спутник* ('X').

(33) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 255; 245; 202)

ca kam-si zamana-la uhna-w unra-s, b-uc-i-li

один мало-ATTR время-GEN (M)внутри-M сосед-DAT N-держать.PFV-PRET-CVB

[lazi=ra sa-j=ra] xala-l q'aq'ades-li-čil

щека=ADD сам-M=ADD большой-ATTR страдание-OBL-COMIT

q:unz-ik'-u-li, Malla Nasradin

шагать-(M)LV.IPFV-PRS-CVB Мулла Насреддин

q:arši-ik-i-li sa-j

встретить-(M)LV.IPFV-PRS-CVB COP-M

'Немного позже сосед встретил Муллу Насреддина, который шел с выражением сильного страдания, держась за щеку'.

(34) ar-q'-u-li ca mer-li-či

AWAY-идти.IPFV-PRS-CVB один место-OBL-SUPER

w-et-aʔ-ib=ħeli, d-a'q-i-li

M-TNITHER-достигать.PFV-PRET=когда NPL-ударять.PFV-PRET-CVB

[dam-da'c'd=ra sa<b>i=ra] χala-si šadliq-li-zi-b-ti

барабан-флейта=ADD COP<N>=ADD большой-ATTR праздник-OBL-INTER-N

adam-ti b-arg-i-li sa-j

человек-PL NPL-находить.PFV-PRET-CVB COP-M

'Он ушел, и когда он достиг некоторого места, он увидел людей, которые отмечали большой праздник с барабанным боем и игрой на флейте' (букв. 'Уйдя, одного места достигнув, ударяя в барабан-флейту, в большом празднике людей он нашел').

(35) b-ar-i-li ʔa'ħ=cad [šadi.b.huni=ra sa-j=ra]

N-делать.PFV-PRET-CVB хороший=EQ прогулка=ADD сам=ADD

Malla Nasradin quli čar-uq-i sa-j [...]

Мулла Насреддин домой BASK-(M)возвращаться-CVB COP-M

'Совершив хорошую прогулку, Мулла Насреддин вернулся домой...'

Однако во всех подобных случаях первый конъюнкт словосочетания «X и сам» (точнее, все конъюнкты, кроме последнего) соответствуют Р-аргументу соответствующего переходного предиката (пациенсу), а местоименный конъюнкт соответствует А-аргументу (агенсу в эргативе).

Эти особенности примеров (29)–(34) и им подобных заставляют усомниться в том, что элементы словосочетания «X и сам» в переходных конструкциях образуют одну именную группу. Кроме того, неясно, какую синтаксическую позицию в предложении они — вместе или по-

рознь — занимают: верно ли, что сочиненная ИГ (или одна из частей словосочетания «X и сам», если сочиненной ИГ не образуется) является абсолютным аргументом соответствующего предиката.

Рассмотрим самые основные синтаксические свойства предложений с субъектно-объектным сочинением. Во-первых, в таких конструкциях глагол, в котором семантически относятся конъюнкты ИГ «X и сам», всегда стоит в нефинитной (деепричастной) форме, причем ни в одном случае у деепричастия нет выраженного эргативного аргумента (хотя в принципе в даргинских языках это возможно)¹⁵.

Во-вторых, сочиненная ИГ почти всегда располагается после глагола (как в (29–30) и (32–34)), причем в большинстве случаев вслед за нашей деепричастной клаузой идет еще некоторая предикация (главная или еще одна зависимая). В этом случае возникает предположение, что местоимение относится ко второй клаузе и выступает в роли интенсификатора: например, можно допустить, что пример (29) устроен так: ‘Взяв мастера с собой, сами они уехали’. Строго говоря, я пока не могу доказать, что это не так, но все же некоторые факты говорят против такого предположения.

Поскольку у нас нет записи произношения этого и подобных ему примеров, мы не можем опираться на интонацию, но знаки препинания в изданных корпусах текстов (там, где они присутствуют) не подтверждают версию анализа местоименного конъюнкта как части последующей клаузы: запятая, если она есть, всегда стоит после местоименного конъюнкта, а не перед ним¹⁶.

Кроме того, есть примеры, порядок слов в которых также говорит против этой версии. В предложениях (31) и (36) выше сочиненная ИГ находится в самом конце предложения, а в (37) два конъюнкта разделены предикатом зависимой клаузы, но местоименный конъюнкт также расположен на правой периферии предложения.

¹⁵ В статье van den Berg 2004 утверждается, что более чем в половине случаев сочиненная ИГ в конструкциях с дислокацией (conjunctive-comitative construction) стоит после деепричастия (van den Berg 2004: 221). Фактически в этой работе объединены три разных случая употребления групп «X и сам»: в предложениях с комитативным значением и ИГ «X и сам» в аргументной позиции (раздел 3.2); в предложениях с комитативным значением и дислокацией сочиненной ИГ (3.3) и в переходных конструкциях, где ИГ «X и сам» объединяет агенса и пациенса (3.4).

¹⁶ Запятые присутствуют только в кириллической записи. В частности, запятая стоит после местоименного конъюнкта в орфографической записи примера (34) (van den Berg 2001: 196), а также в примере (37) (Магометов 1963: 319–320).

- (36) КУБАЧИНСКИЙ (Магометов 1963: 316)
ʔuʰmar [...] *wi-j-ħa-q'-uʰn-ni=sa-w* *sin-na*
 Умар UNDER-EL-UP-идти.PFV-PRET-CVB=COP-M сам.OBL-GEN
ʃ:i-l-c:re *ħaq:ib* [*u:ku:m-a-lla dix-ni=ja*,
 селение-OBL-INTER UP+нести.PFV-PRET.CVB арба-PL-OBL-GEN веревка-PL=ADD
us-a-lla ħip-ni=ja sa-w=ja]
 бык-OBL.PL-GEN ремень-PL=ADD сам-M=ADD
 ‘Умар <...> возвратился в свой аул, неся с собой веревки от арб и ремни от быков’.

- (37) КУБАЧИНСКИЙ (Магометов 1963: 319)
na: ĉawalla qu-ħe uʰq'-iʃj
 теперь утром поле-SUPER идти.PFV-PRET.CVB
t:a-w-ič-ib=sa-w tarkaman,
 ANTE-M-выходить.PFV-PRET=COP-M терекемеец¹⁷
kʷe ga:miš=ja t:a ak-ib sa-w=ja
 два буйвол=ADD ANTE гнать.PFV-PRET.CVB сам-M =ADD
 ‘Утром крестьянин (терекемеец) вышел, чтобы пойти на поле, выпустив двух буйволов’.

В 16 примерах из 20 порядок слов такой же, как в (29): словосочетание «X и сам» стоит на правой периферии деепричастной клаузы, а сама эта клауза предшествует главной клаузе или обрамляется ею (при этом само собой, в предложении могут быть и другие зависимые клаузы справа и слева от деепричастной).

Кроме того, как выясняется, субъектно-объектное сочинение возможно и с личными местоимениями. В текстах пока нашелся только один надежный пример такого типа: на месте местоимения ‘сам’ в нем личное местоимение *ħu* ‘ты’, в остальном предложение полностью параллельно примерам с рефлексивом:

- (38) АКУШИНСКИЙ (van den Berg 2001: 255)
Malla Nasradin b-uc-i-li [*laʰzi=ra ħu=ra*]
 Мулла Насреддин N-держат.PFV-PRET-CVB щека=ADD ты=ADD
ħu sen q:unz-ik'-u-si=ri=w?
 ты почему шагать-(M)LV.IPFV-PRS-ATTR=2SG=CQ
 ‘Мулла Насреддин, почему ты идешь, держась за щеку?’

¹⁷ Терекемеец — представитель этногруппы кумыков (Абдуллаев 2017: 804).

Пример (38) также говорит против того, чтобы относить местоименный конъюнкт к последующей клаузе: подлежащее (местоимение 'ты') в нем уже есть, а в роли интенсификатора в 1–2-м лице ожидается генитивная, а не абсолютивная форма местоимения.

Порядок слов, знаки препинания и конструкция с личным местоимением (38) указывают на то, что словосочетание «X и сам» вряд ли разбивается на фрагменты, относящиеся к разным клаузам, и скорее все же образует некоторое единство, так что мы по-прежнему будем говорить о нем как о сочиненной ИГ. Что касается расположения этой ИГ, то она, с одной стороны, не занимает типичного для абсолютива места перед глаголом (как асимметричные ИГ «X и сам» в непереходных предикациях), а с другой — занимает постглагольную позицию, типичную для дислоцированных ИГ (правая дислокация различных ИГ очень распространена в нахско-дагестанских языках, включая даргинские, см. Teslelets 1998a, 1998b; Сумбагова, Ландер 2014: 323–335).

Таким образом, наши данные хотя и явно недостаточны, но все же позволяют осторожно предположить, что в случаях, аналогичных (29)–(37), мы имеем дело с сочиненными ИГ, дислоцированными за правой границей деепричастной клаузы. В пользу трактовки с дислокацией говорит также пример (39), на первый взгляд аналогичный предыдущим, однако отличающийся от них тем, что первый конъюнкт сочиненной ИГ *a:sja* 'деньги' здесь не соответствует абсолютивному аргументу деепричастной клаузы¹⁸.

(39) КУБАЧИНСКИЙ (Магомедов 1963: 319)

kis-ne d-ic'-ib [a:s=ja sa-w=ja]
 карман-PL NPL-наполнять.PFV-PRET.CVB деньги=ADD сам-M=ADD
čar.uχ-ub h-av-ib-i=sa-w
 (M)возвращаться.PFV-PRET.CVB UP-достигать.PFV-PRET-ATTR=COP-M
sin-na š-i-l-c:ε
 сам.OBL-GEN аул-OBL-INTER
 'Наполнив карманы деньгами, вернувшись, достиг он своего аула'.

Контролером согласования во всех примерах с субъектно-объектным сочинением является первый конъюнкт ИГ «X и сам» (точнее, со-

¹⁸ В деепричастной предикации позицию абсолютивного аргумента занимает ИГ *kisne* 'карманы'. Если бы ИГ, относящаяся к деньгам, входила в деепричастную клаузу, она стояла бы в эргативе (в функции средства/инструмента).

вокупность всех конъюнктов, кроме последнего). Так, в (29) согласование контролирует 'мастер' (мужской класс), в (30) — 'осел' (неличный класс единственного числа), в (34) — 'барабан и флейта' (неличный класс множественного числа), и т. д.

Однако если принять предположение о дислокации, то контролером следует считать нулевой абсолютивный аргумент, кореферентный первому конъюнкту сочиненной ИГ, как показано в (40) (на основе примера (32)):

(40) [$\emptyset_i^{Ar} \emptyset_j^{Пац}$ построил_{CVB}] [[новый дом]_j^{Пац} и сам_i^{Ar}] ...

Объединение в рамках одной сочиненной ИГ конъюнктов, которые соответствуют агенсу и пациенсу одной предикации, в какой-то степени напоминает рефлексивные и реципрокальные конструкции, в которых позицию подлежащего занимает аргумент, выступающий сразу в двух семантических ролях, но, в отличие от рефлексивов и реципроков, в нашем случае каждый из элементов сочиненной ИГ играет только одну роль:

- (41) а. Петя^{Ar} хвалит себя^{Пац} > Петя^{Ar+Пац} хвалится.
 б. Вася^{Ar} целует Машу^{Пац} & Маша^{Ar} целует Васю^{Пац} > [Маша^{Ar+Пац} и Вася^{Ar+Пац}]^{Ar+Пац} целуются.
 в. $\emptyset_i^{Ar} \emptyset_j^{Пац}$ построил_{CVB} [[новый дом]_j^{Пац} и сам_i^{Ar}]^{Ar+Пац}

Употребление простого рефлексива в предложениях с субъектно-объектным сочинением не противоречит тому, что мы знаем о свойствах этого местоимения. Во всех имеющихся примерах рефлексивное местоимение в составе ИГ «X и сам» кореферентно одному из ядерных аргументов той клаузы, в которую входит деепричастная предикация, — либо абсолютиву, либо агенсу в эргативе. При этом, хотя чаще всего референт местоимения 'сам' является топиком (одним из топиков) эпизода или даже всего нарратива, топикальность, видимо, не является существенным фактором: есть случаи, когда референт местоимения в соответствующем предложении появляется впервые. Например, 'Умар' из примера (37) является главным героем рассказа, а люди, которые играют на флейте и барабанах, впервые появляются как раз в разобранным выше предложении (33).

4. Предварительные выводы

Разумеется, то, что сказано выше о свойствах сочиненных групп вида «X и сам», не является их полноценным описанием. Для исследова-

ния этих свойств требуется большой корпус текстов хотя бы на одном из идиомов. Тем не менее какие-то предварительные выводы, частично соотносящиеся с тем, что мы уже знаем о даргинских языках, можно сделать.

Таблица 1. Свойства конструкций с сочиненными группами структуры «X и сам»

	ИГ с симметрич- ным сочинением	ИГ с асимметричным сочинением		ИГ с субъектно- объектным сочинением
	(1)	(2)	(3)	(4)
порядок конъюнктов		«X и сам»		
падеж		абсолютив		
синтакси- ческая позиция ИГ	аргумент	аргумент непереход- ной клаузы	дислоцирован- ная ИГ с ненуле- вым антецеден- том в предшест- вующей клаузе	дислоцирован- ная ИГ с нуле- вым антецеден- том в предшест- вующей клаузе
соотношение конъюнктов	симметрия (одина- ковые семантиче- ские роли, близкая коммуникативная значимость)	комитативность (одинаковые роли при разной коммуникативной значимости; один конъюнкт — признак другого)		агенс + пациенс
расположение по отношению к глаголу	видимо, любое (мало примеров)	чаще перед глаголом	любое	обычно после глагола
контролер согласования	вся сочиненная группа	правый конъюнкт (ориентир)	ИГ-ориентир внутри клаузы (кореферентна левому конъ- юнкту)	ИГ-пациенс внутри клаузы (кореферентна левому конъ- юнкту)
форма глагола	любая	любая	любая	деепричастие
переходность	не релевантно	непереходн.	чаще непереходн.	переходн.
антецедент местоимения ¹⁹	отсутствует	отсутствует	абсолютив	отсутствует

¹⁹ Имеется в виду присутствие антецедента в той клаузе, семантическим аргументом которой является сочиненная ИГ или один из ее конъюнктов.

В табл. 1 я попыталась представить основные кластеры употреблений групп «X и сам», которые зафиксированы в корпусе примеров. Очевидно, что выделенные четыре типа употреблений ИГ «X и сам» не представляют собой классификацию по каким-то четким основаниям. Различия между употреблениями не параллельны: колонка (1) отличается от прочих симметрией конъюнктов, (2) — контролем согласования, (3) — наличием антецедента, (4) — переходностью клаузы и ролевой семантикой конъюнктов. Недостаточное число примеров не позволяет с уверенностью говорить о том, что другие употребления невозможны.

Конструкции в колонках (2) и (3) во многом похожи друг на друга. Их объединяет комитативное значение, тенденция к появлению при непереходных глаголах, согласование по ориентиру (который в обоих случаях является семантическим аргументом глагола). Различие заключается в синтаксической позиции сочиненной ИГ «X и сам»: в первом случае она является аргументом глагола, а во втором — вынесена за пределы клаузы; позицию аргумента при этом занимает ИГ-ориентир — антецедент местоимения в составе ИГ «X и сам».

Конструкция (4) с переходными глаголами сильно отличается от остальных. С точки зрения синтаксиса наиболее вероятно, что сочиненная ИГ в ней вынесена за пределы деепричастной клаузы, однако основания объединения в составе одной сочиненной группы двух максимально различных аргументов переходного глагола пока неясны.

Использование простого рефлексивного местоимения во всех конструкциях с асимметричным сочинением вполне укладывается в наши представления о его функциях. Почти во всех наших примерах антецедент этого местоимения находится внутри доминирующей составляющей и является одним из ядерных аргументов предиката этой составляющей. Мы пока не знаем всех факторов, которые определяют выбор между простым рефлексивным местоимением, нулевой анафорой и указательными местоимениями, которые также функционируют как анафорические. Тем не менее можно надеяться, что функционирование местоимений в составе сочиненных ИГ поможет разобраться в общих правилах их употребления, которые до сих пор детально не описаны.

Эта статья не слишком близка к основной сфере научных интересов Веры Исааковны в последнее время, однако, как кажется, мне удалось слегка коснуться двух тем, которые ей безразличны и которые были предметом ее исследований в разные годы: сочинения и анафоры.

Сокращения

2 — 2-е лицо; ADD — аддитивная частица; ANTE — преверб 'перед'; ATTR — атрибутив; AWAY — преверб 'прочь'; BACK — преверб 'назад'; COMIT — комитатив; COP — связка; CQ — частный вопрос; CVB — деепричастие; DAT — датив; DOWN — преверб 'вниз'; EL — элатив; EQ — эквативная частица; ERG — эргатив; EXST — экзистенциальная связка; F — женский класс; GEN — генитив; HAB — хабиуталис; HITHER — преверб 'сюда'; HPL — личный класс, множественное число; IF — интерфикс; INF — инфинитив; INTER — локализация 'внутри'; IPFV — имперфектив; LIKE — частица подобия; LOC — локатив; LV — легкий глагол; M — мужской класс; MSD — масдар; N — неличный класс, единственное число; NEG — отрицательный префикс; NPL — неличный класс, множественное число; OBL — косвенная основа; ON — преверб 'на'; PFV — перфектив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PQ — полярный вопрос; PRET — претерит; PRS — презенс; PST — прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число; SUPER — локализация 'на'; TH — тематический элемент; THITHER — преверб 'туда'; UNDER — преверб 'под'; UP — преверб 'вверх'.

Литература

- Абдуллаев З. Г. 2017. *Даргинско-русский словарь: 12 000 слов, терминов и выражений* [Дарган-урус словарь]. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.
- Абдуллаев С. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР.
- Архипов А. В. 2009. *Типология комитативных конструкций*. М.: Знак.
- Калякин И. В. 2022. Рефлексивные местоимения в муиринском языке даргинской группы. *Acta Linguistica Petropolitana*, т. 18(1), 36–65.
- Кибрик А. Е., Богданова Е. А. 1995. Сам как оператор коррекции ожиданий адресата. *Вопросы языкознания*, №3, 28–47.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). 2009. *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Магомедов А. А. 1963. *Кубачинский язык (исследование и тексты)*. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР.
- Магомедов А. А. 1982. *Меgebский диалект даргинского языка*. Тбилиси: Мецниереба.
- Сумбатова Н. Р. 2018. Основания именных классификаций: от семантики до фонологии. *Вопросы языкознания*, №6, 7–30.
- Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. 2014. *Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. Москва: Языки русской культуры.
- Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. 1998. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива. *Вопросы языкознания*, №4, 35–57.
- Форкер Д., Гаджимурадов Г. А. 2017. *Санжинские сказки и рассказы*. Изд-во не указано.

- Corbett, G. G. 2006. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Forker, D. 2020. *A grammar of Sanzhi Dargwa* (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press.
- Kozhukhar, A. 2019. The self-pronoun in Mehweb. In: M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.) *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press, 271–293.
- Testeleets Ya. G. 1998a. Word order in Daghestanian languages. In: A. Siewierska (ed.) *Word order and constituent structure in some SOV languages of Europe*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 257–280.
- Testeleets Ya. G. 1998b. Word order variation in some SOV languages of Europe. In: A. Siewierska (ed.) *Word order and constituent structure in some SOV languages of Europe*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 649–680.
- van den Berg, H. 2001. Dargi folktales: oral stories from the Caucasus and an introduction to Dargi grammar. Leiden: CNWS.
- van den Berg, H. 2004. Coordinating constructions in Daghestanian. In: M. Haspelmath (ed.) *Coordinating constructions*. Amsterdam: Benjamins, 197–226.

КАУЗАТИВЫ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ: РАЗВИТИЕ ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В. Л. Цуканова

(Марбургский университет)
tsukanova@gmail.com

В арабском языковом ареале существуют многочисленные морфологические средства выражения прямого и непрямого каузатива, которые эволюционируют вместе с языком. Эти значения комбинируются с различными деноминативными деривациями, глагольной множественностью и аппликативом. В настоящей статье рассматривается морфологическая и семантическая эволюция деривационных каузативных моделей от ранних стадий арабского языка до современных диалектов. По мере того как старые модели исчезают или теряют чисто каузативную семантику, появляются новые формы аналогического характера.

Таким я вижу облик ваш и взгляд,
Он мне внушен не тем столбом из соли,
Которым вы пять лет тому назад
Испуг оглядки к рифме прикололи,
Но, исходив от ваших первых книг,
Где крепили прозы пристальной крупицы,
Он и во всех, как искры проводник,
События бьются заставляет биться.

Б. Л. Пастернак «Анне Ахматовой»

1. Введение

В литературном арабском языке встречаются несколько типов глагольной деривации, при которых к предикату добавляется новый агенс, а старый агенс опускается в позицию прямого объекта.¹ Данные типы

¹ Настоящая статья суммирует и развивает идеи, относящиеся к каузативной деривации, которые были выдвинуты в моей диссертации "The evolution of derivational verbal system in Arabic", подготовленной в Марбургском университете в 2016–2022 гг. Мое лингвистическое образование, однако, было получено намного раньше в Ин-

включают каузатив ('Y делает P' > 'X заставляет Y сделать P'), рогатив (каузатив-просьба, разновидность непрямого каузатива²: 'Y делает P' > 'X просит Y сделать P'), эстиматив³ ('Y является A' > 'X считает, что Y является A', 'X считает Y-а A') и фактитив⁴ ('Y является A' > 'X заставляет Y быть A'). Морфологически они выражаются глагольными породами, то есть регулярными морфологическими моделями, включающими в себя префиксацию, инфиксацию, суффиксацию, удвоение согласных и удлинение гласных; комбинация этих показателей друг с другом и с гласными основы образует трансфиксы. Количество этих моделей в современном литературном арабском языке — десять, они обозначаются латинскими цифрами, см. примеры ниже:

Каузатив

√xjɾ: *xa:ra* I 'выбирать' > *xajjara* II 'заставить выбирать':

- (1) *?axbar-i*   *?ab=i*   *bi=?an*   *la:*
узнавать.IV.IMP-F   отец=POSS.1SG   что=чтобы   NEG
juxajjir-a-ni   *bajna*   *?a:?ilat=i*
выбирать.II.IMF.ACT-SUBJ-OBJ.1SG   между   семья=POSS.1SG
*wa=?aliks*⁵
и=Алекс
'Сообщи отцу, что он не заставит меня выбирать между моей семьей и Алексом'.

ституте лингвистики РГГУ, где Вера Исааковна Подлеская работала преподавателем, руководителем Типологической лаборатории и заместителем директора. Я благодарна Вере Исааковне за научное руководство, прослушанные у нее курсы, совместные проекты, типологические школы и всегда теплое человеческое отношение. Роль Веры Исааковны в моем становлении как ученого трудно переоценить. Я также выражаю благодарность Леониду Игоревичу Куликову за ценные замечания к данной статье, сделанные в процессе рецензирования.

² Разница между прямым и непрямым каузативом описана в работе Kulikov 2001: 892.

³ Термин «эстиматив» принят в арабистике и семитологии, в работе Kulikov 2001 это значение относится к спектру декларативных.

⁴ Фактитивным глаголом называется деадъективный глагол с деривационной семантикой 'заставлять кого-л. быть A' (определение из монографии Haspelmath and Sims 2010: 328).

⁵ Примеры взяты из корпуса параллельных текстов <https://context.reverso.net> и из корпуса арабских текстов <https://arabicorpus.byu.edu>.

√hdʕr: *ħadʕara* I 'приходить' > *ʔaħdʕara* IV 'приносить'

- (2) *ʔaħdʕar-tu* *kull-a* *fajʔ-i-n*
 приходит.IV.PRF.ACT-1SG всякий-ACC.SC⁶ вещь-GEN-INDEF
li=ħa:ðihi l-dʒazira-t-i
 на=эта DEF-остров-GEN
 'Я все это привез на этот остров'.

Рогатив

√rdʕj: *radʕija* I 'быть довольным' > *istardʕa* X 'добиваться благосклонности'

- (3) *la: ʔ-ustardʕa:* *bi=suhu:lat-i-n* *miðla-ka*
 NEG 1SG-быть.довольным.X.IMF.PASS с=легкость-GEN-INDEF как-OBJ.2SG.M
 'Мне не так легко угодить, как тебе'.

Эстиматив

√krm: *karuma* I 'быть благородным' > *ʔakrama* IV 'считать благородным' →
 'читать, уважать'

√ħsn: *ħasana* I 'быть хорошим' > *istaħsana* X 'находить хорошим' → 'одоб-
 рять, хвалить'

- (4) *ʔistaħsan-a* *l-ħukm-a* *miðla l-dʒami:ʕ-i*
 быть.хорошим.X.PRF.ACT-3SG.M DEF-приговор-ACC как DEF-все-GEN
 'Он аплодировал приговору, как и все остальные'.

Фактитив

√ħsn: *ħasan-* 'хороший' > *ħassana* II 'улучшать'

- (5) *li=ʔanna n-nawm-a j-uħassin-u* *l-ʔintiba:h-a*
 к=что DEF-сон-ACC 3.SG.M-хороший.II.IMF.ACT-IND DEF-внимание-ACC
 'Потому что сон улучшает внимание'.

Как можно видеть из примеров выше, одно и то же деривационное значение может выражаться разными породами. В то же время, порода, как и любое другое средство словообразования, выражает не одно деривационное значение, а их набор. Основой значения пород служит актантная деривация, а другие значения менее частотны и находятся на периферии (Ratcliffe 2011). Сходные значения часто комбинируются: так, в арабском языке совмещаются каузатив и фактитив в породах II и IV, каузатив и эстиматив в породе IV и т. д. Набор этих деривационных значений может меняться со временем. Поскольку история арабского языка

⁶ Status constructus.

ка достаточно хорошо задокументирована, можно проследить, как значения каузативного спектра комбинируются, развиваются и исчезают.

2. Краткие сведения об истории арабского языка

Арабский язык принадлежит к центральносемитской группе западной ветви семитской языковой семьи (о классификации семитских языков см. Коган 2009 и Коган 2015). Наиболее ранние письменно зафиксированные формы арабского языка отражают континуум североаравийских диалектов, наиболее хорошо задокументированным является сафаитский язык, см. описание его грамматики в работе Al-Jallad 2015. Первым письменным памятником классического арабского языка является Коран, который представляет собой запись текста на древнехиджазском диалекте с позднейшей вставкой элементов древнеуджудского диалекта, см. van Putten 2022. В ходе дальнейшего развития наблюдается отдельная эволюция письменного языка и диалектов (подробнее см. Versteegh 1997). Классический язык (КАЯ) развивался в результате кодификации языка Корана и других письменных памятников и эволюционировал в XIX веке в язык прессы и литературы, известный как современный арабский литературный язык (АЛЯ). В то же время разговорные диалекты продолжили свое существование как на Аравийском полуострове, так и на обширной территории Ближнего Востока и северной Африки, ставшей арабоязычной в результате быстрой экспансии Арабского халифата. Подвергаясь взаимовлиянию и смешиванию, а также влиянию различных субстратов, суперстратов и АЛЯ, эти наречия эволюционировали в семью близкородственных языков, продолжающих называться арабскими диалектами. Диалекты оставались в основном бесписьменными до недавнего времени, фиксируясь почти исключительно лингвистами в научных работах, однако развитие социальных сетей и чатов дало резкий толчок к письменному общению в арабской графике на разговорном языке. Основная классификационная изоглосса, соответствующая делению на западную и восточную группу, проходит в Африке: по западной границе Дельты Нила к северу от Сахары и между Нигером и Мали в субсахарском регионе.

Исследование семантики каузатива производилось на материале словарей и лингвистических описаний сафаитского языка, языка Корана, современного литературного арабского, а также диалектов левантийской, египетско-суданской, тунисской и мавританской (хассанийя) групп.

3. Каузатив в истории классического и современного литературного арабского языка

В КАЯ и АЛЯ прямой каузатив выражается как морфологически, так и синтаксически: конструкциями с предлогом *bi* (*ḍzaʔa* ‘прийти’ vs. *ḍzaʔa bi* ‘принести’), глаголом *ḍzaʔala* ‘делать’, сменой огласовки в первой, базовой породе (*sʕaruha* ‘быть ясным’ vs. *sʕaraħa* ‘разъяснить’), а также глагольной деривацией. Сопоставительный анализ этих конструкций можно найти в работах Храковский 1969, Saad 1982, Măcelaru 2006. Фокусом настоящей статьи является глагольная деривация.

В КАЯ основным морфологическим способом выражения каузатива являлась IV порода (модель *ʔaffala*, где *f*, *ʕ* и *l* — условное обозначение согласных любого корня). Она восходит к прасемитской каузативной породе с префиксом **sa-* > **ha-* > *ʔa-* и имеет хорошо установленные когнаты в большинстве семитских языков. Ее значение восстанавливается как отглагольный каузатив и деадъективный фактитив (Weninger 2011), эти же значения наиболее продуктивны в КАЯ и АЛЯ: *darra* I ‘обильно течь’ > *ʔadarra* IV ‘обильно лить’ (каузатив), *faqir-* ‘бедный’ > *ʔafqara* IV ‘доводить до бедности’ (фактитив). При этом следует учитывать, что в арабском языке большинство деадъективных моделей можно равно интерпретировать как производные от стативного глагола, поскольку у прилагательных есть также однокоренные эссивы-инхоативы ‘быть А, становиться А’, например, *faqura* ‘быть бедным, беднеть’. Четвертая порода является самой продуктивной из производных пород как в кораническом корпусе, так и в словарях КАЯ (см. статистику в статье Ambros 1987). Уже в сафаитском языке отмечается третья функция данной породы: отыменная деривация со значением направления (*ʔs²rq* IV ‘мигрировать во внутреннюю пустыню’ < *s²rq* ‘восток’, Al-Jallad 2015: 127). На дальнейших стадиях развития языка отыменная деривация значительно расширила свои функции и стала плохо поддаваться классификации, ср., например, *dubr-* ‘спина’ > *ʔadbara* IV ‘поворачиваться спиной, отступать’, *uajm-* ‘тучи’ > *ʔaya:ma* ‘покрываться тучами’, *fatwa:* ‘фетва’ > *ʔafta:* ‘издавать фетву’. В языке Корана список деривационных значений еще шире: добавляются эстиматив (*kabi:r-* ‘большой, великий’ > *ʔakbara* IV ‘считать великим, возвеличивать’) и адвербиальный квалитатив⁷ (*hasan-*

⁷ Термин «адвербиальный квалитатив» не является общепринятым, подобная деривация типологически редка и, насколько мне известно, не нашла пока отражения в общетеоретических работах.

‘хороший’ > *ʔaħsana* IV ‘делать хорошо’). Эти же значения выделяются и в других вариантах КАЯ и АЛЯ. Начиная с Корана можно также наблюдать большое количество одно- или двухвалентных глаголов, не имеющих ни одного из перечисленных деривационных значений, но либо совпадающих с первой породой, либо непродуцированных. Можно предположить две основные причины такого развития: первая заключается в том, что часть этих глаголов исходно отыменные, а отыменные глаголы образуются в большинстве пород без какого-либо различия в деривационной семантике. Так, например, приведенный выше деноминатив *ʔadbara* IV ‘поворачиваться спиной, отступать’ совпадает по значению с глаголами второй и десятой породы от того же корня *dabbara* и *istadbara*. Вторая причина — в конкурирующих стратегиях формирования каузатива между первой породой модели *faʕala* и четвертой породой, что приводит к их синонимии⁸ или квазисинонимии, ср. упомянутую выше пару *sʕaruha* ‘быть ясным’ > *sʕaraħa* I ‘разъяснить’ и *ʔasʕaraħa* IV ‘объяснить, заявить’. Таким образом, развитие семантики IV породы можно представить следующим образом: каузатив от активных глаголов притягивает фактитив и каузатив от стативных глаголов, а также эстиматив по признаку сдвига старого агенса в роль пациенса⁹. Фактитив распространяется на отыменные модели, имеющие другую актантную структуру: деноминатив с широкой семантикой и адвербиальный квалитатив.

Еще одной породой, широко используемой в качестве каузативной в КАЯ и АЛЯ, является вторая (модель *faʕʕala*, с удвоением второго согласного корня). В монографии Kouwenberg 2010 выдвигается гипотеза, что изначальным значением этой породы были интенсивность и глагольная множественность, иконически выражавшиеся через геминацию. При этом функции фактитива и деноминатива развились уже в прасемитском языке, поскольку они зафиксированы во всех языках этой семьи. Переход от интенсива к фактитиву обусловлен тесной семантической связью между интенсивностью и высокой переходностью (см. примеры данной полисемии в языках мира в работе Kulikov 1999, для семитских языков это явление обсуждается в монографии Kouwenberg 2010: 284 со ссылкой на Horper and Thompson 1980). Все унаследованные из прасемитского деривационные значения сохраняются в ранних ва-

⁸ О значении и функционировании в текстах этих синонимов см. работу Kropfšich 1983.

⁹ О связи каузатива и эстиматива см. статью Podlesskaya 1993.

риантах арабского языка¹⁰, однако и значение каузатива от активных глаголов отмечено уже в сафаитском языке и в Коране, хотя и заметно реже, чем фактитивное и деноминативное. Со временем каузативное значение расширяет свою продуктивность, в то время как интенсивность и глагольная множественность ее снижают.

Основным деривационным значением третьей породы (модель *faʕala* с удлинением первого гласного основы) в арабском языке является аппликатив, то есть добавление к переходному или непереходному глаголу нового прямого объекта, обычно одушевленного: *raqasʕa* I ‘танцевать’ > *raqasʕa* III ‘танцевать в паре с кем-л.’. Эти глаголы часто имеют семантику квази-реципрока, при которой один участник взаимного действия стоит в номинативе, а другой в аккумулятиве:

- (6) *ʔal-ʔab-u j-ura:qisʕ-u bnat-a=hu*
 DEF-отец-NOM 3.SG.M-танцевать.III.IMF.ACT-IND дочь-ACC.SC=POSS.3SG.M
 ‘Отец танцует со своей дочерью’.

Однако часть глаголов имеет также фактитивное значение, в тех случаях, когда образуется от стативных глаголов и соответствующих им прилагательных: *maʕala* I ‘быть похожим на кого-л.’, *miʕl-* ‘подобный’ > *maʕala* III ‘уподоблять, сравнивать’. При этом такие глаголы управляют не прямым объектом, а косвенным с предлогом *bajna*. Эти же глаголы без косвенного объекта имеют семантику эссива. Этому классу глаголов и их свойствам лабильности посвящена статья Letuchiy 2017, где автор выдвигает несколько гипотез такого поведения, в частности, предполагая, что значение каузатива-фактитива у таких глаголов вторично по отношению к семантике симметричного действия и может как присутствовать, так и отсутствовать в качестве вторичного семантического компонента. В грамматике Nöldeke 1896: 26 отмечается, что каузативы, управляющие предлогом *bajna*, характерны и для других типов глаголов III породы, в частности, можно говорить об их образовании от VI (реципрокальной) породы, являющейся при этом морфологически более

¹⁰ Значение интенсива не отмечено в грамматике сафаитского языка и подвергается сомнению для языка Корана в работах Ryder 1974 и Leenhuis 1977. Однако наличие этого значения II породы в языке и более поздних вариантах арабского (как литературного, так и разговорного) практически исключает его отсутствие в промежуточных вариантах. Поскольку оно не влияет на актантную структуру, его может быть сложно выделить в древних корпусах.

сложной, например: *ta:baʕa* III (переходный) ‘следовать за кем-л.’ > *tata:baʕa* VI ‘идти друг за другом’ > *ta:baʕa* III *bajna* ‘заставлять идти друг за другом’; *la:ʕana* III (переходный) ‘проклинать кого-л.’ > *tala:ʕana* VI ‘проклинать друг друга’ > *la:ʕana* III *bajna* ‘подстрекать проклинать друг друга’. Эти употребления, однако, очень редки и не зафиксированы ни в словарях, ни в корпусах АЛЯ. Тем не менее, в западной группе диалектов оно вновь фиксируется исследователями, см. раздел 6 ниже.

Существуют также предположения о том, что третья порода развилась из второй, причем на стадии праарабского языка, так как только в арабском эта порода представлена с определенной деривационной семантикой, а в ряде семитских языков удлинение гласного является фонетическим развитием второго удвоенного согласного корня (первоначально в корнях определенной структуры). Эта гипотеза могла бы объяснить фактитивную деривацию как архаизм. Данная этимология отстаивается в работах Zaborski 2006 и Lipinski 1997, однако была доказательно опровергнута в статье Ratcliffe 2011, который показал, что для языка Корана не характерны ни пересечения в семантике между II и III породой, ни повышенное число основ III породы от корней с ожидаемой структурой.

Интересен также семантический переход внутри десятой породы (модель *istafʕala*). Эта порода исторически восходит к комбинации антикаузативного префикса *t-* и каузативной породы *safʕala*¹¹ с метатезой **ts* > *st*, и это значение антикаузатива присутствует на различных стадиях КАЯ и АЛЯ: *ʔayna*: IV ‘освобождать’ > *istayna*: X ‘освобождаться от чего-л.’. Однако в работе Kouwenberg 2010 предполагается, что уже в прасемитском языке функция деноминатива для этой породы была первичной и имеет другое происхождение, чем отглагольный антикаузатив. Данные арабского языка согласуются с этой гипотезой, в работе Keller 1996 к деноминативным относится около 60% глаголов АЛЯ. В языке Корана значения отглагольного рогатива (‘просить сделать что-л.’) и отыменного куратива (‘просить о чем-л., искать чего-л.’), которые трудно разделить друг от друга, являются для данной породы наиболее продуктивными, ср. *ʕill-* ‘тень’ > *istaʕalla* X ‘искать тень’, *matʕar-* ‘дождь’ > *istamtʕara* X ‘просить о дожде’, *ʔadina* I ‘позволять’ > *istaʔdana* X ‘просить позволения’. Очевидным образом, результирующее значение оказывается более важным, чем источник деривации, и рогатив появляется в результате

¹¹ См., например, Коган 2009: 89.

экспансии значения с компонентом просьбы на отглагольные деривативы. В более поздних вариантах литературного языка рогатив продолжает оставаться продуктивной деривацией для X породы, причем источником деривации могут являться как каузативная IV порода, с которой X порода связана морфологически, так и базовая первая. Часто порода IV играет роль прямого каузатива от породы I, а порода X — непрямого, ср.: *qaraʔa* I ‘читать’ > *ʔagraʔa* IV ‘заставлять, учить читать’ > *is-taqraʔa* X ‘просить прочесть’, но есть и глаголы, не образующие промежуточную четвертую породу.

Другими значениями X породы являются эстиматив и (реже) эссив-инхоатив от прилагательных, эти примеры также зафиксированы еще в языке Корана: *xafif* ‘легкий’ > *istaxaffa* X ‘находить легким’, *bajjin* ‘ясный, явный’ > *istabana* X ‘проясниться; явствовать’. Эстиматив характерен и для четвертой породы, однако для нее это редкая деривация, а для десятой — частотная. От редких эстимативов IV породы образуются рефлексивы X породы: *kabir* ‘большой, великий’ > *ʔakbara* IV ‘считать кого-л. великим’ > *istakbara* X ‘считать себя великим → гордиться, важничать’. Таким образом, X порода в плане деадъективной деривации демонстрирует синонимию значений эстиматива, рефлексива от эстиматива и эссива, только первое из которых является частотным в истории литературного арабского языка.

4. Арабские диалекты: потеря основной каузативной породы

Четвертая порода *ʔaffala*, являвшаяся главным средством каузативной деривации в КАЯ, вышла из употребления в подавляющем большинстве арабских диалектов, оставив лишь некоторые реликтовые формы. Исключением являются палестинские диалекты и ряд диалектов Аравийского полуострова, при этом анализ словаря палестинского диалекта¹² (Seeger 2022) показывает, что основной функцией четвертой породы в этом варианте арабского языка является деноминативная и деадъективная деривация (см. подробнее п. 5), а не отглагольный каузатив.

¹² Правильнее говорить о палестинских диалектах, поскольку в Палестине и Израиле распространено много существенно отличающихся между собой арабских говоров: городских, сельских и бедуинских. Однако в словаре Seeger 2022 не делается различия между ними, и невозможно на основании этого материала отделить один палестинский диалект от другого.

Причина исчезновения четвертой породы в большинстве диалектов имеет фонологический характер: вследствие унификации гласных в личных префиксах данная порода стала совпадать с базовой в формах имперфекта, а вследствие падения гортанной смычки (?) — слабо отличаться от нее в формах перфекта. Неправильные глаголы двух классов («пустые» и «удвоенные» в традиционной арабистической терминологии, то есть такие, у которых средний согласный корня чередуется с долгими гласными, а также те, у которых совпадают второй и третий согласный корня) теряют префикс в перфекте полностью. В Таблице 1 можно видеть полное совпадение форм имперфекта правильного глагола *jimlik* и перфекта неправильного глагола *mat*, при том, что в литературном арабском языке все формы различаются.

Таблица 1. Глаголы IV породы в литературном арабском и палестинском диалекте

Порода	АЛЯ		Палестинский диалект	
	перфект	имперфект	перфект	имперфект
I, правильный глагол 'владеть'	<i>malaka</i>	<i>jamliku</i>	<i>malak</i>	<i>jimlik</i>
IV, правильный глагол 'давать во владение'	<i>ʔamlaka</i>	<i>jumliku</i>	<i>amlak</i>	<i>jimlik</i>
I, неправильный глагол 'умирать'	<i>ma:ta</i>	<i>jamu:tu</i>	<i>ma:t</i>	<i>jmu:t</i>
IV, неправильный глагол 'умерщвлять'	<i>ʔama:ta</i>	<i>jumi:tu</i>	<i>ma:t</i>	<i>jmit</i>

Исчезновение четвертой породы имело несколько следствий для системы в целом. Роль основной каузативной породы перешла ко второй, ср. АЛЯ *ʔagraʔa* IV ‘заставлять, учить читать’ ~ дам., каир. *ʔarra* II, то же (*ʔ > Ø, *q > ʔ). При этом функция интенсификации и других аспектов глагольной множественности постепенно переходит от второй породы к четырехконсонантным глаголам: дам. *ʔasʕsʕ* ‘резать’ > *ʔasʕʕasʕ* (редупликация корня) ‘резать на много частей’, мек. *naʕas* ‘хотеть спать’ > *naʕnas* (редупликация первого корневого согласного) ‘сильно хотеть спать’, см. подробнее в статье Abu-Mansour 2015.

Десятая порода, ряд глаголов которой представляли собой антикаузативы от четвертой породы, потеряла с ней морфологическую и семантическую связь и сохранила преимущественно функции эстиматива, эс-

сива и рогатива-куратива, то есть деноминативную и деадъективную деривацию.

Часть глаголов четвертой породы перешли в первую, сохранив при этом каузативную семантику, ср. марок. глагол, восходящий к I породе *ʕa:d* (перфект) — *yʕu:d* (имперфект) ‘возвращаться’ vs. восходящий к IV породе того же корня *ʕa:d* (перфект) — *yʕi:d* (имперфект) ‘возвращать’ (Aguadé 2012), или дам. *zaʕaʕ* I (имперфект *bjəzʕeʕ*) ‘беспокоить’, имеющий архаичную параллельную форму перфекта *ʕazʕaʕ* (Cowell 1964: 84), сюда же относится и палестинский пример из Таблицы 1 *mar* (*jmi:t*) ‘умерщвлять’.

5. Размывание каузативной семантики унаследованных пород в арабских диалектах

Как было отмечено выше, в палестинском диалекте сохранившаяся порода IV постепенно теряет каузативную функцию как продуктивную деривационную модель, в то время как деноминативные и деадъективные деривации расширяют свою сферу действия и могут образовывать инновативные лексемы, например, *ʕifa* ‘вечер’ > *aʕfa* IV ‘наступить (о вечере), стемнеть’, *atʕwal* ‘длиннее’ > *atʕwal* IV ‘быть длиннее’. Деноминативные глаголы чаще всего являются непереходными и имеют семантику ‘быть X’ (эссив) или ‘производить X’, где X — внутренний объект, не имеющий выражения в виде отдельного актанта, например, *ʕamar* ‘плоды’ > *aʕmar* ‘приносить плоды’. Семантика ряда глаголов является идиоматической и описывается только приблизительно как ‘иметь отношение к X’, например, *tʕaraf* ‘сторона’ > *atʕraf* ‘сторониться, склоняться на сторону’. Деадъективные глаголы имеют унаследованную семантику фактитива и адвербиального квалитатива, а также новое продуктивное значение эссива-инхоатива, например: *nitr* ‘грязный, гнилой, вонючий’ > *antan* IV ‘гнить, вонять’.

Похожая эволюция произошла и в близкородственном диалекте Дамаска, в котором IV порода в целом исчезла, оставив после себя два типа реликтов. Часть глаголов перешла в I породу, см. п. 4., а другая сохранила префикс *ʕa-*, который был переосмыслен как часть корня, и таким образом стала относиться к классу четырехконсонантных глаголов. К последней группе относятся деноминативные и деадъективные глаголы, например, *zinaħ* ‘тухлый’ > *ʕaznaħ* (имперфект *biʕaznaħ*) ‘тухнуть’. Семан-

тические обобщения для глаголов этого класса затруднительны ввиду их малого количества.

Иное развитие характерно для второй породы в левантийской и египетско-суданской группах диалектов. Помимо унаследованных значений, включающих в себя каузатив и фактитив, данная порода образует в этих диалектах отыменные непереходные глаголы со значением ‘быть, становиться N или A’ (эссив-инхоатив). Ряд предикатов демонстрирует при этом R-лабильность¹³, и в случае переходности имеет семантику фактитива, а в случае непереходности — эссива-инхоатива. Данная полисемия наблюдается у ограниченного числа глаголов и в литературном языке, ср. АЛЯ *ʕatma(t)*- ‘темнота’ > *ʕattam* II ‘темнеть; затемнять’ и дам. *ʕitəm* ‘темный’ > *ʕattam* II ‘темнеть; затемнять’. В диалектах же эта модель расширяется и на другие глаголы: пал. *ʕqil* ‘тяжелый’ > *ʕaqqal* II ‘быть тяжелым; отягчать’ (ср. АЛЯ только ‘отягчать’), нигер. *abjadʕ* ‘белый’ > *bajjadʕ* II ‘белеть; отбеливать’ (ср. АЛЯ только ‘отбеливать’), каир. *tixi:n* ‘толстый’ > *taxxan* II ‘толстеть; утолщать’ (в АЛЯ отсутствует). Такая лабильность у деадъективных глаголов является типологически довольно частотной (Летучий 2013: 200–201), и, видимо, служит переходным звеном к семантике эссива-инхоатива без полисемии с фактитивом, ср. чадск. *fagra:n* ‘бедный’ > *faggar* II ‘беднеть, *обеднять’. В периферийных чадских диалектах породы с антикаузативным префиксом отсутствуют, и вторая порода является лабильной у всех глаголов, совмещая функции каузатива и антикаузатива, например, *labbad* ‘прятать; прятаться’, см. Roth 1979.

6. Расширение каузативной деривации и появление новых каузативных пород в арабских диалектах

В западной группе арабских диалектов III порода, основной функцией которой продолжает оставаться аппликатив, расширяет употребление в качестве каузатива от реципрокальных глаголов (в п. 3 были описаны примеры из литературного арабского языка, где каузатив требовал не прямого объекта, а косвенного с предлогом *bajna*). В работе Taine-Cheikh 2005 приводятся примеры каузативов III породы из диалекта хас-

¹³ R-лабильностью называется «такой тип лабильности, при котором объект переходного употребления по типу своего участия в ситуации соответствует субъекту непереходного» (Летучий 2013: 26).

санийя, отсутствующие в литературном арабском языке: *tha:səd* VI 'завидовать друг другу' > *ha:səd* III 'делать так, чтобы один другому завидовал', *tba:ʔəʃ* VI 'заключать сделку друг с другом' > *ba:ʔəʃ* III 'заставить или помочь заключить сделку'. При этом управление предлогом *baʕna* в каузативном употреблении уже не требуется, глаголы сохраняют присущую III породе переходность, см. пример из Taine-Cheikh 2005:

- (7) *ba:ʔəʃ-Ø* *ahmād wā=ħassan*
 заключить.сделку.III.PRF.ACT-3SG.M Ахмад и=Хассан
 'Он заставил Ахмада и Хассана заключить сделку'.

Этот случай интересен как пример образования каузатива по аналогии: породы II (каузативно-фактитивная) и V (рефлексивно-антикаузативная) различаются префиксом *t-*: *baʕʕad* II 'удалять' > *tbaʕʕad* V 'удаляться'. Тот же самый префикс используется и для различения породы III (квази-реципрок, см. пример 6 выше) и породы VI (реципрок): *fatən* III 'сражаться с кем-л.' > *tfatən* VI 'сражаться друг с другом'. На основании иллюстрируемой ниже пропорции III порода также постепенно начинает выполнять функцию каузатива от реципрока:

$$\frac{baʕʕad \text{ II}}{t-baʕʕad \text{ III}} = \frac{ħa:səd \text{ III}}{t-ħa:səd \text{ VI}}$$

В диалекте хассанийя (но не в других западных диалектах) также возникает новая малопродуктивная каузативная порода *safʕal*, формально совпадающая по своему префиксу с прасемитской каузативной породой, см. п. 3. Гипотезы о ее происхождении подробно обсуждаются в моей диссертации Tsukanova 2023. Она образуется от породы X с префиксом *sta-* в результате отбрасывания антикаузативного инфикса *-t* и представляет собой вторичное образование нового каузатива от старого антикаузатива¹⁴. Механизм данного аналогического развития иллюстрируется приведенной ниже пропорцией с тем же инфиксом в VIII породе, образующим рефлексив-антикаузатив от первой:

$$\frac{nfax \text{ I 'надувать'}}{n-t-fax \text{ VIII 'надуваться'}} = \frac{sasʕarʕ 'смуцать'}{s-t-asʕarʕ \text{ X 'смуцаться'}}$$

¹⁴ Возможно, определенную роль в ее появлении играют контакты с берберским языком зенага, в котором также есть каузативная порода с префиксом *s'a-*, см. Taine-Cheikh 2018; прямое заимствование из зенага маловероятно по фонологическим и социолингвистическим соображениям.

7. Выводы

Каузатив имеет продуктивное морфологическое выражение во всех вариантах арабского языка, от самых древних его стадий до современных диалектов. Помимо каузатива в узком смысле, арабский язык на протяжении всей своей истории выражает морфологические значения фактитива и рогатива, которые можно считать подтипами каузативного значения. Изменения деривационной семантики можно кратко суммировать следующим образом. В IV породе переходные каузатив и фактитив притягивают переходный же эстиматив, а затем и непереходные именные модели, которые оказываются наиболее устойчивыми в современных диалектах. Во II породе интенсив притягивает каузатив, фактитив и различные деноминативные значения еще в период, предшествующий формированию арабского языка в зафиксированном виде; на протяжении истории арабского языка наиболее древняя функция интенсива уступает все больше места каузативу, а фактитивные глаголы становятся лабильными и приобретают значение эссива. Аппликативная III порода расширяет функцию каузатива от реципрока благодаря морфологической аналогии. X порода теряет отглагольные деривативные функции, но сохраняет отыменные, благодаря чему значения рогатива и куратива еще живы в современных диалектах, хотя и в очень ограниченном объеме. Новые каузативные породы возникают чрезвычайно редко, единственным известным примером является порода *safʕal* в диалекте хассанийя.

Следует отметить, что изменения в системе глагольной деривации в арабском языке происходят очень медленно. Многие функции пород сохраняются с прасемитского языкового состояния, то есть на протяжении не менее шести тысячелетий.¹⁵ Вместе с тем как источники деривации (глаголы различных пород, существительные, прилагательные), так и формы ее выражения демонстрируют широкий спектр варьирования по диалектам для конкретных пород. Это является дополнительным аргументом в пользу рассмотрения арабских диалектов как отдельных языков, что, впрочем, является естественным, учитывая, что время их первичной дивергенции примерно совпадает по времени с распадом славянской языковой общности.

¹⁵ Самое позднее время распада прасемитской языковой общности оценивается как IV тысячелетие до н.э. (Huehnergard, Pat-El 2019: 1).

Сокращения

АЛЯ — арабский литературный язык; дам. — дамаский диалект; каир. — каирский диалект; КАЯ — классический арабский язык; марок. — марокканский диалект; мек. — мекканский диалект; нигер. — нигерийский диалект; пал. — палестинский диалект; хассан. — хассанийя (диалект Мавритании и Мали); чадск. — чадский диалект

Литература

- Коган Л. Е. 2009. Семитские языки. В сб.: А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лезов и О. И. Романова (ред.) *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Североафриканские семитские языки*, 15–112. М.: Academia.
- Летучий А. Б. 2013. *Типология лабильных глаголов*. М.: Языки славянской культуры.
- Храковский В. С. 1969. Морфологический и аналитический каузативы в литературном арабском языке. В сб.: А. А. Холодович (ред.) *Типология каузативных конструкций*, 78–97. Л.: Наука.
- Abu-Mansour, M. H. 2015. A Study of Internal Reduplication in Makkan Arabic. *Ajia afurika gengo bunka kenkyuu [Journal of Asian and African Studies]*, v. 90, 29–60.
- Aguadé, J. 2012. Verbs Reflecting Classical Arabic Form IV Patterns in Moroccan Dialects. *Romano-Arabica*, v. 12: 7–15.
- Al-Jallad, A. 2015. *An Outline of the Grammar of the Safaitic Inscriptions*. Leiden: Brill.
- Ambros, A. A. 1987. Eine Lexikostatistik des Verbs im Koran. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, v. 77, 9–36.
- Cowell, M. W. 1964. *A reference grammar of Syrian Arabic (based on the dialect of Damascus)*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- Haspelmath, M., Sims, A. 2010. *Understanding morphology*. 2nd ed. London: Hodder Education.
- Hopper, P. J., Thompson, S. A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, v. 56, 251–299.
- Huehnergard, J., Pat-El, N. (eds.) 2019. *The Semitic languages*. 2nd ed. London, New York: Routledge.
- Keller, K. 1996. Der X. Verbalstamm und seine Funktion im modernen Arabisch. In: Zemánek, P. (ed.). *Studies in Near Eastern Languages and Literatures: Memorial Volume of Karel Petráček*, 297–309. Prague: Academy of Sciences of the Czech Republic, Oriental Institute.
- Kogan, L. 2015. *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Boston, Berlin: De Gruyter.
- Kouwenberg, N. J. C. 2010. *The Akkadian verb and its Semitic background*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.

- Kropfitsch, L. 1983. Untersuchungen zum IV. Stamm im Neuhocharabischen. In: Seybold, I. (ed.) *Meqor hajjim. Festschrift für Georg Molin zu seinem 75. Geburtstag*, 205–220. Graz: Akademische Verlag.
- Kulikov, L. 1999. Split causativity: remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense. In: Abraham, W., Kulikov, L. (ed.). *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of V. Nedjalkov*, 21–42. Amsterdam: Benjamins.
- Kulikov, L. 2001. Causatives. In: Haspelmath, M. et al. (eds.) *Language typology and language universals: An international handbook*, v. 2, 886–898. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Leemhuis, F. 1977. *The D and H stems in Koranic Arabic. A comparative study of the function and meaning of the fa'ala and 'af'ala forms in Koranic usage*. Leiden: Brill.
- Letuchiy, A. 2017. Arabic 'labile verbs' in form III. In: Alvarez González, A., Navarro, Í. (eds.) *Verb valency changes: theoretical and typological perspectives*, 247–268. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Lipinski, E. 1997. *Semitic Languages: Outline of a Comparative Grammar*. Leuven: Peeters.
- Măcelaru, A. 2006. Causative. In: Versteegh, K. (ed.) *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*, v. 1, 355–360. Leiden, Boston: Brill.
- Nöldeke, Th. 1896. *Zur Grammatik des classischen Arabisch*. Wien: Gerold.
- Podlesskaya, V. I. 1993. Causatives and causality: towards a semantic typology of causal relations. In: Comrie, B., Polinsky, M. (eds.) *Causatives and Transitivity*, 165–176. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- van Putten, M. 2022. *Quranic Arabic. From its Hijazi Origins to its Classical Reading Traditions*. Leiden, Boston: Brill.
- Ratcliffe, R. R. 2011. A Preliminary Analysis of Arabic Derived Verbs in the Leeds Quran Corpus — With Special Reference to Stem III (CaaCaC). In: Kawaguchi, Y. et al. (eds.) *Corpus-based analysis and diachronic linguistics*, 189–201. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Roth, A. 1979. *Esquisse grammaticale du parler arabe d'Abbéché (Tchad)*. Paris: Geuthner.
- Ryder, S. A. 1974. *The D-Stem in Western Semitic*. The Hague, Paris: Mouton.
- Saad, G. N. 1982. *Transitivity, causation, and passivization: a semantic-syntactic study of the verb in classical Arabic*. London, Boston and Melbourne: Kegan Paul International.
- Seeger, U. 2022. *Wörterbuch Palästinensisch — Deutsch*. 2 vols. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Taine-Cheikh, C. 2005. De la réciprocité à l'extensivité. Pour une approche renouvelée des verbes à 1ère voyelle longue (arabe hassāniyya). In: Ayoub G., Lentin, J. (eds.) *Cahiers de Linguistique de l'INALCO: arabe 2003–2005*, v. 5: 71–97.
- Taine-Cheikh, C. 2018. Ḥassāniyya Arabic in contact with Berber: The case of quadriliteral verbs. In: Manfredi, S. Tosco, M. (eds.) *Arabic in Contact*, 136–159. Amsterdam: John Benjamins.

- Tsukanova, V. 2023. *The evolution of the derivational verbal system in Arabic*. Marburg: Marburg University.
- Versteegh, K. 1997. *The Arabic language*. New York: Columbia University Press.
- Weninger, S. 2011. Reconstructive morphology. In: Weninger, S. (ed.) *The Semitic Languages: An International Handbook*, 151–178. Berlin, Boston: De Gruyter.
- Zaborski, A. 2006. Main and secondary functions of derived verbs in Arabic. *Lingua posnaniensis*, v. 48: 165–189.

THE USE OF QUESTION WORDS IN RHETORICAL QUESTIONS IN ARCHI

Marina Chumakina

(Surrey Morphology Group)
m.chumakina@surrey.ac.uk

The paper examines the formation and functioning of the rhetorical questions in Dagestani language Archi. Special attention is paid to two question words, *han* and *hani* and their grammaticalization into rhetorical question markers. These questions represent a prevalent rhetorical strategy in Archi, a language where discourse strategies have not been studied enough.

В Веру Исааковну Подлесскую невозможно не влюбиться. Я влюбилась сразу, на первом же занятии ее спецкурса по условным конструкциям. И с тех пор обожаю и условные конструкции, по которым в итоге писала диссертацию, и Веру Исааковну. Конечно, в первую очередь очаровывает ее красота, энергия, увлеченность и остроумие, а потом понимаешь, что нет вообще ничего Вере Исааковне неподвластного, она может организовывать Зимние школы и факультеты, управлять учебным и академическим процессом, перед ней не может устоять никакая стена формальностей и административных сложностей. Будучи невероятно успешным, любимым и эффективным академическим начальником, Вера Исааковна еще и оригинальный мыслитель и отважный исследователь. Ну кто бы еще решился поверить точностью лингвистического исследования такую эфемерную субстанцию, как сон? А Вера Исааковна решилась и сделала! Вера Исааковна, я желаю вам долгих-долгих лет, полных радости.

1. Introduction

As has been shown in the pragmatic literature, interrogative constructions can be used not only to seek new information but also to fulfil a number of extended functions including directives, echo-question responses and rhe-

torical questions, namely, questions which do not presuppose an answer inasmuch as the answer is obvious (Tanangkingsing 2022: 60). Other non-interrogative functions of the interrogatives include invitations, offers, requests, complaints, challenges, confirmation-seeking, signalling of negative attitude, etc. (Nagaya 2022 and the works cited there). The extended functions of the interrogatives in general and rhetorical questions in particular have mainly been treated within the domain of pragmatics, and it is no surprise that such studies generally involve large languages with many speakers and substantial corpora, both written and spoken. Thus, Trotzke and Cypionka (2022), a comparative study of non-canonical questions, involves English, French, German, and Japanese. Special issue of *Journal of Pragmatics* (Yap et al. eds. 2023) on this subject involves studies on Cantonese, Cebuano (an Austronesian language, spoken by 22 million speakers), Chaozhou dialect of Chinese, Korean, Tagalog, and only one endangered language, Yurakaré. However, when a small and/or endangered language does become a subject of the study of rhetorical questions, it is surprising how much data is available and how central this phenomenon can be (Gipper 2022 on Yurakaré; Kazama 2007 on Nanai). I believe that the Nakh-Daghestanian languages can provide plenty of interesting material for the study of rhetorical questions, and this is an attempt to demonstrate the point for one small language, Archi.

From my very first encounter with the language I noticed how often Archi conversations contained questions that were not supposed to be answered. In the published and recorded texts (most of which are stories rather than dialogues or conversations), questions that are not meant to be answered represent one of the main rhetorical strategies. In this paper, I present several ways of forming rhetorical questions but focus on the non-interrogative uses of just two forms of the Archi question word *han* ‘what’.

My data comes from the collection of texts which consists of 16 short texts published by Dirr (1908), with thanks to Michael Daniel for the electronic version and interlinear glossing; 40 texts written down by Dzhilil Samedov (Kibrik et al. 1977; electronic version Kibrik et al. 2007), and the texts I recorded in the Archi village between 2004 and 2013. All examples without references are from my own fieldwork data.

2. Interrogative constructions in Archi

Archi is a Nakh-Daghestanian language belonging to the Lezgcic group. It has been out of contact with the other Lezgcic languages for centuries: the

neighbouring languages are Avar and Lak; currently the Archi village is part of an Avar administrative unit (Charodinskij rajon) and before the 1940s it was part of a Lak-speaking administrative unit. Archi is spoken in a conglomerate of villages situated within walking distance of one another, which are perceived by people in the area as well as the Archi themselves as constituting one unit. There are about 1300 speakers of Archi, and this number is dwindling, as the migration of the young people to the towns *en masse* which began about twenty years ago means that fewer and fewer children are learning Archi as their first language.

Archi is a typical Nakh-Daghestanian language: it has a rich consonantal system, ergative-absolutive alignment, and large inflectional systems for both verbs and nouns. Nouns in Archi are distributed across four genders: gender I comprises nouns referring to male humans, gender II — to female humans. The rest of the lexicon is distributed between genders III and IV with a tendency for animals and other live objects to be in gender III. Nouns also inflect for case and number. The absolutive case form is typically used to express the only argument of an intransitive verb and the patient-like argument of a transitive verb. The absolutive argument controls agreement in gender and number on its targets. Most verbs exhibit agreement as do at least some members of all other parts of speech. Archi is left-branching, has a set of non-finite verbal forms typical for the family (including converbs, masdars and many participles). The word order is relatively free (pragmatically determined) but the non-finite clauses are strictly verb-final. Following Siemund's (2001:1010–1011) division of interrogative constructions, the interrogatives in Archi are formed as follows:

- polar questions employ a verbal particle *-ra* which attaches to finite forms (1) and auxiliaries (2);
- constituent questions are formed by the question words *han* ‘what’, *k^viri* ‘who’, *basa* ‘when’, *danna* ‘where’ (which has a number of locative forms such as *dannaš* ‘from where’, *daširi* ‘to what location’), *daki* ‘why’ and others; in these questions the verb does not take any special interrogative form;
- alternative questions employ a particle *-ri* which can attach to nominal (3) or verbal (4) constituents.

Examples (1)–(2) show the use of polar questions in the texts where the speaker expects and receives the answer to their question.

(1) Bulbul:

was sini-ra jamu-t č'em?
 2SG.DAT know-Q that-IV.SG time(IV)[SG.ABS]
 'Do you know that time?'

Sultanpatimat:

sini.
 know
 'Yes, I do'.

In (2) the question particle attaches to the auxiliary verb *ebdi* 'was' (note the rhetorical question in the answer to the straightforward question).

(2) Karimagomed:

jemmet b-uχle-t-ib sar-um-če-qʰ
 this.way 1/IL.PL-die.PL-ATTR-PL tomb(IV)-PL-OBL.PL-INTER
b-e<ɾ>ti-r-ši e<b>di-ra?

1/IL.PL-<IPFV>bury-IPFV-CVB <1/IL.PL>be.PST-Q

'Look, did they bury people who died in this way (by suicide) in the cemetery?'

Sultanpatimat:

e<b>di daki e<b>to-t'u
 <1I/L.PL>be.PST why <1/IL.PL>bury.FUT-NEG

'They did, why not? (lit.: why won't bury)'

Examples (3) and (4) show the use of the alternative question particle *-(r)i* (*/r/* is lost after a vowel). It attaches to both disjuncts, whether nominal (as in (3)) or verbal (as in (4))¹.

(3) *was χ^walli-ri bu-šbu-s pečena-tu-ri?*
 2SG.DAT bread(III)[SG.ABS]-or III.SG-bring-INF biscuit(IV)-PL.ABS-or
 'Shall I bring you bread or biscuits?'

(4) *was bel-li qert^ʰ-er-ma-ši-ri kʰan bo-li*
 2SG.DAT spade(III)-SG.ERG dig-IPFV-CVB.LOC-ALL-or want say.PFV-EVID
muk:ul-li e<ɾ>kʰu-r-ma-ši-ri kʰan bo-li
 broom(IV)-SG.ERG <IPFV>sweep-IPFV-CVB.LOC-ALL-or want say.PFV-EVID
 'He said: do you want to go to where they dig with a spade or where they sweep with a broom?'

¹ The conjunctive particle *-(w)u* 'and' behaves the same attaching to both conjuncts. It is another typical characteristic of Daghestanian languages.

In this paper I will focus on the question word *han* 'what' and the associated form *hani*, a combination of *han* with the alternative particle. The next two sections consider the direct interrogative uses of these question words.

2.1. Question word *han*

In direct questions *han* is used to question the absolutive constituent of the clause. It normally triggers gender IV singular agreement, as shown in (5).

(5) *han kunne?*
 what [IV.SG]eat.PFV
 'What have you eaten?'

This is the most common question one is asked when walking the streets of the Archi village, used as a greeting. This question presupposes a direct answer such as 'bread and cheese' (*χ^wallu-wu murtəlu-wu*). The question word takes the unmarked position for absolutives, i.e. immediately before the verb, and the verb does not employ any interrogative marking.

Example (6) shows *han* in reported speech.

(6) *ja-r danna e<ɾ>di han uw-li bo-li*
 this-II.SG where <1I.SG>be.PST what [IV.SG]do.PFV-EVID say.PFV-EVID
sa<b>ku-t-ib
 <1/IL.PL>look.PFV-ATTR-PL
 'They came to see where she was and what she had done'. (lit.: they were looking having said: "Where is she, what did she do?")

In (6) the clauses containing the question words *danna* 'where' and *han* 'what' are semantically dependent as they report the speech of the characters of the story. However, direct and indirect speech in Archi are not syntactically distinct; thus in (6) the predicate heading the clause with reported speech is finite, there are no special pronouns identifying reported speech and the question words take the same position as they would in an independent clause.

The same question word can be used as a noun modifier; in (7) it modifies the gender III noun *ħal* 'state' which controls the agreement on the verb *ebti* 'become'.

(7) *han ħal e<b>ti bo-li*
 what state(III)[SG.ABS] <III.SG>become.PFV say.PFV-EVID
 "What happened (lit.: what state of affairs became)," – said he'.

Besides being used as a noun modifier without any formal adaptation, *han* can also attach the attributive suffix *-tu* (realized by the allomorph *-nu*). It then translates as ‘which (one)’, as shown in (8).

- (8) *ha os ha je-b han-nu-t izu-t irku-s*
 well one well this.PL-PL what-ATTR-IV.SG be.sweet-ATTR-IV.SG [IV.SG]look-INF
kʷan-ši kʷan-ši qʼaʳdi-li d-i-tu-r
 [IV.PL]eat.IPFV-CVB [IV.PL]eat.IPFV-CVB <IL.SG>sit.PFV-CVB IL.SG-be.PRS-ATTR-IL.SG
 ‘Well, I am sitting here eating them to find the sweet one (lit. to spot which one is sweet)’.

2.2. Question word *hani*

The combination of *han* and the alternative particle *-(r)i* results in the form *hani* and is used very frequently in Archi speech and in the texts. In Durr’s 16 texts published in 1908, *hani* is used three times, twice in proper questions and once in a rhetorical question. In Kibrik and Samedov’s texts published in 1977, *hani* is used 15 times, out of which only three can be considered proper questions. In the texts I recorded between 2004 and 2013, I could find only one example in which this form can be considered clearly interrogative in meaning, all other uses are rhetorical and will be discussed below.

As for that one interrogative use of *hani*, it was in a sentence from a spontaneous dialogue which I recorded in 2011. The women I visited invited an old shepherd who, they said, was a very good storyteller, and they wanted me to record him telling a story about the olden days. However, he was not in the mood to tell any stories so they started offering him topics on which he could talk. The sentence in example (9) contains two tokens of *hani* as it contains an alternative question.

- (9) *hani tinda-qʳ eti-tu-t*
 what.Q Khindakh-INTER [IV.SG]become-ATTR-IV.SG
hani arša-š-me-tu w-i-ta
 what.Q Archi-EL-OBL.PL-COMIT LSG-be-TEMP
 ‘(Tell either) what happened in Khindakh, (or) what happened when you were with the Archi people’.

Note that in both instances *hani* takes the normal position for the question word: immediately before the clause it questions. As we will see later, in rhetorical uses the situation is different.

3. Rhetorical uses of *han* and *hani*

The rhetorical uses of question words are those where the clause containing the question word is not really an interrogative clause: no answer or response is expected or even possible, and the clause is normally not translated as a question. Impressionistically, this situation appears to be very frequent; Kibrik’s and the more modern texts differ on this point, but that may be a result of corpus size.

3.1. Rhetorical uses of *han*

Many clauses containing rhetorical *han* are best translated as negative statements. In (10) the rhetorical clause *han kunneqi* ‘what shall we eat’ does not imply the possibility of an answer: in the story, the children were pulling out some onions belonging to the kolkoz, were caught red-handed, and are explaining their actions: ‘we are very hungry, we have nothing to eat, that’s why we are pulling out the onions’.

- (10) *han kunne-qi bo pil b-oʳkʳin-ši*
 what [IV.SG]eat-FUT say.PFV onion(III)[SG.ABS] III.SG->IPFV>pull-CVB
i-t-ib bo
 [IPL]be-ATTR-PL say.PFV

‘There is nothing for us to eat, we said, that’s why we are pulling out the onions, we said’. (lit: What will we eat, we said.)

In (11) the rhetorical nature of the question is even more obvious: the speaker poses a question about herself *han sini dez* ‘what do I know’, so the question again translates as the negative statement ‘I don’t know’.

- (11) *oʳqʳa-li eʳdi-tʳu tenik han sini d-ez*
 <IL.SG>go.PFV-CVB <IL.SG>be.PST-NEG there what know IL.SG-1SG.DAT
 ‘I don’t know whether she was married or not’. (lit: whether she wasn’t married there, what do I know)

Example (12) contains the rhetorical question ‘even one thing, what is it’.

- (12) *ispialis is χaxur-kul-tʳaw atan-ijtʳu*
 skill(IV)[SG.ABS] my herd-NMLZ-but thing(IV)[SG.ABS]-EMPH-IV.SG
han i bo-li
 what [IV.SG]be.PRS say.PFV-EVID
 ‘There is nothing I can do besides shepherding, he said’. (lit.: As for my skills, besides shepherding, what is one thing I can do?) (Kibrik et al. 1977, Text 2, sentence 58)

On the other hand, rhetorical questions can be used to confirm what was said before: compare (13), where the rhetorical question *zari haner* translates as ‘my words exactly’ (the meaning ‘say’ is expressed by the quotative marker, which licenses the ergative *zari* ‘I’).

- (13) *zari han-er*
 1SG.ERG what(IV)-QUOT
 ‘My words exactly’. (lit.: what do I say)

A relatively frequent use of *han* is in combination with the concessive suffix *-šaw* attaching directly to the question word. This results in a concessive reading (‘whatever’ or ‘no matter what’) as in (14)–(16).

- (14) *han uw-šaw χit:a misərt:u jat:i-š*
 what [IV.SG]do.PFV-CONC then gold(IV)[SG.ABS] on.TOP-ALL
oq^fa-li i-t’u
 [IV.SG]go.PFV-CVB [IV.SG]be-NEG
 ‘No matter what she did, the gold did not come off. (Kibrik, Samedov 1977, Text 6, sentence 66)

- (15) *ja-t han uw-šaw č’olla-ši*
 this-IV.SG.ABS what(IV)[SG.ABS] [IV.SG]do.PFV-CONC outside-ALL
a<rt>i-t’u
 <IL.SG>let.go.PFV-NEG
 ‘No matter what I did, I was not let out’.

- (16) *han uw-šaw eχni-na χati-t’u*
 what(IV)[SG.ABS] [IV.SG]do.PFV-CONC [IV.SG]forget.PFV-CVB [IV.SG]go.FUT-NEG
ez jamu-t hekl’ena
 [IV.SG]1SG.DAT this-IV.SG thing(IV)[SG.ABS]
 ‘No matter what, I cannot forget this thing (this thing will not go forgotten)’.

Attaching the concessive marker *-šaw* directly to the question word *han* normally results in formation of an indefinite pronoun (see Kibrik et al. 1977: 236), however, in (17) the concessive meaning is preserved:

- (17) *jas:a inža<rt>u buwa han-šaw*
 then <IL.SG>self.EMPH mother(II)[SG.ABS] what(IV)-CONC
a-r-a-r-ši d-i-ta
 [IV.SG]do-IPFV-RDP-CVB IL.SG-be.PRS-TEMP
 ‘Then mother herself would do the job, whatever it was’.

In the two small collections of my texts that I draw on for this paper (from my recordings made between 2004 and 2013), the concessive suffix *-šaw* is used 99 times: 97 times with verbal forms, and twice with the question word *han*. I cannot say whether the attachment of *-šaw* to nouns is ungrammatical, but it is described in the Archi grammar (Kibrik 1977) as a verbal suffix and practically all the observed instances show that it is indeed a verbal suffix, the only exception being its use in the context of rhetorical questions. Formally, the rhetorical (concessive) *hanšaw* is identical with an indefinite pronoun ‘something’ so these usages require special attention.

There is an interesting use of *han* in the exclamative context. It is shown in example (18), where it is the only element conveying the exclamative intention.

- (18) *χit:a wit čerχ:u han b-i hun-u*
 then 2SG.GEN body(III)[SG.ABS]-and what III.SG-be.PRS face(IV)[SG.ABS]-and
han i
 what [IV.SG]be.PRS
 ‘And what a body and face you had!’

Here, the agreement on the copula clearly shows that the form is indeed *han* and not *hani*, which is not always clear: the combination of *han* and the fourth gender singular form of the copula *i* is homophonous with *hani* so each instance of *hani* requires careful analysis.

While it is clear that *han* has rhetorical functions as none of the constructions shown in this section are interrogative i.e. allow for the possibility of an answer, structurally *han* remains a true question word, keeping its expected position in the clause alongside the verb. However, the next section shows that another question word, *hani*, has undergone changes on its way to becoming a rhetorical question marker.

3.2. Rhetorical uses of *hani*

Far more often than *han*, in rhetorical questions we encounter the form *hani*, compare (19).

- (19) *kl’inč’a-t’i-li hu-ši χoqi χit:a*
 be.afraid-MSD(IV)-SG.ERG yes-CVB probably then
ez ako-r-ši-ri, was hani
 1SG.DAT [IV.SG]hear-IPFV-CVB-or 2SG.DAT what.RQ
 ‘Of course, because I was afraid, or do you (think) I heard them?’

The story here was about a woman who happened to be left alone in the mountains with her sheep and had to spend the night there. She started a fire and tried to sleep and then heard demons playing around the fire and making a lot of noise. When she was telling us the story, her son-in-law asked her: “you must have imagined it, because you were so afraid to be there by yourself”. The storyteller stopped her rather dramatic way of talking immediately and said: “of course I imagined them” and added a rhetorical question which was translated by our Archi consultant as: ‘you don’t really think I heard them’.

Note that the syntactic structure is different here from what was shown in the previous section: the question word appears at the right periphery, and there is no interrogative clause, that is, the first clause *kʰinčʰatʰili huši xoqi* represents a grammatically correct non-interrogative clause. The question word *hani* is added to the right periphery. This is different from the straight-forward interrogative use of *hani* shown in 2.2. The right periphery position is observed in almost all the instances of rhetorical use of *hani* except one. Example (20) demonstrates that *hani* can also be used at the absolute beginning of the clause, but in this case too it is not integrated into the clause’s syntactic structure.

- (20) *hani, ja-r-mi-s haddur-ši i*
 what.RQ that-IL.SG-SG.OBL-DAT be.ready.EMPH-CVB [IV.SG]be.PRS
 ‘Just look at her, she’s got (everything) ready’.

This was said in reference to my being fully prepared for an Archi recording session: the speaker wanted to draw the unwilling storyteller’s attention to the fact that I had come prepared and really wanted him to begin telling stories. Structurally, if *hani* was omitted in (20), it would have been a fully grammatical (and of course non-interrogative) sentence. The next example, from the same conversation, contains *hani* at the right periphery of the sentence, where it has the same emphatic function:

- (21) *jella xabar a-bʰti-tu-t baran*
 now story(III)[SG.ABS] <III.SG>let.go.IPFV-ATTR-IV.SG like
b-oqʰi, hani
 III.SG-give.IMP what.RQ
 ‘Now, please do talk as the stories are supposed to be told’.

Some rhetorical questions with *hani* can be translated as negative:

- (22) *wajo ja-r-u kunnu-r d-i, hani*
 oh that.one-IL.SG-and be.like.ATTR-IL.SG IL.SG-be.PRS what.RQ
 ‘Oh, I am not even the same height as her (lit.: am I like her or what)...’

This translation was suggested by our consultant, and it is clear from the context why she translated it like this: the storyteller was talking about a time when she was little and happened to be up in the mountains with a shepherd who did not feel well, so the little girl (the storyteller) had to look after the sheep, and here she emphasizes how little she was, and how afraid. The story goes on like this: ‘I was crying and crying saying do not die, Gazadada, I will look after the sheep, do not die...’.

Another example of emphatic use of *hani* that can be translated with negation is shown in (23) and (24). Note that in (23) *hani* is not at the right periphery, which is occupied by a temporal adjunct, but is nevertheless positioned after the verb, and is therefore outside the clause.

- (23) *Mursaʕa-li-n tʰinna čʰabu edi hani*
 Mursaali-SG.OBL-GEN little sheep(III).PL.ABS [III.PL]be.PST what.RQ
to-t čʰemna noʰš-or edi hekʰena edi
 that-IV.SG time.LOC horse(III)-PL.ABS [III.PL]be.PST thing(IV)[SG.ABS] [IV.SG]be.PST
 ‘At that time Mursaali did not have just a few sheep, he had many horses and many other things (lit.: did Mursaali have few sheep at that time)’.

Example (24) contains two rhetorical questions, one with *han* and one with *hani*.

- (24) *han bo-s i zari išik tʰi-tu-t*
 what say-INF [IV.SG]be.PRS 1SG.ERG here be.little-ATTR-IV.SG
čʰem-li-n jamut-mi-n bar-ši w-i, hani
 time(IV)-SG.OBL-GEN that-OBL.SG-IV.SG think.IPFV-CVB 1SG-be.PRS what.RQ
 ‘I can’t talk here about the time when I was little (lit.: what is there to say here about the time when I was little), I don’t think about it (lit.: do I think about it or what)’.

While the question word *han* has uses with concessive meaning and is used for exclamative clauses, *hani* seems to become a marker of a rhetorical question *per se*, i.e. just a question which does not presuppose an answer because it is obvious, as shown in (25) and (26).

- (25) *was marzu-t kʻan-kul gulla-li*
 2SG.DAT be.clean.ATTR-IV.SG want-NMLZ(IV)[SG.ABS] bullet(IV)-SG.ERG
ača-s kʻan, haner
 [IV.SG]kill-INF want what.RQ.RPRT
 ‘You want to kill our pure love with your bullet or what, they said’.
 (Kibrik, Samedov 1977, Text 1, sentence 37)

- (26) *jemim-me-χur χ:al-lu zon iχwti-li*
 that.PL-OBL.PL-CMPR be.bad-ATTR.LSG 1SG.ABS <1SG>become.PFV-EVID
hani bo-li
 what.RQ say.PFV-EVID
 ‘Am I worse than them?’

In (25) it is unclear whether the question word used is *han* or *hani* as has been followed by the quotative suffix *-er*, in that context both *han-er* and *hani-er* would sound the same. However, the Archi consultant who helped in analysing these texts² stated that without the quotative suffix the question word used here would be *hani*.

We can see that *hani* is a more highly grammaticalized marker of rhetorical questions than *han*. In rhetorical function, its syntactic properties differ from the syntactic properties of the interrogative use of *hani*: it is not integrated in the clause, can take up a position in the left or right periphery, and can be used without a verb. It is also used more often as a marker of rhetorical questions than as a genuine question word: as I said in 2.2., *hani* in the texts is increasingly used in rhetorical questions rather than as a question word whereas *han* is used more or less equally in rhetorical questions and as a proper question word in the texts collected by Kibrik and Samedov; in the texts that I have recorded, *han* has slightly more proper question uses.

Interestingly, in its makeup *hani* precisely resembles the Russian rhetorical question marker *čto li*, in which the first word is a question word ‘what’ and the second one is a particle *li* which can be part of the alternative conjunction *to li... to li*.

4. Rhetorical questions formed with other means

The question words *han* and *hani* are not the only way of forming rhetorical questions. As was mentioned before, rhetorical questions are used very fre-

² It was Bulbul Musaeva who I would like to thank also for her help answering questions for this paper.

quently in Archi texts, and employ all interrogative strategies available. Example (27) shows the verbal polar interrogative marker *-ra* on the predicate *orsdatʻu* ‘I won’t stay’.

- (27) *χita oχrsdatʻu-ra zon to-r-mi-s harak*
 then <1L.SG>stand.FUT.NEG-Q 1SG.ABS that-1L.SG-OBL.SG-DAT in.front
 ‘Will I stay in front of her or what (= Of course I won’t just stay in front of her)’.

In (27) I have kept the translation provided by my Archi consultant, which contains a question, and provide the pragmatic intent of this sentence in the brackets. It was part of a story, and this question was not supposed to be answered. The context of this sentence is as follows: the storyteller is talking about her childhood. Once she did something at school and the children told her that the teacher was looking for her. And then she says: ‘Will I stand in front of her, I ran away quickly’. Interestingly, the translator did not translate the verb as negated. The next sentence shows that negation is not obligatory in this type of context. Example (28) shows the same interrogative marker *-ra* employed to form a rhetorical question but this time it attaches to the non-negative verb form *qʻiʻjdiqi* ‘we will sit’.

- (28) *χita qʻiʻjdi-qi-ra aχcu to-b jaʻti*
 then 1PL.sit-FUT-Q <1L.SG>kill.PFV that-1L.SG snake(III)[SG.ABS]
 ‘Then, will we leave it or what (=of course we wouldn’t leave it, lit.: we won’t just sit there), we killed that snake’.

Other question words can also be used in rhetorical questions, compare:

- (29) *qʻot danna ikir qʻot:ij-tʻu*
 book(IV)PL.ABS where.LOC [IV.PL]be.ITER book(IV).PL.ABS.EMPH<IV.SG>
ikir-tʻu šia-r-ši ikir i
 [IV.PL]be.ITER-NEG write-IPFV-CVB [1PL]be.ITER [1PL]be.PRS
 ‘Books, where were they (=there were no books), not a single book was there (at school), we had to write everything down’.

5. Conclusions

In Archi, rhetorical questions constitute a prevalent rhetorical strategy, whether in dialogs or in storytelling. It is used for creating a greater feeling of involvement in a listener, and Archi has several formal ways of producing rhetorical questions. The detailed examination of the behaviour of question

words *han* and *hani* in rhetorical questions points towards the conclusion that *hani* is being grammaticalized as a specialised marker of rhetorical questions with its own specific syntactic properties. However small is our sample of texts over the years, what we can see in the changes of the uses of *hani* seems to point out in the same direction and indicate the change from question word to a rhetorical question marker.

Abbreviations

1, 2 — persons; I–IV — genders; ABS — absolutive; ALL — allative; ATTR — attributive; CMPR — comparative; COMIT — comitative; CONC — concessive; CVB — converb; DAT — dative; EL — elative; EMPH — emphatic; ERG — ergative; EVID — evidential; FUT — future tense; GEN — genitive; INF — infinitive; INTER — intercessive; IPFV — imperfective; ITER — iterative; LOC — locative; MSD — masdar; NEG — negation; NMLZ — nominalizer; OBL — oblique; PFV — perfective; PL — plural; PRS — present tense; PST — past tense; Q — question; RDP — reduplication; RPRT — reported evidential; RQ — rhetorical question; SG — singular; TEMP — temporal converb.

References

- Dirr, A. 1908. *The Archi language. Collected materials for the description of territories and peoples of the Caucasus*, Issue 39. Tiflis.
- Gipper, S. 2022. Assertive content questions in Yurakaré conversations: Using indisputable facts to justify disputable claims, actions, and stances. *Journal of Pragmatics*, vol. 202, 28–47.
- Kibrik, A. E. 1977. *Opyt strukturnogo opisanija arčinskogo jazyka. II: Taksonomičeskaja grammatika* [Structural description of Archi. Volume II. Taxonomic grammar]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kibrik, A. E., Kodzasov, S. V., Olovjannikova, I. P., Samedov, D. S. 1977. *Arčinskij jazyk. Teksty i slovari* [The Archi language. Texts and vocabularies]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kibrik, A. E., Arkhipov, A., Daniel, M., Kodzasov, S. 2007. *Archi text corpus*. <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/eng/archi/corpus.php>.
- Kazama, S. 2007. Rhetorical questions with interrogative markers in Nanai. In: Y. Kawaguchi, T. Takagaki, N. Tomimori, Y. Tsuruga (eds.) *Corpus-based perspectives in linguistics*. John Benjamins Publishing Company, 319–335.
- Nagaya, N. 2022. Beyond questions: Non-interrogative uses of *ano* 'what' in Tagalog. *Journal of Pragmatics*, vol. 190, 91–109.
- Siemund, P. 2001. Interrogative constructions. In: M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.) *Language typology and language universals*. Berlin: Walter de Gruyter. 1010–1028.

- Tanangkingsing, M. 2022. Pragmatic functions of versatile *unsa* 'what' in Cebuano: From interrogative pronoun to placeholder to stance marker. *Journal of Pragmatics*, vol. 193, 59–75.
- Trotzke, A., Czypionka, A. 2022. Non-canonical questions from a comparative perspective: Introduction to the special collection. *Linguistics Vanguard*, vol. 8(2), 205–207.
- Yap, F. H., Kashyap, A. K., Tao, H. (eds) 2023. *Journal of Pragmatics. Special Issue on Attitudinal Interrogatives in Interactive Talk*.

РЕЧЬ

МЫСТ...
(УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФИЛЛЕР
В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

И. Г. Багиорокова

(Институт языкознания РАН;
НИУ «Высшая школа экономики»)
ibagirokova@yandex.ru

Ю. А. Ландер

(НИУ «Высшая школа экономики»)
yulander@yandex.ru

Я. Г. Тестелец

(Институт языкознания РАН;
Российский государственный гуманитарный университет)
testelets@gmail.com

В статье описывается адыгейский филлер *mast* (*мыст*), который может появляться в чрезвычайно большом числе морфологических и синтаксических контекстов. Во многом основываясь на работе Podlesskaya 2010, мы противопоставляем четыре функции адыгейского филлера: предваряющую, инерционную, функцию вынужденного замещения и эвфемистическую функцию. В работе высказывается гипотеза, согласно которой в разных функциях *mast* может замещать разные структурные единицы, от чего и зависит его морфологическая сочетаемость.

1. Введение

Слово *mast* (*мыст*) некоторые носители адыгских (адыгейского и кабардино-черкесского) языков называют «главным словом» — настолько оно частотно в устной речи. В представлении первого альбома адыгейской «посттрадиционной» группы *Myst* (2023) говорится:

Мыст — короткое слово, свободное от смыслов, но очень важное и частое в черкесской речи. Его используют для связки слов или в тот момент, когда что-то вылетело из головы. На русский его можно перевести примерно как «Ну, это самое».

Музыканты выбрали родное, но при этом максимально абстрактное слово без отсылок к героическому прошлому, эпическим героям или приторным эстрадным клише.

<https://oredrecordings.bandcamp.com/album/apere-oredxer>

В то же время в «Толковом словаре адыгейского языка» (Хатанов, Керашева 2006) о слове *məst* говорится с неодобрением, что оно «не обладает собственным значением и засоряет речь (*гуццылэр ыгъэлаеу*)». В качестве иллюстрации приводится пример:

- (1) *Мыст ылуи, сыкыгъэкъуагъ.*
məst ə-ʔ^w-jə, sə-q-jə-ve-ʔ^wa-в.
 FILLER 3SG.ERG-сказать-ADD 3SG.ABS-DIR-3SG.ERG-CAUS-идти-PST
 'Сказав это самое, она прислала меня сюда'.

В (1) говорящий не сообщает, что именно «она сказала» — то ли потому, что считает это несущественным, то ли по каким-то другим причинам. Содержание сообщения, точнее, его отсутствие, «упаковано» в филлер (слово-заместитель) *məst*, часть речи которого определяется в словаре как «частица», несмотря на то что в (1) оно выступает скорее как местоимение. В «Адыгейско-русском словаре» (Шаов ред. 1975: 210) *məst* также характеризуется как частица и переводится словом «ну». Так же он переводится и в новом «Толковом словаре адыгейского языка» (Берсиров ред. 2012: 197), где одновременно сообщается, что это слово не употребляется самостоятельно и встречается только в составе высказывания (*гуццылэуыгъэ*). В словаре кабардино-черкесского языка (Апажев, Коков 2008: 329) *məst* переводится как «то бишь, это самое» с пометой «разг.». В комментариях к текстам адыгских песен (Гиппиус ред. 1986: 47) сообщается, что «непереводимое слово «мыст» — универсальный заместитель выпадающих из памяти слов». В языках других ветвей западнокавказской семьи этимологических параллелей *məst* не обнаруживается; близкими свойствами обладает абхазо-абазинское слово *dəna*, отсутствующее в «Абазинско-русском словаре» (Тугов ред. 1967) и в «Словаре абхазского языка» (Шакрыл, Конджария 1986).

В одной из немногих работ, посвященных анализу заместителей в кавказских языках, в двух дагестанских языках — агульском и удинском — рассматривались функции замещения у вопросительных местоимений и у слов со значением 'вещь' (Ganenkov, Lander, Maisak 2010). Для этих слов можно указать исходную семантику, на основе которой развивалась заместительная функция, и исходную часть речи; для *məst* ни то, ни другое определить не удастся.

В первом опыте типологии заместителей (*placeholders*) В. И. Подлеская установила, что они представляют собой местоименные элементы, которые полностью или частично повторяют грамматическую структуру

«запаздывающего» (*delayed*) элемента и могут проявлять свойства существительных, глаголов, прилагательных или наречий. В. И. Подлеская также показала, что единицы, которые выступают как заместители в точном смысле, могут использоваться и как намеренно нечеткие и неточные выражения, к которым трудно указать конкретные замещаемые или не припоминаемые говорящим элементы (Podlesskaya 2010).

Как мы постараемся показать, свойства *məst* подтверждают оба вывода, сделанных в работе В. И. Подлеской. Как и заместители в других языках, *məst* близко по свойствам к местоимениям и обладает неопределенным или нечетким значением, зависящим от контекста. Расплывчатость значения заместителя гармонирует с диффузностью частей речи в адыгейском языке: в нем одна и та же знаменательная основа может попадать в морфологические и синтаксические контексты, которые в языках с привычной классификацией слов характеризуют разные знаменательные части речи.

Терминология, используемая для обозначения слов-заместителей, часто неоднозначна и требует уточнения. Слова «филлер» (*filler*) и «заместитель» (*placeholder*) ниже употребляются как синонимы. В литературе разграничиваются функции заполнителя пауз (рус. *ээ...*, *короче*, *значит*) и заместителя, у которого есть более или менее определенная контекстуальная семантика (рус. *это...*, *как ее...*, англ. *whatchamacallit*), хотя отличить первое от второго бывает трудно. Функцией «общего распространителя» (*general extender*, рус. *и так далее*, *и прочее*; о них см. Overstreet 1999), *məst* не обладает; в этой конструкции используются вопросительные местоимения:

- (2) а. *мамунхэри сыди*
matwəp-xe-r-jə səd-jə
 обезьяна-PL-ABS-ADD что-ADD
 'обезьяны и все такое'
 б. **мамунхэри мыстхэри*
matwəp-xe-r-jə məst-xe-r-jə
 обезьяна-PL-ABS-ADD FILLER-PL-ABS-ADD

Адыгейские словоформы, содержащие элемент *məst* и его алломорф *məstə*, мы будем называть *məst*-словами — термин, который отражает трудность с отнесением их к какому-то единому грамматическому или семантическому классу. Синтаксические группы, возглавляемые *məst*-словами (в том числе состоящие из одного *məst*-слова), мы будем называть *məst*-выражениями.

Материалом нашего исследования послужили несколько электронных корпусов: большой «Адыгейский корпус» (АК), включающий преимущественно письменные тексты на литературном языке (так что «нелитературный» *məst* встречается в нем лишь у нескольких авторов), устный корпус темиргоевского диалекта, легшего в основу литературного языка (УКАЯ), и адыгейские тексты из социальных сетей, представленные в «Коллекции текстов на малых языках» (КТМЯ).

В разделе 2 статьи мы укажем на те свойства грамматики адыгейского языка, которые важны для понимания поведения заместителя. В разделе 3 описываются четыре дискурсивные функции *məst*, в разделе 4 — его морфологические и синтаксические характеристики, в разделе 5 — связь морфологической сложности с выполняемой функцией. В заключении подводятся итоги исследования.

2. Предварительные сведения

Адыгейский, как и другие представители западнокавказской языковой семьи, является полисинтетическим языком с развитой префиксацией и суффиксацией, в котором словоформа знаменательного слова может включать свыше 12 морфем (Аркадьев и др. 2009; Lander, Testelet 2017). Вершинное маркирование актантов в виде индексальных маркеров лица/числа совмещается с зависимостным маркированием членов предложения с помощью падежей — абсолютного с окончанием *-r* и косвенного с окончанием *-m* (у личных и указательных местоимений *-š'/-j*) по эргативно-абсолютивной схеме:

- (3) а. *Pišəšəzər čəyəgəzə.*
pšəšə-r čəjə-ve.
 девочка-ABS спать-PST
 'Девочка спала'.
 б. *Klələm pišəšəzər ылзэггүг.*
č'alə-m pšəšə-r ə-lev'ə-в.
 мальчик-OBL девочка-ABS 3SG.ERG-видеть-PST
 'Мальчик увидел девочку'.

Свойства, о которых пойдет речь ниже, — морфологическая продуктивность и гибкость, т. е. способность выступать почти в любом морфологическом и синтаксическом контексте — не являются отличительной особенностью *məst*. Адыгейский принадлежит к числу языков с диффузным (*flexible*) типом частей речи (Rijkhoff, van Lier eds. 2013), т. е. к такому,

где почти нет дистрибутивных различий между основными знаменательными классами слов — существительными, глаголами, прилагательными и наречиями. Например, основа, обозначающая лицо или предмет X, без специального маркирования означает в позиции сказуемого 'быть X':

- (4) а. *Klələzər kəzəkləzəm.*
č'alə-r qe-k'e-š't.
 мальчик-ABS DIR-приходить-FUT
 'Мальчик придет'.
 б. *Kəzəkləzəzər klələ.*
qe-k'e-š'tə-r č'al.
 DIR-приходить-FUT-ABS мальчик
 'Тот, кто придет, — мальчик'.

Грамматические механизмы адыгейского языка позволяют строить новые сложные словоформы в процессе речи — на это указывают, например, значительная морфологическая вариативность и внутрисловные паузы. Такой «творческий» характер полисинтетической морфологии также способствует самой широкой сочетаемости филлера с разнообразными аффиксами.

3. Дискурсивные функции *məst*-слов

При анализе адыгейских текстов мы выделяем четыре функции *məst*-слов.

Предваряющее использование («вот что...») наблюдается, когда говорящий сигнализирует, что начинает или продолжает речь, но еще не готов сформулировать утверждение: *məst* позволяет избежать долгой паузы и выгадать время. Так, в (5) (цитата из блога, иронично имитирующая разговорную речь с диалектными особенностями — в противоположность литературному языку) *məst* сообщает о начале реплики, а в (6) сочетание корня *məst* и адвербиального суффикса, которое может трактоваться и как наречие, и как деепричастная клауза, возникает перед тем, как говорящий формулирует последующее сложное утверждение.

- (5) *Мыст, бəšləgəzə сызкIэупчIэнэу сызфэяггэр... мыщ клəлəклəмэ аггə-федэрэ гуццIэхэр кыщыпнтхы хгута, е литературабэ кəбзэджэ тыгуццIэн фəе?*
məst, be.šə.v.ew sə-z-č'e-wəpče-n-ew
 FILLER давно 1SG.ABS-REL.IO-LOC-спрашивать-MOD-ADV

sə-z-fe-ja-ve-r...   *mə-š' č'ela-č'e-me*
 1SG.ABS-REL.IO-BEN-хотеть-PST-ABS   этот-OBL   парень-новый-OBL.PL
a-ve-fjede-re   *gʷəš'əʔe-xe-r qə-š'ə-p-txə*
 3PL.ERG-CAUS-польза-DYN   слово-PL-ABS   DIR-LOC-2SG.ERG-писать

χʷə-t-a,   *je l'it'eratura-bze-qabze-ž'e*
 случаться-FUT-Q   или   литература-язык-чистый-INS
tə-gʷəš'əʔe-n   *fa.je?*
 1PL.ABS-разговаривать-MOD   должный

‘Вот, я вот что давно хотел спросить... здесь можно писать слова, которыми пользуется молодежь, или мы должны разговаривать на чистом литературном языке?’ [КТМЯ]

- (6) *А анархистэхэу, бзаджэхэу, афэдэ зышлэцтыгэхэм Коцхьаблэ да-хьэху, хьулъфыггэ зыцлэу, кили-гьуали, агьотыггэр, кьызэхэггэзы-хьу, ежь мыстэу, войскэ яггусэу дахьу, нэбгырэ ишци аужыггэ.*

a anarxjəste-x-ew, bzaž'e-x-ew, a-fe-d
 тот анархист-PL-ADV   злой-PL-ADV   тот-BEN-подобный
zə-š'e-š'tə-ve-xe-m   *kʷeš'hable da-he-x-jə,*   *χʷəʔfəve*
 REL.ERG-делать-AUX-PST-PL-OBL   Кошехабль   LOC-входить-PL-ADD   мужчина
zə-č-ew,   *č'al-jə-~v'aljə,*   *a-~v'etə-ve-r,*
 REL.PR-имя-ADV   молодой-ADD~RDP   3PL.ERG-находить-PST-ABS
qə-ze-x-a-ve-zə-h-jə,   *jež' məst-ew, vojske*
 DIR-REC.IO-LOC-3PL.ERG-CAUS-один-входить-ADD   сам   FILLER-ADV   войско
ja-~v'əs-ew   *da-h-jə,*   *nebgəre š-jə-š'*
 3PL.IO+POSS-спутник-ADV   LOC-входить-ADD   человек   сто-LNK-три
a-wəč'ə-~v.

3PL.ERG-убивать-PST
 ‘Эти анархисты, разбойники, которое такое творили, пришли в Кошехабль, всех, кого можно назвать мужчинами, включая мальчиков, согнали вместе, а сами, это самое, с войском пришли и триста человек убили’. [УКАЯ: Хатажукай 2006]

Вторая функция — **инерционная** («э-э-э...»), наоборот, наблюдается у *məst*-слов, когда говорящий пытается продолжить речевой поток без необходимости что-либо выразить. Эта функция характеризуется отсутствием паузы перед появлением *məst*-слова. Ср. примеры (7) и (8):

- (7) [...] *кдо телъи — зэлъы-зэшъуз зэггусэхэу, мыстхэу, сабийхэр гьогу тыраггэхьаггэхэу, зэданлуггэу, зэдалгэжыггэу джа фэдэ унаггэу ишъыкхэхэтхыггэ [...]*

[...] *kʷe tje-pλ-jə*   — *ze-λ-ze-š'wəz*
 PTCL   LOC-смотреть-ADD   REC.PR-муж-REC.PR-жена
ze-~v'əse-x-ew,   *məst-x-ew, sabjəj-xe-r*   *v'wegʷ*
 REC.PR-спутник-PL-ADV   FILLER-PL-ADV   ребенок-PL-ABS   дорога
tə-r-a-ve-ha-ve-x-ew,   *ze-d-a-p'wə-~v-ew,*
 LOC-3PL.ERG-CAUS-входить-PST-PL-ADV   REC.IO-COM-3PL.ERG-воспитывать-PST-ADV
ze-d-a-~v'əž'ə-~v-ew   *ž'a fe-de*
 REC.IO-COM-3PL.ERG-растить-PST-ADV   тот   BEN-подобный
wəpawʷ-ew š'wə-q-a-xe-t-xə-~v   [...]
 семья-ADV   2PL.ABS-DIR-3PL.IO-LOC-1PL.ERG-выносить-PST
 ‘...ну и мы подумали — муж с женой, вместе, это самое, детей на ноги поставили (букв. выпустили на дорогу), воспитали их вместе, вместе их вырастили — вот за то, что у вас такая семья, мы вас vybrали ...’ [УКАЯ: О себе 2010]

В (7) *məst*-слово содержит показатель множественного числа *-xe* и адвербиальный/деепричастный показатель *-ew*, которые в данном случае не имеют собственной функции, а повторяют морфологию предыдущего слова.

- (8) *Ар кьэсыжьи, алуагг, кьалоцтыгг ай: "Перггумбар кьытфэкложыгг тшлоушыгг", алуагг. Кьызэкложьым — адэ, уаукьыцтэу, мысты... Тхээггона?*

a-r   *qe-sə-ž'-jə,*   *a-~v'a-~v,*
 тот-ABS   DIR-добираться-RE-ADD   3PL.ERG-говорить-PST
q-a-~v'we-š'tə-~v   *a:j:*   *“pjer~v'ambar qə-t-fe-kʷe-ž'ə-~v*
 DIR-3PL.ERG-говорить-AUX-PST   тот-OBL   пророк   DIR-1PL.IO-BEN-идти-RE-PST
t-š'we-š'ə-~v",   *a-~v'a-~v.*   *qə-z-e-kʷe-ž'ə-m*   —
 1PL.IO-MAL-делать-PST   3PL.ERG-говорить-PST   DIR-REL.TMP-DYN-идти-RE-OBL
ade,   *w-a-wəč'ə-š't-ew,*   *məst... tʃevʷe-n-a?*
 конечно   2SG.ABS-3PL.ERG-убивать-FUT-ADV   FILLER   блаженство-MOD-Q

‘Он вернулся, и они сказали, рассказывали они: «Нам показалось, что к нам Пророк вернулся!» Когда он вернулся, ну конечно, если тебя убить должны, это самое... Чего ж хорошего?’ [УКАЯ: Хатажукай 2006]

Функция **вынужденного замещения** («как его...») наблюдается, когда говорящий не может подобрать конкретное необходимое слово и заме-

няет его на *məst*-словоформу. Иногда далее искомое слово подбирается, но во многих примерах дальнейшее исправление/уточнение отсутствует:

- (9) *Мыстхэр, чынашкэ цыкыгхэр аццэх.*
məst-xe-r, čənaškə-čəkʷ-xe-r a-š'e-x.
 FILLER-PL-ABS кинза-маленький-PL-ABS 3PL.ERG-продавать-PL
 'Эти самые, мелкие (семена) кинзы продают'. [УКАЯ: Жареное мясо 2010]
- (10) *Адигэмэ шэнэу, хабзэу ялэр, ялаггэр, джы ялэри; ныбжыкыкыгхэм зэрэшлэнэу, ежэ еджэхэм, аклэ цеджэхэу хьэкланлэ кытфэжыгхэхэм зэрэшлэнэу зэрэтхьэклэн тлгьэжытхэр хьэклэжэу ахьэкла... мыстэу тилэр адигэхэм.*
adjəge-me šen-ew, xabz-ew ja-ʔe-r,
 адыг-ОBL.PL привычка-ADV традиция-ADV 3PL.IO+POSS-быть-ABS
ja-ʔa-we-r, ʒ'ə ja-ʔe-r-jə; nəbʒ'əč'e-xe-m
 3PL.IO+POSS-быть-PL-ABS теперь 3PL.IO+POSS-быть-ABS-ADD молодой-PL-ОBL
ze-r-a-š'e-n-ew, jež' je-ž'e-xe-m-jə, a-č'e
 REC.IO-DAT-3PL.ERG-знать-MOD-ADV сам DAT-учиться-PL-ОBL-ADD тот-INS
š'je-ž'e-x-ew heč'a-pe qə-t-fe-kʷa-we-xe-m-jə
 LOC-DAT-учиться-PL-ADV гостевать-NLOC DIR-1PL.IO-BEN-идти-PST-PL-ОBL-ADD
ze-r-a-š'e-n-ew zere-t-heč'e-n
 REC.IO-DAT-3PL.ERG-знать-MOD-ADV REL.FACT-1PL.ERG-принимать.гостей-MOD
t-leč'ə-t-xe-r hač'e-č'ew a-hač'a...
 1PL.ERG-мочь-FUT-PL-ABS гость-INS-ADV 3PL.ERG-принимать.гостей
məst-ew t-ja-ʔe-r adjəge-xe-m.
 FILLER-ADV 1PL.IO-POSS-быть-ABS адыг-PL-ОBL
 'Привычки, традиции, которые есть у адыгов, и которые были у них — чтобы молодые знали: и те, которые сами учатся, и те, которые там учатся и к нам в гости приехали, чтобы знали, как мы их можем принимать, госте... гость... это самое, которое у нас, у адыгов'. [УКАЯ: Тост 2010]

В обоих примерах (9–10) мы видим, что *məst* присоединяет морфологию подбираемого слова: в (9) это показатель множественного числа и суффикс абсолютива, а в (10) — адвербиальный суффикс, который в данном случае маркирует «внутреннюю» вершину относительной конструкции.

Эвфемистическое замещение используется при замене табуированных слов, как в следующих примерах:

- (11) *Шынэ горэм сыхэлабаггэти, сызепэмым — джадэдэр ары, кгомэ ямыст ары, сынатлэ кьечгэхы.*
šəne-gʷere-m sə-xe-ʔeba-we-tja,
 влажный-некий-ОBL 1SG.ABS-LOC-трогать-PST-CS
sə-z-j-e-pe-m — ʒ'a-dede-r a-rə,
 1SG.ABS-REL.TMP-DAT-DYN-нюхать-ОBL тот-именно-ABS тот-PRED
qʷe-me ja-məst a-rə, sə-naʔe
 свинья-ОBL.PL 3PL.IO+POSS-FILLER тот-PRED 1SG.PR-лоб
q-j-e-č'e-xə.
 DIR-DAT-DYN-бежать-спускаться
 'Я тронул что-то влажное, а понюхав — да, это оно это самое от свиней, с моего лба течет'. [АК: Къуекъо Н. Хьэракгэрэ Хьэкагэрэ. Къэшлыгъо шхэнхэр]
- (12) *Ац фэдэ цыф ешла, чэтыр унэм имыстэмэ, ихьжыгын фае нахь, уцхынэу цыта?*
a-š' fe-de çəf j-e-š-a,
 тот-ОBL BEN-подобный человек 3SG.ERG-DYN-делать-Q
č'etəwə-r wəne-m ja-məste-me, jə-p-xə-ž'ə-n
 кошка-ABS дом-ОBL LOC-FILLER-COND LOC-2SG.ERG-уносить-RE-MOD
fəje nah, wə-š'xə-n-ew š'ə-t-a?
 должный чем 2SG.ABS-смеяться-MOD-ADV LOC-стоять-Q
 'Разве так делают, если кошка в доме это самое сделает, надо вынести ведь, а не смеяться?' [АК: Теуцожь Хь. Хэта мысэр?]
- В (11) *məst*-слово выступает в качестве вершины посессивной конструкции, которая содержит префикс, индексирующий посессора; в (12) *məst* присоединяет морфологию сказуемого — показатель условного наклонения и локативный аппликатив, вводящий непрямой объект 'дом'.
- В отличие от филлеров в некоторых других языках, *məst*-слова не выступают как анафорические или дейктические местоимения, не используются ни как «общие распространители» (2), ни как депрециативы (выражения с пренебрежительной или отрицательной оценкой):
- (13) *А мыстхэр кэа-кыа-ггэ-х.*
a məst-xe-r qe-kʷa-we-x.
 тот FILLER-PL-ABS DIR-идти-PST-PL
 'Эти самые пришли'.
 *'Эта публика пришла'.

4. Грамматические свойства *məst*

Замечательный факт состоит в том, что к корню *məst* может присоединяться почти вся основная морфология — и соответственно, *məst*-слова могут встретиться в самых разных синтаксических контекстах, доступных знаменательным словоформам. В (14) *məst*-слово замещает именную группу — обозначение фамилии и присоединяет падежный показатель, одновременно маркирующий множественное число и косвенный падеж.

- (14) *Ыджау мыстмэ якъэблэчъау дэжъ.*
əʒ'aw məst-me ja-qeblečə.ʔ^w deʒ'.
 там FILLER-OBL.PL 3PL.IO+POSS-порог возле
 'Там возле калитки этих самых'. [АК: Цуякъо Ю. Къэзгъэзэжърэ ижъырэ шыухэр.]

В (15) мы видим присоединение к *məst* отрицательного суффикса *-ep*, который обычно появляется в словоформах независимого сказуемого.

- (15) *Къэплон нломэ нэмыкI нымэ Iеджи къаIоцт ай, ау сэ афэдэ сшIэрэн.*
Сащытхъуништы мыст къэслонэу... Мыстэн афэдэ...
qe-p-ʔ^we-n p-ʔ^we-me neməç' nə-me
 DIR-2SG.ERG-говорить-MOD 2SG.ERG-говорить-COND другой мать-OBL.PL
ʔjeʒ'jə q-a-ʔ^we-š't a-j, aw se a-fe-de
 много DIR-3PL.ERG-говорить-FUT тот-OBL но я тот-BEN-подобный
fšə-r-ep. s-a-š'ətχ^wa-n-šə məst
 1SG.ERG-делать-DYN-NEG 1SG.ABS-3PL.IO-хвалить-MOD-CS FILLER
qe-s-ʔ^we-n-ew. məst-ep a-fe-de...
 DIR-1SG.ERG-говорить-MOD-ADV FILLER-NEG тот-BEN-подобный...
 'Если уж говорить, другая мать многое сказала бы, но я так не делаю. Хвалить их, говорить это самое... Не это самое такое'. [УКАЯ: Семья 2006]

В (16) начинает строиться сложная форма сказуемого, включающая личные показатели и директивный префикс, следующей за ними корень замещается после паузы на *məst*, к которому далее присоединяются суффикс рефактива/реверсива (здесь в значении 'назад') и деепричастный показатель.

- (16) *Еуи гъогум сьтетэу ськкъэ... мыстыжъызэ...*
j.ew-jə v^weg^wa-m sə-tje-t-ew sə-qe... -məstə-ž'a-ze..
 PTCL-ADD дорога-OBL 1SG.ABS-LOC-стоять-ADV 1SG.ABS-DIR- FILLER-RE-CVB
 'И вот по дороге, когда я возвращался...' [АК: Къуекъо Н. Перестройкэр къэкIуа къэмыкIуа? Фельетонхэр]

В (17) мы наблюдаем *məst*-слово, замещающее номинализацию — присоединяющее модальный суффикс *-n*, здесь образующий отглагольное имя, и показатель падежа, но одновременно управляющее именной группой в абсолютном падеже. При этом вся клауза выступает как объект послелого *paje* 'для'.

- (17) *Пэтронхэр мыстыным пае гъуанэр къыхъэу ашIыцтыгъэ.*
petron-xe-r məstə-nə-m pa.je v^wape-r čəh-ew
 патрон-PL-ABS FILLER-MOD-OBL для рукав-ABS длинный-ADV
a-šə-š'tə-ve.
 3PL.ERG-делать-AUX-PST
 'Чтобы от патронов это самое [защититься?], рукав делали длинным'. [УКАЯ: Костюм 2010]

Присоединяет корень *məst* и морфологию, которая обычно признается словообразовательной, хотя при этом остается продуктивной — вроде показателей номинализации по агенту и по месту, как в элицитированном примере (18), или аугментатива (19).

- (18) *МыстакIохэр ямыстанIэхэм цысысх.*
məstə-k^we-xe-r ja-məstə-pe-xe-m š'a-sə-x.
 FILLER-NAG-PL-ABS 3PL.IO+POSS-FILLER-NLOC-PL-OBL LOC-сидеть-PL
 'Занимающиеся этим самым — в местах для этого самого'.
 (19) *Мыдрэ мыстышхоу къызыфэнIуагъэм, тауштэу нIуагъа...*
mə-dre məstə-šxw-ew qə-zə-fe-p-ʔ^wa-ve-m,
 этот-CONTR FILLER-AUG-ADV DIR-REL.IO-BEN-2SG.ERG-говорить-PST-OBL
ta.w.š't-ew p-ʔ^we-v-a...
 как-ADV 2SG.ERG-говорить-PST-Q...
 'этот, который ты назвал очень это самым, как ты сказал?' [АК: Цуякъо Ю. Къэзгъэзэжърэ ижъырэ шыухэр.]

Нам встретился также пример, где *məst* заменяет часть названия рода, но при этом сохранена морфема *-q^we*, используемая при образовании фамилий:

- (20) *Мыстыкъохэм, — есэIо тызыIофтагъэхэм алъэкъуацIэ, — столы-хъэ тыкIагъэкIуагъ.*
məstə-q^we-xe-m, — je-s-e-ʔ^we
 FILLER-сын-PL-OBL DAT-1SG.ERG-DYN-говорить
tə-zə-ʔ^wefta-ke-xe-m a-леq^wa.çe, —
 1PL.ABS-REL.ERG-отправлять.с.поручением-PST-PL-OBL 3PL.PR-фамилия

stolə-he tə-q-a-ve-ḱʷa-ḱ.

стол-нести 1PL.ABS-DIR-3PL.ERG-CAUS-идти-PST

‘Эти самые, — я называю ей фамилию тех, кто нас отправил, — прислали нас за столом’. [АК: Къуекъо Н. Хьэракъэрэ Хьэкъарэрэ. КъэшЫгъо щхэнхэр]

Если словоформа включает несколько знаменательных корней, *məst* не обязательно выступает в качестве главного элемента. В частности, в адыгейском языке сочетание имени и некоторых его модификаторов функционирует как сложная основа (Lander 2017) — и *məst* может выступать внутри нее как в качестве главной части (ср. выражение ‘голое это самое’ в (21)), так и в качестве модификатора (ср. ‘дом из этого самого’ в (22)).

- (21) *Сыдми къэшЫгъогагъэ хьакъуцухэр зыллэужыгъохэр, «хьэкъэ-къуакъэ-хэу», «пцлэнэ мыст къыщыхэу» — ары убыхмэ, шапсыгъэмэ ыкли абдзахэмэ къызэрапоцтыгъэхэр.*

səd-m-jə qe-še-vʷe.ja-ve haḱʷəcʷ-xe-r zə-λewəžə.vʷe-xe-r,

что-COND-ADD DIR-знать-DFCL-PST хакуч-PL-ABS REL.PR-потомство-PL-ABS

‘*hečʷe.qʷačʷe-x-ew*’, ‘*pçene-məst q-jə-šʷə-x-ew*’ *a-rə*

животное-PL-ADV голый-FILLER DIR-LOC-выделяться-PL-ADV тот-PRED

wəbəx-me, šapsəve-me əčʷjə abzaxə-me

убых-OBL.PL шапсуг-OBL.PL и абадзех-OBL.PL

qə-ze-r-a-ɽʷe-šʷtə-ve-xe-r.

DIR-REL.IO-DAT-3PL.ERG-говорить-AUX-PST-PL-ABS

‘В общем, трудно было понять, кто такие эти хакучи, «будто животные», «с голыми этими самими, выставленными напоказ» — вот как говорили убыхи, шапсуги и абадзехи’. [АК: Цуякъо Ю. Къэзгъэ-зэжьрэ ижъырэ шыхэр.]

- (22) *Тычылэ щырбыцц уни дэт, мыжъо уни дэт, мыст уни дэт.*

t-jə-čʷəle šʷərbəšʷ-wən-jə de-t, məžʷe-wən-jə de-t,

1PL.IO-POSS-аул кирпич-дом-ADD LOC-стоять камень-дом-ADD LOC-стоять

məst-wən-jə de-t.

FILLER-дом-ADD LOC-стоять

‘В нашем ауле есть и кирпичные дома, есть и каменные дома, есть и дома из этого самого’.

Единственное известное нам ограничение на использование морфологии знаменательных слов состоит в том, что по крайней мере для

некоторых носителей *məst* не может принимать префиксы, индексирующие посессора в конструкциях неотторжимой принадлежности — это, возможно, связано с тем, что в адыгейском языке конструкции неотторжимой принадлежности непродуктивны и ограничены небольшим классом слов. Этот запрет работает, даже если говорящий имеет в виду объект, обычно именуемый существительным, относящимся к закрытому «неотторжимому» классу, например, часть тела:

- (23) *Идэжьын фэпшыьн фаеба, къигъэщытэна и... мыст... ы-ы-ы-ылъэ-гуанджэ?*

jə-de-žʷə-n fe-p-šə-n fa.je-ba,

LOC-шить-RE-MOD BEN-2SG.ERG-делать-MOD должный-EMP,

q-jə-ve-šʷə-pe-n-a jə-... -məst... ə-legʷanžʷe?

DIR-3SG.ERG-CAUS-выделяться-ASRT-Q POSS-... -FILLER 3SG.PR-колени

‘Нужно ж еще и зашить, не будет же выставлять напоказ полностью свое... это самое... колени?’ [АК: Къуекъо Н. Хьэракъэрэ Хьэкъарэрэ. КъэшЫгъо щхэнхэр]

- (24) *И-мыст... ы-шхъэ мэузы.*

jə-məst... ə-šhe me-wəzə

POSS-FILLER 3SG.PR-голова DYN-болеть

‘У него это самое... голова болит’.

В примерах (23–24) говорящий, используя вначале филлер для обозначения части тела, присоединяет к нему посессивный префикс нейтральной принадлежности *jə-*, и только употребляя само существительное, использует «неотторжимый» личный префикс *ə-*.

Незнаменательные единицы *məst*, по-видимому, не заменяет. В частности, не допускается замена на *məst* аффиксов, в том числе частично грамматикализованных инкорпорированных обозначений частей тела; ср. *qə-žə-de-bəba-ḱ* DIR-рот-LOC-лететь-PST ‘залетел к ней в рот’ при невозможном **qə-məst-de-bəba-ḱ* DIR-FILLER-LOC-лететь-PST.

Не допускается и замена на *məst* послелогов. Основные формальные признаки, выделяющие (разные) классы послелогов, включают сочетаемость с личными префиксами с огласовкой /a/ (ср. *sa-pašhe* 1SG-перед ‘передо мной’) и сочетаемость с маркированными косвенными формами личных местоимений (ср. *se-šʷ pa.je* я-OBL для ‘для меня’). И то и другое невозможно в конструкциях с *məst*: носители не могут помыслить ситуации, в которых могли бы появиться формы вроде **sa-məst* (в послеложной функции) или сочетания вроде **se-šʷ məst*.

5. Морфологическая сложность и функции *məst*

По-видимому, есть определенная связь между морфологической сложностью и функцией *məst*-выражения. Предваряющие *məst*-выражения обычно сводятся к простому корню, см. (5) выше. Инерционные могут ограничиваться корнем, но могут и копировать часть морфологии предыдущей вершины, см. (7). В функции вынужденного замещения они обычно, хотя и не обязательно, содержат значительную часть морфологии искомого слова, так что в них меняется только корень или корень и некоторые аффиксы, принадлежащие основе; ср. сочетание филлера с посессивной морфологией в (25) и филлера с морфологией переходного сказуемого (эргативным личным префиксом, префиксом динамичности, который здесь выражает настоящее время, и суффиксом консекuti-ва) в (26).

(25) *ЗанкIэу тu... мыст, мо тu... — нуцым ыцIэ кзыIэкIаIо нэтыгъ [...]*

zanç'-ew t-jə... -məst, mwe t-jə... —

прямой-ADV 1PL.IO-POSS- FILLER тот 1PL.IO-POSS-

pš'a-m ə-çe qə-ʔeç'a-ʔwe pe-tə-ɸ [...]

князь-OBL 3SG.PR-имя DIR-INADV-говорить LOC-стоять-PST

‘Чуть прямо нашего... этого самого, этого нашего... — князя имя нечаянно не назвал [...]’ [АК: Цуякъо Ю. ШэкIохъэжъым иаужырэ тэо мэкъэнчъ]

(26) *Джа... джа лыр дэгъоу... джа мякотъ дэгъоу оуцъуишъы, омыстышъы, табэм еодзэ.*

ç'a... ç'a lə-r dev'-ew... ç'a m'akot' dev'-ew

тот тот мясо-ABS хороший-ADV тот мякотъ хороший-ADV

w-e-wə.š'əwə-šə, w-e-məstə-šə, tabe-m

2SG.ERG-DYN-солить-CS 2SG.ERG-DYN-FILLER-CS сковорода-OBL

je-w-e-ze.

DAT-2SG.ERG-DYN-бросать

‘Это мясо хорошо... эту мякотъ хорошо солишь, это самое делаешь и бросаешь на сковородку’. [УКАЯ: Жареное мясо 2010]

Наконец, при эвфемистической замене вообще меняется только корень, а вся основная морфология остается. Например, в (27) сохраняется посессивная морфология, маркирование множественного числа и падежные суффиксы (сочетание показателей косвенного падежа и инструменталиса).

(27) *А бзэджэрлылѳэу унашъо язытыгъэр къэбгъотыни имыстхэмджэ кIэпиIэнджэ дэгъуба...*

a bzeç'erəlf-ew wənaš'we

тот незаконнорожденный-ADV распоряжение

ja-zə-tə-we-r

qe-b-ɸ'etə-n-jə

3PL.IO+DAT-REL.ERG-давать-PST-ABS

DIR-2SG.ERG-находить-MOD-ADD

jə-məst-xe-m-ç'e ç'e-p-š'e-n-ç'e dev'ə-ba...

POSS-FILLER-PL-OBL-INS LOC-2SG.ERG-вешать-MOD-INS хороший-EMP

‘Того сына прелюбодеяния, который отдал это распоряжение, най-ти бы и за эти самые подвесить — разве не хорошо?’ [АК: Цуякъо Ю. Къэзгъэзэжърэ игъырэ шыухэр]

Более того, при эвфемистическом употреблении *məst* могут сохраняться и особые морфонологические характеристики слова — так, в (27) мы наблюдаем в замещающем *məst*-слове гласный /a/, который в этой позиции должен появиться в результате чередования из гласного /e/ (Smeets 1984: 206; Аркадьев, Тестелец 2009: 122–131). Хотя корень *məst(ə)* этого гласного не содержит, его содержит замещаемый табуированный корень *çe* ‘testiculum’ в составе глагола *xe-çe-* со значением ‘попадать, влезать во что-то’; таким образом, филлер морфонологически уподобляется замещаемому элементу:

(28) *АццIэ а Iофым ухэмыстагъ нIоми хъуцм.*

a-š'-ç'e a ʔwefə-m wə-xe-məstə-ɸ

тот-OBL-INS тот дело-OBL 2SG.ABS-LOC-FILLER-PST

p-ʔwe-m-jə

χ'wə-š't.

2SG.ERG-говорить-COND-ADD случаться-FUT

‘Можно сказать, ты в это дело это самое (влез)’. [АК: Теуцожъ Хь. Зэблэгъэныгъэм игъогу зэблэкIхэр]

Предположительно морфологическую сложность *məst*-выражений можно соотнести со следующей иерархией:

(29) Эвфемистическое употребление > Собственно замещающее употребление > Инерционное употребление > Предваряющее употребление

Мы предполагаем, что чем выше функция *məst*-выражения в иерархии (29), тем потенциально сложнее словоформа.

Кроме того, из трех разновидностей замещаемого элемента — (i) целое высказывание; (ii) слово или группа, образованная словом (филлер

может копировать или не копировать их грамматические свойства и маркирование); (iii) морфема или сочетание морфем — по-видимому, *məst* допускает все три варианта. Мы предполагаем, далее, что чем выше в иерархии (29) функция *məst*-выражения, тем меньшую структурную единицу (корень, сочетание морфем, слово, высказывание и т. д.) он способен замещать.

6. Заключение

Мы постарались показать, что *məst* в адыгейском языке представляет собой «идеальный» заместитель, допустимый почти в любом морфологическом и синтаксическом контексте и могущий выполнять почти все функции, которые описаны в литературе по типологии заместителей. При этом он оказывается способен замещать разные структурные единицы — в том числе и части слова. По-видимому, то, в качестве какой структурной единицы он выступает, во многом зависит от его функции.

Такие способности адыгейского филлера вызваны особенностям адыгейского языка с его морфологической продуктивностью и диффузным типом знаменательных частей речи. Если в других языках ограничения на поведение заместительных элементов можно связать с их другими функциями (они могут быть междометиями, указательными или вопросительными местоимениями, существительными с абстрактной семантикой и т. п.), или с их этимологией, *məst* представляет собой «чистый» заместитель, который никак иначе не используется и этимология которого остается загадкой.

Сокращения

1 — 1-е лицо; 2 — 2-е лицо; 3 — 3-е лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитив; ADV — адвербиальный/деепричастный показатель; ASRT — ассертив; AUG — аугментатив; AUX — вспомогательный морфологический элемент; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; COND — кондиционал; CONTR — контрастивное местоимение; CS — консекутив; CVB — конверб; DAT — дативный аппликатив; DFCL — дифицилитив ('трудно'); DIR — директивный преверб; DYN — динамичность; EMP — эмфаза; ERG — эргативный участник; FILLER — филлер; FUT — будущее время; INADV — инадвертитив (ненамеренность); INS — инструменталис; IO — не прямой объект; LNK — линкер; LOC — локативный преверб; MAL — малефактив; MOD — модальный суффикс; NAG — номинализация агенса;

NEG — отрицание; NLOC — номинализация места; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессив; PR — неотторжимый посессор; PRED — предикативный суффикс; PST — прошедшее время; PTCL — частица; Q — вопрос; RDP — редупликация; RE — рефактив/реверсив; REC — реципрок; REL — релятивизация; SG — единственное число; TMP — темпоральная релятивизация ('когда').

Источники

- АК = Архангельский Т. А., Багиорова И. Г., Ландер А. Д., Ландер Ю. А. 2018–2023. Адыгейский корпус. URL: <http://adyghe.web-corpora.net> (дата обращения: 07.08.2023).
- КТМЯ = Орехов Б. В., Зайдельман Л. Я., Крылова И. В., Степанова Е. 2016. Языки России. Коллекции текстов на малых языках. URL: <http://web-corpora.net/wsgiz/minorlangs/download> (дата обращения: 07.08.2023).
- УКАЯ = Багиорова И. Г., Ландер Ю. А., Сорокина А. Д., Сокур Е. О. 2020. Устный корпус адыгейского языка (темиргоевский диалект). М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: http://lingconlab.ru/spoken_adyghe (дата обращения 07.08.2023).

Литература

- Апажев М. Л., Коков Дж. Н. 2008. *Кабардино-черкесско-русский словарь*. Нальчик: Эльбрус.
- Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском языке. В сб.: Я. Г. Тестелец (отв. ред.) *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 17–120.
- Аркадьев П. М., Тестелец Я. Г. 2009. О трех чередованиях в адыгейском языке. В сб.: Я. Г. Тестелец (отв. ред.) *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 121–145.
- Берсиров Б. М. (ред.) 2012. *Толковый словарь адыгейского языка в трех томах*. Т. II. Майкоп: Полиграф-Юг.
- Гиппиус Е. В. (ред.) 1986. *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор.
- Тугов В. Б. (ред.) 1967. *Абазинско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Хатанов А. А., Керашева З. И. 2006. *Адыгабзэм изэхэф гуыццалъ. Толковый словарь адыгейского языка*. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство.
- Шакрыл К. С., Конджария В. Х. 1986. *Словарь абхазского языка. Первый том. А–О*. Сухуми: Алашара.

- Шаов Ж. А. (ред.) 1975. *Адыгейско-русский словарь*. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории.
- Ganenkov, D., Lander, Yu., Maisak, T. 2010. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.) *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 95–118.
- Lander, Yu. 2017. Nominal complex in West Circassian: between morphology and syntax. *Studies in Language*, vol. 41, 76–98.
- Lander, Yu., Testeleets, Ya. 2017. Adyghe (Northwest Caucasian). In: M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.) *The Oxford handbook of polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 948–970.
- Overstreet, M. 1999. *Whales, candlelight, and stuff like that: General extenders in English discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Podlesskaya, V. I. 2010. Parameters for typological variation of placeholders. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.) *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 11–32.
- Rijkhoff, J., van Lier, E. (eds.) 2013. *Flexible word classes. Typological studies of underspecified parts of speech*. Oxford: Oxford University Press.
- Smeets, R. 1984. *Studies in West Circassian phonology and morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.

СЛОВА-«ЗАМЕСТИТЕЛИ» ЙЕД / ИДИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

О. И. Беляев

(МГУ имени М. В. Ломоносова, НОШ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»; Институт языкознания РАН)
belyaev@ossetic-studies.org

В статье на корпусном материале рассматриваются так называемые слова-«заместители» в осетинском языке: иронское йед, дигорское иди. Выделяется как собственно функция замены составляющей при хезитации, так и функция симилиативной множественности в качестве «общего расширителя» ('X и ему подобные'); обсуждаются морфосинтаксические особенности употребления этих показателей.

1. Введение

Веру Исааковну Подлесскую по праву можно считать одним из первооткрывателей темы так называемых слов-«заместителей» (*placeholders*) в устной речи, т. е. маркеров хезитации, использующихся вместо полнозначных слов в ситуации, когда говорящий затрудняется с выбором подходящего слова (*Мне надоела эта, как её... лингвистика*). Вере Исааковне принадлежат как детальные описания таких элементов в русском (Подлесская, Кибрик 2006, 2007, 2009) и армянском (Подлесская, Хуршудян 2006) языках, так и типологическая работа Podlesskaya 2010, заложившая основы изучения этого класса показателей хезитации в языках мира¹.

Несмотря на существенный прогресс в описании подобных явлений в последние годы, для многих языков они все еще остаются без рассмот-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева». Я благодарен всем участникам осетиноведческого семинара МГУ и Института языкознания РАН, на котором обсуждались результаты этого исследования, в особенности Э. Х. Измайловой и И. А. Хомченковой. Я также благодарен Ф. М. Таказову за данные дигорского варианта осетинского языка. Наконец, благодарю Ю. В. Мазурову за ценные замечания к первой версии этого текста, а В. И. Подлесскую — за вдохновение к его написанию. Все ошибки — на моей совести.

рения. В настоящей работе предпринимается попытка, насколько мне известно, впервые предложить общее описание показателя хезитации *йед* (иронский вариант) / *иди* (дигорский вариант) на материале Осетинского национального корпуса (Arkhangelskiy et al. 2012) и Устного корпуса осетинского языка². На осетинском языке говорит около 500 000 человек, преимущественно в России — в Республике Северная Осетия — Алания на Северном Кавказе — и в Южной Осетии в Закавказье. Осетинский язык имеет два основных варианта: иронский, на котором говорят в восточной части Северной Осетии и в Южной Осетии; и дигорский, на котором говорят в западной части Северной Осетии. И иронский, и дигорский считаются равноправными вариантами осетинского языка, каждый из которых имеет свою литературную норму. В соответствии с этим в настоящей статье я стремлюсь описать как иронские, так и дигорские данные, хотя данных о дигорском показателе *иди* в настоящий момент значительно меньше ввиду меньшего объема корпусов.

Осетинский язык представляет интерес с точки зрения типологии слов-«заместителей», во-первых, потому, что в нем *йед/иди* является специализированным показателем хезитации и смежных значений, восходящим к одному из праиранских указательных местоимений. Во-вторых, в осетинском языке указанный элемент демонстрирует интересные морфологические свойства; в частности, необычно его употребление с превербами в составе глагольных заместительных выражений. Показатель *йед/иди* оказался достаточно регулярно встроен в морфологию осетинского языка, и его свойства могут пролить свет на некоторые сложные вопросы осетинской грамматики. Настоящее исследование не претендует на полноту, но ставит своей задачей положить начало дальнейшему, более подробному описанию свойств *йед/иди* в осетинском языке с использованием как корпусных, так и других методов.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 даются основные сведения о *йед/иди*: имеющиеся описания в литературе и морфологические свойства по данным Осетинского национального корпуса. Этот раздел написан практически исключительно на основе иронских данных, поскольку почти все известные мне работы об этом показателе основывались только на иронском материале; при этом количество примеров на *иди* в письменном дигорском корпусе³ столь невелико (всего

² <https://ossetic-studies.org/ru/texts>

³ <http://corpus-digor.ossetic-studies.org>

12), что не позволяет делать каких-либо надежных выводов. В разделах 3 и 4 представлено поведение показателей хезитации по данным устных текстов на иронском и дигорском соответственно. Наконец, в разделе 5 подводятся итоги настоящего исследования и намечаются направления дальнейшей работы.

2. Основные сведения

2.1. Описания в литературе

Слово-«заместитель» *йед/иди* в литературе по осетинскому языку практически не описано. Первое сравнительно подробное описание его функций в иронском диалекте встречается в грамматике (Багаев 1965: 255–256), где оно отнесено к разряду неопределенных местоимений. Н. К. Багаев пишет: «[*йед*] весьма употребительно в разговорной речи, когда говорящий забывает вовсе или не сразу вспоминает имя (фамилию) лица или название предмета, о котором идет речь, причем название лица или предмета может быть указано сейчас же, не дожидаясь вопроса собеседника» (с. 256). Это является достаточно точным описанием функции слова-«заместителя», хотя, как будет показано выше, круг функций *йед* в осетинском несколько шире. Н. К. Багаев также отмечает, что *йед* «соотносительно как с существительными, так и с именами прилагательными и числительными» (с. 255), что также, как мы увидим ниже, довольно точно описывает большинство контекстов употребления *йед*, кроме глагольных и — впрочем, спорных — адвербиальных.

Местоимение *йед* и его функции также кратко упоминаются в ряде работ Р. Г. Цопановой и ее соавторов, посвященных другим аспектам осетинского языка. В статье Цопанова, Качмазова 2016 впервые отмечается *йед* в функции показателя множественного числа существительных в таких примерах, как *малæттæ йедтæ* ‘смерти и прочее’. Авторы трактуют такое употребление *йед* в терминах категории неопределенности; как будет указано ниже, более точной характеристикой будет симилятивная множественность (Mauri, Sansò 2021) или функция «общего распространителя» (*general extender*, Overstreet 1999; Overstreet, Yule 2021). В работе Цопанова, Айларова 2017, посвященной стилистике местоимений в осетинском языке, слову *йед* уделяется лишь один небольшой абзац, однако в нем содержится интереснейший пример употреб-

ления этого слова в значении симулятивной множественности с местоимением *æз* 'я': *æзтæ йедтæ* 'я и прочие' (с. 104). Этот пример особенно интересен ввиду того, что местоимение *æз* в осетинском языке само по себе не имеет формы множественного числа *æз-тæ* (я-PL). Наконец, в работе Цопанова, Калоева 2019 авторы указывают на функцию *йед* как «заполнител[я] возможных в устной речи пауз» (с. 200).

Для дигорского аналогичное по функции местоимение *иди* в грамматиках не упоминается. Только в Историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаева иронское *йед* сопоставляется с его дигорским когнатом *иди* и с когнатами в других иранских языках (Абаев 1958: 410). В. И. Абаев возводит эти формы к праиранскому *aita, одной из указательных основ. В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман пишут о семантике этой основы следующее: «В иранских языках обычно соотносится с сериями Du-Deixis и Der-Deixis, часто выступая при эмфазе и анафоре» (Расторгуева, Эдельман 2000: 129). Развитие среднего или дальнего эмфатического дейктика в слово-«заместитель» представляется достаточно естественным, однако, как кажется, необычным является исчезновение у него в осетинском языке каких-либо собственно дейктических или анафорических употреблений.

В восприятии образованных носителей осетинского языка *йед* предстает как «слово-паразит» (Гæбæраты 2014: 16). Характерно, что радио «Спутник Южная Осетия» выпустило отдельный выпуск передачи «Иронау æй зæгъ» («Говори это по-осетински»), посвященный слову *йед*⁴, что говорит об общественном интересе к значению подобных слов и их распространенности в повседневной речи.

2.2. Морфологические свойства *йед* по данным иронского письменного корпуса

2.2.1. Заместительная функция

В иронском слово *йед* чаще всего употребляется для замены слова или именной группы при затруднительности лексического выбора для говорящего (1).

- (1) *О, æмæ йед =та, йед Сафа Сатана-йы куыд*
да и PH CONTR PH С. III.-GEN как

⁴ Программа «Иронау æй зæгъ», 23.04.2022. URL: <https://sputnik-ossetia.com/20220423/tsy-nysan-kny-iron-vzadzhy-dzyrd-yed-16393286.html> (дата обращения 31.05.2023).

фæ-сайдт-а, уый!

PV-обманывать-PST.3SG тот

‘Да, а как **этот-то, этот самый** Сафа Шатану обманул!’ (ОНК)

В дальнейшем я буду условно называть *йед* в этой функции словом-«заместителем» (аналог англ. *placeholder*), а составляющую, заполняющую оставленный «заместителем» пробел, как *Сафа* в (1), — отложенной составляющей (ср. *delayed constituent* в Podlesskaya 2010).

В этом качестве *йед* свободно и регулярно присоединяет именную морфологию. В письменном корпусе представлена полная падежно-числовая парадигма, кроме формы экватива множественного числа. Как видно из табл. 1, *йед* склоняется так же, как существительные с основой на согласный, т. е. присоединяет окончания множественного числа и падежа агглютинативно.

Таблица 1. Парадигма иронского *йед* по данным письменного корпуса

	Ед. ч.	Мн. ч.
NOM	<i>йед</i>	<i>йед-тæ</i>
GEN	<i>йед-ы</i>	<i>йед-т-ы</i>
DAT	<i>йед-æн</i>	<i>йед-т-æн</i>
ALL	<i>йед-мæ</i>	<i>йед-т-æм</i>
ABL	<i>йед-æй</i>	<i>йед-т-æй</i>
IN	<i>йед-ы</i>	<i>йед-т-ы</i>
SUPER	<i>йед-ыл</i>	<i>йед-т-ыл</i>
EQU	(<i>йед-ау</i>)	—
COM	<i>йед-имæ</i>	<i>йед-т-имæ</i>

Форма экватива единственного числа встречается в корпусе только в составе идиоматического сочетания *йед-ау фæ-у* (PH-EQU PV-быть [IMP.2SG]) со значением ‘ну и что’, ‘ничего удивительного’ (букв. «стань, как этот самый!»). Неясно, связано ли оно с употреблением *йед* в заместительной функции, однако в уже упомянутой ранее передаче радио «Спутник Южная Осетия» 2022 года эта идиома упоминается именно в связи с этим словом.

В именных «замещающих» конструкциях падеж «заместителя» и отложенной составляющей (при ее наличии), как правило, совпадают (2), но это правило не является обязательным. Более подробный обзор этой проблемы представлен в разделе 3, где рассматривается материал устного корпуса.

- (2) *Йед-ма ба-дзур-ад, йед-ма, Бугъи-ма, сә=хи*
 PH-ALL PV-говорить-IMP.3SG PH-ALL Б.-ALL 3PL.POSS=REFL.GEN
хайад-ы хицау-ма.
 отдел-GEN хозяин-ALL

‘Этому пусть скажет, этому, Буги, начальнику своего отдела’. (ОНК)

Слово *йед* используется также для замещения глаголов, обычно в сочетании с «легким глаголом» *канын* ‘делать’, см. (3); при этом некоторые примеры могут интерпретироваться и как включающие глагол *уэвын* ‘быть’, см. (4) ниже.

- (3) ...*дау куы ба-йед кодт-он... куы ба-зыдт-он*
 ты.GEN когда PV-PH делать-PST.1SG когда PV-знать-PST.1SG
хæстæг-дæр...
 близкий-COMPAR

‘Когда я тебя это... когда узнал ближе...’ (ОНК)

С морфосинтаксической точки зрения такие сочетания представляют собой сложные глаголы. Как и в других новоиранских языках, в осетинском сложные глаголы составляют большую часть глагольной лексики и образуются путем сочетания именного компонента с т. н. «легким глаголом», чаще всего *канын* ‘делать’ или *уэвын* ‘быть’. В осетинском языке несовершенный вид немаркирован, тогда как совершенный вид образуется путем присоединения приставки с изначально пространственным значением к глагольной основе: *канын* ‘делать’ → *с-канын* ‘сделать’. Как и в русском языке, выбор приставки часто определяется лексически и непредсказуем исходя из семантики глагола. Сложные глаголы, как правило, присоединяют приставку не к глагольной части («легкому глаголу»), но к именной: *лыг канын* ‘резать’ → *а-лыг канын* ‘отрезать’. Так же ведут себя и сочетания с *йед* (3).

В связи с этим встает вопрос о том, всегда ли приставка на «заместителе» и отложенном глаголе должна совпадать, как в (3). Оказывается, что так происходит во всех встреченных в корпусе примерах, в которых в принципе есть отложенное слово. Наиболее частотными являются превербы (*ыс-* и *фæ-*), которые встретился в сочетании с *йед* 6 (2 с отложенным глаголом) и 4 (1 с отложенным глаголом) раз соответственно; превербы *ба-* и *а-* встретились по одному разу; другие превербы (*æр-*, *ра-*, *æрба-*, *ны-*) не встретились ни разу. Сам по себе такой ограниченный набор превербов может указывать на то, что их выбор со словами-

«заместителями» чаще всего определяется не лексическими ограничениями, но аспектуальной семантикой. Действительно, два самых частотных преверба (*с-* и *фæ-*) обладают в осетинском языке, пожалуй, наиболее прозрачной семантикой. Преверб (*ыс-*) регулярно используется в деадъективных и десубстантивных глаголах с инхоативным значением, и из двух примеров на (*ыс-*), включающих отложенный глагол, в одном мы видим именно такую конструкцию (4). Преверб *фæ-*, аналогично, часто выражает значение лимитатива, аналогичное значению русского *по-*.

- (4) *Æма =йæ ныр фæрс-ы, кам =нын*
 и 3SG.GEN сейчас спрашивать-PRS.3SG где 1PL.DAT
ыс-йед... ыс-писателикæ дæ ома...
 PV-PH PV-п. быть.PRS.2SG мол

‘И теперь он его спрашивает, где, мол ты у нас стал этим... писателем...’ (ОНК)

Однако не все примеры можно объяснить таким образом. Так, в (5) преверб *с-* соответствует тому, который в норме выбирает при перфективации глагол *фæлмацын* ‘установить’ — т. е., предположительно, лексически выбранному, а не соответствующему инхоативной семантике преверба *с-*. То же имеет место в вышеприведенном (3). Таким образом, можно предположить, что в этих случаях мы имеем дело с «частичной» хезитацией: говорящий знает, какой именно глагол он собирается использовать, но испытывает трудности с построением конкретной формы (например, основы прошедшего времени). Впрочем, следует подчеркнуть, что в корпусе слишком мало примеров на превербные сочетания с *йед*, чтобы делать какие-либо окончательные выводы.

- (5) *Цин-таæ, хæбыс-т-æй æма æппæл-æн ныхæс-т-æй куы*
 радость-PL объятие-PL-ABL и хвалить-PTCP.DEST речь-PL-ABL когда
с-йед... куы с-фæлмацыд, уæд уæрдон-ма с-гæпп
 PV-PH когда PV-установить[PST.3SG] тогда арба-ALL PV-прыжок
кодт-а...
 делать-PST.3SG

‘От радостей, от объятий и хвалебных речей когда это... устал, тогда запрыгнул на арбу...’ (ОНК)

В (5) показательно также и то, что предглагольный союз *куы*, образующий просодическую группу с глаголом (Абаев 1949; Borise, Erschler 2023), повторяется в обоих случаях.

2.2.2. «Распространительная» функция

В корпусе часто встречаются ранее упомянутые в литературе сочетания существительного множественного числа с формой множественного числа *йед*, например: *картоф-тæ-йед-тæ* (картофель-PL-PH-PL) ‘картофель и прочее’. Пользуясь типологической терминологией, такие сочетания обладают семантикой «общих распространителей» (*general extenders*, Overstreet 1999; Overstreet, George 2021) или симилятивной множественности (Mauri, Sansò 2021). Такой путь развития слов-«заместителей» отмечался в литературе (Podlesskaya 2010: 27).

При употреблении *йедтæ* в значении симилятивной множественности показатель множественного числа обязательно повторяется, если слово, к которому он может присоединяться, является именем или местоимением; из примерно 500 примеров в корпусе не встретилось ни одного, который нарушал бы это правило. При этом *йедтæ* в этой функции может также, по-видимому, присоединяться к словам и выражениям, не имеющим в норме форм множественного числа на *-тæ*. В литературе (Цопанова, Айларова 2017: 104) ранее цитировался пример *æзтæ йедтæ* ‘я и другие’ при отсутствии в языке формы *æзтæ. В корпусе таких примеров не встретилось (вероятно, ввиду их редкости). Однако заведено аналогичный пример с местоимением *сымах* ‘вы’ (6), в норме не имеющим форм множественного числа.

- (6) *Сымах-т-ы-йед-т-ы бæх-т-ы хуызæн уыд-и?!
вы-PL-GEN-PH-PL-GEN конь-PL-GEN похожий быть-PST.3SG
‘Он был как кони ваши и прочих?!’ (ОНК)*

Показатели симилятивной множественности при определенных условиях могут оформлять клаузы. Так, в (7) *йедтæ* как показатель симилятивной множественности модифицирует, судя по всему, аналитическую глагольную конструкцию *нуаз-гæ кодт-ой* (пить-PCVB делать-PST.3PL) ‘пили’.

- (7) *Æхсæв уыд-и, нуаз-гæ-тæ-йед-тæ кодтой.
ночь быть-PST.3SG пить-PCVB-PL-PH-PL делать-PST.3PL
‘Была ночь, они пили и так далее’. (ОНК)*

В осетинском языке такие конструкции регулярно образуются из любого простого глагола (Миллерь 1882: 212; Гагкаев 1952: 80; Абаев 1959: 66;

Ахвледиани ред. 1963: 274; Багаев 1965: 237–238), ср. англ. *They did drink*. В данном случае значение симилятивной множественности выражается путем присоединения *йедтæ* к нефинитному компоненту конструкции — причастию-деепричастию на *-гæ*. По-видимому, та же стратегия применима как минимум к некоторым лексическим сложным глаголам, о чем говорят такие корпусные примеры, как *зонгæтæ-йед-тæ кæн-ын-мæ* (знакомый-PH-PL делать-INF-ALL) ‘чтобы знакомить(ся) и так далее’, от *зонгæ кæнын* ‘знакомить(ся)’. Во всех этих случаях использование множественного числа естественно, так как оно присоединяется не к морфологическому глаголу, но к элементу, способному принимать именное словоизменение.

Однако *йедтæ* может также присоединяться к таким единицам, которые не имеют именной морфологии. Так, в (8) *йед* оформляет целую финитную клаузу, причем здесь нельзя говорить о ее субстантивации (как, например, в русском: *Все эти твои «Как дела?» мне надоели!*), так как она занимает позицию сентенциального актанта глагола ‘знать’, не являясь цитатой. В этом случае финитный глагол не получает показателя множественного числа *-тæ*, так как не имеет именной структуры.

- (8) *...дъ, =дам, =сæ лæг-æй-лæг-мæ ни-кæй
ты СГТ 3PL.ABL мужчина-ABL-мужчина-ALL NEG-кто.GEN
зон-ыс, куыд-тæ сты-йед-тæ.
знать-PRS.2SG как-PL быть.PRS.3PL-PH-PL
‘Ты, мол, из них лицом к лицу никого не знаешь, какие они и так далее’. (ОНК)*

Если число в конструкциях с симилятивной множественностью, как правило, повторяется на обоих компонентах, то падеж может как повторяться, так и выражаться один раз в конце группы: ср. *эколог-тæ-йед-т-æн* (э.-PL-PH-PL-DAT) ‘экологам и так далее’ и *ахуыргæндж-ыт-æн-йед-т-æн* (учитель-PL-DAT-PH-PL-DAT) ‘учителям и так далее’. Условия, определяющие повтор или однократное употребление падежа в таких конструкциях, требуют отдельного рассмотрения вне рамок настоящей работы.

По-видимому, у данной конструкции также существует вариант, в котором ее части соединяет союз *æмæ* ‘и’. В корпусе встретился один такой пример: *æртхъыргæн-тæ æмæ йед-тæ* (угроза-PL и PH-PL) ‘угрозы и прочее’. Можно предположить, что именно такая сочинительная структура является диахроническим источником для симилятивной конструкции. Это объясняло бы факультативность выражения падежа при

обязательности множественного числа на первом компоненте: в осетинском языке при групповой флексии падеж может как повторяться, так и опускаться на всех конъюнктах кроме последнего, тогда как число обязательно повторяется (Беляев 2014).

Наконец, заслуживает внимания то обстоятельство, что на письме *йедта* в этом значении нередко записывают в форме *йедда*: *хæрдз-та-йедд-ы* (расход-PL-PL.SIM-GEN) 'расходов и прочего', *хæц-ын-т-æм йедд-æм* (хватать-INF-PL-ALL PL.SIM-ALL) 'чтобы хватать и так далее'. С фонетической точки зрения записи <дт> и <тт> эквивалентны: обе реализуются как [t:], однако написание <дд> в регулярных формах множественного числа не встречается. Как кажется, замена <дт> на <дд> может указывать на постепенную грамматикализацию этого показателя, так что показатель множественного числа *-та* в его составе уже не осознается как отдельная морфема.

3. Основные функции *йед* в иронских устных текстах

3.1. Общие сведения

В текущей версии устного корпуса иронского осетинского содержится 245 примеров на лексему *йед* в различных морфологических формах. Подавляющее большинство этих примеров можно однозначно классифицировать по одной из трех функций: «замещение» последующей словоформы или составляющей; «общие распространители» или показатели симилиативной множественности; маркеры общей гезитации. Их количественное распределение показано в Табл. 2⁵.

Таблица 2. Распределение функций иронского *йед* в устных текстах

Функция	количество
«заместитель»	194 (79,2%)
«распространитель»	32 (13,1%)
показатель гезитации	17 (6,9%)
Другое	2 (0,8%)
Всего	245

⁵ Некоторые из примеров я классифицирую как промежуточные между «заместителями» и «распространителями», однако в этой таблице они трактуются как заместители, поскольку число таких примеров незначительно и не влияет на общую статистику.

В нижеследующих разделах я последовательно рассмотрю употребление *йед* в каждой из этих функций.

3.2. Замещение

По данным устного корпуса, *йед* может замещать вершины или составляющие в именных, адъективных, адвербиальных и глагольных контекстах. Поскольку первые три класса слабо дифференцированы между собой, для удобства все они ниже объединены в «именные» и противопоставлены глагольным.

3.2.1. Замещение именных элементов

Существительные

Чаще всего *йед* замещает существительные и именные группы: как в аргументной (9), так и в предикативной (10) позиции.

- (9) *Стæй =та загът-а: йед... цыхт =мын æрба-лæвæрдт-ой...*
затем CONTR сказать-PST.3SG PH сыр я.DAT PV-давать-PST.3PL
'А затем сказали: **этот...** сыр мне дали'. (Дома и дети 61.5)
- (10) *Æз =дæр йед дæн, æз... музыкант кæй хон-ынц.*
я ADD PH быть.PRS.ISG я кто.GEN называть-PRS.3PL
'Я тоже **этот...** как говорится, музыкант'. (Казбек, Гизель 178:3)

В большинстве случаев слово-заместитель замещает полную именную группу, которой выражена и отложенная составляющая (если она присутствует). Однако в ряде примеров слова-«заместители» заменяют вершины именных групп (11)–(12). При этом лексический материал, сопровождающий «заместитель», может повторяться («перерабатываться», *be recycled* по Schegloff 1979), как в (11), или не повторяться, как в (12).

- (11) *Æмаæ гъе ныр гъе уы-цы къус, мыд-ы къус, куы*
и вот сейчас вот тот-DET чаша мёд-GEN чаша если
а-сæтт-а, уæд уый æвзæр йед у... нысан,
PV-разбивать-SBJV.3SG тогда тот плохой PH быть.PRS.3SG знак
æвзæр нысан у.
плохой знак быть.PRS.3SG
'И если эта чаша, чаша с медом, разбивается, это **плохой этот... знак, плохой знак**'. (Зангиева, Хабалова 3 43:3)

- (12) *Фæлæ* =мын *ахæм хорз* *йед-тæ...* *адæм*
 но я.DAT такой хороший PH-PL люди
с-æмбæлд-и *мæ= алыварс, мæнæ Зифæ...*
 PV-встречаться-PST.3SG мой вокруг вот З.
 'Но у меня такие хорошие эти... люди встретились вокруг меня, вот Зифа...' (Зангиева, Хабалова 2 93:2)

Из (12) также видно, что *йед* может нести на себе показатель множественного числа. Обычно этот показатель дублируется на отложенной составляющей (13); в (12) этого не происходит, потому что *адæм* является собирательным существительным, имеющим ингерентный признак множественного числа⁶.

- (13) *Æмæ сæ=хи* *йед-тæ...* *фæтер-тæ лæвæрдт-ой,*
 и их=REFL.GEN PH-PL квартира-PL давать-PST.3PL
уым =та=иу *цæр-гæ кодт-ой.*
 там =CONTR=ITER жить-PCVB делать-PST.3PL
 'И свои эти... квартиры они сдавали, а жили там.' (Агузарова Изета 35:6)

Вне контекста собирательных имен отсутствие повтора показателя множественного числа встречается только в случае, если отложенная составляющая и слово-заместитель используются в разных синтаксических контекстах, ср. (14). Здесь опущение множественности у отложенной составляющей (*склеп*), вероятно, вызвано тем, что она не интегрирована в синтаксическую структуру предложения и, по сути, образует назывное высказывание, причем на русском языке. В устном корпусе встретился лишь один такой пример; во всех остальных случаях (из всего 22) множественное число заместителя повторяется на отложенной составляющей.

- (14) *Æмæ =дзы йер* *гæ уым йед-тæ =дар и,* *æвæццæгæн,*
 и 3SG.IN сейчас вот там PH-PL ADD EXST наверное
йер... *Хуссар Ирystон-ы ис,* *нæ-й,* *нæ зон-ын,*
 сейчас южный Осетия-IN есть NEG-есть NEG знать-PRS.1SG

⁶ Показатель единственного числа на глаголе объясняется тем, что в осетинском языке согласование непереходных глаголов по множественному числу факультативно, см. Гагкаев 1956: 76–77; Алексеев в печати.

- федт-ой...* *фæлæ...* *фæ-рох* =мæ и æввæс... *склеп.*
 видеть.PFV-PST.3PL но PV-забытый 1SG.ABL есть вдруг
 'И там эти есть, может быть, и в Южной Осетии есть, нет, не знаю, они видели... но... забыла я внезапно (слово)... *склеп*'. (Агузарова Изета 71:2)

Обратная ситуация — когда слово-заместитель стоит в единственном числе, но корректирующее — во множественном — встречается несколько чаще: в четырех примерах, ср. (15). Это представляется естественным, так как, затрудняясь в выборе слова, говорящий может впоследствии скорректировать не только лексический, но и грамматический выбор.

- (15) *Йер* =æй *æнæуый =та йед-ы...* *чингуы-т-ы никуы*
 сейчас 3SG.GEN впрочем CONTR PH-IN книга-PL-IN нигде
фыст и, *цæй-тыххæй афтæ =йæ с-хуыдт-ой.*
 писать.PTCP есть что.GEN-для так 3SG.GEN PV-звать-PST.3PL
 'Впрочем, сейчас его в этом... в книгах нигде не написано, почему его так назвали'. (Зангиева, Хабалова 1 135:2)

Несколько иная ситуация наблюдается с падежными показателями. В целом в устном корпусе встретились следующие падежные формы слова *йед*, кроме номинатива: генитив (*йеды*), датив (*йедæн*), аллатив (*йедмæ*), аблатив (*йедæй*), суперэссив (*йедыл*), комитатив (*йедимæ*). Все эти формы образуются регулярно, всего их в корпусе — 54. При этом в 5 примерах косвенный падеж заменяется при коррекции на другой. Почти во всех случаях это связано со значительной перестройкой всего предложения, как в (16), где также наблюдается замена прилагательного *дзæбæх* 'хороший' на квазисиноним *хорз*.

- (16) *Хорз* *цæр-ынц,* *дзæбæх йед-т-æм а-цуд-ысты,* *хорз*
 хороший жить-PRS.3PL хороший PH-PL-ALL PV-идти-PST.3PL хороший
бинонтæ =сын и.
 семья(PL⁷) 3PL.DAT есть
 'Хорошо живут, в хорошие эти пошли, хорошая семья у них'. (Агузарова Изета 2 35:4)

⁷ *Бинонтæ* 'семья' в осетинском языке является существительным *plurale tantum*, т. е. всегда имеет на себе суффикс множественного числа *-тæ*, даже когда обозначает одну семью.

В двух примерах (17)–(18) мы имеем дело с непосредственной заменой падежа без значительного интервала или изменения структуры предложения. Однако существенно, что здесь именные группы выступают в роли сирконстантов со значением времени (17) и образа действия (18) (последнее значение в осетинском типично для аблатива: ‘этим самым образом’). В таких контекстах различие в падежном маркировании ожидаемо, так как последнее не определяется глаголом.

(17) *Иухатт =та =маем йед-мае с-сид-ысты,*
однажды CONTR 1SG.ALL PH-ALL PV-идти-PST.3PL
Джеоргуыба-йы растæдж-ы.
Дж.-GEN время-IN
‘А один раз ко мне пришли к этому, во время (праздника) Джеоргуба’. (Зангиева, Хабалова 2 148:1)

(18) *...гæе уы-цы куст афтæ йед-æй... Йæ=хи астаеу*
вон тот-DET так PH-ABL 3SG.POSS=REFL.GEN посреди
фау-и...
PV-есть
‘Вон тот куст так... Посреди (поля) возник...’ (Зангиева, Хабалова 2 178:1)

Замена номинатива *йед* на косвенный падеж встретилась в 4 примерах. Во всех этих случаях, однако, неясно, имеем ли мы дело с собственно «заместителем» или уже с показателем общей хезитации (см. раздел 3.4). Так, в (19) *йед* как будто бы заменяет *Нартыхъæуы*, однако фрагмент *Ра...* (по всей видимости, преверб *ра-*) указывает на то, что, возможно, говорящая затруднилась в построении структуры самого высказывания, а не в выборе конкретного слова.

(19) *Æмае=йæ йед... Ра... Нарт-ы-хъæуы ба-лаæуу-ын кодт-а,*
и=3SG.GEN PH Нарт-GEN-село-IN PV-стоять-INF делать-PST.3SG
чыздж-ы.
девушка-GEN
‘И её это... В селе Нарт оставил девушку’. (Кочиева, Караева 2 12:30)

Наконец, в значительном числе случаев — в 5б — отсутствует какая-либо отложенная составляющая, т. е. говорящий так и не привел нужного слова, так что его значение либо восстанавливается из контекста, либо выражается иначе — например, через переформулировку другими словами.

Прилагательные

Несомненных примеров на прилагательные в корпусе немного, так как их трудно отличить от существительных, что верно и для осетинского языка в целом (особенно, в предикативной позиции). Наиболее явно это проявляется в тех случаях, когда вершина отложенной составляющей однозначно является прилагательным, как в (20) за счет наличия проприетивного адъективного суффикса *-джын*, или же когда слово-заместитель имеет показатель сравнительной степени⁸ (21). В (22), по-видимому, представлено слово-заместитель в атрибутивной позиции.

(20) А: *Зæронд адæм йед уыд-ысты...* Б: *Зонд-джын.*
старый люди PH быть-PST.3PL ум-PROP
‘А: Старые люди были это... Б: Умные.’ (Зангиева, Хабалова 3 47)

(21) *Æмае=иу гæе уæд ба-йдыдт-ой, чи куыд*
и=ITER вон тогда PV-начинать-PST.3PL кто как
йед-дæр у, ома.
PH-COMPAR быть.PRS.3SG мол
‘И тогда начинали, мол кто более это [лучше]’. (Зангиева, Хабалова 2 198:3)

(22) *Æмае тынг йед хорз хорз змалд у.*
и очень PH хороший хороший движение быть.PRS.3SG
‘И очень-очень хорошая эта постановка’. (Казбек, Гизель 20)

Наречия

Выделение слов, замещающих наречия, затруднительно по той же причине, что и для прилагательных: наречия в осетинском языке слабо отличаются от имен. Один из немногих несомненных примеров представлен в (23), где *йед* сочетается с отложенной составляющей *æрагма* ‘поздно’ (показатель аллатива *-мае* в этом слове синхронно не выделяется).

(23) *... æмае =та цы-дæр-тае хыртт-мыртт кæн-ын*
и CONTR что-INDEF-PL IDEOPH делать-INF

⁸ Следует, впрочем, заметить, что в осетинском этот показатель может присоединяться и к существительным, ср. *лагдæр* ‘более мужчина’. Однако в данном случае на то, что замещается прилагательное, указывает контекст (21).

ба-йдай-дз-ысты, фæлæ йед уы-дзæн-и... æрæгмæ уы-дзæн-и.
 PV-начинать-FUT-3PL но PH быть-FUT-3SG поздно быть-FUT-3SG
 'И что-то начнут копошиться, но это самое будет... поздно будет'.
 (Казбек, Гизель 166:2)

Также ср. (24), где *йед*, по-видимому, замещается послеложной группой *афтæ уæлæйы* 'так сверху' и коррелятивом *мæнæ экран кудыд вæйй-ы, афтæ* 'вот так, как экран бывает'.

(24) *Фæ-рæдыд-тæн, йед =ыл уыд-и, афтæ уæлæ-йы,*
 PV-ошибаться-PST.1SG PH 3SG.SUPER быть-PST.3SG так сверху-IN
йер, зæгъ-æм, мæнæ экран кудыд вæйй-ы, афтæ,
 сейчас сказать-SBJV.1PL вот как бывать-PRS.3SG так
афтæ=уу =æй с-тыхт-ам.
 так=ITER 3SG.GEN PV-мотать-PST.1PL
 'Я ошиблась, это самое он был, так сверху, ну, скажем, вот так, как экран бывает, так мы его завернули'. (Агузарова Изета 181:2)

3.2.2. Замещение глагольных элементов

Глагольные заместители встретились в 28 случаях. Практически во всех примерах *йед* выступает в качестве именного компонента сложного глагола с предикативным компонентом *кæнын* 'делать', как в (25).

(25) *Йер =та уы-цы бон-æй райсом-ы а-цæу-ыну æмæ*
 сейчас CONTR тот-DET день-ABL утро-IN PV-идти-PRS.3PL и
изæр-æй ра-кæн-ыну чындз-ы æмæ... йед кæн-ыну...
 вечер-ABL PV-делать-PRS.3PL невеста-GEN и PH делать-PRS.3PL
мæнæ... æхс-ыну
 вот стрелять-PRS.3PL
 'А сейчас в этот день утром едут и вечером привозят (вывозят) невесту и... это... стреляют'. (Нателла Медоева 12:6)

Лишь в одном примере (26) можно предположить, что *йед* выступает как глагольный заместитель сам по себе, без легкого глагола. Однако отсутствие глагольной морфологии не позволяет отличить такие примеры от использования *йед* в качестве общего показателя гезитации (раздел 3.4). Во всяком случае представляется бесспорным, что глагольная суффиксальная морфология напрямую к *йед* присоединяться не может (это подтверждают и данные письменного корпуса выше).

(26) *Æмæ йер кæстæр чызг кудыд-дæр*
 и сейчас младший девочка как-INDEF
йед... уарзт-а афтæ...
 PH любить-PST.3SG так
 'И младшая дочка как-то это... любила...' (Зангиева, Хабалова 2 99:2)

Отложенной составляющей может быть как простой глагол (25), так и сложный (27). В устном корпусе ни одного случая замещения сочетаний с легким глаголом, отличным от *кæнын* 'делать', однако ввиду небольшого количества примеров это не является показательным.

(27) *Æмæ=уу ам хъæдгæс-тæ афтæ йед кодт-ой,*
 и=ITER здесь лесник-PL так PH делать-PST.3PL
хьнджылæг кодт-ой...
 насмешка делать-PST.3PL
 'И лесники так это делали, шутили...' (Агузарова Изета 2 45:21)

Чаще всего и заместитель, и корректирующий глагол выступают без превербов. Случаев, когда преверб «появлялся» бы на отложенной составляющей, не присутствуя на *йед*, не засвидетельствовано. Преверб встречается на «заместителе» в 5 примерах: 2 случая с *с-* (инф. *сйед кæнын*, прош. вр. 3 л. мн. ч. *сйед кодтой*), 2 — с *ба-* (императив *байед кæн*, прош. вр. 3 л. ед. ч. *байед кодта*) и 1 — с *ра-* (конъюнктив 1 л. ед. ч. *ра... йед кæн*он). Ни в одном из примеров нет отложенной составляющей, поэтому проверить, повторяется ли преверб, не представилось возможным. Приведенные выше данные письменного корпуса указывают на то, что преверб скорее должен повторяться.

Как минимум в одном случае, по-видимому, замещается лексический глагол вместе с некоторыми его зависимыми (28).

(28) *Стæй=уу уæд раздæр йед кодт-ой...*
 затем=ITER тогда раньше PH делать-PST.3PL
Хæдзар-мæ=уу цыд-ысты...
 дом-ALL=ITER идти-PST.3PL
 'Затем тогда раньше это... домой ходили...' (Зангиева, Хабалова 1 61:2)

Таким образом, устные тексты подтверждают тот вывод, который был сформулирован выше на базе письменного корпуса: в осетинском языке *йед* никогда не замещает самого глагольного корня, но выступает в качестве именного компонента сложного глагола.

3.3. «Распространение»

3.3.1. Существительные

Всего в устном корпусе встретился 31 пример на употребление *йед* как «распространителя» в постпозиции к другому элементу. Во всех случаях присоединения к существительным и существительное, и «распространитель» стоят во множественном числе (29).

- (29) *Ам =уам сых-ы кувд-тæ йед-тæ нæ вейй-ы?*
 здесь вы.ALL квартал-IN кувд⁹-PL PH-PL NEG бывать-PRS.3SG
 'Здесь у вас в квартале праздников и так далее не бывает?'

Косвенный падеж встретился лишь в одном примере (30), где представлен инессив, причем он использован в группе лишь один раз: в конце, на *йедтæ*. Это подтверждает вариативность в данных письменного корпуса (раздел 2.2.2), где падеж может как повторяться, так и использоваться один раз в конце именной группы.

- (30) *Мæнæ Дзуар-ы бон-тæ йед-т-ы куы фæ-бад-æм,*
 вот дзуар¹⁰-GEN день-PL PH-PL-IN когда PV-сидеть-PRS.1PL
уæд йед-тæ нæ ратт-æм, мысайнаг-тæ.
 тогда PH-PL NEG давать.PFV-PRS.1PL пожертвование-PL
 'Вот когда мы сидим в день дзуара и так далее, мы вот это не даем, пожертвование'. (Кочиева, Караева 1 59.2)

Пример (30) также интересен тем, что в нем сферой действия «распространителя» является не вершина *бонтæ* 'дни', но группа *Дзуары бон* 'день дзуара', которая близка к идиоматической. Сфера действия «распространителя», таким образом, может быть представлена как: [*Дзуары бон*]-*тæ-йед-т-ы*; сочетание именного множественного числа и «распространителя» *йедтæ*, таким образом, можно трактовать как единый показатель симулятивной множественности. Подтверждением этой догадки может служить пример *Алагир-тæ йед-тæ* 'Алагир [город в Северной Осетии] и прочие', цитируемый в работе Цопанова, Качмазова 2016. Очевидно, здесь не подразумевается референция к нескольким городам под названием Алагир, но Алагир и подобные ему места. Эта гипотеза, однако, нуждается в дальнейшей эмпирической проверке на большем объеме материала.

⁹ Традиционное осетинское молитвенное пиршество.

¹⁰ Небожитель, *genius loci*.

Обращает на себя внимание «тройное» множественное число в таких примерах, как (31), где само по себе местоимение *уыдæттæ* является регулярной формой множественного числа от местоимения *уыдон* 'они' — в свою очередь, множественное число демонстратива *уый* 'тот'. *Уыдæттæ* само по себе имеет симулятивную семантику ('вот это все'), и использование *йедтæ*, по-видимому, ее усиливает.

- (31) *Фынг-ылл, зиан-ы фынг-ылл фыццаг сæртæ чыри-йы*
 стол-SUPER поминки-GEN стол-SUPER первый три пирог-NMR
уæм-æн с-æвар-ыцц, цы означат кæн-ы, гæе уый,
 что-DAT PV-класть-PRS.3PL что делать-PRS.3SG вон тот
уыдæ-ттæ йед-тæ.
 тот.PL-PL PH-PL
 'За столом, на поминках на стол почему сначала кладут три пирога, что это означает, это и другое'. (Кочиева, Караева 1 39:2)

3.3.2. Другие элементы?

В подавляющем большинстве примеров «распространитель» *йедтæ* относится к существительным, однако имеется несколько спорных случаев, в которых его можно рассматривать как «распространяющий» слова других частей речи. Так, пример (32) можно трактовать как включающий «распространение» русского наречия *мирны* в значении 'мирно и так далее'.

- (32) *Сæ= нерв-тæ нал бæзз-ыцц адæм-æн... æмæ*
 3PL.POSS нерв-PL NEG:больше годиться-PRS.3PL люди-DAT и
куы =дзы хыл =дæр вейй-ы, кæм =дзы
 если 3SG.IN спор ADD бывать-PRS.3SG где 3SG.IN
мирны йед-тæ =дæр вейй-ын ба-йдай-ы....
 PH-PL ADD бывать-INF PV-начинать-PRS.3SG
 'Нервы у людей больше не годятся... и то драка случается, а то и мирно все проходит...' (Нателла Медоева 12:8)

Другой возможный обстоятельственный пример представлен в (33).

- (33) *Уæд æмæ=уу нæ ра-зынд, æмæ=уу*
 тогда и=ITER NEG PV-показываться[PST.3SG] и=ITER
фæ-бадт-æн ды-гай сахат йед-тæ.
 PV-сидеть-PST.1SG два-DISTR час PH-PL
 'И если ее не бывало, я мог и два часа просидеть'. (Передача «Одноклассники», Гизель, Сокуров 21:4)

Пример (33) интересен с нескольких точек зрения. Во-первых, здесь *йедтæ* присоединяется к слову *сахат*, которое употребляется в номинативе в обстоятельном значении и таким образом является не вполне типичным существительным. Во-вторых, необычна семантика: не собственно симулятивная множественность ('два часа и тому подобное'), но скорее значение 'два часа и более' (что может быть естественным расширением симулятивности). В-третьих, обращает на себя внимание употребление дистрибутивного числительного *дыгай* 'по два'. Такие числительные в осетинском языке в норме сочетаются с существительными множественного числа (*дыгай уаладзугутæ* 'по два этажа'), тогда как с количественными числительными в осетинском языке используется нумеративный суффикс *-ы*, омонимичный родительному падежу единственного числа (*дыууæ сахаты* 'два часа'). Использование здесь единственного числа требует объяснения, равно как и описания требует употребление «расширительного» *йедтæ* с именными группами, включающими числительные и кванторы.

В (34) «расширитель» *йедтæ* можно трактовать как относящийся к глаголу.

(34) *Уым-æй размæ =йын уынг-тæ мæрз-ын-тæ йед-тæ =дæр*
 тот-ABL перед 3SG.DAT улица-PL мести-INF-PL PH-PL ADD
нæ вæйй-ы...

NEG бывать-PRS.3SG

'До этого ей и улицу подмести (и тому подобное) нельзя...'. (Зангиева, Хабалова 3 28)

Здесь глагол стоит в форме инфинитива с показателем множественного числа. Инфинитив в осетинском языке во многих случаях является также отглагольным именем, так что с синтаксической точки зрения этот контекст можно трактовать как именной.

3.3.3. Неоднозначные примеры

Хотя в большинстве случаев «заместительное» и «расширительное» употребления показателя *йед* однозначно идентифицируются как по формальным признакам, так и по своему значению, в ряде контекстов граница между ними оказывается достаточно зыбкой. Так, (35) скорее относится к глагольным «заместительным» конструкциям, однако функционально он оказывается ближе к «расширительным» контекстам: можно предположить, что здесь использование *йед кодтам* не свя-

зано с тем, что говорящий забыл соответствующее слово, но означает «многое другое делали».

(35) *Кæм бетон змæст-ам, кæм йед кодт-ам,*
 где мешать-PST.1PL где PH делать-PST.1PL
кæм амай-гæ кодт-ам, афтæ-тæ.
 где строить-PCVB делать-PST.1PL так-PL

'Где бетон мешали, где это делали, где строили, вот так'. (Зангиева, Хабалова 2 87:2)

Нестандартным случаем «расширительной» конструкции можно считать (36).

(36) *Фæлæ ирон æгъдæуттæ æмæ ирон йед-тæ*
 но осетинский обычай-PL и осетинский PH-PL
афтæ зыдт-а...
 так знать-PST.3SG

'Но то, что касалось осетинских обычаев и осетинских этих, он так [хорошо] знал...'. (Зангиева, Хабалова 3 51:3)

Формально в (36) *йедтæ* замещает вершину именной группы *ирон йедтæ*, которая должна была бы быть словом со значением 'традиции' или подобным, однако в данном контексте, как кажется, говорящий не забыл термина (что видно в том числе и потому, что дальше он не предпринимает попытки заполнить «заместитель» лексическим содержанием или переформулировать высказывание), но использует именную группу *ирон æгъдæуттæ æмæ ирон йедтæ* в значении 'осетинские обычаи и прочее'. Если такая интерпретация верна, она говорит о том, что использование *йедтæ* в значении симулятивного множественного или «расширителя» пока грамматикализовано не до конца¹¹.

Несколько к иному типу относится (37). Здесь русский перевод указывает на то, что именная группа *исты йед* имеет значение 'что-то другое',

¹¹ Вероятно, сочинительные конструкции, подобные (36), можно рассматривать как диахронический источник «расширительной» конструкции: в письменном корпусе помимо конструкций вида *X-тæ йед-тæ* встречаются и примеры с сочинительным союзом *X-тæ æмæ йед-тæ* (см. выше), а в разговорной речи иногда используется «смешанная» конструкция вида *X(-тæ) æмæ тедтæ* (Э. Х. Измайлова, л. с.), в которой показатель множественного числа *-т* как будто реанализирован как часть «расширительного» показателя. Вопрос о степени грамматикализации показателя *йедтæ* в значении симулятивной множественности требует дополнительного изучения.

т. е. ближе к «симилиативному» употреблению, хотя с формальной точки зрения эта конструкция ближе к «заместительной» (отсутствие имени во множественном числе, единственное число слова *йед*). В дальнейшем предстоит определить, насколько такая функция обычна для слова *йед*.

- (37) *Йер чи зон-ы, уырыссаг авзадж-ы конкурс*
сейчас кто знать-PRS.3SG русский язык-GEN
фае-уадз-а, ис-ты, или, заегъ-ам, физикае-йы
PV-пускать-SBJV.3SG INDEF-что сказать-SBJV.1PL ф.-GEN
кзубири куы у-а, уад, чи зон-ы, ма
неделя если быть-SBJV.3SG тогда кто знать-PRS.3SG NEG
рба-цаеу-а, ис-ты йед куы у-а, уад.
PV-идти-SBJV.3SG INDEF-что PH если быть-SBJV.3SG тогда
'Может быть, она пропустит конкурс русской словесности, или, скажем, если будет неделя физики, то, может быть, она не придет, если что-то другое будет'. (Школа Дзуарикау 22.08.2011 71:2)

3.4. Маркер общей хезитации

В 16 примерах *йед* используется как общий показатель хезитации, не занимающий какой-либо позиции в синтаксической структуре предложения. Особенно характерны в этом отношении случаи, когда *йед* сам по себе образует отдельное высказывание, как, например, в *Амае йед...* 'И вот...' (Дома и дети 2 120:10); *Йед афтае* 'Вот так' (Казбек Гизель 15:2); *Аваццеган на, йед...* 'Наверное, нет, ну...' (Зарема Алдатова 30). Эта функция является типичной для слов-«заместителей» и отмечена в типологической литературе (Podlesskaya 2010: 25ff.).

Сюда же можно отнести (38), в котором говорящий использует *йед* при автокоррекции. В каком-то смысле *йед* в этом контексте можно рассматривать как слово-«заместитель» при отложенном *газовый*, но специфика этого примера состоит в том, что, помимо заполнения «пробела», оставленного *йед*, в постпозиции, ему соответствует языковой материал *электри...* в препозиции.

- (38) *йед ра-йст-он... хас артае мин-сей пец электри... йед...*
PH PV-брат-PRS.1SG долг три тысяча-ABL печь PH
газовый пец.
печь
'Это взяла... в долг за три тысячи печь электри... это... газовую печь'. (Дома и дети 2 22:1)

3.5. Другие функции

В корпусе встретилось два примера, которые сложно классифицировать исходя из выделенных выше функций.

В (39) *йеды* как будто бы является не «заместителем», но интенсификатором, указывающим на высокую степень проявления страха.

- (39) *Афтае куы ны-ккаст-таен, уад=цу йед-ы тарст*
так когда PV-смотреть-PST.1SG тогда=ITER PH-GEN страх
фае-кодт-он=цу, уы-рдаем=цу куы ны-ккаст-таен.
PV-делать-PST.1SG=ITER тот-DIR=ITER когда PV-смотреть-PST.1SG
'Когда я посмотрела вниз, я так пугалась, когда туда вниз смотрела'. (Кочиева Караева 1 22:4)

Наконец, хотя «эвфемистическая» функция, упоминаемая в литературе для других языков, например, для грузинского (Amiridze 2010: 69, 91ff.), в осетинском, судя по всему, не распространена, в корпусе встретился один пример, в котором *йед канын*, возможно, имеет эвфемистическое прочтение 'умирать' (40) — если предположить, что говорящий намеренно избегал повторного использования соответствующего глагола (что выглядит правдоподобным, так как в предшествующем предложении тот же говорящий использовал этот глагол в его обычной форме).

- (40) *...адам афтае дзырдт-ой, ма ба-йед каен-ут,*
люди так говорить-PST.3PL NEG PV-PH делать-IMP.2PL
заегъ-гае.
сказать-PCVB
[Шутили, значит, так: «Если ты болен, ради Бога не умирай в сенокос, а то, мол, никто тебе не похоронит»] '...мол, так люди говорили, не умирайте, мол'. (Агузарова Изета 26.7)

Дальнейшие исследования подтвердят или опровергнут эти интерпретации указанных примеров, а также позволят оценить степень закрепления этих значений за элементом *йед* в современном осетинском языке.

4. Данные дигорских устных текстов

К сожалению, корпус устных текстов на дигорском варианте осетинского языка имеет значительно меньший объем, чем иронский устный корпус. В нем встретилось всего 28 примеров на слово-«заместитель» *иди*, и эти употребления гораздо менее разнообразны, чем в иронском

корпусе: все они однозначно описываются как «заместительные». Впрочем, в связи с ограниченностью данных это не может однозначно свидетельствовать о том, что в дигорском отсутствует симилиативная функция.

Как и в иронском, в подавляющем большинстве примеров *иди* стоит в именительном падеже; из косвенных падежей представлены лишь аллатив (*идимæ*), инессив (*идими*) (41) и генитив множественного числа (*идити*). Обращает на себя внимание окончание инессива *-ми*, характерное для местоименного склонения (ср. форму указательного местоимения *уо-ми* 'в нем; там' при основе *уо-* в суперэссиве *уо-бæл* 'на нем') и соответствующее происхождению *иди* из праиранского демонстратива.

- (41) *А сейчас он кæд иди-ми æй... может иди-ми*
 если PH-IN быть.PRS.3SG PH-IN
æй, горæти, лабиринт...
 быть.PRS.3SG город-IN
 'А сейчас он вроде бы в этом... может, в городе, лабиринт...' (Махческ 20.2)

По личному сообщению Ф. М. Таказова, в других падежах *иди* имеет следующие формы: родительный *идийи* (sic!), дательный *идимæн*, отложительный *идийæй*, внешне-местный (суперэссив) *идибæл*, уподобительный (экватив) *идийау*. Как видно, за исключением датива и инессива, *иди* склоняется по именному типу; при этом несколько необычной является формы *идийи*: в дигорском после гласной ожидается *идий.

При этом множественное число образуется регулярно (42), в отличие от некоторых других слов, склоняющихся по местоименному типу, у которых множественное число часто включает гласный *е*, например: *иннае* 'другой', дательный падеж *инн-ем-æн* (другой-NMR-DAT), множественное число *инн-етæ*.

- (42) *Ма ци иди-тæ фæ-ууй, хаийæд-тæ, е-тæ =дæр =си*
 и REL PH-PL PV-быть.PRS.3SG структура-PL тот-PL ADD 3SG.IN
адт-æнцаæ.
 быть-PST.3PL
 'И которые эти бывают, структуры, они тоже там были'. (Мацута 21)

В дигорских устных текстах также встретилось два примера на замещение глаголов (43)–(44), чья структура, судя по всему, аналогична описанным выше соответствующим иронским конструкциям.

- (43) *Воздух-æй кæдзос, воздух-æй дзæбæх сæ=хеу-æн*
 в.-ABL чистый в.-ABL хороший 3PL.POSS=REFL-DAT
иди кæн-унцаæ дидат кæн-унцаæ.
 PH делать-PRS.3PL делать-PRS.3PL
 'Чистый воздух, хороших воздух [здесь] помогает им, как его, дышать'. (Биография Сослана Текойти 35:2)
- (44) *Скъола-й тургъæ-мæ рандæ дæн ма ме=*
 школа-GEN двор-ALL (пойти)быть.PRS.ISG и 1SG.POSS
'мбæл-т-и хæуцаæ иди кæн-ун, гъаз-ун.
 друг-PL-GEN вместе PH делать-PRS.ISG играть-PRS.ISG
 'На школьный двор я пришла, с подругами, это самое, играла'.
 (О мельнике 3:2)

Таким образом, предварительный анализ дигорских данных не выявил существенных отличий от иронского, за исключением отсутствия примеров на симилиативную конструкцию. Помимо функций дигорского *иди*, неясными остаются его морфологические свойства: форма инессива *идими* указывает, возможно, на аналогичные чередования в дативе и аблативе (*идимæн, идимæй*), но соответствующие формы не засвидетельствованы ни в устном, ни в письменном корпусе.

5. Заключение

В настоящей работе я предложил первичный анализ слов-«заместителей» *йед/иди* в осетинском языке на основании корпусных данных. Несмотря на неполноту данных и предварительный характер этого исследования, у осетинских слов-«заместителей» удалось установить ряд интересных свойств. Так, в иронском у них зафиксирована как собственно «замещающая» функция, так и функция симилиативной множественности. Кроме того, указанные конструкции имеют некоторые синтаксические свойства, необычные для осетинского языка: так, показатель симилиативной множественности может присоединяться к финитным клаузам и факультативно включает в себя согласование существительного и слова-«заместителя» по числу. Также именное число с этим показателем теряет свое обычное прочтение, употребляясь даже с теми именами, множественность которых не предполагается или невозможна.

Для получения более точной картины употребления и синтаксических свойств рассматриваемых показателей требуется расширение это-

го исследования на более широкий языковой материал, а также более подробный анализ данных письменного корпуса иронского осетинского. Кроме того, желательна сопоставление осетинских данных с данными других языков Кавказа на предмет возможного ареального характера употребления слов-«заместителей». Пока этот класс элементов описан в этом ареале недостаточно подробно. Можно лишь заметить, что похожее совмещение функций «заместителя» и «общего расширителя» встретилось в восточноармянском (Подлесская, Хуршудян 2006) и удинском (Ganenkov et al. 2010).

Не могу не заметить, что сама эта работа была бы невозможной без опоры на фундаментальные труды юбиляра — В. И. Подлесской. Научные интересы Веры Исааковны всегда касались таких тем, которые имеют центральное значение для понимания устройства и реального употребления естественного языка, но при этом по каким-то причинам оказываются на периферии теоретической и типологической дискуссии. Помимо хезитации и структуры дискурса, достаточно назвать типологию полипредикативных (сочинительных и подчинительных) конструкций; их разнообразие, противоречивые свойства и проблемы классификации до сих пор остаются «крепким орешком» для большинства формальных теорий. Подход Веры Исааковны мне очень близок, и я буду с нетерпением ждать от нее новых научных головоломок и их отгадок. Желая долгих лет жизни, здоровья и сил для того, чтобы все планы могли претвориться в жизнь!

Сокращения

2 — 2-е лицо; 3 — 3-е лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитив ('тоже'); ALL — аллатив; CIT — цитативная частица; COM — комитатив; COMPAR — сравнительная степень; CONTR — контрастивная частица; DAT — дательный падеж; DET — определённый артикль; DISTR — дистрибутивная квантификация ('по'); EQU — экватив; EXST — экзистенциальный предикат; FUT — будущее время; GEN — генитив; IDEOPH — идеофон; IMP — императив; IN — инэссив; INDEF — показатель неопределённого местоимения; INF — инфинитив; ITER — итератив; NEG — отрицание; NMR — нумератив; NOM — номинатив; PCV — причастие-деепричастие; PFV — совершенный вид; PH — слово-«заместитель»; PL — множественное число; PL.SIM — симулятивное множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие прошедшего времени; PTCP.DEST — дестинативное причастие («второй инфинитив»); PV — преверб; REFL — рефлексив; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; SUPER — суперэссив.

Литература

- Абаев В. И. 1949. Ритмика осетинской речи. *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. М.—Л., 529–560.
- Абаев В. И. 1958. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. А—К. М.—Л.
- Абаев В. И. 1959. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе.
- Алексеев Д. А. В печати. Вариативность согласования глагола с подлежащим по множественному числу в осетинском языке. *Вопросы языкознания*.
- Ахвледиани Г. С. (ред.) 1963. *Грамматика осетинского языка*. Т. 1. *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Багаев Н. К. 1965. *Современный осетинский язык*. Ч. I. *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе.
- Беляев О. И. 2014. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования. *Вопросы языкознания*, №6, 31–65.
- Гагкаев К. Е. 1952. *Очерк грамматики осетинского языка*. Орджоникидзе.
- Гæбæраты Н. Я. 2014. *Цæмæн афтæ дзурам* [Почему так говорим]. Цхинвал: Республика. [На осетинском языке.]
- Миллерь В. Ф. 1882. *Осетинские этюды*. Ч. 2. *Изследования*. (Ученые записки Императорского Московского университета. Отдѣлъ историко-филологическій) Москва: Типография А. Иванова.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. 2006. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования. *Русский язык в научном освещении*, т. 2, ч. 12, 7–55.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. 2007. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. *Научно-техническая информация*. Сер. 2, №2, 2–23.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. Речевые сбои и затруднения. 2009. В кн.: А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.) *Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур, 177–218.
- Подлесская В. И., Хуршудян В. Г. 2006. О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006»*. М., 429–439.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2000. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. I.
- Цопанова Р. Г., Айларова Э. Д. 2017. Стилистическая характеристика местоимения (на материале осетинского языка). *Международный журнал экспериментального образования*, №6, 103–105.
- Цопанова Р. Г., Калоева Дз. Ф. 2019. Устно-разговорные синтаксические конструкции в языке произведений С. З. Хугаева. В сб.: Р. Г. Цопанова (отв. ред.)

Коста Хетагуров в контексте культуры России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова (17–18 мая 2019 г., РСО-Алания, г. Владикавказ). Владикавказ, 196–201.

- Цопанова Р. Г., Качмазова Е. С. 2016. Категория числа имени существительного в системе стилистических средств. *Международный научно-исследовательский журнал*, №8(50), 147–150.
- Amiridze, N. 2010. Placeholder verbs in Modern Georgian. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. Maclagan (eds.) *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 67–94.
- Arkhangelskiy, T., Belyaev, O., Vydrin, A. 2012. The creation of large-scale annotated corpora of minority languages using UniParser and the EANC platform. In: M. Kay, C. Boitet (eds.) *Proceedings of COLING 2012*, vol. 9. Mumbai, 83–91.
- Borise, L., Erschler, D. 2023. Flexible syntax-prosody mapping of Intonation Phrases in the context of varying verb height. *Phonology*, First View, 1–42.
- Ganenkov, D., Lander, Y., Maisak, T. 2010. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. Maclagan (eds.) *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 95–118.
- Mauri, C., Sansò, A. 2021. Heterogeneous sets: A diachronic typology of associative and similitive plurals. *Linguistic Typology*, vol. 27(1), 1–40.
- Overstreet, M. 1999. *Whales, candlelight, and stuff like that: General extenders in English discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Overstreet, M., Yule, G. 2021. *General extenders: The forms and functions of a new linguistic category*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Podlesskaya, V. I. 2010. Parameters for typological variation of placeholders. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. Maclagan (eds.) *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 11–32.
- Schegloff, E. A. 1979. The relevance of repair for syntax-for-conversation. In: T. Givón (ed.) *Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax*. N. Y.: Academic Press, 261–288.

АЛЯСКА, АТТРИЦИЯ, ЭЛИЦИТАЦИЯ, ХЕЗИТАЦИЯ, ДАЛЕЕ — ВЕЗДЕ...

М. Б. Бергельсон,
(НИУ ВШЭ)
mbergelson@hse.ru

А. А. Кибрик
(Институт языкознания РАН;
МГУ имени М. В. Ломоносова)
aakibrik@iling-ran.ru

Одна из конституирующих особенностей спонтанного устного дискурса — речевые сбои. В статье рассматривается вопрос о специфике сбоев в речи на аляскинском русском — исчезающем языке, где использование языка редуцировано и где могут наблюдаться явления аттриции. Анализируются специфические контексты возникновения речевых сбоев, такие как переключение кода, элицитация языкового материала, основанные на детском опыте нарративы. Опыт проведения полевой работы с аляскинским русским позволяет говорить о том, что речевые сбои могут служить инструментом интерпретации языковых данных.

Речь ее можно только сравнить с ручьем, который бежит по неровной местности: то журчит между камнями и делится на бесчисленное множество тоненьких струек, то вдруг разлива-ется по лужайке, то низвергается с высоты и неожиданно пропадает, чтобы немного дальше снова зашуметь между прутьями лозняка...

Д. В. Григорович, «Рыбаки», 1853

1. Постановка задачи

Речевые сбои представляют собой одно из центральных явлений как в устном дискурсе, так и в научном творчестве Веры Исааковны Подлесской (см., например, Подлесская 2014, Подлесская и др. 2019). Именно поэтому мы решили посвятить статью данному явлению.

Уже давно нет необходимости доказывать, что речевые сбои это не «неумение говорить», не «слова-паразиты», но естественное, практически неотъемлемое явление сложного процесса преобразования нелинейных когнитивных представлений в линейный дискурс. В ВИП-работах речевые

сбои делились на онлайнные и оффлайнные, изоморфные и неизоморфные, рассматривались с точки зрения их классификации (заполненные паузы, удлинения фонем, самоисправления говорящего) и дистрибуции (одиночные множественные, кластерные). Материалом же служил курс на родном, русском, языке, см., например, Podlesskaya 2015.

В данной статье мы предлагаем взглянуть на то, какими особенностями обладают речевые сбои в ситуации редуцированного использования языка (языковой аттриции) и при различных коммуникативных задачах — не только в спонтанном дискурсе, но и при элицитации языкового материала — и как фиксация сбоев может помочь в анализе языкового материала. Наши данные взяты из многочасовых записей работы по аляскинскому русскому (АР) с последним поколением его носителей, сделанных между 2012 и 2021 годами на Аляске в поселке Нинильчик и в городе Кадьяк. Об аляскинском русском см., например, Kibrik, Bergelson 2020; Bergelson et al. 2020.

Интерес к этой проблематике был вызван, в частности, практическими вопросами. При сборе лексического материала речевые сбои информанта могут быть связаны с переводом на другой язык, затрудненным воспоминанием, отсутствием когнитивного доступа. Как показывает жестикуляция на видеосъемке, это разные виды речевых затруднений. Возможность различать по типу речевого сбоя, находится ли спрашиваемая лексема (словоформа) в активном употреблении, пассивном владении или вообще незнакома информанту, позволяет выбрать одну из интерпретаций (например, неполное усвоение или последующая аттриция), служить верификации данных.

Транскрипты сессий не были ориентированы на исчерпывающую фиксацию всех сегментных и супraseгментных особенностей речи информантов, однако обязательным при расшифровке считалось маркирование особенно длинных незаполненных пауз, заполненных пауз, обрывов слов, обрывов ЭДЕ. (Правила транскрибирования устного материала, которые давались студентам-транскрайберам, представлены в Приложении 1.) Именно эти маркеры являются типичными признаками речевых сбоев.

2. Контексты речевых сбоев

Нам удалось выделить четыре типа случаев/контекстов, в которых возникают речевые сбои.

Первый тип — это самые обычные речевые сбои, которые присутствуют в любом спонтанном дискурсе. О них мы не будем говорить специально, просто приведем примеры, см. (1). (О фонологической транскрипции вербального материала АР см. Kibrik, Bergelson 2020. Коды имен носителей приводятся в Приложении 2.)

- (1) а. *Ya wódu== Ya wot wódu sk'ipú | patóm mózhit chay== (...) chay p'it'.*
(BP 2014)
б. *Zd'es' n'= n'iktó== Zd'es' n'ét s k'em yá magú== ya magú gawar'it' pa rúsk'i.* (GJ 2014)
в. *M'i s'ibé sám'i== U nas kúkl'i n'ébul'i. M'i s'ibé sám'i kúkl'i d'élal'i.*
(SL 2017)

2.1. Смена кода как контекст речевого сбоя

Второй тип представляют собой ситуации, в которых происходит смена кода (code switching), или — в другой парадигме — использование иного языкового репертуара (Blommaert 2010), см. (2). В примерах ниже фрагменты, произнесенные по-английски, записаны прямым шрифтом (не курсивом).

- (2) а. *Mayá mat'== (..) Iyónay (...)* friend you know (..) *yúkal'n'itsu ub'irál'i.*
(JL 2017)
б. *Depending where you get== (uh) gd'e dastán'ish.* (NC 2012)

Примеры в (2) демонстрируют сбои, связанные со сменой кода в спонтанном дискурсе. Представляется, что для дискурса на АР типичной должна быть ситуация в (2а), где переход происходит на язык основной коммуникации — английский. Так, рассказчик в этом примере не смог вспомнить русское слово 'друг' и вынужденно перешел на английский, с использованием дискурсивного маркера *you know*. Однако значительная часть примеров спонтанного дискурса демонстрирует обратную ситуацию — см. (2б), где имеет место переход с языка основной коммуникации на АР. Попробуем разобраться, какие факторы влияют на переход с языка на язык в ту или иную сторону.

Наша полевая работа с АР в пос. Нинильчик, а впоследствии и в Кадьяке, исходно была связана с составлением словаря, и потому во многом происходила как элицитация слов. (Об особенностях речевых сбоев при элицитации — см. ниже раздел 2.4.) Наши информанты принадлежали к поколению, которое усвоило АР в детстве, в семье, но в большинстве

случаев перешло на английский в подростковом возрасте. В течение всех последующих лет их коммуникация на АР была очень ограниченной — практически не существовала для тех, кто покинул место рождения/детства, или охватывала небольшой круг тем бытового диалогического общения с поколением родителей для тех, кто остался. Тем самым практика спонтанного монологического дискурса отсутствовала.

Имеющиеся у нас образцы монологического дискурса, помимо запомненных в детстве стихов или считалок, в основном были получены двумя способами. Во-первых, это мини-дискурсы (одно-два высказывания) в ответ на просьбу дать контекст употребления того или иного слова и, во-вторых, мини-рассказы о событиях в детстве в ответ на просьбу рассказать что-то по-русски.

В первом случае о переключении кода можно говорить лишь с формальной точки зрения: мы использовали английский в качестве языка-посредника, чтобы не навязывать современное московское произношение и не подсказывать лексемы. И выполняя задание, информант также использовал английский в качестве языка-посредника, см. (3а). Во втором случае переход на английский был связан с когнитивными трудностями вспоминания нужного слова или конструкции (реже — с речевыми трудностями правильной реализации), а следование заданию (= говорить по-русски) заставляло вновь переключаться на АР — см. (3б) и (3в).

- (3) а. *Ya búdu*== (...) I don't know how to say== *Ya búdu na t'ibé kamén'i k'idát'*. (PO 2012)
 б. *Mayá máma úm'irla | kadá ya b'il chit'ír'i l'et*. So (...) I don't== And then *bábushka m'in'é wz'ála*. (GJ 2014)
 в. *S'ómga* | (...) *s'ómga* in the fall (*uh*) (...) | and (*uh*) (...) *hm* (...) just (...) take a little *ikrá* | throw them out there {gesticulation} | you could see it | *mózhna w'ízhit' i= ikrá na wad'é | kadá on disappeared | d'órgat'*. (GJ 2014)

В (3а, б) речевой сбой и смена кода отмечены резким обрывом. Это, так сказать, классический способ реализации речевого сбоя. В примере (3в) представлен другой способ разворачивания дискурса в ситуации смены кода: после ментального поиска фразы, отмеченного активной жестикуляцией, происходит переход на английский (you could see it), но ее произнесение отмечено особой интонацией, указывающей, что ментальный поиск, пусть и с опозданием, завершился удачно, и затем происходит обратный переход (=перевод английского фрагмента) на АР (*mózhna w'ízhit'* 'можно видеть').

2.3. Речевые сбои и аттриция

В других типах речевых сбоев переключение кода не является конституирующим фактором, эти случаи имеют место в рамках репертуара АР. Третий тип — это речевые сбои в спонтанном дискурсе, обусловленные языковой аттрицией. Об аттриции см. Schmid et al. 2013; об экспериментальных подходах к изучению причин аттриции см. Gallo et al. 2021.

Помимо того, что при порождении дискурса носитель языка может сталкиваться с когнитивными трудностями вспоминания лексического материала — см. (4а), у него может не получаться та или иная конструкция. Речевой сбой и самоисправление в такой ситуации связаны не с желанием построить высказывание по-другому, но с невозможностью реализовать первоначальный замысел — см. (4б), где, не сумев породить посессивную конструкцию со связкой, говорящий построил — возможно, как кальку с английского — конструкцию с глаголом обладания.

- (4) а. *S'iwódn'a m'i búd'im kr=(uh) (um) L'izawétu kr'ist'ít'*. (BP 2012)
 б. *U== Moy brat (...) iméyit kát'ir*. (NC 2012)

В (5) представлены более или менее удачные примеры преодоления когнитивных затруднений. В (5а) рассказчица, не сумев построить аккумулятивную конструкцию со значением длительности (*sélay z'imú* 'всю зиму'), использовала форму *z'imóy*. А в (5б), где речевые затруднения отражаются в бурной продолженной жестикуляции, искомое слово 'рубить' заменяется после ментального поиска словом *d'élat'*.

- (5) а. *Ya (...) had'íla sélay== sélay z'im= z'imóy (...) shkólu*. (SL 2017)
 б. *Ad'in mal'chíshka dólzhan bul wódu taskát' | drugóy dólzhan bul drawá {gesticulation} (...) (uh) (...) d'= d'élat' {gesticulation} | shtób'i (...) mózhna útram pl'itú zatap'ít'*. (SL 2017)

Особое место в наших материалах — в том числе и с точки зрения специфики речевых сбоев — занимает спонтанный дискурс, представляющий собой устную интерактивную инструкцию по игре в карты. В нем почти не присутствуют языковые сбои, связанные с трудностями вспоминания слова или построения конструкции, а переключения кода «АР → Англ» связаны не с неспособностью выразить себя, но с желанием сделать инструкцию более понятной для собеседника, см. (6).

- (6) а. *T'i zhi== T'i yiwó== If you break the card= (...) | t'i durá= <2> durák. (uh) N'= N'i náda kárt'i (...) slamát'*. You know break 'em. (SL 2019)

б. *Wot tak | wot tak | i wot tak | ya imú== ya t'ib'á pashl'ú | t'i dalzhnó==*
 {gesticulation} *t'i dalzhnó==* {gesticulation} *dólzhin ih* {gesticulation}
ub'ít'. (SL 2019)

в. *T'i n'i móg'ish== T'i dólzhin ih zat'*. And you lose your turn. (SL 2019)

Примеры в (6) взяты из записи того, как наша информантка Сельма Лиман обучает нас игре в дурака по правилам, принятым в Нинильчике. Это интерактивный дискурс, и его особенность состоит в том, что это не детское воспоминание, так как Сельма продолжала играть в карты, причем делала это со своим мужем и подружкой, ныне покойными Джо Лиманом и Мей Демидофф — практически единственными людьми, с которыми она могла говорить на АР. И в карты они играли тоже «порусски». Эта запись уникальна и количеством спонтанного материала на АР, и используемыми автором стратегиями объяснения, и тем, что мы впервые столкнулись с возможно единственной коммуникативной ситуацией, в которой нашей информантке легче и удобнее говорить на АР, а не на английском.

В частности, в примере (6а) она пытается объяснить, что нельзя «снимать колоду», иначе ты автоматически становишься дураком. Первый переход на английский делается потому, что она не знает, как понятным для нас образом сказать 'снять колоду'. Затем она находит способ выразить эту мысль на АР (*N'= N'i náda kárt'i* (..) *slamát'*) и еще раз повторяет это на английском. Похоже, при этом она калькирует русское выражение в английский, так как в английской карточной терминологии смысл 'снять колоду' в норме выражается как "cut the deck".

2.4. Речевые сбои при элицитации

И наконец, последний, четвертый, тип речевых сбоев, обильно представленный в наших материалах, это речевые сбои при элицитации языкового материала. Стимулами служат слова или семантические описания на английском. Как уже упоминалось, мы избегали опасности навязать наше произношение или подтолкнуть к тому, чтобы информант подтвердил наличие конкретного русского слова в АР. Примеры на сбои в контексте элицитации даются ниже со «стимульным материалом» — вопросом, на который информант должен ответить на АР.

(7) а. Q: I'll go with you guys.

A: *Ya== Ya paydú s==* (...) (uh) (...) *s== n'i s t'ibám'i | ya paydú s wám'i*
 (PO 2012)

б. Q: I hammered a nail.

A: *Ya gwóz'd'i* (uh) (...) *s malatókam==* No well that's making it to other sentence. *Gwós'* (...) (uh) (PO 2012)

в. Q: We lived in my old house.

A: *M'i dawnó zhíl'i moy stáram dom==* (...) *moy stáray dom==* (...) *w mayóm stáram==* (...) *stáray dom búl'i==* (...) *w twayóm stáray==* (...) *d= dom==* (...) *stáray damú==* (...) *dom*. (SL 2014)

г. Q: I'm thinking about my mom.

A: *Ya dúmayu pra* (um) (..) *mayú==* (..) (um) (..) *at'éts==* (..) *pra mayú==* (..) (um) (..) *mayá mat'*. (NC 2014)

Особенности речевых затруднений при элицитации позволяют выявить «чувствительные» места языковой структуры — грамматические категории, в которых присутствует сильное варьирование и где наиболее заметна языковая аттриция. Тем самым, речевые сбои выступают как важный диагностический инструмент анализа состояния идиома. Колебания и затруднения говорящего связаны не только с лексическим доступом, но и с трудными для производства грамматическими формами и высокой вариативностью их выражения. В случае контактного языкового идиома это может означать либо нечеткость языковой структуры и смешение категорий еще в эпоху его формирования (в нашем случае конец XVIII — начало XIX века), либо языковую аттрицию у последнего поколения активных носителей. Что именно имеет место, можно попытаться установить, сравнивая употребления этих категорий в примерах из спонтанного дискурса.

Наши данные говорят о том, что в АР нечетко противопоставлены видовые глагольные формы, мало употребительны сложные именные группы с согласованием и с косвенными падежами — это проявляется в речевых сбоях с последующим упрощением структуры при самоисправлении и в спонтанном материале, что наводит на мысль о давнем, контактном, происхождении. С другой стороны, вариативность в падежных формах (*sas at'étsam ~ sas at'éc, sa s'istróm, sas mát'am ~ sas mámay*), в употреблении предлогов (*Úgli w= w= na pl'it'é .. w pl'it'é*) и, в особенности, колебания при выборе окончания (*t'i iwó dab'i= dab'iwáyish*) характеризуют речевые сбои при элицитации, что может говорить об аттриции.

3. Заключение

В данной статье был рассмотрен языковой материал, отличающийся от обычного спонтанного дискурса сразу в двух отношениях. Во-первых,

это полевая работа с информантом, во-вторых — работа с исчезающим языком, подвергшимся аттриции.

В целом, полевая работа с исчезающим языком позволяет выявить не только стандартные случаи речевых сбоев, но и несколько специфических контекстов, способствующих появлению сбоев. Это и ситуации переключения кодов, и контекст элицитации лексического и грамматического материала. Кроме того, в контексте спонтанного монологического дискурса на фоне языковой аттриции обнаруживается целый спектр своеобразных мотивов для речевых сбоев и самоисправлений — в частности, неспособность говорящего построить искомую конструкцию.

Таким образом, речевые сбои, характеризующие дискурс носителей исчезающих языков, обладают специфической диагностирующей силой и могут служить дополнительным инструментом при интерпретации данных.

Литература

- Подлеская В. И. 2014. «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2014»*. Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 547–561.
- Подлеская В. И., Коротаев Н. А., Мазурина С. И. 2019. Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019»*. Вып. 18 (25), 547–561.
- Bergelson, M.B., Kibrik, A. A., Raskladkina, M.K. 2020. The Language of a Lost Russian Region in the Historical Context of Russia's Eastward Expansion. *Quaestio Rossica*, vol. 8(3), 916–936.
- Blommaert, Jan. 2010. *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gallo, F., Bermudez-Margaretto, B., Shtyrov, Y., Abutalebi, J., Kreiner, H., Chitaya, T., Petrova, A., Myachykov, A. 2021. First language attrition: What it is, what it isn't, and what it can be. *Frontiers in Human Neuroscience*, 15. <<https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.686388>>
- Kibrik, A. A., Bergelson, M. B. 2020. Alaskan Russian. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*, Editor-in-Chief Marc L. Greenberg. <http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032541>
- Podlesskaya, V. 2015. A corpus-based study of self-repairs in Russian spoken monologues. *Russian Linguistics*, vol. 39(1), 63–79.

Schmid, M.S., Köpke, B., de Bot, K. 2013. Language attrition as a complex, non-linear development. *International Journal of Bilingualism*, vol. 17(6), 675–682.

Приложение 1. Выдержки из правил транскрибирования интервью с носителями АР

- В отличие от письменной речи, в устной речи нет очевидных границ предложений. Но есть некоторые устные аналоги предложений. Для этого используем пунктуацию, но по особым правилам. Не нужно подгонять пунктуацию под нормы письменной речи.
- Старайтесь услышать устные аналоги предложений. Самый главный критерий конца устного повествовательного предложения — падающая интонация в конце, размещающаяся на сильно акцентированном слоге того слова, которое представляет собой информационный центр, и/или после этого слова. Там, где вы слышите такую интонацию в повествовательном предложении, ставьте точку. В конце вопросительного предложения ставьте вопросительный знак.
- После точки или вопросительного знака следующее предложение пишется с заглавной буквы.
- Устные предложения часто представляют собой группы обособленных синтагм. Синтагмы характеризуются неконечной интонацией, по которой слышно, что говорящий еще не заканчивает предложение, а собирается его продолжить. В таких случаях интонация бывает разная, часто с восходящим тоном в акцентированном слове. После конца синтагмы ставьте знак | с пробелами по обе стороны. Запятые использовать не следует.
- Когда люди говорят, они постоянно чередуют речь и паузы. Паузы, которые вам кажутся длиннее обычных, отмечайте знаком (..). Сверхдлинные паузы отмечайте знаком (...). Заполненные паузы записывайте как (*uh*) (то есть *эээ*) или (*um*) (то есть *ммм*).
- Обрывы слов обозначаются знаком равенства =, например: he arri= came
- Обрывы фраз обозначаются двумя знаками равенства ==, например: he arrived== he came the next day.
- Непонятные фрагменты записываются в угловых скобках; цифрой указывается примерное число слогов: <3>.
- Яркие выраженные невербальные явления помечаются в фигурных скобках: {laugh}, {gesticulation}.

Приложение 2. Коды носителей АР (Нинильчик)

BP — Betty Porter (1930–2022)
GJ — George Jackinsky (1927–2018)
JL — Joe Leman (1920–2020)
NC — Nick Cooper (род. 1935)
PO — Paul Oskolkoff (1942–2015)
SL — Selma Leman (род. 1931)

**СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ СОЧИНТЕЛЬНЫЕ
СОЮЗЫ *I, TE, PA* В ТЕКСТАХ НОВОСТНЫХ
СТАТЕЙ НА ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ КРИМИНАЛЬНОЙ
ХРОНИКИ С НОВОСТНОГО ПОРТАЛА «КЛИКАЈ»**

М. А. Егорова

(Российский государственный гуманитарный университет)
drajenka@gmail.com

В статье рассматриваются сочинительные союзы *i, te, pa* в современном хорватском языке по материалам статей криминальной хроники с новостного портала «Klikaj». Предметом исследования являются семантические свойства союзов *i, te, pa* в связи с иерархией координативности-субординативности, обсуждаемой в работе Подлеская 2022.

Предметом рассмотрения в нашей статье являются соединительные сочинительные союзы *i, te, pa* в современном хорватском языке. Ниже будут рассмотрены некоторые их свойства в связи с иерархией координативности-субординативности, обсуждаемой в работе Подлеская 2022.

Мы обратились к хорватскому новостному portalу «Klikaj», расположенному по адресу <https://www.klikaj.hr/>. Название портала представляет собой языковую игру, в которой обыгрываются одинаково звучащие сегменты *kaj* в императиве *klikaj* ‘кликай’ и в названии кайкавской группы диалектов (образованном от вопросительного местоимения *kaj* ‘кто’), к которой исторически принадлежало городское койне столицы Хорватии Загреба. Однако в языке статей не наблюдается специфически кайкавских черт — он представляет собой стандартный хорватский язык. Так, например, вместо кайкавского вопросительного местоимения *kaj* используется стандартное *tko* ‘кто’.

В качестве материала для исследования были отобраны в случайном порядке сто новостных статей из криминальной хроники (в оригинале — *crna kronika*, т. е. ‘черная хроника’) из колонки местных новостей за ап-

рель 2023 года. Одна статья, вместе с заголовком и подзаголовком, содержит в среднем 136,5 слова.

Статьи имеют следующую структуру: каждая содержит заголовок [1], подзаголовок [2], синопсис [3], основную часть [4] и итоги [5]. Данная структура выделена нами. Она, однако, хорошо укладывается в схему, предложенную в классической работе van Dijk 1985: Headline (заголовок), Lead (синопсис), News Story (основная часть), Comment (итоги). Что касается подзаголовка, в рассматриваемых нами статьях выступающего в качестве обязательного элемента, в схеме ван Дейка предусмотрен опциональный второй (secondary) заголовок, который «часто сообщает о важных причинах или последствиях» описываемых событий (van Dijk 1985: 78).

Рассмотрим в качестве примера статью за 14 апреля 2023 года.

- [1] **Preko društvene mreže dogovorio kupnju vozila i uplatio kaparu, ali se prodavač nije pojavio**
- [2] *Policija upozorava građane da ne nasjedaju na razne internetske prijave i da se ne upuštaju u sumnjive novčane transakcije, kako ne bi sami postali žrtve*
- [3] Policijska uprava koprivničko-križevačka izvijestila je javnost o slučaju prijave na internetu.
- [4] Naime, oštećeni je 22-godišnjak u četvrtak preko društvene mreže pronašao oglas za prodaju vozila te stupio u kontakt s nepoznatom osobom. Dogovorio je kupnju vozila i platio predujam od 210 eura. Nakon dolaska na dogovoreno mjesto radi preuzimanja vozila, nepoznata osoba se nije pojavila, a oštećeni je shvatio da je prevaren.
- [5] Policijski službenici provode kriminalističko istraživanje.

- [1] **Через социальную сеть договорился о покупке транспортного средства и уплатил задаток, однако продавец не появился**
- [2] *Полиция предупреждает граждан не поддаваться на различные мошеннические схемы в Интернете и не совершать сомнительные денежные транзакции, чтобы самим не стать жертвами*
- [3] Копривницко-Крижевацкая полицейская управа сообщила о случае мошенничества по интернету.
- [4] А именно, пострадавший 22-летний в четверг через социальную сеть нашел объявление о продаже машины и вступил в контакт с неизвестным лицом. Договорился о покупке транспортного сред-

ва и уплатил аванс в 210 евро. После того как он прибыл в назначенное место, чтобы забрать автомобиль, неизвестное лицо не появилось, а пострадавший понял, что его обманули.

[5] Полицейские проводят криминальное расследование.

В заголовке обращает на себя внимание краткий, или бессвязочный, перфект *dogovorio* ‘договорился’, образуемый без помощи глаголь-связки *biti* ‘быть’, ср. в основной части статьи форму полного перфекта *dogovorio je*, образуемого при участии копулы *je* ‘быть.1PFV.3SG’. Краткий перфект характерен для новостных заголовков, где он выполняет роль hot news perfect (Silić, Pranjković 2005: 193)¹. В нашем материале эта форма преобладает в заголовках (165 форм краткого перфекта vs. 15 форм полного перфекта) и полностью отсутствует в остальных частях статьи².

Подзаголовок обычно повторяет синопсис или итог, реже фрагмент основной части. В нашем примере подзаголовок менее типичный: он представляет собой предупреждение читателям остерегаться мошенников. Подобные предупреждения часто включаются в статьи о мошенничестве, но обычно даются в заключительной части статьи, после итогов (дополнительный структурный элемент [6]). Синопсис дает читателю представление о теме сообщения. Основная часть, которая часто начинается со слова *naime* ‘а именно’ (36 примеров из 100 в нашей выборке, включая приведенный выше), содержит изложение хода событий. Итоги информируют читателя о положении дел на текущий момент: проводится расследование, пострадавшие получили помощь и т. п.

Как уже было сказано выше, краткий перфект встречается только в заголовках. Единственной глагольной формой плана прошедшего времени в остальных частях статьи является перфект — наименее маркированное и самое употребительное из прошедших времен (Kordić 1997: 38; Багдасаров 2022: 702). Как правило, перфекты от основы совершенного вида образуют нарративную цепочку, а перфекты от основы несовершенного вида обозначают фоновые события и состояния. В обследованных нами текстах не встретились не только стилистически сильно маркированные синтетические претериты, но и стилистически нейтральный плюсквамперфект, который служит в том числе и для уточне-

¹ По образному выражению Й. Силича и И. Праньковича, краткий перфект «конденсирует содержание целого текста».

² В форме *se nije pojavio* ‘не появился’ копула обязана своим появлением необходимостью выразить отрицание.

ния временной последовательности событий и причинно-следственных связей между ними³.

Тем более заметную роль в нарративах играют союзы. Мы ограничимся здесь рассмотрением соединительных сочинительных союзов *i*, *te*, *pa*.

Союз *i* 'и' — соединительный сочинительный союз. В нашем материале он встречается около 280 раз⁴, при этом 42 раза в заголовках⁵. Он соединяет различные типы составляющих — именные группы (1), предложные группы, глагольные группы (2), клаузы (3), и т. д.

- (1) Lopov provalio u stan, ukrao novac i nakit, šteta je velika.
'Вор вломился в квартиру, украл деньги и украшения, ущерб значителен'.
- (2) Preko društvene mreže dogovorio kupnju vozila i uplatio kaparu, ali se prodavač nije pojavio.
'Через социальную сеть договорился о покупке транспортного средства и уплатил задаток, однако продавец не появился'.
- (3) U prometnoj nesreći 34-godišnja vozačica je lakše ozlijeđena i protiv nje će biti pokrenut prekršajni postupak.
'В дорожно-транспортном происшествии 34-летняя водительница получила легкие повреждения, и против нее будет возбуждено разбирательство о нарушении [правил ДТП]'.

Союз *i* осуществляет функцию сочинения в чистом виде. Когда речь идет о событиях, обозначаемых глагольными группами или клаузами, эти события логически независимы друг от друга. Так, в (3) тот факт, что против водительницы будет возбуждено судебное разбирательство, никак не зависит от того факта, что она получила легкие повреждения. Иначе ведет себя союз *te*.

Союз *te* 'и; да' встречается в нашем материале 113 раз, и при этом он ни разу не встречается в заголовке. Когда *te* соединяет глагольные группы или независимые клаузы, обозначаемые ими события Р и Q всегда логически связаны: Q является следствием Р (4-5) или, по крайней мере,

³ Подробнее см., inter alia, Сичинава 2019; Егорова 2022.

⁴ Автоматический поиск дает 285 вхождения сегмента *i* между двумя пробелами, но из этого числа необходимо вычесть спорадически встречающуюся частицу *i*.

⁵ 44 вхождения сегмента *i* между двумя пробелами, два из которых — частица *i*.

не может осуществиться, если не осуществлено Р, так что Р является необходимым условием для Q (6).

- (4) Osumnjičeni 43-godišnjak je pobjegao iz stana te policija provodi intenzivne mjere traganja za njim.
'Подозреваемый 43-летний сбежал из квартиры, и [поэтому] полиция проводит энергичные меры его розыска'.
  - (5) I dalje ima onih koji nasjedaju na priče o lakoj zaradi te ostaju bez velikih svota novca <...>.
'Все еще есть такие, кто верит рассказам о легкой зарботке и [как следствие] остается без больших сумм денег <...>'.
  - (6) Naime, oštećeni je 22-godišnjak u četvrtak preko društvene mreže pronašao oglas za prodaju vozila te stupio u kontakt s nepoznatom osobom.
'А именно, пострадавший 22-летний в четверг через социальную сеть нашел объявление о продаже машины и вступил в контакт с неизвестным лицом'.
- Разумеется, причинно-следственные отношения между Р и Q могут наблюдаться и тогда, когда в предложении используется сочинительный союз *i* (7), но, как показывает пример (3), наличие причинно-следственных отношений между Р и Q в этих случаях необязательно. В примерах, подобных (7), союз *i* приобретает контекстно-обусловленный причинный оттенок.
- (7) Vozač kamiona pao i zaradio teške ozljede opasne po život.
'Водитель грузовика упал и заработал тяжелые повреждения, опасные для жизни'.

В то же время, как показывает наш материал, для появления союза *te* между глагольными группами и клаузами наличие причинно-следственных отношений между Р и Q является непременным условием. Исключение составляют вложенные клаузы, при сочинении которых данное условие может не соблюдаться (8).

- (8) Na upit portala Zagorje.com je li utvrđeno je li dijete rođeno mrtvo ili je umrlo nakon poroda te je li utvrđen uzrok smrti iz policije nisu odgovorili.
'На вопрос портала Zagorje.com, установлено ли, что ребенок родился мертвым, или он умер после рождения, и установлена ли причина смерти, в полиции не ответили'.

Не соблюдается это условие и при сочинении групп других типов, например именных (9–10).

(9) U prvom redu zahvaljujući vrhunskim intenzivistima, dječjim kirurzima koji se bave opeklinama te dječjom traumatologijom <...>. 'В первую очередь благодаря главным реаниматологам, детским хирургам, которые занимаются ожогами и детской травматологией <...>'.⁶

(10) Kako stoji u priopćenju Policijske uprave varaždinske, policajci su tom prilikom pronašli sedam pušaka domaće izrade, plinski pištolj, startni pištolj, razne dijelove vatrenog oružja, dva prigušivača te gotovo 2500 komada streljiva različitog kalibra.

'Как сообщает Вараждинская полицейская управа, полицейские при этом нашли семь ружей отечественного производства, газовый пистолет, стартовый пистолет, различные части огнестрельного оружия, два глушителя и почти 2500 штук патронов различного калибра'.

Таким образом, при сочинении составляющих других типов, нежели глагольные группы и клаузы, союзы *i* и *te* выглядят взаимозаменяемыми⁶, что можно проиллюстрировать парой примеров (11) и (12) из одной и той же статьи. (11) представляет собой заголовок, (12) — предложение из основной части статьи, содержащее ту же информацию.

(11) Drama u romskom naselju: napali muškarca i ukrali mu novac, sat i automobil.

'Драма в цыганском поселке: напали на мужчину и украли у него деньги, часы и автомобиль'.

(12) Prilikom napada nasilnici su 54-godišnjaku ukrali novac, ručni sat te ključeve od osobnog automobila marke Peugeot 206 <...>.

'В ходе нападения разбойники украли у 54-летнего деньги, наручные часы и ключи от личного автомобиля марки Peugeot 206 <...>'.

Впрочем, последний пример интересен тем, что украденные ключи, в отличие от денег и часов, не пропадают из поля зрения читателя: далее рассказывается о том, как при помощи этих ключей один из преступников угнал автомобиль. Таким образом, несмотря на то что семантиче-

⁶ С той единственной разницей, что *te* избегается в заголовках.

ские отношения между сочиняемыми именными группами в предложении (12) симметричны, на уровне дискурса наблюдается асимметрия: именная группа *ključeve od osobnog automobila* 'ключи от личного автомобиля', вводимая при помощи союза *te*, обладает большим дискурсивным весом, чем именные группы *novac* 'деньги' и *ručni sat* 'наручные часы'.

Наконец, союз *pa* 'и; да' встречается в нашем материале всего 11 раз, десять из них в заголовках и один в составе прямой речи. Во всех заголовках союз *pa* используется для сочинения глагольных групп⁷, как в примере (13), и для них справедливо то же, что для аналогичных примеров с союзом *te*: событие Q является следствием события P или, по крайней мере, невозможно без наступления события P. В толкование союза *pa* часто включаются семантические компоненты темпоральности и причинно-следственных отношений: «союз соединительный (со знач. следствия, связи с последующим) и; и затём, и потём» (Толстой 2001: 363), «да, и; а затём; а потём; вот и; но⁸, и все же, и все-таки» (Багдасаров 2022: 347).

(13) Mislio da ulaže u kriptovalute pa ostao bez 8200 eura.

Думал вложиться в криптовалюты и остался без 8200 евро.

Итак, союз *i* служит наиболее нейтральным средством сочинения различных типов составляющих, не предполагающим специальных причинно-следственных связей между обозначаемыми ими событиями. Союз *te* также служит для сочинения различных типов составляющих, но предполагает наличие причинно-следственной связи между обозначаемыми ими событиями. Союз *pa* в обследованных нами текстах служит для соединения глагольных групп и клауз и также предполагает наличие причинно-следственной связи между обозначаемыми ими событиями.

Как показано в работе Подлеская 2022, союзы могут в различных комбинациях сочетать свойства сочинительных (координативных) и подчинительных (субординативных) средств связи, образуя иерархию, или шкалу координативности. Из трех рассмотренных нами союзов *i* ближе всего к прототипическому сочинению. Союзы *te* и *pa* отклоняются от прототипа по семантическому критерию: компоненты конструкции, соединяемые этими союзами, регулярно бывают связаны асимметричны-

⁷ В одиннадцатом примере союз *pa* соединяет вершины вложенных клауз.

⁸ Перевод союза *pa* как 'но', вероятно, появился под влиянием предложений типа (13), в которых событие Q противоречит ожиданиям от события P.

М. А. Егорова

ми семантическими отношениями, а именно отношениями причины и следствия. Таким образом, на шкале координативности *i* располагается ближе всех к полюсу сочинения, а *pa* и *te*, также находящиеся в зоне, близкой к прототипическому сочинению, чуть смещены в сторону полюса подчинения.

По нашим наблюдениям, в текстах новостных статей союзы *pa* и *te* находятся в дополнительном распределении: первый предпочитается в заголовках, второй — в остальных частях статьи. Объяснение этому факту еще предстоит найти.

Сокращения

3 — 3-е лицо; IPFV — имперфектив; SG — единственное число.

Литература

- Багдасаров А. Р. 2022. *Хорватско-русский словарь. Hrvatsko-ruski rječnik*. М.: Издательство МБА.
- Егорова М. А. 2022. О семантике и дискурсивных функциях аориста и плюсквамперфекта в современном сербском языке (на материале романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра»). *Вопросы языкознания*, №3, 14–53.
- Подлеская В. И. 2022. Сочинение и подчинение в японских полипредикативных конструкциях. В кн.: В. И. Подлеская. *От полипредикации к дискурсу: японский, русский, далее везде...* М.: РГГУ, 22–57.
- Сичинава Д. В. 2019. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей. *Вопросы языкознания*, №1, 30–57.
- Толстой И. И. 2001. *Сербскохорватско-русский словарь. 7-е издание, стереотипное*. М.: Русский язык.
- van Dijk, T. A. 1985. Structures of news in the press. In: T. A. van Dijk (ed.) *Discourse and Communication*. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 69–93.
- Kordić, S. 1997. *Serbo-Croatian. Languages of the world: Materials 148*. München — Newcastle: LINCOM EUROPA.
- Silić, J., Pranjković, I. 2005. *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*. Zagreb: Školska knjiga.

THETIC SENTENCES AND SYNTACTIC STRUCTURE: WHAT CAN WE LEARN FROM COLLOQUIAL ISRAELI HEBREW?

Shlomo Izre'el

(Tel-Aviv University)¹
izreel@tauex.tau.ac.il

As against categorical constructions, where syntactic predication reflects semantic predication, thetic constructions manifest a different relationship between the two or suggest the lack of predication thereof. Studies on theticity have claimed that subject inversion is a strong diagnostic of thetic sentences, unto which one should add the lack of agreement between what is regarded as subject and what is regarded as verb. One other diagnostic of thetics is broad sentence focus. While not aiming to make a conclusive statement regarding thetic constructions in Hebrew, what will be presented below is a syntactic analysis of what has been hitherto termed VS structure in some prominent types of thetic sentences in colloquial Israeli Hebrew (IH). The presented analysis is based on previous work on sentence structure in Hebrew, which has claimed the existence of unipartite sentences in IH, viz., sentences consisting of only a predicate (domain) (Izre'el 2018a; b). The syntactic approach adopted for this analysis is functional, communicational, discursive and information oriented. For the study of spoken language, it further integrates segmental and suprasegmental features. The study of thetic constructions as presented here is further based on a previous analysis of existential constructions in IH as unipartite sentences (Izre'el 2022a). Thus, an apparent VS construction will in fact consist not of a bipartite sentence with subject and verb, but rather of solely a predicate domain, consisting of a nominal nucleus and an embedded initial constituent.

The essence of language lies open to view
and becomes surveyable by a rearrangement.
After Ludwig Wittgenstein

¹ For Vera, who had so kindly invited me to take part in a workshop at the SLE meeting in 2019, which initiated this paper. Thank you, dear Vera, for this invitation. I also thank the participants in this workshop who were kind to make useful observations on the topic. I further thank Anna Inbar and Leon Shor for reading and commenting on a previous draft of this paper.

1. Theticity and sentence structure: a short introduction

In his introduction to a recent book dealing with thetics and categoricals (Abraham et al. 2020), Abraham writes as follows:

What are categoricals and thetic judgements? Going by the most explicit conclusions in the present book (...), there is one negative, yet strong restriction: a thetic sentence is not a predication in the Kantian sense (i.e., predicating a property or eventuality of an object or person). Beyond this negative constraint, the most explicit conceptualization of thetics expressed in the present volume is “a not necessarily truth-functionally operable, yet syntactically well-structured sentence with speech act status, formally occurring with subject inversion or broad sentential focus”. (Abraham 2020a: 1)

This definition takes cognizance of the formal characteristics of thetic sentences, among which the first is subject inversion (so also in Abraham 2020b). Indeed, many studies on theticity have claimed that subject inversion is a strong diagnostic of thetic sentences, unto which one should add lack of agreement between what is regarded as subject and what is regarded as verb (see, among others, Sasse 1995; 2006: §2.1; García Macías 2016: §2.1.2). As mentioned by Abraham, one other diagnostic of thetics is broad sentence focus (Lambrecht 1987; 1994; Lambrecht, Polinsky 1997; and others), which introduces prosody and information structure into the study of thetic sentences.

It should be noted, however, that correlation between sentence constituents order and thetic sentences is not straightforward (e.g., Sasse 1987; 1995; Sornicola 1995; Ozerov 2018: §4.2.2). Moreover, there are problems with treating theticity as a unified phenomenon or as a category (Sasse 2006: §6; Ozerov 2018; Wilson 2020).

In this paper, I do not intend to take part in the debate on theticity, neither it is my aim to cover the entire range of thetic expressions in Hebrew in general or in colloquial Israeli Hebrew in particular. Furthermore, this paper will not deal comprehensively with the range of verb-initial and related constructions. What will be presented below is a syntactic analysis of what has been hitherto termed VS structure in some prominent types of thetic sentences as manifested in the study of colloquial Israeli Hebrew (Givón 1976; Berman 1980; Melnik 2006; Kuzar 2012; Halevy 2016; among others). A few examples are listed below: sentences with initial dedicated particles (exx. 1–3); sentences with initial forms that include non-referential person, gender or

number markers (exx. 4, 5); and an example representing sentences with initial forms including referential markers (ex. 6).^{2,3}

- (1) *jef 'dʒukim* |
EXT cockroaches
'There are cockroaches.' (C612_4_sp2_065)
- (2) *'hine 'natan* ||
PRES Nathan
'Here is Nathan.' (P311_2_sp1_136)
- (3) *en⁴ ma'kor ba'sar* ||
NEG.EXT source meat
'There is no source for meat.' (C612_2_sp1_057)⁴

² The initial data upon which this research has been based are drawn from The corpus of *Spoken Israeli Hebrew (CoSIH)* <cosih.com>, analyzed by ELAN <https://archive.mpi.nl/tla/elan> and by Praat <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>. References follow the system used in *CoSIH*; speakers are referred to as sp1, sp2, etc.

³ Transcription is usually broad phonetic, with some attention to the phonological system. Phonological input is added mainly in the representation of /h/, which is elided in most environments in contemporary spoken Hebrew, and in the representation of some occurrences of /j/, which may also elide in certain environments. Epenthetic vowels (usually *e* [ɛ]) following prepositions and the conjunction (/v/ 'and') are not consistently transcribed. Similarly, fast speech contractions are not followed. For typographic and reading convenience, the rhotic phoneme, which is uvular in standard Israeli Hebrew, is represented as *r*; the mid vowels are represented as *e* and *o*, although their prototypical respective pronunciations are lower. Two successive vowels are separated by a syllabic boundary, e.g., *'bait* 'house', is to be read *'ba.it*; diphthongs are indicated by vowel+semi-vowel (in both directions), e.g., *aj.ja*. Prosodic notation: | minor boundary; || major boundary; / major boundary with “appeal” tone (for this term see Du Bois et al. 1993: §3.3); — fragmentary unit; - truncated word. Accented words are marked by boldface characters.

Glossing follows, mutatis mutandis, the Leipzig Glossing Rules <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>. Additional glossing and abbreviations: EXT existential (marker); NFCT non-factual (covering future-time or non-assertive modality reference; see Malibert-Yatziv 2009; 2016: §3); PFV perfective aspect (in the case of EXT constructions usually implying past tense); PRES presentative; PM person marker; PRED predicational constituent. It should be noted, that *predicational* should be differentiated from *predicative*: whereas *predicative* relates to the notion of predicate, *predicational* relates to predication, thus referring to each of the constituents forming part of a (syntactic) predication, viz., either subject or predicate.

⁴ There are two main variants of the surface structure of this negation: [en] and [ejn]. The underlying form depends on the phonological interpretation of the initial segment,

- (4) *jo'red*   *'gefem* ||
 going.down[M.SG] rain
 'It is raining.' (Firsthand data; recurrent)
- (5) *nim'tsa-ø*   *'fama jela'dim tsei'rim* ||
 be.found\PFV-3SG.M.PRED there children.PL young.PL
 'Young children were found there.' (Paramedic interviewed on a fatal car accident; TV channel 13 news, June 6, 2019)
- (6) *ba'xelek hadro'mi nim'ts-et*   *'xatgal* ||
 in.the.part the.southern be.found\PTCP-F.SG Hatgal(F)
 'In the southern part there is Hatgal.' (OCh_sp1_228)

One should note that the very notion of subject inversion — along with the abbreviation VS — takes for granted that where NP and VP are present in a sentence, the first is analyzed as subject, the second as predicate. I will argue that what is commonly taken as subject, albeit a non-canonical one (for Hebrew see, among others, Halevy 2016), is best analyzed as predicate; that a verb (V) is not a necessary component in such sentences and, in any case, it does not form the predicate of these sentences; and that, accordingly, there is no inversion of subject and predicate neither is there disagreement between subject and predicate (as generally claimed for sentences like exx. 4–5). Mainly, what I aim to show is that in such configurations of thetic constructions, there is no discrepancy between syntactic structure and semantics or information structure. The theoretical framework for this analysis is discussed briefly in §2.

2. Theoretical framework

The syntactic approach used herein builds on the premise that syntax, information structure and prosody integrate in spoken language structure, forming a coherent unity. According to this approach and a close observation of colloquial IH, the predicate (domain) is the only necessary constituent — and a sufficient one — constituting a sentence. Therefore, a subject needs a predicate for being determined as such in a sentence and cannot be — against many descriptions of thetic and other constructions — a sole con-

whether a diphthong or a plain vowel. Without taking side in the debate, I have decided to follow the prevalent pronunciation of this marker in the investigated corpus and transcribe it invariably as *en*.

stituent in a sentence, as most or even all theories imply (e.g., Kuzar 2012: §12.3). A sentence consisting of only a predicate domain has been termed *unipartite sentence* (Izre'el 2018a; 2018b). The *predicate* (or the *predicate domain*) is viewed as the constituent carrying an individual piece of information within the discourse context, which by default will include a newly introduced element. As such, the predicate (domain) may be seen as the default representation of the *comment*. By default, the focus of the sentence will be found within the predicate domain. The predicate domain carries the modality of the sentence, where modality is seen as an essential component of the sentence, the one that transforms a proposition to a sentence (Izre'el 2018b: §5 with previous references).

Attention should be drawn to the fact that in Hebrew any part of speech (save bare prepositions and conjunctions, except for some special cases) can form either a predicate or a subject: nominal, pronominal, adverbial phrases; particles (including modal particles; see Izre'el 2022b, §3); as well as larger phrases, sentences and other syntactic complexes (Izre'el 2012: §3; 2018b: §3). The syntactic function of the respective constituents in any individual sentence, whether subject or predicate, will be determined according to their respective part-of-speech, according to relative definiteness, according to prosodic features interacting with constituent order, and according to contextual grounds, all of which may be interdependent. It should further be noted that the Hebrew verb is not a predicate *per se*, but constitutes a full bipartite sentence,⁵ consisting of both a bound person marker (henceforth: PM), by default constituting its subject,⁶ and a verbal stem, constituting by default its predicate. This is demonstrated by ex. 7.

- (7) *j-ih'je*
 3SG.M.PRED-be\NFCT
 He will be.
 (P311_2_sp5_033; cf. Table 2/c below)

For further details see Izre'el 2012; 2018a; 2018b; 2022a: §2.

⁵ *Sentence* is taken here to be the reference unit of syntax, standing also for *clause* (but see below, end of §4 and §7).

⁶ For this view — as against the common view, that takes the PMs in the Hebrew verb to be agreement markers, — see Izre'el 2012; Shor 2022; for related views see Mithun 2003; Kibrik 2011: §3.3.2; Kibrik 2019.

3. Affirmative existential-presentative and other presentative sentences with a dedicated particle

Affirmative existential(-presentative) sentences in Israeli Hebrew are formed by a dedicated EXT marker *jef* (Izre'el 2022a). Its negative counterpart is *en* (Izre'el 2022b: §2). Further, Hebrew has a dedicated particle for presentative sentences, viz., *hine*. The default word order of both constructions is {EXT/PRES NP} (exx. 1–2 above).

In previous studies (Izre'el 2018c; 2022a; 2023) I argued that NPs in either affirmative existential-presentative (henceforth: EXT-PRES) or presentative (henceforth: PRES) sentences cannot be regarded as syntactic subject and are best analyzed as predicate or rather as a predicative nucleus in a predicate domain. In these two examples, the referents represented by the respective NPs are first introduced into the discourse, i.e., they carry the informational load of the sentence, presenting each a new bit of information; they are marked for focus by prosodic accent; and — being part of the predicative domain — each carry the modality of the respective sentences, indicated mostly by the prosodic contour. Thus, these NPs fit exactly the definition of *predicate* brought above (§2). The other constituent in each of these sentences is a particle, viz., the EXT particle *jef* or the PRES particle *hine*. As I have suggested in Izre'el 2022a (§3.1.2), both particles are modal, as the paradigm below show (Table 1).

Table 1. *jef* and *hine* in paradigmatic relations with other modal particles

Function	Modal particle	Predicative nucleus
evidentiality	<i>'hine</i>	<i>ka'fe</i>
	PRES	coffee
	'Here is (some) coffee.'	
existentiality	<i>jef</i>	<i>ka'fe</i>
	EXT	coffee
	'There is coffee.'	
necessity	<i>tsa'riḥ</i>	<i>ka'fe</i>
	need[M.SG]	coffee
	'There is need for coffee.'	
possibility	<i>ef'ar</i>	<i>ka'fe</i> /
	possible	coffee
	'Can (I/we) get (some) coffee?'	

Consisting of only a predicate domain, both EXT-PRES and PRES constructions constitute unipartite sentences. For further details see Izre'el 2022a: §3.1; 2023.

In all constructions exemplified in exx. 1–6 above, the respective constituents in final position are all NPs. In all cases, the information given is new information, being a basic argument for regarding them as presentative or thetic sentences (cf. Hetzron 1976; Wilson 2020). Furthermore, in all examples, the prosodic accent is carried by the respective final constituents, marking them as focal. Now, whereas in exx. 1–3 the initial constituents are particles, in exx. 4–6 the parallel constituents, i.e., those preceding the final NP,⁷ are forms that include each an overt or covert index.⁸ Now, if one adheres to the theoretical framework sketched in §2 above, one will try to regard the NP constituents in final position as predicates — or predicative nuclei — of the respective sentences. The question to follow, is, then, how to comply with this analysis in the analysis of the additional component(s). In §4, I will take again EXT-PRES sentences as the first step for this analysis. In §§5–6, I will suggest to expand this analytic path to other thetic constructions.

4. Existential-presentative constructions with a verb in initial position

Where time, aspect or non-assertive modalities of existence are to be expressed, forms of $\sqrt{hij}$ ⁹ 'be' are used in paradigmatic relation with the dedicated EXT-PRES particle *jef* or the NEG.EXT particle *en*. Table 2 presents examples forming a paradigmatic set of forms of affirmative (a-e) or negative (d-e) EXT constructions in IH.¹⁰

⁷ In ex. 6, the parallel form comes after an initial locative expression.

⁸ The term *index* (cf. Haspelmath 2013) should be preferred in this context over *person marker* or its like, as it encompasses either the markers of person, gender and number included in verbs, or the gender-number markers included in adjectival and participial forms, which do not mark person. As noted by Goldenberg, "The form 'adjective' (including participles; SI) is recognized as an attributive complex with pronominal reference and attribute as distinguishable components, the former represented by the inflexional markers and the latter given in the lexeme involved" (Goldenberg 1995: 8 = 1998: 53).

⁹ $\sqrt{hij}$ is used as a symbol of the root. This is a traditional notation of the root, which does not necessarily reflect its actual allomorphs in (spoken) Israeli Hebrew. For the formation of verbs in Hebrew see §2.

¹⁰ Only basic, frequently-used forms are represented here. Other forms are dealt with in the respective, relevant sections of Izre'el 2022a; 2022b.

Table 2. EXT particles and forms of $\sqrt{hij}$ 'be' in paradigmatic relations

	Modal component	Predicative nucleus
a	<i>jef</i> EXT	<i>niv'çeret=fait</i> team.F=sailing
'There is a sailing team.' (C711_0_sp1_226)		
b	<i>haja-ø</i> be\PFV-3SG.M.PRED	<i>tmu'na fel — (...) ameri'kaim kitso'nim</i> picture.F of American extremists
'There was a picture of American extremists.' (C714_sp5_044-048)		
c	<i>je j-ih'je</i> that 3SG.M.PRED-be\NFCT	<i>tax'a'rut</i> competition.F
'Let there be competition.' (C711_1_sp1_021)		
d	<i>az en</i> so NEG.EXT	<i>bea'ja</i> problem.F
'So, there is no problem.' (C612_3_sp2_046)		
e	<i>je lo j-ih'je</i> that NEG 3SG.M.PRED-be\NFCT	<i>'ruax</i> wind[F]
'That there will be no wind.' (C711_1_sp1_021)		

Notice, that whereas in all the examples the PM which functions as the subject of the verbal forms is 3SG.M, the NP included in the predicative nucleus is feminine (F) and thus the respective PMs are non-referential.¹¹ These configurations form the bulk of EXT-PRES occurrences in colloquial IH. Non-referentiality in verbal forms is also a characteristic of existential and other thetic constructions in many languages (Sasse 1987: §4.4; Lambrecht 2000: §3.4; Girard 2003: §1.3; Givón 2017: §3.3; Fujinawa 2022; among others). As I have argued elsewhere (Izre'el 2022a: §3.2.2), the subject PM in the verbal complex cannot be regarded as the subject of the NP predicate. Rather, it functions as the syntactic subject of the verbal complex derived from $\sqrt{hij}$ 'be', which is inherent to the verbal morphological complex, forming as such a bipartite clause in itself. Those who claim that this verbal form serves as a copula might still regard this PM as subject of the NP predicate yet with no "agreement" between them. However, the alternation between the particle *jef* and the root *hij* — aside other arguments — shows that $\sqrt{hij}$ is not devoid of meaning, but rather carries an EXT meaning alternating with the particle *jef*.

¹¹ For configurations with referential PMs see Izre'el 2022a: §3.2.3 and §6 below.

Therefore, it cannot be regarded as a mere copula. It is the entire verbal complex which serves as the modal-EXT constituent of the sentence, being in paradigmatic relation with the simple EXT marker *jef*. Since a verb is in fact a clause on its own, it should be seen as an embedded clause within the EXT matrix clause, together constituting a unipartite sentence.¹²

5. Other thetic constructions with an initial embedded component

5.1. Weather, meteorological, environmental or time-related statements

We have seen above (ex. 4) an example of one way of saying 'It's raining' in Hebrew. This and other ways of communicating weather statements are listed below (Table 3; for the peculiar behavior of weather statements in other languages see Mettouchi, Tosco 2011; Eriksen et al. 2015).

Table 3: Weather statements in colloquial IH

	Presentative constituent	Predicative nucleus
Present time reference:	a —	' <i>gefem</i> rain
		'It's raining.'
	b <i>jef</i> EXT	' <i>gefem</i> rain
		'It's raining.'
	c <i>jo'red</i> going.down[SG.M]	' <i>gefem</i> rain
		'It's raining.'
Past time reference:	d <i>haja-ø</i> be\PFV-3SG.M.PRED	' <i>gefem</i> rain
		'It was raining.'
	e <i>ja'rad-ø</i> went-down\PFV-3SGM.PRED	' <i>gefem</i> rain
		'It was raining.'

¹² The alternate can also be complex phrase including an infinitive (Izre'el 2022a: §3.2.1; cf. also below §5.1, Table 3/h).

Future time	f	<i>j-th'je</i>		' <i>gefem</i>
reference:		3SG.M.PRED-be\NFCT		rain
		'It will be raining.'		
	g	<i>j-e'red</i>		' <i>gefem</i>
		3SG.M.PRED-go.down\NFCT		rain
		'It will be raining.'		
Proximate time	h	<i>ho'lex</i>	<i>la-'redet</i>	' <i>gefem</i>
reference:		going[SG.M]	INF-go.down\INF	rain
		'It's going to rain.'		

As seems to be obvious, there is no difference between any of the statements in each of the three first paradigms (a–c, d–e, f–g). For present-time reference, it is enough to say *gefem* 'rain' (a), perhaps the most frequently-used utterance in colloquial spoken IH. This is, obviously, a unipartite sentence, consisting of only a predicate. Constituting an entire prosodic unit, focus marking is self-evident by the very segmentation, with no real need for extra marking by prosodic accent. The EXT-PRES sentences *jef gefem* (b), *haja gefem* (d) and *jihje gefem* (f) are, likewise, unipartite sentences, consisting of the predicative nucleus *gefem* and the EXT-modal particle *jef* (§3) or its verbal alloforms (§4).

How shall we analyze the other sentences in Table 3, viz., the ones using forms of $\sqrt{jrd}$ 'go down' (c, e, g, h)? Using the same line of thinking within the theoretical framework described briefly above (§2), I suggest to analyze the NP as a predicative nucleus and the initial constituent as an embedded component, the function of which is — very much like that of the EXT constituent or the PRES particle — to indicate the existence of a referent or present it, as well as to introduce its referential expression into the discourse. Similar constructions with these and related types of lexemes have been duly referred to as "existential-like" (Halevy 2016), and may well be classified among presentative constructions (Lambrecht 1987: §2.2.1; Sasse 1987; 2006; for Hebrew see Hetzron 1976; Kuzar 2012: §5). I have therefore labelled the first column in Table 3 "presentative constituent". Thus, the embedded constituent can consist of a verb, a participle, an adjective, or a related phrase, of which there is no representation for the predicative NP by means of an index, i.e., coreferentiality (or "agreement").¹³ Ex. 8 illustrates the use of similar constructions in

¹³ For the term *index* see note 8 above.

environmental statements with feminine NPs. A couple is walking on the beach towards sunset. One speaker is saying:

- (8) *od.me'at jo'red* ha=*femef* ||
soon go.down\PTCP[SG.M] DEF=sun(F)
'The sun will soon go down.' (Firsthand data; November 11, 2019)

A month earlier, my grandson, during his first visit to Paris, surprised to see that the sun sets much later than in Israel, utters:

- (9) *oj* || *od lo ja'rad-ø* ha=*femef* ||
wow yet NEG go.down\PFV-3SG.M.PRED DEF=sun(F)
'Wow! The sun hasn't gone down yet.' (Firsthand data; October 9, 2019)

In both cases, the prosodic accent marking the focus is carried by the NP 'sun', which although definite, still occupies the final position in the construction.

It should be noted at this juncture that the analysis of either the NP *gefem* 'rain' or the definite NP *ha=femef* 'the sun' as predicate — or predicative nucleus — is in accordance with the criteria given above (§2), including the placement of focus and the context (for definite pivots in EXT-PRES constructions see Izre'el 2022a: §3.4). For example, had either 'rain' or 'the sun' been mentioned before in the discourse, it would probably not be marked for focus and would be analyzed as subject, whereas the other constituent(s) would be analyzed as forming the predicate domain (for the EXT component as predicate see Izre'el 2022b: §3).

One will note again that no significant lexical meaning is added by the use of the lexeme $\sqrt{jrd}$ as against parallel constructions with the EXT component or without any component preceding the predicative (nucleus) *gefem* 'rain' (Table 3). However, this is not the case with the constructions cited in exx. 8 and 9, where there is no real alternative to the attested statements. Still, the constituent order remains the same and, especially, the prosodic accent marking the focal point of the predicative domain is carried by the NP. Moreover, the initial component does not include an index that is coreferential with the following NP, so that the latter cannot be regarded as subject (for Hebrew see, among others, Berman 1980; Melnik 2006). Taking all this into consideration, I maintain that — as in all other cases analyzed above — it is the entire construction that constitutes the predicative domain and thus forms a unipartite sentence, whereas the initial component is embedded within this sentence.

5.2. Other thetic sentences
with non-referential expressions in initial position

Let us recall now ex. 5 above, repeated here as ex. 10:

- (10) *nim'tsa-ø*   *'fama jela'd-im tsei'r-im* ||
be.found\PFV-3SG.M.PRED there children-PL young-PL
'Young children were found there.' (Paramedic interviewed on a fatal car accident; TV channel 13 news, June 6, 2019)

Being similar in meaning to EXT and locative propositions,¹⁴ the structure of this example is similar to EXT-PRES sentences as described in §4 above: a verb with a non-referential subject followed by a NP (after a locative adverb). As mentioned above, Halevy (2016) duly termed this type of sentences as “existential-like” (cf. also Halevy 2022). Here too, the NP introduces a new referent into the discourse and is marked for focus by a prosodic accent. I contend that — very much as in the case of meteorological and environmental statements — the NP is to be regarded also in this case as a predicative nucleus. As in the verbal modal components in EXT-PRES sentences (§4), here too the verb includes a non-referential PM, which can hardly be regarded as the subject of the predicative NP. Thus, I suggest to analyze the first component, viz. the verb *nimtsa* ‘(it) was found’, as a clause embedded in this sentence. One other example is the following one:

- (11) *ni'far-ø*   *od 'tfips-im* |
remained-3SG.M.PRED more chip-PL
'Are there any more (potato-)chips left?' (C714_sp5_080; also 081)

It should be noted that non-referential expressions do not always come in the same configuration. Ex. 12 is a possessive sentence, which is also closely related to EXT ones (Izre'el 2022a: §1 with previous references). A soldier discusses personal difficulties with his officer, who, on his part, is trying to calm him down by reminding him that his release from military service is coming soon:

- (12) *ni'far-ø*   *lexa od 'kama xoda'f-im* |
remain\PFV-3SG.M.PRED to.you more several month-PL
'You've got a few months left,' (C714_sp5_080)

¹⁴ For the close relationship between EXT and locative sentences see Izre'el 2022a: §1 with previous references.

The soldier, returning to this point after a short while, says as follows:

- (13) *az az ra'tsiti* | *ki'ilu 'kama fe nifa'r-u* |
then then I.wanted like several that remained-3PL.PRED
et=ha=xoda'f-im fe nif'ar-ø |
ACC=DEF=month-PL that remain\PFV-3SG.M.PRED
'So so I wanted, as many as have remained, the remaining months, (to do it right.)' (P931_1_sp1_146-147)

In ex. 12, the officer introduces into the discourse the reference ‘a few months’, duly using a thetic, existential-like construction. This is not the case in ex. 13, however. Here, ‘(a few) months’ is already a given reference, which would be expected to be resumed by a coreferential PM on a predicative verb, since the reference ‘the months’ functions now as a topical subject. This configuration is indeed manifested in the second prosodic unit (*kama fe nifa'ru* ‘as many as have remained’; note that the quantifier *kama* is used in both instances). However, the speaker feels the need to use a different configuration, which now manifests a non-referential form, albeit in an embedded, relative clause. For this speaker, using a non-referential form of this verb seemed to fit better for what he was about to express. Perhaps we should learn from this case, that non-referentiality for existential-like statements makes a stronger diagnostic of existential-like or presentative constructions? One other example in support of this tentative conclusion is ex. 14, where two soldiers are talking about a hitchhiking stop which used to be located near their base and had been removed at some point.

- (14) sp1: *ax'fav jef trempi'jada* ||
now EXT hitchhiking.stop.F
'There is a hitchhiking stop now.'
sp2: *meha'faar* | *ax'fav jef* | *xa'zar-ø* |
from.the.gate now EXT returned-3SG.M.PRED
'From the gate? Is there one now? Has it been restored?'
(P423_1_sp1_124; sp2_097-099)

In its two occurrences in this example, the EXT marker *jef* functions as predicate (Izre'el 2022b: §3). What is interesting, though, is that the verb *xazar* ‘it has returned’, ‘it has been restored’, which *prima facie* is semantically predicated on the F noun *trempijada* ‘hitchhiking stop’, has a non-referential PM as its syntactic subject. Again, this brings further support to the significance of non-referentiality in existential-like contexts. Thus, non-referentiality

in such cases is not a matter of disagreement between subject and predicate but indicates an entirely different conceptual structure. This, however, needs further investigation.

6. Thetic sentences with coreferential sentence constituents

Aside thetic sentences with non-referential expressions, IH has a variety of conceptual semantic-pragmatic constructional categories, where the initial constituent includes a PM or a gender-number index which exhibits coreferentiality with the following NP (Givón 1976; Berman 1980; Melnik 2002; 2006; 2020; Kuzar 2012; Maschler 2015; Halevy 2016; 2022). Limiting ourselves to thetic statements, let us look into constructions where a referent is introduced into the discourse. This is the case in ex. 15, where the interlocutors are discussing the birth of twins. This conversation takes place over the telephone, where only one speaker has been recorded.

- (15) 'Rinat told me about someone (...),'
 1 *fe ha'j-u lo fne ba'n-im* |
 that be\PFV-3PL.PRED to.him two son-PL
 'who had two sons,'
 2 *ve no'ra ra'tsu bat* |
 and very they.wanted daughter
 'and they really wanted a daughter,'
 3 *nixne'su 'odpaam lehera'jon* |
 they.entered again to.pregnancy
 'they got pregnant again,'
 4 *ve ja'ts-u la'hem teo'm-im ba'n-im* ||
 and go.out\PFV-3PL.PRED to.them twin-PL son-PL
 'but twin boys have been born.' (C514_2_sp1_183-188)

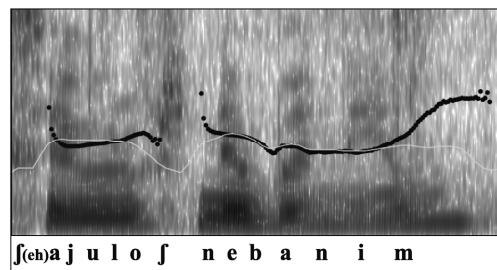

Figure 1. Ex. 15, line 1

Line 1 and line 4 exhibit V1 configurations. The two respective sentences are presentative ones, the first (line 1 with Fig. 1) includes an EXT-PRES verb derived from $\sqrt{hjj}$; the verb in line 4, *jatsu* 'they came out', introduces into the discourse the NP *teomim banim* 'twin boys'. Each of the two verbs includes a plural PM, which is coreferential with the respective plural NP. About 7 seconds later, in response to her interlocutor on the other side of the line, the speaker utters the following statement:

- (16) *az ha'ja-ø lo ben ve bat* ||
 then be\PFV-3SG.M.PRED to.him son and daughter
 'So, he had a son and a daughter.' (C514_2_sp1_190)

The context can only be conjectured. It seems, however, that the above statement is a response to a similar, albeit slightly different case of birth giving, where the sex of the newborns is different from that of the previous case, the significance of which being emphasized by our speaker. As regards form, note that only in ex. 16 there is a perceivable prosodic accent (Fig. 2), whereas in the respective constructions of ex. 15 — notably the similar statement in line 1 (Fig. 1) — there is none.¹⁵

Figure 2. Ex. 16

Compare also the following statement (ex. 17 with Fig. 3), made by this very same speaker, where the NPs are the same as in ex. 16 (Fig. 2).

- (17) *ja'ts-u ben ve bat* ||
 go.out\PFV-3PL.PRED son and daughter
 'A boy and a girl were born.' (C514_2_sp1_332)

¹⁵ The final rise marks minor (continuing) boundary; prosodic accent is not perceived in this unit.

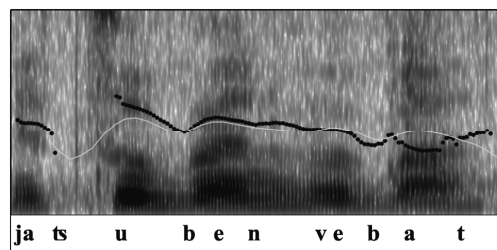

Figure 3. Ex. 17

Remarkably, where a prosodic accent is perceivable, the initial constituent includes a non-referential PM, whereas in the constructions with no perceivable prosodic accent, the initial forms include each a PM which is coreferential with the following respective NP. This observation corresponds to the observation made in a study of EXT-PRES constructions (Izre'el 2022a: §3.2), where distinction has been made between non-referential and referential verb-bound PMs. The latter are found with expected, known or given pivots and function as focus marking devices, coming in complementary distribution with prosodic marking of focus, where the pivot represents a brand-new referent. My tentative conclusion as suggested in that study was that this segmental focus marking indicates weak definiteness or, rather, relative accessibility. Looking at the examples found in *CoSHI*, this observation seems to hold also for other thetic, existential-like constructions. One can add to it the category of specificity (cf. von Heusinger 2002; 2011; 2019; Hoyt 2011), which seems to fit the predicative nuclei in the statements cited in ex. 15 (lines 1 and 4) above. In ex. 18, sp1 is talking about a worm that seems to have appeared from nowhere in her room.

- (18) 1 sp1: *a'ni me'od mud'ʔeget me=ha=to'la-at ha'zoti ba'xeder*
 I very worried from=DEF=worm-F this.F in.the.room
ets'li ||
 at.me
 'I am very worried about this worm in my room.'
- 2 sp2: *'eze to'la-at* ||
 which worm-F
 'What worm?'
- 3 sp1: *haj't-a al=ha='kir to'la-at* |
 be\PFV-3SG.F.PRED on=DEF=wall worm-F
 'There was a worm on the wall,'

- kmo be'tox pri ka'ze fe jef tola-'im* |
 like inside fruit sort.of that EXT worm-PL
 'like one inside a fruit with worms.'
- 4 sp2: *nu* |
 so
 'So?'
- 5 sp1: *al=ha='kir || me'efo hi'gia le'fam*
 on=DEF=wall from.where arrived.3SG.PRED¹⁶ to.there
to'la-at ||
 worm-F
 'On the wall! Where from a worm arrived there?'
- 6 sp1: *im ze ba mi'tox ha='kir* |
 if this came.3SG.M.PRED from.inside DEF=wall
a'ni lo jo'daat me e e |
 I NEG know.F.SG from uh uh
 'If it came out from inside the wall, I don't know wh- uh uh'
- 7 sp2: *mi'tox kir* |
 from.inside wall
 'From inside a wall?'
- 8 sp1: *m- m- me'efo tol- t-a'vo*
 f- f- from.where wor- 3SG.F.PRED-come\NFCT
to'la-at pi'tom 'jama ||
 worm-F suddenly there
 'Where from would a worm come suddenly there?'
 (C711_2_sp1_098-105; sp2_088-089)

In the first occurrence of the expression *tolaat* 'worm' (line 1), it occurs as definite, although it is only the speaker that had been aware of its existence. As her interlocutor had no idea of what she was referring to (line 2), the speaker had to introduce this referent into the discourse (line 3). There is no perceivable prosodic accent in this EXT-PRES construction, as the focus is marked by a coreferential PM. As described above, segmental marking is used because the referential expression *tolaat* is specific and in fact already a given one (line 1). Similar constructions with other verbs than $\sqrt{hij}$ 'be, EXT' are found in lines 5 (*higia* 'she arrived')¹⁷ and 8 (*tavo* 'she would come'): the con-

¹⁶ Due to morphophonological and phonetic conditions, this form is neutralized for gender.

¹⁷ Although neutralized for gender, I take this form as representing F inflection, which is supported by the use of the verb *tavo* in line 8.

stituent order is the same and no prominent prosodic accent is perceivable in either construction.¹⁸ Interestingly, sp1 first started the construction in line 8 with the NP *tol[aat]* 'wo[rm]', but immediately repaired so that the construction would start with a verb. A tentative conclusion would be, that thetic sentences of this type behave very much like EXT-PRES sentences; coreferentiality serves as a focus marker, coming in complementary distribution with prosodic prominence, and that this way of referentiality variation is dependent on relative accessibility or specificity. If so, thetic constructions of this type can also be analyzed as unipartite sentences, where the second constituent is the predicative nucleus, whereas the initial one, be it a particle, a verb, or any other form with either non-referential or referential marking, is embedded into the matrix clause.

Some caveats are nevertheless in order here. Firstly, coreferentiality in all constructions is a prescriptive demand of both written and spoken Hebrew (for EXT-PRES and existential-like constructions see Izre'el 2020), which affects genre and register variation as well as idiolectal variation. Therefore, working with a corpus-driven approach (Tognini-Bonelli 2001), as used here, reaching solid conclusions requires a much larger corpus of spontaneous spoken Hebrew, which is, at this time, unavailable.

Secondly, there seem to be lexemes where non-referential PMs or gender-number indices are constrained in these (and perhaps also other) constructions. In ex. 19, the speaker uses the Hebrew root-lexeme $\sqrt{kjm}$ 'exist' in its F.SG form *kajemet*, coreferential with the F NP *svirut* 'likelihood'. This is so, although it would seem that this very lexeme, so closely related to the EXT lexeme *jeʃ*, might be expected to show a similar behavior to that of EXT-PRES constructions.

- (19) (...) *ʃe* | *ka'jem-et svirut ʃe o'to 'maʃehu*
 that exist-F.SG likelihood.F that same something
 (...) *lo jitra'ʃef* ||
 NEG it.will.occur
 '(...) that it is likely that that thing will not take place.' (P931_2_sp2_273)

While two other similar utterances by the same speaker, which include the same form, exhibit only coreferentiality without prosodic accent, here both prosodic accent and coreferentiality are presented in one and the same sentence. The status of this speaker and the situation, a military officer talk-

¹⁸ Noting further that in both cases the constructions do not form full sentences but are embedded within matrix clauses.

ing to one of his subordinates, might have suggested genre or register constraints, but the size of the corpus does not enable further analysis of this variety. *CoSII* does not attest any non-referential thetic constructions in this speaker's speech, and other types or settings of speech by this speaker are not available. My own intuition, aside a quick internet survey, suggests that this lexeme may constrain non-referential forms to occur in similar constructions. One may still note that the constituent order is similar to the one discussed in this study.

One other illustration is ex. 6 above, repeated here as ex. 20:

- (20) *ba'ʃelek hadro'mi nim'ts-et ʃatgal* ||
 in.the.part the.southern be.found\PTCP-F.SG Hatgal(F)¹⁹
 'Hatgal is located in the southern part.' (OCh_sp1_228)

This statement is taken from a spontaneous conversation between a father and his son, who is trying to locate on a map places he had visited in Mongolia. The language of this speaker does attest non-referential thetic constructions, although not with this very lexeme. But in this sentence, as is the case with ex. 19 above, both coreferentiality and prosodic accent are present. Possibly, this use of coreferential construction has been constrained by the use of the lexeme *nimtsa* 'be found' in this idiolect (for a different idiolect see ex. 5 [=10] above).²⁰ But this conclusion must remain tentative due to the scantiness of the available data.

In any case, I would tentatively suggest that the initial form in such constructions will be analyzed as embedded constituents in unipartite sentences, as suggested above for more solid cases.

7. Conclusion

In conclusion, all discussed constructions are listed in Table 4.

The theoretical framework used here builds on the premise that syntax, information structure and prosody integrate in spoken language structure, forming a coherent unity. In this framework, there is no discrepancy between semantics, pragmatics and syntax, as the predicate domain, being the carrier of new information, is regarded as constituting in itself a complete sentence.

¹⁹ City names are F in Hebrew, in accordance with the gender of the lexeme *ir* (~*ʃir*) 'city' (so also Melnik 2020: §4.1).

²⁰ It should be noted, though, that there is an interval of ca. 20 years between the two recordings.

Table 4. Thetic unipartite sentences (conspectus)

Initial constituent	Predicative nucleus (prosodic accent is indicated by bold- face characters)	Referen- tiality of index	Focus marking	Notes and references
a — 'It's raining.'	'gefem rain	n/a	prosodic (by segmen- tation)	§5.1
b <i>jef</i> EXT 'It's raining.'	'gefem rain	n/a	prosodic (by accent)	§§3;5.1
c <i>haja-ø</i> be\PFV-3SG.M.PRED 'It was raining.'	'gefem rain	–	prosodic (by accent)	§§4;5.1
d <i>jo'red</i> going.down[M.SG] 'It's raining.'	'gefem rain	–	prosodic (by accent)	§§5.1;5.2
e <i>ja'rad-ø</i> go.down\PFV-3SG.M.PRED DEF=sun(F) 'The sun has set.'	<i>ha='jemef</i> rain	–	prosodic (by accent)	§5.2
f <i>ja'ts-u</i> go.out\PFV-3PL.PRED 'They had a boy and a girl (lit. A daughter and a son came out).'	<i>ben ve bat</i> son and daughter	+	segmental	relatively accessible or specific predica- tive nucleus (§6)
g <i>ka'jem-et</i> exist-F.SG 'It is likely (lit. there is likelihood).'	<i>svi'rut</i> likelihood.F	+	prosodic; segmental (?)	relatively accessible or specific predica- tive nucleus (§6)

All the above constructions are analyzed as consisting of only a predicate domain. Thus, where the initial constituent is a particle, we are attested with straightforward unipartite clauses; alternatively, where a complex form is found in this position, it is embedded to make a unipartite sentence with the predicative nucleus. The complementary distribution between segmental and prosodic marking of focus and the prominent role that a prosodic accent plays

in assigning focus to a clause or sentence constituent, suggests that coreferentiality functions as a focus marker as does prosodic accent. As pointed out in §6, sentences with both coreferential indices in their initial constituents and prosodic accent on their predicative nuclei (line g) need much further research on a large corpus of Hebrew with substantial register variability.

Abbreviations

3 — 3rd person; ACC — accusative; DEF — definite article; EXT — existential marker; F — feminine; M — masculine; NEG — negation; NFCT — non-factual; PFV — perfective aspect; PL — plural; PM — person marker; PRES — presentative; PRED — predicational constituent; PTCP — participle; SG — singular.

References

- Abraham, W. 2020a. Introduction: What this volume is about. In: W. Abraham, E. Leiss, Y. Fujinawa (eds.) *Thetics and Categoricals*. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today, 262.) Amsterdam: John Benjamins, 1–10.
- Abraham, W. 2020b. From philosophical logic to linguistics: The architecture of information autonomy: Categoricals vs. Thetics revisited. In: W. Abraham, E. Leiss, Y. Fujinawa (eds.) *Thetics and Categoricals*. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today, 262.) Amsterdam: John Benjamins, 225–281.
- Abraham, W., Leiss, E., Fujinawa, Y. (eds.) 2020. *Thetics and Categoricals*. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today, 262.) Amsterdam: John Benjamins.
- Berman, R. 1980. The case of an (S)VO language: Subjectless constructions in Modern Hebrew. *Language*, vol. 86(4), 759–776.
- Du Bois, J. W., Cumming, S., Schuetze-Coburn, S., Paolino, D. 1993. Outline of discourse transcription. In: J. A. Edwards, M. D. Lampert (eds.) *Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 45–89.
- Eriksen, P. K., Kittila, S., Kolehmainen, L. 2015. The world is raining: Meteorological predicates and their subjects in a typological perspective. In: M.-L. Helasvuo, T. Huomo (eds.) *Subjects in constructions — canonical and non-canonical*. (Constructional Approaches to Language, 16.) Amsterdam: Benjamins, 205–228.
- Fujinawa Y. 2022. Pseudocategorical or purely thetic?: A contrastive case study of how thetic statements are expressed in Japanese, English, and German. In: Abraham W., Leiss E., Fujinawa Y. (eds.) 2020. *Thetics and Categoricals*. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today, 262.) Amsterdam: John Benjamins. 283–309.
- García Macías, J. H. 2016. *From the unexpected to the unbelievable: Thetics, miratives and exclamatives in conceptual space*. PhD dissertation, University of New Mexico. <<http://hdl.handle.net/1928/32294>>

- Girard, G. 2003. La notion de sujet: une notion à définir. In: J.-M. Merle (ed.) *Le sujet*. Paris: Ophrys, 29–40.
- Givón, T. 1976. Topic, pronoun, and grammatical agreement. In: C. N. Li (ed.) *Subject and topic*. New York: Academic Press, 149–188.
- Givón, T. 2017. *The Story of Zero*. Amsterdam: Benjamins.
- Goldenberg, G. 1995. Attribution in Semitic languages. *Langues orientales anciennes: philologie et linguistique*, no. 5–6, 1–20. [= Goldenberg, G. 1998. *Studies in Semitic linguistics: selected writings*. Jerusalem: Magnes, 46–66.]
- Halevy, R. 2016. Non-canonical 'existential-like' constructions in colloquial Modern Hebrew. In: T. Ruchot, P. Van Praet (eds.) *Atypical predicate-argument relations*. (Linguisticae Investigationes Supplementa, 33.) Amsterdam: John Benjamins, 27–60.
- Halevy, R. 2022. The existential construction in spoken Modern Hebrew: A typological and syntactical-pragmatic perspective. *Journal of Speech Sciences* [Internet]. 2022 Dec. 9 [cited 2022 Dec. 13];11(00):e022005. Available from: <<https://econtents.bc.unicamp.br/inpec/index.php/joss/article/view/17454>>
- Haspelmath, M. 2013. Argument indexing: A conceptual framework for the syntactic status of bound person forms. In: D. Bakker, M. Haspelmath (eds.) *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Berlin: de Gruyter Mouton, 197–224.
- Hetzron, R. 1976. The presentative movement or why the ideal word order is V.S.O.P. In: C. N. Li (ed.) *Subject and topic*. New York: Academic Press, 345–388.
- Hoyt, F. 2011. Specificity. In: L. Edzard, R. de Jong (eds.) *Encyclopedia of Arabic language and linguistics*. Consulted online on 28 June 2018. <http://dx.doi.org/10.1163/1570-6699_eall_eall_com_0318>
- Izre'el, S. 2012. Basic sentence structure: A view from spoken Israeli Hebrew. In: S. Caddéo, M. N. Roubaud, M. Rouquier, F. Sabio (eds.) *Penser les langues avec Claire Blanche-Benveniste*. (Langues et langage, 20.) Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 215–227.
- Izre'el, S. 2018a. Unipartite clauses: A view from spoken Israeli Hebrew. In: M. Tosco (ed.) *Afroasiatic: Data and perspectives*. (Current Issues in Linguistic Theory, 339.) Amsterdam: Benjamins, 235–259.
- Izre'el, S. 2018b. Syntax, prosody, discourse and information structure — the case for unipartite clauses: A view from spoken Israeli Hebrew. *Revista de Estudos da Linguagem*, vol. 26(4), 1675–1726.
- Izre'el, S. 2018c. Presentative-existential sentences as unipartite sentences: a view from spoken Israeli Hebrew. In: S. Masalóva, V. Polyakov, V. Solovyev (eds.) *Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling* (30 September – 7 October, 2018, Tel Aviv, Israel). Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation. 79–88.

- Izre'el, S. 2020. Fautes de grammaire ou grammaire des fautes? Or: Should Hebrew speakers be afraid of linguists? *Yod*, vol. 23, 23–64. Open edition: <<https://journals.openedition.org/yod/5183>>
- Izre'el, S. 2022a. The syntax of existential constructions: the spoken Israeli Hebrew perspective. Part I: Existential-presentative constructions. *Journal of Speech Sciences*, vol. 11. <https://doi.org/10.20396/joss.v11i00.16181>.
- Izre'el, S. 2022b. The syntax of existential constructions: the spoken Israeli Hebrew perspective. Part II: Negative existential constructions and non-presentative uses of existential constituents. *Journal of Speech Sciences* vol. 11. <https://doi.org/10.20396/joss.v11i00.16183>.
- Izre'el, S. 2023. The syntax of presentative constructions: The view from colloquial Israeli Hebrew. In: T. Davidiyuk, I. Isaev, Ju. Mazurova, S. Tatevosov, O. Fedorova (eds.) *Jazyk kak on est': Sbornik statej k 60-letiju Andreja Aleksandroviča Kibrika* [Language as it is: Essays in honor of Andrej A. Kibrik]. Moscow: Buki Vedi, 121–128.
- Kibrik, A. A. 2011. *Reference in discourse*. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory.) Oxford: Oxford University Press.
- Kibrik, A. A. 2019. Rethinking agreement: cognition-to-form mapping. *Cognitive Linguistics*, vol. 30(1), 37–83.
- Kuzar, R. 2012. *Sentence patterns in English and Hebrew*. (Constructional Approaches to Language, 12.) Amsterdam: Benjamins.
- Lambrecht, K. 1987. On the status of SVO sentences in French discourse. In: R. S. Tomlin (ed.) *Coherence and grounding in discourse*. (Typological Studies in language, 11.) Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 217–261.
- Lambrecht, K. 1994. *Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representation of discourse referents*. (Cambridge Studies in linguistics, 71.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Lambrecht, K. 2000. When subjects behave like objects: An analysis of the merging of S and O in sentence-focus constructions across languages. *Studies in Language*, vol. 24(3), 611–682.
- Lambrecht, K., Polinsky, M. 1997. Typological variation in sentence-focus constructions. In: K. Singer, R. Eggert, G. Anderson (eds.) *CLS 33: Proceedings from the Panels of the Chicago Linguistic Society's Thirty-third Meeting, April 17-19, 1997*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 189–206.
- Malibert-Yatziv, I. 2009. La flexion préfixale dite "futur" en hébreu contemporain. *Faits de Langues*, vol. 33, 177–184.
- Malibert-Yatziv, I. 2016. Nuances in meanings of the prefix and suffix verbal conjugation in spoken Israeli Hebrew. In: E. Gonen (ed.) *Studies in Spoken Hebrew*. (Te'uda, 27.) Tel-Aviv: Tel-Aviv University, 295–316. [Hebrew with English summary]
- Maschler, Y. 2015. Word order in time: emergent Hebrew (Ns)V/VNs syntax. In: A. Deppermann, S. Günthner (eds.) *Temporality in interaction*. (Studies in Language and Social Interaction Series, 27.) Amsterdam: Benjamins, 201–236.

- Melnic, N. 2002. *Verb-initial constructions in modern Hebrew*. PhD dissertation, UC Berkeley.
- Melnic, N. 2006. A constructional approach to verb-initial constructions in Modern Hebrew. *Cognitive Linguistics*, vol. 17(2), 153–198.
- Melnic, N. 2020. Agreement alternations in modern Hebrew. In: R. A. Berman (ed.) *Usage-based studies in Modern Hebrew: Background, morpho-lexicon, and syntax*. (Studies in language Companion Series, 210.) Amsterdam: Benjamins, 421–464.
- Mettouchi, A., Tosco, M. 2011. Impersonal configurations and theticity: The case of meteorological predications in Afroasiatic. In: A. Malchukov, A. Siewierska (eds.) *Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 307–323.
- Mithun, M. 2003. Pronouns and agreement: the information status of pronominal affixes. In: D. Brown, G. Corbett, C. Tiberius (eds.) *Agreement: a typological perspective*. Special Volume of Transactions of the Philological Society, vol. 101(2), 235–278.
- Ozerov, P. 2018. Tracing the sources of information structure: Towards the study of interactional management of information. *Journal of Pragmatics*, vol. 138, 77–7.
- Sasse, H. J. 1987. The thetic/categorical distinction revisited. *Linguistics*, vol. 25, 511–580.
- Sasse, H. J. 1995. "Theticity" and VS order: a case study. *STUF — Language Typology and Universals*, vol. 48(1–2), 3–31.
- Sasse, H. J. 2006. Theticity. In: G. Bernini, M. L. Schwartz (eds.) *Pragmatic organization of discourse in the languages of Europe*. (Empirical Approaches to Language Typology; EURO TYP, 20–8.) Berlin: Mouton de Gruyter, 255–308.
- Shor, L. 2022. Revisiting "verbal agreement": the case of Israeli Hebrew. *Glossa*, vol. 7(1). <https://doi.org/10.16995/glossa.7955>.
- Sornicola, R. 1995. Theticity, VS order and the interplay of syntax, semantics and pragmatics. *STUF — Language Typology and Universals*, vol. 48(1–2), 72–83.
- Tognini-Bonelli, E. 2001. *Corpus linguistics at work*. (Studies in Corpus Linguistics, 6.) Amsterdam: John Benjamins.
- von Heusinger, K. 2002. Specificity and definiteness in sentence and discourse structure. *Journal of Semantics*, vol. 19, 245–274.
- von Heusinger, K. 2011. Specificity. In: C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner (eds.) *Semantics: an international handbook of natural language meaning*. (Handbooks of Linguistics and Communication Science, 33.2.) Berlin: de Gruyter, 1025–1058.
- von Heusinger, K. 2019. Indefiniteness and specificity. In: J. Gundel, B. Abbott (eds.) *The Oxford Handbook of reference*. (Oxford Handbooks in Linguistics.) Oxford: Oxford University Press, 146–167.
- Wilson, D. J. 2020. The thetic/categorical distinction as difference in common ground update: with application to Biblical Hebrew. In: W. Abraham, E. Leiss, Y. Fujinawa (eds.) *Thetics and categoricals*. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today, 262.) Amsterdam: John Benjamins, 311–333.

МЕЖДИАЛЕКТНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ЛОЖНАЯ ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ

И. И. Исаев

(Институт языкознания РАН)

iiisaev@ya.ru

Статья посвящена анализу небольшого фрагмента фонетической системы гласных в среднерусских акающих говорах. Особенность среднерусских говоров отражается в их особом лингвогеографическом статусе — межречном расположении и смешанном характере языковой структуры. Взаимодействие элементов в условиях многовекторного взаимодействия представляет особый интерес, так как максимально проявляет механизмы потенциальной фонетической адаптации различных идиомов. Интерференция диалектных черт проявляется в формировании рядов сосуществующих элементов, которые имеют центр и эволюционную периферию.

Если рассмотреть этот процесс в масштабе малой истории языка (два-три поколения носителей), то можно увидеть колебания в звеньях шкалы сосуществующих элементов, а если спроецировать полученные результаты на большую историю языка, то можно предметно увидеть генеральные тенденции развития диалектов и языка.

В современной диалектологии не хватает исследований, которые предлагают для анализа синхронные срезы системы. Эта заметка является частью картины, сделанной на материале двух синхронных срезов, отстоящих друг от друга примерно в пятьдесят лет.

Вера Исааковна знает всё. И уж точно понимает, как и что устроено в большой лингвистике. Начните рассказывать о своих частных наблюдениях и услышите вопрос, который поможет думать точнее и современнее, а еще этот вопрос укажет на потрясающую профессиональную свободу и невероятный кругозор ВИП! За годы совместной работы в Институте лингвистики Российского государственного гуманитарного университета мне удалось наблюдать этот кругозор и глубину как на защитах студентов, так и на обсуждении «взрослых» докладов на Открытом семинаре Института лингвистики.

Но главное мое профессиональное впечатление — умение юбиляра смотреть на частный вопрос языкознания через мультифакторный дискурсивный бинокль, а также точно детектировать околонучную графоманию. Учусь этому у Вас, дорогая Вера Исааковна!

Нет ничего необычного в том, что среднерусские говоры сочетают в своей структуре диалектные черты северного и южного наречий: эти говоры генеалогически принимают на себя волны разнодиалектного давления. Так устроен русский литературный язык по своей диалектной основе (южное аканье, северный заднеязычный смычный звонкий [ɣ] и т. д.). Литературный язык — кодифицированная система, в которой многие процессы замедлены внешней кодифицирующей регуляцией, а вот бесписьменные варианты с регулятором в виде узуса значительно подвижнее. Речь в этой юбилейной заметке идет про вариативность некоторых звеньев фонетической системы в среднерусском акающем говоре и взаимодействие различных тенденций эволюционной фонетики в масштабе малой истории языка.

Предварительно стоит сказать, что в диалектных системах вариативность в фонетических звеньях традиционно рассматривается как результат динамических процессов, которые имеют причину (источник влияния и системные возможности для изменений) и вектор. Вектор обычно выглядит как генерализация активного (сильного) варианта через стадию расширения сферы его употребления к стадии дублетности (временного функционального тождества) и последующего вытеснения слабого варианта на периферию. Ожидание такой законченности стадийных изменений формирует у исследователя особый взгляд на эволюцию как закономерную и скорую победу нового над старым. Однако на уровне синхронного варьирования отличить новое и старое в диалектных системах крайне сложно. Для успешной работы, видимо, хорошо бы делать синхронные срезы дважды в 100 лет, чтобы накопленные за два-три поколения языковые сдвиги стали заметны.

Есть описания русских говоров, выполненные достаточно точно на перцептивном уровне в доинструментальную эпоху (например, Брок 1907; Мораховская 1957). Эти исследования и современный срез системы показывают, что ожидания быстрой эволюции далеки от динамики естественных процессов в языке.

Ниже я попытаюсь показать на двух фрагментах механизм координации фонетических вариантов вокализма в рамках малой истории языка в говоре деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области (Исаев 2004). Деревня расположена в отделе «Б» восточных среднерусских акающих говоров. Говоры на этой территории сформировались в результате межъязыкового взаимодействия (на ран-

нем этапе это были, по-видимому, мещера и мордва, вступившие в контакт с вятчичами и восточными кривичами) и — в более позднее время — рязанско-суздальского междиалектного взаимодействия. Каждый период оставил свои следы в языке. Южная часть отдела «Б» представляет особый интерес, так как эта периферийная с точки зрения лингвогеографии территория может сохранять архаичные звенья языка (условно — старого рязанского диалекта). Не исключено, что на этой территории вокализм первого предударного слога после мягких согласных является собственной чертой, сформированной в восточных среднерусских акающих говорах.

Говор представлен различными группами речевого состояния, которые отражают этапы его развития, поэтому при анализе материала мы имеем дело с *рядами сосуществующих элементов* — «материально различных, но функционально тождественных единиц речи, выступающих в тождественных условиях и представляющих одну и ту же единицу одного из уровней системы языка» (Пеньковский 1967: 17). В нашем случае это те звуки, которые представляют фонемы <e>, <o>, <a> в позиции после мягких согласных в первом предударном слоге.

В предшествующем исследовании говора, которое выполнено в конце 40-х гг. XX в. О. Н. Мораховской (1957), в первом предударном слоге после мягких согласных отмечалось сильное яканье со значительными элементами еканья. В начале 2000-х годов уже отмечены четыре варианта реализации фонем неверхнего подъема <a>, <o>, <e>: те же гласные звуки — [a], [e], распределенные по принципу умеренного яканья (*пл'ат'у́*, но *пл'ет'и́*), а также гласные [и], [о] с менее очевидным распределением. Важно, что вариант [о] прежде не отмечался.

Аллофон [и], вероятно, так же давно, как [a] и [e], присутствует в системе первого предударного слога после мягких согласных. Употребление гласного [о] факультативно и имеет ограничение: необходимым условием для появления гласного [о] оказывается положение перед твердым губным и лабиализованным ударным (*јово́*, *јому́*, *у-н'ово́*, *ч'ово́-н'ибу́т'*, *фс'ово́*, *цово́-тъ*, *ч'ово́-тъ*, *н'о́-ход'о*, но есть и отступления *д'в'она́цтвъ́*, *јорши́* ('ерши').

Функциональная нагрузка варианта [о] в позиции после мягких согласных, сравнительно с прочими вариантами, небольшая, так как его употребление полностью определяется позицией *t'avó*. Фонетическая система говора ограничивает круг потенциальных возможностей для [о] и оставляет фонетически объяснимые случаи для чужих элементов в

своей системе: перед губным согласным и лабиализованным ударным гласным, т. е. выдвигает условие регрессивной губной гармонии. Однако гласный звук [o] — не единственный в этой позиции, он встречается здесь в среднем в каждом десятом употреблении, а все остальные случаи описываются примерами с гласными [a], [e], иногда [и]. В спонтанных текстах могут встречаться четыре гласных в предударной позиции (примеры из расшифровок): *javó, jevó, jivó, jomú; d'efč'ónъk, d'afč'ón'k'i, d'ifč'ónъkъ*. Таким образом, связь предударного [o] с позицией не обязательная, а преимущественная, это явление было названо А. Б. Пеньковским *позиционной прикрепленностью* (1967: 19).

Предударный [o] мог попасть в говор только из соседних ёкающих владими́ро-пово́лжских говоров как яркая отличительная черта соседей. В этом смысле отступления типа *d'v'ónáцтвъъ, jоршъ* ('ерши'), *н'q-xóд'o* ('не ходят') сохраняют исходное положение, известное в ёкающих говорах — позицию после мягких согласных перед твердым.

Любопытно, что для ёканья в говоре есть функциональная поддержка и в позиции после твердых согласных. В современном акающем говоре можно встретить единичные случаи оканья: *с-ъдново́, бол'шóй, пъмогáим, пъмогáит*. Эти факты могут быть результатом воздействия соседних северных и северо-восточных окающих говоров (10—20 км).

Интенсивность движения вокалической системы говора проявляется в наличии слаборазличимых вариантов типа (*a^e, e^a* и др.) в тождественных условиях. Эти звуки составляют зону переходности или шкалу. Фонемы <a>, <o>, <e> после мягких согласных представлены единицами, которые входят в ряды сосуществующих элементов. Большая их часть является многочленными, ступенчатыми рядами, то есть изменение в них «происходит в процессе накопления <...> качества» (Пеньковский 1967: 18). Например, варианты *a — a^o — a^a — a^o — a^e — e^a — e — e^o — o* представляют гетерогенный ступенчатый ряд для словоформ местоимения *он* (*javó, ja^evó, je^avó, jevó, ie^ovó, iowó*), где новый элемент [o] включается в чередование единиц системы по внутреннему фонетическому распределению.

Но не только среднерусский материал, конечно же, показывает сложные цепочки аллофонов. Во многих известных мне южных и юго-западных говорах с диссимилятивным вокализмом есть нетривиальное явление (об этом, например, Дьяченко 2021). В этих говорах гласные первого предударного слога находятся в дополнительном распределении: при ударных гласных, которые в системе говора ассоциируются с верх-

ним подъемом, произносится [a], при ударных гласных нижнего блока произносится [и]: *no c'alyú* ('по селу') — *y c'ilyá* ('у села'). Тем самым достигается необходимый диссимилятивный контраст. Однако в этих же системах отмечаются сосуществующие элементы на шкале с крайними точками [a] ↔ [и]: *a — a^o — a^a — эa — э^o — и*. В этой последовательности звуков можно увидеть шкалу переходности, которая демонстрирует разрушения диссимилятивного принципа через постепенное снятие контраста. Выясняется, что промежуточные варианты шкалы могут иметь позиционную прикрепленность, например, к ударным гласным средних подъемов в семифонемных четырехподъемных моделях. Интересно, что такая переходность не исчезает на протяжении нескольких поколений.

Менее сложными структурно, но так же выразительными содержательно могут быть отношения внутри модулей консонантизма. Как показала С. Б. Паршина (2022), позиционное распределение [г] и [г'] в говорах с вариативностью по способу образования заднеязычных согласных также предъявляет требования к контексту: месту по отношению к ударению, интервокальному контексту и так далее. В рамках доступного горизонта исследования на материале двух-трех поколений не происходит выравнивания системы даже в условиях активных междиалектных контактов.

Ложное ощущение скорой победы одного из вариантов при кажущейся нестабильности системы противоречит важнейшему свойству диалектных систем, в которых композитная основа и конкуренция вариантов как раз и определяют равновесие всей системы. Чужой элемент адаптируется средствами собственной фонетической системы, но этот процесс не обязательно приведет к генерализации одного варианта. Стоит отдельно помнить о том, что в рядах сосуществующих элементов (по определению Пеньковского (1967)) и их фонологической интерпретации обязательно стоит учитывать несвободу свободного варьирования составляющих элементов.

Литература

- Брок О. 1907. *Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда* (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 83, № 4). Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии наук.
- Дьяченко С. В. 2021. *Инструментально-фонетическое исследование южнорусского говора в ареальном контексте*. Диссертация... к.ф.н. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

- Исаев И. И. 2004. Исследование процессов развития в вокализме одного владимирского говора (статистический анализ фактов междialeктного взаимодействия, отраженных в динамической синхронии). В сб.: *Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII)*. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука.
- Мораховская О. Н. 1957. Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области. *Труды Института языкознания*. Т. VII. М.: АН СССР.
- Паршина С. Б. 2022 *Позиционное распределение [ɛ] и [y] в говорах с вариативностью по способу образования заднеязычных согласных*. Выпускная квалификационная работа. Москва: Институт лингвистики РГГУ.
- Пеньковский А. Б. 1967. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского взрывного [г] фрикативным [γ] в южнорусском окружении). В кн.: *Очерки по фонетике севернорусских говоров*. М.: АН СССР.

«А С УЛИЦЫ ДОНОСИТСЯ СИРЕН РАЗНОГОЛОСИЦА»: КАК ЧАСТО И ПОЧЕМУ МЫ ГОВОРИМ ОДНОВРЕМЕННО?*

Н. А. Коротаев

(Институт языкознания РАН;
Российский государственный гуманитарный университет)
n_korotaev@hotmail.com

В статье на материале корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» с двух точек зрения рассматривается явление диалогического наложения, т. е. одновременного говорения. С одной стороны, предлагаются методы количественной оценки того, насколько частотно это явление в неподготовленном устном разговоре. Показано, что с хотя бы частичным наложением произносятся около 60% всех элементарных дискурсивных единиц отдельных говорящих. С другой стороны, предварительно анализируются дискурсивные контексты, в которых возникают наложения; обсуждается характер кооперации vs. конкуренции участников диалога в этих контекстах.

У предлагаемого исследования два источника, и оба они неразрывно связаны с дорогим юбиляром. Во-первых, это давний интерес автора к изучению структуры устного текста. Интерес этот имеет вполне конкретное время рождения. Весной 2003 года Вера Исааковна пригласила меня — аспиранта с весьма смутными научными наклонностями — на семинар по анализу устных рассказов про сновидения. Вот тогда-то все и началось: очень быстро выяснилось, что это совершенно захватывающее приключение, с множеством дорог и ответвлений. По некоторым из них мы с Верой Исааковной ходили; даст бог, пройдем еще и по другим. Во-вторых, это опыт преподавания дискурсивных дисциплин в Институте лингвистики РГГУ. Описанные ниже количественные методы апробировались на занятиях со студентами — слушателями курса «Общая теория текста

* Исследование выполнено в рамках проекта Минобрнауки «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования». Благодарю Н. Р. Сумбатову за ценные замечания, высказанные к предварительной версии статьи.

и дискурса». Кто-то из них, возможно, вспомнит, как я просил их «угадывать» долю наложений во фрагментах диалогов. Ничего этого тоже не было бы, если бы не Вера Исааковна, которая на протяжении нескольких лет мягко (но в конечном итоге — неумолимо!) подталкивала меня в сторону педагогической карьеры. Славное было время, что уж там.

“Tigger dear, where's Pooh?” said Kanga. Tigger explained what had happened at the same time that Roo was explaining about his Biscuit Cough and Kanga was telling them not both to talk at once, so it was some time before Christopher Robin guessed that Pooh and Piglet and Rabbit were all lost in the mist on the top of the Forest.

Alan Milne. “The House at Pooh Corner”

1. К постановке задачи

Это исследование посвящено диалогическим наложениям (*overlaps* в устоявшейся англоязычной традиции) — явлению, при котором одновременно говорят более одного участника разговора. В примере, вынесенном в эпиграф, таких говорящих по крайней мере трое: Тигра и Ру каждый по-своему реагируют на вопрос Кенги, которая, пытаясь устранить наложение, делает содержание разговора еще более сложным для восприятия Кристофером Робинем. Это явление встречается отнюдь не только в речи игрушек. Например, в отрывке (1)¹ представлены сразу два

¹ Здесь и далее в заголовках примеров приводится кодовый номер записи в корпусе «Рассказы и разговоры о грушах» и неформальное словесное описание диалогического отрывка. Сами отрывки представлены в виде текстового транскрипта, выполненного в духе Kibrik et al. 2020 и дополнительно адаптированного под партитурный формат (Коротаев 2018). Транскрипт разделен на четыре области. В основной части таблицы содержатся три идентичных блока — по одному для каждого участника разговора. В каждом блоке нумерованные залитые цветом строки соответствуют элементарным дискурсивным единицами (ЭДЕ; см. ниже разделы 2 и 3), а также заполненным паузам и неречевым вокальным звукам, располагающимся между ЭДЕ; строчки без заливки соответствуют участкам молчания данного говорящего. Числа в скобках указывают на длительность в секундах абсолютных и заполненных пауз; при помощи слэшей и стрелок обозначаются направления движения тона соответственно в ударных и внеударных слогах акцентированных словоформ; одиночное равенство используется для записи обрывов слов, знаки || и == указывают на наличие речевого сбоя соответственно внутри и на границе ЭДЕ; пунктуационные знаки в конце строк кодируют иллокутивно-фазовые значения ЭДЕ. В двух крайних слева

(1) Pearso4: «велосипед с высокой рамой»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
612.86	614.87	N-vE296 он-н (э 0.42) (0.40) ли-бо / стоит		
614.87		N-vE297 либо прямо не знаю на эту /раму садится,,,		
615.06			C-vE097 / Велосипед такой с вы= (0.14) с \высокой рамой.	
616.89	616.89			
617.89	617.12	N-vE298 \как-то.		
	617.67			
617.67	617.86			
617.86		N-vE299 \-Да ^u .		
618.14				R-vE099 ↓/-Ага.
	618.16			
	618.57			
618.57	618.57			
618.57	619.15		C-vE098 \ Мужской.	

случая наложения в речи взрослых носителей русского языка, обсуждающих содержание фильма.

Здесь одна из участниц — обозначенная при помощи литеры N Рассказчица — в ответ на предшествующий запрос другой участницы (Пересказчицы, литера R) реализует описание того, каким образом персонаж обсуждаемого фильма ехал на велосипеде. Примерно в середине этого описания со своей версией вступает третий участник, Комментатор (литера С). Начало произносимой им клаузы *Велосипед такой с высокой рамой* (строка С-vE097 транскрипта) приходится примерно на второе слово строки N-vE297, а завершается эта клауза уже после того, как Рассказчица заканчивает произносить строку N-vE297 и следующее за ней постпозитивное добавление *как-то*. Вскоре после завершения строки С-vE097 Рассказчица реагирует на описание, предложенное Комментатором, и почти одновременно с ней это же делает и Пересказчица: см. соответственно строки N-vE299 и R-vE099.

Наложения любопытны тем, что проливают особый свет на то, как участники устного диалога координируют свои усилия при реализации сложного совместного действия (см. определение диалога в Clark 1996: 3). Начиная с основополагающей работы Sacks et al. 1974 структуру диалога принято описывать как последовательность реплик (или, точнее, *turn-constructive units*, «репликообразующих единиц»), в определенном порядке произносимых разными говорящими. Порядок произнесения в модели, предложенной Х. Саксом и коллегами, регулируется при помощи трех простых правил, которые применяются в так называемых точках перехода (*transition relevance places*), т. е. на границах между репликами:

- (i) текущий говорящий выбирает («назначает») следующего говорящего;
- (ii) если не (i), то следующий говорящий назначает себя самостоятельно;
- (iii) если не (i) и не (ii), то текущий говорящий продолжает.

столбцах указывается время начала и конца произнесения каждой строки. Если эти значения указываются в разных графических строках, это признак наложения. Также наложения графически выделяются при помощи визуального объединения ячеек в основных блоках таблицы (см. дополнительное обсуждение в разделе 3). Для примеров, в которых задействовано не три, а два говорящих, пустые столбцы неактивного участника опускаются.

Изыщество этой общеизвестной модели состоит в том, что с ее помощью получают объяснение два фундаментальных наблюдения. С одной стороны, участники разговора скорее стремятся к тому, чтобы их реплики следовали друг за другом без пауз и наложений — эта тенденция в работах по Анализу бытового диалога обозначается как “one (party) at a time” (см., в частности, Schegloff 2000). С другой стороны, паузы и наложения все же встречаются достаточно регулярно, причем по крайней мере часть из них не являются какими-то отклонениями от базовой модели, но, напротив, естественным образом вытекают из нее. Например, паузы стандартно появляются при применении правила (iii), когда текущий говорящий, прежде чем продолжить, в течение некоторого времени ждет, не будет ли кем-либо из его собеседников применено правило (i) или (ii). Наложения же возникают, в том числе, в результате действия правила (ii), когда — в отсутствие явных сигналов назначения следующего говорящего — сразу несколько участников решают забрать очередь хода.

Универсальность классической модели Sacks et al. 1974 неоднократно проверялась на материале разных языков, причем с не всегда совпадающими результатами; см., *inter alia*, Stivers et al. 2009; Heldner, Edlund 2010. Существенный разброс наблюдается в том числе и в оценке того, насколько частотны наложения. Так, согласно обзору в Heldner, Edlund 2010, в различных исследованиях доля наложений варьирует от 5% (Levinson 1983) до более 50% (Sellen 1995). В ряде работ также показано, что частотность наложений может быть чувствительна к языку (Kajikawa et al. 2004: 216), жанру текста (Pagio, Vella 2014: 55), распределению социальных (в том числе гендерных) ролей участников (Carroll 1999: 237–241). Очевидно, что вопрос о месте наложений в организации естественного диалога привлекает пристальное внимание исследователей, однако единый подход к описанию количественного аспекта этого явления пока не выработан. Как кажется, нет и устоявшейся классификации функциональных типов наложений; см., в частности, обзор в Stolt 2008: 10–35. Насколько мне известно, наиболее подробным остается описание, предложенное в статье Schegloff 2000, где на материале английского языка наложения анализируются с точки зрения их влияния на локальную структуру диалога. Аналогичные работы на русском материале мне не знакомы.

В рамках настоящего поздравительного исследования я не надеюсь заполнить указанные лакуны. Но считаю небезынтересным проследить,

(а) какими методами можно измерить частотность наложений в доступном нам русском материале и (б) какие дискурсивные контексты благоприятствуют возникновению наложений. Последующее изложение организовано следующим образом. В разделе 2 представлен (прекрасно известный юбиляру!) материал исследования. В разделе 3 рассмотрены три связанные между собой метрики оценки частотности наложений в диалогических фрагментах корпуса. В разделе 4 приведен предварительный анализ функциональных типов наложений. Раздел 5 представляет собой заключение.

2. Материал

Материалом исследования послужили диалогические этапы записей корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (далее — RUPEX; <https://multidiscourse.ru/>). RUPEX состоит из аннотированных видео- и аудиозаписей однотипных коммуникативных сессий, в которых задействованы три активных и один пассивный участник. Все они выполняют фиксированные роли, суть которых объяснялась им до начала записей. Двое из них — Рассказчик (N) и Комментатор (C) — предварительно смотрели «Фильм о грушах» (см. Chafe ed. 1980), после чего они оказывались в одном помещении с третьим участником — Пересказчиком (R). Далее процесс разбивался на три последовательных этапа: рассказ (N в монологическом режиме передает содержание фильма, обращаясь к R), разговор (C уточняет рассказ N, R задает дополнительные вопросы, при желании собеседники вступают в свободное обсуждение сюжета фильма), пересказ (R в монологическом режиме передает содержание фильма, обращаясь к четвертому участнику — Слушателю (L), который появляется в комнате только на этом этапе). Подробнее о дизайне записей см. Кибрик, Федорова 2018. Очевидно, что для настоящего исследования актуальны этапы разговора.

Записи корпуса аннотированы с различной степенью подробности. Для большинства записей имеются текстовые расшифровки, а также информация о времени начала и конца произнесения каждого слова. Эти данные были получены автоматически при помощи алгоритма, разработанного компанией STEL; для ряда записей границы слов были проверены вручную. Кроме того, для четырех записей (кодовые номера 04, 16, 22 и 23) доступна детальная дискурсивная разметка, выполненная в соответствии с принципами, изложение которых можно найти в Kibrik

et al. 2020. В частности, в этих записях в речи каждого из трех говорящих выявлены элементарные дискурсивные единицы (далее — ЭДЕ), т. е. минимальные шаги в реализации устного дискурса, обладающие набором формальных просодических характеристик и выполняющие роль минимальных узлов в локальной дискурсивной структуре. Как будет показано далее, наличие такой разметки позволяет дополнительно оценить характер наложений в исследуемом материале.

3. Оценки частотности наложений

В этом разделе я хочу обсудить три возможные метрики, позволяющие оценить частотность наложений. *Первая* из них максимально проста. Поскольку для каждого из участников в каждой точке разговора известно, говорит он(а) или молчит, всю длительность диалогического этапа записи можно без остатка поделить на отрезки, в которых:

- (а) говорит только один участник;
- (б) одновременно говорят двое или трое участников;
- (в) все трое молчат.

На рис. 1 приведены данные о количественном распределении отрезков этих трех типов в 15 записях корпуса. Можно заметить, что в целом доли единоличного говорения, наложений и пауз варьируют незначительно. Так, если исключить из рассмотрения запись 29 (в ней этап разговора необычно короткий — всего 87 секунд, и участники явно не сумели наладить за это время полноценную диалогическую коммуникацию; см. необычно высокую долю общего молчания в этой записи), наложения занимают от 8.7 до 19.3 процента времени разговора; в целом же по 15 записям это значение составляет 14.5%, немногим больше (15.3%) приходится на участки общего молчания.

Любопытно, что — согласно неформальному эксперименту, который я проводил на протяжении нескольких лет на занятиях в Институте лингвистики РГГУ — полученное распределение довольно хорошо соответствует интуитивным оценкам студентов. На занятиях студентам демонстрировался примерно 40-секундный отрывок из одной записи, в котором доли распределены практически так же, как в целом по корпусу. Им предлагалось угадать, каково процентное соотношение участников трех принимаемых во внимание типов. Самым популярным обычно становился вариант, в котором на единоличное говорение приходилось примерно 70%, на наложения — примерно 20% и на общие паузы —

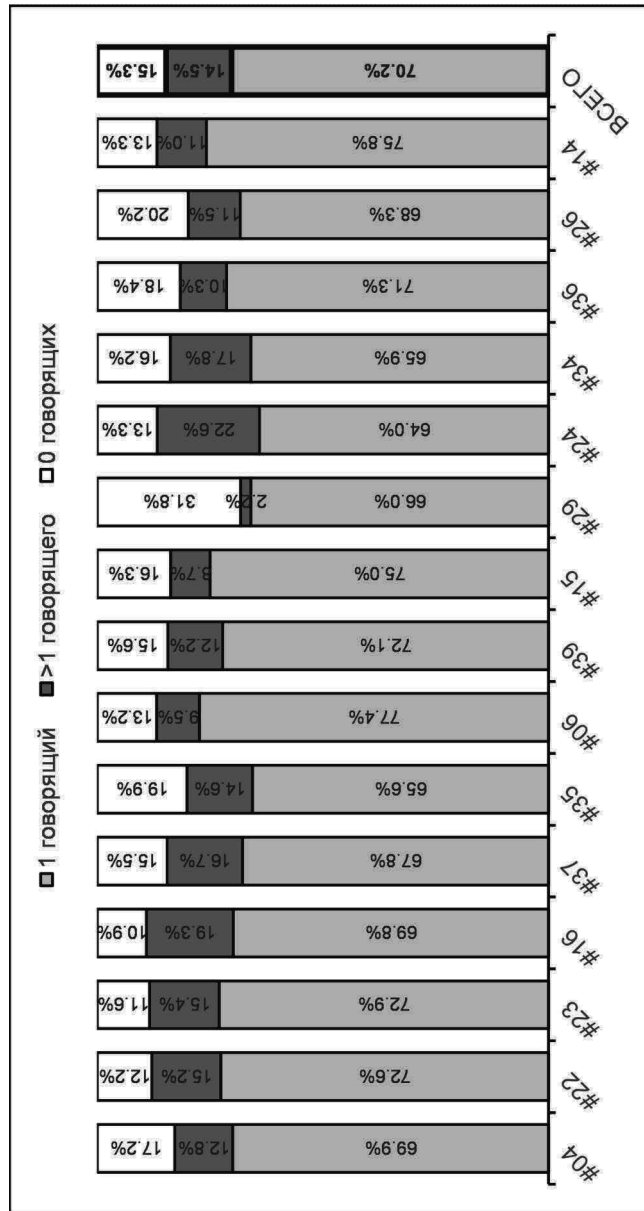

Рисунок 1. Распределение участков единоличного говорения, молчания и наложений на этапах разговора в 15 записях корпуса

примерно 10%. Как видно, эти значения очень близки к тем, которые получены при помощи формальных подсчетов².

Вместе с тем остается неясным, в какой степени полученный таким образом количественный результат отражает реальную значимость наложений в организации диалога. Оценивая доли единоличного vs. совместного говорения и молчания в итоговой продукции всех трех участников разговора, мы становимся на позицию стороннего наблюдателя. В этом нет ничего плохого, однако хотелось бы обогатить картину и «взглядом изнутри». Кажется, что проще всего тут будет определить частотность наложений в речи каждого отдельного говорящего: как часто, когда мы говорим, одновременно с нами говорит кто-то еще. На рис. 2 представлено два варианта применения этой *второй метрики* к четырем записям корпуса, снабженным детальной дискурсивной разметкой.

На диаграмме для каждого из 12 говорящих в правом столбике отмечена доля наложений с участием данного говорящего от общего времени его говорения. Видно, что этот параметр варьирует от 20.2% до 60.8%, со средним значением 34.2%. Скорее всего, тут существенно, что в записях 22 и 23 Пересказчики мало участвуют в разговоре: суммарное время вокализации у каждого из этих двух участников значительно меньше, чем у остальных десяти в выборке. Тем не менее даже без этих двух говорящих среднее значение параметра составляет более 30% — и это дает уже несколько иную оценку того, насколько часто нам приходится говорить одновременно с нашими собеседниками.

В левом столбике для каждого говорящего приведена доля ЭДЕ, произносимых с наложением. Напомним еще раз, что под ЭДЕ понимается минимальный квант в реализации устного дискурса. В транскриптах каждая ЭДЕ записывается в отдельной строке и снабжается кодовым номером. Кроме того, в партитурной нотации, используемой в настоящей статье, при помощи графического объединения ячеек отображаются случаи пересечения ЭДЕ, т. е. полного или частичного наложения входящих в них слов. Так, из партитурного транскрипта примера (1) выше сле-

² Важный вопрос при подсчете — это способ учета заполненных пауз, смеха и прочих неречевых (или «не совсем речевых»?) звуков. Содержательное обсуждение этого вопроса выходит за пределы настоящей статьи; в качестве рабочего решения был принят подход, при котором как участки говорения рассматривались заполненные паузы типа эканья и мэканья (см., например, обозначение эканья сразу после слова он в строке N-vE296 примера (1)), а также смех и прочие неречевые вокальные явления, но не паузы, заполненные громкими вдохами.

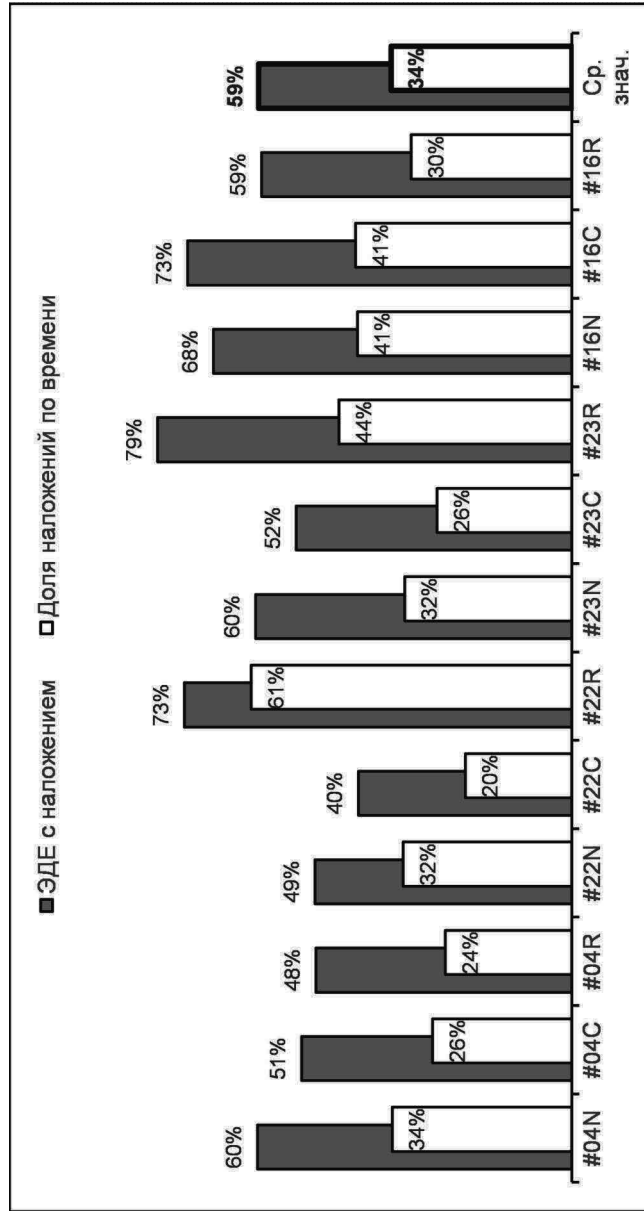

Рисунок 2. Доли наложений в речи отдельных говорящих на этапах разговора в четырех записях корпуса

дует, что без наложений произносятся ЭДЕ N-vE296 и C-vE098, с наложением — ЭДЕ N-vE297, C-vE097, N-vE298, N-vE299 и R-vE099. Как отмечается в многочисленных работах группы А. А. Кибрика и В. И. Подлесской (в первую очередь, Кибрик, Подлесская ред. 2009; Kibrik et al. 2020), при определении границ ЭДЕ используются просодические критерии: наличие единого тонального контура, акцентные пики, паттерны распределения громкости и скорости. В то же время крайне значима и содержательная интерпретация ЭДЕ как минимального речевого действия собственно дискурсивного уровня. И именно в свете этой интерпретации кажется небезынтересным, что в среднем почти 60% ЭДЕ, произносимых отдельным говорящим, имеют пересечения с вокальными действиями других участников диалога. Получается, что, вступая в разговор с двумя другими собеседниками, участник записи RUPEX³ может рассчитывать на то, что ему удастся полностью реализовать минимальное дискурсивное действие без явного стороннего вмешательства, менее чем в половине случаев!

Разумеется, к оценке частотности наложений в терминах ЭДЕ можно предъявить одну немаловажную претензию. По сути, доля ЭДЕ с наложением является функцией от средней длительности ЭДЕ. Чем дольше произносится ЭДЕ, тем вероятнее, что хотя бы какая-то ее часть наложится на речь другого участника. В связи с этим кажется полезной *третья метрика* — сопоставляющая длительности ЭДЕ и участков наложения. Эти данные были получены для трех записей т. н. «эталонного» подкорпуса (04, 22, 23); см. распределения конкретных значений с шагом в 150 мс на рис. 3 (ЭДЕ) и рис. 4 (наложения)⁴.

Видно, что участки наложения в целом значительно короче, чем ЭДЕ (средние значения составляют 387 мс у наложений и 934 мс у ЭДЕ). Кроме того, если ЭДЕ в выборке распределены по длительности достаточно равномерно, то участки наложения смещены на гистограмме влево:

³ Оговорка про корпус и количество участников диалога, конечно же, не случайна. Почти несомненно (хотя и нуждается в эмпирической проверке), что с увеличением количества участников доля наложений будет расти. Также весьма вероятно, что при равном числе участников на частотность наложений может влиять тип совместно решаемой ими задачи.

⁴ На рис. 3 и 4 данные о длительности ЭДЕ и участков наложения представлены в виде гистограмм с группировкой. Каждому столбику соответствуют значения в указанном под ним временном диапазоне (все диапазоны, кроме крайне правого, включают в себя 150 мс); высота столбика соотносится с числом случаев, попадающих в диапазон (это число также приводится внутри или непосредственно над столбиком).

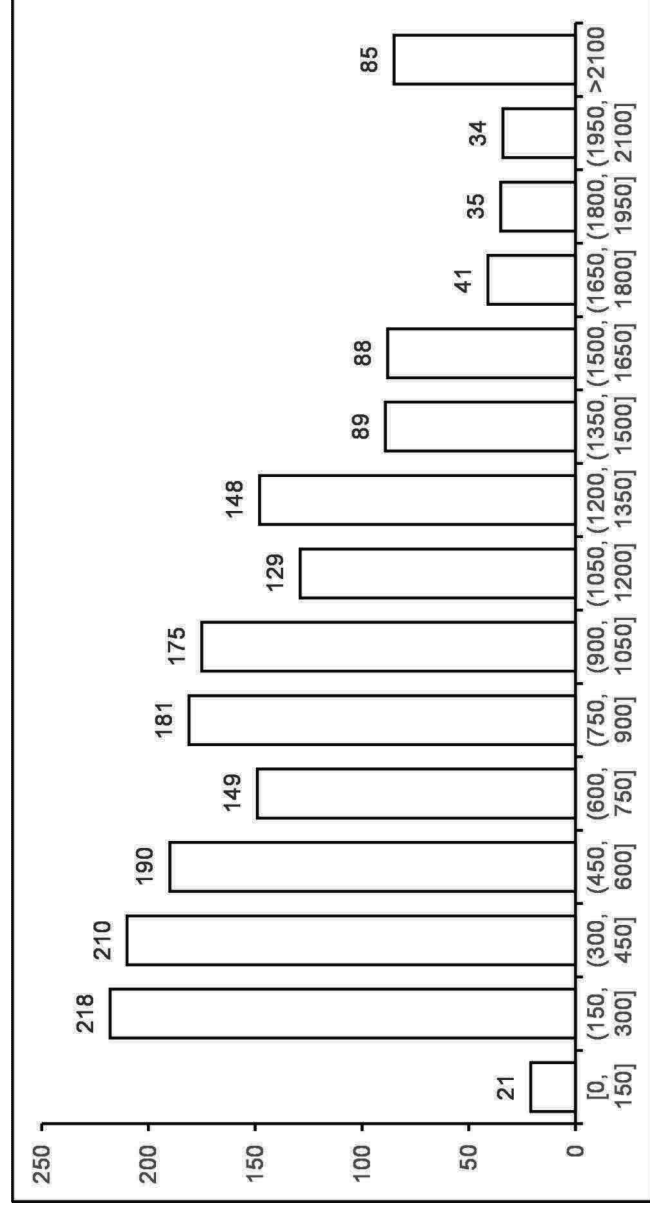

Рисунок 3. Длительность ЭДЕ на этапах разговора в записях о.4, 22 и 23 (с шагом в 150 мс)

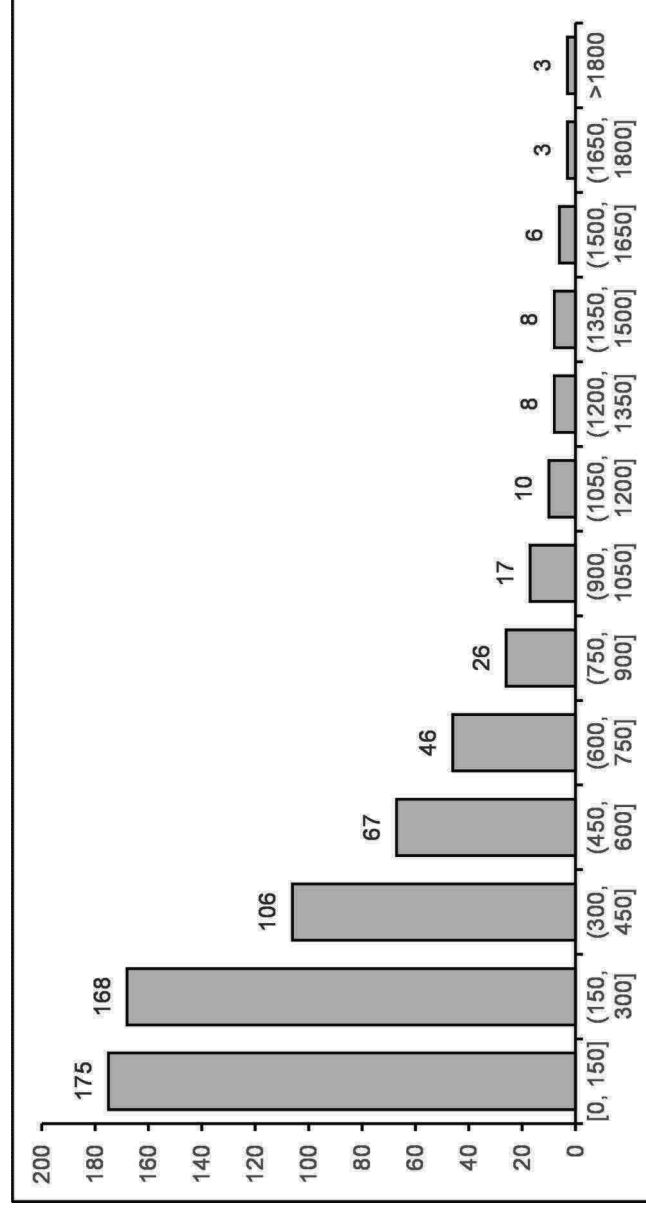

Рисунок 4. Длительность участков наложения на этапах разговора в записях о.4, 22 и 23 (с шагом в 150 мс)

медианное значение (278 мс) приходится на второй по порядку столбик. Для ЭДЕ медианная длительность составляет 830 мс.

Исходя из этих данных можно предположить, что грубая тенденция состоит в том, что вне зависимости от длины своих ЭДЕ участники диалога стремятся к тому, чтобы участки наложения были относительно непродолжительными. Это согласуется с идущими от Sacks et al. 1974 представлениями о наложениях как отклонении от принципа “one (party) at a time”, возникновение которого должно быть оперативно урегулировано участниками. Некоторые подробности того, как именно происходит такое урегулирование, будут обсуждены в следующем разделе.

4. Немного о дискурсивных контекстах

Итак, предыдущий раздел был посвящен попыткам ответа на первый из двух вопросов, вынесенных в заголовок этой статьи: *как часто мы говорим одновременно?* Как мне представляется, неформальный ответ тут — достаточно часто. С количественной точки зрения наложение оказывается не маргинальным явлением, а неотъемлемой характеристикой естественного диалога. Тем интереснее приближаться к ответу на второй вопрос: *почему* (или, если немного снизить исследовательский пафос, *когда*) мы говорим одновременно? Эта часть исследования пока носит сугубо предварительный характер. Ниже будет представлен набросок классификации дискурсивных контекстов, в которых возникают наложения. Материалом для него послужила одна запись из эталонного подкорпуса (04), содержащая наибольшее число наложений. Сообщать какие-либо количественные данные об относительной частоте рассматриваемых типов еще рано.

При перечислении типов дискурсивных контекстов возникает естественная трудность. Поскольку, как отмечено в разделе 3 выше, с наложениями произносятся около 60% ЭДЕ в диалоге, в большинстве случаев сложно изолировать связный фрагмент, содержащий только одно наложение. Поэтому некоторые примеры, приводимые в этом разделе, включают в себя наложения сразу нескольких типов.

4.1. Конечное наложение

Один из типов, традиционно выделяемых в работах по Анализу бытового диалога, — это так называемое конечное наложение (*terminal overlap*). Суть этого явления состоит в том, что новый говорящий вступает

(2) Pearso4: «а там есть дом?»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
476.62			C-VE059	
477.75				R-VE052
	477.94			
	478.79			
478.79				R-VE053
478.91			C-VE060	
	479.76			
480.57		N-VE246		
	480.91			
	481.36			
481.36		N-VE247		

в разговор несколько раньше, чем завершается произнесение реплики текущего говорящего. При этом обычно логика разговора не нарушается, а действия второго говорящего укладываются в стандартные правила чередования реплик — с той особенностью, что точка перехода смещается влево относительно фактического завершения текущей реплики. Отмечу, что в рассмотренных данных это смещение по большей части совсем незначительно, т. е. участки совместного говорения при конечном наложении коротки. В примере (2) это явление представлено трижды.

Сначала Пересказчица начинает задавать вопрос (строка R-vE052) на 190 мс раньше, чем Комментатор заканчивает произнесение ЭДЕ C-vE059. Затем уже Комментатор приступает к ответу на вопрос Пересказчицы, прежде чем этот вопрос произнесен до конца (строки R-vE053 и C-vE060). Далее Рассказчица вступает со своей реакцией на слова Комментатора, немного не дождавшись завершения его реплики (строки C-vE060 и N-vE246; то, что Рассказчица реагирует именно на слова Комментатора, а не предлагает альтернативный ответ на исходный вопрос Пересказчицы, следует из повторения слова *видно*). Несложно заметить, что во всех трех случаях действия участников хорошо описываются правилами чередования реплик по Sacks et al. 1974 (см. раздел 1). В первом и третьем случае речь идет о применении правила (ii): поскольку завершающаяся реплика не содержит явного указания на то, кто должен говорить дальше, происходит «самоназначение» следующего говорящего. Во втором же случае уместно говорить о правиле (i): Пересказчица назначает следующего говорящего, задавая вопрос.

4.2. Наложение при совместном построении

При совместном построении один говорящий начинает реализацию некоторой синтаксической конструкции, а другой говорящий предлагает ее продолжение (см., в частности, Ono, Thomson 1996; King 2018). Для тех случаев, когда второй говорящий вступает еще до точки перехода, Л. Гренобль (2008) предложила термин *завершение*. Ситуация завершения формирует благоприятную среду для возникновения наложений. Поскольку второй участник, по сути, вступает в разговор посередине чужой реплики, первый участник зачастую либо не успевает прекратить вокализацию, либо вовсе не отказывается от своего первоначального плана самостоятельно завершить конструкцию.

В примере (3) Комментатор строит именную группу *какие-то рубашки* (строка C-vE203), стремясь уточнить предложенную ранее Рас-

(3) Pears04: «какие-то рубашки»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator
969.69	970.23	N-vE373 сверху —	
970.23	970.81	N-vE374 не \—знаю,	
970.81	971.18		
971.18		N-vE375 — майки,,	
971.79	971.89		C-vN036 {sw 0.09}
	971.92		
971.92	972.24		
972.24	972.69		C-vE202 Да \нет,
972.69			C-vE203 какие-то (0.19) (? 0.18) \рубашки,
973.30		N-vE376 /—рубашки тоже,,	
	974.10		
974.10	974.37		C-vE204 —Да.
	974.51		
974.51	975.72	N-vE377 с \коротким рукавом.	

сказчицей номинацию *майки*. Еще до того, как он приступает к произнесению слова *рубашки*, в конце длящейся 190 мс абсолютной паузы, это же слово произносит Рассказчица. Однако Комментатор не отказывается от намерения самостоятельно завершить начатую им конструкцию: он также произносит слово *рубашки*, а затем, уже в следующей ЭДЕ, подает сигнал обратной связи, показывая таким образом, что он принимает и соглашается со способом совместного построения, предложенным Рассказчицей⁵.

4.3. Эффект запаздывания

Еще один возможный источник наложения — это ситуация, при которой второй говорящий в целом кооперативно реагирует на исходную реплику первого говорящего, но делает это с некоторой задержкой. В результате слова второго говорящего накладывается уже на новую реплику первого говорящего. Это может приводить к различным эффектам, один из них представлен в примере (4).

Здесь Пересказчица в строке R-vE017 формулирует вопрос, а значит, предполагает, что очередь хода перейдет к другому говорящему в соответствии с правилом (i). Однако, подождав 150 мс и не получив ответа, она решает уточнить вопрос в ЭДЕ R-vE018. Ближе к завершению этой строки к разговору наконец-то подключается второй говорящий, Комментатор. Он отвечает на исходный вопрос Пересказчицы (строка C-vE019), и та практически сразу обрывает развитие своей реплики — предположительно, чтобы наложение не мешало ей воспринять полученный ответ. Далее в дело вступает уже Рассказчица, которая дополняет слова Комментатора (серия строк N-vE224–226), и только после этого Пересказчица завершает этот диалогический эпизод, подавая сигнал подтверждения в R-vE020. Таким образом, наложение возникает вследствие задержки с ответом на поставленный вопрос, а устраняется благодаря тому, что инициатор обмена решает, что получение даже запоздалого ответа важнее для достижения ее изначальной цели, чем возможность уточнить суть вопроса. Можно сказать, что в этом случае наложение приводит к временной конкуренции за право говорить, которая быстро разрешается за счет понятного участникам коммуникативного контекста.

⁵ Подробнее о способах совместного построения на материале корпуса RUPEX см. Коротаяев 2023.

(4) Pearso4: «показано только одно»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
385.02	388.64			R-vE017
388.64	388.79			
388.79				R-vE018
389.09	389.23		C-vN009 {hm 0.13}	
390.05			C-vE019	
390.63	390.63			R-vE019
390.63	390.81			
391.18	391.18			
391.18	391.47			
391.47	391.68	N-vE224		
391.68	391.90	N-vE225		
391.90	393.10	N-vE226		
393.10	393.37			
393.37	393.74			R-vE020

4.4. Параллельное применение правила (ii)

Как уже было отмечено в разделе 1, формулировка правила (ii) по Sacks et al. 1974 очевидным образом допускает возможность наложений: если по завершении текущей реплики не «назначен» следующий говорящий, то претендовать на очередь хода могут сразу несколько участников. В результате между ними может возникнуть конкуренция, которую они должны тем или иным образом разрешить. Нечто подобное происходит между Пересказчицей и Комментатором в примере (5).

В этом фрагменте Рассказчица завершает достаточно длительное описание внешности одного из персонажей фильма. Необходимость этого описания возникла вследствие вопроса Пересказчицы, при этом в обсуждении также активно участвовал и Комментатор, а последняя реплика Рассказчицы была реакцией именно на его слова. Таким образом, в точке перехода после строки N-vE256 следующий говорящий не определен: им может быть как Пересказчица (готовая задать новый вопрос), так и Комментатор (готовый продолжать обсуждение внешности персонажа). Первой свои претензии на право говорить заявляет Пересказчица. В строке R-vE062 она, видимо, предпринимает попытку задать вопрос, допускает речевой сбой, а затем уже успешно справляется с этой задачей в следующей ЭДЕ. Ее вопрос относится к упомянутой в предшествующей реплике Рассказчицы бандане. Однако примерно в это же время с альтернативным вариантом продолжения разговора вступает Комментатор: в строках C-vE068–070 он предлагает описание другого предмета одежды. Возникшее наложение урегулируется Пересказчицей. Договорив ЭДЕ R-vE063, она временно берет паузу, дослушивает реплику Комментатора, но затем не реагирует на его слова, а повторяет свой вопрос про бандану.

Замечу, что другой случай параллельного применения правила (ii) был представлен в строках N-vE299 и R-vE099 примера (1) выше. Он, однако, менее интересен, поскольку накладывающиеся реплики крайне коротки, ни одна из них не предполагает продолжения, а значит, наложение разрешается «само собой».

4.5. Продолжающаяся конкуренция

В предыдущих примерах этого раздела конкуренция за право говорить, возникающая при наложении, либо была сутобо формальной (как при конечном наложении), либо достаточно оперативно снималась (обычно — за счет отказа от продолжения одним из участников). Но так, конечно, бывает не всегда. Говоря одновременно, участники могут в течение достаточно длительного времени настаивать каждый на своем

(5) Pearson4: «как она повязана?»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
503.62		N-vE253		
504.20	504.45		C-vF003 (0.25)	
	504.63			
504.63	506.32	N-vE254		
506.32	507.30	N-vE255		
507.30		N-vE256		
507.52				R-vE062 A \как <B=> ==
	507.54			
	508.02			R-vE063 \Как она повязана?
508.02			C-vE068 (ш 0.34) \Пиджак ещё такой,	
508.35				
	509.17			
	509.92			
509.92	510.81		C-vE069 тоже \толстый.	

Times	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
510.81	510.88			
510.88	511.36		С-VE070 Тёмный.	
511.36	511.49			
511.49	512.25			R-VE064 Как она повязана?

«А с улицы доносится сирен разноголосица»

праве определять направление разговора и не уступать друг другу⁶. Кажется, что именно так поступают Рассказчица и Комментатор при первом из двух случаев наложения в рассмотренном выше примере (1). Комментатор вступает со своим описанием устройства велосипеда (строка С-VE097), будто бы не слишком обращая внимание на то, что Рассказчица еще не закончила свою реплику. Та, в свою очередь, тоже не спешит уступить собеседнику право говорить и полностью завершает свое описание; в течение более чем двух секунд они развивают параллельные линии изложения. Впрочем, это не мешает Рассказчице в дальнейшем утвердительно отреагировать на реплику Комментатора (см. ЭДЕ N-VE299).

Еще более заметен конкурентный характер наложения в примере (6). В этом отрывке Пересказчица задает вопрос (R-VE077), на который берется отвечать Рассказчица. Однако посредине ответа Пересказчица решает уточнить вопрос (R-VE078). Рассказчица предпочитает «не заметить» этого уточнения и развивает свой ответ, но для Пересказчицы уточнение крайне важно. Обнаружив, что ее реплика не возымела эффекта при первом произнесении, она спустя менее чем полсекунды с напором повторяет ее (R-VE079) — и вынуждает Рассказчицу оборвать текущую версию ответа. В итоге Пересказчица добивается своей локальной цели: дальнейшее обсуждение уже учитывает уточнение про корзину.

4.6. Побочные реплики

Для последнего типа наложений, который мне хотелось обсудить в этом разделе, характерна своего рода асимметрия в дискурсивной значимости одновременно произносимых реплик. В примере (7) основным говорящим является Комментатор. Он мгновенно (даже с совсем коротким конечным наложением) реагирует на вопрос Пересказчицы, представляя развернутое описание действий трех персонажей. В свою очередь, две его собеседницы реализуют короткие реплики, не претендующие на изменение основной линии разговора. В строке R-VE180 Пересказчица, вероятно, выполняет неудачную попытку уточнить свой вопрос, но отказывается от этой идеи. В строке N-VE342 Рассказчица подает сигнал подтверждения, соглашаясь с излагаемой Комментатором версией развития событий в фильме.

⁶ Разумеется, при оценке того, насколько участники упорствуют в своей конкуренции, приходится сильно полагаться на исследовательскую интуицию. По крайней мере, сейчас я не готов предложить тут каких-либо строгих критериев.

(6) Pearso4: «из корзины»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
534.58	536.46			R-VE077 а /дальше он /берёт одну грушу?
536.46	536.62			
536.62	536.96	N-VN049 (ч 0.34)		
536.96		N-VE262 Он /берёт одну ↑ грушу,		
537.00	537.92			R-VE078 Из \корзины.
538.18	538.18			
538.18		N-VE263 с так= ≈		
538.37				R-VE079 Из \корзины.
	538.62			
	539.17			
539.17	539.20			
539.20	539.76		S-VE073 (ш 0.27) \Дд.	
539.76	539.78			
539.78	540.54	N-VE264 Из /-корзины,		
540.54	541.96	N-VE265 но \ сразу же кладёт её на /место,		

(7) Pearso4: «другой собирает груши»

TimeS	TimeE	Narrator	Commentator	Reteller
821.31				R-VE179 Они всё вместе /собира-ают...
822.86				
822.88			S-VE171 \Н-нет,	
823.18				
823.32	823.61		S-VE172 /-один /отряхивает,	
824.51				R-VE180 Они ==
824.51			S-VE173 (? 0.47) (\улавшего.)	
825.32		N-VE342 ↓/гу.		
825.51			S-VE174 \другой (0.10) собирает /груши,	
825.51	825.70			
827.06			S-VE175 /-третий \велосипед (0.07) в роде \поднимает.	
829.24				

5. Заключение

Наложение — одно из явлений, наиболее очевидным образом отличающих диалогический режим использования языка от монологического. Утверждение само по себе тривиальное, но для нас с Верой Исааковной это часть научной биографии. В течение нескольких лет мы занимались анализом устной речи, опираясь на данные монологических, нарративных текстов. Когда же мы столкнулись с диалогом, выяснилось, что ряд исследовательских решений и наработанных техник нуждается в изменении. Например, только учитывая интерактивный характер разговора, можно выявить и попытаться объяснить различия в реализации сходных речевых явлений в монологе и диалоге. Мы убедились, что одни и те же говорящие реализуют свой речевой репертуар в разговоре существенно иначе, чем в рассказе (см., в частности, статью Подлесская и др. 2019). И интуитивно казалось, что именно феномен одновременного говорения одним из первых формирует особую диалогическую среду.

В настоящем эскизном исследовании была предпринята попытка проверить это интуитивное ощущение с количественной и качественной точек зрения. Для оценки частотности наложений были использованы три метрики. На материале диалогических этапов записей корпуса «Рассказы и разговоры» выяснилось, что на участки одновременного говорения приходится примерно 15% всего времени разговора. При этом только около 40% ЭДЕ, произносимых отдельными говорящими, реализуются без наложения на речевые действия других участников.

Если согласиться с тем, что именно ЭДЕ являются минимальными шагами в порождении устного дискурса, необходимо признать, что участники диалога постоянно сталкиваются с наложениями при реализации самых базовых речевых действий. Естественно также предположить, что в их распоряжении должны иметься ресурсы для успешного преодоления проблем, возникающих при одновременном говорении. Это видно уже и по тому, что большинство наложений длятся недолго: средняя продолжительность в проанализированном материале составила 387 мс, медианная — 278 мс.

В числе таких ресурсов — опора на структурные принципы организации диалога. Некоторые дискурсивные контексты (например, вопросно-ответные смежные пары, ситуации совместного построения), с одной стороны, благоприятствуют возникновению наложений, с другой стороны, самим своим внутренним устройством определяют естественный

путь их разрешения. В других случаях одновременное говорение также обусловлено локальной структурой диалога (например, более одного участника применяют правило чередования (ii)), но дальнейшее урегулирование возникающей коллизии выполняется участниками уже на основании иных факторов. Встречаются и контексты, в которых наложения возникают вследствие неприкрытой конкуренции говорящих за право хода. Всего на материале одной записи корпуса обнаружено шесть типов наложений; представляется, что этот список не окончательный.

Напоследок укажу на еще одно важное соображение. Как отмечается в Heldner, Edlund 2010, при анализе наложений выделяются две традиции: либо наложения рассматриваются как относительно независимое явление, либо же они анализируются совместно с паузами между репликами (становясь, таким образом, своего рода «отрицательными паузами»). Я следовал первому подходу — прежде всего, ради методологической простоты. По той же причине я не задавался вопросом о минимальной продолжительности участка одновременного говорения, необходимой для его квалификации как «подлинного» наложения. Вместе с тем использование второго подхода позволило бы снять этот вопрос и, не исключено, получить более полное представление о способах осуществления кооперативного vs. конкурентного поведения в диалоге.

Литература

- Гренобль Л. 2008. Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге. *Вопросы языкознания*, №1, 25–36.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) 2009. *Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Кибрик А. А., Федорова О. В. 2018. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories. *Психология. Журнал Высшей Школы экономики*, №15(2). 191–200.
- Коротаев Н. А. 2018. Партитурная транскрипция устного диалога при мультисанальной коммуникации. В сб.: А. К. Крылов, В. Д. Соловьев (ред.) *Восьмая Международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г.* М.: Институт психологии РАН, 565–567.
- Коротаев Н. А. 2023. Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, вып. 22, 254–266.

- Подлеская В. И., Коротаев Н. А., Мазурина С. И. 2019. Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог"*, вып. 18(25), 508–522.
- Carroll, D. W. 1999. *Psychology of language*. California: Brooks/Cole Publishing Co.
- Chafe, W. (ed.) 1980. *The Pear Stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ: Ablex.
- Clark, H. H. 1996. *Using language*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
- Heldner, M., Edlund, J. 2010. Pauses, gaps and overlaps in conversations. *Journal of Phonetics*, vol. 38(4), 555–568.
- Kajikawa, S., Amano, S., Kondo, T. 2004. Speech overlap in Japanese mother–child conversations. *Journal of Child Language*, vol. 31, 215–230.
- Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Podlesskaya, V. I. 2020. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 35–76.
- King, A. 2018. Collaborative completions in everyday interaction: A literature review. *Studies in Applied Linguistics & TESOL*, vol. 18(2), 1–14.
- Levinson, S. 1983. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ono, T., Thomsson, S. 1996. Interaction and syntax in the structure of conversational discourse: collaboration, overlap, and syntactic dissociation. In: E. Hovy, D. Scott (eds.) *Computational and Conversational Discourse*. Berlin: Springer, 67–96.
- Paggio, P., Vella, A. 2014. Overlaps in Maltese conversational and task-oriented dialogues. In: P. Paggio, B. Wessel-Tolvig (eds.) *Proceedings from the 1st European Symposium on Multimodal Communication*. Linköping: Linköping University Electronic Press, 55–64.
- Sacks, H., Schegloff, E., Jefferson, G. 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, vol. 50(4), 696–735.
- Schegloff, E. 2000. Overlapping talk and the organization of turn-taking for conversation. *Language in Society*, vol. 29, 1–63.
- Sellen, A. J. 1995. Remote conversations: The effects of mediating talk with technology. *Human–Computer Interaction*, vol. 10, 401–444.
- Stivers, T., Enfield, N. J., Brown, P., Englert, C., Hayashi, M., Heinemann, T., Hoymann, G., Rossano, F., de Ruiter, J. P., Yoon, K.-E., Levinson, S. 2009. Universals and cultural variation in turn-taking in conversation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 106(26), 10587–10592.
- Stolt, M. 2008. *The many faces of overlap. Non-competitive overlap in a conversation between Finnish and British speakers of English*. A Pro Gradu Thesis in English. University of Jyväskylä.

GESTURE / SPEECH SYNCHRONIZATION AND GESTURE'S SCOPE ACROSS INFORMATION UNIT TYPES¹

Massimo Moneglia

(University of Florence)
massimo.moneglia@unifi.it

The paper studies the semantic relation between Gestures and Information units (IUs) based on a heavily annotated multimodal corpus of spoken Italian (Cantalini & Moneglia 2020). The synchronization between strokes and IUs provided by the annotation highlights Gesture's linguistic anchors, allowing the interpretation of its underlying metaphor (Cienki & Müller 2008; McNeill 2016). Gestures can be anchored to the lexicon filling the IU types that, according to the Language into Act Theory (Cresti 2000; Moneglia & Raso 2014), implement the propositional content of the utterance (Topic, Comment, Appendix, Parenthesis). However, those IUs also can guest Pragmatic gestures (Kendon 2004). Crucially, the scope of pragmatic gestures specifically regards the Information function of each IU, providing the anchor. This finding is an independent multimodal argument supporting L-Act's informational definitions. Brief units (Discourse connectors, Introducers of reported speech, Discourse Markers) work for dialogue management rather than for text construction and guest fewer gestures, which can be anchored to the word meaning only in the case of Discourse connectors. Gestures synchronous to the other brief IU types, coherently with their function of Dialogue regulators, do not find scope in the IU but anticipate what follows.

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Анна Ахматова

1. Introduction

Gestures are structured in a configurational model. The minimal gestural linear pattern (Gesture Phrase) foresees a compulsory root (the Expressive

¹ A first version of this paper was presented at the panel "Managing information structure in Spoken and Sign languages: Formal Properties and natural discourse organization", organized by Peter Arkadiev, Vadim Kimmelman, Nikolay Korotaev & Vera Podlesskaya at SLE Conference 2019 in Leipzig.

Phase made by at least one Stroke), constituting the main gestural prominence. Gesture Phrases are packaged within larger Gesture Units and are aligned to the flow of speech (Kendon 1980; 2004; McNeill 1992, 2005; Kita et al. 1998).

In the speech, syntactic constituents are patterned into Information Units (IUs) following the flow of thought, each corresponding to Intonation units (Prosodic units in our frame) according to Chafe (1994) and roughly corresponding to Elementary discourse units in Andrej Kibrik and Vera Podlesskaya approach (Kibrik et al. 2020). According to the Language into Act theory, the theoretical framework adopted in this study, IUs are structured into higher-level Reference units, which are terminated from a prosodic point of view and correlate with Speech acts (Austin 1962). IUs play specific roles marked by prosody within the Information structure of the utterance (Cresti 2000; Cresti & Moneglia 2018b; Moneglia & Raso 2014). The main topic of this paper is the relation of gestures with the linguistic values expressed by IUs within the Information structure of the utterance.

Gestures synchronize with prosody at various levels; in particular, prosodic prominence turns out to synchronize with Strokes (Swerts & Krahrer 2010; Loehr 2012, 2014; Esteve-Gibert & Prieto 2013; Shattuck-Hufnagel & Ren 2018), and also prosodic boundaries have been recently identified for their role in synchronization (Shattuck-Hufnagel et al. 2010; Esteve-Gibert & Prieto 2013; Rohrer et al. 2019; Rohrer 2022).

Gesture interpretation can be achieved by guessing the underlying metaphor from its link to the context (Cienki & Müller 2008); Gestural metaphors are inherently dynamic and constitute a form of embodied cognition. "Metaphoricity recruits iconicity" (McNeill 2016: 94).

This research relies on a data set of spontaneous spoken Italian where the synchronization of gestures has been defined in relation to IUs and Speech acts boundaries. (Cantalini & Moneglia 2020). Moreover, for each IU, the informational role has been marked according to the Language into Act Theory framework (Moneglia & Raso 2014). By looking at the synchronization of Strokes with IUs, it is possible to define the linguistic entities to which the gesture is connected (*gesture scope* in our terms), ensuring a valid basis for its interpretation.

However, within the IUs, Strokes can find their scope at different linguistic levels, which interact in constructing the utterance's meaning (Cienki 2023). The paper presents a fine-grained analysis of the semantic relations of Strokes with IUs at two levels, i.e., the Lexical level and Information functions of IUs.

In Section 2 we will briefly present the dataset and its annotation strategy. In Sections 3 and 4, using prototypic cases, we will consider the scope of

strokes in two sets of IU types. In Section 3 we will first observe the so-called *Textual Units*, which play their Information function while implementing the propositional content of the utterance. In these IUs, the lexical information is rich and compositional. In Section 4 we will consider IUs devoted to managing the interaction, which are not compositional within the utterance. By default, their Information function is played through a single lexical item, and they are grouped here under the label of *Brief units*. In 5 we will finally summarize the conclusions of this exploration.

2. The dataset

The dataset consists of three video-recorded interviews with actors about their professional experience (Cantalini 2018). Three interview samples have been extracted, forming a heavily annotated corpus of around ten minutes (Table 1).

Table 1. The dataset

Subject	Duration	Words
DAN	04:48.896	685
MAX	01:58.725	314
ORS	03:18.181	565
Total	10:05.802	1564

Gesture and prosody have been annotated independently one from the other. For the analysis of gesture flow, the models proposed by Kita et al. (1998) were used, along with additions from Ladewig, Bressemer 2013 and Bressemer et al. 2013. Co-speech gestures have been segmented into three hierarchic levels.

- *Gesture Unit*: sequence of gestures between two rest positions
- *Gesture Phrase*: the minimal gestural linear pattern constituted by Phases of a gesture around a prominence (*Stroke*)
- *Phases*: the *Stroke* compulsory root, possibly preceded by *Preparation* and followed by *Hold* or *Retraction*

Gesture units, *Gesture phrases*, *Strokes*, *Preparation*, *Hold*, or *Retraction*, have been aligned to the acoustic signal in ELAN in dependent tiers. The acoustic source is available, as it is, to annotators during the annotation process.²

² Transcription and prosodic annotation of the speech flow were not available to annotators during gesture annotation.

Two expert annotators replicated the task. *Unit overlap rate* and *Categorization rate* measures were calculated using the “Unitizing” measure (NEUROGES) (Lausberg 2013; Cantalini et al. 2020). Once interrater agreements were calculated,³ annotators reached a consensus producing a shared annotation, considered in this paper.

Prosodic cues have been annotated by experts following the L-AcT methodology (Cresti 2000; Cresti & Moneglia eds. 2005; Moneglia & Raso 2014; Izre’el et al. eds. 2020), which can be summarized in the following principles⁴:

- Utterances performing a pragmatic activity are identified in the speech flow through correspondence with sequences of prosodic units ending with a perceptively relevant Terminal prosodic boundary.
- Non-terminal prosodic boundaries within a terminated sequence identify Prosodic units.
- Prosodic units are characterized by Perceptively Relevant Prosodic movements (t Hart et al. 1990).
- Prosodic units correspond to IUs and bear functional values defining the Information structure of the utterance.

Prosodic units have been aligned to the speech signal in WINPITCH and annotated with their Informational value according to the L-AcT tag set (Moneglia & Raso 2014), summarized below.

Textual Units

- *Comment* (COM): IU expressing the illocutionary information (necessary and sufficient to perform an utterance).
- *Bound Comment* (COB): IU weakly expressing illocutionary force within an adjunctive process.
- *Topic* (TOP): IU specifying what domain the illocutionary act is about.
- *Scanning Unit* (SCA): prosodic unit marked by a non-terminal break which scans the lexical content of one IU⁵

³ *Average overlap/extent ratio*: GUnit 0.83; GPhrase 0.61. *Modified Cohen’s Kappa* (Holle & Rein 2013) for Strokes 0.85.

⁴ The annotation of the terminal and non-terminal prosodic breaks follows from perceptual evidence. The annotation schema has been validated in various corpus-building initiatives (Danieli et al. 2004; Moneglia et al. 2010; Amir et al. 2004; Izre’el & Mettouchi 2015; Panunzi et al. 2020).

⁵ These units do not play an Information function and are not dealt with in this paper.

- *Parenthesis* (PAR): IU that adds information to the utterance on a secondary plane.
- *Appendix* (APC/APT): IU that integrates the information of the Comment or Topic units with unnecessary information and concludes the utterance.

Brief Units

- *Locutive Introducer* (INT): signals the onset of reported speech or reported thought.
- *Discourse Connector* (DCT): signals the link of the utterance with previous information in the discourse or the context.
- *Dialogical*: IUs of different types with no semantic content devoted to the management of the interaction (Discourse Markers)

The prosodic and functional annotation has been transformed in PRAAT files and reconciled in ELAN with gesture annotation. Table 2 sketches the consistency of the current annotated dataset.

Table 2. The annotated dataset

Annotated dataset	Utterances	Information Units	Gesture Units	Gesture Phrases	Interruption in gesticulation
10:05.802	107	461	56	336	01:13.787

General observations regarding the synchronization of co-speech gestures with prosodic units and utterances have been derived. In short, gestures accompany 90% of the speech flow and are highly synchronous with prosodic boundaries. As Figure 2.1 shows, while Gesture Units can embrace more than one terminated sequence, *Gesture Phrases*, which contain the expressive phase (Stroke), almost never cross terminal prosodic boundaries (Cantalini & Moneglia 2020). Therefore, prosodically terminated sequences that accomplish a pragmatic activity appear to be the largest unit for synchronizing gestures.

Moreover, looking at the synchronization of the expressive phases with IUs, we verified that Strokes could co-occur with all IU types but with different probabilities of occurrence⁶. Topic, Comment, and Parenthetical record a higher probability, while Brief units bearing scarce lexical information, like Connectors and Dialogical Units, frequently occur without gesture (Figure 2.2).

⁶ One prosodic unit can also guest more than one Stroke (Cantalini & Moneglia 2020).

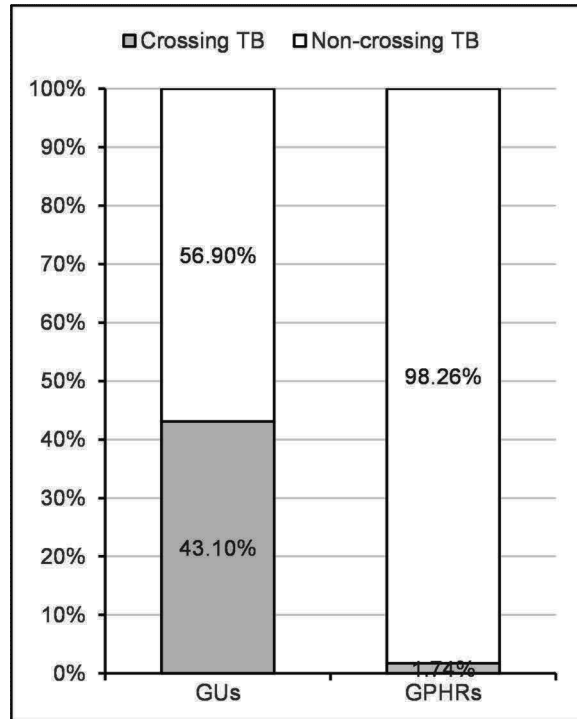

Figure 2.1. Synchronization with Terminal Prosodic Boundaries of Gesture Phrases (GPHRs) and Gesture Units (GUUs)

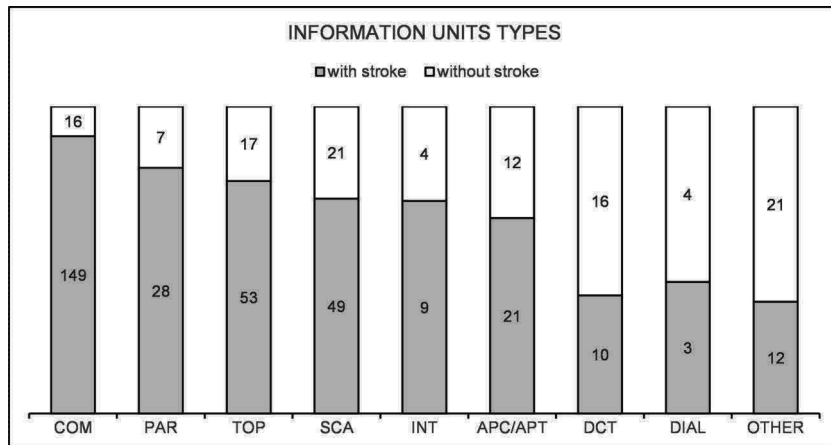

Figure 2.2. Strokes and Information unit types

3. The scope of co-speech gestures in Textual Information Units

3.1. Scope in word concepts

Frequently, a gesture finds its scope in a single lexical item, which can be placed in IU types playing different Informational roles in the utterance. In these cases, the interpretation of the metaphor underlying each gesture relies on this lexical anchor only. From the dataset analysis, a gesture can have its scope in a single word (underlined in the examples) belonging to a compositional IU for all textual types, i.e., Comment, Topic, Parenthesis, and Appendix, independently of the Information function they convey. (1) shows a gesture with its scope on a word in a Comment unit.

- (1) MAX: *di meno usuale per me* //^{COM}
 'less usual for me' //^{COM}

Time	Speech	Gesture
00:02:46.000	stato comunque un qualche cosa / di [f1] eh / di [f1] non di nuovo / sicuramente non di nuovo / ma di [f1] eh / di [f1] di meno usuale per me / ecco //	
00:02:48.000		SP 1-TB transcrip
00:02:49.000		SP 1-ILL
00:02:50.000		SP-annotation for c
00:02:51.000	è stato comunque un qua	di [f1] eh /TMT
00:02:52.000	di [f1] non di nuovo /SCA	sicuramente non di
00:02:53.000	ma di [f1] eh /TMT	di [f1] di meno usuale per
00:02:54.000		

Figure 3.1. The gesture concerns one specific word of a Comment IU

A circular movement with both hands (palm up) is repeated in front of the chest. If interpreted specifically about the word 'usuale' [usual], the gesture resembles the action of "unrolling something" and may refer to a "repetition of events".

In (2), the COM is introduced by two Topic units, which specify its domain. The first is a *modal topic*, and the second is a *temporal* one. Each unit is synchronous to a stroke regarding a single word. In the first stroke, both hands move toward the chest of the speaker, referring to himself, with the scope on 'secondo me' [in my view], in the second TOP, one hand hits the

other, referring to the “exact point in time” specified in the locutive content ‘in quel momento’ [in that circumstance].

- (2) DAN: *secondo me* /^{TOP} *in quel momento* /^{TOP} [...] *in realtà aveva senso* //^{COM} ‘in my view /^{TOP} in that circumstance /^{TOP} it actually made sense //^{COM}

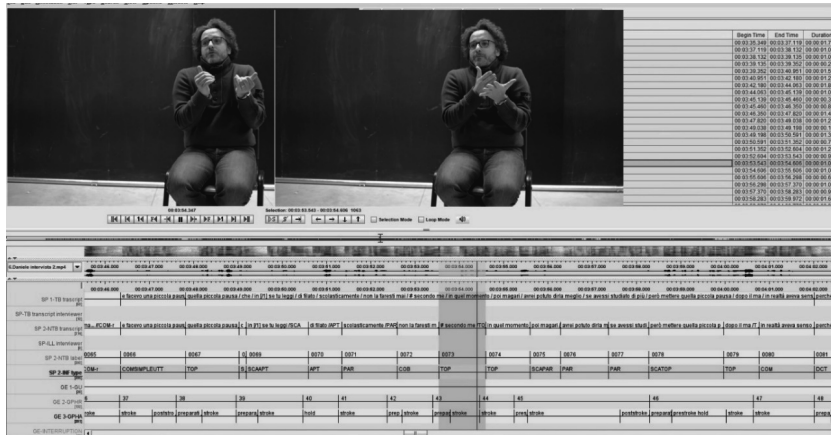

Figure 3.2. The gestures concerning specific words in two Topic IUs

Example (3) verifies the same possibility in PAR units. Two PARs are performed between a TOP and a COM in that utterance. The first PAR is synchronized with a circular forearm movement in front of the torso (Figure 3.3a). Its scope on the word ‘vita’ [life] allows us to interpret the movement as depicting “life span” according to the general conceptual metaphor that time is a line in space or, more specifically, concerning the “arc of life”. The second PAR is synchronous to a rapid crux movement of the arm, palm down (in Figure 3.3b). The scope of ‘sicuro’ [sure] depicts the Italian conventional linguistic metaphor “making a crux”, which extends to “no further possibilities”.

- (3) DAN: *noi nella vita quando parliamo* /^{TOP} *in realtà* | *nella vita non lo so* /^{PAR} *ma a teatro sicuro* /^{PAR} *un personaggio quando parla* /^{SCA} *sta cercando di raggiungere un obiettivo* //^{COM} ‘in real life when we speak /^{TOP} in the reality /^{TOP} in real life I do not know /^{PAR} but in the theatre for sure /^{PAR} when a character speaks / he is trying to reach an objective //^{COM}

Figure 3.3a. The gesture concerns only one specific word of a Parenthesis IU

Figure 3.3b. Gesture concerning only one specific word of a Parenthesis IU

In APC/APT units, even though they are defocalized from a prosodic point of view and record a lower percentage of strokes, the lexical content can be connected to a gesture. In (4), in synchronous with the word ‘importanza’ [significance], the subject raises his hand at the head while opening his fingers. The underlying metaphor may be like “holding in front of himself and to the interlocutor something which should be considered”.

- (4) ORS: però /^{DCT} la battuta /^{TOP} mi restava comunque misteriosa /^{COM} nella sua importanza // /^{APC}
 'but /^{DCT} the joke /^{TOP} was still mysterious to me /^{COM} in its significance // /^{APC},

Figure 3.4. Gesture concerning only one specific word of an Appendix of Comment IU

In other words, within an IU of the Textual type, in which words are compositionally linked, gesture can be interpreted in connection to one specific word concept, and this relation is independent of the functional value of the unit.

3.2. Scope in the Information Function

Kendon (2004: 158) notes that some gestural components are not part of the referential meaning of the Utterance (*Referential* gestures) but are linked to other components of the speech production (*Pragmatic* gestures). Pragmatic gestures relate to the Utterance but do not participate in its propositional content, performing *Modal*, *Performative*, *Parsing* functions, or *Regulating the dialogue*.

In our dataset, *Pragmatic* gestures have been identified, observing that their underlying metaphoric meaning could not be connected to the locutionary material within the Utterance but could be identified when considering the informational value of the IU to which the stroke is synchronized. We will demonstrate this assumption by presenting one case for each textual information function.

In the case of COM, the functional value specifies the utterance's illocution, i.e., the function only a COM/COB can perform within a terminated se-

quence (Cresti 2000). The following Utterance, compound by a COM unit only, performs an Expressive act (*Expression of Obviousness* according to the tag set by Cresti 2020). The COM IU is synchronous with a gesture in which arms are enlarged and hands are palm-up toward the interlocutor.

- (5) ORS: l'ho cercato di fare in venti variazioni ... ^{COM}
 'I tried to do it in twenty different variants ... ^{COM}7

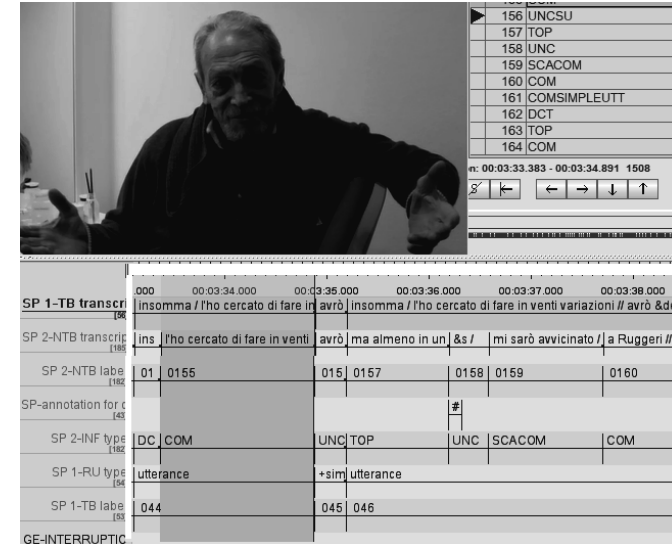

Figure 3.5. Gesture correlating with the Illocutionary value of the Utterance (*Expression of obviousness*)

The gesture cannot be anchored and interpreted with regard to the propositional content of l'ho cercato di fare in venti variazioni ... [I tried to do it in twenty different variants ...], but it becomes clear in correlation with the concept of "obviousness". Palm up — Open arms is a visual metaphor for "as everybody can see".

The function of the TOP unit is to provide pragmatic aboutness (*field of application*) for the illocutionary activity performed by the COM, so specifying the domain of facts where the speech activity expressed in the COM is relevant (Cresti & Moneglia 2018a). In (6), the assertion in COM is about 'talking in everyday life', a piece of information specified in two TOP units.

⁷ The actor tells of the circumstance in which he was not able to imitate the performance given by a colleague.

- (6) DAN: *noi nella vita* /^{TOP} *quando parliamo* /^{TOP} [...] *sta cercando di raggiungere un obiettivo* //^{COM}
 ‘in our life /^{TOP} when we talk /^{TOP} [...] he is trying to reach an objective //^{COM}

Figure 3.6. Gesture correlating with the Topic function

The gesture in the first TOP defines a point in a virtual space. The left hand is raised mid-air in front of the chest, and the fingers are gripped. The meaning of the gesture cannot be interpreted as referring to the concept of ‘vita’ [life] or ‘parlare’ [speaking], filling the two TOP units. Still, it can be interpreted considering that the speaker is performing a TOP. The gesture marks that the “speaker makes reference to an eventuality”, and the form of fingers may refer to the modal attitude of “weighing up the eventuality”.

Parenthesis (PAR) is defined as IUs that *insert within an utterance a piece of information that belongs to a different plane instead of the one defined by the COM* and is not compositional. PARs are characterized by a modal evaluation marking the shift to a different plane (Saccone & Trombetta 2021). In (7), which is a stretch of speech within an adjunctive sequence, the bound comments (COB) sequence is interrupted by two PARs.

- (7) MAX: *mi leggo prima il testo* /^{COB} *e naturalmente cerco di capire* /^{COB} *se non è un attore particolarmente conosciuto* /^{PAR} *o che io nella mia ignoranza non conosco* /^{PAR} *mi vado prima a documentare* /^{COB}
 ‘I first read the text /^{COB} and of course I try to understand /^{COB} if it is not a well-known actor /^{PAR} or if my ignorance I’m not aware of /^{PAR} I go to read up on it /^{COB}’

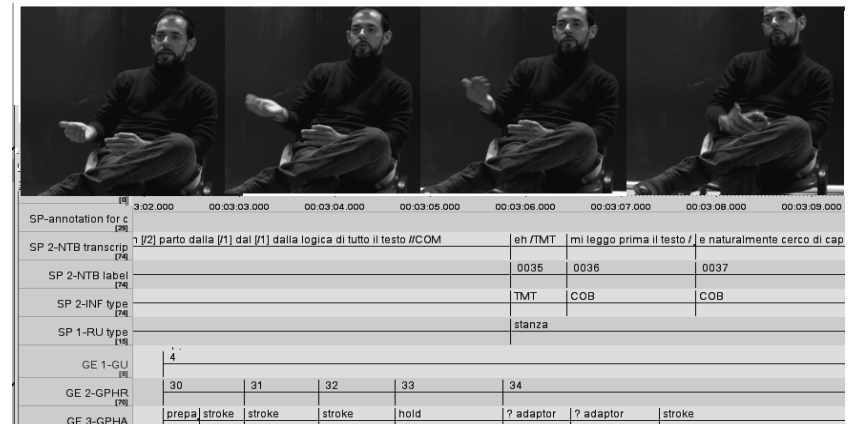

Figure 3.7. Gesture correlating with the Parenthetic function of the IU

Each PAR hosts a gesture. The first one is presented in Figure 3.7 in four screenshots. It consists of a rapid hand movement from the speaker’s right side to his lap. The hand is palm up and turned toward the speaker, modifying the previous gesture pattern (Barros 2021). The movement does not find a link with the propositional content expressed in the parenthesis ‘se non è un attore molto conosciuto’ [‘if he is not a well-known actor’]. On the contrary, the gesture can be interpreted metaphorically as “from the side of the speaker”, which explicitly, in coordination with prosodic change, introduces the epistemic point of view proper to the PAR IU.

The Appendix, which is an IU integrating the COM or the TOP (APC / APT), is defined as *delayed textual information considered unnecessary by the speaker and intended to share his point of view with the addressee*. APC/Ts are defocalized.

In (8), synchronously with the APC unit, the speaker raises his hand at his head and rotates his fingers. The gesture cannot refer to the lexical content, i.e., the temporal notion ‘durante’ [during] nor the object ‘spettacolo’ [show]. It can be interpreted if referred to the APC delayed integration function; the underlying metaphor may be “just comes to my mind”.

- (8) ORS: *il pubblico* /^{TOP} *non reagisce con una prima risata* /^{COM} *durante lo spettacolo* //^{APC}
 ‘the public /^{TOP} does not react with a first laugh /^{COM} during the show //^{APC}’

Figure 3.8. Gesture correlating with the Appendix function of the IU

In other words, within an IU of the Textual type, in which words are compositionally linked, the gesture's meaning can be related to the Information function of the IU, and this relation is independent of the lexical content of the unit.

4. Gestures in Brief Information units

The lack of lexical contribution to the propositional content of the utterance characterizes Brief IUs, which are, in general, Discourse Markers whose meaning is mostly up to the information function they play (Raso 2014). In the dataset, we have little data in this domain; therefore, the relation between strokes and the various Brief IU types is investigated in detail, showing the peculiar properties of gestures we found in these IUs. We will consider first Discourse Connectors (DCT) and Locutive Introducers (INT) and, finally, Dialogues Regulators.

The annotated dataset shows that gestures are less frequent in these IU types (Figure 2.1). This is probably due to the lack of lexical meaning. It is worth noting that when subjects perform a time-taking production, i.e., indistinct vowels produced before the onset of speech (23 occasions in the dataset), the speech signal is never accompanied by a stroke. The time taking is either marked by adaptors, post-stroke hold, or no movement. This finding correlates with the overall hypothesis that, at some level, co-speech gestures have a scope on linguistic information: word level, phrase level, IU function,

and illocutionary information. Indeed, time-taking signals are part of the stretch of speech but are not expressions and do not convey either meaning or Information function.

DCT is a signal of connection that *specifies to the interlocutor that there is a link between what will be said and the previous discourse*. A lexical item of conjunction generally fills a DCT. According to L-AcT, however, the distributional properties of DCT differ from syntagmatic Conjunction, and the semantic quality of the link remains undefined; it has been hypothesized that DCT bears their Information function, keeping low semantic specificity since DCTs could be, in principle, omitted without altering the content of the utterance. The lexical filling of a DCT might also be quite freely substituted by other conjunctions (Cresti & Moneglia 2021).

This prevision is interesting when investigating the relation with gestures. Although the unit may frequently occur without co-speech gestures, in the dataset, we found 10 DCT IUs guesting a stroke, respectively filled by different conjunctions ('cioè' [in other words], 'però' [however], 'perché' [because], 'mentre' [while] 'anzi' [on the contrary / still] 'magari' [even / perhaps]).

Despite these little data, we can derive three relevant observations from a theoretical point of view to the definition of gesture scope in DCT and to the informational and semantic properties of this IU.

First, contrary to expectations, also for DCTs, the gesture can pertain to the semantic content of the lexical item, as we have shown for Textual units. For instance, the Italian conjunction 'cioè' [in other words] can be the scope of gestures conveying different meanings, all appropriate to the connector's meaning.

In (9), as Figure 4.9 shows, in synchronous with 'cioè' [in other words], the speaker turns both hands (palm down) down on his right. The underlying metaphor might refer to "something hidden or covered" and will be made clear in the next stretch of speech.

In (10), as Figure 4.10 shows, 'cioè' synchronize with a sudden rising of one hand, open fingers, toward the speaker's face. The underlying metaphor refers to the "evidence which becomes necessarily visible", like the idea introduced by the connector.

- (9) DAN: *ciòè* /^{DCT} lo sai meglio di me /^{COM} in realtà //^{PAR}
 'in other words' /^{DCT} you know it better than me /^{COM} indeed //^{PAR}

Figure 4.9. Co-speech gesture with its scope on a Discourse Connector

(10) ORS: *cioè*^{DCT} *devi sentirlo*^{COM} *il pubblico* //^{APC}
 ‘in other words’^{DCT} *you must feel them*^{COM} *the audience* //^{APC}

Figure 4.10. Co-speech gesture with its scope on Discourse Connector

Therefore, the gestures make evident the two sides of the connection, respectively *backward* and *forward*. It is worth noticing that both gestures can be, in principle, substituted for one another in the given context keeping their adequacy and scope.⁸

⁸ Experiment conducted informally in our lab.

The second observation regards the notion of DCT and its relationship with the semantics of conjunctions. The little evidence in the dataset allows us to observe that if a gesture pertains to the semantic content of a given conjunction, the latter cannot be freely substituted in synchronous with a different conjunction in DCT. See, for instance (11), where the DCT is filled by the explicative conjunction ‘perché’ [because].

(11) DAN: *perché*^{DCT} *ti dava un ritmo alla battuta*^{SCA} *inconsueto*^{COB}
 ‘because’^{DCT} *may give a rhythm to the joke* / *unusual*^{COB}

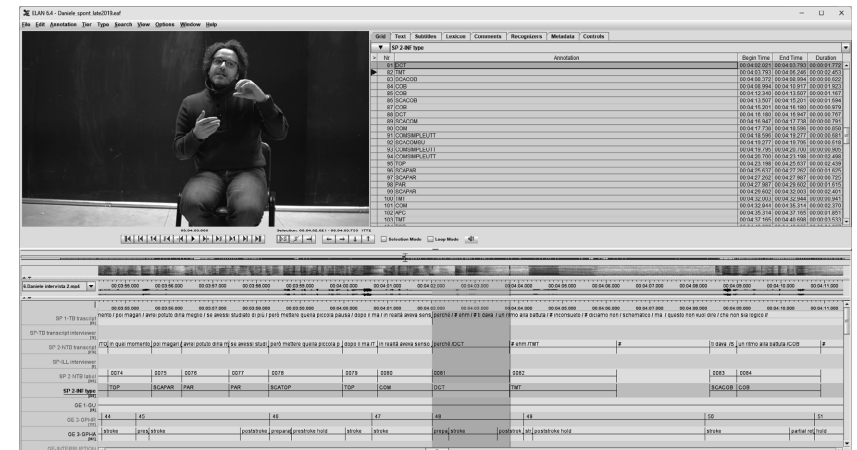

Figure 4.11. Co-speech gesture with its scope on Discourse Connector

When performing the DCT ‘perché’[because], the speaker raises his hand mid-hair toward the head, palm down with the thumb forming a circle with the index, like in a Gripping gesture (Kendon 2004). The underlying metaphor refers to “a precise circumstance the speaker is trying to retrieve” while holding the gesture. The gesture connection with the explicative meaning of the conjunction ‘perché’[because] is straightforward.

Crucially, however, the same gesture will not be consistent with the DCT *cioè*, both in the contexts of (9) and (10). Therefore, if DCT might be, in principle, substituted for another from the point of view of discourse coherence, this is not always the case when multimodal evidence is considered.⁹ Gestural meanings turn out semantically connected to the specific meaning of the

⁹ We repeated the substitution exercise with different conjunctions in the DCT position, and in some cases, the substitution turned out possible.

conjunction in DCT, which, contrary to our theoretical previsions, are at least partially kept even if the conjunction works as a DCT.

The last observation has a limited value due to the few data we could consider. Contrary to COM, TOP, PAR, and APC, we did not find pragmatic gestures that have their scope on the functional value of the DCT unit, i.e., the connection function. This also weakens the idea that DCTs only ensure a functional value.

Locutive Introducers (INT) are IUs that signal the onset within the utterance of *reported speech, reported thought, or exemplification* (COM_r), *changing the spatiotemporal coordinates of the utterance* itself. INT, as DCT, is a brief unit typically filled by a *dicendi* verb like ‘dice’ [he said] or other equivalent expressions. It is usually found in the dataset synchronous with a co-speech gesture.

- (12) ORS: *che tra l'altro /^{TOP} finisce così /^{INT} ora !_{COM,r}*
 ‘among other things /^{TOP} it ends up like this /^{INT} now !_{COM,r}’

Figure 4.12. Co-speech gesture with its scope in a Locutive Introducer

In Figure 4.12, in synchronous with the INT unit, the hand moves laterally toward the interlocutor and is palm up with opened fingers. The underlying metaphor anchored to the locution ‘così’ [like this] refers to a concept of evidence “as everybody can see”. However, the interpretation can also be anchored to the indexical value of ‘così’, which, according to the INT function, points to the reported speech. Therefore, the gesture is linked to the meaning of the lexical entry in the INT position but also to the pragmatic value of the IU.

This is not the only thing to be noticed. In Figure 4.13, the stroke is constituted by a slight raising of grip gesture toward the head. The stroke is not synchronous to the INT unit only. It starts at the INT onset, extends to the following reported IU ‘sa’ io’ [you know I], and is then held through the reported utterance in (13).

Contrary to the preceding example, the scope of the gesture is neither in the locutive content ‘m’ha detto’ [he told me] nor on the pragmatic function of the unit (pointing to the change of coordinates) but may rather refer to the attitude of the guy reported, through the “mimetic reference to a memory that comes to his mind”. In other words, the gesture in INT anticipates its scope on the reported speech.

- (13) ORS: *ora m’ha detto /^{INT} sa’ io /^{TOP,r} sono stato in compagnia con Ruggero Ruggeri /_{COM,r}*
 ‘he told me /^{INT} you know I /^{TOP,r} I was in a troupe with Ruggero Ruggeri /_{COM,r}’

Figure 4.13. Co-speech gesture with its scope on what follows the Locutive Introducer

The mimetic attitude of gesture in reported speech can be replicated in the complex stroke (*catchment* in McNeill terms) in Figure 4.14, which also extends from the INT to the end of the reported utterance in which the actor reports the perplexity of the director on his interpretation of a joke.

- (14) DAN: *dice /^{INT} ah /^{PHA,r} quella battuta /^{TOP,r} non mi suona //_{COM,r}*
 ‘he said /^{INT} oh /^{PHA,r} that joke /^{TOP,r} sound bad to me //_{COM,r}’

Figure 4.14. Co-speech gesture with its scope on what follows the Locutive Introducer

In Figure 4.14, the stroke is composed of three phases. In synchronous with the INT, the subject raised his hand on the left side, open toward the interlocutor, to position the reported speaker deictically in space. Then the mimetic gesture starts, finding its scope on the locutive content of the reported speech. He first raises both hands at the head, palms toward the interlocutor, in a defensive manner, underlying the negative attitude connected to the interjection ‘ah’, and then moves right to the left (zigzag trajectory) with both hands at the head level. The scope on ‘non mi suona’ [sound bad to me] allows the interpretation of the underlying metaphor “like a sound that comes and goes around your head”.

Being substantially a monologue with little intervention by the interviewer, the dataset records dialogical units only occasionally. Dialogic units, by definition, do not implement the textual information of the utterance but are devoted to dialogue regulation. The lexical entries used to this end are Discourse Markers (DMs) that are not compositional with the other elements in the utterance and bear little meaning *per se*. Given these properties, it is interesting to observe what is the scope of gestures that are synchronized with such IUs.

We found 7 Dialogic units, respectively, four conative, two phatic, and one incipit within a reported speech. Among them, only four Dialogic units co-occur with a gesture.

It is worth noticing that coherently with the prevision that DMs have little lexical meaning, gestures are never anchored to their lexical content. However, the possibility that the gesture gets its scope in the dialogic func-

tion played by the unit is not even recorded. In our few cases, the gesture refers (forward or backward) to the content of other units. The following two examples, a Phatic and a Conative, illustrate this finding.

PHA units control the communication channel, ensure its maintenance, and stimulate the listener to social cohesion. In (15), in complete synchrony with the PHA unit filled by an interjection, the right hand performs a rapid partial rotation near the head. The content of the interjection does not provide a possible anchor, and the phatic function does not either. However, if anchored to the parenthesis ‘quando c’ho voglia’ [when I feel like it], the underlying metaphor can be figured out, i.e., “if it comes to my mind”. Therefore, the gesture does not have the scope on the unit in which it occurs, but it adds a modal evaluation to the PAR that will follow.

- (15) ORS: *qualche volta* /^{TOP}*mhm* /^{PHA} *quando c’ho voglia* /^{PAR} *gioco su delle pause non psicologiche* //^{COM}
 ‘it can happen /^{TOP} mhm /^{PHA} when I feel like it /^{PAR} I play with non-psychological pauses //^{COM}

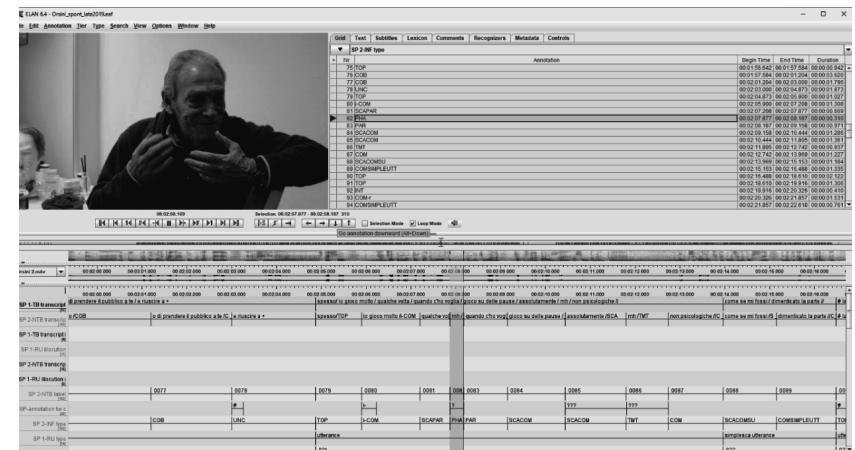

Figure 4.15. Co-speech gesture in a Phatic unit with its scope on what follows

The CON dialogic function pushes *the listener to collaborate in the dialogue*. In (16), the CON makes him specifically agree to the previous utterance, as in *tag questions*.

In his gesticulation, the subject, holding the preceding stroke, keeps his hand mid-air and turns its palm toward the interlocutor in synchronous with the CON. The gesture, directed to the addressee, has a deictic force, like

pushing him to share a piece of evidence. The gesture is not anchored to the semantic content of 'no', but considering the deictic force to the addressee, it can be connected to the dialogic function of CON. However, the actual scope is backward on the assertion to be confirmed or not.

- (16) ORS: *gli dai dentro* /^{COB} *giochi col pubblico* /^{COB} *col gatto al topo* /^{COM} *in qualche modo* /^{APC} *no?* /^{CON}
 'you get it on /^{COB} you play with the audience /^{COB} like cat and mouse /^{COM} in some way /^{APC} right? /^{CON}'

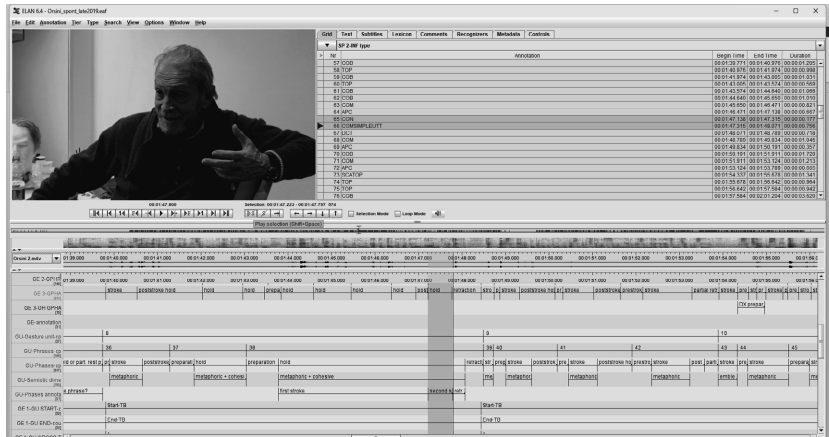

Figure 4.16. Co-speech gesture in a Conative unit with its scope on what follows

5. Conclusion

In our Dataset, prosodically terminated sequences that accomplish a pragmatic activity appear to be the largest unit for synchronizing gestures. Gesture's underlying metaphor can be interpreted when considering the information conveyed by the IUs of the utterance to which they are synchronous. But the relations found by gestures change when considering the Information function of the units.

In Textual IU types implementing the propositional content of the utterance (COM, TOP, PAR, APC), the gesture can be interpreted in connection to one specific word concept (*scope on a lexical item*), and the relationship is independent of the functional value played by the units. However, Textual IUs also guest *pragmatic* gestures. In those cases, the underlying metaphor could not be connected to the locutionary material filling the IU. Still, it could be

identified if considering its informational value. Pragmatic gestures are connected to the specific information function expressed by the IU.

This constitutes a multimodal independent correlation of the Textual Information functions foreseen by L-AcT since those functions can be assumed as valid anchors for the definition of gesture scope.

Results are much less clear when considering Brief units, which, according to L-AcT, play the role of Discourse markers devoted to managing the interaction. Gestures are less frequent in these IU types, and our data are limited. Still, the observations derived from gesture synchronization with these IUs are interesting from a theoretical point of view. We considered DCT, INT, and a few DMs.

In the case of DCT, multimodal evidence changes the picture of our provisions based on prosodic and distributional evidence. Gestural meanings find their scope in the specific lexical meaning of each conjunction in DCT, which, on the contrary, are foreseen as almost semantically empty signals of connections in L-AcT. If the meaning of gestures is considered part of the spoken message, DCTs do not behave as dialogue regulators but participate in the utterance's meaning. However, contrary to Textual units, we did not find pragmatic gestures that have their scope on the functional value of the DCT.

Gestures synchronous with INT units, which introduce Reported speech, can be anchored to both the lexical unit and its Information function, but crucially can also find their scope outside the IU, referring to the meaning of the speech to be reported. In other words, they can have *forward* scope, giving rise to *catchment* phenomena within a mimetic attitude of the speaker.

In Dialogue regulator IUs, coherently with the prevision that DMs have little lexical meaning, gestures are never anchored to their lexical content. However, the possibility that the gesture gets its scope in the dialogic function played by the unit is not even recorded. In our few cases, the gesture refers (forward or backward) to the content of other units.

References

Amir, N., Vered, S. V., Izre'el, S. 2004. Characteristics of Intonation Unit Boundaries in Spontaneous Spoken Hebrew: Perception and Acoustic Correlates. In: B. Bel, I. Marlien (eds.) *Proceedings of Speech Prosody 2004*, ISCA, 677–680.
 Austin, J. 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
 Barros, C. A. 2021. A relação entre unidades gestuais e quebras prosódicas: o caso da unidade informacional Parentético [Unpublished Master's Dissertation]. Universidade Federal de Minas Gerais.

- Bressemer, J., Ladewig, S. H., Müller, C. 2013. Linguistic Annotation System for Gestures LASG. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, SH. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (eds.) *Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction Handbooks of Linguistics and Communication Science* 38. Vol. 1. Berlin: De Gruyter—Mouton. 1098–1125.
- Cantalini, G. 2018. La gestualità co-verbale nel parlato spontaneo e nel recitato. Annotazione del gesto e correlati prosodici in campioni comparabili di attori italiani, Roma, PhD Thesis, Università di Roma Tre.
- Cantalini, G., Moneglia, M. 2020. The annotation of Gesture and Gesture / Prosody synchronization in Multimodal Speech Corpora. *Journal of Speech Science*, V. 9, 1–24
- Cantalini G., Moneglia, M., Gagliardi, G., Proietti, M. 2020. La relazione gesto / prosodia e la sua variabilità. Il parlato spontaneo di contro alla performance attorale. In: A. De Meo, F. Dovetto (eds) *La Comunicazione Parlata*. Roma: Aracne, 63–89.
- Chafe, W. 1994. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cienki, A., Müller, C. 2008. *Metaphor, gesture*. Amsterdam: Benjamins
- Cienki, A. 2023. Speakers' Gestures and Semantic Analysis. *Cognitive Semantics*, 9, 167–191.
- Cresti, E. 2000. *Corpus di italiano parlato*. Firenze: Accademia della Crusca.
- Cresti, E. 2020. The pragmatic analysis of speech and its illocutionary classification according to the Language into Act Theory, In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In Search of Basic Units of Spoken Language. A corpus-driven approach*. Amsterdam: Benjamins. 181–220 <https://doi.org/10.1075/scl.94.06cre>
- Cresti, E., Moneglia M. (eds.) 2005. *C-ORAL-ROM. Integrated reference corpora for spoken romance languages*. Amsterdam: Benjamins. <https://doi.org/10.1075/scl.15>
- Cresti, E., Moneglia, M. 2018a. The definition of the TOPIC within Language into Act Theory and its identification in spontaneous speech corpora. *Revue Romane*, V. 53 30–62, <https://doi.org/10.1075/rro.53.1>
- Cresti, E., Moneglia, M. 2018b. The illocutionary basis of information structure. The Language into Act Theory L-ActT. In: E. Adamou, K. Haude, M. Vanhove. *Information Structure in Lesser-described Languages. Studies in prosody and syntax*. Amsterdam: Benjamins Publishing Company. 360–402 DOI: 10.1075/slcs.199.13cre
- Cresti, E., Moneglia, M. 2021. The definition of connectors, connectives, and conjunctions according to the Language into Act Theory. *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*, V. 1, 1, 31–51.
- Danieli, M., Garrido, J. M., Moneglia, M., Panizza, A., Quazza, S., Swerts, M. (2004) Evaluation of Consensus on the Annotation of Prosodic Breaks in the Romance Corpus of Spontaneous Speech C-ORAL-ROM. In: MT. Lino, MF. Xavier, F. Ferreira, R. Costa, R. Silva (eds) *Proceedings of the 4th LREC Conference*. Paris: ELRA. 1513–1516.

- Esteve-Gibert, N., & Prieto, P. 2013. Prosodic structure shapes the temporal realization of intonation and manual gesture movements. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 563, 850–864. <https://doi.org/10.1044/1092-43882012/12-0049>.
- 't Hart, J., Collier, R., Cohen, S., 1990. *A Perceptual Study of Intonation. An Experimental-Phonetic Approach to Speech Melody*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holle H, Rein R. 2013. The Modified Cohen's Kappa: Calculating Interrater Agreement for Segmentation and Annotation. In: H. Lausberg (ed.) *Understanding Body Movement. A Guide to Empirical Research on Nonverbal Behaviour. With an Introduction to the NEUROGES Coding System*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 261–275.
- Izre'el, S., Mello, H., Panunzi, A., Raso, T. (eds.) 2020. *In Search of Basic Units of Spoken Language*. Amsterdam: Benjamins.
- Izre'el, S, Mettouchi, A. 2015. Representation of Speech in CorpAfroAs. Transcriptional Strategies and Prosodic Units. In: A. Mettouchi, M. Vanhove, D. Caubet (eds.) *Corpus-based Studies of Lesser-described Languages: The CorpAfroAs corpus of spoken AfroAsiatic languages*. Amsterdam: Benjamins. 13–41.
- Kendon, A. 1980. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of Utterance. In: MR. Key (ed.) *Nonverbal Communication and Language*. Berlin: Mouton. 207–227.
- Kendon, A. 2004. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kita, S., van Gijn, I., van der Hulst, H. 1998. Movement phases in signs and co-speech gestures, and their transcription by human coders. In: I. Wachsmuth, M. Fröhlich (eds.) *Gesture and Sign Language in Human-Computer Interaction*. Berlin: Springer. 23–35.
- Kibrik, A. A. Korotaev, N. A., Podlesskaya, V. I. 2020. Russian spoken discourse. Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In Search of Basic Units of Spoken Language. A corpus-driven approach*. Amsterdam: Benjamins. 35–76.
- Ladewig SH, Bressemer J. A. 2013. Linguistic perspective on the notation of gesture phases. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, SH. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (eds.) *Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction Handbooks of Linguistics and Communication Science* 38. Vol. 1, Berlin: De Gruyter Mouton Berlin: De Gruyter Mouton. 1060–1079.
- Lausberg, H. 2013. *Understanding Body Movement. A Guide to Empirical Research on Nonverbal Behaviour, With an Introduction to the NEUROGES Coding System*. Frankfurt am Main: Peter Lang,
- Loehr, D. P. 2012. Temporal, structural, and pragmatic synchrony between intonation and gesture. *Laboratory Phonology*, 31, 71–89. <https://doi.org/10.1515/lp-2012-0006>

- Loehr, D. 2014. Gesture and prosody. In: C. Müller, A. Cienki, H. Fricke, SH. Ladewig, D. McNeill (eds) *Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction* Vol. 2. Berlin: De Gruyter Mouton. 1381–1391.
- McNeill, D. 1992. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: University of Chicago Press.
- McNeill, D. 2005. *Gesture and Thought*. Chicago: University of Chicago Press.
- McNeill, D. 2016. *Why We Gesture: The Surprising Role of Hand Movements in Communication*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Moneglia, M., Raso, T., Malvessi-Mittmann, M., Mello, H. 2010. Challenging the perceptual relevance of prosodic breaks in multilingual spontaneous speech corpora: C-ORAL-BRASIL / C-ORAL-ROM. In: *Speech Prosody 2010*, W1.09, Satellite workshop on Prosodic Prominence: Perceptual, Automatic Identification. Chicago. https://www.isca-speech.org/archive/sp2010/sp10_2010.html, 2010.
- Moneglia M., Raso T. 2014. Notes on the Language into Act Theory. In: T. Raso, H. Mello (eds.) *Spoken Corpora and Linguistic Studies*. Amsterdam: Benjamins. 468–494.
- Panunzi, A, Gregori, L, Rocha, B. 2020. Comparing annotations for the prosodic segmentation of spontaneous speech: Focus on reference units. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In Search of Basic Units of Spoken Language. A corpus-driven approach*. Amsterdam: Benjamins. 403–431.
- Raso, T. 2014. Prosodic constraints for discourse markers. In: T. Raso, H. Mello (eds.) *Spoken Corpora and Linguistic Studies*. 411–467
- Rohrer, P. L. 2022. A temporal and pragmatic analysis of gesture-speech association: A corpus-based approach using the novel MultiModal MultiDimensional M3D labeling system. Ph.D. thesis Barcelona: University Pompeu Fabra.
- Rohrer, P. L., Prieto, P. & Delais-Roussarie, E. 2019. Beat gestures and prosodic domain marking in French. In: S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain & P. Warren (eds) *Proceedings of the 19th International Congress of Phonetic Sciences*. Australasian Speech Science and Technology Association Inc. 1500–1504.
- Saccone, V., Trombetta, C. 2021. Parenthetical Units and Structures in Italian and German spoken language Prosodic and textual analysis. *CHIMERA. Romance Corpora and Linguistic Studies*. V.8, 1–23. <https://doi.org/10.15366/chimera2021.8.001>
- Shattuck-Hufnagel, S., Ren, P. L., & Tauscher, E. 2010. Are torso movements during speech timed with intonational phrases? In: *Proceedings of the International Conference on Speech Prosody*. ISCA Archive. 1–4.
- Shattuck-Hufnagel, S., & Ren, A. 2018. The prosodic characteristics of non-referential co-speech gestures in a sample of academic-lecture-style speech. *Frontiers in Psychology*, 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01514>
- Swerts, M., & Krahmer, E. 2010. Visual prosody of newsreaders: Effects of information structure, emotional content and intended audience on facial expressions. *Journal of Phonetics*, V. 38, 197–206. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2009.10.002>

- ELAN <https://www.mpi.nl/corpus/html/elan/index.html>
- NEUROGES <https://neuroges.neuroges-bast.info/>
- PRAAT <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
- WINPITCH <https://www.winpitch.com/>

СКОРОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ НА ОСНОВЕ БИЛИНГВАЛЬНЫХ И ДИАЛЕКТНЫХ УСТНЫХ КОРПУСОВ

Г. А. Мороз
(НИУ ВШЭ)
agricolamz@gmail.com

Данная работа посвящена анализу скорости речи на материале 7 билингвальных и 18 диалектных устных корпусов русского языка Международной лаборатории языковой конвергенции. Суммарный объем всех корпусов составляет 273 499 высказываний, собранных от 425 носителей и содержащих 2 080 470 токенов (261 час). В данной работе мы ставим задачу смоделировать отношение длительности высказывания и количества слогов в высказывании на основе достаточно обширного и разнородного материала. Для того чтобы бороться с разнородностью материала, мы использовали иерархическую модель со смешанными эффектами (Searle et al. 1992), которая позволяет при построении модели учесть эффекты а) отдельного спикера б) корпуса¹.

От топота копыт пыль по полю летит.
Скороговорка

1. Введение

Мне повезло учиться у Веры Исааковны в РГГУ, и какое-то время я даже посещал необязательные семинары, которые проводились в рамках исследования устного русского дискурса под руководством Веры Исааковны. Несмотря на то, что участие в этих семинарах не увенчалось с моей стороны каким-то существенным научным вкладом, я запомнил атмосферу споров, общего дела и доброжелательности, которую Вера

¹ Автор выражает глубокую признательность С. С. Земичевой, Н. А. Коротаеву, С. В. Князеву, К. Наккарато, А. В. Рахтеенко и А. В. Яковлевой за обсуждение и правки первого варианта статьи. Ответственность за возможные ошибки и неверные интерпретации, естественно, лежит на совести автора. Исследование осуществлено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ и Центра цифровых гуманитарных исследований ЮФУ, тема проекта: «Конвергенция языковых пластов русского языка в зеркале цифровых отношений».

Исааковна культивировала везде: и на собраниях семинара, и в Учебно-научном центре лингвистической типологии. Вряд ли я тогда мог представить, что спустя более чем десять лет я сам начну руководить научной группой, исследующей устную разновидность русского языка, который я избегал изучать в течение всей своей карьеры. И хотя цели и предмет этих исследований совершенно другие, наши собрания мне напоминают о том деле, которое начала и продолжает до сих пор Вера Исааковна, и, надеюсь, эта статья сыграет роль мостика, соединяющего научные исследования между собой.

2. Исследования скорости речи

Исследования скорости речи начались еще в начале XX века (например, (Stetson 1928)), однако первыми количественными исследованиями, подобными современным, насколько нам известно, являются работы Goldman-Eisler 1954, 1956. Эта область находится на границе нескольких научных дисциплин: когнитивных наук, медицины и лингвистики. В лингвистике исследования скорости речи тоже принадлежат достаточно разнородным областям: изучались возрастные изменения (Stine, Wingfield 1987), влияние на автоматический синтез и распознавание речи (Crystal, House 1990; Campbell, Isard 1991), восприятие речи (Miller, Liberman 1979; Roach 1998), речевая аккомодация (Giles, Smith 1979), и собственно скорость речи в конкретных языках (Pfitzinger 1996; Robb et al. 2004; O'Neill 2008; Van Borsel, De Maesschalck 2008; Quené 2008; Jacewicz et al. 2009, 2010; Stepanova 2011; Amir, Grinfeld 2011; Sullivan 2016; Мороз 2017; Kim 2018; Cangi et al. 2020).

В исследованиях скорости речи различают *общую*, *частную* и *относительную* скорости речи (Pfitzinger 1996). *Общей* называют скорость речи, которая получается путем деления длительности фрагмента на количество языковых единиц, которые в него входят. *Частная скорость речи* основана на измерении длительности отдельных сегментов, которая потом обобщается некоторой оконной функцией (например, скользящим средним) на уровень выше. Понятие *относительной скорости речи* было введено в работе Ohno, Fujisaki 1995 и основано на алгоритме динамической трансформации временной шкалы (Dynamic time warping). В данной работе мы будем анализировать общую скорость речи. Кроме того, стоит отметить различие скорости речи (*speaking rate*) и скорости артикуляции (*articulation rate*) (Chon et al. 2012). Под скоро-

стью артикуляции понимают скорость речи за промежутки времени, но за исключением хезитационных пауз (заполненных и незаполненных), оговорок и других нарушений речи. В нашей работе мы исследуем именно скорость речи.

В разных работах для подсчета скорости речи используются различные языковые единицы: количество слогов (Goldman-Eisler 1954, 1956; Quené 2008; Stepanova 2011), количество звуков (Fonagy, Magdics 1960), количество фонем (Osser, Peng 1964; Uhmann 1992), количество ударных слогов (Uhmann 1992) и количество слов (Uhmann 1992). По аналогии с другими исследователями русского языка (Кривнова 2007; Stepanova 2011) в нашей работе мы будем использовать наиболее популярный метод: подсчет количества слогов. Стоит также упомянуть результаты измерений, полученных для литературного языка: в работе Stepanova 2011 сообщается, что средняя скорость речи 5,31 слогов в секунду (стандартное отклонение 1,93), в работе Кривнова 2007 сообщается, что средняя длительность слога в русском языке составляет 150–200 мс, что соответствует 5–6,6 слогам в секунду. Кроме того, в работе Stepanova 2011 отмечается, что среди носителей русского языка мужчины (5,46, стандартное отклонение 2,02) говорят быстрее, чем женщины (5,23, стандартное отклонение 1,84), а молодые люди младше 40 говорят быстрее (приблизительно 6,15), чем пожилые (приблизительно 5,35).

3. Данные

Материалом для нашего исследования послужили 25 устных корпусов нестандартных вариантов русского языка:

- Корпус говора Хиславичского района (Рыко, Спиричева 2020);
- Говор бассейна Устья (Даниэль и др. 2018);
- Корпус говора села Малинино (Тер-Аванесова и др. 2019);
- Корпус говоров низовья рек Лух и Теза (Кувшинская 2020);
- Корпус говора Мантуровского района Костромской области (Кувшинская, Машковцева 2021);
- Корпус говора села Роговатка (Тер-Аванесова и др. 2018);
- Корпус донских диалектов (Флягина и др. 2023);
- Корпус опочецких говоров (Ронько и др. 2019);
- Корпус звенигородской речи (Панова 2021);
- Корпус говора верхней Пинеги и Выи (Князев 2021);
- Корпус говора деревни Нехочи (Тер-Аванесова и др. 2020);

- Корпус говора Лужниковского сельского поселения (Мальшева, Тер-Аванесова 2021);
- Корпус говора деревень Шетнево и Макеево (Ронько и др. 2022);
- Корпус говора Средней Пёзы (Князев 2022b);
- Корпус говора деревни Веегора (Князев 2023a);
- Корпус говоров среднего течения Северной Двины (Князев 2023b);
- Корпус говора села Кеба (Князев 2022a);
- Корпус говоров Средней Пинеги (Князев 2023c);
- Корпус русской речи Карелии (Влахов и др. 2022);
- Корпус русской речи Дагестана (Добрушина и др. 2018);
- Корпус русской речи бесермян (Архангельский 2020);
- Корпус русской речи Башкортостана (Сокур, Морозова 2019);
- Корпус русской речи Чувашии (Байда (Иванова) и др. 2018);
- Корпус русской речи республики Марий Эл (Волкова 2023);
- Корпус цыганского русского (Кожанов и др. 2020).

Авторы перечисленных корпусов во время их создания размечали аудиозаписи, поэтому в нашем распоряжении оказались данные о времени начала, времени конца и содержании всех размеченных высказываний. Несмотря на разнообразие корпусов (в списке представлены и диалектные корпуса, и билингвальные корпуса), все они содержат унифицированный слой на литературном русском языке (см. принцип построения корпусов в Waldenfels et al. 2014). К сожалению, разметка корпусов не унифицирована, так что в ходе анализа мы были вынуждены удалить неподходящие фрагменты, содержащие речь на языке отличном от русского, смех, долгие неязыковые паузы, метаязыковые пометы, ошибки и т. п. Суммарный объем всех корпусов после удаления неподходящих фрагментов составляет 273 499 высказываний, содержащих 2 080 470 токенов (261 час), тексты собраны от 425 носителей. После удаления неподходящих фрагментов мы посчитали количество гласных символов (ЁУЕЭОАЫИЮёуеэоаыию) в строке; ниже мы будем считать это оценкой количества слогов. Конечно, у такой оценки много недостатков. Во-первых, орфографическая запись русского языка порой достаточно далеко отходит от звучания (например, <говорит> [grʲit], <человек> [tʃɛk]). Во-вторых, запись разметчиков нормализует реальную речь, в связи с чем мы можем видеть в данных какие-то фрагменты, которые разметчик восстановил. В-третьих, мы имеем дело с нестандартными вариантами русского языка, так что какие-то фрагменты, записанные разметчиками как согласные, могут в реальности быть гласными, например: <Собрали все в [u] холодильник> (Корпус донских диалектов).

Стоит также оговориться, что лингвисты, собиравшие корпуса, были заинтересованы в диалектной/нестандартной речи, поэтому чаще работали с пожилыми носителями (средний возраст носителей во всех корпусах 77 лет, стандартное отклонение 20, медиана 74). Кроме того, в собранных корпусах женщин более чем в пять раз больше, чем мужчин. Также стоит отметить, что из-за того, что данные собирали лингвисты, внешние для комьюнити, где говорят на идиоме (за исключением звенигородского корпуса), сборщики чаще всего влияли на естественность порождаемых форм. Это может влиять и на скорость речи — согласно теории речевой аккомодации, языковая конвергенция может происходить в том числе в области скорости речи (Giles, Smith 1979).

4. Методы

Для анализа полученных данных мы решили не идти стандартным путем, высчитывая скорость речи каждого размеченного фрагмента при помощи деления количества слогов в отрезке на длительность отрезка. Для подсчета мы решили использовать линейную регрессию без свободного члена, которая предсказывает количество слогов в фрагменте на основе длительности фрагмента. Так как мы используем модель без свободного члена, коэффициент, который оценивается регрессией, и является скоростью речи:

количество слогов_{*i*} = скорость речи × длительность_{*i*} + ϵ_i , где

- количество слогов — количество слогов в анализируемом фрагменте
- скорость речи — неизвестный параметр, который оценивает регрессия
- длительность — длительность звукового фрагмента
- *i* — индекс наблюдения
- ϵ_i — вектор остатков, который показывает отличие количества слогов *i*-того наблюдения от предсказанного моделью количества слогов.

Одно из ограничений на применение линейной регрессии заключается в том, что наблюдения должны быть независимы. Среди наших наблюдений есть 273 499 высказываний, произнесенные 425 носителями, которые относятся к одному из 25 перечисленных в прошлом разделе корпусов. Все эти вложения (отдельные высказывания > высказывания

определенного носителя > все высказывания в одном корпусе) принято моделировать, используя иерархическую регрессию со смешанными эффектами (Searle et al. 1992), которая строит несколько подмоделей для каждого уровня вложения. В связи с этим наша модель усложняется добавлением еще одного коэффициента — случайного углового коэффициента (носитель вложен в корпус) без свободного члена.

Следует оговорить ограничение нашей линейной модели. Наша модель обучалась на корпусных данных, где фрагменты редко превышают 30 слогов. В связи с этим полученная модель при неправильных вводных будет экстраполировать обнаруженную связь и за пределами исследованного фрагмента от 1 до 30 слогов, предсказывая как отрицательное количество слогов, если ввести отрицательное значение времени, так и очень большое количество слогов, если ввести большой временной интервал. Для сравнимости корпусов мы специально ограничивали материал и исключили из исследования корпус Спиридоновой Буды (Гардер и др. 2018), в котором содержались достаточно большие речевые фрагменты. Более того, во многих работах, включая Stepanova 2011, показано, что с ростом размера фрагмента в слогах скорость речи растет нелинейно. Однако в нашей работе мы не рассматриваем связь скорости речи и количества слогов, а строим модель, предсказывающую количество слогов на основании длительности звукового фрагмента. К тому же на графике с результатами (см. Рисунок 1) нелинейной связи не видно. Кроме того, следует оговориться, что предложенный нами метод оценки скорости речи не является общепринятым и требует дополнительного сравнения со стандартными методами, используемые для этой задачи.

5. Результаты

Результаты построенной модели видны на графике (Рисунок 1)². Белая линия показывает предсказание регрессионной модели для каждого

² Уже после написания статьи и ее рецензии я обсудил полученные результаты с С. В. Князевым, и он обратил мое внимание на то, что часть корпусов были собраны в 70–80-е годы и были дигитализованы им с аудиокассет. Так как дигитализация проводилась уже на современной технике, восстановить оригинальную скорость перемотки в ходе оцифровки было невозможно. В связи с этим я вынужден признать, что в данной работе я получил скорее всего неверную оценку скорости речи шести из 25 корпусов: Корпуса говоров Средней Пинеги, Корпуса говора села Кеба, Корпуса говоров среднего течения Северной Двины, Корпуса говора деревни Веегора, Корпуса говора Средней Пёзы, Корпуса говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи.

корпуса. Под заголовком представлена оценка моделью скорости речи. Фасеты с графиками расположены по возрастанию оценки скорости речи. Ниже представлена распечатка модели³:

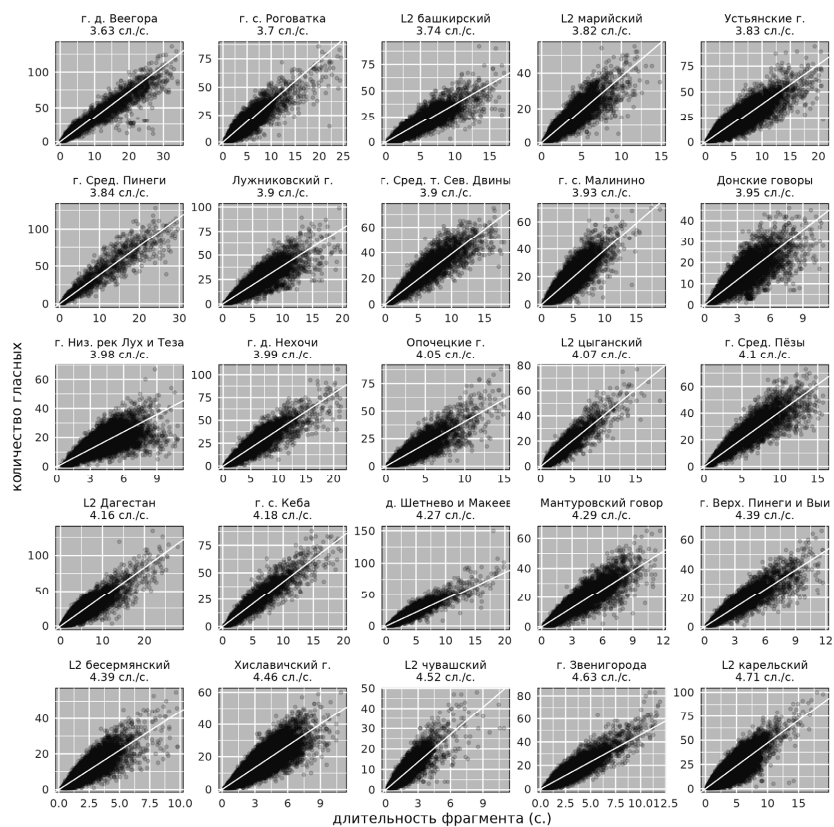

Рисунок 1. Зависимость длительности фрагментов от количества гласных в фрагменте в каждом корпусе. Каждая точка — одно высказывание.

Белая линия — предсказание линейной модели со смешанными эффектами.

Под названием корпуса подписана скорость речи согласно предсказаниям модели (угловой коэффициент регрессионной линии).

³ Для построения модели использовались пакеты `lme4` (Bates et al. 2015) и `lmerTest` (Kuznetsova et al. 2017). Визуализация сделана при помощи пакета `ggplot2` (Wickham 2016). Моделирование и визуализация сделаны на языке программирования R (R Core Team 2023).

```
Linear mixed model fit by REML. t-tests use Satterthwaite's method [
lmerModLmerTest]
Formula: n_vowels ~ 0 + duration + (0 + duration | corpus/speaker)
Data: df
REML criterion at convergence: 1559410

Scaled residuals:
  Min 1Q Median 3Q Max
-15.7964 -0.4738 -0.0187 0.5150 15.9343

Random effects:
Groups Name Variance Std.Dev.
speaker:corpus duration 0.4273 0.6537
corpus duration 0.1179 0.3434
Residual 17.3924 4.1704

Number of obs: 273499, groups: speaker:corpus, 425; corpus, 25

Fixed effects:
Estimate Std. Error df t value Pr(>|t|)
duration 4.09639 0.07973 25.07377 51.38 <2e-16 ***
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

optimizer (nloptwrap) convergence code: 0 (OK)
Model failed to converge with max|grad| = 0.00238572
(tol = 0.002, component 1)
```

Из распечатки модели мы видим, что оценка общей скорости речи для всех корпусов — 4.096 слогов в секунду — статистически значима. Полученная оценка на целый слог меньше результатов, полученных в Stepanova 2011 для пожилых людей. Распределение скорости речи по корпусам колеблется от 3.628 до 4.708 слога в секунду. Перед исследованием можно было предположить, что носители из L2 корпусов будут говорить медленнее, так как русский язык для них неродной, однако, согласно нашей модели, из всех корпусов быстрее всех говорят носители, попавшие в карельский корпус билингвального русского, а скорость ре-

чи носителей чувашского, бесермянского и дагестанского русского также имеют на графике достаточно высокие значения.

6. Заключение

Мы рассмотрели скорость речи в нестандартных вариантах русского языка и обнаружили, что общая для всех корпусов модель предсказывает приблизительно 4 слога в секунду, что на целый слог меньше, чем речь пожилых носителей литературного русского языка согласно Stepanova 2011 и почти на 1.5 слога в секунду меньше, чем средняя скорость у всех носителей из того же исследования. Можно предположить, что тренды относительно пола и возраста, обнаруженные в работе Stepanova 2011, верны и для данных диалектных и билингвальных корпусов. Для того чтобы проверить данную гипотезу, следует учесть параметры пола и возраста при построении модели, что несколько сложно, так как информация о возрасте на момент записи доступна для очень небольшого количества носителей, а для части носителей нет даже данных по году рождения. Мы объясняем эффект более низкой скорости речи у носителей из диалектных и билингвальных корпусов тем, что лингвисты в своей работе чаще работают с пожилыми носителями, которые обычно говорят медленнее молодых носителей. Кроме того, в нашей работе мы использовали нестандартный способ определения скорости речи, в будущем важно проверить корреляцию этого метода с традиционными (см. Pfitzinger 1996).

Нам бы хотелось закончить статью практическим замечанием. Во время работы над датасетом для данной статьи почти в каждом корпусе было обнаружено достаточно большое количество ошибок. В связи с этим в дальнейшем инспекция фрагментов аннотации, демонстрирующих скорость речи выше, чем 12 слогов в секунду, станет обязательным этапом проверки транскрипций перед загрузкой в корпуса международной лаборатории языковой конвергенции.

Литература и источники

- Архангельский Т. А. 2020. *Корпус русской речи бесермян*. Москва: Электронный ресурс: parasolcorpus.org/BesermanRus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Байда (Иванова) К. А., Холодилова М. А., Егорова (Кожемякина) А. Д., Романова Е. А., Ремизова Т. Е., Сторожева А. А., Тарасова Н. К., Зорина А. А., Мо-

- розова В. А., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. 2018. *Корпус русской речи Чувашии*. Москва: Электронный ресурс: parasolcorpus.org/BashkirRus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Влахов А. В., Лапина М. С., Смирнова А. А., Елагина А. А., Мордасов М. А., Рьжков А. М., Булгаков Г. П., Смирнова Е. В., Тимошина А. В., Тушевская К. С. 2022. *Корпус русской речи Карелии*. Москва: Электронный ресурс: lingconlab.ru/karelrus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Волкова А. А. 2023. *Корпус русской речи республики Марий Эл*. Москва: Электронный ресурс: parasolcorpus.org/BashkirRus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. 2018. *Корпус с. Спиридонова Буда*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/SpiridonovaBuda/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Даниэль М. А., Добрушина Н. Р., Валденфельс Р. фон. 2018. *Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи*. Берн, Москва: Электронный ресурс: <http://www.parasolcorpus.org/Pushkino>.
- Добрушина Н. Р., Даниэль М. А., Вальденфельс Р. фон, Майсак Т. А., Панова А. Б. 2018. *Корпус русской речи Дагестана*. М.: Электронный ресурс: parasolcorpus.org/dagrus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Князев С. В. 2021. *Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/vaduga/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Князев С. В. 2022а. *Корпус говора села Кеба*. М.: Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/keba/>; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Князев С. В. 2022б. *Корпус говора Средней Пёзы*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/pyoza/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Князев С. В. 2023а. *Корпус говора деревни Веегора*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/veegora/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Князев С. В. 2023б. *Корпус говоров среднего течения Северной Двины*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/dvina/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Князев С. В. 2023с. *Корпус говоров Средней Пинеги*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/vaduga/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Кожанов К. А., Хадасевич А. С., Черных А. В. 2020. *Корпус цыганского русского*. М.: Электронный ресурс: parasolcorpus.org/BashkirRus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).

- Кривнова О. Ф. 2007. *Ритмизация и интонационное членение текста в «Процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования)*. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Кувшинская Ю. М. 2020. *Корпус говоров низовья рек Лух и Теза*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/lukhteza/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Кувшинская Ю. М., Машковцева П. Ю. 2021. *Корпус говора Мантуровского района Костромской области*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/manturovo/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Мальшева А. В., Тер-Аванесова А. В. 2021. *Лужниковский корпус*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/nekhochi/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Мороз Г. А. 2017. Скорости речи носителей кубанского диалекта кабардино-черкесского языка: Устный дискурс vs. Чтения текста. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* (2), 9–17.
- Панова А. Б. 2021. *Корпус звенигородской речи*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/zvenigorod/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбрицкая М. С., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Волошина Е. Ю. 2022. *Корпус деревень Шетнево и Макеево*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/shetnevo/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребёнкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охупкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А. 2019. *Корпус опочецких говоров*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/orochka/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Рыко А. И., Спиричева М. В. 2020. *Корпус Хиславичского района Смоленской области*. М.: Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi/>; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Сокур Е. О., Морозова В. А. 2019. *Корпус русской речи Башкортостана*. М.: Электронный ресурс: parasolcorpus.org/BashkirRus/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Тер-Аванесова А. В., Балабин Ф. А., Дьяченко С. В., Мальшева А. В., Панова А. Б., Морозова В. А. 2019. *Корпус говора села Малинино*. М.: Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/malinino/>; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова А. В., Мальшева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. 2018. *Корпус говора села Rogovatka*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/rogovatka/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).

- Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечникова А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н. 2020. *Корпус говора деревни Нехочи*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/nekhochi/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Флягина М. В., Калининичева Н. В., Северина Е. М. 2023. *Корпус донских диалектов*. М.: Электронный ресурс: lingconlab.ru/don_rnd/; Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ).
- Amir, O., Grinfeld, D. 2011. Articulation rate in childhood and adolescence: Hebrew speakers. *Language and Speech*, 54 (2), 225–240.
- Bates, D., Mächler, M., Bolker, B., Walker, S. 2015. Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*, 67(1), 1–48. <https://doi.org/10.18637/jss.v067.i01>
- Campbell, W. N., Isard, S. D. 1991. Segment durations in a syllable frame. *Journal of Phonetics*, 19 (1), 37–47.
- Cangi, M. E., Işildar, A., Tekin, A., Saraç, A. B. 2020. A preliminary study of normative speech rate values of Turkish speaking adults. *ENT Updates*, 10 (3), 381–389.
- Chon, H. C., Sawyer, J., Ambrose, N. G. 2012. Differences of articulation rate and utterance length in fluent and disfluent utterances of preschool children who stutter. *Journal of Communication Disorders*, 45 (6), 455–467.
- Crystal, T. H., House, A. S. 1990. Articulation rate and the duration of syllables and stress groups in connected speech. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 88 (1), 101–112.
- Fonagy, I., Magdics, K. 1960. Speed of utterance in phrases of different lengths. *Language and Speech*, 3 (4), 179–192.
- Giles, H., Smith, P. 1979. Accommodation theory: Optimal levels of convergence. *Language and Social Psychology*, 45–65.
- Goldman-Eisler, F. 1954. A study of individual differences and of interaction in the behaviour of some aspects of language in interviews. *Journal of Mental Science*, 100 (418), 177–197.
- Goldman-Eisler, F. 1956. The determinants of the rate of speech output and their mutual relations. *Journal of Psychosomatic Research*.
- Jacewicz, E., Fox, R. A., O'Neill, C., Salmons, J. 2009. Articulation rate across dialect, age, and gender. *Language Variation and Change*, 21 (2), 233–256.
- Jacewicz, E., Fox, R. A., Wei, L. 2010. Between-speaker and within-speaker variation in speech tempo of American English. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 128 (2), 839–850.
- Kim, J. 2018. Effects of gender, age, and individual speakers on articulation rate in Seoul Korean spontaneous speech. *Phonetics and Speech Sciences*, 10 (4), 19–29.
- Kuznetsova, A., Brockhoff, P. B., Christensen, R. H. B. 2017. lmerTest package: Tests in linear mixed effects models. *Journal of Statistical Software*, 82 (13), 1–26. <https://doi.org/10.18637/jss.v082.i13>

- Miller, J. L., Liberman, A. M. 1979. Some effects of later-occurring information on the perception of stop consonant and semivowel. *Perception & Psychophysics*, 25, 457–465.
- O'Neill, C. 2008. *Dialect variation in speaking rate* (PhD thesis). The Ohio State University.
- Ohno, S., Fujisaki, H. 1995. A method for quantitative analysis of the local speech rate. *Fourth European Conference on Speech Communication and Technology*.
- Osser, H., Peng, F. 1964. A cross cultural study of speech rate. *Language and Speech*, 7 (2), 120–125.
- Pfritzing, H. R. 1996. Two approaches to speech rate estimation. *Proceedings of ICSLP*, 421–426.
- Quené, H. 2008. Multilevel modeling of between-speaker and within-speaker variation in spontaneous speech tempo. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 123 (2), 1104–1113.
- R Core Team. 2023. *R: A language and environment for statistical computing*. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing. Retrieved from <https://www.R-project.org/>
- Roach, P. 1998. Some languages are spoken more quickly than others. In: L. Bauer, P. Trudgill (Eds.), *Language myths*. Penguin UK.
- Robb, M. P., Maclagan, M. A., Chen, Y. 2004. Speaking rates of American and New Zealand varieties of English. 2004. *Clinical Linguistics & Phonetics*, 18 (1), 1–15.
- Searle, S. R., Casella, G., McCulloch, C. E. 1992. *Variance Components*. New York: Wiley.
- Stepanova, S. 2011. Russian spontaneous speech rate-based on the Speech corpus of Russian everyday interaction. *ICPhS*, 1902–1905.
- Stetson, R. H. 1928. *Motor phonetics: A study of speech movements in action*. Springer.
- Stine, E. L., Wingfield, A. 1987. Process and strategy in memory for speech among younger and older adults. *Psychology and Aging*, 2 (3), 272.
- Sullivan, L. S. 2016. *Speech and articulation rates of older New Zealand adults*. University of Canterbury.
- Uhmman, S. 1992. Contextualizing relevance: On some forms and functions of speech rate changes in everyday conversation. *The Contextualization of Language*, 297–336.
- Van Borsel, J., De Maesschalck, D. 2008. Speech rate in males, females, and male-to-female transsexuals. *Clinical Linguistics & Phonetics*, 22 (9), 679–685.
- Waldenfels, R. von, Daniel, M., Dobrushina, N. 2014. Why standard orthography? Building the Ustyia River Basin corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 720–728.
- Wickham, H. 2016. *ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis*. Springer-Verlag New York. Retrieved from <https://ggplot2.tidyverse.org>

ДЕЛО О СТУЧАЛКЕ С КРАСНЫМ ШАРИКОМ ОТКРЫВАЕТСЯ ВНОВЬ

О. В. Федорова

(МГУ имени М. В. Ломоносова)

olga.fedorova@msu.ru

Отправной точкой данной работы послужила статья Подлеская, Клокотова 2021, центральным теоретическим понятием которой было понятие когнитивной доступности. Авторы показали, что наличие стандартного наименования существенно не влияет на частотность упоминания объекта, но зато статистически значимо снижает частотность речевых сбоев. В настоящей работе мы расширили задачу в двух направлениях. Во-первых, мы выбрали для анализа относительно новый дискурсивный жанр репортажа; во-вторых, мы привлекли окуломоторный анализ, т. е. регистрацию движений глаз испытуемых. Прежде всего нас интересовал вопрос о том, как когнитивная доступность игрушки с шариком будет коррелировать с количеством и качеством упоминаний в репортажах как самой игрушки, так и мальчика с этой игрушкой в руках. В исследовании приняли участие 9 студентов ОТиПЛа, каждый из которых прошел тест по комментированию «Фильма о грушах» два раза с интервалом в полгода. В результате мы получили полный спектр разнообразных стратегий описания испытуемыми референтов «ракетка с мячиком» и «мальчик с ракеткой», которые, как нам представляется, могут быть объяснены второстепенной ролью референта «ракетка с мячиком». Нам удалось подтвердить гипотезу об увеличении количества целевых дескрипций в ходе повторных репортажей, что может быть интерпретировано в пользу идеи о большей когнитивной (по-видимому, онтологической в первую очередь) доступности референта «ракетка с мячиком» в повторном репортаже.

Вере и ее внучке посвящается

1. Введение. Уоллас Чейф и его «Фильм о грушах»

Данное исследование уходит корнями в 1970-е годы, когда известный американский лингвист Уоллас Чейф (1927–2019) и его ученики, сами ставшие затем известными учеными — Д. Таннен, Дж. Дюбуа, П. Кланси, — приступили к реализации нового проекта, который в 1980 г. воплотился в коллективной монографии «Рассказы о грушах: Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования» (Chafe (ed.) 1980).

В этом проекте Чейф с коллегами демонстрировали участникам исследования специально снятый шестиминутный фильм о мальчике, укрывшем груши, а затем записывали и транскрибировали пересказы этого фильма. Эта процедура варьировалась с испытуемыми разных возрастов, с носителями разных языков и с различными временными интервалами между просмотром фильма и записью пересказа. Анализ материала позволил сделать выводы о процессах вербализации зрительного опыта, в том числе о динамике сознания говорящего во времени, о языковых коррелятах движущихся «фокусов сознания», о культурных различиях между носителями разных языков в отношении выбора релевантной информации и построении дискурса и т. д.

Хотя с момента выхода этой коллективной монографии прошло более 40 лет, «Фильм о грушах» по-прежнему активно используется в качестве стимульного материала в самых разных научных исследованиях, о чем говорят, в частности, материалы одноименного симпозиума, проведенного в 2015 году в рамках Объединенной Евро-Азиатско-Тихоокеанской конференции по когнитивной науке в Турине (Airenti et al. 2015). За прошедшие годы появился проект «Китайских рассказов о грушах» (www.pearstories.org), П. Остин изучал особенности глаголов индонезийского языка сасак (Austin 2012), а в университете штата Нью-Мехико был создан корпус на американском, итальянском, каталанском и бразильском жестовых языках.

Отдельно стоит отметить большой европейский проект на материале 10 языков по созданию телекомментария для слабовидящих и незрячих людей (Mazur and Chmiel 2012), результаты которого важны для дальнейшего изложения. В рамках этого проекта исследователи хотели понять, оправданно ли создавать аудиосопровождение для видеосюжетов на одном из европейских языков и затем переводить его на другие, или же правильнее делать это сопровождение независимо для каждого языка. Для ответа на этот вопрос 20 испытуемых для каждого языка (в выборку вошли: бельгийский вариант нидерландского языка, каталанский, немецкий, греческий, испанский, французский, итальянский, польский, ирландский и британский английский) пересказывали «Фильм о грушах». Затем эти пересказы сравнивались между собой по разного рода параметрам, заимствованным из пионерской работы Tannen 1980. Например, согласно Tannen 1980: 54, американские испытуемые чаще пересказывали ролик как фильм (так называемый кинематографический взгляд), в то время как греческие испытуемые просто рассказыва-

ли историю, не упоминая об этом. С другой стороны, в работах Tannen 1980 и Mazur and Chmiel 2012 представлены данные, согласно которым в разных европейских языках по-разному распределены случаи употребления в пересказах форм настоящего или прошедшего времени глаголов. Авторы выделяют четыре возможных варианта: используется (1) только прошедшее время, (2) только настоящее время, (3) прошедшее и настоящее времена в смешанном порядке, (4) сначала прошедшее время, а затем настоящее. Например, голландские испытуемые в 87,5% использовали только настоящее время, а немецкие — только в 25% настоящее, а в 75% — смешанный порядок. В целом, результаты европейского проекта (2012) показали, что по многим параметрам между говорящими на разных языках обнаружилось статистически значимые расхождения, то есть в некотором смысле подтвердилась гипотеза Сепира-Уорфа о влиянии языка на мышление.

Одним из подобных параметров было упоминание в пересказах своеобразной игрушки с прикрепленным к теннисной ракетке шариком, более подробному описанию которой будет посвящен следующий раздел.

2. «Стучалка с красным шариком»

Итак, один из параметров, по которому проводилось сравнение в работах Tannen 1980 и Mazur and Chmiel 2012, был связан с игрушкой, которая по-английски называется *paddleball* — ракетка для пинг-понга с привязанным к ней шариком, см. рис. 1.

Рисунок 1. Кадр из фильма

Оказалось, что в пересказах на некоторых языках испытуемые чаще упоминают эту игрушку (например, бельгийцы), а на некоторых — совсем редко (например, испанцы или французы), см. табл. 1. Авторы предположили, что одной из возможных причин этого является тот факт, что из 10 языков только в бельгийском нидерландском имеется отдельное наименование для этой игрушки.

Таблица 1. Упоминания игрушки по языкам (Mazur and Chmiel 2012: 21)

всего	бельг.	кат.	нем.	греч.	исп.	фр.	ит.	пол.	ирл.	англ.
75	22	10	6	4	1	2	5	16	5	6

Это предположение стало отправной точкой для другого недавнего исследования на материале русского языка, описанного в работе Подлеская, Клокотова 2021. Центральным теоретическим понятием этой работы стало понятие **когнитивной доступности**, заимствованное авторами из работы Бергельсон и др. 2009. Когнитивная доступность, по мнению авторов, складывается из онтологической доступности (доступен ли объект говорящему в непосредственном опыте) и лексической доступности (доступен ли говорящему лексикализованный способ наименования объекта). Два основных вопроса, поставленных в работе Подлеская и Клокотова 2021, таковы: (1) влияет ли когнитивная доступность объекта на факт упоминания этого объекта в пересказе и (2) испытывает ли говорящий трудности с подбором наименования этого объекта, проявляющихся в тех или иных симптомах речевого сбоя. Выбрав в качестве объекта с высокой когнитивной доступностью велосипед, а в качестве объекта с низкой когнитивной доступностью — игрушку raddleball, авторы показали, что наличие стандартного наименования существенно не влияет на частотность упоминания объекта, но зато статистически значимо снижает частотность речевых сбоев.

В настоящей работе мы продолжим исследование этого вопроса, расширив работу Подлеская и Клокотова 2021 в двух направлениях. Во-первых, мы будем анализировать не традиционные пересказы «Фильма о грушах», а другой, относительно новый в данной области дискурсивный жанр — жанр репортажа, подробнее см. раздел 4. Во-вторых, мы привлечем также окуломоторный анализ, т. е. регистрацию движений глаз испытуемых. Однако прежде чем переходить к описанию проведенного исследования, остановимся подробнее на самой структуре «Фильма о грушах».

3. Структура «Фильма о грушах»

Для того чтобы иметь возможность сопоставлять пересказы и/или репортажи с точки зрения корректности и полноты содержания фильма, надо иметь его адекватное описание, а также хронологию. Как ни странно, нам не удалось найти подходящего описания в литературе. С одной стороны, в нескольких статьях используется пересказ содержания фильма из пионерской работы Du Bois 1980: xii–xiii — в частности, в статье Igareda and Matamala 2012 авторы на основе этого пересказа создают список из 68 происходящих в фильме действий, сопоставляют с ним записанные ими пересказы, а потом анализируют полученные результаты. Однако, на наш взгляд, этот пересказ и, соответственно, список не идеальны — (не)включение действий произведено в нем на случайной основе, многие важные моменты фильма пропущены. С другой стороны, существует кинематографический подход (см., например, Baldenebro and Duncan 2010), при котором фильм делится на 43 кадра (каждый кадр снят без переключения камеры); данный подход, на наш взгляд, также имеет много недостатков — в частности, кадры имеют очень разную продолжительность, вплоть до полуминуты.

Не найдя подходящего готового описания, мы создали свое, руководствуясь двумя следующими принципами: фиксировать все действия, продолжительность которых больше 1 секунды, и объединять однотипные действия в одно. В фильме фигурируют следующие действующие лица: садовник, мужчина с козой, мальчик, девочка, три мальчика (среди которых: высокий мальчик, низкий мальчик, мальчик с ракеткой). Мы ввели три уровня описания: звуки (N=30), динамика (действия, события, N=86) и статика (пейзаж, описания персонажей, N=7). Отметим, что в каждый момент времени может выделяться несколько описаний как на разных уровнях, так и на одном. На основе созданных списков мы получили возможность сопоставлять пересказы и/или репортажи по многим основаниям.

Кроме того, необходимо было разделить фильм на несколько более крупных частей — эпизодов; для этого мы воспользовались делением на пять сцен из работы Kruger 2012: 73. Первый эпизод — I. The picking scene — самый продолжительный, составляет 1:50 и включает 10 действий по нашей классификации; второй — II. The theft scene — продолжается 1:10 и включает 19 действий; третий — III. The crash scene — более короткий, 0:38 и 12 действий; четвертый — IV. The Samaritan scene — 1:25

и 31 действие; наконец, последний эпизод — V. The discovery scene — также составляет 0:38 и включает 14 действий. Важно отметить, что сцена эпизода может происходить внутри одного кадра; в частности, в начале второго эпизода мальчик на велосипеде въезжает в кадр, когда в нем еще находится садовник, собирающий груши. (В работе Du Bois 1980: xii–xiii автор делил текст на 7 частей, выделяя дополнительно к описанным еще две сцены: сцену с козой в начале ролика и возвращение мальчику на велосипеде потерянной шляпы.)

4. Репортажи о грушах

Данное исследование продолжает серию работ на основе «Фильма о грушах» в дискурсивном жанре репортажа, который мы ввели в психолингвистическое рассмотрение в работе Федорова 2022. По интуитивным представлениям, данный жанр требует от человека довольно больших когнитивных ресурсов (сравнимых, возможно, с когнитивными затратами синхронных переводчиков), поэтому мы начали исследование этого жанра с изучения особенностей вербальной рабочей памяти (вРП) испытуемых. Для первого исследования мы выбрали три критерия «успешности» репортажа и предположили, таким образом, что «успешный» репортаж — это такой репортаж, в котором испытуемый говорит (1) непрерывно, (2) быстро и (3) лексически разнообразно. Статистический анализ репортажей 16 студентов ОТиПЛа МГУ имени М. В. Ломоносова показал, что, действительно, мы наблюдаем положительную корреляцию между объемом вРП и темпом речи и лексическим разнообразием. Однако корреляция между объемом вРП и непрерывностью репортажа вопреки ожиданиям оказалась отрицательной; мы предположили, что навык избегать длинных незаполненных пауз hesitation относится к коммуникативной сфере и поэтому не требует больших затрат когнитивных ресурсов.

В целом, этот жанр еще мало изучен в лингвистике, однако см. книгу Е. Г. Малышевой (2011) о спортивном комментировании, в которой автор, в частности, выделяет семь коммуникативных типов языковых личностей спортивных комментаторов: (1) комментатор-«репортер», типичный представитель — Виктор Гусев; (2) комментатор-«аналитик», Владимир Маслаченко; (3) комментатор-«знаток», Владимир Маслаченко; (4) комментатор-«ироник», Василий Уткин; (5) комментатор-«балагур», Георгий Черданцев; (6) комментатор-«болельщик», Георгий Черданцев; (7) комментатор-«актер», Н. Н. Озеров, Коте Махарадзе (Малышева 2011).

В психолингвистических исследованиях этот жанр, насколько нам известно, также ранее почти не был задействован. В работе Р. Томлина похожий метод был использован для изучения фокусного внимания, залога и порядка слов в «Фильме о рыбах» (Tomlin 1995), однако испытуемые порождали не дискурсы, а отдельные высказывания. В работе Eaton et al. 1999 при помощи похожего метода были получены детские пересказы, однако трехминутный видеоролик семь раз останавливался и детей просили рассказать, что произошло в текущем фрагменте.

5. Экспериментальное исследование: первичные и повторные репортажи о грушах

5.1. Испытуемые, процедура, гипотеза

Настоящее исследование было проведено в два этапа: первый этап прошел 4 апреля 2022 года, второй — в интервале с 28 октября по 8 декабря 2022 года, т. е. между первым и вторым этапом прошло немногим больше полугода. В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 9 студентов ОТиПЛа филфака МГУ имени М. В. Ломоносова. Каждый из испытуемых прошел тест по комментированию «Фильма о грушах» два раза; таким образом, мы собрали и проанализировали 18 репортажей.

Испытуемые смотрели фильм длительностью 5 мин 55 с на экране компьютера. В инструкции было сказано: «Вам надо будет комментировать фильм по ходу развития действия как можно более подробно. Представьте себе, что рядом с вами сидит незрячий человек и вам нужно детально описать ему всё, что происходит на экране. Старайтесь описывать не только происходящие события, но и окружающую обстановку.» Помимо аудиозаписи при помощи айтрекера Tobii Spectrum с частотой 600 Гц велась регистрация движений глаз.

Все записи были аннотированы в программе Praat, тексты были разбиты на дискурсивные фрагменты (которые не всегда соответствовали «классическим» ЭДЕ по Кибрик, Подлесская (ред.) 2009); при разбиении на дискурсивные фрагменты аннотаторы прежде всего руководствовались длительностью абсолютных пауз. Также при помощи программных продуктов фирмы Tobii были получены окуломоторные данные о распределении зрительного внимания испытуемых во время просмотра.

В данной работе нас интересует вопрос о том, как когнитивная доступность игрушки с шариком будет коррелировать с количеством и ка-

чеством упоминаний в репортажах как самой игрушки, так и мальчика с этой игрушкой в руках. В отличие от пересказов сюжета фильма после окончания просмотра, при первичном комментировании испытуемые в целом описывают то, что видят в данный момент, не имея возможности оценить значимость происходящего в масштабах всего сюжета. С другой стороны, даже самый словоохотливый комментатор не смог бы успевать описывать во всех деталях всё происходящее в данный момент, поэтому поневоле испытуемым приходится фильтровать информацию с точки зрения ее важности. Таким образом, при первичном просмотре фильма мы получаем репортаж, напоминающий спортивные репортажи, когда комментаторы сами не знают, чем закончится спортивное событие. При повторном просмотре фильма с интервалом в полгода испытуемые забывают некоторые детали, однако помнят сюжет и строят свои репортажи, уже исходя из знаний этого сюжета. Мы проверяем гипотезу, что известность сюжета фильма повышает когнитивную доступность игрушки с шариком, что может выразиться как в увеличении количества упоминаний ее и ее обладателя в ходе репортажа, так и в появлении их стандартизованных наименований.

Однако не все так просто. Возможно, в ходе повторных репортажей некоторые испытуемые могут счесть этот объект неважным для развития сюжета (собственно, он и является второстепенным) и не упоминать его уже по этой причине. Мы постараемся развести эти случаи.

Введем несколько обозначений. Термин «эпизод» будет использоваться только для обозначения одной из пяти наиболее крупных частей фильма; более мелкие действия и звуки, описанные в разделе 3, мы будем называть событиями и обозначать малыми прописными буквами. Целевой дескрипцией мы будем называть любые описания референтов «ракетка с мячиком» и «мальчик с ракеткой», а сами референты будут заключаться в кавычки.

5.2. Хронология событий: в центре внимания «стучалка с красным шариком»

В данном разделе перечислены 15 событий, которые мы перед началом исследования определили как вероятные с точки зрения возможности использования дескрипций «ракетка с мячиком» и/или «мальчик с ракеткой».

1. 3:34 — 3:38. СЛЫШЕН СТУК ШАРИКА О РАКЕТКУ
2. 3:38 — 3:45. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИГРАЕТ
3. 3:46 — 3:48. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ УБИРАЕТ РАКЕТКУ В КАРМАН
4. 3:58 — 4:11. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИГРАЕТ
5. 4:15 — 4:16. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИГРАЕТ
6. 4:19 — 4:22. СЛЫШЕН СТУК ШАРИКА О РАКЕТКУ
7. 4:22 — 4:29. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ВИДИТ НА ДОРОГЕ ШЛЯПУ И ПОДНИМАЕТ ЕЕ
8. 4:29 — 4:41. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ СВИСТИТ И ИДЕТ К МАЛЬЧИКУ
9. 4:42 — 4:44. МАЛЬЧИК ОТДАЕТ МАЛЬЧИКУ С РАКЕТКОЙ ТРИ ГРУШИ
10. 4:49 — 4:56. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИДЕТ ПО ДОРОГЕ В ДРУГУЮ СТОРОНУ
11. 4:57 — 5:00. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ БЕЖИТ ПО ДОРОГЕ
12. 5:00 — 5:03. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ДАЕТ ВЫСОКОМУ И НИЗКОМУ МАЛЬЧИКАМ ПО ГРУШЕ
13. 5:11 — 5:13. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ДОСТАЕТ ИЗ КАРМАНА РАКЕТКУ И ИГРАЕТ
14. 5:32 — 5:46. СЛЫШЕН СТУК ШАРИКА О РАКЕТКУ
15. 5:34 — 5:52. МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИГРАЕТ

Как можно видеть, все события относятся к IV и V эпизодам фильма, причем к последнему только два из них. Три из них — №№1, 6 и 14 — относятся к уровню описания звуков; остальные двенадцать — к динамическому уровню. Мы выбрали только такие события, в которых (1) в этот момент мальчик играет с ракеткой и это событие трудно не заметить, так как оно является основным в кадре с точки зрения зрительного восприятия, и/или (2) мальчик с ракеткой является одним из центральных персонажей события и высока вероятность его упоминания в репортаже.

Для каждого из событий мы составили таблицу, в которой для каждого из двух репортажей указывается, смотрел ли испытуемый на референты «ракетка с мячиком» и/или «мальчик с ракеткой» и, если смотрел, получило ли это какое-либо вербальное отражение в его репортаже.

5.3. Результаты и их обсуждение

Прежде всего опишем результаты окуломоторной аннотации. Оказалось, что во время просмотра всех 15 выбранных нами событий глаза испытуемых были направлены на интересующие нас референты — на «ракетку с мячиком» или в целом на «мальчика с ракеткой»; длительность фиксаций в каждом случае была не меньше 200 мс, а суммарная длительность фиксаций в каждом событии составляла в среднем 1–2 секунды, что вполне достаточно для того, чтобы не только посмотреть на

референт, но и увидеть его. Таким образом, мы можем быть уверены в том, что испытуемые замечали происходящие в эти моменты события. Так что теперь мы можем перейти к вопросу, какие события они с большей вероятностью описывали, а какие игнорировали, а затем постараться объяснить причины такого поведения.

В ходе дальнейшего описания мы последовательно представим результаты анализа по событиям (раздел 5.3.1), по испытуемым (раздел 5.3.2), а затем по стратегиям испытуемых и общие итоги (раздел 5.3.3).

5.3.1. Анализ по событиям. Итак, рассмотрим 15 выделенных событий. На первом шаге мы можем исключить из рассмотрения «звуковые» события №№ 1, 6 и 14, так как ни в одном из 18 репортажей они ни разу не привели к целевым дескрипциям (однако, см. слова испытуемого № 8 в событии № 13). Из оставшихся двенадцати событий мы можем исключить также событие № 5, так как ни один из испытуемых никак не отреагировал на происходящее.

Таким образом, для подробного рассмотрения остается 11 событий. Рассмотрим их по порядку. В табл. 2 приведены данные о событии № 2 первого знакомства зрителей с тремя мальчиками. Только в одном из первичных репортажей испытуемый отдельно описывает референта «мальчик с ракеткой»; в повторных репортажах эта цифра возрастает до 7 случаев из 9 возможных. Интересно также отметить, что в описаниях не встретились ни одной нецелевой дескрипции.

Таблица 2¹. Событие № 2 МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИГРАЕТ

исп.	первичный репортаж (1)	повторный репортаж (7)
1		<i>к нему подходят три мальчика, один из них с йо-йо</i>
2		<i>и рядом стоят трое других мальчиков; у одного есть ракетка с привязанным шариком на ней</i>

¹ Здесь и далее в таблицах курсивом отмечены целевые дескрипции; нецелевые дескрипции отмечены обычным шрифтом; интродуктивные целевые дескрипции выделены полужирным курсивом; пустые клетки сигнализируют о лакунах в описании; в скобках в первой строке указано количество целевых дескрипций в репортаже; не рискнув в этой статье аннотировать различного рода речевые сбои, мы оставили текст в первоизданном виде, с минимальными знаками препинания.

3	<i>один из которых набивает мячик в ракетку, мячик привязан к ракетке через веревочку</i>	<i>у одного из них ракетка, к которой на веревочке привязан мячик, и он ее набивает</i>
4		<i>мальчик в синей игрался с ракеткой и мячиком</i>
5		<i>один с ракеткой в синей рубашке</i>
6		
7		
8		<i>у одного из них какая-то игрушка в виде ракетки и мяча</i>
9		<i>один из них играет с ракеткой и мячиком</i>

Просмотрев следующее событие №3 — короткое, но относительно заметное (см. табл. 3), только по одному испытуемому в каждом репортаже упомянули о происходящем.

Таблица 3. Событие №3 МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ УБИРАЕТ РАКЕТКУ В КАРМАН

исп.	первичный репортаж (1)	повторный репортаж (1)
1		
2		
3		
4	<i>один мальчик, у которого ракетка была, положил ее обратно в карман</i>	
5		<i>в это время мальчик с ракеткой кладет ракетку в карман и помогает собрать груши</i>
6		
7		
8		
9		

Событие 4 (см. табл. 4) — одно из двух событий, максимально насыщенных целевыми дескрипциями.

Таблица 4. Событие №4 МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ ИГРАЕТ

исп.	первичный репортаж (6)	повторный репортаж (7)
1	<i>у одного мальчика кажется что-то типа йо-йо, но вообще наверно нет, что-то среднее между йо-йо и ракеткой для пинг-понга</i>	<i>мальчик в синей рубашке продолжает играть в йо-йо</i>
2		<i>мальчик с ракеткой продолжает играть как бы кидая мячик</i>
3	<i>парень с ракеткой все еще продолжает набивать мячик</i>	<i>мальчик с ракеткой продолжает в нее играть</i>
4	<i>мальчик с ракеткой снова достал ракетку и начинает играть</i>	<i>мальчик в синей рубашке после этого продолжил играть со своей ракеткой</i>
5	<i>один из них играет с такой ракеткой мячиком</i>	<i>а мальчик в синем играет с ракеткой, у него такая ракетка, к которой привязан мячик и он играет в теннис</i>
6		<i>у одного из мальчиков, которые помогли нашему герою, есть ракетка с мячиком, и он ей играет</i>
7		
8	<i>один мальчик играет в какую-то вот такую игрушку типа пинг-понга на веревочке, понятия не имею, как это называется</i>	<i>мальчик с игрушкой продолжает играть</i>
9	<i>один из них играет в с ракеткой и маленьким мячиком</i>	

Следующее событие №7 (см. табл. 5) — самое «обезличенное» с той точки зрения, что вместо описания референта «мальчик с ракеткой» в половине случаев испытуемые описывают коллективного референта «три мальчика».

Таблица 5. Событие №7 МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ

ВИДИТ НА ДОРОГЕ ШЛЯПУ И ПОДНИМАЕТ ЕЕ

исп.	первичный репортаж (3)	повторный репортаж (3)
1	<i>три его друга видят его шляпу, лежащую на дороге</i>	<i>они находят шляпу, которая упала с мальчика</i>

2	<i>и сейчас один из новых мальчиков поднял ее</i>	<i>мальчик все еще бьет шариком по ракетке, он поднимает упавшую шляпу</i>
3	<i>камера переключается на трех парней, один из которых с ракеткой; они идут по дороге и видят слетевшую шляпу</i>	<i>мальчики, которые помогли ему, находят упавшую с велосипедом шляпу</i>
4	<i>тот снова кладет ракетку назад</i>	<i>трое мальчиков заметили на дороге шляпу, точнее не трое, а мальчик в синей рубашке с ракеткой</i>
5	<i>проходят мимо шляпы, мальчик с ракеткой ее подбирает</i>	<i>мальчик с ракеткой обращает на нее внимание</i>
6	<i>мальчики видят упавшую шляпу</i>	<i>и находят шляпу</i>
7	<i>те три мальчика прошли мимо шляпы, которая упала</i>	<i>это обнаруживают те три мальчика</i>
8	<i>двое мальчиков проходят мимо</i>	
9	<i>мальчики находят его шляпу</i>	<i>третий мальчик замечает шляпу на дороге, которая упала</i>

Событие № 8, описанное в табл. 6, отличается от многих других тем, что так или иначе его описывает каждый испытуемый, однако целевые дескрипции встречаются нечасто.

Таблица 6. Событие № 8 МАЛЬЧИК С РАКЕТКОЙ СВИСТИТ И ИДЕТ К МАЛЬЧИКУ

исп.	первичный репортаж (2)	повторный репортаж (2)
1	<i>один из мальчиков свистнул мальчику с велосипедом</i>	<i>один из мальчиков свистит и предлагает герою его шляпу</i>
2	<i>издал свистящий звук</i>	<i>свистит, чтобы привлечь внимание, и идет в сторону героя, чтобы отдать ему шляпу</i>
3	<i>они оборачиваются, свистят и парень с ракеткой возвращается к нему чтобы вернуть шляпу</i>	<i>свистят, он оборачивается, мальчик с ракеткой идет возвращать ему шляпу</i>
4	<i>и возвращается к нему, чтобы шляпу отдать</i>	<i>и свистнул мальчику</i>
5	<i>и окликает мальчика, который с велосипедом, и потом относит эту шляпу мальчику</i>	<i>мальчик в синем окликает мальчика с велосипедом и идет к нему, чтобы отдать ему его шляпку</i>

6	они свистят и идут к мальчику, один из мальчиков подходит к нему со шляпой	один из мальчиков свистит и идет к нему, чтобы вернуть ему шляпу
7	и тут один мальчик свистнул чтобы вернуть эту шляпу	они возвращают ему шляпу
8	<i>а мальчик с игрушкой свистом подзывает мальчика, который украл груши, и отдает ему его шляпу</i>	<i>мальчик с игрушкой окликает воришку и приносит ему шляпу</i>
9	свистят ему, мальчик вернулся и вернул шляпу другому мальчику	он свистит мальчику, подходит к нему и отдает ему шляпу

То же самое можно сказать и про событие № 9 (см. табл. 7).

Таблица 7. Событие № 9 Мальчик отдает мальчику с ракеткой три груши

исп.	первичный репортаж (1)	повторный репортаж (1)
1	тот взамен отдает ему несколько груш	взамен мальчик предлагает ему три груши из корзины
2	за то что он возвратил шляпу, он дал ему две груши	за это тот дает ему две груши
3	за возвращение шляпы он отдал две груши	<i>ракетку он убрал в задний карман</i>
4	тот предлагает ему взамен три груши	мальчик за это им дал три груши из корзины
5	тот ему в благодарность дает пару груш	тот взамен дает ему груши
6	а мальчик дает ему несколько груш	мальчик предлагает часть своих груш, по одной на каждого своего помощника в качестве благодарности
7	а тот отблагодарил его грушей	и получают взамен три груши из корзины
8	<i>за это мальчик-воришка дает мальчику с игрушкой две груши</i>	за это мальчик на велосипеде дает ему три груши
9	тот за это отблагодарил его грушами	взамен мальчик благодарит его и отдает ему груши

В табл. 8 мы объединили два события № 10 и № 11, так как все испытуемые в своих репортажах описывали или первое событие, или второе, но никогда оба вместе.

Таблица 8. События №№ 10–11 Мальчик с ракеткой идет, а потом бежит по дороге в другую сторону

исп.	первичный репортаж (1)	повторный репортаж (2)
1	мальчики расходятся; мальчик, получивший три груши, возвращается к своим друзьям	мальчик в синей рубашке прибегает к своим товарищам
2	мальчик, который получил груши, прибежал к двум своим друзьям	<i>и они снова расходятся; у мальчика с ракеткой, даже три груши, да, у мальчика с ракеткой и грушами синяя рубашка и штаны</i>
3		<i>мальчик с ракеткой возвращается к своим двум спутникам</i>
4	<i>мальчик в синей рубашке с ракеткой и грушами</i>	мальчик в синей рубашке дошел до своих друзей
5	тот мальчик возвращается вместе с тремя грушами к двум другим мальчикам	другой мальчик берет груши, и они идут в разных направлениях
6	мальчики расходятся	
7		
8	мальчик, который помог, подбегает к своим друзьям	вот они уже совсем все расходятся
9	и они разошлись	один из них возвращается к своим друзьям

Событие № 12 продолжает линию событий №№ 8–9, где все испытуемые описывают данное событие, однако практически не используют целевые дескрипции.

Таблица 9. Событие №12 Мальчик с ракеткой дает мальчикам по груше

исп.	первичный репортаж (0)	повторный репортаж (1)
1	и отдаем их им	и делится с ними тремя грушами
2	и отдал две груши	он дает груши своим друзьям

3	каждому досталось по одной груше	они берут по груше
4	мальчик отдает своим друзьям по груше	отдал им груши
5	потом отдает эти груши другим мальчикам	тот мальчик в синем приходит к другим мальчикам и раздает им груши
6	мальчик вернулся к своим товарищам, дал им по груше	мальчик, который вернул шляпу, возвращается к своим товарищам, раздает им по груше
7	эти мальчики, которые помогли, разделили эти груши	три мальчика делят груши между собой
8	и отдает груши	<i>мальчик с игрушкой приносит груши своим друзьям, и они уходят</i>
9	он угощает грушами своих товарищей	делится с ними грушами

Событие № 13 — абсолютный рекордсмен по числу целевых дескрипций как в первичном, так и в повторном репортажах.

Таблица 10. Событие № 13 Мальчик с ракеткой достает ракетку и играет

исп.	первичный репортаж (7)	повторный репортаж (7)
1		<i>мальчик достает йо-йо</i>
2	<i>и еще у него в руках такая штучка, которая похожа на теннисную ракетку, но к ней как бы привязан мячик</i>	<i>снова берет ракетку в руки и начинает набивать шар</i>
3	<i>ракетку мальчик в синей рубашке засунул в задний карман, снова достал ее и снова набивает мяч</i>	<i>и достает ракетку снова, начинает набивать мячик</i>
4	<i>мальчик с ракеткой снова достает ракетку и начинает с ней играть</i>	<i>параллельно играя с ракеткой</i>
5	<i>а мальчик продолжает потом играть со своей ракеткой с мячиком</i>	<i>а мальчик, как только он откусил от груши, он опять берет свою ракетку и опять начинает с ней играть</i>
6	<i>у одного из мальчиков есть ракетка, к которой привязан шарик, и он им играет</i>	
7		

8	<i>мальчик достает из кармана игрушку и продолжает играть</i>	<i>вы слышите звук, это вот тот самый мальчик с игрушкой</i>
9	<i>в заднем кармане одного из ребят все та же ракетка, он мальчик вытаскивает ее и продолжает набивать мячик</i>	<i>третий мальчик дальше продолжает бить ракетку мячиком</i>

Наконец, последнее событие № 15 отмечено (целевыми) дескрипциями только в четырех репортажах, хотя по длительности оно занимает безусловное первое место.

Таблица 11. Событие № 15 Мальчик с ракеткой играет

исп.	первичный репортаж (1)	повторный репортаж (3)
1		<i>мальчик в синей рубашке продолжает играть в йо-йо</i>
2		<i>мальчик в синем продолжает играть в шарик и ракетку</i>
3		
4		
5	<i>тот мальчик продолжает играть с ракеткой</i>	<i>тот мальчик все еще играет с ракеткой</i>
6		
7		
8		
9		

В целом, наша гипотеза о том, что в повторном репортаже мы зафиксируем больше целевых дескрипций, подтвердилась: в первичном репортаже при описании ни одного из событий их не было использовано больше, чем в повторном, а общее соотношение получилось равно 23 к 34 в пользу повторных репортажей, т. е. мы видим различие в полтора раза. Однако, как мы и предполагали, распределение по испытуемым получилось очень неравномерным.

5.3.2. Анализ по испытуемым. В данном разделе будут приведены уже только 57 целевых дескрипций, распределенные по первичным

и повторным репортажам каждого из испытуемых, с кратким комментарием.

Испытуемый 1 (общее количество дескрипций 5). Введенная в первичном репортаже целевая дескрипция *йо-йо* более активно используется в повторном репортаже уже без интродукции. Однако целевой дескрипции «мальчик с ракеткой» не зафиксировано.

Первичный репортаж (1): 4. у одного мальчика кажется что-то типа *йо-йо*, но вообще наверно нет, что-то среднее между *йо-йо* и ракеткой для пинг-понга

Повторный репортаж (4): 2. к нему подходят три мальчика, один из них с *йо-йо*

- 4. мальчик в синей рубашке продолжает играть в *йо-йо*
- 13. мальчик достает *йо-йо*
- 15. мальчик в синей рубашке продолжает играть в *йо-йо*

Испытуемый 2 (7). В повторном репортаже встречается целевая дескрипция *мальчик с ракеткой*; в первичном есть только дескрипция «ракетки с мячиком».

Первичный репортаж (1): 13. и еще у него в руках такая штука, которая похожа на теннисную ракетку, но к ней как бы привязан мячик

Повторный репортаж (6): 2. и рядом стоят трое других мальчиков; у одного есть ракетка с привязанным шариком на ней

- 4. мальчик с ракеткой продолжает играть как бы кидая мячик
- 7. мальчик все еще бьет шариком по ракетке, он поднимает упавшую шляпу
- 10–11. и они снова расходятся; у мальчика с ракеткой, даже три груши, да, у мальчика с ракеткой и грушами синяя рубашка и штаны
- 13. снова берет ракетку в руки и начинает набивать шар
- 15. мальчик в синем продолжает играть в шарик и ракетку

Испытуемый 3 (11). Обе целевые дескрипции активно используются в обоих репортажах.

Первичный репортаж (5): 2. один из которых набивает мячик в ракетку, мячик привязан к ракетке через веревочку

- 4. парень с ракеткой все еще продолжает набивать мячик
- 7. камера переключается на трех парней, один из которых с ракеткой; они идут по дороге и видят слетевшую шляпу

8. они оборачиваются, свистят и парень с ракеткой возвращается к нему чтобы вернуть шляпу

13. ракетку мальчик в синей рубашке засунул в задний карман, снова достал ее и снова набивает мяч

Повторный репортаж (6): 2. у одного из них ракетка, к которой на веревочке привязан мячик, и он ее набивает

- 4. мальчик с ракеткой продолжает в нее играть
- 8. свистят, он оборачивается, мальчик с ракеткой идет возвращать ему шляпу
- 9. ракетку он убрал в задний карман
- 10–11. мальчик с ракеткой возвращается к своим двум спутникам
- 13. и достает ракетку снова, начинает набивать мячик

Испытуемый 4 (9). Обе целевые дескрипции активно используются в обоих репортажах.

Первичный репортаж (5): один мальчик, у которого ракетка была, положил ее обратно в карман

- 4. мальчик с ракеткой снова достал ракетку и начинает играть
- 7. тот снова кладет ракетку назад
- 10–11. мальчик в синей рубашке с ракеткой и грушами
- 13. мальчик с ракеткой снова достает ракетку и начинает с ней играть

Повторный репортаж (4): 2. мальчик в синей игрался с ракеткой и мячиком

- 4. мальчик в синей рубашке после этого продолжил играть со своей ракеткой
- 7. трое мальчиков заметили на дороге шляпу, точнее не трое, а мальчик в синей рубашке с ракеткой
- 13. параллельно играя с ракеткой

Испытуемый 5 (10). Обе целевые дескрипции активно используются в обоих репортажах.

Первичный репортаж (4): 4. один из них играет с такой ракеткой мячиком

- 7. проходят мимо шляпы, мальчик с ракеткой ее подбирает
- 13. а мальчик продолжает потом играть со своей ракеткой с мячиком
- 15. тот мальчик продолжает играть с ракеткой

Повторный репортаж (6): 2. один с ракеткой в синей рубашке
3. в это время мальчик с ракеткой кладет ракетку в карман и помогает собрать груши

4. *а мальчик в синем играет с ракеткой, у него такая ракетка, к которой привязан мячик, и он играет в теннис*

7. *мальчик с ракеткой обращает на нее внимание*

13. *а мальчик, как только он откусил от груши, он опять берет свою ракетку и опять начинает с ней играть*

15. *тот мальчик все еще играет с ракеткой*

Испытуемый 6 (2). В обоих репортажах встречается по одной дескрипции «ракетки с мячиком».

Первичный репортаж (1): 13. *у одного из мальчиков есть ракетка, к которой привязан шарик, и он им играет*

Повторный репортаж (1): 4. *у одного из мальчиков, которые помогли нашему герою, есть ракетка с мячиком, и он ей играет*

Испытуемый 7 (о). Целевые дескрипции не встретились.

Испытуемый 8 (9). Обе целевые дескрипции активно используются в обоих репортажах.

Первичный репортаж (4): 4. *один мальчик играет в какую-то вот такую игрушку типа пинг-понга на веревочке, понятия не имею, как это называется*

8. *а мальчик с игрушкой свистом подзывает мальчика, который украл груши, и отдает ему его шляпу*

9. *за это мальчик-воришка дает мальчику с игрушкой две груши*

13. *мальчик достает из кармана игрушку и продолжает играть*

Повторный репортаж (5): 2. *у одного из них какая-то игрушка в виде ракетки и мяча*

4. *мальчик с игрушкой продолжает играть*

8. *мальчик с игрушкой окликает воришку и приносит ему шляпу*

12. *мальчик с игрушкой приносит груши своим друзьям, и они уходят*

13. *вы слышите звук, это вот тот самый мальчик с игрушкой*

Испытуемый 9 (4). В обоих репортажах встречаются только дескрипции «ракетки с мячиком».

Первичный репортаж (2): 4. *один из них играет в с ракеткой и маленьким мячиком*

13. *в заднем кармане одного из ребят все та же ракетка, он мальчик вытаскивает ее и продолжает набивать мячик*

Повторный репортаж (2): 2. *один из них играет с ракеткой и мячиком*

13. *третий мальчик дальше продолжает бить ракетку мячиком*

5.3.3. Анализ по стратегиям испытуемых. Общее обсуждение. Итак, данные регистрации движений глаз убеждают нас в том, что все без исключения испытуемые обращали внимание на происходящее с референтами «ракетка с мячиком» и «мальчик с ракеткой». Однако, как можно видеть из табл. 12, распределение количества целевых дескрипций по испытуемым представляет собой шкалу от 0 до 11 употреблений. На наш взгляд, это еще раз подтверждает следующие два факта: (1) «ракетка с мячиком» является второстепенным референтом, описание которого не является обязательным, а скорее зависит от представлений каждого конкретного испытуемого о важности этого объекта для развития сюжета и/или о необходимости стремиться к максимально подробному описанию; (2) для наименования референта «мальчик с ракеткой» могут быть использованы и другие дескрипции, например, *третий мальчик* или *мальчик в синей рубашке*.

Таблица 12. Распределение количества целевых дескрипций по испытуемым

кол-во	0	2	4	5	7	9	9	10	11
исп.	7	6	9	1	2	8	4	5	3

Однако в повторном репортаже, уже полностью зная сюжет фильма, испытуемые не стали использовать целевые дескрипции реже, так что, по-видимому, они не стали считать эти референты более второстепенными, чем им казалось в ходе первичного репортажа. Наоборот, число целевых дескрипций увеличилось в полтора раза, что, как представляется, может говорить в пользу гипотезы об увеличении когнитивной доступности/освоенности «ракетки с мячиком»². Возможно, в первую очередь произошло повышение онтологической доступности объекта.

Посмотрим теперь, какие стратегии можно выделить у наших девяти испытуемых. Сначала разделим их с точки зрения (не)использования обеих целевых дескрипций:

- Стратегия 1 (исп. №№ 3, 4, 5, 8). Обе целевые дескрипции активно используются в обоих репортажах.

² Как справедливо заметил один из редакторов настоящего сборника, возможна и такая интерпретация, при которой испытуемые при повторном комментировании оценивают референты как более второстепенные, но возросшая когнитивная доступность это перекрывает. Как нам представляется, ответ на этот вопрос могут дать только будущие исследования.

- Стратегия 2 (исп. №№ 1, 6, 9). Используется целевая дескрипция референта «ракетка с мячиком», однако дескрипции референта «мальчик с ракеткой» не зафиксировано.
- Стратегия 3 (исп. № 2). В первичном репортаже есть только дескрипция референта «ракетка с мячиком», в повторном встречаются обе дескрипции.

Теперь посмотрим на различия в количестве целевых дескрипций в первичном и повторном репортажах:

- Стратегия 1 (исп. №№ 1, 2). Количество целевых дескрипций в повторном репортаже значимо увеличивается.
- Стратегия 2 (исп. №№ 3–9). Количество целевых дескрипций в повторном репортаже значимо не увеличивается.

Таким образом, мы получили полный спектр разнообразных стратегий описания испытуемыми референтов «ракетка с мячиком» и «мальчик с ракеткой», которые, как нам представляется, могут быть объяснены второстепенной ролью референта «ракетка с мячиком». Однако нам удалось подтвердить гипотезу об увеличении количества целевых дескрипций в ходе повторных репортажей, что может быть интерпретировано в пользу идеи о большей когнитивной (по-видимому, онтологической в первую очередь) доступности референта «ракетка с мячиком» в повторном репортаже.

Литература

- Бергельсон М. Б., Драгой О. В., Маннова Е., Скворцов А. А., Статников А., Искра Е. В. 2009. Когнитивная доступность как критерий правильности предложения // *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы*. М.: Эйдос, 268–269.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) 2009. *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
- Мальшева Е. Г. 2011. *Русский спортивный дискурс*. М.: Флинта.
- Подлеская В. И., Клокотова М. С. 2021. Влияние когнитивной доступности объекта на способ его репрезентации в речи. *Экспериментальная психология*, № 14(4), 90–107.
- Федорова О. В. 2022. Еще одна жизнь «Фильма о грушах» Уолласа Чейфа. В сб.: *Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной (Гришинские чтения)*. Москва, 8 февраля 2022 г. Материалы конференции, 52–55.

- Airenti, G., Bara, B. G., Sandini, G. (eds.) 2015. *Pear Stories: 40 years later. Workshop Proceedings*, v. 1419, Torino, Italy, September 25–27, 2015.
- Austin, P. K. 2012. *Too many nasal verbs: Dialect variation in the voice system of Sasak*. Nusa.
- Baldenebro, T., Duncan, S. 2010. Discourse levels in narration and cinema: American versus Mexican culture (manuscript). https://mcneilllab.uchicago.edu/pdfs/ISGS%02710_Baldenebro&Duncan.pdf
- Chafe, W. (ed.) 1980. *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex.
- Du Bois, J. W. 1980. Introduction. The search for a cultural niche: Showing the Pear Film in a Mayan community. In: W. Chafe (ed.), *The Pear Stories: Cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex, 1–7.
- Eaton, J. H., Collis, G. M., Lewis, V. A. 1999. Evaluative explanations in children's narratives of a video sequence without dialogue. *Journal of Child Language*, v. 26, no. 3, 699–720.
- Igareda, P., Matamala, A. 2012. Variations on the Pear Tree Experiment: different variables, new results? Perspectives. *Studies in Translatology*, v. 20, no. 1, 103–123.
- Mazur, I., Chmiel, A. 2012. Towards common European audio description guidelines: Results of the Pear Tree Project. *Perspectives: Studies in Translatology*, v. 20, no 1, 5–23.
- Tannen, D. 1980. A comparative analysis of oral narrative strategies: Athenian Greek and American English. In: W. Chafe (ed.), *The Pear Stories: Cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex, 51–87.
- Tomlin, R. S. 1995. Focal attention, voice, and word order: an experimental, cross-linguistic study. In: P. Downing and M. Noonan (eds.), *Word order in discourse*. Amsterdam: Benjamins. 517–554.

Верочка с сачком (1956)

С одноклассниками (1965)

С Костей и Сережей (1978)

С С. В. Кодзасовым (Камчатка, 1972)

Экспедиция в Дагестан (1974)

Лекция (2000)

С.М. Сибатани (2008)

Новый год (2022). Вера Исаковна,
Константин Константинович, сын Сергей,
внуки Мария, Петр, Яков, Семен, правнучка Аня

С Костей и Сергеей (1978)

С. А. Мустайоки (2014)

С. Т. Е Янко, В. П. Недялковым, Л. И. Куликовым (Япония, 1993)

ЖИЗНЬ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА В ОСВОЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ВРЕМЕНИ PRESENT PERFECT: НАБЛЮДЕНИЯ В УЧЕБНЫХ КОРПУСАХ

О. И. Виноградова
olgavinogr@gmail.com

Овладение глагольной системой изучаемого языка, в особенности видовыми категориями, представляет трудности для многих изучающих прежде всего из-за интерференции с видовыми значениями родного языка. В данном исследовании предпринимается попытка выявить различия в использовании форм Present Perfect в текстах эссе на английском языке, написанных студентами российского и испанского университетов. Отмеченные особенности сравниваются со спецификой видовых значений в русском и испанском языках.

1. Введение

Овладение видо-временными формами Present Perfect является обязательным этапом в изучении английского языка, поскольку эти формы в английском языке продуктивны во всех регистрах, начиная с разговора о повседневной жизни до академических текстов (ср. Biber et al. 1999: 463; Davydova 2011: 91). О сложностях в освоении перфектного вида в английском языке имеется важное замечание в основополагающем учебном курсе Бернарда Комри, посвященном категории вида (Comrie 1976¹: 54 и далее). Более поздние исследования в области методики освоения английского языка отмечали, что хотя первое введение форм этого времени имеет место на раннем этапе изучения, полномасштабное сравнение употребления Present Perfect с употреблением других видо-временных форм осваивается намного позже (Housen 2002a: 163; Davydova 2011: 4). Эти же исследователи, наряду с некоторыми другими (van der Wurff 1999; Housen 2002b) отмечали различия в освоении форм Present Perfect изу-

¹ Автор благодарит В. И. Подлесскую за указание на появление этой работы в свое время.

чающими с разными родными языками. Много внимания этому аспекту в грамматике для изучающих уделил Роберт Фукс (Fuchs et al. 2016, среди прочих работ с его участием); в частности, он описал две тенденции, наблюдаемые в процессах освоения времени Present Perfect изучающими английский язык. Во-первых, если в родном языке осваивающих английский язык отсутствует формальная или функциональная категория, которую носители этих языков могут легко сопоставить с перфективным видом в английском языке, то степень использования времени Present Perfect этими изучающими будет снижена по сравнению с носителями других языков, обладающих такой категорией. К такому же выводу пришел автор в работе Vulut 2011: 225–226. Во-вторых, семантические особенности некоторых групп глаголов — например, глаголов с четкой конечной точкой действия — могут у изучающих английский язык вызывать использование форм Present Perfect, не характерное для английского языка. Такого рода наблюдения содержатся в работах Collins 2002: 85–86 и Bardovi-Harlig 2000.

При этом предшествующие наблюдения на корпусах учебных текстов не-носителей английского языка уже позволили специалистам в области освоения английского языка сделать вывод о том, что наличие видо-временной системы в родном языке, типологически или структурно близкой к английской, далеко не всегда приводит к более быстрому овладению или более точному использованию времени Present Perfect изучающими английский (ср. Eriksson 2008; Davydova 2011; Rogatcheva 2014).

Корпусные наблюдения в данной работе призваны добавить материал для ответа на вопрос о роли интерференции с родным языком в освоении использования времени Present Perfect. Результаты наблюдений сопоставляются с некоторыми чертами русской и испанской глагольных систем. На основании того факта, что носители испанского имеют в парадигме времен своего родного языка прямой коррелят английскому Present Perfect, а носители русского имеют категорию вида, прямо не соотносимую с перфективностью в английском, в качестве первоначальной гипотезы было принято следующее утверждение: носители испанского языка, изучающие английский, будут использовать Present Perfect в своей письменной речи на английском языке чаще и будут допускать меньше ошибок в использовании этой видо-временной формы, чем изучающие английский язык носители русского языка.

2. Корпусные данные

Для проведения сравнения было важно выбрать сопоставимые данные, как в отношении стадий освоения изучаемого языка, так и по характеристикам изучающих. К счастью, в распоряжении лингвистов имеются два корпуса — REALEC и WriCLE, в которых:

- содержатся тексты экзаменационных сочинений, написанных на английском языке студентами бакалаврского уровня, в первом корпусе — с родным русским языком, во втором — с родным испанским языком;
- представлены среди прочих тексты одного жанра, а именно, эссе, в которых студенты высказывают собственное мнение по некоторому вопросу, сформулированному в задании (opinion essay);
- тексты пишутся на экзаменах, которые университеты позиционируют как предназначенные для студентов с уровнем английского от B до C в классификации CEFR;
- к написанию эссе предъявляется требование соответствия нормам академического регистра в английском языке.

Подробнее о составе и жанрах текстов в корпусе REALEC (Russian Error-Annotated Learner English Corpus) можно прочесть в работах Vinogradova 2019 и Vinogradova & Lyashevskaya 2022. Корпус WriCLE (Written Corpus of Learner English) с экзаменационными текстами, написанными испанскими студентами программы English Studies, представлен в работе Rollinson & Mendikoetxea 2010. Из обоих корпусов для исследования были извлечены датасеты с текстами opinion essays. Для контрольного сравнения был привлечен корпус университетских эссе, также жанра opinion essays, написанных носителями британского и американского вариантов английского языка — это LOCNESS (the Louvain Corpus of Native English Essays), один из учебных корпусов Ассоциации учебных корпусов с центром в университете Лувен². Статистику по этим трем датасетам содержит Таблица 1.

3. Методы проведения исследования и исследовательские вопросы

Для получения датасетов из всех трех корпусов были отобраны только эссе одного жанра. Для извлечения предложений с формами времени Present Perfect изучающими английский язык и носителями

² <https://www.lernercorpusassociation.org/resources/tools/locness-corpus/>

Таблица 1. Характеристики датасетов из трех корпусов для данного исследования

Корпус	WriCLE	REALEC	LOCNESS
Жанр, длина (требование)	Opinion essays от 500 до 2000 слов	Opinion essays длиной не менее 250 слов	Opinion essays длиной примерно 500 слов
Кол-во токенов	801 000	833 000	324 000
Кол-во текстов	716	2973	710

английского языка недостаточно просто получить предложения с двумя формами — настоящего времени глагола *HAVE* и страдательного причастия прошедшего времени любого глагола. Во-первых, надо учесть, что эти формы могут идти не подряд, поскольку в данной форме между *HAVE* и причастием часто встречаются обстоятельственные конструкции. Во-вторых, комбинация этих двух форм не всегда является признаком использования времени Present Perfect. Поэтому на первом этапе стояла задача подготовки датасетов для получения статистики использования форм времени Present Perfect в двух учебных корпусах с текстами изучающих английский язык носителей двух разных языков — русского и испанского, а также в корпусе учебных эссе на английском языке носителей этого языка, о чем идет речь в разделе 4.1. Был разработан алгоритм для извлечения из текстов предложений с формами Present Perfect, и в полученной выдаче было более сотни тысяч предложений в первых двух корпусах с текстами изучающих английский и примерно вдвое меньше, но все же достаточно много предложений из корпуса носителей английского языка. Поэтому было принято решение рассмотреть датасеты из 500 случайно выбранных предложений с формами рассматриваемого времени из каждого из трех корпусов. Этот анализ представляет второй этап исследования, и его результаты представлены в разделе 4.2. За ним последовала третья стадия — рассмотрение случаев, когда в письменной продукции изучающих язык формы времени Present Perfect отсутствуют там, где они должны быть — это контексты, в которых ожидаются формы времени Present Perfect, а вместо них использованы другие видо-временные формы английской глагольной системы. Для этого из корпусов REALEC и WriCLE были извлечены предложения с обстоятельственными конструкциями, которые считаются маркерами употребления форм времени Present Perfect. Данные, полученные на этом этапе, рассмотрены в разделе 4.3. В раз-

деле 5 сопоставляются элементы глагольных систем русского и испанского языков, которые могут играть роль в освоении английского времени Present Perfect изучающие английский язык с родным русским и с родным испанским языками. В разделе 6 на основе данных проведенных наблюдений предлагаются ответы на следующие исследовательские вопросы:

ИВ 1: Кто чаще использует формы Present Perfect в академических текстах на английском языке — студенты с родным русским или с родным испанским языком?

ИВ 2: Какие семантические контексты употребления форм Present Perfect преобладают в учебных текстах на английском языке русскоязычных и испаноязычных авторов?

ИВ 3: В чьих учебных текстах больше ошибок в употреблении форм Present Perfect?

4. Результаты корпусных наблюдений

4.1. Представленность Present Perfect в трех корпусах

Для целей данного исследования был разработан такой алгоритм извлечения предложений с формами Present Perfect³, который позволил нам правильно обработать следующие случаи:

- не потерять контексты, в которых между формой настоящего времени глагола *HAVE* и страдательным причастием прошедшего времени имеет место некоторая обстоятельственная конструкция типа *I have since the days of my university been...*
- не потерять контексты, в которых два компонента формы Present Perfect оказываются на некотором расстоянии друг от друга в вопросительных предложениях, как, например, в следующем: *Since what time have all of you known it?*
- исключить из выдачи контексты, в которых присутствуют как форма настоящего времени глагола *HAVE*, так и страдательное причастие прошедшего времени, причем они могут находиться рядом или на некотором расстоянии друг от друга, но они не составляют форму времени Present Perfect, а являются частями

³ Автор благодарит сотрудника НУЛ учебных корпусов Константина Зайцева за помощь в отлаживании программы извлечения требуемых форм, которая хранится по следующей ссылке: https://github.com/Knzaytsev/HSE_laboratory.

разных конструкций. Речь идет о нескольких случаях, которые мы кратко перечислим с приведением примеров⁴:

- контексты с полумодальным выражением *have to* с пассивной формой основного глагола, которая также содержит страдательное причастие прошедшего времени: *He has to be prepared ...* и *He has to get his hair done...* и *I have got/gotten to do something*.
- контексты с полумодальным выражением *have to* с формой основного глагола из класса имеющих одну и ту же словоформу в глагольной парадигме: *He has to set up ...*
- контексты с глаголом *have*, после которого использовано прямое дополнение с определением, являющимся страдательным причастием прошедшего времени: *I would like to have grilled vegetables...* или *He always has his hair done...*
- контексты с модальными глаголами, в которых используются перфектные формы основного глагола — *It must have been...*, *You should have given...*, etc.

Для идентификации таких контекстов в программе получения форм Present Perfect использовались данные синтаксического парсера SpaCy⁵, однако, в некоторых случаях — например, для глаголов с омонимичными видо-временными формами в парадигме, — парсер может допустить ошибку в грамматической категоризации формы, и такие случаи необходимо отслеживать. Получившиеся в результате работы программы датасеты описывает Таблица 2. В ней содержится общее число глагольных форм в соответствующем корпусе, число употреблений форм Present Perfect, отбираемых программой для датасетов, соотношение второго и первого, а также нормализованные величины этих же показателей на 100 000 слов текста и доля форм Present Perfect в общем количестве глагольных форм каждого из трех датасетов.

Частота использования форм Present Perfect среди всех глагольных времен значительно (более чем в полтора раза) выше в английских эссе испаноязычных студентов, чем в текстах носителей английского. В эссе русскоязычных носителей, наоборот, это соотношение почти в три раза ниже уровня, засвидетельствованного в корпусе носителей английского

⁴ В случае отсутствия указания на корпус как источник примера следует считать пример сконструированным автором.

⁵ Honnibal et al. 2020 и код программы Константина Зайцева по ссылке: http://github.com/Knzaytsev/adwiser_spacy.

Таблица 2. Показатели простой и нормализованной частотности глагольных форм, форм времени Present Perfect и соотношения этих величин в трех учебных корпусах английских текстов.

	общее кол-во глагольных форм / нормализованная частотность	кол-во форм Present Perfect / нормализованная частотность	доля Present Perfect в глагольных употреблениях
REALEC	134 375 / 16 131.45	959 / 115.13	0.007
WriCLE	117 352 / 14 650.69	3792 / 423.41	0.032
LOCNESS	54 699 / 16 882.41	1044 / 322.22	0.019

языка. При этом во всех трех корпусах учебные тексты характеризуются жанровым однообразием — это аргументативные эссе на общие темы студентов университетского бакалавриата.

4.2. Представленность Present Perfect в трех корпусах по четырем стандартным типам употреблений

Из каждого из трех корпусов были методом случайного выбора получены датасеты с 500 предложениями, содержащими формы Present Perfect. Эти датасеты были обсуждены двумя экспертами ESL⁶ (English as a Second Language) с тем, чтобы среди них не было таких, в которых употребление рассматриваемой формы не интерпретируется однозначно, и тем самым эти датасеты нельзя использовать для получения статистики по доле ошибок, а можно только составить представление о долях прототипических контекстов времени Present Perfect. Полученные датасеты были размечены по таким контекстам использования Present Perfect, традиционно и единодушно выделяемым для английского языка (ср. Fenn 1987; Winford 1993; Tagliamonte 2000; Huddleston & Pullum 2002; Siemund 2004; Radden & Dirven 2007; Davydova 2011, Skala 2018)). Мы воспользуемся терминологией из (Huddleston & Pullum, 2002: 141–146), а именно следующими определениями контекстов:

- контексты, описывающие события, имевшие место в прошлом, но с акцентом на результат в настоящем (the resultative perfect, обозначен в таблицах как Result, или R) — например: *I have lost my keys somewhere*.

⁶ Автор благодарит Елизавету Александровну Смирнову (ВШЭ, Пермь) за участие в разметке корпуса эссе испанских студентов.

- контексты со значением действия с временным охватом из прошлого в настоящее (the continuative perfect — Extended-Now, или EN) — например: *I have lived here for 3 years now.*
- контексты со значением опыта в прошлом, не определенном во времени (the experiential perfect — Experience, или EX) — например: *I have already seen it.*
- контексты со значением действия в недавнем прошлом (иначе называемый the perfect of recent past — Recent Past, или RP) — например: *I have just taken my final exams.*

В двух датасетах учебных текстов изучающих английский размечены также и другие употребления времени Present Perfect, которые не подпадают ни под одно значение из приведенных выше. В подавляющем большинстве эти «непонятные» предложения представляют собой ошибочные употребления Present Perfect, как, например, в следующих предложениях⁷:

- (1) *... but in last years another terrorist group, called Al Qaeda, has murdered a lot of people in the famous attempt in Madrid in 2004.* (Испан.)
- (2) *With that idea inside the mind, the United states declared the war to Afganistan and Iraq, moreover the security levels have been increased inside the american territory until levels unknown since the end of the Cold War.* (Испан.)
- (3) *Some of the evidence shows that in the last century abortion has become a usual technique, and it has been used as a common option of avoiding the birth of a preborn⁸ baby.* (Испан.)
- (4) *Moreover, the biggest number of workers, that is 454375, has been registered in this sphere in 2006.* (Рус.)
- (5) *Unfortunately, original disk with music or film have cost about 15–20 dollars per disk.* (Рус.)
- (6) *For instance, people in Russia have never had a chance to taste bananas, oranges and another exotic fruits without the import of products from Africa as an example.* (Рус.)

⁷ Примеры из учебных корпусов приводятся в авторской орфографии и с авторской пунктуацией. Примеры из эссе русскоязычных студентов снабжены пометой (Рус.), а из эссе испаноязычных авторов — пометой (Испан.) в конце предложения.

⁸ Судя по другим предложениям в данном эссе, автор имеет в виду *stillborn*.

Процентные показатели доли значений, в которых засвидетельствованы формы Present Perfect в выборках из 500 предложений из каждого из трех корпусов, приведены в таблице 3, а результаты проверки статистической значимости этих наблюдений представлены в следующей за ней таблице 4.

Таблица 3. Количество случаев и доля в процентах использования времени Present Perfect в каждом из 4 контекстов в трех корпусах

	Present Perfect	Recent past	Extended-Now	Experience	Result	Другие
REALEC	516	50 (10%)	86 (17%)	61 (12%)	290 (58%)	29 (3%)
WriCLE	524	23 (5%)	52 (11%)	47 (9%)	368 (74%)	34 (2%)
LOCNESS	500	11 (2%)	68 (14%)	44 (9%)	377 (75%)	0

Примечания к таблице 3

Во всех трех корпусах в 500 предложениях с формами Present Perfect изучающие английский язык использовали более 500 форм этого времени, так как в ряде предложений встретилось более одного употребления этой формы. Кроме того, все доли в последней строке считались от числа 500 в первой колонке, поскольку мы считали, что употребления носителей английского языка все правильные, в то время как все доли использований в текстах изучающих английский язык для каждого из 4 контекстов считались от числа правильных использований в учебных текстах, а именно, 487 правильных форм Present Perfect в датасете русскоязычных авторов и 490 правильных употреблений в датасете испанских студентов.

Таблица 4. Статистическая значимость сравнений из Таблицы 3

	REALEC vs. WriCLE		REALEC vs. LOCNESS		WriCLE vs. LOCNESS	
	хи-квадрат	p-value	хи-квадрат	p-value	хи-квадрат	p-value
Recent past	8.59	.0034***	22.27	<.00001***	3.42	.0644*
Extended-Now	6.88	.0087***	1.60	.2063	1.65	.1993
Experience	1.39	.2386	2.18	.1400	0.04	.8481
Result	5.35	.0207**	6.57	.01038**	0.04	.8405
Other	0.17	.6836	—	—	—	—

Из данных в Таблице 4 очевидно, что статистически значимыми оказались различия между текстами русских и испанских авторов в трех контекстах — со значением действия в недавнем прошлом, со значени-

ем действия, продолжающегося из прошлого в настоящее, и со значением результата к моменту речи. В первом и последнем из этих контекстов статистическая значимость подтверждена и для сравнения русского датасета с датасетом носителей английского. Все статистические вычисления были проведены при пороговой величине значимости 5%.

В сравнении данных по трем корпусам следует отметить, что во всех трех корпусах наиболее часто формы Present Perfect используются для передачи значения результата действия к настоящему моменту. Однако доля таких использований в текстах русских студентов ниже, чем в текстах испанских студентов и студентов-носителей английского языка — 58% при 74% и 76%, соответственно. При этом тексты носителей английского и тексты изучающих английский с родным испанским показывают почти одинаковую долю — примерно три четверти — форм Present Perfect со значением результата к настоящему моменту. Поэтому неудивительно, что в остальных трех типах контекстов — со значением действия, продолжающегося из прошлого в настоящее, со значением опыта в прошлом, не определенном во времени, а также со значением действия в недавнем прошлом — русскоязычные студенты используют более высокий процент форм Present Perfect, чем носители английского языка и чем испаноязычные студенты.

Еще одно интересное наблюдение позволяет сделать анализ немногочисленной группы употреблений формы Present Perfect в текстах русскоязычных и испаноязычных авторов, которые не соответствуют никакому из прототипических контекстов использования форм Present Perfect. При статистически не значимом отличии общего числа таких контекстов между выборками из русского и испанского корпуса (29 и 34 из 516 и 524 использований форм Present Perfect соответственно) различия в характере нарушений довольно существенные, как показывает таблица 5.

Таблица 5. Статистика использования Present Perfect испанскими и русскими студентами в контекстах, требующих других видо-временных форм

	Past Simple	Present Simple	Past Perfect	Would + perfect infinitive
REALEC	15 (52%)	11 (38%)	2 (7%)	1 (3%)
WriCLE	29 (82%)	5 (18%)	—	—

В испанских текстах подавляющее большинство форм времени Present Perfect (82%, или 29 из 34) ошибочно использованы вместо простого

прошедшего времени (Past simple) — как в примерах (1), (2) и, вероятно, первая форма Present Perfect в примере (3), и только в 5 случаях — вместо настоящего времени (Present simple) — см. вторую форму в примере (3). В то же время в текстах русскоязычных студентов только половина ошибочных использований (15 из 29) имеют место в контекстах, где требуется простое прошедшее время — как в примере (4), но в 11 случаях это ошибочное использование имеет место в контекстах, требующих настоящего времени (Present simple), как в примере (5); в выборке представлены также единичные случаи использования Present Perfect вместо времени Past Perfect и вместо формы *would* + perfect infinitive (последнее — как в примере (6), где правильным вариантом следует считать *...people in Russia would never have had...*).

4.3. Отсутствие Present Perfect в двух учебных корпусах в четырех стандартных контекстах употребления этого времени

Рассмотрение усвоенности того или иного явления в изучаемом языке охватывает анализ не только того, как и когда данное явление используется изучающими, но и того, как и когда оно не используется в случаях, требующих его использования. На предыдущем этапе мы работали с датасетами из 500 случайно выбранных предложений с формами времени Present Perfect, однако выборка с формами всех остальных времен была бы огромной, а 500 случайно выбранных предложений из такой выборки, наоборот, с большой вероятностью оказались бы недостаточно сфокусированы на содержании контекстов, требующих употребления времени Present Perfect, т. е. таких контекстов было бы слишком мало для нашего рассмотрения. Требовалась выборка предложений, в которой вероятность появления прототипического контекста, требующего формы Present Perfect, была бы достаточно высокой. Для получения такой выборки мы провели поиск предложений, в которых, с одной стороны, присутствовала бы форма глагола, не являющаяся формой Present Perfect, с другой стороны, имелась бы обстоятельственная конструкция, которая считается маркером употребления формы Present Perfect. Список таких маркеров представлен во многих авторитетных грамматиках английского языка (Huddleston & Pullum 2002: 141, 144, 146; Biber et al. 1999) и в ряде работ в области SLA — например, Davydova 2011: 260–264, Skala 2018: 611, 613. Две последние работы также содержат исчерпывающие списки публикаций, рассматривающих употребление времени Present

Perfect как в различных вариантах английского языка как родного, так и в освоении английского языка изучающими с различным родным языком. Более того, в ряде работ исследования употреблений времени Present Perfect, правильных и ошибочных, уже проводились на датасетах с предложениями, содержащими обстоятельственные конструкции, причем в одной из этих работ — Skala 2018 — особое внимание было уделено значениям комбинаций глагольных форм разных времен и модифицирующего обстоятельства. В результате предварительного просмотра на наличие таких маркеров времени Present Perfect в корпусах REALEC и WriCLE их список был для наших целей ограничен следующими:

ever; never; always; yet; so far; recently; since; already; these days; just; throughout

Код программы для исследовательского датасета можно посмотреть по ссылке https://github.com/Knzaytsev/HSE_laboratory

Кажется вполне очевидным, что полученные из русского и испанского корпусов предложения с маркерами из нашего списка содержат не только контексты, в которых требуется использовать время Present Perfect, — более того, таких в выборке из корпусов оказалось меньшинство. Так, следующие сочетания содержат темпоральные маркеры, вовсе не связанные синтаксически с глагольными формами: *more ADJECTIVE / ADVERB than EVER; NEVER late; NEVER before; ALREADY known; as NEVER before* или *..., Minister of Defence SINCE 1981, ...* а также имеются многие другие правильные употребления этих маркеров в контекстах, не требующих времени Present Perfect, как, например:

- (7) *A closer look at the table reveals that the trends for different age groups are not ALWAYS similar.* (Рус.)
- (8) *If no one express themselves we will NEVER know about creative and talented artists, singers, musicians, writers, actors.* (Рус.)
- (9) *As I said, all the points mentioned are very important but we have to consider that all these children have rights, and we can NEVER forget that.* (Испан.)

Все такие случаи были исключены из рассмотрения. Далее в датасете были вручную отобраны предложения, про которых у автора не оставалось сомнений в необходимости использования в них времени Present Perfect (прежде всего, на основе описания употреблений Present Perfect в

грамматике Huddleston & Pullum 2011). После всех фильтров количество перфектных контекстов в выдаче как из русского, так и из испанского корпуса оказалось достаточно представительным: в текстах русских студентов контекстов, которые несомненно требуют употребления времени Present Perfect, было 385, а в испанском корпусе таких встретилось 150. Эти небольшие датасеты были размечены, во-первых, по тому, какую видо-временную форму использовали в своих текстах на английском языке авторы с родным испанским и русским языком вместо формы Present Perfect, и, во-вторых, по типу прототипического контекста времени Present Perfect (см. раздел 4.1).

- (10) *Historically, women were ALWAYS better at house-keeping or cooking.* (Рус.)
- (11) *In contrast, I must say that some people think that there isn't any increase of the natural disasters and that this is only because, nowadays, we have more information in TV, in radio, etc; but I believe that this posture is wrong because we can't ignore that in our own country there are natural disasters that never **happened** before, for example, the little hurricane in Galicia and the extreme temperatures that we stand in summer and winter.* (Испан.)
- (12) *There **are** lots of crashes in recent years.* (Рус.)
- (13) *To sum up, there **are** many arguments concerning the safety of the world since the war against terrorism began.* (Испан.)

Таблица 6 содержит статистику наиболее частотных ошибочных выборов видо-временной формы английских глаголов в исследуемых корпусных датасетах в таких контекстах, где ожидается использование Present Perfect. Примеры (10)–(13) показывают такие контексты с ошибочным выбором видо-временной формы, которые в этих предложениях выделены жирным шрифтом, а обстоятельственные маркеры времени Present Perfect приведены заглавными буквами. Единичные использования всех других форм, кроме Past Simple, Present Simple и Past Perfect, вошли в эту таблицу в колонке для прочих форм (в последней колонке). Заметим, что во второй колонке таблицы 6 указана доля предложений с ошибочным выбором видо-временной формы английского предиката, а в остальных колонках, представляющих статистику по трем основным временам и для всех остальных форм, указаны доли от общего числа ошибочных форм, которое содержится в скобках во второй колонке таблицы.

Таблица 6. Доля использований всех других времен английской глагольной системы в контекстах с обстоятельственными маркерами времени Present Perfect и доли каждого неправильного выбора

	кол-во предложений с маркерами Present Perfect	% ошибок выбора формы глагола	из всех ошибок: Past Simple	из всех ошибок: Present Simple	из всех ошибок: Past Perfect	из всех ошибок: прочие формы
WriCLE	150	48 % (73)	54.8 % (40)	17.8 % (13)	9.6 % (7)	17.8 % (13)
REALEC	385	44 % (169)	51.5 % (87)	29.0 % (49)	10.1 % (17)	9.5 % (16)

Таблица 6 свидетельствует о поразительном сходстве количественных показателей ошибочных употреблений времен у русскоязычных и испаноязычных студентов, а именно:

- соответственно, в 44 и 48 процентах всех контекстов с темпоральными маркерами времени Present Perfect изучающие употребили ошибочные формы английских времен вместо времени Present Perfect;
- из этих ошибочных выборов больше половины предложений (54.8 % у испанских студентов, 51.5 % у русских студентов) содержат формы простого прошедшего времени (Past Simple) вместо Present Perfect;
- около десятой части всех предложений у обеих групп изучающих показывают выбор формы перфекта прошедшего времени (Past Perfect) вместо Present Perfect.

Отличается только доля ошибочного выбора форм простого настоящего времени (Present Simple) вместо времени Present Perfect — в текстах русскоязычных изучающих она намного выше, чем в текстах испанских студентов — 29.0 % и 17.8 % соответственно. Предваряя обсуждение результатов в разделе 6 (см. примеры (17) — (19) в этом разделе), отметим как весьма вероятную причину таких ошибок у изучающих с родным русским влияние стандартного употребления настоящего времени в подобных контекстах в русском языке.

Далее мы посмотрели, в каких из прототипических использований времени Present Perfect с темпоральными маркерами изучающие с родным русским и с родным испанским языком делают больше ошибок. Результаты сравнения оказались статистически значимыми как для распределения всех форм в каждом из четырех контекстов, включая формы

Present Perfect, так и для получившихся датасетов только с ошибочными формами (показатели представлены в таблице 7 через косую черту). Для наглядности на рис. 1 приводится графическое представление соотношения основных видо-временных форм, используемых изучающими в прототипических перфектных контекстах, а именно, форм Present Perfect (правильная форма) и недопустимых форм Past Simple, Present Simple и Past Perfect.

Таблица 7. Статистика всех ошибочных форм вместо Present Perfect по четырем прототипическим перфектным контекстам с показателями статистической значимости

	REALEC	WriCLE	хи-квадрат	p-value
Result	77/31	19/12		
Experience	215/73	39/18	58.495/11.51	***1.232e-12 /
Extended-Now	77/55	72/31		***0.0092
Recent past	21/10	20/12		

Из таблицы 7 видно, что самая высокая доля неправильного выбора времени вместо формы Present Perfect у русских авторов представлена в контекстах действия, продолжающегося из прошлого в настоящее (Extended-Now — 55 ошибочных выборов из 77 контекстов), и далее в контекстах недавнего прошлого (10 неправильно выбранных времен из 21 контекста). У испанских студентов самым «недоосвоенными» в сочетаниях с обстоятельственными маркерами оказались также контексты недавнего прошлого и контексты результата к моменту речи (12 из 20 и из 19 контекстов соответственно). Общий процент правильного выбора времени Present Perfect в датасетах с маркерами этого времени (в выборке из русского корпуса — 44%, а в выборке из испанского корпуса — 48%) не может считаться опровержением первоначальной гипотезы о том, что испаноязычные изучающие английский язык лучше справляются с освоением этого времени благодаря наличию прямого эквивалента этого времени в их родном языке, поскольку в датасетах, рассмотренных на данном этапе исследования, участвовали только контексты, в которых должно употребляться время Present Perfect. Поэтому мы объединили графическое представление соотношения четырех видо-временных форм английского глагола со статистикой по прототипическим контекстам с адвербиальными маркерами на Рис. 1.

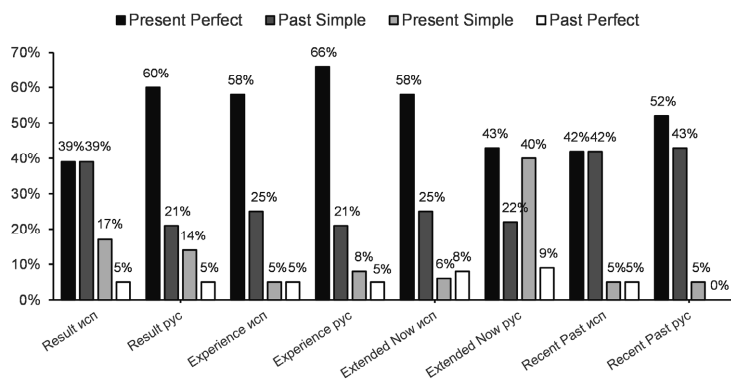

Рис. 1. Использование 4 разных английских времен в 4 типичных для времени Present Perfect контекстах с маркерами времени Present Perfect в испанском и русском учебных корпусах

На рисунке 1 в выборе другого времени вместо формы Present Perfect в контекстах, содержащих маркеры времени Present Perfect, наблюдается больше сходства, нежели отличий, между носителями двух родных языков — русского и испанского. В контекстах со значением опыта в прошлом, не определенного во времени (Experience), обе группы изучающих преимущественно, примерно в 2/3 случаев, показывают умение использовать время Present Perfect, но примерно в четверти таких контекстов у обеих групп зафиксировано употребление простого прошедшего времени (Past Simple). Примерно такая же картина представлена в русском корпусе для контекстов со значением результата (Result) и в испанском корпусе в контекстах со значением действия, продолжающегося из прошлого в настоящее (Extended-Now). Однако в этих двух контекстах ситуация с использованием другого времени, а не Present Perfect, авторами с другим родным языком существенно отличается, а именно: испаноязычные студенты в той же мере, что и требуемые формы Present Perfect, используют формы простого прошедшего времени в предложениях со значением результата действия к настоящему моменту (Result), а русскоязычные студенты в той же степени, что и требуемые формы времени Present Perfect, употребляют формы настоящего простого времени (Present Simple) в описании действия, продолжающегося из прошлого в настоящее (Extended-Now). Поскольку этот контекст единственный, в котором русский эквивалент стандартно выражен формой рус-

ского настоящего времени, то это наблюдение оказывается весьма важным как кандидат на случай влияния родного языка на усвоение формы иностранного. Отметим также сходство между рассматриваемыми группами изучающих английский в предложениях о недавнем прошлом (Recent Past) — обе группы в равной мере используют как требуемые формы Present Perfect (русскоязычные авторы даже в половине случаев), так и ошибочную для данного контекста форму простого прошедшего времени. Формы перфекта прошедшего времени в обоих корпусах в контекстах с обстоятельственными маркерами Present Perfect были единичными, но были включены в описание результатов, поскольку в отличие от прочих единичных употреблений (прогнессива настоящего и прошедшего времени) формы Past Perfect оказались представленными в текстах русского и испанского во всех прототипических контекстах времени Present Perfect.

5. Соотнесение английского времени Present Perfect с глагольными формами родных языков авторов учебных текстов, изучающих английский язык

5.1 Соотнесение употребления времени Present Perfect в английском языке с употреблением глагольных форм русского языка — переводных эквивалентов английского Present Perfect

Глагольная парадигма в русском языке включает формы настоящего, прошедшего и будущего времени, и для подавляющего большинства глаголов эти времена сочетаются с категорией вида — совершенного или несовершенного. Поскольку данная работа затрагивает значение глагольного вида только косвенно, охарактеризуем видовые соотношения в русской глагольной системе в самом кратком виде — например, так, как они определены в работе (Wade 2002: 119): формы несовершенного вида передают значение неоконченного или повторяемого действия, а формы совершенного вида — единичного законченного действия, которое при сочетании со значением прошедшего времени часто используется с указанием на время действия в прошлом — в полной противоположности английскому Present Perfect. Как указал Бернард Комри (Comrie 1976: 54), из всех форм русской парадигмы имеется лишь одно употребление, формально похожее на форму Present Perfect — употреб-

ление вспомогательного глагола *быть* в прошедшем времени с кратким страдательным причастием прошедшего времени, при том, что, во-первых, форма настоящего времени вспомогательного глагола в современном русском языке не допускается вовсе, и, во-вторых, имеется несколько сложных правил, когда форма прошедшего времени вспомогательного глагола может опускаться — как в следующих контекстах:

- (14) *Дом построен в прошлом году.*
- (15) *Дом был построен в прошлом году.*
- (16) *Дом уже построен.*

Именно эту конструкцию Комри охарактеризовал как соответствующую английскому перфектному виду, несмотря на то что английские формы Present Perfect не совместимы с указаниями на время в прошлом, а русские конструкции такого рода регулярно используются вместе с временными указаниями. Так что кажется вполне вероятным влияние выбора данной русской конструкции по крайней мере для контекстов, требующих пассивных форм глагола, и как следствие — способность этой русской конструкции использоваться вместе с указанием на время действия в прошлом ошибочно переносится на английскую форму Present Perfect.

Еще одно проявление интерференции с родным языком, отмеченное выше в разделе 4.3, — это почти исключительное использование формы настоящего времени в русском языке в контекстах типа Extended-now, как, например:

- (17) *Он учит английский с раннего детства.*
- (18) *Он уже давно свободно говорит на английском.*
- (19) *Он уже три года живет в Англии.*

В контекстах прошлого опыта (Experience) русским эквивалентом является форма несовершенного вида прошедшего времени, как в контексте *Я смотрел этот фильм дважды*. В работе Davudova 2011 отмечается, что в соответствии с этим выбором в русском, русскоязычные изучающие английский язык часто в этих контекстах используют простое прошедшее время (Past Simple) вместо времени Present Perfect. В испанском, напротив, в таких контекстах предписывается использовать испанский эквивалент английского Present Perfect — а именно, время Pretérito (perfecto) compuesto — см. пример (20), что должно облегчать освоение английского Present Perfect носителям испанского языка.

- (20) *El autor de este drama no ha estado nunca en esta ciudad.* 'Автор этой драмы никогда не бывал в этом городе.' (пример из Lavid et al., 2010: 403)

Еще одна особенность отличает русскую глагольную парадигму — в ней отсутствует противопоставление между недавним и давним прошедшим, как показывают контексты *Я недавно видел своего друга* и *Я видел своего друга месяц назад*. Следствием этой особенности являются нарушения двух типов в использовании формы Present Perfect русскоязычными изучающими — как использование Present Perfect для действия вместе с описанием его времени в прошлом, так и использование времени Past simple с обстоятельством времени *recently*, которое является маркером Present Perfect.

И наконец, имеется еще одно обстоятельство, которое может служить одним из факторов, приводящих к ошибочному выбору времени Present Perfect в контекстах, требующих использования простого прошедшего времени, русскоязычными изучающими. Мы отметили в разделе, посвященном описанию корпусов, что в экзаменационном эссе студенты должны придерживаться конвенций академического письма. Однако в некоторых отношениях конвенции академического регистра в родном языке также могут привести к появлению ошибок в выборе видо-временной формы. Так, нетрудно найти во многих академических текстах на русском языке формы русского настоящего времени для обозначения действия в прошлом, указание на время действия содержится либо в том же предложении в других его частях, либо в соседних предложениях про тот же период, при этом другие действия того же периода представлены в форме прошедшего времени. Так, в примере (21) в одном ряду повествования о событиях 1938 года используются глаголы то в форме прошедшего времени (выделены жирным шрифтом), то в форме настоящего времени (выделены курсивом и жирным шрифтом):

- (21) После аншлюса Австрии в марте 1938 года Генлейн **прибыл** в Берлин, где **получил** инструкции по дальнейшим действиям. В апреле его партия *принимает* так называемую Карлсбадскую программу, содержащую требования автономии. В мае генлейновцы *активизируют* прогерманскую пропаганду, *выдвигают* требование о проведении референдума по присоединению Судетских земель к Германии и на 22 мая, — день муниципальных выборов, — *подготавливают* путч, с тем чтобы превратить эти выборы в пле-

бисцит. Одновременно **проводилось** выдвижение частей Вермахта к чехословацкой границе⁹.

Нет сомнений, что такая черта русского академического дискурса не может не снижать уровень запрета на использование форм времени Present Perfect совместно с указанием на время действия в прошлом в английском языке в процессе усвоения этого времени носителями русского языка.

5.2. Соотнесение использования английского времени Present Perfect с использованием некоторых глагольных форм испанского языка

В испанском языке имеется форма, структурно и — как утверждается в (González & Quintana Hernández 2018: 615) — узусно аналогичная английскому Present Perfect — это комбинация вспомогательного глагола *haber* с причастием прошедшего времени основного глагола, которую принято называть Pretérito (perfecto) compuesto. Данная форма испанской глагольной парадигмы используется чаще всего в контексте результата к моменту речи — пример (22) и в контексте действия, продолжающегося в момент речи, как в примере (23):

(22) *He comido hoy*. ‘Я ел сегодня’.

(23) *No he dormido en toda la semana*. ‘Я не спал уже неделю’.

Особенности испанского Pretérito (perfecto) compuesto находились в фокусе пристального рассмотрения целого ряда лингвистов (Comrie 1976, Lehmann 1982, Dahl 1985, Klein 1992, Bybee et al. 1994, Schwenter 1994, Dahl & Hedin 2000, Lindstedt 2000, Squartini & Bertinetto 2000, Copple 2009). В грамматике *Nueva gramática de la lengua española* (Real Academia Española 2009) испанское время Pretérito (perfecto) compuesto определяется как «абсолютное» время, поскольку оно имеет соотношение с моментом речи. Это время имеет два основных использования — для обозначения некоторого предшествовавшего моменту речи действия, релевантного для настоящего момента (его так и называют — перфект предшествовавшего опыта или релевантного действия), как в примере (24), и для описания действия из недавнего прошлого, возможно, повторяющегося и в момент речи или в будущем — как в примере (25).

⁹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Мюнхенское_соглашение.

(24) *Ha sufrido mucho en la vida*. ‘Он(а) много страдал(а) в своей жизни’.

(25) *Arturo ha estado tres veces en Santiago en el último año*. ‘Артуро бывал в Сантьяго трижды в этом году’.

Современные описания отмечают, что эти прототипические контексты имеют некоторую диалектную вариативность, в которой форма испанского Pretérito (perfecto) compuesto может быть заменена формой простого прошедшего времени.

Как продемонстрировано в работе Gorbova 2015, испанские формы Pretérito (perfecto) compuesto все больше используются совместно с указаниями времени действия в разговоре о цепочке действий в прошлом, что, по мнению исследователя, свидетельствует о процессе грамматикализации, известной в лингвистике под названием aoristic drift — как он определен в работе Squartini & Bertinetto 2000: 404. По существу, речь идет об использовании этого времени в качестве связующего звена между прошлым и настоящим. Об этом также имеется рассуждение в работе Michaelis 1978: 10. В исследовании Е.Горбовой (Gorbova 2015) содержится еще один вывод, а именно: чем дальше от момента речи время действия, которое должна передавать глагольная форма, тем с меньшей вероятностью форма Pretérito (perfecto) compuesto будет считаться нормативной для испанского языка. Такие обозначения времени, как *hace una hora* ‘час назад’ или *hace un momento* ‘минуту назад’ стандартно сочетаются с формой Pretérito (perfecto) compuesto, в то время как *la semana pasada* ‘на прошлой неделе’ реже встречается с формой Pretérito (perfecto) compuesto, а *hace 10 años* ‘десять лет тому назад’ едва ли появится вместе с этой глагольной формой. Напротив, вопросительное слово *cuándo* ‘когда’ рутинно вводит вопрос с формой Pretérito (perfecto) compuesto — *¿Cuándo has llegado?* ‘Когда ты приехал(а)?’ — что, по мнению автора, вероятно, объясняется тем, что природа вопроса в сознании носителей испанского языка твердо ассоциируется с понятием «новизны, о которой стоит говорить». Значение недавнего времени действия весьма варьирует в продукции носителей: так, действие типа *llamar a la puerta* ‘постучать в дверь, нажать звонок’ считается недавним на протяжении нескольких часов после того, как оно имело место, и трудно найти ситуацию, в которой носитель испанского использует его в сочетании с Pretérito (perfecto) compuesto на следующий день после того, как действие произошло. В противоположность этому выражению, такое действие, как *publicar un libro* ‘издать книгу’, может считаться недавним дейст-

вием на протяжении гораздо более длительного срока. Таким образом, испанский *Pretérito (perfecto) compuesto* и испанское прошедшее время (*pretérito perfecto simple*) имеют общую когнитивную составляющую — соотношение с прошлым, и по этой причине могут в равной мере встречаться в одних и тех же контекстах, подтверждая вывод работы Davydova 2011: 50. Некоторые исследователи — например, в работе Harris 1982: 55 — подчеркивают субъективный характер соотношенности испанского *Pretérito (perfecto) compuesto* с настоящим моментом в сознании носителей испанского языка. В таком случае путаница при изучении употребления английского *Present Perfect* испанцами не вызывает удивления.

6. Обсуждение результатов

Описанное выше использование форм английского времени *Present Perfect* в корпусах текстов русскоязычных и испаноязычных студентов программ университетского бакалавриата должны послужить строительным материалом для более широких исследований процессов освоения нового языка, поскольку контрапозиция таких двух родных языков, как испанский и русский, представляет большой интерес для анализа возможных процессов интерференции между осваиваемым и родным языками: в структуре глагола одного языка (русского) отсутствует видо-временная форма, которую можно было бы считать парадигматическим эквивалентом английского *Present Perfect*, в то время как испанская глагольная парадигма содержит форму *Pretérito (perfecto) compuesto*, идентичную соответствующей английской форме этого времени, одновременно с еще одним претендентом на роль эквивалента — *Pretérito perfecto simple*.

В ответе на первый исследовательский вопрос о том, кто больше использует формы *Present Perfect* в своих экзаменационных эссе на английском языке — русские или испанские студенты, приведенные данные позволяют утверждать, что доля форм *Present Perfect* в текстах испанских авторов намного выше доли этого времени в русских текстах. Этот факт представляется подтверждающим наше предположение, что отсутствие прямого эквивалента форме английского времени *Present Perfect* в русской парадигме затрудняет его освоение русскоязычными изучающими. Полученная статистика на материале эссе носителей английского языка, которые можно считать эталоном в использовании форм *Present Perfect*, и эссе испанских студентов, обучающихся в про-

грамме *English Studies*, приводит нас к выводу, что испанские студенты используют формы *Present Perfect* намного чаще, чем носители английского языка. Это наблюдение дает основание подозревать, что избыточная частотность употребления форм *Present Perfect* в испанском корпусе может быть признаком системного ошибочного выбора формы *Present Perfect* вместо требуемых нормами английской грамматики других времен английской глагольной парадигмы. В наблюдении за процессом освоения глагольных явлений, близких к имеющимся в родном языке изучающих, похожий вывод в отношении различий в частотности использования осваиваемой формы сделан в работе Fuchs et al. 2016: 248–249.

Второй вопрос нашего исследования касался освоения изучающими четырех контекстов, требующих употребления формы *Present Perfect*. Наши наблюдения показали, что у двух групп изучающих процессы освоения четырех контекстов происходят очень похоже — чаще всего они используют формы *Present Perfect*, говоря о результате действия к моменту речи, причем испанские авторы приближаются в этом отношении к уровню носителей языка, а русскоязычные изучающие показывают уровень значительно ниже, но все равно больше половины их использований времени *Present Perfect* приходится на этот контекст. Вторым по частотности является для обеих групп изучающих контекст со значением действия, продолжающегося из прошлого в настоящее (*Extended-now*), и русские авторы употребляют формы *Present Perfect* в этом значении в полтора раза чаще испанских, и при этом совсем не намного чаще, чем носители языка.

Ответ на вопрос о распределении ошибок в использовании форм *Present Perfect* между двумя группами изучающих представлен в двух разных сферах наблюдений — в анализе ошибочного выбора формы *Present Perfect* в контекстах, где требуются другие видо-временные формы, и в анализе отсутствия формы *Present Perfect* там, где она должна использоваться. Обе группы изучающих, с родным русским и с родным испанским языком, допускают с примерно одинаковой частотностью ошибки первого рода, с небольшим перевесом у испанских студентов. В то же время в контекстах, где следует употребить форму времени *Present Perfect*, русскоязычные авторы чаще выбирают одно время — простое настоящее (*Present simple*), а испаноязычные изучающие чаще, чем русскоязычные, используют форму простого прошедшего времени (*Past simple*). Обе тенденции отмечались в литературе SLA раньше как пример двойственной операциональности времени *Present Perfect* в сочетании

с обстоятельственными конструкциями (например, Bardovi-Harlig 1997: 376). Исследователи отмечали также, что в возникновении ошибочных представлений о нормах использования формы Present Perfect играет роль также довольно поздний срок ознакомления изучающих с различиями в употреблении двух времен — Present Perfect и простого прошедшего (Klein 1995: 47; Housen 2002a: 163; Odlin & Alonso Vázquez 2006: 54). Кроме того, имеющиеся в корпусе тексты русских студентов демонстрируют такое значительное число и такую последовательность ошибочных употреблений форм Present Perfect вместо простого прошедшего времени при очень высоком уровне английского языка во всех прочих отношениях, что возникает подозрение, что это невозможно объяснить чем-то другим, кроме как влиянием конвенций русского академического дискурса, отличных от соответствующих английских конвенций. В первую очередь я имею в виду влияние такой черты русских академических текстов, как возможность использования в одном высказывании указания на время действия в прошлом при использовании формы настоящего времени для передачи этого действия при описании событий в прошлом. Пример (21) выше не представляет собой контекст, про который носители русского языка могут спорить в отношении правильности употребления форм настоящего и прошедшего времени — такие переходы между двумя указанными формами абсолютно допустимы, причем как в регистре академического дискурса, так и в нарративе в ежедневной речи.

В заключение я хочу привести цитату из книги Джима Сквивнера «Учиться учить» (Scrivener 2005), которую я услышала от него на конференции в 2006 году и записала себе по-русски: «Когда изучают новое грамматическое явление, изучающих надо сподвигать работать, как работают исследователи в лаборатории: пусть они проводят эксперименты, чтобы увидеть и охарактеризовать важные отличия между изучаемым языком и родным в отношении данного явления». От себя добавлю — я знаю такого исследователя, так работает и так обучает своих студентов Вера Исааковна Подлеская.

Литература

- Bardovi-Harlig, K. 1997. Another piece of puzzle: The emergence of Present Perfect. *Language Learning* 47(3). 375–422.
- Bardovi-Harlig, K. 2000. The emergence of verbal morphology. *Language Learning* 50(1s). 93–190.

- Biber, D, Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. & Finegan, E. 1999. *Longman grammar of spoken and written English*. Harlow: Longman.
- Bulut, T. 2011. The licensing of the English Present Perfect tense by Turkish adults. *International Journal of Humanities and Social Science* 1(15). 221–227.
- Bybee, J. L., Perkins, R. & Pagliuca, W. 1994. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Collins, L. 2002. The roles of L1 influence and lexical aspect in the acquisition of temporal morphology. *Language Learning* 52(1). 43–94.
- Comrie, B. 1976. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Copple, M. T. 2009. *A diachronic study of the Spanish perfect(ive): Tracking the constraints on a grammaticalizing construction*. New Mexico: The University of New Mexico.
- Dahl, Ö. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl, Ö. and Hedin, E. 2000. Current relevance and event reference. In Östen Dahl (ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology*, 20–26. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Davydova, J. 2011. *The Present Perfect in non-native Englishes. A corpus-based study of variation*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Eriksson, A. 2008. *Tense and aspect in advanced Swedish learners' written English*. Göteborg: University of Göteborg.
- Fenn, P. 1987. *A semantic and pragmatic examination of the English Perfect*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Fuchs, R, Götz, S. and Werner, V. 2016. The Present Perfect in learner Englishes: A corpus-based case study on L1 German intermediate and advanced speech and writing. In Valentin Werner, Elena Seoane and Cristina Suárez-Gómez (eds.), *Re-assessing the Present Perfect*, 297–338. Berlin: Walter de Gruyter.
- Gorbova, E. 2015. Problems of the Spanish Perfect. *Acta Linguistica Petropolitana* V(XI, 1). 125–164.
- González, P. & Quintana Hernández, L. 2018. Inherent aspect and L1 transfer in the L2 acquisition of Spanish grammatical aspect. *The Modern Language Journal* 102. 611–625.
- Harris, M. 1982. The 'past simple' and the 'present perfect' in Romance. In Martin Harris and Nigel Vincent (eds.), *Studies in the Romance verb*, 42–70. London: Croom Helm.
- Honnibal et al. 2020 — Honnibal, M., Montani, L., Van Landeghem, S., & Boyd, A. (2020). spaCy: Industrial-strength Natural Language Processing in Python (электронный документ). <https://doi.org/10.5281/zenodo.1212303>. 2020.
- Housen, A. 2002a. The development of tense-aspect in English as Second Language and the variable influence of inherent aspect. In Rafael Salaberry and Yasu-

- hiro Shirai (eds.), *The L2 acquisition of tense-aspect morphology*, 155–197. Amsterdam: John Benjamins.
- Housen A. 2002b. A corpus-based study of the L2-acquisition of the English verb system. In Sylviane Granger, Joseph Hung and Stephanie Petch-Tyson (eds.), *Computer learner corpora, Second Language Acquisition and Foreign Language Teaching*, 76–116. Amsterdam: John Benjamins.
- Huddleston, R. and Pullum, G. K. 2002. *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klein, W. 1992. The Present Perfect puzzle. *Language* 68(3). 525–552.
- Klein, W. 1995. The acquisition of English. In Colette Noyau, Wolfgang Klein and Rainer Dietrich (eds.), *The acquisition of temporality in a second language*, 31–70. Amsterdam: John Benjamins.
- Lavid, J., Arús, J. & Zamorano-Mansilla, J.R. 2010. *Systemic Functional Grammar of Spanish: A contrastive study with English*. London: Bloomsbury.
- Lehmann, C. 1982. *Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch*. Cologne: Institut für Sprachwissenschaft Universität.
- Lindstedt, J. 2000. The perfect — aspectual, temporal and evidential. In Östen Dahl (ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe*, 365–383. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Michaelis, L. 1998. Aspectual grammar and past-time reference. *English Language and Linguistics* 3(2). 353–370.
- Odlin, T. & Alonso-Vazquez, C. 2006. Meanings in search of the perfect form: A look at interlanguage verb phrases. *Rivista di Psicolinguistica Applicata* 6. 53–63.
- Radden, G. and Dirven, R. 2007. *Cognitive English Grammar*. Amsterdam: John Benjamins.
- Real Academia Española. 2009. *Nueva gramática de la lengua española*. Madrid: Espasa.
- Rogatcheva, S. 2014. Aspect in learner writing: A corpus-based comparison of advanced Bulgarian and German learners' written English. Giessen: University of Giessen dissertation.
- Rollinson, P. & Mendikoetxea, A. 2010. Learner corpora and Second Language Acquisition: Introducing WriCLE, 1–12. In Jorge Luis Bueno Alonso et al. (eds.) *Analizar datos > Describir variación / Analysing data > Describing variation*. Vigo: Universidade de Vigo.
- Skala, J. 2018. The Present Perfect Puzzle in US-American English: an FDG Analysis. *Open Linguistics* 4 (1): 608–629, DOI:10.1515/opli-2018-0030
- Scrivener, J. 2005. *Learning teaching*. Oxford: Macmillan.
- Siemund, P. 2004. Substrate, superstate and universal Perfect constructions in Irish English. In Bernd Kortmann (ed.), *Dialectology meets typology: Dialect grammar from a cross-linguistic perspective*, 401–434. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Schwenter, S. A. 1994. The grammaticalization of an anterior in progress: Evidence from a Peninsular Spanish dialect. *Studies in Language* 18 (1), 71–111.

- Squartini, M. & Bertinetto, P.-M. 2000. The Simple and Compound Past in Romance languages. In Östen Dahl (ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology*, 20–62. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Tagliamonte, S. 2000. The grammaticalization of the Present Perfect in English. In Olga Fischer, Anette Rosenbach and Dieter Stein (eds.), *Pathways of change. Grammaticalization in English*, 329–354. Amsterdam: John Benjamins.
- van der Wurff, W. 1999. Some observations on the Present Perfect puzzle in pedagogical grammars of English. In Guy A. J. Tops, Betty Devriendt and Steven Geuikens (eds.), *Thinking English grammar*, 471–484. Leuven: Peeters.
- Vinogradova, O. 2019. To automated generation of test questions on the basis of error annotations in EFL essays: A time-saving tool? In Sandra Götz and Joybrato Mukherjee (eds.), *Learner corpora and language teaching*, 29–48. Amsterdam: John Benjamins.
- Vinogradova, O. & Lyashevskaya, O. 2022. Review of Practices of Collecting and Annotating Texts in the Learner Corpus REALEC. In *Text, Speech, and Dialogue: 25th International Conference, TSD 2022, Brno, Czech Republic, September 6–9, 2022, Proceedings*. Cham: Springer International Publishing, 77–88.
- Wade, T. 2002. *The Oxford Russian grammar and verbs*. Oxford: Oxford University Press.
- Winford, D. 1993. Variability in the use of perfect *have* in Trinidadian English: A problem of categorical and semantic mismatch. *Language Variation and Change* 5. 141–188.

RUSSIAN COMPLEMENT CLAUSES AS INFORMATION STRUCTURE MARKERS: TOPICALIZATION AS A TRIGGER FOR SEMANTIC AND SYNTACTIC CHANGES

Alexander Letuchiy

(HSE University / Vinogradov Russian Language Institute)
alexander.letuchiy@gmail.com

This article focuses on the special use of Russian complement clauses. In this use, clauses with complementizers and infinitive clauses are used as information structure markers — topicalizers. The fact that the clause is marked by the subordination marker serves to point to its status as a topic that is not a part of the main assertion. I show that in the topicalized use, the main complement clauses types lose their main property: the tight link to the matrix predicate and combinational restrictions on the matrix predicate class. The second — syntactically main — part of the sentence often either does not contain a matrix verb or contains a verb incompatible with the given type of complement. The emergence of the topicalized uses is explicable but not reducible to the properties of complement clauses. In fact, the topic position is not characteristic of complement clauses. However, the subordinate clause is topicalized due to the fact that complement clauses — just as topics — usually do not constitute the main assertion. I consider three complement clause types: with infinitive, the markers *čto* and *čtoby* — and show that the particularities of each complement clause type are reflected in its behavior as a topicalizer.

1. Предисловие

Когда я учился на четвертом курсе в нашем Институте лингвистики РГГУ, Вера Исааковна читала у нас спецкурс «Типология полипредикативных конструкций». Хотя это был курс по выбору и слушали его только желающие, для меня это был один из самых интересных курсов за всё время обучения. При этом в то время я считал, что сам не буду заниматься полипредикативными конструкциями — меня интересовали совсем другие темы.

Однако, наверное, не случайно, что позже я все-таки свернул именно к этой области. Никто не знает, как все повернётся через несколько лет, но такие учителя, как Вера Исааковна, всегда влияют на твой выбор, даже если ты не осознаешь этого сразу.

2. Introduction

Russian has a rich system of complementizers. It includes the real complementizer *čto*, the irreal *čtoby*, and the infinitive as the third element. However, the system also contains some peripheral complementizers, such as *kak by* (the apprehensive complementizer with verbs like *bojat'sja* 'be afraid' and *sledit'* 'watch out'); *kogda* 'when' and *esli* 'if' used as complementizers with factive verbs in unreal contexts; the immediate perception complementizer *kak*, and so on. The Russian system appears to be richer than its counterparts in West Slavic and South Slavic relatives (see Hansen et al. 2016 for the sketch of the Slavic complementizer system).

This paper focuses on cases where complement clauses are left-dislocated and are topics, while the second part constitutes a focus. Their principal feature is that the second part of the sentence either contains no matrix predicate or this predicate is incompatible with the given complementation strategy in the canonical use.

Note that Rizzi (1997) points to the relevance of information structure for the syntax. However, research of topicalized phrases mainly concerns nominal arguments and rarely takes into account the behavior of complement clauses.

I will briefly describe constructions with three types of complement clauses in the topic position: infinitive complements (Section 3), complements with the complementizers *čtoby* (Section 4) and *čto* (Section 5). In the last sections, I will analyze some relevant properties of topicalized complement clauses.

3. Infinitive in the topic position

Infinitive complements are often found in the leftmost position of the sentence, before the main clause. In those cases, infinitive is usually a topic. As Diessel and Schmidtke-Bode (2017) show, infinitive allows left dislocation and other dislocation types easier than any type of finite complement clauses. Some of these left-dislocated infinitive constructions differ from postposed infinitives only by the linear position, but others get specific properties that usual postposed infinitives lack.¹

¹ It should also be noted that in most examples, the topicalization is supported by the use of anaphoric elements, such as *eto* 'this', *tak* 'so', or *takoe* 'such'. This may prove that the topicalized clause is not in fact an argument of the matrix verb, while the anaphoric element is really an argument. However, I will not discuss it here in detail.

In (1), the infinitive clause can be regarded as a left-dislocated complement clause of the matrix verb *xotet'* 'want', which also takes infinitive complements in the regular position after the matrix verb. Another type of use is found in examples like (2) and (3), where infinitive clauses participate in copula constructions.

- (1) *Ssori-t'-sja, èt-ogo ja ne xoč-u.*
 quarrel-INF-REFL this-N.SG.GEN I.NOM NEG want-PRS.1SG
 'I do not want this, to quarrel.'
- (2) *A pi-t' èt-o ot lukav-ogo.*
 and drink-INF this-N.SG.NOM from devil-SG.GEN
 'And to drink, it is from the devil.' (<https://www.ridus.ru/kadyrov-predložil-vvesti-v-rossii--suhoj-zakon--5534.html>)
- (3) *Sudi-t'-sja èt-o kogda est' kak-ie-nibud' somnenij-a.*
 sue-INF-REFL this-N.SG.NOM when be.PRS.3SG some-PL.NOM doubt-PL.NOM
 'Suing is for cases when there are some doubts.' (Andrei Volos. Nedvižimost')

The specific nature of topicalized left-dislocated infinitives is shown in example (4a). In this example, the second part contains a complement-taking predicate, but it is a verb *ponimat'* 'understand' that is normally incompatible with infinitive complements. This is also the case with the matrix verb *odobrjat'* 'approve' in the second part of (4b).

- (4) a. *A už na detsk-ie_ploščadk-i žalova-t'-sja*
 and PART on playground-PL.ACC complain-INF-REFL
èt-o ja ne ponimaj-u.
 this-N.SG.ACC I.NOM NEG understand-PRS.1SG
 'And to complain about playgrounds — I don't understand it.'
 (<https://lubernet.ru/id/19/show/posts/sid/17329/page/1/>)
- (4) b. *Opozda-t' i podves-ti druž-ej*
 be.late-INF and let.down-INF friend-PL.ACC
tak-ogo ja ne odobraj-u.
 such-N.SG.ACC I.NOM NEG approve-PRS.1SG
 'I do not like it: to be late and to let your friends down — I do not like it.'

The special property of infinitive topics is that they denote a **generalized situation**, something like a label of the situation. This generalized use is sometimes observed for infinitive in the usual position but becomes the main

one in the topic position. Note that the topicalized infinitive construction does not fall into the class of standard constructions with PRO, controlled from the matrix clause, because no plausible controller of the null infinitive subject can be found in (4a) and (4b).

4. *Čtoby* in the topic position

The complementizer *čtoby* has a discourse use different from the use of infinitive. While the latter mainly denotes a generic action, *čtoby* has an additional modal flavor. Its meaning in the topic position can be termed 'generic hypothetical situation': not only it denotes a generic type of situations, the truth value of the proposition is discussed: the situation can be either realized or remain unreal.

- (5) ['There are plenty of beautiful and famous people I know.']
No vot tak čtoby vzja-t' i upas-t' u menja tak-ix net.
 but PART so to take-INF and fall-INF at I.GEN such-PL.GEN no
 'But there are no people which would make me fall [i.e., to be completely fond of them].'
 (<https://www.woman.ru/beauty/medley2/thread/5301845/>)

In (5), the situation 'fall' is not simply generic, but also taken to be unreal: it is introduced in the topic, and then shown to be false in the second part of the sentence.

Again, some of topicalized uses of *čtoby* cannot be regarded as a left-dislocated complement clause: for instance, (6) is hardly possible if the complement clause is postposed, as in (6'), because *čtoby* in the topic use can be used even with predicates and constructions that do not take this complementizer in the regular postpositive position.

- (6) *No vot čtoby cel-uju knig-u ses-t' i počita-t' ne*
 but PART COMP whole-F.SG.ACC book-SG.ACC sit-INF and read-INF NEG
bud-et emu daže v golov-u ne prihod-it èt-a mysl'-Ø.
 be-FUT.3SG he.DAT even in head-SG.ACC NEG come-PRS.3SG this-F.SG.NOM idea-SG.NOM
 'But to sit down and to read the whole book — he will not, he does not even have this idea.' [КОЛЛЕКТИВНЫЙ. Чтение книг и 7-летний ребенок (2015.01.20)]
- (6') **On ne bud-et čtoby cel-uju knig-u počita-t'.*
 he.NOM NEG be-FUT.3SG COMP whole-F.SG.ACC book-SG.ACC read-INF
 Intended: 'He will not for / to read the whole book.'

- (7) *No vot čtoby kak Ruslik-Ø vygryza-t' iz mirozdanij-a*
 but PART COMP like Ruslik-SG.NOM snatch-INF from fate-SG.GEN
neponjatno kak-oe blagopoluči-e — net!
 incomprehensible which-N.SG.ACC wealth-SG.ACC no
 'But to snatch from the fate some wealth of an unclear type, as Ruslik does — no!' [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015]
- (8) *No vot čtoby menja presledova-l-ø strax-ø smert-i*
 but PART COMP I.ACC chase-PST-M.SG fear-SG.NOM death-SG.GEN
ët-ogo net.
 this-N.SG.GEN no
 'But that I suffer from the fear of death — no, that's not true.' [Галина Волчек. «Верю во взаимность во всем, не только в любви» // «Огонек», 2013]
- (9) *No vot čtoby on tak lopnu-l-Ø čto cen-a*
 but PRT COMP he.NOM so burst-PST-M.SG COMP price-SG.NOM
upa-l-a niže 50 dollar-ov ob ët-om
 fall-PST-F.SG lower 50 dollar-PL.GEN about this-N.SG.LOC
ëkspert-y predpočita-l-i ne дума-t'.
 expert-PL.NOM prefer-PST-PL NEG think-INF
 'But that it will burst, so that the price will fall under 50 dollars... the experts preferred not even to think about it.'

4.1. Reality and polarity

In most cases, the polarity of the *čtoby*-clause is affirmative, while the main clause is negative. This allows to regard the topicalized clause with *čtoby* as a type of irrealis marking. The structure is as follows: first, the hypothetical situation is marked in the clause with *čtoby*; second, the possibility of the situation is denied. This is why the second part often contains either the negation marker *ne* or the negative form of the verb *byt' 'be' net*: a frequent meaning of the construction is a pure denial of existence, not the irrealis of a particular situation.

The negation is not always overt — in examples like (10)², a covert negation is used: without a second part, the *čtoby*-construction looks like a surprise expression, but in the full form, it would contain something like *nevero-jatno* 'unbelievable', *vrjad li* 'hardly', and so on.

² Note that (10) is a non-standard example in another respect: its second part is a question, and this makes the truth value of the topicalized proposition doubtful.

- (10) *Kto-to govori-l-Ø emu odnaždy čto na zvezd-ax*
 someone.NOM tell-PST-M.SG he.DAT once COMP on star-PL.LOC
est' žizn'-Ø. No vot čtoby na sam-om neb-e?
 be.PRS.3SG life-SG.NOM but PART COMP on self-SG.LOC sky-SG.LOC
 'Someone has once told him that there may be life on stars. But on the sky itself?'

4.2. Another topicalization pattern: irreal *čtoby*

In another type of constructions with a topicalized *čtoby*-clause, the situation is understood as irreal, but not necessarily impossible. In (11) and (12), the situations denoted by topicalized clauses are hypothetically possible, but their reality is doubted.

- (11) *No vot čtoby Lenjka-a k nemu bol'se ne lez —*
 but PART COMP Lenjka-SG.NOM to he.DAT more NEG bother.PST.M.SG
ët-o by-l-o by da.
 this-N.SG.NOM be-PST-N.SG IRR yes
 'But it would be great if Lenjka did not bother him!' [Андрей Геласимов. Степные боги (2008)]
- (12) *A vot čtoby učitelj-a učastvova-l-i v igr-e*
 and PART COMP teacher-PL.NOM participate-PST-PL in game-LOC
na den'g-i tak-ogo učitelj-a
 on money-PL.ACC such-M.SG.ACC teacher-SG.ACC
ljub-aja by škol-a vygna-l-a.
 any-F.SG.NOM IRR school-SG.NOM dismiss-PST-F.SG
 'Any school at any time would dismiss a teacher who would play with his pupils on money.' [Форум: Обсуждение фильма «Уроки французского» (1978) (2007-2011)]

Contrary to the first type, this type of *čtoby*-construction does not point to the fact that the topicalized situation is not realized. In (11), the situation may come true, and in (12), its reality status is irrelevant: more relevant is that teacher's participation in the game would be condemned.

5. *Čto* in the topic position

Clauses with the complementizer *čto*, with the semantic of real situation, can also be topicalized. For this marker, topicalization also creates a special use

different from the canonical use in the position after the matrix verb. Of course, there are examples where the only difference is in the topic vs. focus status.

(13) *Čto on uxod-it my uže zna-l-i.*
 COMP he.NOM leave-PRS.3SG we.NOM already know-PST-PL
 'That he is leaving, we already knew.'

(14) *My uže zna-l-i čto on uxod-it.*
 we.NOM already know-PST-PL COMP he.NOM leave-PRS.3SG
 'We already knew that he was leaving.'

In examples like (13) and (14), *čto* introduces a clause dependent upon the matrix verb *znali* '(we) knew'. However, there is another use where *čto* functions as a topic marker but is not linked to any matrix verb.

(15) *A čto on p'jan-yj tak mnogo li v èt-u*
 and COMP he.NOM drunk-M.SG.NOM PART many Q in this-F.SG.ACC
noč'-Ø v gorod-e trezv-yx?
 night-SG.ACC in city-SG.LOC sober-PL.GEN
 'He is drunk? But are many people of the city sober this night?'
 (<https://eressea.ru/library/library/usheltsy.shtml>)

(16) *A čto negramotn-yj tak èt-o vopros-Ø*
 and COMP illiteral-M.SG.NOM PART this-N.SG.NOM question-SG.NOM
k ix vnutrenn-emu układ-u.
 to their internal-M.SG.DAT traditions-SG.DAT
 'Yes, he is illiteral, but this results from their traditions.'
 (<https://dpmmax.livejournal.com/648631.html>)

Although the semantic and pragmatic properties of topicalized clauses with *čto* differ from that of *čtoby*, they have much in common. The common feature of two clause types is the semantic or pragmatic conflict between the clauses, the embedded one containing *čto*(*by*) and the postposed main one. In both cases, the content of embedded clause is described as irrelevant or irreal in the second part. However, while in constructions with *čtoby*, the hypothetical situation is marked as impossible and non-realized, with *čto*, the situation is realized but is not important or relevant for the context of conversation. For instance, in (15), the fact that the subject is drunk is not important because everyone drinks. In (16), the fact that the subject is unable to read is prominent and in a sense important but irrelevant for the current topic. While the first part says that he is illiteral, the second part explains his inability to read by the gypsy lifestyle and traditions.

6. Special syntactic properties of the topicalized uses: extension of infinitive use

Both *čto* and *čtoby* have some special syntactic properties in their topicalized uses. One of these properties is extensive use of infinitive. With *čtoby* in the standard use, infinitive is possible, but in purpose constructions rather than in complement clauses. Normally, *čtoby* used as a complementizer is not used with infinitive — in the co-reference contexts, a bare infinitive without a complementizer is used:

(17) *Ja sobiraj-u-s' (*čtoby) uexa-t'.*
 I.NOM be.going.to-PRS.1SG-REFL COMP leave-INF
 'I am going to leave.'

(18) *On prikaza-l-Ø čtoby vs-e spa-l-i / ??vs-em spa-t'.*
 he.NOM order-PST-M.SG COMP all-PL.NOM sleep-PST-PL all-PL.DAT sleep-INF
 'He ordered everyone to go to sleep.'³

By contrast, the use of infinitive with topicalized *čtoby* is possible and does not require co-reference.

(19) *No čtoby materi-t'-sja na rebenk-a, ja s èt-im*
 but COMP curse-INF-REFL on child-SG.ACC I.NOM with this-N.SG.INS
vpervye stolknú-l-a-s'.
 first.time meet-PST-F.SG-REFL
 'But to curse at a child, I saw it for the first time.'
 (<https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=66993560&page=2>)

The complementizer *čto* also takes infinitives when topicalized. Importantly, regular postposed uses of *čto* are incompatible with infinitive. However, its topicalized version takes infinitives.⁴

(20) *a čto narjaža-t'-sja, tak ešče uspej-u, pravo,*
 and COMP dress.up-INF-REFL PART still have.time-PRS.1SG PART

³ It should be mentioned that an addition of the anaphoric element (see footnote 1) may improve the acceptability rate of *čtoby* + infinitive in the argument position.

⁴ The distribution of infinitive vs. indicative patterns still remains unclear. The type of situations described by infinitive complements is not coverable by the features 'non-specific' or 'irreal', because in (22), the situation seems to be both real and specific. This issue is complicated also because the infinitive pattern is rather rare.

na svo-em vek-u.
on own-M.SG.LOC life-SG.LOC

'... and what concerns dressing up, I will have time to do it.' [К. А. Березкин. Дневник (1949)]

- (21) *A čto isceli-t', tak legko možno. Želtizn-a v glaz-ax mal-aja, opasn-ogo net.*
and COMP cure-INF PART easily possible yellowness-SG.NOM in eye-PL.LOC small-F.SG.NOM dangerous-N.SG.GEN NEG
'And to cure him is easy. His eyes is only a little bit yellow, there is nothing dangerous about it.' [А. Е. Зарин. Двоевластие (1912)]

- (22) *a čto ruga-t' tak ix brat-a teper' vezde rugaj-ut.*
and COMP scold-INF PART their brother-SG.ACC now everywhere scold-PRS.3PL
'... and what concerns scolding, people like he are now scolded everywhere.' [Н. С. Лесков. Бесстыдник (1869)]

These facts show that the topicalized use of *čto* is more different from the standard one than the topicalized use of *čtoby*. As mentioned, *čtoby* hosts infinitives in another type of use, namely, when marking purpose:

- (23) *Ona priexa-l-a čtoby poigra-t' v kart-y.*
she.NOM come-PST-F.SG in.order.to play-INF in card-PL.ACC
'She came to play cards.'

By contrast, *čto* normally is incompatible with infinitives. In (20)–(22), this complementizer is used as a pure topicalizer and almost entirely lacks a complementizer function.

At the same time, in many examples, the extended use of both complementizers with infinitives shows special referential properties of the topicalized clause. It often denotes a generalized situation, the type of situation, such as 'offend the child', but not the specific situation. Infinitive is used here not as a co-reference marker, but as a general label of the situation, in cases when the specific place, time and participants of the situation are irrelevant.

7. Why are rules not strict for topicalized complements?

The general tendency, thus, is that in the leftmost topic position, complement clauses can violate the general rules of their use. For instance, they are com-

bined with predicates that are normally incompatible with the particular complement type or exist even without a matrix predicate.

This possibility of rule violation results from the very nature of unlinked topics, as described by Lambrecht (2001). In fact, complement clause in this position are syntactically not complements of the verb in the second part of the sentence, though linked to it in the semantic respect.

Importantly, it may be noted that in many of examples listed above, such as (4) and (8), topicalized complement clauses are further supported by the use of pronominal elements like *ětot* 'this' or *takoj* 'such'. In those cases, pronouns, and not complement clauses, really occupy the argument position in the matrix predicate argument structure. At the same time, examples lacking a pronominal element, such as (6), are also found. In any case, the syntactic link between a topicalized complement clause and the matrix predicate is looser than in the standard complementation structure. This fact creates a possibility of violation of the selective restrictions imposed by matrix predicate. This, in turn, results in a change of functions of complement clause markers (the infinitive form and complementizers), which mainly denote semantic features (the reality status and the relevance degree) of the situation itself, and not the type of syntactic relation and head — dependent correspondence.

8. Special uses or simply effects of position?

The peculiarities of the topicalized uses call for a question related to the status of this uses. Should what we describe be regarded as constructions with topicalized complement clauses — with some peculiar features — or a special semantic use of complement clauses?

The answer is different for infinitive clauses and for clauses marked with complementizers. For infinitive, topicalization does not result in the emergence of a special use. It rather simply makes restrictions on infinitive complements less strict but does not change the core properties of these complements.

By contrast, for *čtoby* and, especially, for *čto*, topicalization leads to formation of special uses, which are not reducible to general features of these complementizers. For instance, the generic hypothetical semantics of left-dislocated *čtoby*-complements do not correspond to any regular use of *čtoby* in the position after the matrix predicate. Similarly, *čto* in examples like (15)–(16) and (20)–(22), where it denotes a situation which is considered relevant but

then shown to be irrelevant, is not similar to regular uses of *čto* outside the topicalization context.

9. The source of non-standard uses

The source of topicalized uses may be different for *čto* and *čtoby*. For *čtoby*, the source are non-specific uses like (24):

- (24) *Ne by-l-o tak-ogo čtoby on mnogo cita-l-Ø.*
 NEG be-PST-N.SG such-N.SG.GEN COMP he.NOM much read-PST-M.SG
 'There were no cases when he read much.'

These uses are, in turn, similar to 'irreal' uses of *čtoby* described by Dobrushina (2016) and others. They are mainly compatible with negation contexts:

- (25) *Ne dumaj-u čtoby on zaboле-l-Ø.*
 NEG think-PRS.1SG COMP he.NOM fall.ill-PST-M.SG
 'I don't think he fell ill.'

Some irreal *čtoby*-clauses can easily be left-dislocated, as in (26)–(28), which is not characteristic of another use of *čtoby*, the 'purpose' one observed with verbs like *xotet'* 'want' in (29) (verbs like *prikazat'* 'order', *predupredit'* 'warn' or *potrebovat'* 'demand, require' host the same type of *čtoby*-clauses):

- (26) *Čtoby menja nakazyva-l-i remn-em ja ne pomnj-u.*
 COMP I.ACC punish-PST-PL belt-SG.INS I.NOM NEG remember-PRS.1SG
 'I do not remember my parents to hit me with a belt.' [Андрей Гаврюшенко, Эльвира Савкина. «В детстве я хотел быть царем» // «Дело» (Самара), 2002.04.18]

- (27) *No čtoby tak prjamo ja nikogda tak-ogo ne vide-l-Ø.*
 but COMP so directly I.NOM never such-N.SG.GEN NEG see-PST-M.SG
 'I have never seen (this tendency to be manifested) in such a direct way.'
 [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)]

- (28) *A čtoby star-uj sux-uj ili gnil-uj*
 and COMP old-M.SG.NOM dry-M.SG.NOM or rotten-M.SG.NOM
popa-l-Ø-sja, ja ne vide-l-Ø.
 occur-PST-M.SG-REFL I.NOM NEG see-PST-M.SG
 'I have never seen him to find an old, dried or rotten one.' [Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)]

- (29) ??*Čtoby on et-o dela-l-Ø ja ne xoč-u.*
 COMP he.NOM this-N.SG.ACC do-PST-M.SG I.NOM NEG want-PRS.1SG
 Intended: 'I do not want him to do it.'

- (30) ??*Čtoby on zaboле-l-Ø ja ne dumaj-u.*
 COMP he.NOM fall.ill-PST-M.SG I.NOM NEG think-PRS.1SG
 Intended: 'I do not believe him to be ill.'

The common feature of uses like (26)–(28) and our topicalization contexts is that the situation is regarded as either impossible or hardly possible. Contrary to examples featuring verbs like 'think', 'believe', and so on, the combination of *pomnit'* 'remember' and *videt'* 'see' with *čtoby* always denote a hypothetical situation and the speaker's relation to it (an 'experiential' component 'He has never seen/remembered this type of situation'). As shown above, the meaning of constructions with topicalization like (6)–(9) and (11)–(12) always contains these components of irrealty of the situation.

A possible scenario is illustrated in (31).

- (31) Scenario for *čtoby*:
 First type of use:
 'I do not think that P is realized' → 'What concerns P, I think that it may not be realized'
 Second type of use:
 'I do not think that P is realized' → 'What concerns P, can only hypothesize on the properties of this situation'

The second type of *čtoby*-construction is, thus, not directly related to the irrealty of the situation. However, it describes a non-specific situation, and not a specific occurrence — it is well-known that the non-specificity of the participant is often described as a sort of irrealty. The speaker just proposes the addressee to assume that the situation came true, and it is unknown if it is really the case.

Thus, the irrealty/impossibility semantic component is already present in the base complementizer use.

The topicalized use of *čto* goes back to constructions with matrix opinion and knowledge verbs. Thus, the irrelevance meaning that manifests itself in the construction with topicalization is absent in the source construction. A possible historical scenario looks like in (32).

- (32) Scenario for *čto*:
 'I know P' → 'I know P, but what is relevant is not P' → 'P is irrelevant'

For instance, in (15), repeated here as (33), the speaker first introduces the proposition ‘He is drunk’, but then it turns out to be irrelevant (for the evaluation of the subject), because everyone is drunk this night.

- (33) *A čto on p'jan-yl tak mnogo li v ét-u*
 and COMP he.NOM drunk-M.SG.NOM PART many Q in this-F.SG.ACC
noč'-Ø v gorod-e trezv-yx?
 night-SG.ACC in city-SG.LOC sober-PL.GEN
 ‘He is drunk? But are many people of the city sober this night?’
 (<https://eressea.ru/library/library/usheltsy.shtml>)

10. Topicality: a more detailed account

Examples that were cited in the article show that the notion of topic is not sufficient for the description of the use under analysis. For instance, in (34), the complement clause with *čto* is also a topic, but at the same time, the context illustrates a canonical complementizer use.

- (34) *A čto ty svoloč'-Ø sil'no somnevaj-u-s'.*
 and COMP you.NOM bastard-SG.NOM strongly doubt-PRS.1SG-REFL
 ‘I highly doubt that you are a bastard.’ (<https://yurakolotov.livejournal.com/384820.html>)

This word order is less frequent than the canonical one with the postposed complement clause. However, the syntactic structure seems to be the same. The difference between (34) and non-canonical uses, addressed before, is in the information structure. Complement clauses as information structure markers denote roughly the same value as the Russian markers *čto kasaetsja* ‘what concerns’. Outside Russian, it is similar to French left-dislocated topics (see Lambrecht 1981; 2001, as well as Halla-Aho 2018 for Latin and Westbury 2016 for typological data). Lambrecht (2001) calls this type of topics “unlinked topics” in the sense that they do not have a structural position governed by any lexical head:

- (35) *Pierre, je l'ai toujours aimé.*
 ‘Pierre, I always liked him.’

In (34), the preposed complement clause ‘that you are a bastard’ is a complement of the lexical head, the matrix verb *somnevat'sja* ‘doubt’. In (4) and (21)–(22), just as in (35) from French, this is not the case: example (22)

contains no matrix verb at all, while in (4), the verb takes no infinitive complements, and in (21), no complements with *čto*.

11. Pragmatic uses and illocutionary uses

It is necessary to say that discourse uses I analyze are in a sense similar to illocutive uses that are described by Sannikov (2005) and Pekelis (2013). Pekelis illustrates this type of uses by examples like:

- (35) *Čtoby by-t' sovsem čestn-ym, ubra-l-Ø tuda že*
 in.order.to be-INF entirely honest-M.SG.INS put-PST-M.SG there PART
i Mar'janin-Ø kletčat-yl čemodan-Ø.
 and Marjana's-M.SG.ACC checkered-M.SG.ACC suitcase-SG.ACC
 ‘To be honest, he also put there Marjana’s suitcase.’ [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969—1971)]

Illocutionary uses express semantic relations between the propositional semantics of one clause and the illocutionary force / illocutionary modality of the other. For instance, in (35), the embedded clause with the marker *čtoby* — ‘To be entirely honest’ — is linked to the illocutionary force of the main clause — ‘[I say] that he put there Marjana’s suitcase’. This mechanism contrasts with the canonical use in which the subordinator links the propositional semantics of one clause to the propositional semantics of the other one: in (35), the canonical use would yield the reading ‘He put there Marjana’s suitcase, in order (for him) to be honest’, which is certainly not the thing the author wanted to say.

Pragmatic uses and illocutionary uses have common features. They share the fact that the link between the propositional semantics of two clauses, explaining the canonical use of subordination markers, does not explain either of these two uses. However, while in the illocutionary uses, the propositional semantics of one clause is linked to the illocutionary force of the other, in the topicalized use, the correlation is only between topic / focus components, the subordinate clause being a topic. The illocutionary force is not relevant in the case under analysis.

12. Conclusions

It turns out that the three main types of Russian complement clauses can be used in the topic position. In these uses, they tend to be situated before the

main clause which, in general, is not characteristic of standard uses of complement clauses. The reason is that in canonical syntactic uses, the length and syntactic complexity of complement clauses prevent them from being located before the main verb: it would make the processing of the high-level constituents much longer.

By contrast, in the topicalizing use, the information structure change (namely, the topic introduction) is the main feature of the complement clause, its subordinate status being not critically important. This is why, being similar to an independent clause, it does not directly participate in the processing of the whole construction. The topical status being a strong factor of the position in the beginning of the sentence, clauses of this type often precede the matrix verb.

Each complementizer gets some non-standard features when used in the topic position: in particular, this concerns combinational properties. All complement types under analysis are possible in the topic position, even if the second part either does not contain a complement-taking predicate or contains a predicate that does not take the particular complement type in the standard construction. At the same time, no complementizer entirely loses its grammatical and semantic properties in the pragmatic use. For instance, in constructions with *čto*, the situation is presupposed to take place or is considered to take place. This semantics is not the same as in the standard construction but goes back to standard uses, which often express epistemic meanings but never or almost never express subjective modality. Topicalization changes the semantics of being known to the meaning of 'being known but irrelevant'. Thus, semantics of markers in the topic position is partly derivable from the canonical complementizer use, though its combinational properties change significantly.

The behavior of complement clause in the topic position differs from that of noun phrases. NPs are topicalized either in the form assigned by the head or in the basic (nominative) form. By contrast, or topicalization of clauses, several formal mechanisms are possible, which denote different epistemic status (reality) and pragmatic status of the situation.

Abbreviations

1 — 1st person; 3 — 3rd person; ACC — accusative; COMP — complementizer; DAT — dative; F — feminine; FUT — future; GEN — genitive; INF — infinitive; INS — instrumental case; IRR — irrealis; LOC — locative; M — masculine; N — neuter; NEG — nega-

tion; NOM — nominative; PART — particle; PL — plural; PRS — present; PST — past; Q — question; REFL — reflexive; SG — singular.

References

- Diessel, V., Schmidtke-Bode, K. 2017. Cross-linguistic patterns in the structure, function, and position of (object) complement clauses. *Linguistics*, vol. 55, 1–38.
- Dobrushina, N. R. 2016. *Soslagatel'noe naklonenie v russkom jazyke: Opyt issledovanija grammatičeskoj semantiki* [Subjunctive in Russian: A study in grammatical semantics]. Prague: Animedia Company.
- Halla-Aho, H. 2018. *Left-dislocation in Latin*. Amsterdam: Brill.
- Hansen, B., Letuchiy, A. B., Błaszczuk, I. 2016. Complementizers in Slavonic (Russian, Polish, and Bulgarian). In: K. Boye, P. Kehayov (eds.) *Complementizer semantics in European languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 175–224.
- Lambrecht, K. 1981. Topic, antitopic and verb agreement in non-standard French. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Lambrecht, K. 2001. Dislocation. In: M. Haspelmath, E. König, W. Östereicher, W. Raible (eds.) *Language Typology and Language Universals*, vol. 2, article #80. (Series Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft.) Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1050–1078.
- Pekelis, O. E. 2013. *Illokutivnoe upotreblenie sojuzov: Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (www.rusgram.ru). Na pravax rukopisi. [Speech act use of conjunctions. Towards a corpus description of Russian grammar. Manuscript copyright] http://rusgram.ru/Иллокутивное_употребление_союзов.
- Rizzi, L. 1997. The fine structure of the left periphery. In: L. Haegeman (ed.) *Elements of Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 281–337.
- Sannikov, V. Z. 2005. Illokutivnoe upotreblenije ili sintaksičeskij ellipsis? [Speech act use or syntactic ellipsis?] *Russkij jazyk v naučnom ošveščeniü* [Russian Language and Linguistic Theory], vol. 2(10), 121–136.
- Westbury, J. 2016. Left Dislocation: a typological overview. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*, vol. 50, 21–45.

«ВСЁ БЫВАЕТ, И БОЛЬШЕ БЫВАЕТ»: ОБ ОДНОМ ВАРИАНТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

К. Менг

(Мангейм, Германия)
kathmeng@online.de

Е. Ю. Протасова

(Хельсинки, Финляндия)
ekaterina.protassova@helsinki.fi

Иммигрировав в 1990-е годы в основном из Казахстана и России в Германию в рамках программы репатриации, предоставившей немцам из СНГ возможность получить гражданство Германии, российские немцы адаптировались к новой стране и языку и в то же время в значительной степени сохраняли свои прежние язык и культуру. В статье рассматривается случай одной семьи, использующей в домашнем общении русский язык в повседневной жизни. В речи этих людей часто присутствуют элементы немецкого языка, в том числе в лексике, грамматике и прагматике. Это связано с тем, что они смешивают русский и немецкий языки, пользуясь выражениями, которые наиболее точно отражают их мысли и эмоции, реалии окружающего мира и опыт взаимодействия, накопленный за годы проживания в Германии. Использование русского языка с вкраплениями и другими вариантами переключения кода (с адаптацией и без адаптации к принимающему заимствованию языку) является для российских немцев обычным языковым явлением, которое отражает их двойную культурную принадлежность, частью обыденной транслингвальной практики. Приведенные примеры могут быть интересным объектом лингвистических исследований, связанных с изучением языковых контактов и мультикультурного общества.

Разве мало я живу на свете?
Страшно и выговорить, сколько.
А всё себя сердце не любит.
Ходит, как узник по темнице, —
а в окне чего только не видно!

О. А. Седакова. «Спор». Из «Первая тетрадь: Стихи»

1. Постановка задачи

Переключение кода — это явление смены языка, применяемого в общении. Оно может происходить как между двумя языками, так и между различными диалектами или социолектами одного языка, как сознательно (когда стоит использовать определенный язык для достижения

«Всё бывает, и больше бывает»: об одном варианте русского языка

некоторой цели, например, для более эффективного общения или для маркирования своей культурной принадлежности), так и бессознательно (человек не сразу чувствует, что переходит на другой язык в процессе общения) (Arnaus, Jiménez-Gaspar 2022; Kecskes 2006). В зависимости от социокультурного контекста переключение между языками может быть частым и даже ожидаемым, в то время как в других случаях это может рассматриваться как неуместное поведение.

Переключение между языками может быть вызвано несколькими факторами, такими как билингвизм, культурная среда и обучение (Angermeier 2010). Когда переключается код, используются смешанные конструкции, содержащие элементы обоих языков, слова одного языка со словоизменительными показателями другого, происходит взаимное влияние систем языков на фонетическом, грамматическом, лексическом и прагматическом уровнях (Forker 2019; Zeller 2020). При переключении кода между языками, особенно если это происходит в одном и том же предложении, может возникнуть недопонимание со стороны собеседника, который не знаком с обоими языками. Кажется, что если человек, с которым вы разговариваете, не знаком с каким-то из языков, то важно быть осторожным и ясно выражать свои мысли, чтобы избежать недоразумений, однако такая эмпатия не всегда проявляется (Owens 2005). Использование иноязычных вкраплений должно осуществляться с учетом ситуации, аудитории и цели коммуникации. У пуристов часто считается желательным избегать излишнего вторжения иностранных слов и выражений, по крайней мере, следить за тем, чтобы они были ясны аудитории и не вызывали негативной реакции.

Говорящий, считает В. И. Подлеская (2022: 425–426), вначале решает, что собирается сказать, затем он должен «подобрать для мысли упаковку, то есть облечь ее в лингвистическую форму с помощью слов, грамматики, интонации. Если это диалог, то говорящий вынужден еще и следить за тем, что говорит собеседник. Кроме того, одновременно с произнесением человек должен слушать себя и контролировать. Он может обнаружить, что говорит не совсем то, что его устраивает, — такое происходит, когда он не успевает своевременно спланировать речь. Тогда ему приходится исправляться. Поэтому в спонтанной речи так много обрывов, повторов, переформулировок».

Двуязычному говорящему приходится применять контроль особого рода: отбор речевых единиц должен соответствовать тому режиму (модусу, Grosjean 2013), в котором осуществляется общение, либо двукодо-

вому (с использованием двух языков), либо однокодовому (с использованием одного языка). Этот особый режим коммуникации заставляет прибегать к еще одному специфическому типу самоисправлений (ср. Подлеская и др. 2019; Русакова 2013: 46–68) — к самопереводу с целью добиться понимания со стороны собеседника, не владеющего одним из языков общения. Другой чертой коммуникации этого типа оказывается совместное построение высказываний разными участниками общения (ср. Менг, Протасова 2020). Такого рода явления неоднократно отмечались в работах по русскому языку зарубежья (см., например, Ровинская ред. 2013).

Целью настоящей статьи является показать, каким способом происходит общение в семье российских немцев, приехавших с Урала в Германию и проживших здесь более четверти века. Материалом послужила запись полуторачасовой беседы за столом в семье Маркманн. Методом исследования является анализ общения в рамках полуструктурированного интервью (ср. Квале 2009). Мы используем тематически сгруппированные фрагменты в качестве примеров двуязычного модуля коммуникации и комментируем их.

Ядро семьи Маркманн состоит из Инны (ИМ) — российской немки (г. р. 1969), Ивана (ВМ) — русского со смешанными этническими корнями — и их дочери Каролины (ЛМ) (г. р. 1992). Они хорошо знакомы с обеими исследовательницами, КМ и ЕП, которые неоднократно, отсчитывая от момента их приезда в Германию в начале 1990-х, бывали у них дома и с которыми установились теплые отношения. КМ и ЕП знакомы и с родителями (род. 1950 на Урале), и с бабушкой ИМ (даты жизни 1924–1997, родилась в Крыму, муж с Волги, у обоих первый язык — диалект немецкого). Все члены семьи переехали в Германию в 1990 г. Молодое поколение семьи использует немецкий, выученный в основном в Германии, и региональный вариант русского, сформировавшийся во время жизни на Урале. ИМ и ВМ получили в России высшее образование и дополнительно обучались в Германии, работают в немецкоязычных коллективах. Элементы немецкого языка вошли в ежедневную речевую практику семьи. Более подробно об этой семье можно узнать в работе Meng, Protassova 2016, а об особенностях двуязычия у внучки — в книге Meng, Protassova 2022.

Мы используем упрощенную транскрипцию, где запятые обозначают интонацию, / обрыв, а /.../ пропуск, [] вставка от авторов внутри примера, “ перевод. Мы комментируем только особенные случаи, неко-

торые вкрапления только сопровождаем переводом. Союз *aber* / *абы*, как и ниже встречающиеся *also* ‘итак’, *egal* ‘все равно, безразлично’, *ja* ‘да’, *nein* ‘нет’, *oder* ‘или’, *schon* ‘же, уже, все же’, *sehr* ‘очень’, *gut* [‘хорошо’], *gern* ‘охотно, с радостью’, да и более редкие *ach so* ‘ах так’, *so* ‘так’ и *Ok* ‘окей’ (произносится скорее с немецким, а не с русским акцентом) естественно используются в речи большинства интервьюированных и стали привычной частью их речевого репертуара.

2. Результаты

Пример 1

ЕП: А вы говорите, вот тем, с кем вы работаете, что вы русский немец или что вы/?

ВМ: Нет-нет, я всегда говорю, что я русский. Они говорят: „Russe-deutsch?“ Я говорю: *Nein, ich bin/ richtige Russe. Da kannst du mich nicht vergleichen. Aber ты/*

ИМ: Опять по-немецки!

ВМ: ты не можешь меня сравнивать с русским немцем или/ Я я я чисто русский, я считаю себя/

ИМ: Он же не немец.

ВМ: Я себя считаю чисто русским. Ну как, я понимаю, что я не чисто русский, потому что у меня ааа в крови/

ИМ: Казаки.

ВМ: Да, в крови и украинцы, и вогулы, и/ Помешано все, да, и русские. То есть, я не чисто русский. И я вообще считаю, что на Земле-то тяжело найти чисто национальность какую-то, она уже ну деградировалась, так сказать. Чё-то между такое, среднее/

Комментарий. Для Ивана вопросы национального происхождения оказываются значимыми, какую бы тему он ни обсуждал. Ему постоянно хочется сравнивать между собой людей и страны. При этом, когда немцев вокруг много, сравнение именно с ними обретает большой смысл. По-немецки он цитирует речь немцев (‘русский-немецкий’ с ошибкой, следовало сказать *(Bist du ein) Russlanddeutscher?* ‘Ты российский немец?’) и свой ответ ‘Нет, я правильный русский. Тут ты меня не можешь сравнивать. Но!’ (следовало сказать *echte(r)* ‘настоящий’, буквально перевести ‘чистый’ было бы неуместно; в немецких диалектах возможны колебания в окончаниях), что типично для переключения кода. Далее,

в ответ на замечание ИМ, он передает содержание своего ответа в целом по-русски. ИМ, с одной стороны, делает замечание, что он говорит по-немецки в присутствии русскоязычного гостя, с другой стороны, поддерживает его в доказательстве смешанного происхождения. В силу своего происхождения, образования и своей должности она хочет контролировать ситуацию. Немного непонятен глагол *degradировалась*. Ниже встретятся два употребления немецкого *degradierend* 'унизительный', возможно, между ними есть связь.

Пример 2

ВМ: Она она р/ она русская, и она русая, *blond, ja?* ['блондинка, да?'] То/ то есть сестра у нас. Мы темные, с братом. Я не такой темный, брат у меня сильно темный. А сестра у меня *blond*, светлая/ /.../ И за это их тоже раскулачили, потому что у него, видать, хозяйство свое большое было. Потому что бабушка говорит он только рысаков *экстра* держал и тележку на шинном ходу, для выезда. /.../ По материной линии они тоже так *sieht so aus* ['выглядит, похоже на то, что'] не бедствовали, я думаю, в свое время, в те времена. /.../ Он [отец] очень, как сказать был/ *stolz* ['гордый'], что я институт кончил, что я/ мы в одном заводе с ним работали, в разных сменах, что я/ начал мастером работать и/ у меня были хорошие перспективы в то время. /.../

ИМ: Его *фамилия* (показывает фотографию).

ЕП: Угу.

ИМ: *Also* это его *Bruder* ['брат'],

КМ: Ага.

ИМ: Ну как, похож, действительно, да?

КМ: Да.

ИМ: А это сестра его, белая.

Комментарий. ВМ видит аллитерацию в словах *русский* — *русый*, затем использует немецкое прилагательное, которому нет русского аналога (есть существительное *блондинка* и прилагательное *блондинистый*, но здесь они не подходят), дальше противопоставляет прилагательные *темный* — *светлый*, а ИМ добавляет к этому ряду *белая*. Не находя точного эквивалента, Иван пытается в то же время провести мысль, что сестра выглядит больше русской, чем они с братом. Странно, что он не может сказать *гордый* / *гордился* по-русски, возможно, именно колебание между двумя вариантами и неуверенность в том, что это будет пра-

вильно, заставляет его выбрать немецкое слово. Он хочет показать, что происходит из зажиточной семьи раскулаченных. Слова *экстра* 'специально' и *фамилия* 'семья' существуют в русском языке с иными значениями, но стали полноправными единицами языка российских немцев в Германии и произносятся как обычные русские слова.

Пример 3

ЕП: А что самое трудное было?

ИМ: Язык.

ВМ: Язык, ну да.

ИМ: Что *Sprache* ['язык'] не знали.

ВМ: Без языка очень плохо.

ИМ: Я когда пришла работать, *практику делать* в этом/ в этом/ в *Heim'e*, когда я начала, и первое, кажется, что я сделала. Я хотела на медсестру пойти, но на медсестру набор кончился в клинике, и мне пришлось идти в *Heim*. И в этом/ в этом/ в этом/ в этом *Heim'e* для престарелых, но мне пришлось туда идти, потому что в клинике не было места, я не хотела еще целый год терять, еще целый год ждать. Думаю, а, какая разница, пойду т/ пойду туда, эт/ это все равно. И вот там такие коридоры длинные были и комнаты, да. И там з/ телефон звонит, да, то все бегут/ бегут с этого, с коридора, с нач/ с конца коридора туда, к этому телефону, бегом. А я — обратное! Они мне кричат: «Инна, там этот телефон же звонит, ты чё говорит, иди к телефону подойди, ты чё бежишь назад». А я боялась к этому телефону подойти, потому что я не знала чё там сказать по-немецки, чё я там должна, это. Все бегут, а они: «Инна, ну ты чё, телефон же звонит, ты чё бежишь в другую сторону?» А я от этого телефона бегу, они все к телефону, а я туда, так я боялась. Потому что я не могла, я не знала. Так я пришла, я пришла без *шпрахов*, вообще. Начала учиться без *шпрахов*, практически.

ВМ: Раньше я не понимал,

ИМ: А Иван/

ВМ: как люди понимают немецкий, а сказать ничего не могут.

ИМ: Вот как вот он.

ВМ: Да. Вот как я сейчас. Я понимаю по-немецки дословно все, но излагаться *trotzdem* ['все же, несмотря на это'] я не могу *richtig* и правильно. Потому что я в школе этого не учил, у меня вот эти приставки, обороты, все на/ на уровне бытового языка, скажем так, да. /.../

ИМ: *Ach so. Ok.* Насчет того, что что-то изменилось для нас?

ВМ: Ну, с немецкими словами, *ist klar* [‘понятно’]. Ну это/ Я и думаю уже на немецком, вот я с собой если даже, это любой человек общается с собой, это свой мир, да? И уже я даже общаюсь, я сижу в тракторе или иду или еду, общаюсь, и у меня... Я общаюсь с собой на немецком языке. Мне это не составляет труда. Разговаривать — да.

Комментарий. Фрагмент интересен в нескольких отношениях. Во-первых, вариативность использования *язык — Sprache — шпраху*. Как будто понятно, что в контексте *язык* — это немецкий, а тем более *Sprache*. Однако склоняемое и произносимое с русской фонетикой *plurale tantum шпраху* — это слово, которое в местном варианте русского означает ‘языковые курсы’, соответственно, ИМ подчеркивает, что начала работать и учиться, не пройдя языковых курсов. Ходить на такие курсы — важный момент в интеграционной истории, этап жизни. Характерно, что в другом месте один из участников беседы говорит в единственном числе и уже по-немецки *Sprachkurs*. Во-вторых, *делать практику* — видимо, калька с немецкого. В-третьих, перед тем как говорить о *хайме* (слово имеет русскую морфологию, но более отчетливо немецкую фонетику), Инна колеблется в выборе — как его назвать человеку, не знающему немецкого, а слово настолько привычно, что уже нельзя определить, есть оно в русском или нет. По-немецки это значит ‘дом’, и в одном случае ИМ добавляет *в Heim’e для престарелых*, но из примера 4 мы видим, что здесь не только они. Первое время в этом учреждении, естественно, было трудно, отсюда и большое количество повторов в эмоциональном рассказе о телефоне, и когда Инна не только справилась с изучением языка, но и отучилась пять лет в Германии, она с большим достоинством позже сказала, что телефонов больше не боится, да и работа ее в основном происходит по телефону. Как видно из последней части фрагмента, для Ивана трудно говорить не с русскоязычными по-немецки, и он смешно использует слово и его перевод подряд, *richtig и правильно*. Важно, что он ставит себе определенные цели в изучении языка и тренируется сам с собой.

Пример 4

ЕП: Но для того чтобы занимать такую ответственную должность в немецком учреждении, да? Вам же нужно было выучить немецкий до очень высокого уровня?

ИМ: В этом в этом в этой в этой *Branche werde ich nicht so sagen* [‘отрасли я бы так не сказала’, немецкое слово, а затем и русский контекст

сохраняют женский род изначально французского слова], так нельзя, я не могу сказать. /.../

ВМ: Люди спрашивают, обращаются к ней и говорят: «Вот, мы хотим, у нас *Pflegestufe* [‘степень ухода / группа инвалидности’] и чё к ней принадлежит», и она объясняет. То есть люди обращаются, они не знают, как *weiter* [‘дальше’] как/ как/ дальше им/

ИМ: Иван, моя работа не заключается только в этом, у меня работа очень этот, очень разносторонняя. Мне надо и *Abrechnung-u* [‘счета’] делать, и там/ там/ и с финансами дела, и со всем, всё/ там все вместе там надо. /.../ В общем, общий план, общий график ра/ работы на месяц, и потом еще *tägliches, je/ jeden Tag* [‘ежедневное, ка/ каждый день’], все, что/ то что они каждый день должны делать. /.../ Пациенты в основном или *psychisch Kranke* [‘психически больные’] молодые, и тоже, ну всякий возраст. /.../ Если ты, допустим, поехал в *Stadtteil* [‘часть города, район’, по-немецки слово мужского рода, согласуется по-русски в женском роде] в одну, *Feudenheim* [район Мангейма], вот, значит ты должен там это все сделать, потом поехать в следующую, которая ра/ раньше. /.../ Были у нас такие, *Geräte* [‘приборы’], да. Это такой типа как *Handy* [‘мобильный телефон’], вот такой как *Gerät*, как *Handy*. Да, заходишь, отмечаешь, чё ты сделал, выходишь, отмечаешь. Зашел-вышел. /.../ Как сказать, в этой *Branche* люди очень/ не очень такого высокого уровня, знаний у них не столько много, и они просто с этим *Gerät-ом*, они не смогли с ним это, справиться. /.../ эти *Gerät-ы*, там у меня в шкафу они валяются, целая куча. /.../ У людей, в основном, образование только *Krankenpflege* [‘уход за больными, медицинское обслуживание’; по-немецки слово женского рода, по-русски оказывается словом среднего рода], самое большое, и то, у многих еще просто один год, один год, что они проучились на это *Krankenpflege*, один год, вместо трех даже один. Ну что ты с этого человека можешь спросить? Он закончил *Hauptschule* [общеобразовательная школа с примитивным уровнем образования, с невысокими требованиями к ученикам], самую низкую, и закончил этот год. Мало, очень мало квалифицированного персонала. И если вы пойдете, мы всегда ищем, да? И столько *Arbeitslos-ов* [*Arbeitslose* ‘безработный’, слово сохраняет мужской род], а/ а в *Arbeitsamt-e* [‘бюро по трудоустройству’] мы *отмечены стоим* [соединение двух конструкций, мысль не завершена, надо было добавить «в очереди»], а *Bewerbung-ов* [‘заявлений, здесь — прошений о работе’, в немецком слово женского рода, в речи российских немцев в Германии становится словом мужского рода] нету, желающих

нету на эту работу. /.../ Я закончила эти три года, эти *Krankenpflege*, потом я еще *сделала Fachwirt* [‘специалист по бизнес-менеджменту’], два года в Karlsruhe [город недалеко от Мангейма]. /.../ *Betriebswirt/ Betriebswirt* [‘экономист на предприятии, организатор бизнеса’, повтор может быть связан с тем, что говорящая проверяет, нужен ли перевод или это слово — интернационализм, который может быть понятен и так, но понимает, что надо искать аналог] я *сделала*. Как это по-порусски, я не знаю? *Betriebswirt*. Там учишь финансы, *Kosten* [‘расходы’], *персонал* [видимо, управление персоналом] учили. Это выше, я могу теперь руководить целым/ целым *Heim-ом* или больницей или чё-нибудь такое. /.../ В общем, я, допустим, сейчас просто исполняю только *Pflegedienstleitung* [‘руководство службой по уходу’], там конкретно сейчас у меня моя *Stelle als* [‘место в качестве’; по-немецки ‘место’ женского рода, и тут он сохраняется] *Pflegedienstleitung*. А/ а я могу еще ж и это, я могу и больше, я могу работать там, руководить целым этим *Heim-ом* *oder* могу даже стать *selbstständig* [‘самостоятельный’, т. е. открыть свое дело], открыть свое полностью, из это/ такой у меня *Ausbildung* [‘образование’; в немецком женский род, в русском мужской] *сделан*. /.../ *Aber* вот эта вот молодежь, которая сейчас вот эта вот. Эта девчонка, про которую я рассказывала, ей двадцать три года, она точно такая же, как Каролина, которая у меня работает. У нее один год этого *Ausbildung-a* только *сделан*. Вот у нее такой вот *Einstellung* [‘установка’] на работу. Она две недели у меня заболела, потом две недели отработала и опять две недели заболела. И ей *egal*, ей *egal*. Она звонит и говорит: «У меня *Magendarmgrippe* [‘желудочно-кишечный грипп’]» и все. «Я не приду».

Комментарий. Говоря о своей работе, Инна ожидаемым образом употребляет много терминов, которые трудно перевести на русский язык. В некоторых случаях она или Иван стараются дать перевод, а иногда уже не помнят, что слово было немецкое. Порой приходится как бы извиняться, что не в состоянии дать точный аналог, а иногда это выглядит как некоторое кокетство. С названиями типов полученного образования используется глагол *делать*, как калька с немецкого варианта или как обобщение обозначения действия, направленного на результат. Многие слова при заимствовании и обретении русской морфологии меняют род, при этом слово *Arbeitslose* произносится по-русски и получает русский аффикс. ИМ жалуется на то, что предыдущие поколения немцев были более совестливыми и дисциплинированными по сравнению с молодежью.

Пример 5

ВМ: Понимаете? Немец, вот он посмотрел на часы — у меня сейчас *пауза*, все. Стоит там LKW [‘грузовик’, сокращение от Lastkraftwagen, более употребительное, чем длинное слово] или не стоит, мастер бежит ко мне, немец, который на машине ездит. Он, *пауза* у него, мастер бежит ко мне и говорит: «Ты бы это, иди, Ванюша, это там, надо бы разгрузить, LKW стоит». Я говорю: «Ну а у тебя же *Lagerfahrer* [‘водитель на складе’]. /.../ Сейчас *пауза*. *Fertig* [‘готово’; здесь в значении ‘ничего другого ждать не приходится’]. А ко мне они идут, они знают, что я не скажу “нет”».

Комментарий. ВМ рассказывает о различиях в трудовой морали между немцами и русскими (конкретно — им и остальными) и жалуется, что условия труда ухудшились за то время, что он работает в Германии. *Пауза* здесь означает перерыв, значение взято у немецкого слова *Pause*, русскому слову оно не свойственно.

Пример 6

ИМ: Она *schon*, она *schon*, она т/ она *schon*, она такая же, она да, как здесь, она да.

ВМ: У нее и повадки немецкие. Это уже все, это уже немецкая *генерация*.

ИМ: Она старается говорить, на русском.

ВМ: Пытается, *aber* уже нет, ты не можешь это *zurückdrehen* [‘отвернуть назад’], *egal* хотят этого родители, не хотят — общество.

Комментарий. Обсуждая свою дочь, родители обращают вначале внимание на то, что она тоже, как и немцы, умеет сказать «нет» (за пределами фрагмента), что она уже другая, чем они. Удивительный логический переход заключается в том, что мать видит в возможности говорить по-русски некоторое противопоставление здешнему не только языку, но и менталитету, т. е. как бы тот, кто говорит по-русски, мог бы и остаться русским. Слово *генерация* существует в русском, но обычно не используется в бытовом разговоре, где скорее будет употреблено существительное *поколение*. Вероятно, его частотность увеличилась под воздействием немецкого *Generation*.

Пример 7

ИМ: Мы ходим на *Silvester* [‘канун Нового года’] и отмечаем, ну как/ Новый год, на танцы мы сейчас ходим всегда, туда... *Mit/ mit/ [‘с’]* еда, *mit*

стол этот, шведский, как называется? Шведское *Büffet* [‘шведский стол’] или как оно? *Mit Leichtmusik* [‘с легкой музыкой’], *aber* русское. /.../

ВМ: Новый год, немцы же они *Silvester* не справляют, это русское общество справляет *Silvester*.

ИМ: Как, немецкое тоже справляет, но они ходят, они ходят/ они ходят просто там...

ВМ: Ну немцы да, *ja, aber/ essen Restaurant* [‘есть ресторан’].

ИМ: *Oder* на какой-то концерт *oder so was* [‘или что-то такое’].

ЕП: А вы ходите танцевать?

ИМ: А мы ходим танцевать по-русски, покушать и потанцевать. Подарки, *oder so* [‘или так’], как в России, допустим, дарят на Новый год, это вот мы уже не делаем, подарки — это все делается у нас на *Weihnachten* [‘Рождество’], как положено. Как тут положено.

ВМ: Интересно, да, вам?

ЕП: А ка/ какая у вас еда на Рождество?

ИМ: У нас это/ у нас всегда этот, *Gans* [‘гусь’, по-немецки существительное женского рода], *so*, мы заказываем у этого, у *bauera* [‘крестьянина’]. Делаем в духовке *gus*.

ВМ: Гусь, как/ как положено у немцев.

ИМ: *Rotkraut* [‘красная капуста’], как у немцев.

ЛМ: *Nein*. У немцев положено *Kartoffelsalat mit Wiener Würstchen* [‘картофельный салат с венскими колбасками’].

ИМ: Не, ну у хороших немцев положено *Gans, und/ und Rotkraut und selbstgemachte Knödel* [‘гусь, и/ и красная капуста, и домашние кнедлики’]. /.../ Не то, что мы там справляем его, собираемся, нет-нет, а мы просто *halt* [‘просто, же’] *символ* наш, что, что просто еще Старый Новый год, *na* [‘ну’]? Давайте этот *Kuchen* [‘сладкий пирог, кекс’] я вам этот отрежу. /.../ Ну, *gut*, Восьмого марта мы идем, если проводится, где-то есть это, то мы идем, да. Тоже так же, *mit/ mit* музыка *und Essen* [‘и еда’], *da gehen* [‘туда идти’], тогда это танцевать и кушать. И цветы дарим, да? На Восьмое марта. *Aber* так.

Комментарий. Обсуждение праздников обычно вызывает воспоминания о радостных чувствах. *Silvester* — именно немецкий аналог встречи Нового года и вполне празднуется, но из-за того, что это празднование обставлено по-другому и не имеет такого большого значения, как Рождество, говорящим кажется, что никакого особого праздника в этот день и нет. Уральские немцы, судя по нашим записям, в окружении

русских редко справляли Рождество. *Büffet* существительное среднего рода по-немецки, и хотя есть русское слово *буфет* мужского рода, здесь оно как будто среднего рода, т. е. общее между заимствованиями не обнаруживается говорящими. *Gus* как название блюда оказывается неодушевленным существительным — или тут перенос женского рода немецкого слова в русский, хотя указательное местоимение этого не показывает. Возникает спор по поводу того, что едят на Рождество, и тут Каролина оказывается более компетентной (ее мнение подтверждает КМ), но родители склоняются к более старому варианту, к тому же не знают, какую еду едят в Германии 24-го, какую 25-го декабря, какую на Новый год. Слово *символ* выступает в гибридном варианте: фонетика русская, а ударение немецкое. В речи ИМ встречаем достаточно редкое явление, когда немецкий предлог соединяется с русским словом: *mit еда, mit стол этот шведский, mit музыка*.

Пример 8

ВМ: Один раз предатель — *immer* [‘всегда’] предатель. Что ты будешь делать. Куда теперь деваться. Мы так смеемся *quasi* [‘как бы, почти’], *ja*, они говорят, вот это, я говорю — да-да, я буду в первом ряду, а вы взади у меня, мои *Kamaraden* [‘товарищи’]. /.../ Что я буду так вот, *gehört nicht dazu, einfach* [‘сюда не относится, просто’, здесь в значении ‘так не положено, не годится’].

Комментарий. Фрагмент иллюстрирует подстановку в русскую речь как отдельных наречий, так и целых выражений. Несколько необычно значение *квази*, не вполне ясно, что имеется в виду. Вероятно, речь идет о том, что Иван оказался на стороне немцев и их поддерживает, а во время Второй мировой войны был бы на другой стороне.

Пример 9

ЕП: Смотрите ли вы российские фильмы?

ВМ: Да-да, моя жена, *gern*. Я смотрю, *aber nicht so* [‘но не так’].

ЕП: Какие?

ИМ: Да. Очень *gern*. Все, что там показывают. /.../

ВМ: Жена, она тянет меня назад, я вам хочу сказать. /.../ Она постоянно смотрит русское телевидение, я ругаюсь. Я сказал, что вы скоро разучитесь говорить по-немецки.

Комментарий. Пример показывает, как вставки из немецкого языка могут использоваться в шуточном аспекте. Этот эффект часто осознается и используется. Иван, который, как считается среди родных, отстает по немецкому языку от остальных членов семьи, потому что он русский, шутит, что он больше других смотрит немецкое телевидение, а ему мешают.

Пример 10

ИМ: *Nein*, не занимаемся.

ВМ: Не занимаемся, уже времени не хватает.

ИМ: Вот нас тут это, все пытались это, наш этот, адвокат, все пытались нам все еще это присылает, нам эти бумаги, эти журналы, этот *Verein* ['союз, объединение'] там, *ja*?

ВМ: *Verein*, да? Это надо любителем быть, я считаю, для любого дела.

ИМ: Он все хотел нас туда интегрировать, чтоб мы туда это, вписались, тут у нас недалеко это.

ЕП: А что это?

ВМ: Это *Verein, ja*?

ИМ: Ну это такой *Verein*, там вообще он про... Все что *mit Häu/ mit mit domá zu tun, also* ['что имеет отношение к домам, то есть'] допустим, если что-то там у тебя с *Nachbar-ом* ['соседом'], ты посадил какие-то насаждения и и и посадил неправильно их или что, и тебе потом будет какая-то *Streit* ['ссора, спор'] между, ты будешь ругаться, допустим, из-за этого, то ты можешь в этот *Verein* обратиться, у них там свои адвокаты, и они тебе помогут. Всякое такое там вот, связанное *mit/ mit Eigentümer, Nachbarn* ['с/ с собственности, соседями'] это как это, связанное с этим/ как *Eigentümer* ['собственности'] перевести? Тех, у кого свои дома, свои квартиры. В основном у кого свои дома. /.../

ИМ: Мы тоже ходим в *fitness*. *Aber das ist kein Verein, nein* ['но это не объединение, нет']. /.../

ВМ: Да-да, это, это, это узкий круг людей, которые *mögen* у вас, это *muss man mögen, ja? Es ist/* ['это нужно любить, да? Это'] Вот, чем я до этого и хотел сказать, чем наш менталитет отличается от немецкого. А они/

ИМ: А че, в России тоже в хор ходили.

ВМ: *Ja, klar, aber* ['да, понятно, но'] у немцев это намного развитее. Они, как сказать...

ИМ: *Ja, das stimmt* ['да, это так'].

ВМ: Они социальные.

ИМ: Да.

Комментарий. В данном фрагменте речь идет о том, чем еще можно заниматься в Германии. Несмотря на общие усилия, собеседники не находят перевода для слова *Verein* [возможно, здесь 'товарищество'], в котором объединены собственники жилья для решения взаимных претензий. *Streit* слово мужского рода в немецком, по-русски оказывается существительным женского рода, видимо, из-за рода русского слова 'ссора'. *Mögen* — единственный подобный случай в данной беседе, когда от немецкого корня глагола *mögen* 'любить, хорошо относиться' образован возвратный русский глагол. Супруги признают, что различных организаций по интересам среди немцев больше, чем в России. *Ходить в фитнес*, вероятно, скорее калька с немецкого оборота.

Пример 11

ИМ: Нет, правда, *die* [определенный артикль множественного числа] немцы *sind sehr hilfsbereit* ['очень готовы помочь'], они очень социальные, они очень, очень много занимаются, очень много *ehrenamtlich* ['добровольно, на общественных началах, (букв.) по чести'] делают всего.

ВМ: Вот про это я и говорю, они, вот эти вот эти немцы, да? Они очень социальные, и вот этим пользуются очень многие другие, это я считаю, я как русский человек, я счит/ это моя точка зрения, что это чересчур ч/ ц/ *zu viel für manche. Nicht für alle, aber für/ aber für/ aber* ['слишком много для некоторых. Не для всех, но для/ но для/ но'] для некоторых словословий /.../ По идее, эти *Schulden* ['долги'] должны когда-то *aufgelöst sein. Nicht? Auf ewige Dauer, das geht net* ['быть аннулированы. Нет? Бесконечно так не годится'; в немецких диалектах *net* означает *nicht* 'не'].

Комментарий. Речь идет о том, что среди немцев принято заниматься волонтерством и благотворительностью, некоторые этим слишком пользуются, так вечно продолжаться не может. Не совсем, видимо, точное использование слова *социальный*. Слово *hilfsbereit* всегда вызывает затруднения при поисках эквивалента в русском, потому что аналогичного прилагательного нет, как, впрочем, и для внутренней формы слова *ehrenamtlich*. Хотя последнее в русском буквальном переводе звучит возвышенно, в немецком это вполне рабочий термин. Повторяя стереотипы, Иван почему-то подчеркивает, что формулирует их как русский человек.

Пример 12

ИМ: *Also viel/ Also ich spüre viel Unterschied ist das net in Kultur, zwischen/ zwischen* ['Значит много. Я чувствую большую разницу, это не

в культуре, между/ между'] Россия и не/ и неме/ *also zwischen* ['то есть между'] немцами и русскими. *Also* я не считаю, что так много. А какая *Unterschied* по-твоему?

ВМ: Какая *Unterschied* между немцами и русскими, вот скажи, какая?

ИМ: *Also Gerichte* ['то есть блюда'] очень много одинаковых это у нас с ними, это кухня у нас с ними боле-мене.

ВМ: Кухня у нас практически общая.

ИМ: Церква у нас тоже как бы так бы одна.

ВМ: Церква тоже одна.

ИМ: Свадьба тоже почти там/

ВМ: Свадьба почти тоже одна.

ИМ: Ну, не такая, как у них, но в основном.

ЛМ: А *Zusammenleben? Schon anders. Deutsche sind so mehr leben für sich selbst, würd' ich sagen* ['Совместная жизнь? Уже по-другому. Немцы больше так живут для себя, я бы сказала'].

ИМ: *Gut. Gut. Ja. Da ist er dann/ es gibt halt/* ['Хорошо. Хорошо. Да. Но тогда он/ просто есть/'].

ВМ: *Aber nicht degradierend, ja? Es ist ganz kleine, es ist die die die da gehen sie praktisch parallel für mich, ja? Ich habe schon/* ['Но не унижительный, да? Есть очень маленькие, которые для меня практически параллельны, да? Я уже/'].

ИМ: *Für mich* ['для меня'] тоже, *also* ['значит']. Я не считаю, что особая *Unterschied/ Unterschiede* ['разница/ различия'] есть *zwischen* ['между'] это, *und* ['и'] *oso/ klei/ Kleinigkeiten, also* ['малень/ мелочами, значит'] маленькие там детали *schon a/* что мы *mehr* ['больше'] для/ там для детей делаем, немцы особо так не это. Ну тоже разные есть, да, есть люди, которые долго живут у родителей. Но в основном они уходят рано с родительского дома. Много и русских щас с родительского дома уходят, не живут так долго, как, допустим, наша дочь с нами уже живет, да. *Also/*

ВМ: *Aber* в основном параллельно, так можно сказать, *Abstand* ['расстояние'; ударение неверное] между этими двумя нациями *nicht so degradierend oder gross* ['не такое унижительное (обесценивающее) или большое'].

ИМ: *Ja. Beide/* ['Да. Обе/'] как/ все равно обои нации как *christliche* ['христианские'] нации.

Комментарий. Когда в разговор вмешивается дочь, говорящая на немецком иног, более совершенного уровня, оба родителя начинают

использовать больше немецкого, почти не переходя на русский. Хотя обычно это не так, но здесь они могут руководствоваться тем, что присутствует и немецкоязычный гость. Существительное *Unterschied* должно было бы по форме стать словом мужского рода, сохранив его таким, как в немецком, однако оно становится существительным женского рода, вероятно, потому что мысленно переводится как 'разница', а не 'различие', что склоняло бы к среднему роду.

Отдельные высказывания

Нижеследующие примеры показывают, что отмеченные нами особенности в общем-то повторяются и в других местах беседы. Мы сопровождаем их лишь небольшими комментариями

ВМ: Хотим мы того или нет, миром *regiert Geld. Das/ es ist so* ['правят деньги. Это/ оно так']. **КМ:** *Geld regiert die Welt* ['Деньги правят миром']. **Комментарий:** ВМ произносит гибридное высказывание с переключением кода, а КМ исправляет в нем порядок слов, повторяя правильный вариант всего предложения целиком по-немецки. Возможно, Иван слышал эту поговорку ранее, но неточно запомнил или последовал за допустимым русским порядком слов (в немецком от перемены мест существительных изменился бы смысл, в русском он сохраняется благодаря окончаниям).

ВМ: *Фамилия* ['семья'] не без уродов, так скажем, да. **Комментарий:** Довольно типичный случай переименования известной пословицы.

ВМ: Это она имеет в виду работу конкретно, не *privat* ['частным образом']. **Комментарий:** слово вошло в обиход и в язык российских немцев в Германии.

ВМ: Человек должен что-то иметь, что чего-то бы он *respektierte* ['уважал'] или боялся или/ *egal* как это назовите, не играет роли. /.../ Я должен это *akzeptieren* ['принять']. **Комментарий:** слова с латинскими корнями (*respektieren, akzeptieren*), вошедшие в русский язык в Германии.

ВМ: С немецких марок на *Euro* ['евро', произносится как *ойро*] — это была *Geldreform* ['денежная реформа'].

ВМ: Что/ *weiß ich net* ['я не знаю']. Я думаю, что всегда была как-то третья заинтересованная сторона, которая этим *profitierte* ['извлекала пользу']. **Комментарий:** в немецком управление было бы с предложением *von*, в русском *на* + предл. п., однако здесь творительный падеж, видимо, по аналогии с управлением глагола *пользоваться*.

ВМ: Вот этот *aggressivitet* ['агрессия'] начался. **Комментарий:** в немецком слово женского рода, в русском мужского, слову на *-tet* морфонологически приписывается мужской род. Почему-то варианты *агрессия* / *агрессивность* не устроили говорящего, возможно потому, что в русском есть слова, которые заканчиваются таким же суффиксом, как в немецком (*менталитет, авторитет*).

ВМ: Допустим, у нас раньше не было такого, чтоб кто-то эээ *im Dorf, oder* ['в деревне, или'] в деревне, да? На уровне деревни чтоб, даже у нас не закрывались эти дома, *im Prinzip* ['в принципе'].

ВМ: Это по-немецки уже, *direkt* ['прямо'].

ВМ: Три разные *Richtung-a* ['направления'; снова слово мужского рода в русском, женского в немецком] она может, она одна.

ИМ: Ну, я *in der letzten Zeit* ['в последнее время'] наполовину, я так скажу.

ИМ: Давай, *Schatz* ['сокровище'], ты отвлекаешься от темы, *die Leute* ['люди'] же *zum Anderen gekommen* [букв. 'для другого пришли'], не совсем корректно по-немецки].

ИМ: Если я начну и с того, и с пятого-десятого, и с неба, и с земли чё-то начинать, и *werde nicht fertig* ['не закончу'] тогда на работе.

3. Заключение

В современной социалингвистике переключение кода может рассматриваться и как положительное, и как отрицательное явление. Считается, что следует терпимо относиться к потребностям говорящих, смешивающих языки, потому что им так удобнее общаться. Транслингвальные практики (MacSwan ed. 2023) могут помочь участникам коммуникации лучше понимать друг друга и более эффективно общаться, шутить и подтрунивать друг над другом, но также могут вызывать затруднения и недопонимание, особенно если участники коммуникации не знакомы с одним из языков, используемых в процессе переключения кода.

Отдельные однословные вставки, с которым мы столкнулись при анализе материала, это иноязычные вкрапления, т. е. немецкие слова или выражения в разговоре на русском языке (*sieht so aus, ist klar* и др.). Мы видим, что существует несколько вариантов адаптации немецких слов и выражений к русскому контексту. Причинами внедрения вкраплений бывает отсутствие точного эквивалента в русском, культурные различия, желание выразить определенную мысль с помощью местной

реалии, компактная форма оборота, большая частотность слова и просто привычка к заимствованию. Особый случай — использование слов, наличествующих в обоих языках с разными значениями или оттенками значений, лексические кальки. В билингвальной среде вкрапления и переключение кода не выглядят неуместными и обычно не вызывают негативной реакции, добавляя эффект подлинности беседе. Интересно, что, несмотря на отчетливо сформулированную установку на избегание немецких слов и выражений в разговоре с русскоязычным гостем, собеседники нарушают ими же самими установленное ограничение.

Интересны также обсуждаемые темы: этапы интеграции, освоение немецкого языка, межкультурная коммуникация, отмечаемые праздники, рабочая и семейная жизнь, проведение досуга, межпоколенческие изменения. Как ни странно, стиль речи говорящих на каждом из языков, насколько можно судить по записям, примерно одинаковый. Например, тот, кто любит поговорки и пословицы, будет прибегать к ним, даже если помнит их неточно. Тот, кто обычно выражает эмоции, пользуется для этого любым языком. Чем лучше знает собеседник немецкий, тем больше вероятность того, что его двуязычные партнеры по коммуникации будут говорить с ним по-немецки. Трудно оценить, какой процент речи устойчив, а какой изменчив, но, действительно, это особый вариант русского языка за рубежом.

Литература

- Квале С. 2009. *Исследовательское интервью*. М.: Смысл.
- Менг К., Протасова Е. 2020. Когда не хватает слов: тактики поддержания разговора у русско-немецких билингвов. *Коммуникативные исследования*, 7(2), 283–299.
- Подлеская В. И. 2022. Почему мы молчим и мычим? В кн.: В. И. Подлеская. *От полипредикации к дискурсу: японский, русский, далее — везде...* М.: РГГУ, 423–431.
- Подлеская В. И., Коротаев Н. А., Мазурина С. И. 2019. Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая — 1 июня 2019)*. Вып. 18(25). М.: РГГУ, 508–522.
- Ровинская М. М. (ред.) 2013. *Русский язык зарубежья*. СПб.: Златоуст.
- Русакова М. В. 2013. *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. М.: Языки славянской культуры.

- Angermeyer, P. S. 2010. Interpreter-mediated interaction as bilingual speech: Bridging macro- and micro-sociolinguistics in codeswitching research. *The International Journal of Bilingualism*, vol. 14(4), 466–489.
- Arnaus, G. L., Jiménez-Gaspar, A. 2022. The role of internal and external factors for code-switching: a study of early multilingualism in Germany with special reference to Catalan as a heritage language. *Languages*, vol. 7(258), 1–44.
- Forker, D. 2019. Sanzhi-Russian code switching and the Matrix Language Frame model. *The International Journal of Bilingualism*, vol. 23(6), 1448–1468.
- Grosjean, F. 2013. Bilingual and monolingual language modes. In: C. A. Chapelle (ed.) *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 1–9.
- Kecskes, I. 2006. The dual language model to explain code-switching: a cognitive-pragmatic approach. *Intercultural Pragmatics*, vol. 3(3), 257–283.
- MacSwan, J. (ed.) 2023. *Multilingual perspectives on translanguaging*. Bristol: Multilingual Matters.
- Meng, K., Protassova, E. 2016. *Deutsch und Russisch: Herkunftssprachen in russland-deutschen Aussiedlerfamilien*. In Publikationsserver. Mannheim: Institut für deutsche Sprache.
- Meng, K., Protassova, E. 2022. *Geboren in Kasachstan, herangewachsen in Deutschland. Langzeitstudie zur Integration und deutsch-russischen Zweisprachigkeit junger Russlanddeutscher*. Mannheim: Leibniz-Institut für deutsche Sprache.
- Owens, J. 2005. Bare forms and lexical insertions in code-switching: a processing-based account *Bilingualism*, vol. 8(1), 23–38.
- Zeller, J. P. 2020. Code-switching does not equal code-switching: an event-related potentials study on switching from L2 German to L1 Russian at prepositions and nouns. *Frontiers in Psychology*, vol. 11: 1387.

РЕГУЛЯРНАЯ МЕТОНИМИЯ ЯПОНСКИХ ГЛАГОЛОВ ПРИВЯЗЫВАНИЯ

А. С. Панина

(Российский государственный гуманитарный университет)
panina-anna@yandex.ru

В статье рассматривается семантическое поле привязывания в японском языке. Его обслуживают пять непроизводных глаголов — специализированные *kukuru* ‘привязывать’, *musubu* ‘завязывать’, *shibaru* ‘связывать’ и генерические *shimeru* ‘затягивать’ и *tsunagu* ‘прикреплять’. Выделив в рамках поля восемь элементарных ситуаций (фреймов) в зависимости от количества участников, их семантического типа и коммуникативного ранга, мы на материале японских лексикологических исследований, словарей и корпусов определяем, какими глаголами описывается каждый из фреймов. Употребления одного глагола в разных фреймах мы считаем связанными друг с другом отношением метонимии.

Сочетаемость *shimeru* (веревка плотно охватывает предмет) и *tsunagu* (предмет соединяется с опорой или с веревкой так, что их суммарная длина увеличивается) оказалась ограниченной. Специализированные глаголы привязывания близки друг к другу по смыслу и по сочетаемости и более универсальны; наибольшее количество ситуаций охватывает *musubu* — он единственный способен обозначать создание узла и встречается во всех фреймах, кроме связывания живого существа.

八千種の花は移ろふ常盤なる松のさ枝をわれは結ばな

Мимолетна цветов красота, зацвели и осыпались снова.

Лишь сосна зеленеет всегда. Не связать ли мне веток сосновых?

«Манъёсю», песня 4501

1. Элементарные ситуации (фреймы) в рамках семантического поля

Ситуации, в которых может участвовать тот или иной предмет, во многом определяются его топологическим типом — скажем, круглое способно двигаться определенным образом, который для многих языков достаточно когнитивно важен, чтобы получить особое название, такое как рус. *катиться* или яп. *korogaru*. Длинный гибкий предмет — услов-

но назовем его «веревкой» — легко меняет свою конфигурацию, причем ее можно фиксировать и использовать в разных целях, манипулируя веревкой самой по себе или вместе с какими-нибудь предметами.

В данной статье мы попробуем выявить круг элементарных ситуаций с участием веревки и рассмотрим глагольную лексику, которая описывает эти ситуации в японском языке. В этом мы придерживаемся подхода Московской лексико-типологической группы, где анализ семантических полей строится вокруг «прототипических ситуаций, релевантных для исследуемого поля», так называемых фреймов и микрофреймов (Резникова, Рахилина, Рыжова 2020: 15, Рахилина, Резникова 2013: 12–13). Каждой ситуации соответствует определенный набор участников и ограничения на их семантический тип, включая топологический класс.

Корректно ли утверждать, что глагол, охватывающий несколько фреймов, тем самым многозначен, то есть каждой элементарной ситуации соответствует отдельное словозначение — вопрос дискуссионный. С одной стороны, употребления в разных фреймах могут различаться формальными свойствами; например, рус. *старый*¹ (о живых существах) и *старый*² (о предметах) должны описываться как две отдельных сущности, поскольку у них разные антонимы — *молодой* и *новый*. С другой стороны, корреляция с формальными свойствами прослеживается не всегда. Так, лезвие и игла — предметы разной формы, признак остроты для них неотделим от топологических характеристик, и соответствующие фреймы имеют языковое отражение в японском, где противопоставлены прилагательные *surudo* 'острый' и *togatta* 'остроконечный'; однако рус. *острый* или англ. *sharp* не имеют очевидных различий в употреблении о лезвиях и иглах. Для таких случаев выбор между шириной значения и многозначностью сейчас, как правило, делается прагматически в зависимости от задач конкретного исследования (Kortjevskaja-Tamm 2008: 10).

Двуязычная лексикография традиционно против того, чтобы постулировать у исходного слова полисемию из-за наличия нескольких переводных эквивалентов. Идея разбить рус. *острый* на два значения, соответствующие двум лексемам в японском, не получила бы поддержки. Консенсус скорее в том, что набор значений слова не должен зависеть от того, описываем ли мы их для одноязычного толкового словаря или для двуязычного переводного — еще Л. В. Щерба утверждал, что идеальным двуязычным словарем явился бы толковый словарь со входом на исходном языке и толкованием на языке перевода (Щерба 1974: 307).

В связи с типологией семантических переходов Анна А. Зализняк аналогично утверждает, что наличие двух отдельных лексем в каком-то другом языке «не является свидетельством ничего, что бы касалось внутренней структуры данного языка» (Зализняк 2013: 42).

С другой стороны, можно представить, хотя бы в идеале, ситуацию, когда исследователю уже доступна информация обо всех лексемах всех языков мира. Тогда тот факт, что два фрейма хотя бы в одном языке обозначаются одной лексемой, или, напротив, разными, имел бы несомненную теоретическую значимость.

На практике, конечно, материал лексико-типологических исследований ограничен, и мы не знаем заранее, где пролягут границы фреймов, если провести их по сумме всех возможных границ между словозначениями. Остается выделять фреймы начерно — где-то умозрительно, где-то ориентируясь на объем значения лексем в уже исследованных языках, и корректировать их набор по мере того, как появляются новые данные. Описание плана содержания через фреймы может быть в общем случае слишком дробным для задач лексикографии и одноязычной лексической семантики, но для типологии оно имеет смысл.

При рассмотрении японских глаголов привязывания мы будем опираться в первую очередь на количество участников ситуации и на их коммуникативный ранг, проявляющийся в оформлении соответствующих валентностей глагола, то есть на модель управления (диатезу). Отношение между разными диатезами одного глагола описывается как метонимия во многих лексико-семантических исследованиях, таких как Падучева 2004: 158 и другие работы этого направления; так же будем считать и мы. Управление глаголов привязывания в японском достаточно разнообразно, а сами они многочисленны, что дает богатый материал для рассмотрения того, насколько похожие или разные наборы фреймов охватывает каждая лексическая единица в данном поле.

Для действий с веревками мы предварительно предлагаем следующий набор фреймов: 1) создание узла на веревке («завязать узел»); 2) соединение концов веревки в замкнутый контур («завязать пояс»); 3) соединение концов двух веревок, чтобы получить из них одну («связать две веревки вместе»); 4, 5) веревка как средство, чтобы части предмета или части тела существа не могли двигаться («обвязать ящик веревкой»; «связать преступника»); 6) веревка как средство, соединяющее несколько предметов в единый комплекс («связать рис в снопы»); 7) веревка как средство, чтобы соединить предмет или существо с неподвижной опо-

рой и за счет этого не позволить ему перемещаться («привязать коня к столбу»); 8) прикрепление самой веревки к опоре («привязать веревку к столбу»). Создание из веревки сложных конфигураций (плетение и вязание) и ситуации, когда она продергивается в отверстие или натягивается между двумя опорами, в данной статье затрагиваться не будут.

Глаголы, описывающие не меньше двух фреймов в данном семантическом поле, это *kukuru* 'привязывать', *musubu* 'завязывать', *shibaru* 'связывать', *shimeru* 'затягивать' и *tsunagu* 'прикреплять'. Все они, кроме *kukuru*, входят в словарь Частотного словаря японского языка [Freq], включающий пять тысяч наиболее употребительных японских слов всех частей речи, то есть являются высокочастотными. Не рассматривался глагол *uwageru* 'завязывать', который помечен в [БЯРС] как устаревший.

Действия с веревками предполагают деятеля, веревку и опционально один или несколько подвижных или неподвижных предметов, приводимых с ней в контакт. Валентность, оформление которой неизменно во всех диатезах — это деятель: он всегда реализуется подлежащим в номинативе и, соответственно, интересует нас в наименьшей степени. Далее при описании сочетаемости глаголов привязывания будут обсуждаться только другие участники ситуации и их коммуникативные ранги.

От пяти перечисленных выше глаголов образуются так называемые основосложные комплексы разной степени идиоматичности, попадающие в первый класс из четырех, рассматриваемых в работе Подлесская 1993: 20–26 — сочетания, в которых семантическая нагрузка равномерно распределяется между первым и вторым компонентами: *musubu* 'завязывать' + *tsuku* 'прикрепляться' = *musubitsuku* 'соотноситься', *kukuru* 'обвязывать' + *ageru* 'поднимать' = *kukuriageru* 'крепко связывать', *shibaru* 'связывать' + *tsukeru* 'прикреплять' = *shibaritsukeru* 'привязывать', *shimeru* 'стягивать' + *kukuru* 'обвязывать' = *shimekukuru* 'связывать', *tsunagu* 'прикреплять' + *tomeru* 'останавливать' = *tsunagitomeru* 'привязывать' и некоторые другие. Основосложные глаголы часто используются для описания ситуаций привязывания и, конечно, влияют на общий пейзаж семантического поля, однако нам представляется, что сначала следует прояснить значение производных глаголов в их составе, сочетания же требуют отдельного исследования.

В качестве источников материала мы пользовались лексико-семантическими описаниями в словарной форме Koizumi 2000 и Morita 2020 (1989), толковым словарем [Daijisen], японско-английским [Waei], словарем сочетаемости [Hyogen], тезаурусом [Ruigo] и данными трех кор-

пусов — Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка [BCCWJ], Веб-корпуса Национального института японского языка [NWJC] и Веб-корпуса ун-та Цукубы [TWC].

2. «Завязать узел»

В ситуации создания узла, помимо деятеля, задействованы два участника: узел и веревка. Со словом *musubi* 'узел' встречаются прежде всего не глаголы привязывания, а генерические глаголы *tsukuru* 'изготавливать' и *suru* 'делать'. *Tsukuru* оформляет узел аккумулятивом, что типично для создаваемого объекта, а веревку не выражает, как в (1а). *Suru*, как правило, оформляет веревку аккумулятивом, а узел дативом, как в (1б) — это характерное оформление валентности результата. Дативное дополнение результата, описывающее не узел, а результирующую форму веревки в целом, можно видеть в (1в). Существительное *guruguru-maki* букв. 'обмотка во много витков' образовано от идеофона *guruguru*, описывающего многократное движение по кругу.

- (1) а. *Gen no saki ni dango musubi o tsukut-tari...*
струна GEN конец DAT колобок узел ACC изготовить-RPR
'Или сделать (букв. изготовить) круглый узелок на конце струны'. [TWC]
- б. *Koshihimo o oheso no mae de chōchō musubi ni*
пояс ACC пуп GEN перед INS бабочка узел DAT
- б. *shi-mas-u.*
делать-ADR-PRS
'Пояс завязываем бантом (букв. делаем в бант) напротив пупка'. [TWC]
- в. *Obi o guruguru-maki ni su-ru*
пояс ACC обмотка_витками DAT делать-PRS
'Wind a sash around and around the waist without tying the ends'. [Waei]

Среди глаголов привязывания только *musubu* 'завязывать', наиболее частотный согласно [Freq], способен описывать завязывание узла. От этого глагола образовано и само существительное *musubi* 'узел'. Koizumi 2000: 501 и [Daijisen] в явном виде упоминают создание узла в толковании *musubu*, Ё. Морита (Morita 2020 (1989): 114) полагает, что здесь находится центр его семантики. Диатеза *musubu* в данном значении

аналогична *suru* в (1б) — веревка в аккумулятиве как преобразуемый объект, узел в дативе как результат преобразования:

- (2) *Ribon o chōchō musubi ni musub-u.*
лента ACC бабочка узел DAT завязать-PRS
'Завязать ленту бантом (букв. в бант)'. (Koizumi 2000: 501)

3. «Завязать пояс»

В этом фрейме узел уходит на периферию или вообще не выражается, а веревка остается наиболее значимым участником: описывается замыкание контура. Сюда же мы включим такие случаи взаимодействия двух веревок, как 'завязать завязки, шнурки и т. п.' — все те ситуации, где не создается одна свободная более длинная веревка. К примерам типа 'завязать пояс' такие контексты дополнительно приближает то, что число у японских существительных факультативно и обычно не выражается для неодушевленных предметов, т. е. не всегда можно отличить, идет ли речь об одной веревке или о нескольких.

Здесь активно употребляется глагол *musubi* 'завязывать'; словарь [Ruigo] в его толковании описывает именно фрейм «завязать пояс», а не «завязать узел». Веревка, как и в (2) выше, оформляется аккумулятивом. Узел часто не выражается, но в корпусах есть примеры, где он выражен и оформлен инструменталем, как в (3в).

- (3) а. *Hōtai o musub-u.*
бинт ACC завязать-PRS
'Завязать бинт'. [Daijisen]
- б. *Ryō waki no ribon o ushiro de musub-u*
оба бок GEN лента ACC сзади INS завязать-PRS
- б. *taipu no wanpīsu.*
тип GEN платье
'A dress with ribbons on each side tied in the back'. [Waei]
- в. *Himo o chō musubi de musub-u koto.*
шнур ACC бабочка узел INS завязать-PRS NMLZ
'Тот факт, что шнурок/шнурки завязывают бантом'. [TWC]

Второй глагол, представленный в данном фрейме, — *shimeru* 'затягивать'. Рассмотренные нами словари дают ему толкование 'ликвидировать зазор', он имеет широкое значение и сочетается не только с верев-

ками. [Daijisen] и [БЯРС] перечисляют веревки среди всевозможных запирающих устройств, таких как 'закрыть вентиль', 'затянуть винт', 'закрыть окно'. Если *shimeru* описывается в нескольких словарных статьях, как в [Hyogen], в отдельную статью попадают окна и двери, а веревки остаются в одном списке с винтами.

Более подробные семантические описания Koizumi 2000: 238 и Morita 2020 (1989): 115 толкуют интересующее нас значение *shimeru* как 'сделать, чтобы веревка плотно охватывала предмет'. Такая формулировка приближается к фрейму «обвязать ящик веревкой», см. следующий раздел 4, и, возможно, к фрейму «привязать веревку к столбу», раздел 9. Однако к фрейму «обвязать ящик веревкой» мы отнесем другую диатезу *shimeru*, с веревкой в инструментале, пример (13а), к фрейму «привязать веревку к столбу» — случаи, когда предмет, с которым она контактирует, оформлен дативом как место, пример (23). Во фрейм «замкнуть контур» попадут только употребления, где веревка в аккумулятиве является единственным выраженным участником. Они очень частотны, поскольку *shimeru* — основной глагол-спутник для названий предметов одежды данного топологического класса:

- (4) а. *Watashi wa mai nichi nekutai o shime-ru.*
я TOP каждый день галстук ACC затянуть-PRS
'I wear a tie every day'. [Freq]
- б. *Aka-i obi o shime-ta musume-tachi*
красный-PRS пояс ACC затянуть-PST девушка-PL
ga odot-te i-ru.
NOM танцевать-CVB PROG-PRS
'Танцуют девушки в красных поясах (букв. затянувшие красные пояса)'. [Hyogen]

В корпусах достаточно много употреблений, где *shimeru* описывает зашнуровывание обуви, как в (5б), то есть встречается в тех же контекстах, что *musubi* (5а). Если для *musubi* важно, что на шнурках появляется узел, то для *shimeru*, по-видимому, в центре внимания находится не конфигурация веревки, а то, что ее контакт с предметом (ботинком и ногой) становится более плотным.

- (5) а. *Kutsu no himo wa jibun de musub-e-ru yo ne.*
ботинок GEN шнур TOP сам INS завязать-POT-PRS PRT PRT
'You can tie your shoes by yourself, can't you?' [Freq]

- б. *Himo o shime-ru mae ni kutsushita o shikkari*
шнур ACC затянуть-PRS перед DAT носок ACC крепко
hippariage-ru.
вытянуть-PRS
'Прежде чем завязывать шнурки, хорошенько подтянем носки'.
[TWC]

Помимо *shimeru*, в данный фрейм частично заходит еще один генерический глагол, *tsunagu* 'прикреплять'. Пример (6а), который дает для него словарь [Hyogen], можно интерпретировать как создание (восстановление) замкнутого контура, если считать, что разрыв в ожерелье один, то есть соединяются его концы, а не несколько фрагментов.

На самом деле количество фрагментов однозначно определить нельзя. Из-за отсутствия числа у существительного практически так же выглядит пример (6б), но там английский перевод является достаточной причиной, чтобы отнести его к фрейму «связать две веревки», см. следующий раздел.

- (6) а. *Kire-ta nekkuresu o tsunag-u.*
рваться-PST ожерелье ACC прикрепить-PRS
'Соединить порвавшееся ожерелье'. [Hyogen]
б. *Kire-ta ito o tsunag-u.*
рваться-PST нитка ACC прикрепить-PRS
'Join broken strands of thread'. [Waei]

Кроме перечисленных глаголов, в корпусах засвидетельствован в похожих контекстах *shibaru* 'связывать', но примеры единичны:

- (7) *Torenchi no beruto o mae de muzōsa ni shibat-te i-te...*
плащ GEN пояс ACC перед INS небрежный ADV связать-CVB PRG-CVB
'Небрежно завязав пояс плаща спереди'. [BCCWJ]

4. «Связать две веревки»

Данный фрейм описывает ситуацию, когда две веревки привязываются друг к другу, объединяясь тем самым в одну более длинную. Обычно обе они реализуются как один множественный объект в аккумулятиве, а число в японском, как сказано выше, обычно не выражается. Из-за этого при интерпретации материала не всегда легко отличить данный фрейм от предыдущего фрейма «завязать пояс» (скажем, концы обувно-

го шнурка взаимодействуют как две отдельных веревки, но во фрейме «связать две веревки» эта ситуация не должна попасть, поскольку от их связывания не увеличивается общая длина). Минимальные контексты примеров, особенно в одноязычных словарях, зачастую не позволяют определить, конфигурация из скольких предметов создается.

Увеличение общей длины в явном виде упоминает Morita (2020 (1989): 115–118), когда формулирует значение глагола *tsunagu* 'прикреплять'. В словаре [Waei] для *tsunagu* есть несомненный пример (8а), относящийся к фрейму «связать две веревки». Koizumi 2000: 334 иллюстрирует также диатезу, где обе веревки названы в явном виде и одна получает оформление комитативом, пример (8б):

- (8) а. *Shitsu o tsunai-de rōpu no kawari ni shi-ta.*
простыня ACC прикрепить-CVB веревка GEN замена DAT делать-PST
'He tied sheets together to use in place of a rope'. [Waei]
б. *Shin'ichi wa kusari to rōpu o tsunai-da.*
Синъити TOP цепь COM веревка ACC прикрепить-PST
'Синъити связал цепь и веревку'. (Koizumi 2000: 334)

Еще один глагол, для которого фрейм «связать две веревки» упомянут в толковании, — *musubu* 'завязывать' в словаре [Daijisen], однако пример, настолько же однозначный, как (8) для *tsunagu*, для *musubu* удалось найти только в корпусе:

- (9) *Jus-senchi no himo o ippon musub-u goto ni*
десять-сантиметр GEN шнур ACC один завязать-PRS каждый DAT
nana-senchi zutsu zentai no himo no nagasa wa
семь-сантиметр DISTR целое GEN шнур GEN длина TOP
nana-senchi zutsu zentai no himo no nagasa wa
семь-сантиметр DISTR целое GEN шнур GEN длина TOP
'Каждый раз, когда мы привязываем [еще один] десятисантиметровый шнурок, общая длина шнурка будет увеличиваться на семь сантиметров'. [TWC]

5. «Обвязать ящик веревкой»

Данный фрейм, в отличие от предыдущего, включает веревку не как объект, заслуживающий внимания сам по себе, а как средство. Оформление участников типично для ситуаций обработки с помощью средств-

ва: предмет оформляется аккузативом, веревка инструментом. Наиболее типичная цель контакта между таким средством и обвязываемым предметом — чтобы части предмета не двигались и он сохранял компактную форму. Глаголы, представленные здесь, более многочисленны, чем во фреймах, рассмотренных выше.

Прежде всего следует назвать *shibaru* ‘связывать’. Отсутствие указаний на число существительных снова усложняет понимание примеров: данный фрейм не всегда легко отличить от фрейма «связать рис в снопы» (создание комплекса из нескольких предметов), который тоже часто описывается как центр значения *shibaru*. Даже формулировки толкования в словаре [Ruigo] не позволяют полностью исключить, что в примере (10а) ящиков много и они привязаны друг к другу. К счастью, в словаре [Waei] в примере (10б) неоднозначность снимается благодаря переводу на английский. Кроме того, *shibaru* — единственный из глаголов привязывания, который описывает перевязку раны, как в (10в), а в этом случае действие несомненно осуществляется над одиночным предметом.

- (10) а. *Nako o himo de shibar-u.*
ящик ACC шнур INS **связать**-PRS
‘Связать ящик/ящики бечевкой’. [Ruigo]
- б. *Kozutsumi o himo de shibar-u.*
сверток ACC шнур INS **связать**-PRS
‘Tie up a parcel with string’. [Waei]
- в. *Kizuguchi o hankachi de shibar-u.*
рана ACC платок INS **связать**-PRS
‘Tie up a wound with a handkerchief’. [Waei]

Кроме того, фрейм «обвязать ящик веревкой» обслуживается частичным синонимом *shibaru*, глаголом *kukuru* ‘обвязывать’. Его толкование во многих словарях ближе к фрейму «связать рис в снопы», однако [Waei] приводит пример (11), по составу почти идентичный (10а).

- (11) *Nako o himo de kukur-u.*
ящик ACC шнур INS **обвязать**-PRS
‘Обвязать ящик бечевкой’. [Waei]

Примеры, где веревка-средство оформлена инструментом, встречаются и для глагола *musubu* ‘завязывать’. Словари, как и для *shibaru* и *kukuru*, уделяют больше внимания фрейму «связать рис в снопы», но в

корпусах можно найти употребления *musubu* с инструментальным управлением и единичным объектом:

- (12) а. *Ribon de musun-da jibun no purezento.*
лента INS **завязать**-PST сам GEN подарок
‘Свой подарок, перевязанный лентой’. [BCCWJ]
- б. *Soshite, fukuro no kuchi o shikkari himo de musun-da.*
затем мешок GEN рот ACC крепко шнур INS **завязать**-PST
‘Затем накрепко завязал горловину мешка бечевкой’. [BCCWJ]

Наконец, инструментальная диатеза есть и у глагола *shimeru* ‘затягивать’. Обвязываемый объект согласно Koizumi 2000: 238 ограничен частями тела, как в (13а), хотя в некоторых корпусных примерах присутствуют также части одежды, такие как *wesuto* ‘талиа брюк или платья’ (13б):

- (13) а. *Korusetto de koshi o shime-ru.*
корсет INS поясница ACC **стянуть**-PRS
‘Затянуть поясницу корсетом’ (Koizumi 2000: 238).
- б. *Wesuto o himo de shime, kurubushi mo himo de shime-ru zubon.*
талиа ACC шнур INS **стянуть**.CVB щиколотка и шнур INS
стянуть-PRS штаны
‘Штаны, у которых талию затягивают шнурком и щиколотки тоже затягивают шнурком’. [BCCWJ]

6. «Связать преступника»

Особый случай, примыкающий к предыдущему фрейму, — ситуация, когда веревкой обвязывается живое существо, чтобы не позволить ему двигать частями тела. В русском языке тут возможна конструкция с расщеплением объектной валентности: *связать заложнику руки*; в японском ей соответствует конструкция с посессором, букв. ‘связать руки заложника’, как в (14а).

Если ограничиться теми примерами, где в позиции объекта выступает не часть тела, а все существо, то окажется, что в чистом виде данный фрейм описывают только два глагола: *shibaru* ‘связывать’ и *kukuru* ‘обвязывать’, причем *shibaru* встречается чаще. Словарь [Daijisen] дает их в этом контексте как взаимозаменяемые с общим примером (14б).

Средство, оформленное инструментом, можно видеть в примере (14в). Он также любопытен тем, что в нем присутствует существительное *guruguru-maki* «обмотка во много витков», вероятно, в том же качестве, в котором оно было употреблено в (1в) — как дополнение результата. Однако в отличие от фрейма «связать рис в снопы», который будет рассмотрен в следующем разделе, для фрейма «связать преступника» результативная валентность не характерна, нам удалось найти только еще одну лексему: *ushirote* ‘руки сзади’, представленную в (14г). Для *kukuru* ‘обвязывать’ примеры с этими же дополнениями результата встречаются в интернете в небольшом количестве и отсутствуют в корпусах.

- (14) а. *Hitojichi no te ashi o shibar-u.*
заложник GEN рука нога ACC связать-PRS
‘Tie up a hostage's hands and feet’. [Waei]
- б. *Hannin o kukur-u (shibar-u).*
преступник ACC обвязать-PRS (связать-PRS)
‘Связать преступника’. [Daijisen]
- в. *Nakisakebu mono o shitsu de guruguru-maki ni*
плакать NMLZ ACC простыня INS обмотка_витками DAT
ni shibat-te...
DAT связать-CVB
‘Спеленав (букв. связав в многослойную обмотку) их, рыдающих, простынями’. [NWJC]
- г. *Hannin o ushirote ni shibar-u.*
преступник ACC руки_назад DAT обвязать-PRS
‘Связать преступнику руки за спиной (букв. связать преступника в [позу] руки сзади)’. [Waei]

7. «Связать рис в снопы»

Данный фрейм обслуживается тремя специализированными глаголами привязывания: *musubu* ‘завязывать’, *shibaru* ‘связывать’, *kukuru* ‘обвязывать’. Он описывает соединение нескольких предметов, при котором они располагаются компактно и не могут двигаться друг относительно друга. Предметов может быть два, тогда один из них оформляется комитативом, другой аккузативом, или несколько — тогда они выступают как собирательный объект в аккузативе без указаний на количество. Веревка-средство оформляется инструментом. Опционально

может присутствовать дативное дополнение, описывающее форму всего комплекса, как в (15а), или веревки, как в (16а).

Самое разнообразное синтаксическое поведение показал глагол *musubu* ‘завязывать’ — валентность результата, оформленную дативом, можно видеть в (15а), средство в инструменте в (15б). Комитативную диатезу упоминает Morita (2020 (1989): 116). Сообщая, что *musubu* не описывает привязывание к опоре (фрейм «привязать коня к столбу», см. ниже), он уточняет, что причина в неравноправии опоры и траектора, а для двух равноправных объектов глагол *musubu* возможен. Действительно, такие примеры, как (15в), встречаются в корпусах.

- (15) а. *Ine o taba ni musub-u.*
рис ACC сноп DAT завязать-PRS
‘Связать рис в снопы’. (Koizumi 2000: 501).
- б. *Kami o ribon de musub-u.*
волосы ACC лента INS завязать-PRS
‘Завязать волосы лентой’. (Koizumi 2000: 501)
- в. *Ishi to ishi o takoito de musun-de...*
камень COM камень ACC толстая.нитка INS завязать-CVB
‘Связав два камня (букв. камень и камень) толстой ниткой’. [TWC]

Фрейм «связать рис в снопы» в нескольких словарях фигурирует как центральный в толкованиях глаголов *shibaru* ‘связывать’ и *kukuru* ‘обвязывать’. Для *shibaru* словарь [Waei] иллюстрирует примером (16а) сразу трех участников ситуации — объект в аккузативе, средство в инструменте и результирующую форму веревки в дативе. Очень похожий пример (16б) приводится для *kukuru* в словаре [Daijisen].

- (16) а. *Furu shimbun o himo de jūmoji ni shibar-u.*
старый газета ACC шнур INS крест DAT связать-PRS
‘Tie up old newspapers crisscross fashion with string’. [Waei]
- б. *Furu shimbun o himo de kukur-u.*
старый газета ACC шнур INS обвязать-PRS
‘Связать старые газеты бечевкой’. [Daijisen]

Глагол *tsunagu* ‘прикреплять’ в данном фрейме не используется, уступая место специализированным глаголам. Сам *tsunagu* не содержит указания на способ соединения предметов, но словари дают в основном примеры без участия веревок, такие как сцепка железнодорожных ваго-

нов. Даже пример (17), где присутствует нитка в инструментале, описывает не привязывание, а нанизывание:

- (17) *Bīzu o ito de tsunag-u.*
бусина ACC нитка INS прикрепить-PRS
'String beads'. [Waei]

8. «Привязать коня к столбу»

В отличие от фреймов «обвязать ящик веревкой» и «связать преступника», фрейм, который мы условно назвали «привязать коня к столбу», не делает различия между одушевленными и неодушевленными объектами, набор глаголов для тех и других оказался одинаковым. В качестве прямого объекта выступает существо или предмет, который прикрепляется к неподвижной опоре и за счет этого теряет способность перемещаться. Вербка-средство ожидаемо оформляется инструменталем, опора либо не выражается, либо получает оформление дативом, типичное для места и конечной точки.

Во фрейме «привязать коня к столбу» активно используется генерический глагол *tsunagu* 'прикреплять'. Оформление всех участников ситуации в одном примере для него можно видеть в (18а). С невыраженными средством и ориентиром это основной способ передать значение 'привязать животное', как в (18б); типичный неодушевленный объект представлен в (18в). Поскольку значение *tsunagu* шире, чем у специализированных глаголов привязывания, он описывает и непрототипические ситуации, как в (18г) — лошадь прикрепляется к повозке более сложным средством, чем веревка, и не с целью ограничить подвижность лошади.

- (18) а. *Ani wa uma o kui ni rōpu de tsunai-da.*
брат TOP лошадь ACC столб DAT веревка INS прикрепить-PRS
'Брат привязал коня к столбу веревкой'. [Hyogen]
- б. *Inu o soto ni tsunai-de mat-ase-ru toki.*
собака ACC снаружи DAT прикрепить-CVB ждать-CAUS-PRS время
'Когда привязываешь собаку снаружи и велишь ей ждать'. [Waei]
- в. *Fune o kishi ni tsunag-u.*
лодка ACC берег DAT прикрепить-PRS
'Moor a ship to the bank'. [Waei]
- г. *Uma o basha ni tsunag-u.*
лошадь ACC повозка DAT прикрепить-PRS
'Запрягать лошадь в повозку'. [БЯРС]

Для *shibaru* 'связывать' и *kukuru* 'обвязывать' привязывание предмета к опоре — тоже одна из центральных ситуаций. В словарях можно видеть такие примеры, как (19а), (20а) с одушевленным объектом и (19б), (20б) с неодушевленным:

- (19) а. *Hitojichi o rōpu de isu ni shibar-u.*
заложник ACC веревка INS стул DAT связать-PRS
'Привязать заложника веревкой к стулу' (Koizumi 2000: 235).
- б. *Maki o himo de senaka ni shibar-u.*
дрова ACC шнур INS спина DAT связать-PRS
'Привязать дрова веревкой к спине' (Koizumi 2000: 235).
- (20) а. *Hannin o ki ni kukur-u.*
преступник ACC дерево DAT обвязать-PRS
'Привязать преступника к дереву'. [Daijisen]
- б. *Fude, suzuri, sumi o ire-ta fukuro o taka no ashi ni kukur-i hanats-u.*
кисть тушечница тушь ACC класть-PST мешок ACC сокол GEN
нога DAT обвязать-CVB отпустить-PRS
'Привязывает к лапе сокола мешочек с кистью, тушечницей и тушью и отпускает'. [TWC]

Контексты, соответствующие фрейму «привязать коня к столбу», Morita (2020 (1989): 116) специально отмечает как нехарактерные для *musubu* 'завязывать'. Тем не менее удалось найти единичный пример, который, по-видимому, сюда относится:

- (21) *Kana wa ude ni himo de musun-de i-ta kagi o watashi ni watash-ita.*
Кана TOP рука DAT шнур INS завязать-CVB PROG-PST ключ ACC
я DAT передать-PST
'Кана отдала мне ключ, который носила привязанным веревочкой к руке'. [BCCWJ]

9. «Привязать веревку к столбу»

Ситуация, близкая к предыдущему фрейму, возможна и с меньшим количеством участников. В отсутствие привязываемого объекта веревка выступает не как средство, а как полноценный траектор, и оформляется аккузативом.

Такие примеры даются словарями для *musubu* ‘завязывать’, (22а), и для *tsunagu* ‘прикреплять’, (22б). В отличие от них, для *shibaru* ‘связывать’ диатезу с веревкой в аккузативе не приводит даже Koizumi 2000, но в корпусах встречаются отдельные примеры, такие как (22в). Аналогичные употребления можно найти и для *kukuru* ‘обвязывать’, (22г).

- (22) а. *Osagegami ni aka-i ribbon o musub-u.*
 коса DAT красный-PRS лента ACC завязать-PRS
 ‘Привязать к косе красную ленту’. [Hyogen]
- б. *Ryōshi ga kui ni rōpu o tsunai-da.*
 рыбак NOM столб DAT веревка ACC прикрепить-PRS
 ‘Рыбак привязал к столбу веревку’. (Koizumi 2000: 334)
- в. *Hikigaeru o tsukamae-te ki-te wa, hara ni himo o shibat-te furimawash-itari...*
 жаба ACC ловить-CVB AUX-CVB TOP живот DAT шнур ACC
 связать-CVB крутить-RPR
 ‘Или ловили жабу, привязывали ей к животу веревку и крутили’. [BCCWJ]
- г. *Sentakubasami ni ito o kukur-i...*
 прищепка DAT нитка ACC обвязать-CVB
 ‘Привязав к бельевой прищепке нитку’. [BCCWJ]

Для глагола *shimeru* ‘затягивать’ данный фрейм граничит с фреймом «завязать пояс». Поскольку *shimeru* описывает не любую веревочную петлю, а только такую, которая что-либо плотно охватывает, основное различие для него пройдет по коммуникативному рангу предмета относительно веревки. Выше, в разделе 3, можно было видеть примеры, где предмет не выражен. В отличие от них, к фрейму «привязать веревку к столбу» мы отнесем случаи, когда предмет достаточно близок к фокусу внимания, чтобы получить оформление дативом, типичное для места или конечной точки:

- (23) *Kare no kubi ni nekutai o shime-ru.*
 он GEN шея DAT галстук ACC завязать-PRS
 ‘Повязать галстук ему на шею (букв. затынуть на его шее)’ (Koizumi 2000: 238) — ср. (4а).

10. Заключение

В следующей таблице можно видеть распределение пяти рассмотренных глаголов привязывания по восьми выделенным нами фреймам.

Двойным кружком отмечены ситуации, которые в явном виде описываются в словарных толкованиях, одинарным — те, для которых в словарях есть примеры, пометой «корп.» обозначены употребления, встретившиеся только в корпусах.

Таблица 1. Распределение глаголов по фреймам.

фрейм	<i>musubu</i>	<i>shibaru</i>	<i>kukuru</i>	<i>shimeru</i>	<i>tsunagu</i>
узел	⊙	—	—	—	—
пояс	⊙	корп.	—	⊙	○
две веревки	⊙	—	—	—	⊙
ящик	корп.	⊙	○	○	—
преступника	—	⊙	○	—	—
рис в снопы	○	⊙	⊙	—	—
коня к столбу	корп.	⊙	⊙	—	⊙
веревку к столбу	○	корп.	корп.	○	○

Глядя на общую картину, можно сказать, что набор фреймов достаточно хорошо характеризует каждую из этих лексических единиц.

Два из пяти рассмотренных глаголов, *tsunagu* и *shimeru*, являются генерическими, и из всех фреймов они охватывают не больше половины, то есть заходят в семантическое поле привязывания лишь частично.

Shimeru ‘затягивать’ описывает такое действие запирающего устройства, при котором в нем возникает предельно плотный контакт, например, между закрытой дверью и рамой. В случае веревки это плотное прилегание по всей длине — поэтому среди сочетаний с *shimeru* нет действий с концом веревки («связать две веревки», «привязать коня к столбу»). Кроме того, веревка и/или охваченные ею предметы должны составлять единый комплекс — поэтому нет сочетаний с группой разрозненных объектов («связать рис в снопы») и с такими объектами, для которых контакт с веревкой не является нормальным («связать преступника» в отличие от «завязать пояс на талии»).

Глагол *tsunagu* ‘прикреплять’ предполагает определенную пространственную конфигурацию: такое соединение предметов, при котором один становится как бы продолжением другого. Соответственно, для *tsunagu* непрерывность результирующей веревки более важна, чем замкнутость или незамкнутость контура. Наиболее типичны для него

ситуации, когда общая длина комплекса увеличивается («связать две веревки», «привязать коня к столбу» — к длине веревки прибавляется размер коня). Ситуация, когда веревка охватывает один или несколько предметов и это важно («обвязать ящик веревкой», «связать преступника», «связать рис в снопы») не описывается данным глаголом.

В отличие от них, три специализированных глагола привязывания, *musubu* 'завязывать', *shibaru* 'связывать' и *kukuru* 'обвязывать', практически универсальны: каждый из них встречается почти во всех фреймах.

Это не мешает им отдавать особое предпочтение тому или иному типу ситуаций. Глагол *musubu* 'завязывать' единственный представлен в фрейме создания узла, и некоторые словари подчеркивают это, начиная толкование *musubu* с данной ситуации. При этом из всех рассмотренных глаголов *musubu* встречается в наибольшем количестве фреймов — во всех, кроме «связать преступника», что позволяет назвать его доминантой данного семантического поля в терминах Московской лексико-типологической группы. Для *shibaru* 'связывать' и *kukuru* 'обвязывать' центральным является значение плотного скрепления нескольких предметов друг с другом и смежные ситуации — обвязывание веревкой одного предмета и его плотное прикрепление к опоре. Все три глагола являются близкими синонимами и часто толкуются друг через друга, так что похожая сочетаемость отражает их семантическое сходство.

Фреймовый подход успешно применялся в типологических исследованиях регулярной метафоризации — например, в работе Рахилина (сост.) 2015 рассматриваются глаголы звуков животных с точки зрения того, в какие семантические поля попадают их переносные значения. Обзор японских глаголов привязывания, предложенный нами, показывает, что даже если не учитывать метафорику, а ограничиться метонимией в рамках исходного семантического поля в одном языке, анализ элементарных ситуаций помогает пролить свет на семантику единиц, обслуживающих это поле.

Сокращения

ACC — винительный падеж; ADR — адрессив; ADV — показатель обстоятельства; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузативный залог; COM — совместный падеж; CVB — деепричастие; DAT — дательный падеж; DISTR — дистрибутивный показатель; GEN — родительный падеж; INS — инструментальный падеж; NMLZ — субстантиватор; NOM — именительный падеж; PL — множественное число; POT — потенциальный залог; PROG — длительный вид; PRS — настоящее-будущее

время; PRT — частица; PST — прошедшее время; RPR — деепричастие репрезентативности; TOP — топик

Литература и источники

- Зализняк Анна А. 2013. Семантический переход как объект типологии. *Вопросы языкознания*, № 2, 32–51.
- Падучева Е. В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры.
- Подлесская В. И. 1993. *Сложное предложение в современном японском языке*. М.: ИВРАН.
- Рахилина Е. В. (сост.) 2015. *Глаголы звуков животных: типология метафор*. М.: Языки славянской культуры.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. 2013. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–31.
- Резникова Т. А., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. 2020. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, v. 16.1, 9–63.
- Щерба Л. В. 1974. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука.
- Koizumi, T. (ed). 2000. *Nihongo dōshi yōhō jiten* (Словарь узуса глаголов японского языка). Tokyo: Taishukan shoten.
- Kortjevskaja-Tamm, M. 2008. Approaching lexical typology. *From polysemy to semantic change: A typology of lexical semantic associations*. Amsterdam: John Benjamins, 3–54.
- Morita, Y. 2020 (1989). *Kiso nihongo imi to tsukaikata* (Базовая японская лексика: семантика и употребление). Tokyo: Kadokawa shoten.
- [БЯРС] — *Большой японско-русский словарь*. 1970. М.: Советская энциклопедия.
- [BCCWJ] — *Balanced corpus of contemporary written Japanese*. [Электронный ресурс]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search>
- [Daijisen] — *Daijisen* (Толковый словарь «Дайдзисэн»). 1997. [Электронное издание]. Tokyo: Shogakukan.
- [Freq] — *A Frequency dictionary of Japanese*. 2013. New York: Routledge.
- [Hyōgen] — *Nihongo hyōgen katsuyō jiten* (Активный словарь конструкций японского языка). 2004. [Электронное издание]. Tokyo: Kenkyusha.
- [NWJC] — *NINJAL Web Japanese Corpus* [Электронный ресурс]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/nwjc/search>
- [Ruigo] — *Kadokawa ruigo shinjiten* (Новый словарь синонимов изд-ва «Кадокава»). 1981. [Электронное издание]. Tokyo: Kadokawa shoten.
- [TWC] — *Tsukuba web corpus* [Электронный ресурс]. URL: <https://tsukubawebcorpus.jp/>
- [Waei] — *Shin waei daijiten* (Новый большой японско-английский словарь). 2003. [Электронное издание]. Tokyo: Kenkyusha.

ИНОЙ И ДРУГОЙ: ДАННЫЕ МИКРОДИАХРОНИИ

О. Е. Пекелис

(Российский государственный гуманитарный университет)

opekelis@gmail.com

В статье исследуется эволюция слов *иной* и *другой* после XVIII в. По данным Национального корпуса русского языка, современная система противопоставления этих слов в языке XVIII–XIX вв. отсутствовала. С одной стороны, *иной* не имело тех отличий от *другой*, которые демонстрирует сегодня. С другой стороны, *другой* отличалось от *иной* способностью к аддитивному употреблению, в современном языке не сохранившейся. Употребление слов со значением ‘другой’ в качестве аддитивного маркера типологически регулярно и присутствует, например, в английском и итальянском. Сопоставление аддитивного *другой* в этих языках с *другой* в русском языке XVIII–XIX вв. позволяет увидеть у ‘другой’ разные «стадии» аддитивности.

Веру Исааковне
с благодарностью и любовью

Мир каждый видит в облике ином,
и каждый прав:
так много смысла в нем.
И. В. Гете

1. Введение

Выражениям со значением ‘другой’ посвящена значительная литература (Подлеская 1988, Cinque 2015, Черемисинова, Ландер 2018, Олейникова 2022 и др.). В современном русском языке это значение выражается прежде всего словами *иной* и *другой*, которые противопоставлены по двум основным семантическим признакам (Богуславская 2003). Во-первых, *иной* не используется в том случае, когда нужно выразить простое несовпадение объектов, а не качественные различия между ними. По этой причине *иной* не сочетается, например, с такими существительными, как *город* или *улица*, если речь идет о местонахождении:¹

¹ Примеры с указанием источника, если не сказано иное, заимствованы в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgora.ru).

- (1) *Дошёл до угла здания, свернул на другую (*иную) улицу и остановился.* [Василь Быков. Бедные люди (1998)]

Затруднено сочетание *иной* с обозначениями лиц через указание на должность или профессию:

- (2) *К этому моменту Валентина Рождественская ушла в отпуск, и об окончании работы мы доложили уже другой (*иной) преподавательнице, доценту Елене Алексеевне Лехно.* [Запись LiveJournal (2004)]
- (3) *А мне нравилась жена другого (*иногo) президента — изящная, тонкая, интеллектуалка.* [«Вечерняя Москва», 14.03.2002]

При сочетании с именами собственными *иной* указывает на разные ипостаси одного и того же лица (4), а *другой* может обозначать разных лиц с одинаковым именем (5):

- (4) *Но вот в спектакле Питера Брука я внезапно увидел совершенно иного Лира.* [Анатолий Эфрос. Профессия: режиссер (1975–1987)]
- (5) *Пушкин, впрочем, на эту Катеньку внимания не обратил, но другой (*иной) Катеньке, Вельяшевой, посвятил стихотворение «Подъезжая под Ижоры...».* [«Волга», 2016]

Еще одно современное отличие *иной* от *другой* состоит в том, что только *иной* может выступать в значении неопределенного местоимения — ‘какой-то, некоторый’:

- (6) *Теперь Илья покупает не просто новые модели, а целенаправленно ищет и заказывает те, которые хочет иметь в своём автопарке. Иные (?? Другие) модели в его коллекции стоят 5 — 7 тысяч рублей.* [«Новгородские ведомости», 2012]

Настоящая работа посвящена вопросу о том, как эволюционировала система противопоставления *иной* и *другой* после XVIII в.² По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в XVIII в. эта система существенно отличалась от современной. С одной стороны, ни один из упомянутых признаков не определял конкуренцию *иной* и *другой* в этот период: *иной*, как и современное *другой*, могло указывать на простое несовпадение объектов (см. раздел 2); *другой*, как и современное *иной*,

² Исследование продолжает проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ, посвященный русскому языку XIX в. (см. подробнее Рахилина и др. 2016).

могло использоваться в значении неопределенного местоимения (см. раздел 3). С другой стороны, между *иной* и *другой* действовало различие, к сегодняшнему дню утраченное: *другой*, в отличие от *иной*, могло использоваться в аддитивном значении (см. раздел 4).

2. Несовпадение объектов vs. свойств

В русском языке XVIII–XIX вв. *иной* могло выражать несовпадение объектов без указания на качественные различия между ними. В текстах этого периода встречаются примеры, в которых современная норма, ввиду соответствующего ограничения на употребление *иной*, требует использовать *другой*. Ср. сочетание *иной* с существительным *город* в (7) и с обозначениями лиц в (8) и (9):

- (7) *Буде кто ремесленной записной въ Управъ пожелаетъ переселиться въ иной городъ, и о томъ Управъ объявитъ: то Управа въ томъ препятствія чинить не должна.* [[Екатерина II]. Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи (1785)]
- (8) *Князь казнить, аже мужъ оженится иною женою, а съ старою ропустить.* [И. И. Лепехин. Продолженіе Дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1771 году (1771)]
- (9) *Отмечают градской закон Устиньяна-царя и иных царей благодетельных!..* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)]

В (10) *иной* используется при сопоставлении вишневого сока с другими — здесь снова речь идет о несовпадении собственно объектов, а их свойства остаются в тени:

- (10) *Напитки также у них немногообразны и состоят в кофее, шербеете, составляемом из вишенного и иного соку и некоторых других подобных.* [П. А. Левашов. Цареградские письма (1789)]

В современном языке *иной* тоже употребляется с обозначениями напитков, но в этом случае подразумевается различие в свойствах:

- (11) *Акции, купоны и прочие средства стимулирования чаще затрагивают средний и премиум-сегмент алкогольного рынка, тогда как*

группой особого риска употребляются совсем иные напитки. [lenta.ru, 2017.02]

Особенно показательное использование *другой* и *иной* в конструкциях с количественными числительными, как в (12). Указание на точное количество объектов форсирует прочтение, при котором сопоставляются собственно объекты, а не их свойства. Поэтому в современном языке *иной* в таком контексте затруднен.

- (12) *Фильм «Властелин колец» — только первая часть единого целого (два других (?-иных) фильма планируют выпустить в этом и следующие года).* [«Вечерняя Москва», 2002.02.07]

В единичных современных примерах с *иной* в количественной конструкции в составе НКРЯ речь идет о качественном различии между объектами, ср. (13) и (14). В (14) это значение подчеркивается модификатором *несколько*.

- (13) *Ни авиакомпания «Трансаэро», ни ее акционеры не были инициаторами данной консолидации. Руководство авиапредприятия предлагало два иных сценария: реализация ранее принятого решения о создании банковского синдиката либо финансовая докапитализация компании.* [Известия, 2015.09]
- (14) *В ноябре предложения перейти к непрямым формам выборов губернаторов сформулировали эксперты фонда ИСЭПИ. Его глава Дмитрий Бадовский вчера отметил, что фонд предлагал несколько иных четыре модели.* [Коммерсант, 2012.12]

Между тем, в текстах XVIII–XIX вв. *иной* встречается в составе количественной конструкции и при сопоставлении собственно объектов, но не их свойств:

- (15) *Когда Господь восхотел отправить апостолов Своих на проповедь к погибшим овцам дома Израилева, то увидел, что их мало, почему и сказал: «жатвы много, а делателей мало»; по этой причине Господь явил миру и иных семьдесят учеников, которых послал по два перед лицом Своим в каждый город и селение* [«Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, 1651–1709]
- (16) *Слушай же мое скрипливое колесо то! Иныя три колеса бремя носят, а ты едино хочещи быти без бремени.* [митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722)]

- (17) *Все было спокойно; но великий князь прислал в город еще двух иных наместников, Василия Китая и боярина Ивана Зиновьевича, для соблюдения тишины, велел им занять дом архиепископский.* [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 6 (1811–1818)]

Существенно, что *иной* встречается в таком контексте как в постпозиции (17), так и в препозиции (15), (16) к числительному. Как замечено в Черемисинова, Ландер (2018), слова со значением ‘другой’ обнаруживают по ряду признаков сходство с детерминаторами; например, они тяготеют к периферии именной группы по сравнению с прилагательными (Ibid.: 113). С точки зрения последнего признака такие слова одновременно сближаются с притяжательными местоимениями. Известно, между тем, что позиция притяжательного местоимения в составе количественной конструкции в русском языке может влиять на интерпретацию конструкции: расположение местоимения слева от числительного сопряжено с определенной интерпретацией именной группы и исчерпывающей интерпретацией местоимения (Лютикова 2018: 136, см. также Kagan, Pereltsvaig 2009). Ср. контраст в (18а) и (18б) (из Лютикова 2018: 39):

- (18) а. *Мои два сына уже окончили школу.* — ‘У меня два сына’
 б. *Два моих сына уже окончили школу.* — ‘У меня может быть более двух сыновей’

Близкое противопоставление, по-видимому, может возникать и в контексте слова *другой*. В (19) широкий контекст подсказывает неисчерпывающую интерпретацию *другой*: на дороге в момент столкновения вполне могли находиться машины, столкновением не затронутые. Как кажется, этому соответствует меньшая естественность обратного порядка числительного и слова *другой*:

- (19) *Находясь за рулём спорткара Audi RS6, он выехал на встречную полосу и врезался в четыре другие машины (другие четыре машины).* [Парламентская газета, 2021.12]

Если верно, что препозитивное *другой* тяготеет к определенной интерпретации именной группы, можно говорить о том, что близость к детерминатору у препозитивного *другой* выражена в наибольшей степени. При этом для современного *иной* сочетание с определенными группами нехарактерно; в частности, *иной* не может быть употреблен в значении ‘все остальные’ (Богуславская 2003: 300–301), т. е. как раз в том значении, с которым ассоциируется *другой* в позиции перед числительным. Ср. (20):

- (20) *Сверху связки на том же стволе были прикреплены четыре металлических тарелки, из которых две большие, отлитые из олова, были европейского происхождения. Другие две тарелки (= ‘остальные тарелки’) имели около 3,5 дюйма в диаметре и были из серебра.* [«Наука в России», 2014]

Таким образом, примеры с *иной* левее числительного в текстах XVIII–XIX вв., выражающие различие собственно объектов, а не их свойств, иллюстрируют произошедший сдвиг в употреблении *иной* особенно ярко. Обратим внимание, что среди этих примеров встречаются и такие, где именная группа, содержащая *иной*, получает определенную интерпретацию. Ср. пример (16), повторенный в (21) для удобства изложения:

- (21) *Слушай же мое скрипливое колесо то! Иных три колеса (= ‘остальные колеса’) бремя носят, а ты едино хочещи быти без бремени.* [митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722)]

3. Значение ‘некоторый’

Местоимение *иной* в неопределенном значении может употребляться в некоторых контекстах, доступных неопределенным местоимениям на *-то* (22), и в некоторых контекстах, доступных местоимениям на *-нибудь* (23), но, по-видимому, наиболее тесно пересекается в своей дистрибуции с местоимением *некоторые*, ср. уместность замены *иной* на *некоторые* и в (22), и в (23).

- (22) *Все рассыпалось при нашем появлении: иных (^{OK}кого-то, ^{??}кого-нибудь, ^{OK}некоторых) мы захватили в плен, не только без оружия, но даже без одежды, иных (^{OK}кого-то, ^{??}кого-нибудь, ^{OK}некоторых) вытащили из сараев.* [Д. В. Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 года (1830–1835)]
- (23) *Это был еще молодой человек, для лакея одетый прекрасно, не хуже иного (^{??}какого-то, ^{OK}какого-нибудь) губернского франта (^{OK}некоторых губернских франтов).* [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)]

Сегодня, как отмечается во Введении, значение ‘некоторый’ имеет только *иной*, но не *другой*. Однако словари древнерусского языка фиксируют такое значение как у *иной* (Срезневский 1893: т.1, 109, СлРЯ XI–

XVII вв.: т.6, 240), так и у *другой* (Срезневский 1893: т.1, 728, СлРЯ XI–XVII вв.: т. 4, 361). В XIX в. *другой* в этом значении все еще использовалось:

- (24) *Жалованье жалованью рознь, посконная ты голова! Другой* (*≈ некоторые*) *и в генеральском чине, да ничего не получает.* [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)]
- (25) *Такой пес! такой пес! Другому человеку* (*≈ Некоторым людям*) *так не понять, как он понимает!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Верный Трезор (1869–1886)]

В современном языке напоминанием о значении ‘некоторый’ служит выражение *другой раз* (т. е. ‘иной раз, иногда’). Сегодня оно изредка встречается в стилизованных или просторечных текстах:

- (26) *Другой раз так бы и треснула по телевизору, когда наших руководителей показывают, да телевизор жалко.* [Аргументы и факты, 1994.04]

Заметим, впрочем, что и *иной* в значении ‘некоторый’ употребляется в современном языке реже, чем в XVIII–XIX вв. Количественные данные в таб. 1 демонстрируют сопоставительную частотность *иной* в значениях ‘другой’ и ‘некоторый’ в первых 100 случайных вхождениях *иной* в трех подкорпусах НКРЯ: подкорпусе текстов XVIII–XIX вв., XX в. и в Газетном корпусе. Последний содержит тексты СМИ 1980х—2000х гг., которые, можно думать, менее подвержены стилизации, чем тексты художественной литературы, преобладающие в Основном корпусе, а потому более точно отражают современную норму. Данные в таб. 1 указывают на то, что доля *иной* в значении ‘некоторый’ после XVIII в. последовательно падает (различие между строками статистически значимо; критерий χ^2 , $P < 0,05$ при сравнении подкорпуса XX в. и Газетного корпуса и $P < 0,01$ в остальных случаях).

Таблица 1. Частотность *иной* в значениях ‘другой’ и ‘некоторый’ по периодам (НКРЯ; первые 100 случайных вхождений)

	‘другой’	‘некоторый’	всего	доля ‘некоторый’
1701–1900	48	52	100	0,5
1901–2000	80	20	100	0,2
Газетный	91	9	100	0,1

Более широкое распространение *иной* в неопределенном значении в языке XVIII–XIX вв. по сравнению с современным языком иллюстрирует особая сопоставительная конструкция (27). Она состоит из двух или более клауз, из которых первая вводит некоторый объект, а вторая (и дальнейшие, если они есть) — другой объект, сопоставляемый с первым:

- (27) *Одни* (^{OK}*Некоторые*) *дачники живут за городом постоянно, другие приезжают время от времени.* [Парламентская газета, 2021.12]

В современном языке, как демонстрирует (27), первый компонент конструкции вводится словом *один* или *некоторые*, а второй — словом *другой*. В редких случаях в позиции второго компонента сегодня используется *иной* — в значении ‘другой’:

- (28) *Одни обзавелись западными партнерами, иные мечтают бросить нефть и заняться футболом.* [Ведомости, 2005.07]

В текстах XVIII–XIX вв., между тем, *иной* могло использоваться и в позиции первого компонента — в значении ‘некоторый’:

- (29) *Наконец увидела я множество теней в сём храме, иные из них ходили, другие сидели, но, впрочем, все имели печальные виды.* [М. Д. Чулков. Пересемешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

Из современного языка сочетание *иные ... другие* почти ушло: в Газетном корпусе НКРЯ обнаружилось лишь 2 таких примера (0,003 *item per million*) против 175 примеров (0,5 *ipm*) в Основном.³

Таким образом, современное отличие *иной* от *другой* — наличие у первого, но не у второго слова значения ‘некоторый’ — возникло из-за того, что *иной* и *другой* устаревали в этом значении с разной скоростью.

4. Аддитивное значение

Слова со значением ‘другой’ в некоторых языках получают аддитивное значение, близкое к значению слова *еще*. Аддитивное употребление допускают, например, английское *another* (30) и итальянское *altro* (31). Как демонстрируется в (Thomas 2011), такое употребление возникает прежде всего в контексте количественной конструкции.

³ Запрос: -или иной, pl, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 другой, pl, асомма, на расстоянии от 4 до 8.

(30) *They ordered another two beers.* (Cinque 2015: 23)

‘Они заказали еще два пива’.

(31) *Dammi altri cinque minuti!* (Ibid.)

‘Дай мне еще пять минут!’

В современном русском *другой* может использоваться в похожем значении, ср. заменимость *другой* на *еще* в (32) и (33) (*иной* такого употребления не допускает просто потому, что почти не используется сегодня в составе количественной конструкции, см. подробнее раздел 2).

(32) *Холмик с крестом был перед оградой, возле дороги. Рядом с двумя другими крестами* (≈ с еще двумя крестами). [Анатолий Алексин. Раздел имущества (1979)]

(33) *Два других источника* (≈ еще два источника) *заявили, что телеконференция пройдет на следующей неделе.* [NEWSru.com, 2021.02]

Обратим внимание, что близость *другой* к аддитивному показателю проявляется прежде всего при постпозиции *другой* по отношению к числительному. Как замечено в разделе 2, препозиция ассоциируется с исчерпывающей интерпретацией. Слово *еще*, между тем, вносит идею добавления к чему-то, ранее упомянутому (Богуславский 1996: 259), но не содержит указания на закрытое множество и исчерпанность. Поэтому замена препозитивного *другой* на *еще* может быть затруднена:⁴

(34) *Другие два* (≈ еще два) *оппонента — представители «Коммунистов России» и РППСС.* [Ведомости, 2021.08]

Однако употребление типа (32) и (33) лишь сближается с аддитивным, но не является таковым в настоящем смысле слова. Собственно аддитивным уместно считать такое употребление, при котором анафорическое значение ‘другой’ (≈ ‘отличный от antecedента’) отсутствует. Такое употребление возникает в случае, если интерпретация ‘другой’ становится неуместной. Это происходит при сочетании с именами объ-

⁴ Этим отличия *еще* от близкого к аддитивному *другой* не исчерпываются. Еще одно отличие заключается в том, что *другой* затруднен в абсолютном начале текста — как в (i), представляющем собой заголовок газетной статьи:

(i) *В США обвинили в киберпреступлениях еще четырех граждан* (≈ четырех других граждан) *РФ.* [Ведомости, 2021.12]

Это свойство *другой*, очевидно, связано с тем, что в абсолютном начале текста невозможна анафора, которая составляет важную часть семантики *другой*.

ектов, которые с прагматической точки зрения нелепо противопоставлять, т. е. считать разными представителями некоторого класса — например, с обозначениями денежных купюр (35) или отрезков времени (36). Как демонстрируют примеры (35) и (36), в современном языке *другой* в собственно аддитивном значении не употребляется:

(35) *Через год Грета попала под машину, и Наташа выложила за операцию еще пятьсот долларов* (≈ другие пятьсот долларов, ≈ пятьсот других долларов). [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)]

(36) *Этой работой мы занимались ещё две недели* (≈ другие две недели, ≈ две других недели). [Запись LiveJournal (2004)]

Близким к собственно аддитивному может считаться особое значение, выделяемое у *другой* в (СлРЯ XVIII в.: т. 7, 15): ‘совершенно подобный, равный первому, настоящему’. Ср. в (37) современный пример с *другой* в этом значении, где *другой* синонимично ‘еще один’. Однако такое употребление обладает весьма узкой дистрибуцией: вершиной *другой* могут выступать, по-видимому, только имена собственные.

(37) *Это гений. Может, родится кто-то другой, подобный, но подобное и есть подобное, его и звать будут иначе. Такого больше не будет точно. Как в хоккее с шайбой не будет другого Харламова.* [Советский спорт, 2011.03]

Между тем, в языке XVIII–XIX вв. собственно аддитивное *другой* существовало. В (38)—(40) сегодня нужно употребить *еще*, а не *другой*:

(38) *По приѣздѣ къ Калишѣ, я принесѣ къ нему краткія выписки изъ сихъ, оставшихся безъ всякаго удовлетворенія просьбѣ, пересказалъ затрудненіе мое и предложилъ, не угодно ли будетъ ему приказать отпустить мнѣ каждый разъ по тысячи рублей, которые когда всѣ выдутъ, тогда я представлю отчетъ съ требованіемъ другой тысячи* (ср. еще тысячи), *и такъ буду продолжать.* [А. С. Шишков. Записки (1780–1814)]

(39) *И какъ семь лѣтъ Іакову служащему за Рахиль показалась временемъ малымъ, (Быт. гл. . 29. ст. 20.) такъ что онъ выслужилъ другія семь лѣтъ* (ср. еще семь лет): *такъ и я прошу тебя, чтобъ все время молитвы моей почиталъ за короткое.* [Ф. А. Эмин. Путь ко спасенію или разныя набожныя размышленія, въ которыхъ заключается нужнѣйшія къ общему знанію часть Богословія (1766)]

- (40) *Прошли еще тысячи лет: одна минута. — Что ты видишь? — говорит Юнгфрау. — Около нас, вблизи, словно прочистилось, — отвечает Финстерааргорн, — ну, а там, вдали, по долинам есть еще пятна и шевелится что-то. — А теперь? — спрашивает Юнгфрау, спустя другие тысячи лет (ср. еще тысячи лет) — одну минуту. — Теперь хорошо, — отвечает Финстерааргорн. [И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе. I. Senilia (1878–1882)]*

Собственно аддитивное значение встречалось у *другой* и до XVIII в., ср. в (41)–(42) примеры из Старорусского корпуса НКРЯ. Это говорит о том, что такое значение не является приобретением XVIII–XIX вв. (например, калькой с французского, в котором собственно аддитивное ‘другой’ используется, см. Cinque 2015: 24).

- (41) *Дал есмь на них дватцать рублей, а другую дватцать рублей нам Дуброва дал святой Троице да игумену Никону и всей братьи на поминок души своим родителем. [келарь Савва. Третья купчая и отводная Троицкого м-ря келаря Саввы на купленную в м-рь землю Молитвинскую (1410–1427)]*
- (42) *9 дней и 9 ночей море с ними играло, а другую 9 дней и 9 ночей плыли в великой темноты меж горами. [Повесть о Брунцвике (XVII в.)]*

Заметим, впрочем, что степень лексикализации у *другой* аддитивного значения и в XVIII–XIX вв. была все же ниже, чем у аддитивного ‘другой’ в английском и итальянском. В русском языке такое *другой* использовалось в составе количественной конструкции лишь в том случае, если «добавляемое» количество объектов было равно тому количеству, к которому оно добавляется. Так, в (39) *семь лет* добавляют к семи же годам; в (40) — *тысячу лет* к другой тысяче; в (41) — *двадцать рублей* к двадцати рублям. Ни в Основном, ни в Старорусском корпусе НКРЯ не удалось найти примеров с аддитивным *другой*, которые бы нарушали это условие. В этом видится след от неаддитивного значения *другой*: сопоставление объектов, принадлежащих одному классу. Только в этом случае «класс» задается не просто существительным, а существительным вместе с числительным: *другие семь лет, другие двадцать рублей* и т. д. В английском и в итальянском указанное условие не действует: ни итальянский пример (31), ни его английский перевод *give me another five minutes* (равно как и русский перевод с аддитивным *еще* — *дай мне еще пять минут*) не подразумевают, что до момента высказывания в распоряжении говорящего было именно пять минут.

Сопоставление с английским и итальянским указывает на еще одну закономерность. Как показано в (Cinque 2015: 25), в английском и итальянском слово ‘другой’ в составе количественной конструкции ассоциируется с разной интерпретацией в зависимости от своей позиции: если это слово предшествует числительному, оно вводит дополнительную единицу множества *x*, где *x* — некоторое вещество, объект или мера, ср. (43а). Если слово со значением ‘другой’ следует за числительным, оно вводит дополнительный тип/вид множества *x*, где *x* — некоторое вещество, ср. (43б). При этом только первое значение является аддитивным и может выражаться частицей типа англ. *more* или рус. *еще*.

- (43) a. *They ordered another two beers* (“two further tokens of *x*”).
b. *They ordered two other beers* (“two further types/kinds of *x*”).

Тем самым, обнаруживается контраст между несобственно аддитивным ‘другой’ (например, *другой* в современном русском) и собственно аддитивным ‘другой’ (например, англ. *another*): как показано выше (ср. (34)), для первого, в отличие от второго, предпочтительна позиция после числительного. Обратим внимание, что в русских примерах XVIII–XIX вв. (38)–(40) аддитивное *другой* расположено перед числительным. Можно сказать, что это различие манифестирует границу между состоявшейся (как в английском, итальянском и, с некоторой долей условности, в русском XVIII–XIX вв.) и несостоявшейся лексикализацией слова со значением ‘другой’ в единицу с аддитивным значением. В самом деле, несобственно аддитивное современное *другой* избегает препозиции, как мы предположили, потому, что последняя ассоциируется с исчерпанностью, которая, в свою очередь, восходит к *другой* в не-аддитивном употреблении. У собственно аддитивного *другой*, как и у аддитивной частицы *еще*, связи с исчерпанностью нет, отсюда возможность препозиции.

В отличие от *другой*, слово *иной* в собственно аддитивном значении, по-видимому, не употреблялось и в XVIII–XIX вв. Примеры из НКРЯ с *иной* в составе количественной конструкции все (за одним исключением) демонстрируют несобственно аддитивное употребление, т. е. сохраняющее значение ‘другой’ — об этом свидетельствует допустимость замены *иной* на *другой* с позиции современной нормы. Ср. примеры (15)–(17) в разделе 2, а также более ранние примеры из Старорусского корпуса НКРЯ:

- (44) *А на мьсто его повель быти в Казани князю Петру Шуйскому со иньми пятью воеводами* (ср. с *пятью другими воеводами*) и с *половиною воинства*. [Казанская история (1564–1565)]

- (45) *И поставиша в нем церковь соборную пречистья Богородицы четнаго ея Рождества древяну и 6 инъх монастырей* (ср. *шесть других монастырей*) *внутри града построиша, в них же храмъ преподобнаго Сергия чудотворца*. [Казанская история (1564–1565)]

Упомянутое исключение составляет пример (46), где *иной* сочетается с существительным *месяц*; однако здесь же употребляется слово *еще*, так что аддитивная функция *иной* оказывается неочевидной:

- (46) *Киръ Лука же архидукъ и Никола епархъ умолчаша на до[л]гъ часъ и тако рекоша: «се уже пять мѣсяць прошли, отнелиже начяхомъ братися съ Турки, просяще милости Божи; и аще будетъ воля Его, еще можемъ и ины пять мѣсяць братися съ ними»*. [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)]

Предполагаемое отличие *иной* от *другой* подтверждают и словари. В (СлРЯ XI–XVII вв.: т. 4, 360) у *другой* выделяется значение ‘еще один’, а у *иной* (Ibid.: т. 6, 240) аналогичного значения нет.

Таким образом, в языке XVIII–XIX вв. слово *другой* отличала от *иной* способность к собственно аддитивному употреблению. К сегодняшнему дню эта способность утрачена, так что и соответствующее различие между *иной* и *другой* сошло на нет.

5. Заключение

Как свидетельствуют данные НКРЯ, современная система конкуренции *иной* и *другой* сложилась недавно: еще в XVIII в. ее не было. С одной стороны, в XVIII в. между *иной* и *другой* не действовали два основных современных различия. С другой стороны, имевшееся тогда различие — способность к аддитивному употреблению — к XXI в. утратилось. Последний сдвиг позволил проследить разные стадии развития аддитивности у слов со значением ‘другой’. По степени выраженности аддитивного значения итальянское *altro*, английское *another* и русское *другой* выстраиваются в следующую иерархию: *altro, another* > *другой* XVIII–XIX вв. > современное *другой*.

Слова *иной* и *другой* встают в ряд других оппозиций, современный облик которых сформировался лишь после XIX в. К известным нам похожим примерам относятся: местоимения *этот* и *тот* в недейктических функциях (Пекелис, в печати), аддитивные показатели *тоже* и *также*

(Пекелис 2023), показатели неопределенности *то* и *нибудь* (Pekelis, in print). Это говорит о системности отличий языка XIX в. от современного языка, природу и границы которой еще предстоит выяснить.

Литература

- Богуславская О. Ю. 2003. Другой 1, иной 1 // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд. М.: Школа «Языки славянской культуры», 299–302.
- Богуславский И. М. 1996. *Сфера действия лексических единиц*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Лютикова Е. А. 2018. *Структура именной группы в безартиклевом языке*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры.
- Олейникова Е. В. 2022. Значение и употребление местоимения *другой* по данным НКРЯ. Дипломная работа. РГГУ, Москва.
- Пекелис О. Е. 2023. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной конференции «Диалог»* (Москва, 14–17 июня 2023 г.). 2023. Вып.22. Москва: РГГУ, 412–420.
- Пекелис О. Е. В печ. Русские указательные местоимения в недейктических функциях: микродиахроническое исследование. *Die Welt der Slaven*.
- Подлеская В. И. 1988. О классификации основных средств обозначения тождества в естественном языке. САФИД-88, 366–370.
- Рахилина Е. В., Бородин М. А., Резникова Т. И. 2016. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, вып. 10, 242–255.
- СлРЯ XI–XVII вв., 1–30—: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1–30—. 1975–2015—. М.: Наука, Нестор-История.
- СлРЯ XVIII в., 1–22—: *Словарь русского языка XVIII в.*, 1–22—, 1984–2019—. Л./СПб: Наука.
- Срезневский И. И. 1893. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. В 3 томах. М.: Книга.
- Черемисинова М. О., Ландер Ю. А. 2018. ‘Другой’: типологические наблюдения. *Рема*, № 4, 109–124.
- Cinque, G. 2015. A Note on ‘Other’. In: E. Brandner, A. Cypionka, C. Freitag, A. Trotzke (eds.), *Charting the Landscape of Linguistics*. Webschrift for Josef Bayer, 22–27. Konstanz: Universität Konstanz. <http://ling.uni-konstanz.de/pages/WebschriftBayer/2015/title.html>.
- Kagan, O., Pereltsvaig, A. 2009. *Bare NPs and Semantic Incorporation: Objects of Intensive Reflexives at the Syntax-Semantics Interface*. Ms. Hebrew University of Jerusalem and Stanford University.

- Pekelis, O. In print. Russian indefinite markers *to* and *nibud'*: a microdiachronic approach. *Russian Linguistics*.
- Thomas, G. 2011. Another additive particle. In: Neil Ashton, Anna Chereches, and David Lutz (eds.), *Proceedings of SALT 21 (Semantics and Linguistic Theory)*, 634–651.

О ТЁТКАХ И МАМАШАХ (На полях комментариев к прозе Лермонтова)

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

В статье рассматривается семантическая эволюция некоторых русских терминов родства и прослеживаются отличия в употреблении этих слов от языка XIX века к современному.

Нет у него никого,
Кто пожалел бы его.
Только мама, да дядя, да тётка,
Только папа да дедушка с бабушкой.
К. Чуковский

Известная драматическая сцена в «Фаталисте» Лермонтова, когда пьяный казак, только что лишивший жизни поручика Вулича, запирается в доме и отказывается сдаваться, содержит довольно пространное описание попыток вести с ним переговоры. На просьбу есаула «покориться» казак отвечает отказом: — *Не покорюсь!* — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок. Следующая реплика есаула обращена к матери казака:

- (1) — *Эй, тетка!* — сказал есаул старухе, — *поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только бога гневить.* <...> *Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.*

С точки зрения современного узуса обращение *тётка* кажется в данном контексте несколько странным: оно, во-первых, выглядит не слишком подходящим для пожилой женщины, а во-вторых, не слишком соответствует драматизму ситуации. Хотя в современном русском языке слово *тётка* существует и даже относительно частотно (в основном корпусе НКРЯ частотность составляет 46,6 ipm; его можно отнести к употребительным словам разговорного регистра), за почти двести лет его значение, как можно видеть, заметно изменилось.

Сегодня *тётка* — это скорее не обращение, а просто номинация женщины; впрочем, слово продолжает существовать и как имя родства (производное от *тётя* 'сестра отца или матери', ср. эпитафия из Чуковского и пример 2 ниже); в этом последнем употреблении оно имеет достаточно нейтральные коннотации, хотя такие контексты скорее редки¹. Но основная область его употребления — обозначение женщины средних лет, при этом с оценочной точки зрения оно не является нейтральным. В большинстве случаев объект номинации представляется современному говорящему безразличным или неприятным (ср. пример 3). Встречаются, впрочем, и противоположные примеры, где *тётка* употребляется в контекстах, предполагающих позитивную оценку (но при сохранении эффекта некоторой грубоватой фамильярности, вызванного отсутствием социальной дистанции); такие контексты, скорее всего, являются результатом вторичной дисфемизации изначально негативных названий (ср. ласковые обращения типа *разбойник* или *шельма* применительно, например, к домашним питомцам). Характерной парой такого рода являются примеры (4) и (5) — что важно, взятые из текста одного и того же автора: но если в (4) коннотация ближе к негативной, то в (5) она подчеркнута позитивна.

- (2) *Дом назывался «домом Грибоедова» на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя — Александра Сергеевича Грибоедова. Ну владела или не владела — мы того не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было...* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)]
- (3) *Нина Михайловна явно почуяла какую-то опасность: никогда я не мог понять, какую опасность чувствуют такие вот тетки с белыми лбами, когда их просят об элементарнейшей вещи: показать на секунду паспорт, чтобы можно было убедиться в отсутствии расхождений.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

¹ Сестру отца или матери в современном языке можно назвать *тётей* (и это, кажется, самое нейтральное наименование), *тёткой* и *тётушкой*; последние два обозначения представляются сегодня несколько архаичными, хотя и возможны. Все три слова в разные периоды помимо контекстов родства употреблялись и как номинации лиц женского пола средних лет (из которых как раз *тётка* сегодня наиболее употребительно в этой функции), и как обращения, о чем подробнее см. ниже.

- (4) *<...> в день нашей свадьбы Володина мама, верная себе, не присутствовала на бракосочетании, но Валентина прилетела из Петербурга в юбке выше колена, на очень высоких каблуках, в идеальных капроновых чулках. <...> Тетка-регистраторша в ЗАГСе решила, что одна мама — моя (мы очень похожи), а Валентина — мать Спивакова.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]
- (5) *В Карнеги-холл работает замечательная тетка Дейби — талисман зала — толстая негритянка с глубоким «мясистым» голосом. Она ответственная за главную артистическую ложу. <...> Дейби очаровательна — со своей очень большой попой, прелестным лицом и бархатным голосом.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

Однако тексты XIX века дают несколько иную картину. Прежде всего бросается в глаза именно употребительность этого слова в функции обращения — эта группа контекстов полностью утрачена в современном языке. Более того, сами эти обращения не кажутся ни грубыми, ни обидными — они скорее отражают отсутствие социальной дистанции между говорящим и адресатом. Именно такой контекст представлен в лермонтовском примере (1); ср. также (6), относящийся к тому же периоду (40-е годы XIX века):

- (6) *В одном углу баба мыла кадку, в другом кучер рубил дрова. — Не знаешь ли, тетка, — спросил Авдей, — где дворник?* [И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842)]

Интересно, однако, что использование слова *тётка* в качестве обращения в том типе контекстов, которые иллюстрируются примерами (1) и (6), является относительно новым этапом в его семантической эволюции: еще в начале XIX века такие примеры не фиксируются. Указаний на подобные употребления нет, например, в «Словаре языка Пушкина»; интересным образом не отмечает их и словарь Даля (указывая только на значение родства и приводя в качестве переносных употреблений примеры вида *водка вину тетка*), хотя в современных Далю текстах такие употребления уже начали появляться. Первые употребления в качестве обращения — это обычно нейтрально-вежливые обращения к случайной собеседнице средних лет — появляются ближе к 1830-м годам; в дальнейшем прослеживается некоторое снижение социального статуса адресата, но примеры обращений остаются по-прежнему нейтральными²:

² Нейтральность обращения в (7) подтверждает использование слова *кормилец* в ответной реплике женщины (другое нестандартное обращение, распространенное в

- (7) *Старуха с жадностью схватила деньги и принялась их считать. — Ну что, так ли? — спросил запорожец. <...> — Все ли ты сполна получила? — Все, отец мой! <...> — <...> Ну, тетка, глупа же ты! — А что, мой кормилец?* [М. Н. Загоскин. Юрий Милославский... (1829)]
- (8) *На крыльце насупротив сидит пожилая женщина и кормит довольно взрослого ребенка. — Бог в помощь, милая! — желаю я ей. — Спасибо, касатик! Што тебе надоть? У меня ничем-ничего нет. Водицы испить дам, коли хочешь. — Ночевать пусть, тетка, у тебя постоялый двор.* [А. И. Левитов. Насупротив!.. (1862)]

Как мы уже отмечали (см. примеч. 1), от двух других вариантов названия сестры отца или матери, *тётя* и *тётушка*, также существуют производные обращения. Из них второе (также полностью нейтральное) встречается относительно редко; характерным примером является (9):

- (9) *<...> И молочница потеряла сознание. Очнулась же она среди сквера. Она лежала на газоне. Бидоны стояли рядом. Над ней наклонился полицейский и держал её за плечо. «Тётушка, слышишь, тётушка?» — говорил он ей, и по его тону она поняла, что он окликает её уже давно.* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943—1958)]

С другой стороны, обращение *тётя* (или *тётенька*) является наиболее распространенным, в том числе и в современном языке. Одна из основных его особенностей — способность выступать в качестве обращения ребенка к взрослой женщине (параллельно слову *дядя* / *дяденька* как обращению ребенка к мужчине), что резко отличает его от других обращений, не предполагающих маркированных возрастных различий между говорящим и адресатом. Словами *тётя* и *дядя* также могут называться любые взрослые женщины (соотв., мужчины) как в речи ребенка, так и в дискурсе взрослого, обращенном к ребенку. Ниже примеры (10)–(12) иллюстрируют «детские» употребления (первые два — в качестве обращения, третье — в качестве номинации), пример (13) — «взрослое», обращенное к ребенку.

языке того времени и хорошо засвидетельствованное текстами); у Пушкина оно как раз встречается, ср.: Григорий (хозяйке): *Куда ведет эта дорога?* — Хозяйка: *В Литву, мой кормилец, к Луевым горам.* [Борис Годунов (1824—1825)]. Еще показательнее контекст в (8), где рассказчик, прежде чем назвать собеседницу *теткой*, называет ее *милая*, а та в ответ использует ласковое обращение *касатик*.

- (10) *Я подошла к красному кирпичному зданию моей школы. — Тетя, у вас случайно спичек не найдется? — таинственно, вполголоса обратился ко мне долговязый школьник. — Найдется, деточка, — усмехнулась я и протянула ему зажигалку.* [Екатерина Маркова. Чужой звонок (1990—2000)]
- (11) — *Тетенька*, — сказала Ринка продавщице, выдававшей молоко, — мне нужно щенка покормить. [М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)]
- (12) *На третий день после переезда Марьям в деревню, возвращаясь с работы, Азамат увидел у своего забора ребятнишек — двух мальчиков и одну девочку-соседку, прилипших носами к щелям. — Что там высматриваете? — обратился Азамат к детям. — Там живет красивая тетя, — ответил мальчик.* [Анатолий Генатулин. Золото Колчака (2013)]
- (13) — Ну, почему нельзя в школу не ходить? — А, — ответил я, — потому что я опекун, и тетя, которая сегодня была с нами — из опекунского совета, и она будет приходить и проверять, как ты у меня живешь. [Андрей Клепаков. Опекун (2016)]

Таким образом, в современном языке обращение *тётя* — очень распространенное, но отчетливо маркированное как детское. Однако в XIX веке оно (так же, как и *тётка*) употреблялось в качестве нейтрального; в начале XX века такие употребления постепенно сходят на нет, ср. (14)–(15); приблизительно в это же время в корпусе фиксируются и первые «детские» употребления, ср. (16)–(17).

- (14) — *Значит, полфранка еще, — переводит проходивший мимо фельдшер. — Бога ты не боисься... Пол-франка!.. Ступай, тетя, отколева пришла... другой отдам... И Макаров хочет взять белье назад.* [К. М. Станюкович. От Бреста до Мадеры (1864)]
- (15) *Ничего страшного, по счастью, не случилось. Вот я сам ощущываю пульс. Да, он ровный и четкий, и фельдшер тихонько трясет женщину за плечо и говорит: — Ну, тетя, тетя, просытайся.* [М. А. Булгаков. Крещение поворотом (1925)]
- (16) *И осаждают «взрослых», направляющихся в цирк, криками: — Дяденька, возьмите с собой в цирк, или: — Тетенька, возьмите в де-*

ти! Попадаются такие, которые «берут в дети». [«Московская газета», 1912]

- (17) — *Тетя, тетя, у нас с обыском были. Навстречу мне кинулись Люся и Валя с оживленными личиками. В жизни бедных детей это все-таки было событием.* [М. С. Шагинян. Приключения дамы из общества (1923)]

В качестве оценочной номинации женщины средних лет (синонимичной употреблением слова *тётка*) в современном языке *тётя* тоже встречается, однако существенно реже, чем его главный конкурент *тётка*. Ср., однако, зафиксированные в корпусе примеры типа (18)³:

- (18) *Судя по виду остальных мужчин, они тоже хотели вмешаться в разговор женщин, но не решались. <...> «Вот именно», — заявила вторая, та, что заступалась за профессионализм актеров ТЮЗа — здоровенная такая тетя, на две головы выше Петрова и в два раза шире него <...>.* [А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него (2016)]

Таким образом, самый существенный момент в эволюции слова *тётка* — это утрата им функции обращения и приобретение отрицательной оценки в характеризующих употреблениях; как представляется, оба эти процесса связаны. Примечательно, что близкий синоним этого слова, *тётя*, пошел по иному пути, сохранив апеллятивную функцию, но вытеснив ее в «детскую» сферу. При этом оба слова приобрели несвойственную им в XIX веке отрицательную оценку в контекстах номинации.

Можно задаться вопросом, каков же был бы современный эквивалент для обращений типа тех, которые мы видели в лермонтовском примере (1). По-видимому, наилучший кандидат здесь — это слово *мать* или *мамаша*; именно это было бы сегодня наиболее нейтральным обращением военного к пожилой женщине в неформальной и драматичной ситуации. В XIX веке это слово существовало, но фиксируется оно прежде всего в его более прямом значении — как уважительное обращение к матери (сопровождавшееся обращением на «вы»), ср.:

- (19) *Дашенька (матери). Мамаша, что же вы плачете? Я так счастлива!* [А. П. Чехов. Свадьба (1889)]

³ Как кажется, замена в этом контексте *тётя* на *тётка* привело бы к эффекту несколько более прямолинейного и менее ироничного высказывания.

В начале XX века (когда мы наблюдаем все описанные выше сдвиги) и *мамаша* начинает употребляться в нейтральных обращениях к пожилым женщинам — аналогично таким именам родства, как *дядя*, *тётя*, *сын* и *дочка* — но при этом полностью вытесняя *тётку*! Ср. один из относительно ранних примеров:

- (20) — *Может, молочка бы выпили? — Спасибо, мамаша, времени нету молоки распивать.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон (1928—1940)]

Эта функция прекрасно сохраняется у слова *мамаша* до сих пор (как и у чуть более фамильярного *мать* в аналогичных контекстах):

- (21) — *Мамаша, — учтиво обратился к гостье уже знакомый нам охраннык президента России, — мамаша, чем вам помочь?* [Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)]
- (22) *Старушка проворно взобралась на сиденье дяди Миши, подцепила набалдашиником клюки сумки и подтянула их к себе. — Мать, ну чего ты сумками в салон кидаешься, чуть детей не зашибла. Мы бы сами их затащили, — пожурил старушку водитель. — Зачем помогать? — оскорбилась старушка. — Руки у меня сильные, а вот ноги уже не несут.* [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (2012)]

Как представляется, приведенные факты демонстрируют некоторые нетривиальные особенности семантической эволюции имен родства в истории русского языка: от прямой номинации родственных отношений к апеллятивам и к номинации лиц по полу и возрасту. Оба процесса в истории языков известны и типологически хорошо засвидетельствованы, однако конкретные детали (и в особенности удивительная эволюция слова *тётка*, переставшего, в отличие от своих близких аналогов в группе имен родства, функционировать как обращение), безусловно, заслуживают внимания. Мы надеемся, что сегодняшний юбиляр (счастливая жена, мать, бабушка и, last but not least, тетя) оценит это небольшое семантическое приключение — с тем никогда не изменявшим ей вкусом к языковым тонкостям, который неизменно вызывал восхищение у друзей и коллег.

ОБ (А)СИММЕТРИИ РЕЗУЛЬТАТОВ И СПОСОБОВ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ* Несколько наблюдений над семантикой тюркских деепричастий

С. Г. Татевосов

(МГУ имени М. В. Ломоносова)

tatevosov@gmail.com

Во многих языках видо-временная интерпретация деепричастных клауз зависит от акциональных характеристик глагола. В одних случаях клауза имеет перфективную интерпретацию с временным предшествованием, в других — имперфективную с временным вложением. Разбиение на эти случаи определяется принадлежностью предиката к группе глаголов способа vs. результата. В статье предлагается анализ этого явления, который опирается на идею, что глагольные группы обозначают отношение между событиями и обобщенными кванторами по событиям, где последний соответствует недоспецифицированному компоненту семантики предиката.

1. Деепричастия

Во многих языках деепричастные клаузы отличаются значительным семантическим своеобразием с точки зрения темпоральных, аспекту-

* Изложенное в этой статье — один из результатов полевых исследований тюркских языков, которые проводятся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Автор безмерно признателен информантам-переводчикам, жителям сс. Татарский Елтан и Кутлушкино (Чистопольский район Татарстана), Рыбушкино (Сергачский район Нижегородской области), Верхняя Балкария (Черекский район Кабардино-Балкарии), Кебезень (Турочакский район Республики Горный Алтай) за их языки, дружбу и воодушевление. Эта и многие другие работы не могли бы быть сделаны без творческой и человеческой поддержки друзей и коллег по лингвистическим экспедициям ОТиПЛа — Т. И. Бондаренко, М. Ю. Иванова, А. Г. Пазельской, А. В. Подобреева, Д. К. Привознова, А. Б. Шлуинского и многих других. Автор хотел бы выразить глубокую благодарность М. Ю. Князеву за вдумчивые комментарии к первому драфту статьи. Исследование поддержано грантом РНФ № 22-18-00285, реализуемом в МГУ имени М.В. Ломоносова.

альных и акциональных интерпретаций. Таковы, в частности, многие языки, которые относят к гипотетической алтайской макросемье, начиная с японского, где в исследование деепричастных клауз внес важнейший вклад сегодняшний юбиляр (от Alpatov, Podlesskaya 1995 до Подлескская 2022). Поздравляя Веру Исааковну с днем рождения, мы хотели бы коротко обсудить соответствующий материал из другой части алтайской семьи — тюркской (Пазельская, Шлуинский 2006; Пазельская и др. 2017; Privoznov 2021). Сказанное ниже вероятнее всего распространяется и на монгольские (Татевосов ред. в печати), а также, возможно, тунгусо-маньчжурские языки.

В тюркских языках, как и в японском, имеются деепричастия, которые в Alpatov, Podlesskaya 1995 называются контекстными ввиду недоспецифицированности отношения, в которое вступают пропозиции, выражаемые главной и зависимой клаузами. (Контекстные деепричастия противопоставлены специализированным, которые вводят в рассмотрение конкретное отношение — условие, причину, уступку и т. д.) Одно из таких деепричастий, о котором пойдет речь далее, — деепричастие на *-p*, засвидетельствованное в очень многих тюркских языках. (1) и (2) — иллюстрации из тубаларского языка¹:

(1) ТУБАЛАРСКИЙ ЯЗЫК (Татевосов ред. 2009: 216, 220)

a. *taŕqun ʃuv-ur qujgur: "ana-m-nuŕ awa-m-nuŕ*
наружу выходить-CONV кричать.IMP мама-1SG-GEN папа-1SG-GEN
uŕ-u kyj-bit!"

дом-3 гореть-PRS

‘Выходи на улицу и [= выйдя на улицу] кричи: «Дом моих матери и отца горит!»’

b. *ol qus-tu ʃurala-p nam-du-p azura-p*
он дочь-ACC мучиться-CONV расти-CAUS-CONV кормить-CONV
al-al-an.

брат-брат-PRCT

‘Он, мучаясь, растил, кормил дочь’.

В (1a–b) деепричастие на *-p* возглавляет деепричастные клаузы ‘выйдя на улицу’ и ‘мучаясь’, которые выступают сентенциальными адъюнктом к главным ‘кричи «Дом моих матери и отца горит!»’ и ‘Он растил

¹ Здесь и далее мы руководствуемся списком языков России, разработанным в Институте языкознания РАН (http://jazykirfiling-ran.ru/list_2022.shtml)

и кормил дочь'. Аспектуальная и темпоральная интерпретации этих клауз различна. Деепричастная клауза в (1а) описывает ситуацию, которая предшествует ситуации из главной клаузы; в (1б) ситуации из главной и зависимой клауз пересекаются во времени. Кроме того, ситуация 'выходить' в (1а) достигает кульминации, тогда как в (1б) информации о завершении ситуации 'мучиться' не содержится.

Те же две возможности иллюстрируются карачаево-балкарскими предложениями (2а–б):

(2) КАРАЧЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК (МАЛКАРСКИЙ ДИАЛЕКТ)²

a. *abaj-lar-i zijil-ip onow et-xen-di-le.*
Абай-PL-3 собраться-CONV совет делать-PFCT-3-PL
'Собравшись, Абаевы устроили совет'.

b. *kece-ni eki teŋ-i da bol-up abaj-la-ni*
ночь-GEN два половина-3 ADD быть-CONV Абай-PL-GEN
zaš-i ol botaš-la-ni zaš-i-n ujat-xan-di.
юноша-3 тот Боташ-PL-GEN юноша-3-ACC будить-PFCT-3
'Была вторая половина ночи [= вторая половина ночи **будущи**],
и абаевский юноша разбудил [того] боташевского [юношу]'.

В этой статье мы хотели бы обсудить имеющиеся эмпирические наблюдения о дистрибуции двух интерпретаций в (1а)–(2а) и (1б)–(2б) и высказать несколько предположений о семантическом механизме их возникновения.

2. Наблюдения

Семантические свойства деепричастий на *-p* и конструкций, образуемых с их участием, подробно исследованы в Пазельская, Шлуинский 2006; Пазельская, Рыбинцева 2009; Пазельская и др. 2017. Опираясь на результаты этих работ, можно сделать два общих наблюдения о характеристиках этих деепричастий (разумеется, со всеми оговорками по поводу межъязыкового варьирования и особенностей разбиения глагольных лексем на классы в каждом языке).

Первое состоит в том, что у значительного класса глаголов интерпретации из (1)–(2) могут быть представлены одновременно. Рассмотрим (3) из мишарского диалекта татарского языка.

² (2а–б) — предложения из неопубликованного текста, записанного А. А. Кибриком в экспедиции ОТиПЛа в с. Верхняя Балкария в 2002 году.

(3) МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА³

zefär žxr žxrl-a-p uram bujlap bar-dx.
Зуфар песня петь-ST-CONV улица по идти-PST
1. 'Зуфар, **напевая** песню, шел по улице'.
2. 'Зуфар, **спев** песню, шел по улице'.
3. 'Зуфар, **попев** песню, шел по улице'.

(3) показывает два типа взаиморасположения временных интервалов, о которых идет речь в главной и зависимой клаузах: пересечение в (3.1) и предшествование в (3.2) и (3.3). В случае предшествования в (3) дополнительно противопоставлены две возможности: ситуация, описываемая зависимой клаузой, достигает кульминации, как в (3.2), или не достигает, как в (3.3).

Этот диапазон возможностей доступен, однако, не для всех глаголов. В (4) показано деепричастие глагола 'возвращаться'.

(4) МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

zefär ü-gä kajt-x-p gembä ezl-ä-de.
Зуфар дом-DAT возвращаться-ST-CONV гриб искать-ST-PST
1. *'Зуфар, **возвращаясь** домой, поискал грибы'.
2. 'Зуфар, **вернувшись** домой, поискал грибы'.

(4) отличается от (3) по двум параметрам. Во-первых, время возвращения должно предшествовать времени поисков: (4) не допускает интерпретации (4.1), аналогичной (3.1). Во-вторых, достижение кульминации оказывается обязательным.

Ключевое различие в данном случае — различие во временной интерпретации, которое суммировано в (5).

(5) КЛАССЫ ДЕЕПРИЧАСТИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

a. Деепричастия с подвижной интерпретацией: $T_{CONV} \oplus_T \tau_{FIN}, \tau_{CONV} \leq_T \tau_{FIN}$

b. Деепричастия с фиксированной интерпретацией: $*\tau_{CONV} \oplus_T \tau_{FIN}, \tau_{CONV} \leq_T \tau_{FIN}$

где τ — время ситуации, которую описывает глагол, " $\leq_T$ " — временное предшествование, а " $\oplus_T$ " — пересечение.

Второе ключевое наблюдение над деепричастиями на *-p* состоит в том, что они распадаются на эти два класса практически без остатка. Ес-

³ Если не оговорено иное, источником примеров из мишарского диалекта выступает Пазельская и др. 2017.

ли оставить в стороне немногочисленные исключения⁴, членство в классе описывается следующим обобщением:

(6) **ОБОБЩЕНИЕ О СОБЫТИЙНОЙ СТРУКТУРЕ**

Глаголы с событийной структурой деятельности имеют деепричастия на *-p* с подвижной интерпретацией, (5a). Деепричастия от глаголов с событийными структурами свершений и достижений имеют фиксированную интерпретацию, (5b).

Главное различие между структурами **деятельностей** (вендлеровские *activities*) с одной стороны и **свершений** и **достижений** (вендлеровские *accomplishments* и *achievements*) с другой связано с характером дескриптивной информации об описываемой ситуации. В структуре деятельности дескриптивные свойства привязаны к процессу, участником которого выступает внешний аргумент предиката. Таковы, если не брать в расчет несколько достаточно специальных случаев, неэргативы и переходные глаголы способа — ‘прыгать’, ‘кричать’, ‘скрести’, ‘ковырять’, ‘пахать’, ‘писать’ и т. п. В структуре свершений и достижений дескриптивные свойства характеризуют результирующее состояние внутреннего аргумента предиката. Это неаккузативы и переходные глаголы результата — ‘грустнеть’, ‘стареть’, ‘искривлять(ся)’, ‘ломать(ся)’, ‘открывать(ся)’, ‘убивать’ и т. п.⁵

Глагол ‘петь’ в (3) — образцовый глагол способа, и он относится к классу с подвижной интерпретацией. Его словарное описание содержит в себе исключительно информацию о процессе («Издавать голосом музыкальные звуки», Ожегов) и ничего не говорит о результирующем состоянии. Напротив, толкования глагола ‘вернуться’ характеризует результат — ‘повторно занять определенную локализацию’. Точно так же семантика ‘ломать’ («разделять надвое, на куски, на части, отделять части чего-н.», Ожегов) определяется через характеристики конечного со-

⁴ А. Г. Пазельская и А. Б. Шлуинский обсуждают третий класс деепричастий, в который попадают стативы и некоторые непередельные глаголы. Этот класс допускает только интерпретацию вида $T_{CONV} \oplus \tau_{FIN}$ и не допускают $T_{CONV} \leq_T \tau_{FIN}$. Характеристики этого класса нуждаются, на наш взгляд, в дополнительном исследовании.

⁵ Долгое время считалось, что спецификация дескриптивных свойств процесса и результирующего состояния — взаимоисключающие опции. Сейчас, однако, в литературе обсуждается все больше предикатов, в лексическом значении которых заданы оба (см., в частности, Beavers, Koontz-Garboden 2020). О глаголах способа и результата см. также Кустова 2004.

стояния (‘объект разделен на куски’) и оставляет недоспецифицированными параметры ведущего к нему процесса. Как видно из (7), деепричастие этого глагола также имеет фиксированную интерпретацию.

(7) **МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА**

marat butaq wat-x-p uram bujlap bar-dx.

Марат ветка ломать-ST-CONV улица по идти-PST

1. *‘Ломая ветку, Марат шел по улице’⁶.

2. ‘Сломав ветку, Марат шел по улице’.

Таким образом, обобщение (6) увязывает темпоральную и акциональную интерпретации деепричастия на *-p* с событийной структурой лексического глагола.

3. Чувствительность к событийной структуре и вид

Если описанные выше наблюдения верны, то кажется возможным следующая линия объяснения обобщения в (6).

Первый и самый важный шаг: следует объяснить чувствительность семантики деепричастий к событийной структуре предиката, а именно: к тому параметру, по которому предикаты распределяются на два класса — специфицированности дескриптивных свойств процесса у деятельностей и свойств результирующих состояний у свершений и достижений.

Второй шаг: необходим эксплицитный анализ не только акциональной, но и аспектуальной интерпретации деепричастий в (1)–(4) и (7), где прочтение $T_{CONV} \leq_T \tau_{FIN}$ (‘шел, спев (песню)’ и т. п.) наводит на мысль о перфективности, а интерпретация вида $T_{CONV} \oplus \tau_{FIN}$ (‘шел, напевая’ и т. п.) — об имперфективности.

Далее мы сформулируем план анализа для переходных глаголов способа и результата, предполагая, что его распространение на другие упоминаемые выше классы предикатов — задача более техническая, чем содержательная⁷.

⁶ Интерпретация (7.1) достигается при помощи редуцированного имперфективного деепричастия *wata-wata* ‘ломая’, см. Пазельская и др. 2017: 504–506.

⁷ Например, анализ событийной структуры достижений может в известных пределах варьировать. Один из параметров варьирования: получает ли положение вещей, предшествующее наступлению нового состояния, статус отдельного подсобытия. Другой — характер отношения между этим подсобытием и состоянием. Еще один — как оно соотносится с аналогичным подсобытием у параллельной структуры свер-

3.1. Событийная структура

Предлагаемые нами семантические представления для глагольных групп, проецируемых глаголами способа и результата показаны в (8)–(9).

(8) Глагольная группа, проецируемая глаголом способа: событийная структура деятельности⁸

$$\| \text{zefär ẓ̌xr ẓ̌xrl-} \|^{9} = \lambda \mathcal{N}_{\langle vt, t \rangle} \cdot \lambda e_v \cdot \text{sing}(e) \wedge \text{process}(e) \wedge \text{agent}(\text{zefär})(e) \wedge \mathcal{N}(\lambda e'. \text{state}(e') \wedge \text{holder}(\text{song})(e') \wedge \text{cause}(e')(e))$$

(9) Глагольная группа, проецируемая глаголом результата: событийная структура свершений

$$\| \text{marat butaq wat-} \| = \lambda \mathcal{N}_{\langle vt, t \rangle} \cdot \lambda e_v \cdot \text{broken}(\text{branch})(e) \wedge \text{state}(e) \wedge \mathcal{N}(\lambda e'. \text{process}(e') \wedge \text{agent}(\text{marat})(e') \wedge \text{cause}(e')(e'))$$

(8)–(9) отличаются от более распространенных в литературе вариантов анализа таких глагольных групп в трех отношениях.

Во-первых, согласно (8)–(9), и глаголы способа и глаголы результата содержат компонент, описывающий результирующее состояние. Мы отходим от допущения, впервые сформулированного в Dowty 1979, согласно которому глаголы способа характеризуют меньшей подсобытийной сложностью, чем глаголы результата. Вариант анализа в таком духе из известной статьи Rappaport Hovav, Levin 1998 показан в (10).

(10) а. [X АСТ_{<ПЕТЬ>} у] ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

б. [X АСТ] CAUSE [BECOME [Y <СЛОМАН>]] СВЕРШЕНИЕ

В (10а) глагол класса деятельности ‘петь’ понимается как элементарный событийный предикат с двумя индивидуальными аргументами, а глагол класса свершений ‘ломать’ в (10б) — как двухкомпонентная структура, состоящая из деятельности и каузируемого ею результирующего со-

шений, если она есть. Однако обсуждение аргументов за или против того или иного теоретического выбора увело бы нас далеко в сторону, и мы оставляем его на будущее.

⁸ Здесь и далее используются элементарные логические типы *i* (временные интервалы), *v* (ситуации, как события, так и состояния), *t* (истинностные значения). Функциональные типы определяются рекурсивно. Переменные *e*, *e'*, *e''* и т. п. пробегают по событиям, *P*, *Q* и т. п. — по одноместным предикатам любого типа, $\mathcal{N}$, $\mathcal{I}$ и т. п. — по обобщенным кванторам.

⁹ В деепричастных клаузах того типа, который обсуждается в этой статье, внешний аргумент реализуется нулевым элементом, кореферентным подлежащему главной клаузы. Однако для наглядности в семантических представлениях здесь и ниже внешний аргумент выписан как полная именная группа.

стояния. В (8)–(9) предполагается, что оба класса имеют семантическое представление, соответствующее более сложному случаю (10б). Различие между двумя классами сводится исключительно к характеру дескриптивных свойств описываемой ситуации. В (8) они заданы для процессного компонента (“sing(*e*)”), а в (9) — для результирующего состояния (“broken(branch)(*e*)”). Второй компонент остается недоспецифицированным. Для деятельности это результирующее состояние, а для свершений — процесс.

Во-вторых, мы предполагаем, что тот аргумент, дескриптивные свойства которого недоспецифицированы — не индивидуальная ситуация (логический тип *v*), а обобщенный квантор над ситуациями (логический тип $\langle vt, t \rangle$), функция, которая принимает в качестве аргумента событийный предикат и возвращает истинностное значение. Соответственно глагольные группы с двухкомпонентной событийной структурой имеют не обычный логический тип отношений между событиями ($\langle v, vt \rangle$), а более сложный тип отношения между событиями и обобщенными кванторами $\langle \langle vt, t \rangle, vt \rangle$.

Семантика в (8)–(9) открывает возможность сформулировать очень простое объяснение того, как создается чувствительность к событийной структуре. Для этого достаточно предположить, что семантическая система языка располагает дефолтным обобщенным квантором с тривиальным значением в (11).

(11) ДЕФОЛТНЫЙ ОБОБЩЕННЫЙ КВАНТОР

$$\| \text{DEFAULT}_{\mathcal{N}} \| = \lambda P_{vt} \cdot \exists e P(e)$$

(11) — экзистенциальный квантор с пустым рестриктором. Его присоединение к отношениям в (8)–(9) дает соответственно (12)–(13).

$$(12) \quad \| \text{zefär ẓ̌xr ẓ̌xrl-} \| = \lambda e_v \cdot \text{sing}(e) \wedge \text{process}(e) \wedge \text{agent}(\text{zefär})(e) \wedge \exists e' [\text{state}(e') \wedge \text{holder}(\text{song})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

$$(13) \quad \| \text{marat butaq wat-} \| = \lambda e_v \cdot \text{broken}(\text{branch})(e) \wedge \text{state}(e) \wedge \exists e' [\text{process}(e') \wedge \text{agent}(\text{marat})(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$$

(12) — характеристическая функция множества процессов пения, которые приводят внутренний аргумент в новое состояние. Предикат в (13) характеризует состояния ‘быть сломанным’, которые были вызваны некоторым процессом с участием внешнего аргумента. Тем самым в зависимости от событийной структуры на выходе возникают предикаты

разных типов — событийные или стативные. Благодаря квантору в (11) событийная структура действий с заданными дескриптивными свойствами процесса в (8) начинает обозначать эти процессы, а структура свершений в (9), у которой специфицированы свойства состояний, — эти состояния.

Таково наше объяснение того, как возникает чувствительность языковых выражений к событийной структуре.

Естественный вопрос, который возникает в этой связи: каково место дефолтного квантора в (11) в общей системе? Мы предполагаем, что деепричастные составляющие имеют менее артикулированную функциональную структуру, чем независимые предложения. В них отсутствуют грамматические элементы, которые обеспечивают видовременную интерпретацию в полностью развернутой структуре. (8)–(9) не могут участвовать в дальнейшей деривации в натуральном виде, поскольку представляют собой не предикаты над множеством ситуаций, а отношения. Естественнее предположить, что для таких случаев система располагает дефолтным средством, позволяющим снять проблему с минимальными интерпретационными усилиями. Квантор в (11) — ровно такое средство, аналог механизма экзистенциального закрытия, практикуемого в некоторых других теориях. После его применения отношение превращается в предикат, готовый к дальнейшей деривации. С другой стороны, дефолтный квантор — семантически минимальный элемент системы модификаторов, обеспечивающих недоспецифицированный компонент событийной структуры дескриптивными свойствами; см. раздел 4.

3.2. Вид

Чтобы интегрироваться в большую структуру — в предложение с деепричастной клаузой — дескрипции ситуаций должны стать дескрипциями временных интервалов. Это превращение обычно обеспечивается видовыми операторами логического типа $\langle vt, it \rangle$, функция которых как раз и состоит в том, чтобы отображать ситуации в интервалы (см., например, Beck, von Stechow 2015). Однако, как мы только что отметили, деепричастия, по-видимому, лишены полноценной функциональной, в частности, аспектуальной структуры. В этом нас убеждают примеры типа (3), совместимые как с перфективной, так и с имперфективной интерпретациями. Естественнее предположить, что для деепричастий задается еще один дефолтный показатель, также с тривиальной семантикой:

- (14) ДЕФОЛТНЫЙ ВИДОВОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ
 $\| \text{DEFAULT}_{\text{ASP}} \| = \lambda P_{vt}. \lambda t. \exists e [\tau(e) \oplus t \wedge P(e)]$

Как и любой аспектуальный показатель, дефолтный показатель в (14) преобразует предикат над множеством ситуаций в предикат над множеством фокусных временных интервалов. Однако в отличие от обычных показателей — перфектива, прогрессива, перфекта и т. п. — он задает максимально общее отношение пересечения между временем ситуации $\tau(e)$ и фокусным временем t .

Это дает возможность деепричастной клаузе иметь **любую** аспектуальную интерпретацию, в частности, перфективную в (3.2–3) и имперфективную в (3.1). И (15a) и (15b) — частные случаи отношения пересечения в (14), которое выступает семантическим следствием обоих.

- (15) ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
 a. $\| \text{PFV} \| = \lambda P_{vt}. \lambda t. \exists e [\tau(e) \subseteq t \wedge P(e)]$
 b. $\| \text{IPFV} \| = \lambda P_{vt}. \lambda t. \exists e [\tau(e) \supset t \wedge P(e)]$

Деепричастная клауза имеет, соответственно, логическую форму в (16).

- (16) СТРУКТУРА ДЕЕПРИЧАСТНОЙ КЛАУЗЫ
 $[\text{DEFAULT}_{\text{ASP}} [\text{DEFAULT}_{\tau} [\nu P \dots]]]$

Далее возможны четыре случая, перечисленные в (17).

- (17) ВОЗМОЖНЫЕ КОМБИНАЦИИ ПАРАМЕТРОВ У ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КЛАУЗ
 a. νP — событийная структура действий, как (8); $\text{DEFAULT}_{\text{ASP}} \rightsquigarrow \text{IPFV}$
 b. νP — событийная структура действий, как (8); $\text{DEFAULT}_{\text{ASP}} \rightsquigarrow \text{PFV}$
 c. νP — событийная структура свершений, как (9); $\text{DEFAULT}_{\text{ASP}} \rightsquigarrow \text{IPFV}$
 c. νP — событийная структура свершений, как (9); $\text{DEFAULT}_{\text{ASP}} \rightsquigarrow \text{PFV}$

В предложении (3.1) ('Зуфар, напевая, шел по улице') представлена конфигурация (17a). 'Петь' — событийная структура действий, которую DEFAULT_{τ} в (11) преобразует в предикат в (12). При имперфективном прочтении мы получаем интервал, содержащий в себе промежуточную фазу этого процесса. Эта промежуточная фаза пересекается с фокусным временем главной клаузы, создавая интерпретацию 'шел, напевая' ($\tau_{\text{ПЕТЬ}} \oplus_{\tau} \tau_{\text{ИДТИ}}$). Для этого же предиката при перфективном прочтении, (17b), образуется интервал, заключающий в себя время пения. В зависимости от того, достигает ли пение кульминации, возникает либо интер-

претация (3.2) ('шел, спев'), либо (3.3) ('шел, попев')¹⁰. Как и всегда при перфективной интерпретации, фокусный интервал зависимой клаузы располагается до интервала главной ($\tau_{\text{СПЕТЬ/ПОПЕТЬ}} \leq \tau_{\text{ИДТИ}}$).

Рассмотрим событийную структуру свершений. В этом случае деепричастный предикат обозначает, в соответствии с (13), результирующие состояния. Если $\text{DEFAULT}_{\text{ASP}}$ соответствует IPFV, как в (17с), фокусное время вложено во время результирующего состояния, и возникает интерпретация в (18): $\tau_{\text{RS(СЛОМАТЬ)}} \oplus \tau_{\text{ИДТИ}}$ (где RS(СЛОМАТЬ) — результирующее состояние события 'сломать').

(18) 'Интервал, включенный во время, когда ветка находится в состоянии 'быть сломанной Маратом', пересекается с интервалом, когда Марат шел домой'.

Это вариант описания того значения, которое в переводе (7.2) фигурирует как 'Сломав ветку, Марат шел домой'.

При перфективном ракурсе в соответствии с (17d) получается фокусное время, содержащее в себе время результирующего состояния. Возникает интерпретация $\tau_{\text{RS(СЛОМАТЬ)}} \leq \tau_{\text{ИДТИ}}$ в (19), которая, однако, описывается тем же переводом из (7.2).

(19) 'Интервал, включающий время, когда ветка находится в состоянии 'быть сломанной Маратом', предшествует интервалу, когда Марат шел домой'.

(19) отличается от (18) тем, простирается ли результирующее состояние 'быть сломанным' за пределы фокусного временного интервала (имперфективное прочтение), или оно заключено в нем (перфективное прочтение). Далее мы наблюдаем ту же самую зависимость временной интерпретации матричной клаузы от вида темпорального адьюнкта. Если адьюнкт имперфективен, (18), время матричной клаузы пересекается с временем адьюнкта ($\tau_{\text{RS(СЛОМАТЬ)}} \oplus \tau_{\text{ИДТИ}}$), если перфективен, (19), следует за ним ($\tau_{\text{RS(СЛОМАТЬ)}} \leq \tau_{\text{ИДТИ}}$).

Принципиально важно то, что в обоих случаях в отношении с матричной клаузой вступает временная локализация не события 'сломать', а его результирующего состояния. Само событие и в том и в другом слу-

¹⁰ Достижение кульминации — семантический параметр, который регулируется, по-видимому, отдельным механизмом, отвечающим за деривацию так называемых некульминирующих свершений; см. обзор в Martin, Demirdache 2020.

чае с неизбежностью предшествует времени главной клаузы. Это объясняет отсутствие у деепричастий на -р от глаголов результата прочтения вида $\tau_{\text{СЛОМАТЬ}} \oplus \tau_{\text{ИДТИ}}$ в (7.1).

Семантическое следствие прочтения (18), — 'в момент, когда Марат шел домой, ветка была сломана'. Второе прочтение, (19), совместимо со сценарием, когда результирующее состояние прекратилось, т. е. целостность ветки была восстановлена. Понятно, что в нашем мире это крайне неестественное прочтение, поскольку сломанные ветки не восстанавливаются сами собой и не подвергаются ремонту.

В пользу того, что прочтение в (19), обеспечиваемое комбинацией событийной структуры и видовой интерпретации в (17d), эмпирически реально, говорят суждения носителей о (4) и аналогичных предложениях.

Для (4) конфигурации в (17с-d) дают ожидаемые интерпретации в (20)–(21).

(20) 'Находясь в состоянии 'быть (в окрестностях) дома', Марат искал грибы'.

(21) 'Проведя некоторое время в состоянии 'быть (в окрестностях) дома', Марат искал грибы'.

В первом случае предполагается, что Марат искал грибы (в окрестностях) дома. Второе допускает, что Марат мог переместиться для поисков в другое место. Подавляющее большинство опрошенных нами носителей признает приемлемым сценарий, при котором после долгого отсутствия Марат приезжает в свой деревенский дом, а на следующее утро отправляется искать грибы в лес. Тем самым конфигурацию в (17d) следует признать эмпирически необходимой для анализа семантики деепричастий.

Таковы общие контуры объяснения диапазона видовременных интерпретаций деепричастий на -р, а также различий между действиями, с одной стороны, и свершениями и достижениями с другой¹¹. В завершающем разделе мы обсудим несколько смежных проблем.

¹¹ Следует добавить, что мы не предполагаем аналогичного деривационного сценария для языков типа русского. Русские деепричастия отличаются от тюркских деепричастий на -р и с точки зрения видовой, и с точки зрения акциональной интерпретации: в них представлен регулярный видовой контраст и, как кажется, никакие семантические свойства не коварируют с событийной структурой.

4. Импликации

Анализ выше предполагает одновременно и симметрию, и асимметрию глаголов способа и результата. Они симметричны с точки зрения событийной структуры — и у тех и у других есть два компонента, процесс и результирующее состояние. Асимметрия проявляется в логическом типе аргумента: в каждом случае тот из двух компонентов, у которого отсутствуют дескриптивные свойства, имеет кванторный тип, а не индивидуальный. Почему?

Мы предполагаем, что если лексическое значение предиката не содержит указания на дескриптивные свойства ситуации, то семантическая система оставляет открытой возможность компенсировать отсутствие этой информации посредством квантификации по соответствующей переменной. Квантификация — ответ на потребность системы избегать элементов без дескриптивных свойств:

(22) ДЕЗИДЕРАТУМ

Референция к ситуациям, лишенным дескриптивного содержания, должна быть минимальна

Дескриптивные свойства — важнейший критерий индивидуирования ситуаций, также известный как требование высокой гранулярности. В наиболее сильных версиях (например, Kim 1966) этот критерий предписывает признать различными любые две ситуации, если они подпадают под разные дескрипции. Соответственно, дезидератум в (22) нацелен на то, чтобы уменьшить присутствие в семантике таких единиц, для индивидуирования которых недостаточно дескриптивной информации.

В (8) все, что известно, о результирующей, каузируемой ситуации, — это то, что она представляет собой результирующее состояние, носителем которого выступает прямое дополнение. Симметричным образом, в (9) каузирующий процесс — это процесс, в котором задействован агенс-подлежащее, о котором более ничего не сообщается. Недостающие дескриптивные свойства есть возможность ввести в семантику с помощью квантификации, а именно: получив их из рестриктора обобщенного квантора.

Такой взгляд на вещи позволяет, в частности, интегрировать в общую картину факты, связанные с модификацией, доступной для глаголов способа и результата.

Как известно, первые, в отличие от вторых, допускают различные типы результативных составляющих, функция которых состоит ровно в том, чтобы сообщить информацию о свойствах результирующего со-

стояния. Например, разнообразные выражения с пространственной семантикой могут задавать в этом качестве конечную локализацию объекта. Симметричный случай — аналогичная модификация у глаголов результата, у которых недоспецифицированы дескриптивные свойства процесса. Это, в частности, разнообразные обстоятельства образа действия.

Модификаторы такого типа в построенной выше системе естественным образом анализируются как экзистенциальные обобщенные кванторы — такие же, как DEFAULT_η в (11), но с непустым рестриктором. Общий формат — $\lambda P_{\eta}. \exists e [P(e) \wedge \phi(e)]$, где ϕ — событийный предикат, привносимый модификатором и обеспечивающий ситуацию дополнительными дескриптивными свойствами.

Следует отметить, что в качестве модификаторов такого типа могут выступать и сами деепричастия на *-p*, но, по-видимому, только неветвящиеся и не проецирующие собственную аргументную структуру. (23) — пример такой возможности (Татевосов и др. ред. 2017: 660).

- (23) *ol arba-nx tart-x-p čxgar-a.*
он телега-ACC тянуть-ST-CONV выводить-ST-IPFV
'Он вытянул телегу [= (по)тянув, вывел].'

В (23) 'выводить' — глагол результата, семантика которого ('делать так, чтобы внутренний аргумент оказался вне исходной локализации') организована вокруг дескрипции результирующего состояния. Модификатор '(по)тянув' вносит в эту семантику компонент способа, встроенный в значение глагола 'тянуть'.

Предложенный выше анализ естественным образом расширяется и на еще один класс конструкций с деепричастием на *-p* — конструкций с легким глаголом 'стоять'. (24)–(25) иллюстрирует два основных типа такой конструкции в карачаево-балкарском языке (Пазельская, Шулинский 2006).

- (24) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК
fatima qofta eš-ip tur-a-di.
Фатима кофта вязать-CONV стоять-IPFV-3SG
1. 'Фатима вяжет кофту'.
2. 'Фатима связала кофту'.

- (25) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК
alim ešik-ni ac-ip tur-a-di.
А. дверь-ACC открывать-CONV стоять-IPFV-3SG
1. *'Алим открывает дверь'.
2. 'Алим открыл дверь'.

В эпизодических (не хабитуальных) употреблении первый тип конструкции, представленный в (24), допускает две интерпретации, второй в (25) — одну. (24.1) описывает фазу процесса вязания, которая предшествует кульминации. Такое прочтение, похожее на прогрессивное, возможно для глагола способа 'вязать', но не для глагола результата 'открывать', ср. (25.1). Для второго прочтения, (24.2) и (25.2), которое есть и у 'вязать' и у 'открывать', носители карачаево-балкарского языка систематически предлагают русский перевод с глаголом совершенного вида в прошедшем времени — 'связала' в (8.2) и 'открыл' в (9.2).

Параллелизм конструкций с легким глаголом и конструкцией с деепричастными клаузами, обсуждавшимися в предыдущих разделах, очень заметен.

Во-первых, и там и там деепричастия от глаголов со структурой действительностей создают две интерпретации, а деепричастия от глаголов класса свершений и достижений — одну.

Во-вторых, сами интерпретации показывают четкое семантическое соответствие. (3.1) с пересечением интервалов главной и зависимой клауз ('шел, напевая') соотносится с прогрессивной интерпретации в (8.1) ('вяжет'), а 'шел, спев (песню)/словам ветку' в (3.2) и (7.2), а также 'поискал, вернувшись домой' в (4.2) — со 'связала' и 'открыл' в (8.2)–(9.2).

По-видимому, мы имеем дело с одним и тем же паттерном, анализ которого должен выстраиваться одинаково. Вот общая идея о семантике легкого глагола: 'внешний аргумент находится («стоит») в состоянии, которое или пересекается с временным интервалом, вводимым деепричастной составляющей, или следует за ним'. Анализ самих деепричастий, сформулированный выше, в таком случае кажется возможным использовать без каких-либо существенных изменений. Если это верно, анализ получает серьезное эмпирическое подкрепление.

Изложенные выше заметки о глаголах способа и результата оставляют за скобками многие важные вопросы, возникающие в связи с наблюдениями об асимметрии предикатов с разной событийной структурой. В частности, мы не предлагаем полностью композиционную семантику денотатов глагольных групп в (8)–(9). Кроме того, мы не обсуждаем, как они встраиваются в деривацию независимых предложений и других конфигураций с полностью развернутой функциональной структурой. Естественно предположить, что в таких конфигурациях реализуется более полный набор грамматических противопоставлений и, в частности, вместо DEFAULT_{ASP} используются стандартные видовремен-

ные показатели. Возможно также, что преобразование отношения между обобщенными кванторами и событиями в событийный предикат осуществляется механизмом, отличным от DEFAULT_η. Это, однако, будет сюжет для следующей истории.

Сокращения

1SG — первое лицо, единственное число; 3 — третье лицо; 3SG — третье лицо, единственное число; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; CONV — деепричастие; DAT — датив; GEN — генитив; IMP — императив; IPFV — имперфектив; PFCT — перфект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; ST — показатель основы.

Литература

- Кустова Г. И. 2004. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры.
- Пазельская А. Г., Рыбинцева Н. В. 2009. Акциональные классы глаголов и смежные вопросы. В сб.: С. Г. Татевосов (ред.). *Тубаларские этюды*. М.: Наследие, 54–77.
- Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. 2006. Акциональная модификация: конструкции со вспомогательным глаголом *tur*. В сб.: Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: Наследие, 362–400.
- Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б., Ермолаева М. Б. 2017. Обстоятельственные предложения с деепричастием на –р и редуцированным деепричастием на гласную. В сб.: С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов (ред.) *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. М.: Буки Веди, 497–524.
- Подлеская В. И. 2022. *От полипредикации к дискурсу. Японский, русский, далее — везде...* М.: РГГУ.
- Татевосов С. Г. (ред.) В печати. *Элементы бурятского языка в типологическом освещении. Баргузинский диалект*. М.: Буки Веди.
- Татевосов С. Г. (ред.) 2009. *Тубаларские этюды*. М.: Наследие.
- Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. (ред.) 2017. *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. М.: Буки Веди.
- Alpatov, V., Podlesskaya, V. 1995. Converbs in Japanese. In: M. Haspelmath, E. König (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 465–485.

- Beavers, J., Koontz-Garboden, A. 2020. *The roots of verbal meaning*. Oxford: Oxford University Press.
- Beck, S., von Stechow, A. 2015. Events, times and worlds: an LF architecture. In: C. Fortmann (Hg.) *Situationsargumente im Nominalbereich. Linguistische Arbeiten Bd. 562*. Berlin: De Gruyter, 13–46.
- Dowty, D. R. 1979. *Word meaning and Montague Grammar. The semantics of verbs and times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.
- Kim, J. 1966. On the Psycho-Physical Identity Theory. *American Philosophical Quarterly*, vol. 3, 277–285.
- Martin, F., Demirdache, H. 2020. Partitive accomplishments across languages. *Linguistics*, vol. 58(5), 1195–1232.
- Privoznov, D. 2021. *A theory of two strong islands*. PhD dissertation. MIT.
- Rappaport Hovav, M., Levin, B. 1998. Building verb meanings. In: M. Butt, W. Geuder (eds.) *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI, 97–134.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛА *ДАТЬ* В СОСТАВЕ ПЕРМИССИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ¹

М. А. Холодилова

(Институт лингвистических исследований РАН;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
hol_m@mail.ru

В соответствии с существующими описаниями глагол *дать*, выступающий в качестве матричного, проявляет ряд свойств, указывающих на его грамматикализацию. Рассмотрение количественных корпусных данных позволяет подтвердить и уточнить ряд обобщений (тяготение глагола *дать* к контекстам с одушевленным подлежащим, неодушевленным каузируемым участником, избегание эллипсиса и прономинализации, избегание отрицания в зависимой клаузе), а также дополнить их список не отмечавшимися ранее грамматикализационными свойствами (тяготение к использованию в зависимой клаузе отрицательного местоимения при отрицании в главной, большая частотность порядка слов, нарушающего линейное единство зависимой клаузы). От остальных контекстов использования матричного глагола *дать* отличаются контексты, предполагающие что в качестве каузатора выступают высшие силы (*ему не дано вернуться, дай вам Бог вернуться*): допустимость пассива и отрицания в зависимой клаузе говорят о меньшей степени их грамматикализации.

Должно быть, есть люди, которым не то что
не дано, а не позволено быть счастливыми.
Д. С. Мережковский. «Александр Первый»

1. Введение

Русские конструкции с глаголами *дать*, *давать* в произвольной грамматической форме и зависящим от них инфинитивом, подобные (1), широко обсуждаются в литературе, см. в особенности (Тоорс 1991; Подлесская 2005; Podlesskaya 2006; von Waldenfels 2012a, b, 2015).

¹ При подготовке финальной версии статьи с благодарностью учтены комментарии О. Е. Пекелис.

- (1) *В третий раз люди заметили и не дали Якову загонять гусей к себе обратно.* [М. М. Пришвин. Гуси с лиловыми шеями (1939)] (НКРЯ)

В настоящей статье с некоторой долей условности (см. обсуждение семантики конструкции в von Waldenfels 2012a, а также ниже) конструкция, формально подобная приведенной в (1) и имеющая значение из зоны каузации, называется **пермиссивной**, участник, соответствующий подлежащему главной клаузы (люди в примере (1)), — **каузатором**, участник, соответствующий подлежащему зависимой клаузы (Яков в примере (1)), — **каузируемым участником**.

В существующих исследованиях пермиссивной конструкции приводится ряд признаков, которые могут указывать на грамматикализацию матричного глагола, таких как ограничения на одушевленность участников, ограничения на образование пассива, ограничения на эллипсис (Подлеская 2005; Podlesskaya 2006), недопустимость отрицания в зависимой клаузе (Тоорс 1991; Подлеская 2005; Podlesskaya 2006), ограничение на прономинализацию зависимого (von Waldenfels 2012: 102), см. обсуждение в разделах ниже. Цель настоящей статьи — дополнить и уточнить существующие обобщения на основе доступных корпусных данных. Корпусные данные привлекаются к обсуждению грамматикализации глагола *дать* также Р. фон Вальденфельсом (2012). Значительное методологическое отличие настоящей работы заключается в том, что вслед за статьями Подлеская 2005; Podlesskaya 2006 грамматикализационные свойства глагола *дать* последовательно рассматриваются ниже в сопоставлении с квазисинонимом (*позволить*²), что позволяет отграничить семантическую редкость от грамматической маргинальности. Также во всех подысследованиях ниже гипотезы сформулированы априорно, без опоры на корпусные данные.

В настоящей статье не обсуждаются конструкции, подразумевающие акт передачи (*дать поест*, *дать почитать книжку*), см. Тоорс 1991: 42; Подлеская 2005; von Waldenfels 2012: 44 об их отличии от пермиссивных конструкций, а также конструкции с глаголом несовершенного вида *давать*.

В статье рассматриваются как семантико-сочетаемые свойства глагола *дать* в пермиссивной конструкции, ассоциированные с грамматикализацией (раздел 2), так и морфосинтаксические проявления грамматикализации (раздел 3).

² В статье не рассматривается пермиссивный глагол *разрешить* как более семантически далекий, см. Подлеская 2005: 92 и раздел 2 ниже.

2. Семантика и сочетаемость

Глагол *дать* обладает рядом семантических и сочетаемых свойств, которые, хотя и не могут являться прямыми свидетельствами высокой степени грамматикализации, ассоциированы с грамматикализацией и позволяют предсказать, что она более вероятна для глагола *дать*, чем для его квазисинонима *позволить*. Ниже обсуждаемые свойства рассматриваются в сопоставлении с признаками интеграции (*binding*) по Т. Гивону: для предикатов, демонстрирующих более высокую степень интеграции, предсказывается большее синтаксическое единство главной и зависимой клаузы (Givón 1980); ср. также близкие типологические обобщения для каузативных конструкций в Dixon 2000; Levshina 2016b. Высокая степень интеграции клауз в свою очередь может считаться проявлением декатегоризации матричного глагола, одного из процессов грамматикализации вспомогательных глаголов (Heine 1993: 55). В соответствии с некоторыми классификациями грамматикализованные глаголы каузативной зоны относятся к числу легких, а не вспомогательных (Seiss 2009), поскольку меняют аргументную структуру. В то же время, интеграции клауз по мере грамматикализации естественно ожидать и от каузативных глаголов, поскольку каузативные структуры, грамматикализованные в высокой степени, моноклаузальны.

Во-первых, как отмечает В. И. Подлеская (2005: 92; Podlesskaya 2006: 284–285), глагол *дать* не предполагает речевого действия агентивного участника, тогда как для глагола *позволить* оно факультативно³. Такое различие в семантике указывает на большую дистантность каузации при глаголе *позволить* (Подлеская 2005), что в свою очередь говорит о меньшей интеграции предикатов (Givón 1980: 336).

Во-вторых, на различие по степени интеграции указывает имплицативность конструкции с глаголом *дать*, ср. Тоорс 1991: 42. Так, при глаголе *позволить* возможна ситуация, при которой разрешенное действие не выполняется (2), тогда как при глаголе *дать* вне контекстов снятой утвердительности это невозможно (3). Имплицативность также относится к признакам интеграции (Givón 1980: 357).

- (2) *Даже позволили находиться в верхней одежде, но я отказался.*
(Araenum Russicum Maximum)

³ Как указывает В. И. Подлеская (2005: 94), из запрета на речевые контексты для *дать* следует также невозможность для него перформативных употреблений, отмечаемых у *позволить* и *разрешить*.

(3) *Нам дали воспользоваться телефоном, (??но мы отказались).*

В-третьих, более высокая степень интеграции связана с меньшей самостоятельностью каузируемого участника (Givón 1980: 335), поэтому от более грамматикализованного глагола ожидается большая допустимость неодушевленных каузируемых участников. В. И. Подлесская (2005: 93; Podlesskaya 2006: 289) указывает на допустимость неодушевленного каузируемого участника при глаголе *дать*, но не *позволить*. Как видно из примеров (4)–(5), неодушевленные каузируемые участники встречаются при обоих глаголах.

(4) *Вещи и идеи объединены ложными иерархическими отношениями, враждебными их природе, они разъединены и отдалены друг от друга всякими потусторонними идеальными прослойками, не дающими вещам соприкоснуться в их живой телесности.* [М. М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа в романе (1937–1938, 1973)*] (НКРЯ)

(5) *Рационализм и механицизм просветителей, неисторичность их мировоззрения и отсутствие сколько-нибудь существенных связей с народным смеховым творчеством не позволили сатире Просвещения подняться на высоту возрожденческой сатиры.* [М. М. Бахтин. *Сатира (1945–1950)*] (НКРЯ)

В то же время тенденция к более широкому использованию предиката *дать* при неодушевленных каузируемых участниках существует и подтверждается, в частности, корпусными данными. Данные приведены в табл. 1, различие статистически значимо ($\chi^2, p < 0,05$).

Таблица 1. Распределение матричных глаголов *дать* и *позволить* в зависимости от одушевленности каузируемого участника (НКРЯ)⁴

Тип каузируемого участника	<i>Дать</i>	<i>Позволить</i>	Доля <i>дать</i>
Неодушевленный	89	11	0,9
Одушевленный	64	36	0,6

⁴ Для одушевленных и неодушевленных каузируемых участников рассмотрены случайные выборки из 100 примеров с одушевленным каузаторм, в которых друг за другом непосредственно следуют матричный глагол, каузируемый участник и инфинитив. Для целей исследования в качестве одушевленных каузаторм рассматривались в том числе грамматически одушевленные существительные, семантически соотносимые с множеством одушевленных участников (*толпа, страна, компания*). Каузируемые участники этих типов из рассмотрения исключены.

В-четвертых, на бóльшую степень интеграции, а значит, и на ожидаемую бóльшую грамматикализованность, указывает контроль каузатора над ситуацией (Givón 1980: 335). Исходя из этого, можно ожидать, что меньшая степень интеграции характерна для конструкций с неодушевленным каузаторм. Возможное возражение, высказанное Р. фон Вальденфельсом (2012), заключается в том, что при грамматикализации ожидается ослабление дистрибутивных ограничений, поэтому признаком грамматикализации следовало бы считать бóльшую, а не меньшую допустимость неодушевленных каузаторм, ср. также допустимость неодушевленных подлежащих как признак грамматикализации вспомогательного глагола в Heine 1993: 54. В то же время типологические исследования каузативных конструкций (Dixon 2000; Levshina 2016b) показывают, что более «компактные» формы, в том числе синтетические в противоположность аналитическим, ассоциированы с одушевленным и / или волитивным каузирующим участником. Таким образом, тяготение грамматикализованных каузативных конструкций к этому типу участников подтверждается эмпирически⁵. Вероятно, такое типологическое отклонение каузативных конструкций от возможных ожиданий связано с тем, что в отличие, например, от видо-временных или модальных маркеров, от каузативного показателя не ожидается сфера действия, включающая подлежащее, поэтому не ожидается и ослабление ограничений на референцию подлежащего. Как отмечено выше в разделе, грамматикализованные каузативные глаголы, как и другие глаголы, меняющие аргументную структуру, могут быть отнесены к группе легких глаголов, отличной от группы вспомогательных глаголов (Seiss 2009), при этом известно, что в отличие от вспомогательных легкие глаголы могут приписывать падеж, в том числе подлежащему (Seiss 2009: 510), что дает основания ожидать и референциальных ограничений на подлежащее.

⁵ О. Е. Пекелис указывает (л. с.), что этому обобщению может противоречить большая допустимость финитных — менее интегрированных — клауз при одушевленных каузаторм, ср. (i), (ii) и (iii). Предположительно, наблюдаемое в этих примерах различие связано с разницей не в одушевленности, а в типе каузации: более косвенная речевая каузация в (iii) допускает менее редуцированную конструкцию, см. обсуждение этого свойства интеграции выше. Речевая каузация часто, однако не всегда, сопутствует одушевленности каузаторм.

(i) *Это позволило нам увеличить расходы.* (Пример О. Е. Пекелис)

(ii) *??Это позволило, чтобы мы увеличили расходы.* (Пример О. Е. Пекелис)

(iii) *Начальник позволил, чтобы мы увеличили расходы.* (Пример О. Е. Пекелис)

Этот теоретический вопрос требует дополнительного исследования, для настоящей же работы наиболее важно, что от более грамматикализованного каузативного глагола ожидается одушевленность подлежащего.

В литературе (см. Подлесская 2005: 1994; Podlesskaya 2006: 288–289) указывается, что у глагола *дать* наблюдаются ограничения на одушевленность каузатора: неодушевленный участник возможен только при отрицании. Согласно Тоорс 1991: 49, ср. также von Waldenfels 2012: 107, группу исключений для глаголов *дать* и *давать* составляют примеры с конструкцией вида *да(ва)ть себя почувствовать*. Р. фон Вальденфельс отмечает существование и других примеров с неодушевленным каузирующим участником без отрицания (2012: 80–81), однако характеризует их как грамматически маргинальные (2012: 48) и не указывает семантических ограничений на их образование. Корпусные данные позволяют уточнить эти обобщения: помимо отрицательных, сравнительно многочисленны также контексты с неодушевленным подлежащим матричной клаузы, в которых зависимые клаузы имеют ментальное или эмотивное значение (в особенности это частотно для клауз с глаголом *понять*) (6)–(7) или значение отдыха (8).

- (6) *...эти книги дали мне понять, чего я хочу в жизни, и как сделать первый шаг.* [Форум: Сайт об эзотерике (2010)] (НКРЯ)
- (7) *Между тем Чичиков стал примечать, что бричка качалась на все стороны и наделяла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю.* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] (НКРЯ)
- (8) *Если правда, что «Возвр. музыка» получила 2-ю категорию и это даст мне передохнуть материально, то это еще простительно (т. е. то, что я с этим возился).* [А. К. Гладков. Дневник (1964)] (НКРЯ)

В табл. 2 представлены сопоставительные данные по частотности зависимых клауз с различной семантикой при матричных глаголах *дать* и *позволить* и неодушевленном подлежащем *это*. Как видно из таблицы, для глагола *дать* более характерна сочетаемость с клаузами, имеющими ментальное или эмотивное значение, а также значение отдыха, чем с другими типами клауз (двусторонний вариант точного критерия Фишера, поправка Бонферрони-Холма, $p < 0,05$). Глагол *понять* значимо отличается от группы других ментальных и эмотивных предикатов (двусторонний вариант точного критерия Фишера, поправка Бонферрони-Холма, $p < 0,05$).

Таблица 2. Распределение предикатов в конструкции *Это дало/позволило* + Dat + Inf (Araneum Russicum Maximum)⁶

Семантика зависимой клаузы	Дало			Позволило (выборка 1000 примеров) ⁷		
	N	%	Доверительный интервал (95%)	N	%	Доверительный интервал (95%)
Клауза с глаголом <i>понять</i>	55	65 %	55–76 %	5	1 %	0–1 %
Клауза с ментальным или эмотивным значением с другими глаголами ⁸	16	19 %	11–27 %	204	20 %	18–23 %
Клауза со значением отдыха	3	4 %	0–8 %	1	0,1 %	0–0,3 %
Другие клаузы	10	12 %	5–19 %	790	80 %	77–82 %

В ряде работ отмечается семантическая и количественная обособленность ментальных предикатов и в особенности глаголов *понять* и *знать* в русской пермиссивной конструкции (Тоорс 1991: 39; Подлесская 2005; Podlesskaya 2006; von Waldenfels 2012: 44, 103–104), однако не их более широкая сочетаемость с неодушевленными подлежащими. Тяготение глагола *дать* к зависимым предикатам этих групп, возможно, гово-

⁶ В исследовании как для глагола *дать*, так и для глагола *позволить* рассмотрено не более одного примера от текста, для глагола *позволить* сформирована случайная выборка в 1000 примеров. Примеры распределены по группам вручную, при этом семантическая группа определялась на основании семантики клаузы в целом, а не только вершинного глагола, например сочетание *сделать вывод* было отнесено к группе ментальных предикатов, *сделать карьеру* — к группе других предикатов.

Из-за устройства запроса (присутствует дативный участник, за ним непосредственно следует инфинитив) в рассмотренной выборке не представлены примеры вида *дать / позволить себя почувствовать*, для которых также ожидается повышенная частотность матричного глагола *дать* (Тоорс 1991: 49, von Waldenfels 2012: 107).

⁷ Общий объем выборки составляет 10 747 примеров, что позволяет предположить, что по крайней мере в сочетании с глаголом *понять* и неодушевленным подлежащим частотность матричных глаголов *дать* и *позволить* на всем корпусе сопоставима.

⁸ В отличие от Waldenfels 2012: 104, в настоящем подысследовании полученная выборка ментальных и эмотивных глаголов в конструкции с глаголом *дать* лексически разнообразна.

рит о том, что неодушевленный каузатор более допустим в тех случаях, когда естественно предполагать прямую каузацию, не требующую никакого дополнительного действия от агенса зависимой клаузы. Так, Р. фон Вальденфельс относит конструкции с ментальными глаголами и глаголами невнимательного восприятия (*inattentive perception*) к фактитивной, а не пермиссивной каузации (von Waldenfels 2012: 103), Н. Левшина классифицирует их как группу, промежуточную между пермиссивом и фактитивом (Levshina 2016a), при этом известно, что фактитивность является фактором, способствующим повышению степени интеграции (Givón 1980: 369; Levshina 2016b)⁹.

Для настоящего обсуждения существенно прежде всего само то, что при матричном глаголе *дать* неодушевленные каузаторы используются менее свободно, чем при его квазисинониме *позволить*. Это подтверждается данными в табл. 3: как видно из таблицы, даже при предикате ментально-эмотивной группы *почувствовать* матричный глагол *дать* тяготеет к контекстам с одушевленным каузатором. Различие статистически значимо ($\chi^2, p < 0,05$).

Таблица 3. Распределение матричных предикатов в зависимости от одушевленности каузатора в конструкции вида

*Это/он позволил(о) / дал(о) Dat почувствовать (Araneum Russicum Maximum)*¹⁰

Каузатор	Дал(о)	Позволил(о)	Доля дал(о)
<i>Это</i>	4	37	0,1
<i>Он</i> (только одушевленные контексты)	54	6	0,9

Таким образом, глагол *дать* по ряду признаков (отсутствие речевого действия, имплицативность, склонность к одушевленности каузирующего

⁹ Ср., возможно, близкое ограничение, описанное А. Б. Летучим для сентенциальных актантов в функции подлежащего: сентенциальные актанты, вводимые союзом *что* и не сопровождаемые вершиной *то*, в позиции подлежащего могут иметь только семантическую роль Стимула, но не Каузатора, что может объясняться большей естественностью для ситуаций роли Стимула (Летучий 2021: 185–186). Как и в рассматриваемом случае, такая — более естественная — ситуация каузации допускает более редуцированное маркирование.

¹⁰ В выборке исключены примеры с дативным зависимым себе, такие как *позволил себе отдохнуть*, поскольку в этом контексте матричный глагол *дать*, как правило, не используется.

участника и неодушевленности каузируемого участника) ближе к матричным предикатам, типологически склонным к интеграции с зависимой клаузой, чем его квазисиноним *позволить*.

3. Морфосинтаксические проявления грамматикализации

В разделах ниже рассматриваются морфосинтаксические признаки, которые указывают на грамматикализацию: морфологическая дефектность (3.1), ограничения на именное и нулевое выражение объекта (3.2), ограничения на отрицание в зависимой клаузе (3.3), отрицательное согласование через границу клаузы (3.4), порядок слов, указывающий на моноклаузальность (3.5). Для полноты картины признак рассматривается вне зависимости от того, позволяет ли настоящее исследование дополнить представления, отраженные в существующей литературе.

3.1. Морфологическая дефектность: пассив

Как отмечает В. И. Подлеская, в пермиссивной конструкции пассив от глагола *дать*, в отличие от глагола *позволить*, невозможен, кроме случаев, в которых «под распорядителем понимается высшая сила, наделенная сверхчеловеческими возможностями» (Подлеская 2005: 93), как в (9).

(9) *К счастью, людям не дано судьбою читать в мыслях друг друга.*
[Л. А. Чарская. Княжна Джаваха (1903)] (НКРЯ)

Так, в (10) подразумеваемым субъектом при глаголе *дать* являются некоторые люди, которые помешали исполнению арии, тогда как предложение (11) непременно предполагает, что говорящий верит в предренность описываемой ситуации, при этом участие третьих лиц в этом случае необязательно. При глаголе *позволить* такое ограничение не возникает и пассив допустим (12).

(10) *Ему испортили его любимейшую арию, не дали допеть до конца.*
[Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] (НКРЯ)

(11) *Ему не было дано допеть до конца.*

(12) *Всюду под кустами из-под бурой слеглой листвы пробивалась не-сметная сила фиалок, но мне не было позволено собрать букет: Ирена сказала, что они и так наши.* [Константин Воробьев. Вот пришел великан (1971)]

3.2. Выражение аргументов: эллипсис и прономинализация

В работах о матричном глаголе *дать* упоминаются два возможных признака грамматикализации, связанных с выражением актанта: допустимость эллипсиса (Подлеская 2006: 101) и прономинализации (von Waldenfels 2012: 102) инфинитивной клаузы. В. И. Подлеская указывает на неполную допустимость эллипсиса зависимой клаузы при глаголе *дать* в функции матричного (13).

(13) *Я попросил его дать мне поспать, и он дал.* (Подлеская 2006: 101)

Р. фон Вальденфельс (2012: 102) описывает эллипсис зависимой клаузы при глаголах *дать* и *позволить* как допустимый, прономинализацию же как менее грамматичную, при этом указывает на сходное поведение этих матричных глаголов в обеих конструкциях.

Отдельные примеры засвидетельствованы и для конструкции с эллипсисом (14), и для конструкции с прономинализацией инфинитивного зависимого (15).

(14) *Лужков это да, это действительно рыночник. Посмотрите, что делается в Москве. И, если ему дадут, он распространит это на всю Россию.* (Araneum Russicum Maximum)

(15) *После этого, талант, сам себя покажет в этой жизни, если ему это дадут.* (Яндекс)¹¹

В то же время, корпусные данные, приведенные в табл. 4, позволяют утверждать, что эти конструкции сравнительно редки: для глагола *дать* менее обычна, чем для глагола *позволить*, как эллиптическая конструкция, так и прономинализация сентенциального актанта (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони-Холма, $p < 0,05$).

3.3. Отрицание в зависимой клаузе

В ряде работ отмечается, что при матричном глаголе *дать* в зависимой клаузе невозможно отрицание (Тоорс 1991: 41; Podlesskaya 2006: 285). Р. фон Вальденфельс указывает на существование контрпримера к этому правилу с отрицанием как в главной, так и в зависимой клаузе (von Wal-

¹¹ В примере сохранена пунктуация оригинала. Левый контекст позволяет убедиться, что антецедент *это* — *покажет в этой жизни*.

Таблица 4. Частотность эллипсиса и прономинализации инфинитивного оборота в структурах вида *если ему/ей/им ... дать/позволить ..., если* (местоимение) *ему/ей/им ... даст/позволит ...* (Araneum Russicum Maximum)¹²

Тип контекста	Дать	Позво- лить	Доля дать
Эллипсис (выборка 100 примеров)	1	99	0,0
Конструкция с <i>это</i>	0	20	0,0
Инфинитивный оборот (выборка 100 примеров)	28	72	0,3

denfels 2012a: 101), такие как (16), однако рассматривает такие примеры как маргинальные.

(16) *...его расчетливость и скрупулезность просто не даст ему не вернуть деньги и оставить человека ни с чем.* (Araneum Russicum Maximum)

Примеры с отрицанием только в зависимой клаузе фиксируются:

(17) *...страховой агент даст вам не растеряться от огромного количества незнакомых слов...* (Araneum Russicum Maximum)

Данные в табл. 5 показывают, что отрицание в зависимой клаузе при глаголе *дать* в сравнении с глаголом *позволить* действительно избегается, при этом в контекстах с отрицанием как в главной, так и в зависимой клаузе они значительно более частотны (χ^2 , поправка Холма-Бонферрони, $p < 0,05$)¹³.

¹² В строках «Эллипсис» и «Конструкция с *это*» учитываются только такие примеры, в которых синтаксический ноль или местоимение *это* отсылают к содержанию аподосиса или его сентенциального зависимого. В подысследовании не учитываются также фактивные контексты (*дать понять, дать остыть*), а также контексты, предполагающие передачу (*дать почитать книгу*).

¹³ Возможно, к контекстам с отрицанием в главной клаузе примыкают по этому свойству также контексты снятой утвердительности, такие как (i), однако доступных корпусных данных для проверки этого утверждения недостаточно. При расчетах в табл. 5 такие примеры также не учитываются.

(i) *Но галстук носил, конечно. А кто бы мне дал не носить?* (Araneum Russicum Maximum)

Таблица 5. Распределение матричных предикатов *дать* и *позволить* в зависимости от положения отрицательной частицы (Araneum Russicum Maximum)¹⁴

Положение частицы <i>не</i>	<i>Дать</i>	<i>Позволить</i>
Только главная клауза (<i>не позволил читать</i>)	56	44
Обе клаузы (<i>не позволил не читать</i>)	19	81
Только зависимая клауза (<i>позволил не читать</i>)	0	100

Таким образом, без отрицания в главной клаузе при *дать* избегается отрицание в зависимой, но даже при наличии отрицания в главной клаузе отрицание в зависимой более характерно для глагола *позволить*, чем для глагола *дать*.

Помимо контекстов с *не* в главной клаузе, отрицание в зависимой клаузе более свободно сочетается с контекстами, в которых в качестве каузатора выступают «высшие силы», в том числе, но не исключительно в конструкции с пассивом, ср. (18)–(20).

- (18) *Человеку дано стать палачом, так же, как и дано не становиться им.* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)] (НКРЯ)
- (19) *Митра, ты тоже солдат, — дай не дрогнуть в последний час!* (Р. Киплинг, перевод М. Гаспарова)
- (20) *...Господь ей милостиво дал не увидеть 1937 год.* (Araneum Russicum Maximum)

Преобладание контекстов «высших сил» в непассивной конструкции с *дать* при отрицании в зависимой клаузе подтверждается данными в табл. 6: как видно из таблицы, этот тип контекстов значительно менее частотен как при глаголе *дать* без отрицания в зависимой клаузе, так и при глаголе *позволить* с отрицанием (χ^2 , поправка Бонферрони-Холма, $p < 0,01$).

¹⁴ Данные в строках таблицы основаны на выборках в 100 примеров. При подсчетах не учитывались следующие типы контекстов: устойчивые выражения с одним из глаголов (*позвольте не согласиться, не дать соврать*) и соответствующие им выражения со вторым глаголом; пассивные конструкции; конструкции с зависимым *себе*; контексты высших сил; контексты, в которых наиболее естественно предполагать, что вторая частица *не* добавлена по ошибке.

Таблица 6. Частотность контекстов «высших сил» в зависимости от матричного глагола и наличия отрицания в зависимой клаузе¹⁵

Пермиссивное выражение	«Высшие силы»	Другие контексты
<i>Дать + не + V</i>	57	43
<i>Дать + V</i>	3	97
<i>Позволить + не + V</i>	0	100

3.4. Дистрибуция отрицательных местоимений

В качестве признака, указывающего на высокую степень объединения клауз, для русского языка можно рассматривать использование отрицательного местоимения в зависимой клаузе при отрицании матричного глагола, как в примере (21), ср. (22) с неопределенным местоимением.

- (21) *Она не дала ему ничего сказать.* [А. С. Грин. Дорога никуда (1929)] (НКРЯ)
- (22) *Вызывая в ком-то чувство стыда, мы пытаемся не дать ему совершить что-либо, что может смутить нас самих.* (Araneum Russicum Maximum)

Р. фон Вальденфелс (2012: 102) отмечает, что отрицательные местоимения в структурах такого типа возможны и при глаголе *дать*, и при глаголе *позволить*. Данные в табл. 7 показывают, что, несмотря на верность этого обобщения, для глагола *дать* использование отрицательных местоимений в зависимой клаузе более характерно, чем для глагола *позволить* (χ^2 , $p < 0,01$).

¹⁵ Данные в строках таблицы основаны на выборках в 100 примеров. В данных, обобщаемых в таблице, исключены все те типы контекстов, что и в табл. 5, кроме контекста высших сил. Исключены также контексты с отрицанием в главной клаузе. Исключены также употребления глагола *дать*, предположительно тяготеющие к отсутствию отрицания в зависимой клаузе: контексты ожидания по Waldenfels 2012: 63, такие как *дать остыть*, контексты, приближенные к фактивным (von Waldenfels 2012: 103, см. также раздел 2), такие как *дать понять*, и контексты передачи, такие как *дать почитать книгу*.

Таблица 7. Распределение серий местоимений в зависимой клаузе при отрицании в главной в зависимости от матричного глагола (Araneum Russicum Maximum)

Матричный глагол	Ни-	-либо, бы то ни было	Доля отрицательных местоимений
<i>Дать</i>	255	15	0,9
<i>Позволить</i>	95	29	08

3.5. Порядок слов, указывающий на объединение клауз

О более высокой степени единства клауз может свидетельствовать также такой порядок слов, при котором актанты матричного предиката линейно располагаются внутри зависимой клаузы, как в (23)¹⁶, ср. альтернативный и более частотный порядок слов в (24).

(23) *И стремлением спрятаться за спину хозяина, который не даст помереть тебе от холода и голода, но заставит жить и думать так, как ему, хозяину, нужно.* [Два раба (2003) // «Криминальная хроника», 08.07.2003] (НКРЯ)

(24) — *Как только ты научишься жевать твердую пищу, я дам тебе попробовать здешних битков с луком.* [Виктор Кин. По ту сторону (1928)] (НКРЯ)

Как видно из табл. 8, порядок слов, при котором зависимое матричного предиката находится внутри зависимой клаузы, более частотен для глагола *дать*, чем для глагола *позволить*. Различие статистически значимо (χ^2 , $p < 0,05$).

Таблица 8. Положение однословного дативного зависимого при глаголах позволения в формах действительного залога (НКРЯ, 1950–2012)

Матричный глагол	Внутри инфинитивной клаузы	Перед инфинитивной клаузой	% с положением внутри инфинитивной клаузы
<i>Дать</i>	74	1850	4 %
<i>Позволить</i>	30	1949	2 %

¹⁶ Некоторые наблюдения, относящиеся к данному порядку слов, обсуждаются в Svedstedt 1981.

4. Выводы

При сопоставлении глагола *дать* с его квазисинонимом *позволить* по ряду признаков: наличию речевого действия, имплицативности, одушевленности каузируемого участника и каузатора, ограничениям на образование пассива, ограничениям на эллипсис и прономинализацию инфинитивного участника, дистрибуции отрицательной частицы и отрицательного местоимения в зависимой клаузе, порядку слов — глагол *дать* во всех случаях демонстрирует свойства, более ожидаемые для грамматикализованного глагола. Рассматриваемые признаки приведены в табл. 9.

Таблица 9. Грамматикализационные свойства глагола *дать* (кроме контекста высших сил) в сопоставлении с глаголом *позволить*

	Свойство	Раздел	<i>Дать</i>	<i>Позволить</i>
Семантика	Отсутствие речевого действия	2	+	+/-
	Имплицативность	2	+	-
	Неодушевленный каузируемый участник	2	чаще	реже
	Неодушевленный каузатор	2	реже	чаще
Морфосинтаксис	Пассив	3.1	-/+ ¹⁷	+
	Эллипсис	3.2	реже	чаще
	Прономинализация	3.2	реже	чаще
	Отрицание в зависимой клаузе	3.3	реже	чаще
	Отрицательное местоимение при отрицании в главной клаузе	3.4	чаще	реже
	Зависимые матричного глагола в зависимой клаузе	3.5	чаще	реже

По ряду грамматикализационных свойств матричный глагол *дать* близок к другим глаголам, претендующим на статус вспомогательных, в частности к модальным глаголам *мочь* и *хотеть*: к числу общих свойств относятся ограничения на образование морфологических форм (пассив у глагола *дать*, нефинитные формы у модальных глаголов), дистрибуция отрицательных местоимений в зависимой клаузе, ограничения на именные аргументы (Холодилова 2015). Ограничение на прономинализацию отмечается также для фазовых глаголов (Летучий 2021: 418–419).

¹⁷ Исключение составляет контекст «высших сил».

Меньшее количество грамматических свойств демонстрирует контекст, в котором в качестве каузатора (выраженного или не выраженного) выступают некоторые высшие силы: в этом случае, во-первых, допустим пассив (Подлеская 2005), во-вторых, более приемлемо отрицание в зависимой клаузе.

Возможное объяснение этой закономерности связано с большей метафорической прозрачностью контекста с каузатором — высшими силами как контекста передачи (ср. объяснение Т. А. Майсака, согласно Подлеская 2005: 93, а также von Waldenfels 2012: 109). В то же время важно отметить, что близкое ограничение на возможного агентивного участника пассивной конструкции наблюдается и с рядом других глаголов в сочетании с инфинитивом, ср. прежде всего пассивные конструкции с глаголами типа *создать*, *родить*: зависимый инфинитивный оборот возможен только при подразумеваемом (25) или выраженном (26) агентивном дополнении, обозначающем высшие силы, тогда как при других агентивных дополнениях он невозможен (26). См. обсуждение в работе Холодилова 2011.

- (25) *Ультратранспортивный компьютер Sony VAIO VGN-P21ZR с глянцевой отделкой ярких естественных цветов, созданный быть идеальным спутником в поездке.* (Яндекс)
- (26) *Кипрей создан природой укрывать земную скорбь, утешать глаз.* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)] (НКРЯ)
- (27) *Этот компьютер создан нами быть идеальным спутником в поездке.*

Близкое поведение можно отметить также у ряда глаголов, ограниченных в одном из своих значений контекстами высших сил и выступающих в этой функции в качестве *passiva tantum*: *начертано*, *предначертано*, *назначено*, *суждено*. Можно предположить, что существование таких конструкций поддерживает конструкционную обособленность оборота с *дать* со значением «высших сил», препятствующую его грамматикализации.

Литература

Летучий А. Б. 2021. *Русский язык о ситуациях: конструкции с ситуационными актантами*. СПб.: Алетейя.

- Подлеская В. И. 2005. Русские глаголы *дать* / *давать*: от прямых употреблений к грамматикализированным. *Вопросы языкознания*, №2, 89–103.
- Холодилова М. А. 2011. *Релятивизация О-участника при пассиве в русском языке*. Дипломная работа, СПб.: СПбГУ.
- Холодилова М. А. 2015. Грамматикализация русских модальных глаголов. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, т. XI, 1, 369–399.
- Dixon, R. M. W. 2000. A typology of causatives: Form, syntax and meaning. In R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.) *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 30–83.
- Givón, T. 1980. The binding hierarchy and the typology of complements. *Studies in Language*, vol. 4(3), 333–377.
- Heine, B. 1993. *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*. New York — Oxford: OUP.
- Levshina, N. 2016a. Verbs of letting in Germanic and Romance languages: A quantitative investigation based on a parallel corpus of film subtitles. *Languages in Contrast*, vol. 16(1), 84–117.
- Levshina, N. 2016b. Why we need a token-based typology: A case study of analytic and lexical causatives in fifteen European languages. *Folia Linguistica*, vol. 50(2), 507–542.
- Podlesskaya, V. I. 2006. Auxiliation of ‘give’ verbs in Russian: Discourse evidence for grammaticalization. In: T. Tsunida, T. Kageyama (eds.) *Voice and Grammatical Relations: In Honor of Masayoshi Shibatani*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 271–298.
- Seiss, M. 2009. On the difference between auxiliaries, serial verbs and light verbs. In: M. Butt, T. H. King (eds.) *Proceedings of the LFG09 Conference*. Stanford, CA: CSLI Publications, 501–519.
- Svedstedt, D. 1981. Theme Postponement in Russian. *Russian Linguistics*, vol. 6(1), 15–39.
- Toops, G. H. 1991. Russian *da(va)ть* + infinitive: ‘To give’, ‘to let’, or ‘to have’. *Russian Language Journal*, vol. 45(151–152), 39–52.
- von Waldenfels, R. 2012a. *The Grammaticalization of ‘Give’ + Infinitive: A Comparative Study of Russian, Polish, and Czech*. Berlin — Boston: Walter de Gruyter.
- von Waldenfels, R. 2012b. Finnish *antaa* and Russian *davat’* ‘to give’ as causatives: a contrastive analysis. In: J. Leino, R. von Waldenfels (eds.) *Analytical Causatives: From ‘Give’ and ‘Come’ to ‘Let’ and ‘Make’*. München: Lincom Europa, 187–220.
- von Waldenfels, R. 2015. Grammaticalization of ‘give’ in Slavic between drift and contact: causative, modal, imperative, existential, optative and volative constructions. In: B. Nolan, G. Rawoens, E. Diedrichsen (eds.) *Causation, Permission, and Transfer Argument Realisation in GET, TAKE, PUT, GIVE and LET verbs*. Amsterdam: John Benjamins, 107–127.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ШАРАДЫ: СМЕЩЕННЫЕ СУППОЗИЦИИ И НЕТРИВИАЛЬНЫЕ АЛЛЮЗИИ

А. Д. Шмелев

(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
shmelev.alexei@gmail.com

В статье развиваются и уточняются некоторые положения, сформулированные автором в более ранней заметке, посвященной шарадам. Дается определение шарад того типа, которому посвящена заметка. Отмечается, что в шарадах принято сознательно не различать номинативные единицы и денотаты этих единиц. Описываются ограничения, накладываемые на «правильные» шарады, и предъявляемые к ним формальные требования: не должно быть отклонений от орфографической точности в передаче частей, членение на части и описание каждой из частей не должно соответствовать подлинному морфемному членению и этимологии. Обсуждается роль фоновых знаний для составления и отгадывания шарад, а также игра на фоновых знаниях и неразличении суппозиций (термин средневековой логики) как эстетическая составляющая шарад. Рассматриваются разные виды вариативности в шарадах: вариативное разбиение целого на «слоги» и вариативное описание «слов» и целого при одном и том же разбиении. (К вариативности примыкают случаи, когда одно и то же описание задает различные «слоги».) Все положения иллюстрируются стихотворными шарадами, составленными автором заметки (в конце заметки приводятся отгадки).

Из комнаты в комнату мы долго задавали друг другу шарад, замолкая (до сих пор слышу тон этого двойного молчания в темноте): она — для разгадки моей, я — для придумывания новой. Мои были всегда попричудливее да поглупее, Таня же придерживалась классических образцов:

mon premier est un métal précieux,
mon second est un habitant des cieux,
et mon tout est un fruit délicieux

Владимир Набоков «Дар»

1. Вступительные замечания

В замечательной статье Подлеская 2020 подробно рассмотрена история слова *шарада* в русском языке и его функционирование в современной речи (в значительной мере на материале Национального корпуса русского языка). В предлагаемой заметке¹ рассматривается лишь один тип шарад, который на языке математики можно определить так: означающее некоторой номинативной единицы (в норме — существительного в именительном падеже) рассматривается как кортеж, представляющий собою результат конкатенации двух или более кортежей. Каждый из этих кортежей тоже представляет собою означающее некоторой номинативной единицы. Автор шарад дает описание денотату каждой из составных частей (эти части иногда условно называют «слогами», хотя с фонетическими слогами они могут не иметь ничего общего) и денотату целого, а задача отгадывающих — определить, какое слово имеется в виду.

При этом в формулировке шарад принято сознательно не различать номинативные единицы и денотаты этих единиц. Когда описывают *первый слог*, *второй слог* и т. д. (или просто *первое*, *второе* и т. д.), то фактически описываются денотаты соответствующих номинативных единиц. Имеет место то, что на языке средневековой логики можно было бы назвать неразличением суппозиций.

В «правильной» шараде не должно быть отклонений от орфографической точности в передаче частей (но, разумеется, не учитывается различие между прописными и строчными буквами). Если какая-то часть (*слог*) включает более чем один фонетический слог и в отгадке ударение стоит именно на этой части, то не должно быть разного ударения в соответствующей составной части и в отгадке. Кроме того, важно, чтобы членение на части и описание каждой из частей не соответствовало подлинному морфемному членению и этимологии. Нельзя считать «правильной» шараду, в которой слово *паровоз* членится на части *пар*, *о* и *воз*. Но допускается выделение морфемы в качестве отдельной части, если описание этой части семантически никак не связано со значением морфемы: описание приставки *по-* может быть сделано через отсылку к реке в Италии или к Эдгару Алану По.

¹ В заметке развиваются, уточняются и заново иллюстрируются некоторые положения, сформулированные в моей давней публикации Шмелев 2002.

2. Формальные характеристики шарады

В этой заметке будут рассматриваться только стихотворные формулировки шарад. К ним принято предъявлять некоторые формальные требования. В шарадах желательное использование только точных рифм; для русской шарады предпочтителен силлабо-тонический размер и равное количество слогов в рифмующихся строках.

Отклонения от этих требований возможно в некоторых специальных случаях. Приведем пример шарады, сочиненной мною совместно с Т. В. Булыгиной, в которой дважды намеренно нарушается требование точной рифмы²:

- (1) *Слог первый был для дерева одеждою,
Второе выраженья чувств.
Все вместе служит формою надежною
Того, в чем по морю я мчусь.*

Можно заметить еще одно отклонение от «канона» в этой шараде: отгадка представляет собою существительное не в именительном падеже, а в одном из косвенных падежей, что специально оговаривается.

3. Роль фоновых знаний

Для любой шарады существенно наличие у отгадчиков определенных фоновых знаний. В некоторых случаях достаточными оказываются самые примитивные фоновые знания, которыми обладает любой носитель языка. Чтобы отгадать шараду из «Дара» Набокова, приведенную в эпиграфе, достаточно знать, какие металлы считаются драгоценными (и довольно быстро становится понятно, что лучше всего подходит *or*) и основные названия фруктов (и сразу ясно, что с части *or* начинается название *orange*), а *ange* выделяется по остаточному принципу, тем более что сразу видно: описание *un habitant des cieux* к ангелу вполне подходит.

Однако чаще всего необходимые фоновые знания оказываются менее тривиальными, и наличие нетривиальных аллюзий иногда составляет важную составляющую эстетического впечатления от шарады.

Приведем несколько примеров³.

² Отгадки всех шарад приведены в конце заметки перед списком литературы.

³ Все шарады в этой заметке, кроме специально оговоренных случаев, сочинены мною.

- (2) *На первом могут застревать суда.
Второй твердил, что «больше никогда».
Слог третий — звуковое изменение,
А этих всех слогов соединение
На творчество когда-то вдохновило
Софокла, Еврипида и Эсхила.*

В качестве фоновых знаний, предполагаемых этой шарадой, можно упомянуть знание об авторстве стихотворения, в котором регулярно используется слово *nevermore* (естественно переводимое на русский язык как *больше никогда*), классификация звуковых изменений в курсах фонетики, принятых во многих педагогических университетах (мена vs. чередование), и знание имени античной музы трагедии (а также того, что именно Софокл, Еврипид и Эсхил — самые знаменитые авторы древнегреческих трагедий).

В большинстве случаев фоновые знания, предполагаемые шарадой, менее разнообразны.

- (3) *Слог первый — виртуоз и корифей,
Второй в избе встречаем у дверей.
Слог третий — вариант голосования,
Четвертый — громовержец из Германии.
А в целом должен получиться тот,
Кто производит вывоз нечистот.*

Здесь существенно знание имени германского языческого бога-громовержца.

- (4) *Слог первый вроде парка иль бульвара,
Второй — чего лишилася Варвара.
Определить слог третий можно так:
Он то, чем занимается рыбак.
А то, что оказалось результатом,
Всех окружающих покроем матом.*

Здесь существенно знание детского дразнильного стишка о *любопытной Варваре*.

- (5) *Мой первый слог губить людские души
Пытается до Страшного суда.
Второе — специальный пункт на суше,*

*Куда обычно пристают суда.
Слог третий — тот, кому без посещения
Поставить часто не хотят зачет.
А этих всех слогов соединение
Во Франции зовется «санкюлот».*

Здесь существенно знание буквального перевода заимствованного из французского языка слова *санкюлот*, а также знание противопоставления очного и заочного обучения в советских высших учебных заведениях.

- (6) *Мой первый слог — светильник на стене.
Второй — полцарству равен по цене.
Слог третий — это просто твердый знак.
А целое — животных злейший враг.*

Для этой шарады полезно знать распространенный русский перевод реплики короля Ричарда III (из пьесы Шекспира) *My kingdom for a horse!*, а также традиционное наименование буквы, которая теперь чаще зовется «твердый знак».

- (7) *Слог первый был любовью в древнем Риме,
А также сам тот Рим наоборот.
Второе — уменьшительное имя
Для «женщины, которая поет».
А их соединения итог
Когда-то был для «строгача» предлог.*

Здесь предполагается некоторое, хотя бы самое примитивное знание латинского языка, в том числе названия города Рим на латыни, советского фильма «Женщина, которая поет», а также песни Галича «Красный треугольник», в которой упоминается не только строгач, но и предлог для него, составляющий целое.

Иногда аллюзия не очевидна для отгадчиков. В одной из моих старых шарад с отгадкой *шоколад* последняя строчка гласила: *А целое — объект желаний Нади*. Многие отгадчики, даже восстановив «целое» по частям, не опознавали отсылку к песенке *Девочка Надя, что тебе надо? Ничего не надо, кроме шоколада!* (В этой же шараде «слог» *лад* загадывался через отсылку к книге Василия Белова «Лад».)

4. Смещение суппозиций (парадокс автонимности)

Как уже говорилось, в формулировке шарады принято совмещать суппозиции, т. е. сознательно не различать номинативные единицы и денотаты этих единиц. Особый случай смещения суппозиций имеет место, когда подразумевается автонимное употребление языковой единицы, т. е. когда она обозначает самое себя. Когда говорят, что тот или иной слог представляет собою предлог или союз, можно говорить, что описывается референт «слога», употребленного в автонимном режиме, — тем более, что предлоги и союзы только в автонимном употреблении представляют собою номинативные единицы.

Игра на автонимности активно используется в шарадах и может поставить в тупик неопытного отгадчика. В публикации Шмелев 2002 я упоминал чью-то шараду, напечатанную в одном из сборников для детей, которая начиналась: *В начале октября слог первый мой, в начале ноября найдешь второй*, — и нужна была некоторая опытность в отгадывании шарад, чтобы догадаться, что подразумевается автонимное использование слов *октябрь* и *ноябрь* (отгадка *окно*). Здесь имел место тот же прием, что и в других загадках, обыгрывающих автонимность: *Чем кончаются день и ночь? — Мягким знаком; Что в январе, феврале, марте, апреле, мае, июне, июле, августе не найдешь, а найдешь в сентябре, октябре, ноябре и декабре, у Бога есть, а у царя нет, в небе есть, а в земле нет, у бабы две, у девки ни одной, у Бориса спереди, а у Глеба сзади? — Буква «б».*

Иногда, впрочем, отгадка одна и та же и при стандартном, и при «автонимном» смещении суппозиций. Так, описание *начинает алфавит* указывает на букву *а* в обоих случаях, а выражение *у азбуки в начале* и при стандартном, и при «автонимном» смещении суппозиций может указывать и на букву *а*, и на «слог» *аз*.

Приведем несколько примеров.

- (8) *Слог первый — это место для признанья,
Второе — это просто восклицанье.
Слог третий — небольших собак порода.
Все вместе — символ русского народа.*

Помимо того, что предполагается способность опознать источник словосочетания *место для признанья* (опознанию способствует конструкция с предлогом *для*), можно заметить, что описание *просто восклицанье* относится к плану выражения «слога», а не к его денотату.

- (9) *Слог первый — тот, кто у большевиков
Вершил отраслевое управление.
Второй мой слог — один из коньяков,
Что производят в солнечной Армении.
Мой третий слог — ответ на переключке.
Все вместе — имя пагубной привычки.*

Выражение *ответ на переключке* указывает на языковое выражение, а не на его денотат. Кроме того, предполагается знание того, что в течение первых лет коммунистической власти в России ведомства, осуществлявшие отраслевое управление, именовались «народными комиссариатами» (лишь после окончания советско-германской войны они были переименованы в *министерства*), а также названия шестилетнего коньяка, выпускавшегося заводом «Арарат».

- (10) *Мой первый слог — известная река,
Та, что течет в бассейне Адриатики.
Второе — место, где ученика
Риторике научат и грамматике.
Мой третий слог — добавленный согласный
(В конце, чтоб речь была подобострастной).
Четвертый слог — бильярдный инструмент,
А в целом — тот, кем скоро будет / стал недавно мент.*

Выражение *добавленный согласный* характеризует план выражения, а не денотат. Можно добавить, что шарада была сочинена в 2011 и содержала описание отгадки *тот, кем скоро будет мент*. К концу 2011 это описание было заменено на *тот, кем стал недавно мент*.

- (11) *Слог первый призывает к тишине,
Второе — вроде пьяного собрания,
Слог третий — это просто восклицанье,
Все вместе прохлаждалось в стороне.*

Описание первого и третьего слога предполагает автономность (описываются соответствующие междометия, т. е. слова). Описание целого содержит аллюзию к строкам из песни Галича.

- (12) *Мой самый первый слог — ни та, ни тот.
Второй — одна из музыкальных нот.
Слог третий — место вечного мучения,*

- Четвертый — это просто громкий крик.
А этих всех слогов соединение
Дает того, кого боится бык.*

В выражении *ни та, ни тот* местоимения *та* и *тот* употреблены автономно и дают основание подумать, каково могло бы быть альтернативное местоимение.

Особый случай смещения суппозиций представлен выражением *вечно занят сочинением* в следующей шараде:

- (13) *Слог первый — это средство для метания,
Второе — папы место обитания.
Слог третий вечно занят сочинением,
Четвертый слог — народ одной страны.
А этих всех слогов соединением
Бываем мы в правах ущемлены.*

5. «Причудливые» шарады

Иногда описание слогов удается каким-то образом связать. Правда, текст шарады в таких случаях может казаться несколько вымученным (такие шарады можно назвать «причудливыми», используя выражение из «Дара», приведенное в эпиграфе). Приведем два примера.

- (14) *Мой первый слог — излюбленное слово
Тех, кто спас то, что создал брат второго.
А то, что в сумме даст сия шарада,
Есть элемент восточного уклада.*

Предполагается знание легенды об основании Рима и истории спасения Рима гусями.

- (15) *Слог первый — сколько каждой твари на ковчеге
Второй от водных избавлял пучин.
Мой третий слог — аналог русский для омеги.
Все вместе — страх без видимых причин.*

Здесь необходимо знать ходячие представления о спасении животных во время всемирного потопа и, разумеется, устройство греческого и русского алфавита.

6. Вариативность

Таким образом, сочинение шарады можно разбить на два этапа: разбиение целого на «слоги» и формулировка описания каждого слога и целого. Соответственно, выделяются два типа вариативности в шараде: вариативное разбиение целого на «слоги» (*ша-рада* и *шар-ад-а*) и вариативное описание «слов» и целого при одном и том же разбиении. Скажем, один и тот же слог *бор* может быть описан как сосновый лес, как химический элемент, как отец Одина в скандинавской мифологии, как сверло в бормашине, как лауреат Нобелевской премии по физике. Кроме того, одно и то же описание может задавать различные «слоги».

Не касаясь случаев вариативного разбиения целого на «слоги», перейдем к двум другим типам вариативности.

Примером вариативного описания слогов и целого может служить следующая шарада. Начнем с описания слогов и приведем три варианта.

- (16) а) *Мой первый слог был канцлером в Британии
И как святой прославлен папой был.
Второе — это просто восклицание,
Мой третий слог содержит хлорофилл.*
- б) *Мой самый первый слог — отец утопий.
Второе — буква в азбуке начальная,
Известен третий слог во всей Европе:
Он создал направленья музыкальное.*
- в) *Слог первый — это просто смерть повальная,
Второе — буква в азбуке начальная,
Роняет третий слог осенний лес,
Он также автор музыкальных пьес.*

Для целого тоже возможны по меньшей мере три варианта:

- д) *А этих всех слогов соединение
Читает всем всегда нравоучение.*
- е) *А тот, кто выйдет в сумме тех слогов,
Всегда к нравоучению готов.*
- ф) *А тот, кто в сумме тех слогов выходит,
Во всем нравоучение находит.*

В итоге мы имеем по меньшей мере девять вариантов в некотором смысле одной и той же шарады (с одним целым и одним членением): ad, bd, cd, ae, be, ce, af, bf, cf.

Пример вариативности, когда одно и то же описание задает различные «слоги»:

- (17) *Мой самый первый слог — одна из нот,
Второе — через реку переход.
Слог третий — то, что скрыть хотел Мидас,
И ектенья четвертым началась.
А этих всех слогов соединение —
Незлобивость и мягкость в обращении.*

В этой шараде мы видим отсылку к легенде о царе Мидасе и неочевидное смещение суппозиций: отгадчики начинают вспоминать, с какого слова начинается ектенья, некоторые вспоминают, что ектенью обычно начинает возглас *миром Господу помолимся*, и требует некоторого усилия понимание того, что имеется в виду слово *ектенья* (в автономном употреблении).

Но вот другая шарада:

- (18) *Мой самый первый слог — одна из нот,
Второе — через реку переход.
Слог третий — это коллектив пчелиный,
Все вместе — жизненный уклад старинный.*

Первые два слога загаданы так же, как и в предыдущей шараде, но один из слогов другой. Можно было бы сформулировать описание третьего и целого несколько иначе:

*Слог третий формулировать пришлось
Как дружный коллектив из пчел иль ос.
А их соединенья результат
Дает старинный жизненный уклад.*

Иногда, впрочем, можно использовать явную отсылку к другой шараде:

- (19) *Слог самый первый ограничен сферой,
Второго город уничтожен серой.
Мой третий слог любой легко найдет,
Поскольку он не то, но и не тот.
А их соединенья результат
Узнаешь ты, открыв «Вишневы сад».*

Здесь требуются некоторое знание школьной геометрии и ее терминологии, хотя бы приблизительное знание одной из историй, описанных в Библии, и некоторое представление о пьесе Антона Чехова «Вишневый сад».

К этой шараде примыкает другая шарада (с тождественной первой строкой и некоторым сходством во второй строке), которой мне кажется уместным завершить данную заметку:

- (20) *Слог самый первый ограничен сферой,
Второе — место, где воняет серой,
А третьим начинается афера,
Все вместе часто сочиняет Вера.*

7. Отгадки

- (1) кора-бля
- (2) Мель-по-мена
- (3) ас-сени-за-гор
- (4) сквер-нос-лов
- (5) бес-порт-очник
- (6) бра-конь-ер
- (7) амор-алка
- (8) бал-а-лайка
- (9) нарком-ани-я
- (10) по-лицей-с-кий
- (11) Ша-пир-о
- (12) то-ре-ад-ор
- (13) диск-рим-и-нация
- (14) га-рем
- (15) пара-ной-я
- (16) мор-а-лист
- (17) до-брод-уши-е
- (18) до-мост-рой
- (19) Шар-лот-та
- (20) шар-ад-а

Список литературы

Подлеская В. И. 2020. Шарада: эскиз лексикографического портрета. В сб.: А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Ур-

манчиева (ред.). *Вопросы языкознания. Мега сборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна*. М.: «Буки Веди», 227–234.

Шмелев А. Д. 2002. Парадокс автонимности как основополагающий принцип шарады. В кн.: А. Д. Шмелев. *Русский язык и внеязыковая действительность*. М.: Языки славянской культуры, 263–267.

ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ ВОПРОСА

Т. Е. Янко

(Институт языкознания РАН)

tanya_yanko@list.ru

Предложен анализ иллокутивной и линейно-просодической структуры русского вопросительного предложения, включая базовые вопросы и вопросы, которые являются результатом перестановок и эллипсиса. Если понимать термин *неизвестное* в двух смыслах: 1) как *неизвестное₁*, которое служит иллокутивным компонентом вопроса и противопоставлено *известному₁*, и 2) как компонент активационной структуры предложения *неизвестное₂*, или не активированное в дискурсе, и противопоставленное активированному, или *известному₂*, — то можно показать, что *неизвестное₁* может представлять собой *известное₂*. В этом случае вопросительный компонент вопроса утрачивает свойственный ему акцент или даже подвергается опущению. Такое сочетание прагматических смыслов объясняет существование вопросов с сегментным отсутствием вопросительного компонента. На то, что перед слушающим вопрос, требующий ответа, указывают лишь специфические просодии эллипсиса, или суперсегментные показатели. Введено понятие иллокутивного шва, возникающего в вопросе при вынесении неизвестного вопроса в постпозицию и служащего границей между компонентами вопроса. Иллокутивный шов имеет определенные просодические показатели. Показано, что в базовой, или дефолтной, структуре вопроса с вопросительным словом и в *да-нет*-вопросе иллокутивного шва нет.

Вере, поставившей задачу. Эту и другие.

1. Введение

Задача этой работы — анализ значений ‘известное’ и ‘неизвестное’ в вопросительном предложении. Оппозиция *известное vs. неизвестное* в речевом акте вопроса может пониматься в двух смыслах: 1) с точки зрения иллокутивной структуры вопроса (ср. использование термина *неизвестное в вопросе* в работе Брызгунова 1982б, посвященной интонации вопроса), и 2) с точки зрения активации информации в сознании собеседников.

Известное и неизвестное вопроса

Неизвестное вопроса как иллокутивное (речеактообразующее) значение — это то, что спрашивается в вопросе. Это значение формирует собственно иллокутивный компонент вопроса. Известное вопроса — это то, о чем спрашивается. Известное вопроса задает условия для поиска информации слушающим. Это несобственно иллокутивный компонент речевого акта вопроса. В вопросе *Фамилия твоя как?* компонент *фамилия твоя* — это известное вопроса, а *как* — неизвестное вопроса. Известное и неизвестное вопроса — это компоненты иллокутивной структуры вопроса.

Если же обратиться к терминам *известное* и *неизвестное* как к отражению активации информации в сознании коммуникантов, то окажется, что неизвестное вопроса как иллокутивный компонент может быть активированным (в смысле Dryer 1996) в текущем дискурсе, или известным, а известное вопроса — неактивированным, или неизвестным.

Оба параметра — иллокутивный со значениями ‘неизвестное₁’ vs. ‘известное₁’ и активационный со значениями ‘неизвестное₂’ vs. ‘известное₂’ — имеют специальные линейно-просодические и сегментные средства выражения. Соответственно, линейно-просодическая структура в свою очередь может пролить свет на иллокутивную структуру предложения и картину активации информации в сознании собеседников.

Традиционно противопоставление *неизвестное₂ vs. известное₂* использовалось при анализе повествовательного предложения. Одна из целей этой работы — показать, что к анализу вопросительного предложения это понятие также применимо, так как язык разрабатывает специальные средства для отражения соответствующей оппозиции. Информация, заложенная в иллокутивном компоненте, или в *неизвестном₁*, может быть активирована в контексте дискурса, т. е. совместима со значением ‘известное₂’, что ведет к потере присущего *неизвестному₁* акцента в просодической структуре предложения или даже к элиминации *неизвестного₁* по модели синтаксического эллипсиса. Для демонстрации этого парадоксального, как может показаться на первый взгляд, положения мы рассмотрим некоторые теоретические аспекты анализа вопросов и примеры. Они будут приведены ниже.

При анализе просодической структуры русского предложения мы в существенной степени опираемся на исследования просодии русского вопроса Брызгунова 1982б; Кодзасов и др. 2005; Кобозева 2005; Ratchke

2006; Post 2022. Новизну нашей работы мы видим в разработке модели иллокутивной структуры русского вопроса, включая анализ значений, формирующих вопрос, и средств выражения значений. Примеры взяты из Мультиязычного подкорпуса Национального корпуса русского языка [МУРКО] и специально собранного для этого исследования малого рабочего корпуса автора [МРК]. Последний составлен из звучащих данных, полученных из открытых источников.

2. Теоретические основания для анализа на примере вопросов с вопросительным словом

Русское вопросительное предложение в дефолтном случае включает в себя два иллокутивных компонента: собственно вопросительный и несобственно вопросительный. Дефолтными иллокутивными и линейно-просодическими структурами мы считаем такие структуры, которые вносят в семантическую структуру предложения и дискурса минимальный вклад. Все иные структуры служат результатом линейно-просодических преобразований (трансформаций), которые приносят в семантику предложения дополнительные смыслы. Так, вопрос *Фамилия твоя как?* [МУРКО] служит результатом выноса известного вопроса в начальную позицию в дефолтном предложении *Как твоя фамилия?*. Препозиция известного вопроса сообщает известному вопросу статус зачина и задает четкие границы между иллокутивными компонентами вопроса. Между известным вопросом и неизвестным вопросом возникает специальный иллокутивный шов (ср. понятие просодического шва в работе Кривнова 2015 и в цитируемой там литературе). Поясним, что в дефолтном случае в русском языке четкая граница между собственно иллокутивным и несобственно иллокутивным компонентами речевого акта — как вопроса, так и сообщения и императива — отсутствует. Граница между иллокутивными компонентами вопроса (и между компонентами речевых актов других типов) создается за счет того, что каждый из двух иллокутивных компонентов получает свой отдельный акцент и отдельный акцентоноситель, а между компонентами возникает или становится возможной пауза. На рисунке 1 мы наблюдаем падение частоты типа ИК-2 (по Е. А. Брызгуновой (1982а)) на акцентоносителе известного вопроса *фамилия твоя* словоформе *фамилия* и второе падение типа ИК-2 на акцентоносителе неизвестного вопроса вопросительном слове *как*:

(1) *Фамилия твоя как?* [МУРКО]

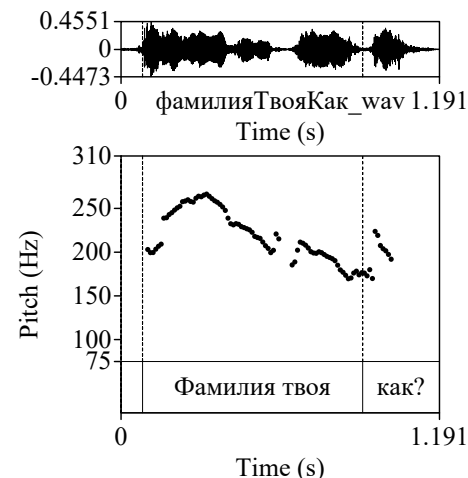

Рисунок 1. График изменения частоты и осциллограмма примера (1)

В примере имеются два акцента ИК-2 и два акцентоносителя, которые формируют два иллокутивных компонента, составляющих структуру вопроса. Иллокутивные компоненты вопроса, разделенные иллокутивным швом, получают своего рода иллокутивную автономию; об иллокутивной автономии компонентов сложного предложения ср. идеи В. И. Подлесской (2022).

Вопрос же (2) имеет ту же лексико-синтаксическую структуру, что и вопрос (1), но иную — дефолтную, или базовую, линейно-просодическую и иллокутивную структуру с вопросительным словом на первом месте и акцентоносителем вопроса словоформой *фамилия* в исходе. На препозитивном вопросительном слове здесь имеется пологий подъем типа ИК-6 (по Е. А. Брызгуновой (1982а)) в небольшом диапазоне частот, переходящий в плато на словоформе *твоя*, которая имеет просодию клитики, и нисходящий акцент на словоформе *фамилия*. Падение на словоформе *фамилия* — единственный релевантный акцент в этом предложении. Мы не считаем начальный подъем коммуникативно релевантным, он имеет компенсаторную функцию набора высоты перед завершающим вопросом падением. Очевидной границы между иллокутивными компонентами предложения (2) нет.

(2) Как твоя фамилия? [МУРКО]

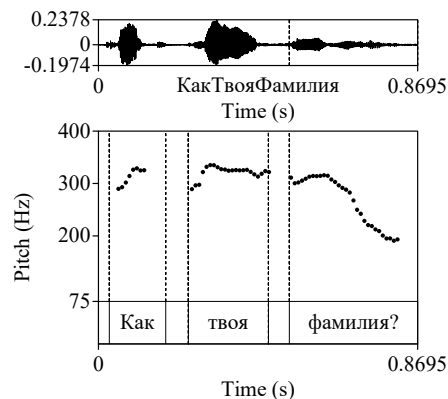

Рисунок 2. График изменения частоты и осциллограмма примера (2)

Если исходить из того, что иллокутивная и просодическая структура вопроса с вопросительным словом уже проиллюстрирована примерами (1) и (2), нам остается рассмотреть *да-нет*-вопросы и вопросы с *не правда ли?*, *не так ли?*, *так?*, *да?*, *верно?* (в английской традиции — *tag-questions*). Вопросы, сформированные частицей *ли*, мы здесь не рассматриваем, их иллокутивная и линейно-просодическая структура анализировалась в работе Янко 2019, см. также цитируемую там литературу. Таким образом, будет проанализирована иллокутивная и линейно-просодическая структуры основных типов вопросов в русском языке, а также линейно-просодическая трансформация вопроса, связанная с вынесением несобственно вопросительного компонента в препозицию и образованием иллокутивного шва между несобственно вопросительным и собственно вопросительными компонентами вопроса.

3. Анализ материала

3.1. Да-нет-вопросы

Дефолтная просодическая структура *да-нет*-вопросов формируется акцентом типа ИК-3 (по Брызгунова 1982а) на акцентоносителе вопроса:

(3) ЦБ может что-нибудь сделать, чтобы его ослабить? [МРК]

Известное и неизвестное вопроса

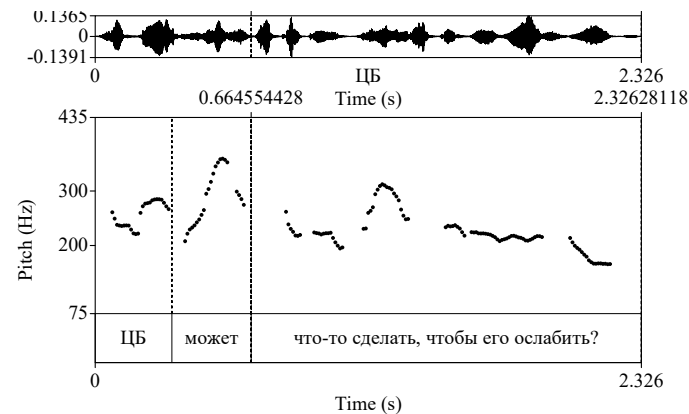

Рисунок 3. График изменения частоты и осциллограмма примера (3)

В примере (3) наблюдается один релевантный акцент — подъем типа ИК-3 на акцентоносителе вопроса словоформе *может*. Других релевантных акцентов и акцентоносителей здесь нет. Порядок слов — дефолтный. Иллокутивных и просодических швов здесь тоже нет.

При препозиции несобственно вопросительного компонента возникает дополнительный — нисходящий — акцент на препозитивном известном вопросе:

(4) Возражения есть? [МУРКО]

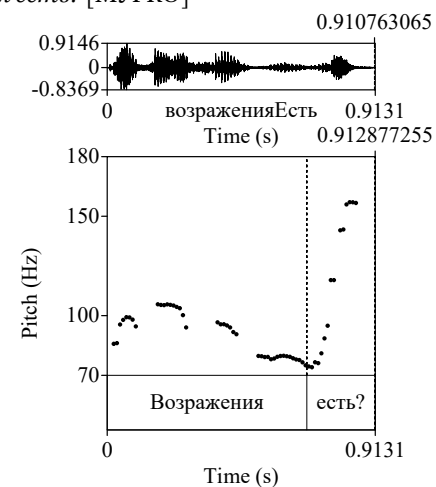

Рисунок 4. График изменения частоты и осциллограмма примера (4)

В вопросе (4) имеется нисходящий акцент типа ИК-2 на единственной словоформе известного вопроса словоформе *возражения* и подъем типа ИК-3 — на собственно вопросительном компоненте *есть*. При автономном акцентировании известного и неизвестного вопроса в предложении возникает шов между иллокутивными компонентами. В вопросе же (5) с той же лексико-синтаксической структурой, что и (4), но одним акцентоносителем словоформой *возражения*, иллокутивного шва нет:

(5) *Есть возражения?* [МУРКО]

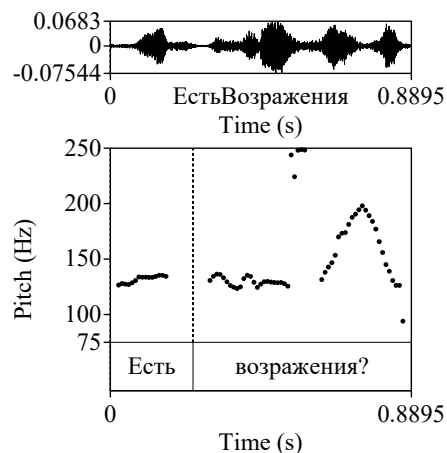

Рисунок 5. График изменения частоты и осциллограмма примера (5)

В вопросе (5) наблюдается акцент типа ИК-3 как показатель *да-нет*-вопроса на акцентоносителе словоформе *возражения*.

Итак, в *да-нет*-вопросе при дефолтном порядке слов неизвестное вопроса маркируется подъемом частоты типа ИК-3 на акцентоносителе вопроса. Акцентоноситель выбирается в соответствии с принципами выбора акцентоносителя в иллокутивном компоненте предложения с определенной синтаксической структурой. Эти принципы регулируются рядом синтаксических иерархий, фактором активации информации в сознании собеседников и некоторыми другими факторами. На принципах выбора акцентоносителя мы здесь не останавливаемся: это предмет для отдельного обсуждения, см. Yanko 2011 и цитируемую там литературу. При препозиции известного вопроса *да-нет*-вопрос приобретает двухчастную иллокутивную структуру, которая характеризуется наличием иллокутивного шва между иллокутивными компонентами и где акцентоноситель известного вопроса получает акцент типа ИК-2, а неизвест-

ное вопроса сохраняет маркер *да-нет*-вопроса акцент типа ИК-3 на акцентоносителе неизвестного вопроса.

3.2. Tag-questions

Мы исходим из гипотезы о том, что вопросы с *не правда ли?*, *не так ли?*, *верно?*, *так?* и *да?* исходно разделены на два иллокутивных компонента иллокутивным швом. Они имеют как минимум два акцента и два акцентоносителя, и известное вопроса в вопросах такого типа располагается в препозиции: *Кошечку с собой возишь, да?*; *Ты по отцовской тропинке решил пойти, так?*; *Скверная погода, не правда ли?* [МУРКО]. В *tag-questions* без *ли* собственно вопросительный компонент несет акцент ИК-3, а несобственно вопросительный компонент имеет вариативную просодию из множества {ИК-2, ИК-3, ИК-4}. Интонирование русских вопросов с *ли* (но не *tag-questions*) имеет те же вариации из акцентов {ИК-2, ИК-3, ИК-4}. Соответственно, интонирование русских *tag-questions* с *ли* может принимать любую комбинацию двух акцентов из множества {ИК-2, ИК-3, ИК-4}. Обратимся к вопросу (6) вида *tag-question*:

(6) *Вы владелец этого салуна, не так ли?* [МУРКО]

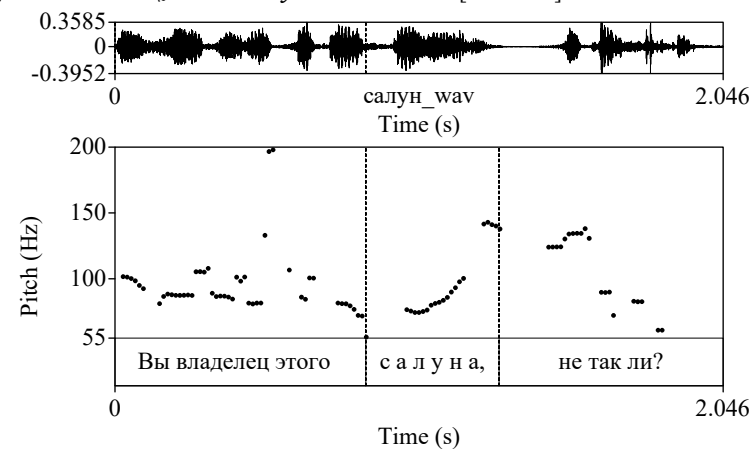

Рисунок 6. График изменения частоты и осциллограмма примера (6)

Тонотрама говорит о том, что в вопросе (6) имеется два акцентоносителя — *салуна* и *так* — из которых первый несет акцент типа ИК-4, а второй — ИК-2. В примере (7) на акцентоносителе известного вопроса словоформе *образ* фиксируется акцент типа ИК-2, на акцентоносителе неизвестного вопроса словоформе *правда* — подъем типа ИК-3:

(7) Довольно зримый образ, не правда ли? [МУРКО]

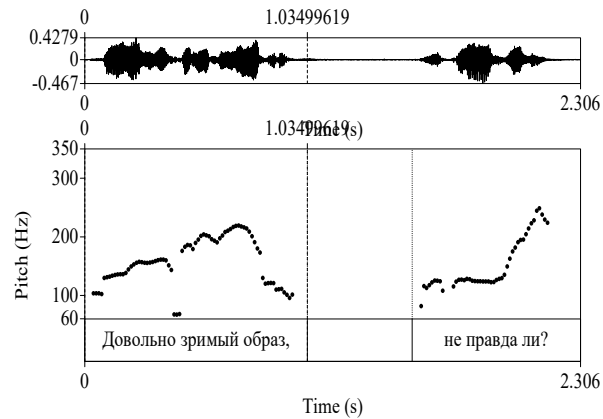

Рисунок 7. График изменения частоты и осциллограмма примера (7)

Нет необходимости приводить примеры со всеми комбинациями из двух акцентов, это может быть любая комбинация: ИК-2 — ИК-2, как в (6), а также ИК-2 — ИК-3, как в (7); всего таких комбинаций девять. Наиболее частотные комбинации — это ИК-2 — ИК-2, ИК-4 — ИК-4, ИК-3 — ИК-2.

Наша гипотеза состоит в том, что собственно вопросительный компонент в *tag-questions* может подвергаться усечению с сохранением акцента, который имелся у известного вопроса. Мы называем результат такого усечения эллиптическим вопросом. Обратимся к примеру:

(8) А вы, значит, руководитель? [МУРКО]

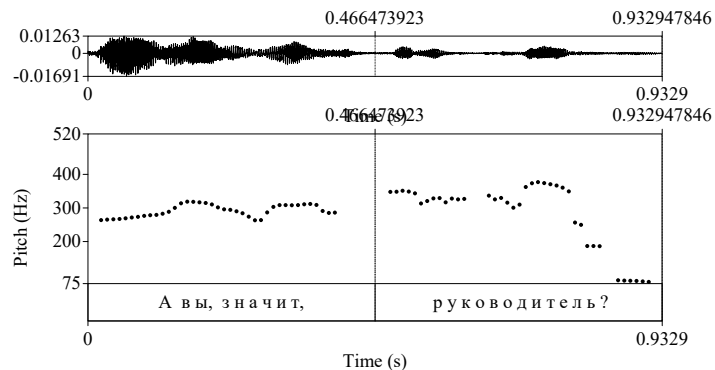

Рисунок 8. График изменения частоты и осциллограмма примера (8)

Мы предполагаем, что в этом вопросе подразумевается продолжение со значением 'не так ли?'.

Итак, русские *tag-questions* дефолтно имеют известное вопроса в препозиции, они изначально двухчастны, их неизвестное вопроса может строиться с частицей *ли* или без *ли*. В отсутствие *ли* неизвестное в *tag-questions* маркируется акцентом типа ИК-3. Просодия *tag-questions* вариативна, она характеризуется комбинациями двух акцентов на акцентоносители известного вопроса и неизвестного вопроса, причем эти комбинации формируются акцентами из множества {ИК-2, ИК-3, ИК-4}. Возможны любые комбинации из двух акцентов. Неизвестное вопроса в *tag-questions* может опускаться.

4. Эллиптические вопросы

Если исходить из гипотезы о том, что неизвестное вопроса в русских *tag-questions* может подвергаться эллипсису с сохранением просодии известного в полном вопросе, в эллиптических вопросах должны использоваться акценты типа ИК-2 или ИК-4. Эти акценты принадлежат множеству {ИК-2, ИК-3, ИК-4}, зафиксированному при анализе формирования компонентов *tag-questions*. Теоретически акцент типа ИК-3 в эллиптических вопросах также мог бы использоваться, но тогда результаты эллипсиса были бы неотличимы от русских *да-нет*-вопросов без *ли*.

В примере (8) наблюдается акцент типа ИК-2. Возникает вопрос, почему предложение, в котором имеется падение на акцентоносители и отсутствуют сегментные средства формирования вопросительности, предлагается считать вопросительным. Мы даем следующий ответ. Во-первых, на акцентоносители вопроса (8) и других аналогичных вопросов фиксируется падение не типа ИК-1, а ИК-2, и контраста или других значений, которые требовали бы использования ИК-2, здесь нет. Таким образом, ИК-2, если предположить, что перед нами сообщение, осталось бы без объяснения. Во-вторых, примеры, подобные примеру (8), заимствованы нами из [МУРКО], где они имеют транскрипты, несущие вопросительный знак. Транскрипты подготовлены экспертами, составившими корпус, и мы склонны верить их интроспекции. В-третьих, контекст примеров содержит ответные реплики, как если бы это был вопрос с *не так ли?*. И наконец, мы предполагаем, что в работе Коротаяев 2018 под иллокутивным типом предложений, которые названы автором полутверждениями, потому что, не имея показателей интеррогативности,

функционально они нацелены на получение информации подобно вопросам, могут иметься в виду предложения, которые мы называем здесь эллиптическими вопросами.

Обратимся к контексту примера (9) из кинофильма «Криминальный талант»:

(9) <— На это не клеюм. Дешево очень.> — А ты дорогая? <— Купить хочешь? Денег не хватает> [МРК]

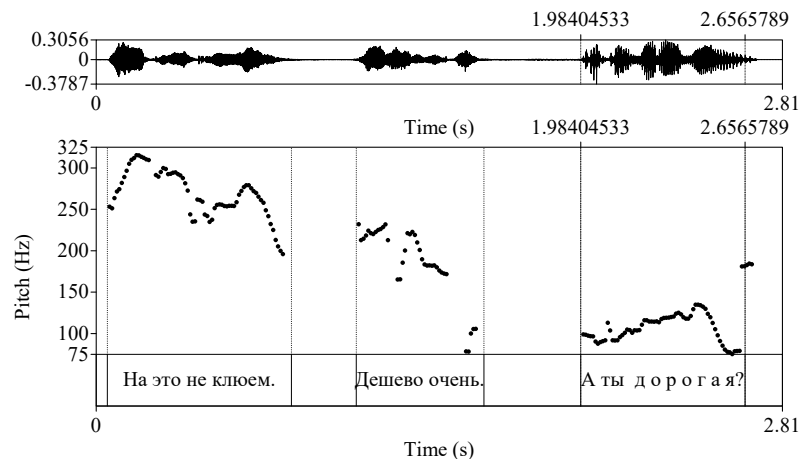

Рисунок 9. График изменения частоты и осциллограмма примера (9)

В примере (9) на акцентоносители предложения словоформе *дорогая* фиксируется падение типа ИК-2, а в качестве ответной реплики фигурирует комментарий, имеющий значение ответа на вопрос о цене. (В угловые скобки здесь и ниже заключен необходимый для анализа примеров контекст).

Далее. Мы предполагаем, что опущению собственно вопросительного компонента могут подвергаться не только *tag-questions*, но и любые вопросы с собственно вопросительным компонентом в препозиции, т. е. такие, как вопросы (1) и (4). Соответственно, просодия эллиптических вопросов — это, предположительно, ИК-2 или ИК-4, что мы и находим в примерах (8)—(10). Так, в примере (10) эллиптический вопрос несет акцент ИК-2 на акцентоносителе *вещи*:

(10) <Семен Семеныч>, а *вещи*? [МУРКО]

Известное и неизвестное вопроса

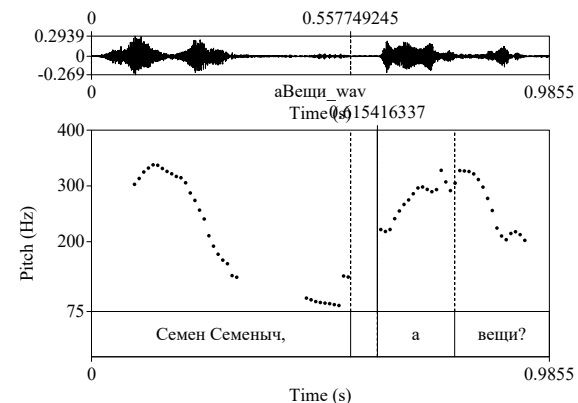

Рисунок 10. График изменения частоты и осциллограмма примера (10)

Другой способ маркирования эллиптического вопроса — акцент типа ИК-4:

(11) <— Быстренько снимаем гипс и смываемся. — Так,> а мое алиби? [МУРКО]

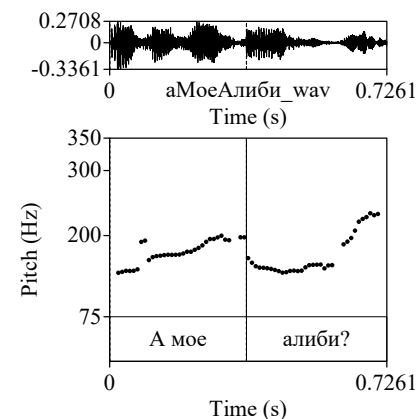

Рисунок 11. График изменения частоты и осциллограмма примера (11)

На словоформе *алиби* наблюдается ровный низкий тон на ударном слоге, за которым следует повышение на заударных слогах. Эллиптический вопрос, сформированный группой — именной, предложной, инфинитивной — и акцентом ИК-4, — это хорошо изученный в русистике тип вопроса, ср. Брызгунова 1982а: 14; Кобозева 2005.

Итак, эллиптический вопрос лишен собственного сегментного вопросительного компонента, он наследует просодию вопросительного компонента гипотетического вопроса, к которому он восходит. Это может быть уже зафиксированный в русистике акцент типа ИК-4 для вопросов такого типа, а также акцент ИК-2. Еще один тип эллиптического вопроса и его просодия рассматриваются в следующем разделе.

5. Неизвестное, как известное₂

Если вернуться к примеру (1) *Фамилия твоя как?* и провести поиск в звучащем подкорпусе НКРЯ, то окажется, что вопросы практически с той же лексико-синтаксической структурой, что и вопрос (1), могут артикулироваться с единственным релевантным акцентом на словоформе *фамилия*:

(12) *Фамилия ваша как?* [МУРКО]

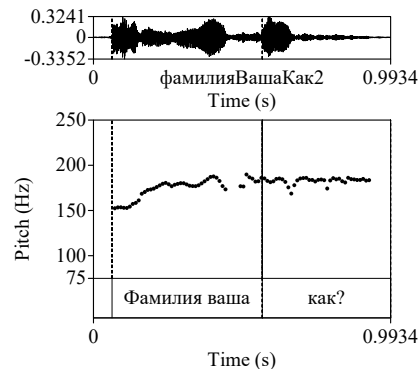

Рисунок 12. График изменения частоты и осциллограмма примера (12)

График изменения частоты указывает на акцент типа ИК-6. Это подъем частоты на ударном слоге акцентоносителя, который завершается высоким ровным тоном на заударных слогах. Иначе говоря, вопросительное слово никакого коммуникативно релевантного акцента не несет. Эта просодия отражает прагматическую ситуацию, в которой вопросительное слово очевидно из контекста. Аналогично, в примере (13) начальная словоформа *мама* несет подъем частоты, за которым следуют слабо нисходящие заударные слоги. Это вариант артикуляции ИК-6. Словоформа *мама* здесь тоже единственный акцентоноситель. Прагма-

тическая ситуация состоит в том, что говорящему, который видит, что один из членов семьи отсутствует, естественно задать вопрос с *где*. Таким образом, *где* — очевидно из контекста.

(13) *А мама где?*

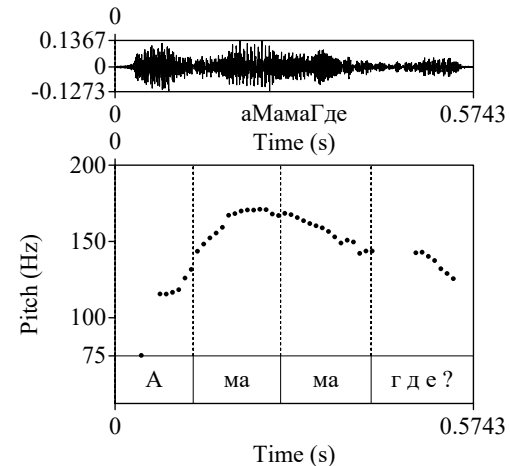

Рисунок 13. График изменения частоты и осциллограмма примера (13)

Вопросительный компонент может не только терять акцент, но и просто опускаться: сравним отсутствие вопросительного компонента в эллиптическом вопросе (14) с деакцентированным вопросительным компонентом в (12) и полноударным *как* в вопросе (1). Лексико-синтаксические структуры известного вопроса в (1), (12) и (14) практически совпадают: различие *твоя (фамилия)* vs. *ваша (фамилия)* не принципиально. (Поясним, что при анализе просодии корпусным методом получить абсолютные минимальные пары, которые различались бы просодически, но совпадали сегментно, очень сложно.)

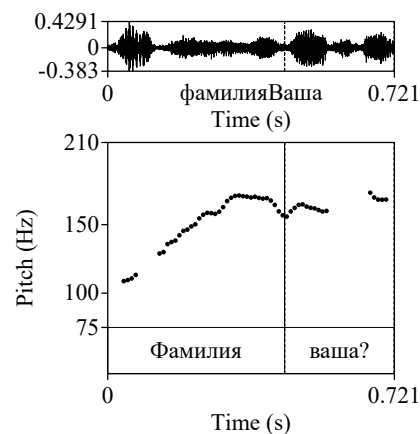
(14) *Фамилия ваша?* [МУРКО]

Рисунок 14. График изменения частоты и осциллограмма примера (14)

Таким образом, вопросительный компонент, активированный в контексте — уже упомянутый в предшествующем дискурсе или очевидный, может клитизироваться или опускаться. При этом в эллиптическом вопросе сохраняется тот же акцент вопроса, что фиксируется и в вопросе с деакцентированным неизвестным вопроса. Это акцент ИК-6. Таким образом, мы показали, что эллиптический вопрос может (в дополнение к проанализированным выше ИК-2 и ИК-4) нести и акцент ИК-6. Иначе говоря, ИК-6 — это показатель того, что неизвестное вопроса как компонент иллокутивной структуры вопроса, или неизвестное, может одновременно быть активированным в структуре активации, или известным.

6. Теоретические результаты анализа

В этой работе были рассмотрены иллокутивная и просодическая структура русского вопросительного предложения. Анализировались вопросы с вопросительным словом, *да-нет*-вопросы и вопросы с *не правда ли?*, *не так ли?*, *так?*, *ведь так?*, *верно?*. Иллокутивная структура вопроса понимается как содержащая два иллокутивных компонента: собственно иллокутивный и несобственно иллокутивный. Дефолтно, т. е. когда иллокутивная структура вносит в семантическую структуру вопроса и дискурса минимальный вклад, в вопросах с вопросительным словом и *да-нет*-вопросах, собственно иллокутивный компонент пред-

шествует несобственно иллокутивному и четкой границы между иллокутивными компонентами нет. Вопросы с *не правда ли?*, *так?*, *верно?* дефолтно имеют несобственно вопросительный компонент в препозиции к собственно вопросительному и между компонентами имеется т.н. иллокутивный шов. Иллокутивный шов — это граница между иллокутивными компонентами, когда каждый компонент имеет отдельный акцент и соответствующий акцентоноситель, а между иллокутивными компонентами есть или возможна пауза. В вопросе с вопросительным словом и в *да-нет*-вопросе возможна линейно-акцентная трансформация, при которой известное вопроса выносится в препозицию и между компонентами возникает иллокутивный шов. В прагматической ситуации, когда смысл неизвестного вопроса очевиден или упомянут в предшествующем дискурсе, неизвестное вопроса может терять свой акцент, а также опускаться. Таким образом возникают вопросы в отсутствие сегментной составляющей собственно иллокутивного компонента, или неизвестного вопроса.

* * *

Предложен анализ иллокутивной и линейно-просодической структуры русского вопросительного предложения, включая вопросы, которые служат результатом преобразований, состоящих в 1) вынесении несобственно вопросительного компонента в препозицию и 2) опущении собственно вопросительного компонента.

Если понимать термин *неизвестное* в двух смыслах: 1) как иллокутивный компонент вопроса и использовать термин Е.А. Брызгуновой *неизвестное, в вопросе* (vs. *известное, в вопросе*) или 2) как компонент активационной структуры предложения и использовать термин *неизвестное₂* (vs. *известное₂*), или активированное в дискурсе, то окажется, что неизвестное₁ как иллокутивный компонент может быть активировано в дискурсе и представлять собой известное₂. Именно в этом случае собственно иллокутивный компонент вопроса может утрачивать свойственный ему акцент или даже подвергаться опущению. Такое сочетание прагматических смыслов объясняет существование вопросов с сегментным отсутствием вопросительного компонента. На то, что перед слушающим вопрос, требующий ответа, указывают лишь специфические просодии (суперсегментные показатели) эллиптического вопроса.

Литература

- Брызгунова Е. А. 1982а. Интонация. *Русская грамматика*, т. 1. М.: Наука, 98–122.
- Брызгунова Е. А. 1982б. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации). *Русская грамматика*, т. 1. М.: Наука, 297–402.
- Кобозева И. М. 2005. Опыт разработки признаковой базы для характеристики лексико-синтаксических, семантических и прагматических свойств вопросительных реплик. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2005*, 238–244.
- Кодзасов С. В., Бонч-Осмоловская А. А., Захаров Л. М., Кобозева И. М., Кривнова О. Ф. 2005. База данных «Интонация русского диалога»: вопросительные реплики. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2005*, 245–247.
- Коротаев Н. А. 2018. Вопрос и полуутверждение в структуре мультимедийного дискурса // Восьмая Международная конференция по когнитивной науке, 18–21 октября 2018, Светлогорск. Тезисы докладов, 1311–1313.
- Кривнова О. Ф. 2015. Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2015*. Вып. 14 (21): В 2 т., т. 1, 338–351.
- Подлесская В. И. 2022. «Потому что больше никто не читает прозу»: грамматика и просодия автономных причинных придаточных по корпусным данным. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2022*, вып. 21 (28), 456–469.
- Янко Т. Е. 2019. Просодия вопросов с частицей *ли*. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2019*, вып. 18 (25), 715–725.
- Dryer, M. S. 1996. Focus, Pragmatic Presupposition, and Activated Propositions. *Journal of Pragmatics*, 26, 475–523.
- Post, M. 2022. Spoken corpora of spontaneous speech as a source to study polar question intonation in Russian dialects. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2022*, вып. 21 (28), 477–488.
- Rathcke, T. V. 2006. A perceptual study on Russian questions and statements. *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel (AIPUK)*, 37, 51–62.
- Yanko, T. E. 2011. Accent placement principles in Russian. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2011*, вып. 10, 712–726.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
В. И. ПОДЛЕССКОЙ

1976

- Об описании семантических и синтаксических свойств лексемы в автоматическом словаре. В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР*. М.: Наука, 76–78.

1977

- Глаголы направленного действия в современном японском языке. В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР*. М.: Наука, 75–78.

1978

- Об атрибутивной конструкции в современном японском языке. В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР*. М.: Наука, 103–106.

1979

- (с В. М. Алпатовым; ред.) *Проблемы языков Азии и Африки. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Семантика*. М.: Наука.
- Семантико-синтаксические особенности глаголов движения в современном японском языке. В сб.: В. М. Алпатов, В. И. Подлесская (ред.) *Проблемы языков Азии и Африки. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Семантика*. М.: Наука, 171–194.
- Семантико-синтаксическая структура атрибутивных конструкций в современном японском языке. В сб.: В. М. Алпатов, В. И. Подлесская (ред.) *Проблемы языков Азии и Африки. Фонетика. Морфология. Синтаксис. Семантика*. М.: Наука, 195–202.
- О моделях управления глаголов движения в современном японском языке. В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР*. М.: Наука, 57–60.

К вопросу о классификации лексики (на материале японского языка). В сб.: *Тезисы докладов VI научной конференции по японской филологии*. М.: МГУ, 38–41.

Об одном способе представления семантико-синтаксической информации в автоматическом словаре. В сб.: *Международный семинар по машинному переводу (тезисы докладов)*. М.: ВЦП, 146–147.

1981

О представлении семантико-синтаксических свойств лексических единиц в автоматическом словаре. *Научно-техническая информация. Серия 2*, №8, 18–22.

1982

Синтаксический анализ японского предложения для нужд автоматической обработки текста. В сб.: *Вторая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы докладов*. М.: Наука, 92–94.

О представлении в автоматическом словаре некоторых синтаксических свойств лексических единиц. В сб.: *Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов»*. Тезисы докладов и сообщений. М.: ВЦП, 195–196.

О семантических критериях некоторых типов вариативности в грамматике. В сб.: *Тезисы конференции «Вариативность как свойство языковой системы»*, ч. 2. М.: Наука, 42–43.

1983

Хроникальная заметка о конференции «Вариативность как свойство языковой системы». *Народы Азии и Африки*, №3, 170.

Транспозиция в японском языке: способ представления для нужд автоматической обработки текста. В сб.: *Международный семинар по машинному переводу (тезисы докладов)*. М.: ВЦП, 179–181.

1984

(ред.) *Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика*. Ч. 1, 2. М.: Наука.

Хроникальная заметка о конференции «Вариативность как свойство языковой системы». *Вопросы языкознания*, №1, 140–142.

О некоторых преобразованиях с использованием лексических функций. В сб.: В. И. Подлесская (ред.) *Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика*. Ч. 2. М.: Наука, 73–76.

О синтаксическом статусе связки в современном японском языке. В сб.: *Третья всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы докладов*. М.: Наука, 198–199.

1985

(ред.) *Языки Азии и Африки. Фонетика. Лексикология. Грамматика*. М.: Наука.

О семантической структуре канго. В сб.: Н. В. Омелянович (ред.) *Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов*. М.: Наука, 156–162.

О совмещении анафорической и дейктической функции шифтеров. В сб.: *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Кутаиси-85»*. Тезисы докладов и сообщений. М.: ВИНТИ, 345–347.

1986

Синтаксический аспект японской субстантивации. В сб.: И. Ф. Вардуль (ред.) *Актуальные проблемы японского языкознания*. М.: Наука, 58–68.

Некоторые явления социального дейксиса в японском языке. В сб.: *Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы докладов*. М.: Наука, 141–144.

1987

Опыт семантического анализа знака препинания (на примере двоеточия в русском языке). *Научно-техническая информация. Серия 2*, №12, 25–28.

Лексические способы выражения семантического отношения «тождество» в современном японском языке. В сб.: И. В. Головин, В. С. Гривнин (ред.) *Язык и культура: новое в японской филологии*. М.: МГУ, 83–93.

- Анафора и кореферентность: лексикографический аспект проблемы. В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР*. М.: Наука, 112–114.
- О пропозициональных актантах имени (об одном классе конструкций с пропозициональными актантами в современном японском языке). В сб.: *Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте (тезисы докладов рабочего совещания)*. М.: Наука, 94–95.

1988

- (ред.) *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. Ч. 1, 2. М.: Наука.
- Об отражении в словаре некоторых синтаксических свойств лексемы. В сб.: Ю. Н. Караулов (ред.) *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. М.: Наука, 74–78.
- A way of expressing 'identity' concept in modern Japanese. In: M. S. Andronov, B. Mallik, S. Banerjee (eds.) *Linguistics: A Soviet approach*. Calcutta: Indian Journal of Linguistics, 357–363.
- Связка как средство выражения предикации в современном японском языке. *Филологические науки*, №3, 80–84.
- Еще раз о лексических функциях-параметрах. В сб.: В. И. Подлесская (ред.) *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. Ч. 2. М.: Наука, 18–27.
- О классификации основных средств обозначения тождества объектов в естественном языке. В сб.: *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов и сообщений*. М.: ВИНТИ, 368–371.
- Об основных способах оформления пропозиции, подчиненной предикату ментального состояния в современном японском языке. В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР*. М.: Наука, 102–104.

1989

- (с Л. И. Куликовым; ред.) *Проблемы семантической и синтаксической типологии*. М.: Наука.
- О синтаксической полипредикации. В сб.: В. А. Успенский (ред.) *Вопросы кибернетики, 159 (Семиотические исследования)*. М.: Научный Совет «Кибернетика», 30–38.

- Опыт классификации полипредикативных конструкций (на материале японского языка). В сб.: В. И. Подлесская, Л. И. Куликов (ред.) *Проблемы семантической и синтаксической типологии*. М.: Наука, 112–135.
- К уточнению понятия «анафора». В сб.: А. Б. Пеньковский (ред.) *Русские местоимения: семантика и грамматика*. Владимир: ВГПИ, 13–18.
- О некоторых типах ошибок в речи спортивных комментаторов. В сб.: *Новейшие направления лингвистики (Тезисы Всесоюзной школы-конференции)*. М.: Наука, 138–142.

1990

- Вопросы лексической и синтаксической семантики: анафора в современном японском языке*. М.: Наука.
- Об универсальных критериях выделения союзов как части речи. (Существуют ли в японском языке союзы?). В сб.: В. М. Алпатов (ред.) *Части речи: теория и типология*. М.: Наука, 11–18.
- «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка. *Вопросы языкознания*, №4, 93–106.
- К определению и исчислению полипредикативных конструкций. В сб.: *Теоретические проблемы языков Азии и Африки. Четвертый международный симпозиум ученых социалистических стран. Тезисы докладов советской делегации*. М.: Наука, 89–91.

1991

- On the typology of predicate coordination. In: *Deutsche Gesellschaft für Sprachwissenschaft. 13. Jahrestagung*. Aachen: Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule, 94.
- Reference and anaphora from the point of view of a lexicographer. In: G. Retz (ed.) *Abstracts of the papers to be presented at the L.A.U.D.-Symposium "Multidisciplinary Research on Reference", March 18–22, 1991*. Duisburg: L.A.U.D., 58.
- Some approaches to language typology from Japanese. In: *Pan-Asiatic Linguistics. Proceedings of the Third International Symposium on Language and Linguistics*. Bangkok: Chulalongkorn University Printing House, 764–775.

1992

- Towards the typology of multipredicate constructions. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 45, Heft 4, 356–363.

К типологии предикативного сочинения. *Вопросы языкознания*, №4, 90–102.
Complex sentences in Altaic languages: some general typological features. In: *Altaic religious beliefs and practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Budapest June 24–29, 1990*. Budapest: Research Group for Altaic Studies, Hungarian Academy of Sciences, 283–285.

1993

Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии полипредикативности. М.: ИВ РАН.

Causatives and causality: towards a semantic typology of causal relations. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.) *Causatives and transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 165–176.

Pragmatics of causation: some typological observations. In: *4th International pragmatics conference, Kobe, Japan, July 25–30, 1993. Abstracts*. 125.

Еще раз о инфинитивной форме японского глагола на *-te/-de*. В сб.: *Тезисы Первой конференции по теоретической лингвистике (май 1993 г.)*. М.: РГГУ, 112–114.

1994

Непрямые употребления глаголов речи и их грамматикализация. В сб.: Н. Д. Арутюнова, Н. Г. Рябцева (ред.) *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. М.: Наука, 42–45.

On the pragmatic analysis of conditionals and other implicative adverbials. In: *6th International conference on functional grammar. Abstracts for papers*. York: University College of Ripon and York St. John, 48.

1995

(with V. M. Alpatov) Converbs in Japanese. In: M. Haspelmath, E. König (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective: Structure and meaning of adverbial verb forms — Adverbial participles, Gerunds*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 465–485.

Coreference and anaphora from a lexicographer's point of view. In: R. A. Geiger (ed.) *Reference in multidisciplinary perspective*. Hildesheim: Georg Olms AG, 355–362.

Импликативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации. *Вопросы языкознания*, №6, 77–84.

1996

Typology of clause-linkage: item-order and grammatical marking in conditional constructions. In: *International conference on typology: prototypes, item orderings and universals (LP 96)*. Prague: Charles University, 66.

1997

Typology of clause linkage: Grammatical marking in conditional constructions. In: B. Palek (ed.) *Typology: prototypes, item orderings and universals*. Prague: Charles University Press (Karolinum), 421–432.

Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts. *Russian Linguistics*, vol. 21, 125–155.

Lexical and grammatical clause combining devices in Japanese. В сб.: *IV Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки*. М.: Институт Стран Азии и Африки при МГУ. Ч. 2, 130–134.

Coordination and subordination in clause combining: some approaches to theory from Japanese. In: *Oriental studies in the XXth century. Achievements and prospects. Abstracts of the papers of the CIS scholars for 35th ICANAS*. Vol. 2. Budapest, 298–302.

Clause combining by means of resumption: subordination or coordination? In: *XVIIth International Congress of Linguists*. Paris, 237.

(with E. V. Rakhilina) External possession, reflexivization and body parts in Russian. In: *Conference on external possession and noun incorporation*. Eugene, Oregon, 32–33.

1998

(с В. М. Алпатовым) Условные конструкции в японском языке. В сб.: В. С. Храковский (ред.) *Типология условных конструкций*. СПб.: Наука, 536–548.

Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация. В сб.: Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.) *Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. М.: Языки русской культуры, 255–273.

О когнитивном подходе к грамматикализации полипредикативных конструкций: типология конструкций с вспомогательным глаголом ДАТЬ. В сб.: *Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5–8 октября 1998 г.* М.: ИВ РАН, 71–74.

1999

(with E. V. Rakhilina) External possession, reflexivization and body parts in Russian. In: D. Payne, E. Barshi (eds.) *External possession and related noun incorporation constructions [Typological studies in languages]*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 505–521.

2000

(ред.) *Вторая Зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии.* М.: РГГУ.

(с Е. В. Рахилиной) Лицом к лицу — семантика конструкций с творительным ориентирования. В сб.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (отв. ред.) *Логический анализ языка. Языки пространств.* М.: Языки русской культуры, 98–107.

ИНАЧЕ, А ТО, А НЕ ТО — резумптивные союзы как способ выражения отрицательного условия. В сб.: *Сложное предложение: традиционные вопросы теории описания и новые аспекты его изучения.* Вып. 1. М.: МАПРЯЛ, Русский учебный центр, 45–51.

Concessive conditionals in Russian: a typological approach. В сб.: В. И. Подлесская (ред.) *Вторая Зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии.* М.: РГГУ, 59–64.

(с А. А. Кибриком) Рассказы о сновидениях детей и подростков с невротическими расстройствами как объект дискурсивного анализа. В сб.: *Актуальные вопросы сомнологии. Тезисы докладов 2-й Всероссийской конференции.* М., 77.

2001

Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории. В сб.: В. А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. 1. Глагольные категории.* М.: Русские словари, 198–208.

(with T. M. Kal'kova) The order of syntactic constituents vs. the order of discourse units: the case of Russian adversative constructions. In: B. Palek, O. Tsujimura (eds.) *Item order: its variety and linguistic and phonetic consequences.* Prague: Karolinum Press, 377–397.

Conditional constructions. In: M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.) *Language typology and language universals. An International Handbook.* Berlin–New York: Walter de Gruyter, 998–1010.

Глагольная категория переключения референции и ее типологические аналоги. В сб.: *Международная конференция «Категории глагола и структура предложения», посвященная 95-летию проф. Холодовича и 40-летию Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН.* СПб.: РАН, 74–77.

(with A. A. Kibrik, T. M. Kal'kova, A. O. Litvinenko) Resolving the inner conflict: the structure of neurotic discourse. In: *11th Annual Meeting of the Society for Text and Discourse, July 12–14, 2001, University of California, Santa Barbara, USA.*

(with A. A. Kibrik) Night Dream Stories: the cognitive structure of neurotic discourse. In: *7th International Cognitive Linguistics Conference. July 22–27, 2001, University of California, Santa Barbara, USA.*

2002

(ред.) *Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров.* М.: РГГУ.

(with A. A. Kibrik, T. M. Kal'kova, A. O. Litvinenko) Cognitive structure of narrative discourse: analysis of children's night dream stories. В сб.: А. С. Нариньяни (ред.) *Труды международного семинара «Диалог–2002 — Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии».* М.: Наука, 635–647.

Условно-предположительные конструкции в японском языке: грамматика и дискурс. В сб.: *Языкознание в теории и эксперименте.* М.: ИСАА при МГУ, 415–426.

(с А. А. Кибриком) Рассказы о сновидениях — опыт корпусного исследования структуры нарратива. В сб.: В. И. Подлесская (ред.) *Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров.* М.: РГГУ, 165–166.

Semantics and pragmatics of the BA form in Japanese: a case study of the conditional form in discourse. In: *The Japanese Phenomenon: a view from Europe*. Moscow: Russian Association of Japanologists, Japan Foundation, 126–131.

(with A. A. Kibrik, T. M. Kal'kova, A. O. Litvinenko) A cognitive analysis of children's night dream stories. В сб.: *Когнитивные сценарии коммуникации: на перекрестке языков и культур. Доклады международной конференции*. Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского, 156–157.

2003

(с А. А. Кибриком) К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования. *Научно-техническая информация; Серия 2: Информационные процессы и системы*, №10, 5–12.

(с А. А. Кибриком) К методике корпусных исследований устной речи: опыт создания дискурсивной транскрипции. В сб.: *Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике» (сборник докладов)*. *Обработка текста и когнитивные технологии*, №8, 394–402.

Пермиссив и гортатив: данные русского дискурса в типологическом контексте. В сб.: *Материалы международной научной конференции «Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие»*. СПб., 125–128.

2004

Глагольные категории во взаимодействии: русские пермиссивные конструкции со вспомогательным глаголом ДАТЬ. В сб.: *Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского*. М.: Знак, 412–428.

Об одной условно-уступительной конструкции в русском языке. В сб.: В. С. Храковский (ред.) *Типология уступительных конструкций*. СПб.: Наука, 245–255.

(с А. А. Кибриком) Проблема транскрипции устного русского дискурса. В сб.: *II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»*. *Труды и материалы*. М.: МГУ, 395–396.

(с А. А. Кибриком) Речевые сбои и способы их отражения в дискурсивной транскрипции. В сб.: *VI Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике»*. *Труды*. Москва–Варна, 194–203.

(с А. А. Кибриком, Ю. В. Дараган, З. В. Ефимовой, Н. А. Коротаевым, А. О. Литвиненко, В. Л. Цукановой) Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего. В сб.: *Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов*. Казань: КГУ, 107–109.

2005

(ред.) *Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров*. М.: РГГУ.

Русские глаголы *дать/давать*: от прямых употреблений к грамматикализованным. *Вопросы языкознания*, №2, 89–103.

'Give'-verbs as permissive auxiliaries in Russian. *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)*, vol. 58(1), 124–138.

Auxiliation of 'give' verbs in Russian: Discourse evidence for grammaticalization. In: T. Tsunoda, T. Kageyama (eds.) *Voice and grammatical relations*. [*Typological studies in languages*, vol. 65]. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 297–327.

(с А. А. Кибриком) Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования. В сб.: И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2005*. М.: Наука, 412–419.

(with V. M. Alpatov) Conditionals in Japanese. In: V. S. Xrakovskij (ed.) *Typology of conditional constructions*. Lincom Europa, 629–655.

(с А. А. Кибриком, Н. А. Коротаевым, А. О. Литвиненко, В. Г. Хуршудян, В. Л. Цукановой) Корпус устных детских рассказов о сновидениях и функциональные особенности звукового рассказа. В сб.: *Труды международной конференции «Функциональные стили звучащей речи»*. М.: МГУ, 60–62.

(с А. А. Кибриком) Самоисправления говорящего в устной монологической речи по данным корпусного исследования. В сб.: *Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров*. Ереван–Москва, 274–278.

Барбара Парти — задача наведения мостов. *Российский вестник Программы Фулбрайта*, №6, 31–32.

2006

- (с А. А. Кибриком) Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего. В сб.: В. Д. Соловьев (ред.). *Когнитивные исследования*. Вып. 1. М.: Институт психологии РАН, 138–158.
- (с В. Г. Хуршудян) О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского. В сб.: Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006»*. М.: Наука, 429–439.
- (с А. А. Кибриком) Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования. *Русский язык в научном освещении*, №12(2), 7–55.
- (с В. Г. Хуршудян). Армянское *ban* как дискурсивный маркер речевого сбоя. *Армянский гуманитарный вестник*, №1. Ереван: Наири, 21–42.
- (with A. A. Kibrik) Discourse as a kind of cognitive activity: The principles of segmentation. In: *The Second Biennial Conference on Cognitive Science. June 9–13, 2006, St. Petersburg, Russia. Abstracts*, vol. 2, 501–503.
- Disfluency, cataphora or serialization: Pro-verbs as discourse markers of hesitation. In: *International Symposium on the Grammar and Pragmatics of Complex Sentences: Subordination and Coordination in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA III), Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Region, Russia, June 27–30, 2006*.
- Я занимаюсь этой... как ее... типологией: к типологии местоименных маркеров хезитации. В сб.: *Международная конференция «Проблемы типологии и общей лингвистики»*. Тезисы докладов. СПб.: Наука, 125–130.
- Speech disfluencies as a window on syntax: demonstratives as hesitation markers. In: *Syntax of the world languages (SWL2). September 14–17, 2006, Lancaster University, UK*, 42.
- О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подготовки. В сб.: *Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. СПб.: ИЛИ РАН, 189–210.
- (с А. А. Кибриком) Транскрипция устного дискурса: актуальная проблема полевой лингвистики. В сб.: *Второй международный симпозиум по полевой лингвистике. Материалы*. М.: Институт языкознания РАН, 65–69.

2007

- (с А. А. Кибриком; ред., сост., автор предисловия) *Корпуса устной речи: дискурсивная транскрипция* (специальный выпуск журнала «Научно-техническая информация». Серия 2: Информационные процессы и системы, №2).
- (с А. А. Кибриком) Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. *Научно-техническая информация; Серия 2: Информационные процессы и системы*, №2, 2–23.
- Многозначность конструкции «что плюс за плюс именная группа» в свете данных Национального корпуса русского языка. В сб.: Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.) *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007»*. М.: РГГУ, 460–469.
- (с А. А. Кибриком, Н. А. Коротаевым) Полипредикативность и интеграция в устном нарративном дискурсе. *Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи (AP^R-2007)»*. СПб.: ГУАП, 14–20.
- Состояние и перспективы исследований по лингвистике. В сб.: *Современное состояние и перспективы российской японистики*. М.: Российская ассоциация японоведов, изд-во «Наталис», 40–44.
- Parameters for typological variation of placeholders. *10th International Pragmatics conference. Göteborg, Sweden, 8–13 July 2007. Abstracts*. International Pragmatics Association, 26.

2008

- (с В. М. Алпатовым, П. М. Аркадьевым) *Теоретическая грамматика японского языка*. В 2-х томах. М.: Наталис.
- (с Н. А. Коротаевым) Фразовая акцентуация в сложных предложениях с постпозитивным придаточным в русском языке: опыт использования устного корпуса с просодической разметкой. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.)*. Вып. 7(14). М.: РГГУ, 234–240.
- Фразовая акцентуация в относительных предложениях: анализ корпусных данных. В сб.: А. В. Архипов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик и др. (ред.)

Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 427–445.

(with A. A. Kibrik) Is sentence viable? В сб.: *Третья международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов.* В 2-х томах. М.: Художественно-издательский центр, т. 1, 84–85.

2009

(с А. А. Кибриком; ред.) *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса.* М.: Языки славянских культур.

(с А. А. Кибриком) Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.).* Вып. 8(15). М.: РГГУ, 390–395.

«Если бы да кабы...» или «не умеешь — научим» (О слове ЕСЛИ и других способах выражения условия на письме и в устной речи. В сб.: Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева (ред.-сост.) *Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008.* М.: МЦНМО, 258–263.

2010

(с А. А. Кибриком) Вставочные конструкции в устном дискурсе. В сб.: В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский (ред.) *В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова.* М.: Языки славянских культур, 87–99.

From clause-combining to discourse structuring: the case of adversative constructions in Russian (with some reference to Japanese). In: H. Kishimoto (ed.) *Kotoba no Tayshoo [Speech in Contrast].* Kuroshio Publishers, 155–174.

(с А. Д. Комаровой) Самоисправления говорящего в японском устном нарративе: анализ корпусных данных. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог».* Вып. 9(16). М.: Изд-во РГГУ, 382–388.

О сочинении предикаций в устной речи: «конфликтное» НО и «бесконфликтное» А. В сб.: Л. Л. Федорова (ред.) *Конфликт в языке и коммуникации.* М.: Изд-во РГГУ, 173–198.

Parameters for typological variation of placeholders. In: N. Amiridze, V. H. Davis, M. MacLagan (eds.) *Fillers, pauses and placeholders. [Typological Studies in Language (TSL), vol. 93].* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 11–32.

(с Ю. А. Малород) Японские относительные предложения на письме, в устной речи и в чатах: сравнительное корпусное исследование. В сб.: М. Б. Рукодельникова, И. А. Газиева (отв. ред.) *Восточные языки и культуры: Материалы III Международной научной конференции, 25–26 ноября 2010 г.* М.: РГГУ, 83–86.

Речевые сбои как объект типологического исследования. В сб.: *Теоретическая и прикладная лингвистика: Пути развития. К 100-летию со дня рождения В. А. Звегинцева. Материалы конференции (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–30 октября 2010).* М.: Изд-во Моск. ун-та, 95.

Функции дискурсивных маркеров в контексте речевых сбоев. В сб.: *Четвёртая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Томск, 22–26 июня 2010 г.* Томск: Томский государственный университет, т. 2, 480–481.

Prosody against syntax in a right-branching language: a corpus-based study of relativization in spontaneous spoken Russian. In: *Syntax of the world's languages. Lyon 23–26 September 2010. Book of abstracts,* 69–70.

2011

Relative clauses in spoken Russian and elsewhere: a corpus approach. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог».* Вып. 10(17). М.: Изд-во РГГУ, 529–537.

К типологии структурных единиц в спонтанной устной речи. В сб.: *Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов.* СПб.: Нестор-История, 146–150.

2012

Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке. *Вопросы языкознания*, №1, 42–65.

- НАСТОЯЩЕЕ: момент речи сквозь призму трудностей речепорождения. В сб.: Е. И. Пивовар (общ. ред.), В. И. Заботкина (отв. ред.) *PRAESENS. Сборник научных трудов*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 242–251.
- Concessive constructions in Russian: a case study of “a non-finite conditional plus focus particle” construction. In: V. S. Xrakovskij (ed.) *Typology of concessive constructions*. [LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 50]. München: Lincom Europa, 497–506.
- Russian complement clauses in prosodically annotated spoken corpora. В сб.: *Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. В 2 т. Калининград, 18–24 июня 2012 г.* Калининград: МАКИ, т. 2, 783–785.
- Расподобление синтаксических и просодических составляющих в живой речи. В сб.: *Александр Евгеньевич Кибрик. In memoriam. Материалы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. 9 декабря 2012 г.* М.: Буки Веди, 110–111.
- Скажи то, не знаю что! (Что мы говорим, когда не знаем, что сказать, или сказали не то, что хотели сказать?) В сб.: *Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы — 2009–2011*. http://www.lingling.ru/sschool/book_2009_2011/Podlesskaya_2009.pdf

2013

- Бабушкины шарады*. М.: Перо.
- (с А. В. Стародубцевой) О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи. *Вопросы языкознания*, №3, 25–41.
- Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 12(19). М.: Изд-во РГГУ, 561–573.
- Синтаксис и просодия самоисправлений говорящего по данным корпуса с дискурсивной разметкой В сб.: *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2013»*. СПб.: СПбГУ, 396–404.
- Стратегия автокоррекции при речевом сбое в неподготовленном монологическом дискурсе. В сб.: Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман (ред.) *Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции*. М.: Буки Веди, 239–243.

2014

- Структура самоисправлений говорящего по данным корпуса устных рассказов. В сб.: М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.) *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алетейя, 96–104.
- «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 13(20). М.: Изд-во РГГУ, 526–540.
- Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях. В сб.: С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская (ред.) *Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2]*. СПб.: Наука, 537–567.
- О просодических симптомах интеграции в конструкциях с сентенциальными актантами. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 3*. СПб.: Наука, 554–566.
- Self-repairs in the prosodically annotated corpus of spoken Russian. In: *The second St.Petersburg Winter Workshop on Experimental Studies of Speech and Language, Feb 28–March 1, 2014 (Night Whites 2014)*. 23.
- Syntax of self-repairs in Russian and elsewhere. In: *Syntax of world languages. SWL-6. 6th International conference. 8–10 September, 2014. Pavia, Italy. Book of abstracts*. 163–164.

- Нечеткая номинация и повторная номинация как стратегии преодоления речевых затруднений в неподготовленной устной речи. В сб.: *Шестая международная конференция по когнитивной науке. 23–27 июня 2014 г. Тезисы докладов*. Калининград, 739–741.

2015

- A corpus-based study of self-repairs in Russian spoken monologues. *Russian Linguistics*, vol. 39(1), 63–79.
- «И не друг и не враг, а так»: Дистрибуция и просодия маркеров нерелевантности по данным мультимедийного корпуса МУРКО. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 14(21). М.: Изд-во РГГУ, 501–512.

- (с В. З. Демьянковым) Член-корреспондент РАН Владимир Михайлович Алпатов (К 70-летию со дня рождения). *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 74, №3, 78–79.
- Барбара Парти — задача наведения мостов. В сб.: П. М. Аркадьев, И. С. Капитонов, Ю. А. Ландер, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.) *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. М.: Языки славянской культуры, 3–6.
- Spoken varieties of “well-described” languages as a source for typological comparison. In: *XXXIII AESLA international conference: “Multimodal communication in the 21st century: professional and academic challenges”*. Madrid (Spain) 16–18 April 2015. *Book of abstracts*. 146–147.

2016

- «Но по расчету по моему должна родить»: конструкции с союзом *но* по данным корпусов с просодической разметкой. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 15(22). М.: Изд-во РГГУ, 500–514.
- (с Ю. Д. Потаниной, О. В. Федоровой) Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: данные русского мультимодального корпуса. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 15(22). М.: Изд-во РГГУ, 515–525.
- (с Н. А. Соломкиной) Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления. *Opuscula Iaponica et Slavica*, vol. 3, 24–36.

2017

- (с М. А. Егоровой) От полнозначного имени к частице: аппроксиматор *тина* в зеркале корпуса с просодической разметкой. В сб.: Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман (ред.) *Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции*. М.: Буки Веди, 283–288.
- «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 16(23). М.: Изд-во РГГУ, т. 2, 355–371.

- Стратегии передачи чужой речи в устном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования. В сб.: В. П. Захаров (ред.) *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика 2017»*. СПб.: СПбГУ, 287–294.
- Нарды, буриме и другие игры на полях экспедиции. В сб.: В. А. Плунгян, О. В. Федорова (ред.-сост.) *Жизнь как экспедиция. Сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики под руководством А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова*. М.: Буки Веди, т. 1, 302.
- (with M. Egorova) How grammar and prosody contribute to shaping constructions: the case of Russian *tip* ‘type’. In: *15th Slavic Cognitive Linguistics Conference (12–14 October 2017) Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg. Book of abstracts*. 51–52.

2018

- «Чужая» речь в свете корпусных данных. *Вопросы языкознания*, №4, 47–73.
- «А у нас в квартире газ! А у вас?»: конструкции с союзом *А* по данным просодически размеченного корпуса. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 17(23). М.: Изд-во РГГУ, 601–618.
- (с А. А. Кибриком, О. В. Федоровой) Мультимедийные корпуса: вчера, сегодня, завтра В сб.: *Гуманитарные чтения РГГУ – 2017: Пути преобразования общества и их осмысление в гуманитарных науках: войны — революции — реформы*. М.: РГГУ, 499–511.
- (с В. А. Озолиной) Морфосинтаксис полипредикации в устной речи в сравнении с письменной по данным корпуса японских личных рассказов. В сб.: *8-я конференция «Типология морфосинтаксических параметров» (22–24 октября 2018 г., Москва)*. https://drive.google.com/file/d/134tyO93D-YPbRuM8ab__MbI65nUlOFB/view

2019

- Транскрибирование устной речи. В кн.: А. Е. Кибрик и др; О. В. Федорова, С. Г. Татевосов (ред.) *Введение в науку о языке*. М.: Буки Веди, 430–439.
- (с Н. А. Коротаевым, С. И. Мазуриной) Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллекту-*

альные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 18(24). М.: РГГУ, 493–507.

Просодия и грамматика предикативного сочинения: конструкции с союзом И по данным просодически размеченного корпуса. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 18(24). М.: РГГУ, 508–522.

(с В. А. Озолиной). Полипредикация в японском устном нарративном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования синтаксической сложности. *Урало-алтайские исследования*, №2(33), 83–100.

Information structure and prosody in Russian reported speech. In: *52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 21st – 24th August 2019. Leipzig University, Germany. Book of abstracts*, 530–531.

(with P. Arkadiev, V. Kimmelman, N. Korotaev) Managing information structure in spoken and sign languages: Formal properties and natural discourse organization. In: *52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 21st – 24th August 2019. Leipzig University, Germany. Book of abstracts*, 513–516.

2020

(with N. Korotaev, K. Smirnova, O. Fedorova) Disfluencies in Russian spoken monologues: A distributional analysis. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 19(26). М.: РГГУ, 439–451.

«А тот Перовской не дал власть поспать»: просодия и грамматика анафорического *тот* в зеркале корпусных данных. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 19(26). М.: РГГУ, 613–628.

(with A. Kibrik, N. Korotaev) Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. John Benjamins, 36–76.

(with A. Kibrik, N. Korotaev) The Moscow approach to local discourse structure: An application to English. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. John Benjamins, 368–382.

Шарада: эскиз лексикографического портрета. В сб.: А. А. Кибрик, К. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева (ред.) *ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна*. М.: Буки Веди, 227–234.

(с К. А. Проваторовой) Чувствительны ли грамматические средства маркирования коммуникативной структуры к каналу передачи информации? В сб.: С. О. Савчук (отв. ред.) *«Слово и жест»*. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения») Москва, 8 февраля 2020 г. *Материалы конференции*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 22–27.

(с К. В. Смирновой, Н. А. Коротаевым, О. В. Федоровой). Речевые сбои и жестикация: отбор стимульного материала для психолингвистического и нейрофизиологического исследований. В сб.: С. О. Савчук (отв. ред.) *«Слово и жест»*. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения») Москва, 8 февраля 2020 г. *Материалы конференции*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 35–38.

2021

(с Ю. М. Пожиловым) Семантика, грамматика и просодия вводно-союзных конструкций по данным мультимедийного подкорпуса НКРЯ. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог»*. Вып. 20(27). М.: РГГУ, 546–559.

(с Е. С. Ермишиной) Цитационные конструкции в живой японской речи: грамматика и прагматика. *Урало-алтайские исследования*, №3(42), 43–59. Аппроксиматор *что называется*: этапы прагматизации в зеркале НКРЯ. В сб.: *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2021»*. СПб.: Скифия-принт, 338–347.

(с М. С. Клокотовой) Влияние когнитивной доступности объекта на способ его репрезентации в речи. *Экспериментальная психология*, т. 14, №4, 90–107.

Коммуникативно-просодический и грамматический статус авторской ремарки в составе цитационных конструкций. В сб.: С. О. Савчук (отв. ред.) *«Слово и жест»*. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2021 г. *Материалы конференции*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 23–27.

2022

От полипредикации к дискурсу: японский, русский, далее — везде. М.: РГГУ.

«Потому что больше никто не читает прозу»: грамматика и просодия автономных причинных придаточных по корпусным данным. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог»*. Вып. 21(28), 465–469.

Речь без глаголов речи: грамматика и просодия. In: L. Iomdin, J. Milićević, A. Polguère (eds.) *Lifetime linguistic inspirations. To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. [Wiener Slawistischer Almanach. Sonderbände 101]. Peter Lang, 347–360.

(с Н. А. Коротаяевым) «Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским» — об одном маркере речевого затруднения в русском языке. *Русская речь*, №5, 64–78.

2023

Одна поучительная история о языковом многообразии. В сб.: Т. И. Давидюк, И. И. Исаев, Ю. В. Мазурова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.-сост.) *Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика*. М.: Буки Веди, 58–64.

(с Н. А. Коротаяевым, А. О. Литвиненко) «Вам и не снилось!»: прошлое, настоящее и будущее «рассказов о сновидениях». В сб.: Т. И. Давидюк, И. И. Исаев, Ю. В. Мазурова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.-сост.) *Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика*. М.: Буки Веди, 432–437.

Просодический портрет коннектора ПРИЧЕМ в зеркале мультимедийного корпуса. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог»*. Вып. 22(29), 442–451.

Прямая речь в неподготовленных устных рассказах. В сб.: С. О. Савчук (отв. ред.) *«Слово и жест»*. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2023 г. *Материалы конференции*. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 47–54.

Состав науки

Сборник статей к юбилею Веры Исааковны Подлесской

Оригинал-макет — В. Ю. Гусев

Оформление переплета — Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 11.01.2024. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.

Гарнитура Times. Печ. л. 37,75. Тираж 200 экз. Заказ № 5576.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117452, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Зюзино,
пр-кт Балаклавский, д. 28Б, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

